А. В. ИСАЧЕНКО

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

МОРФОЛОГИЯ

II

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

78664

SAV
VYDAVATEĽSTVO

A. V. ISAČENKO

GRAMATICKÁ STAVBA RUŠTINY V POROVNANÍ SO SLOVENČINOU

MORFOLÓGIA

ČASŤ DRUHÁ

VYDAVATEĽSTVO
SLOVENSKEJ AKADÉMIE VIED
BRATISLAVA 1960

А. В. ИСАЧЕНКО

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С СЛОВАЦКИМ

МОРФОЛОГИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
БРАТИСЛАВА 1960

4
И-85

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА [illegible] НОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

78664

VEDECKÝ REDAKTOR

DR. ŠTEFAN PECIAR

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ

Второй том «Грамматического строя русского языка в сопоставлении с словацким» выходит с некоторым опозданием. Задержка была вызвана, прежде всего, необходимостью закончить второй том «Словацко-русского переводного словаря» (Братислава 1957), а также работой над русской грамматикой на немецком языке, вышедшей в 1960 году.[1] Задержка эта имела, однако, и свои преимущества: автор мог учесть в предлагаемой книге ценнейшие материалы, представленные на IV Международный съезд славистов в Москве в сентябре 1958 года.

Настоящий том всецело посвящён вопросам русского глагола в сопоставлении с словацким и чешским. Издание отдельного тома, ограничивающегося разработкой одной только части речи, оправдывается объёмом и важностью глагольной проблематики в наших языках. Как и в предыдущем томе, автор не хотел ограничиваться изложением традиционного минимума; проблематика славянского глагола трактуется в широком теоретическом плане, с учётом целого ряда сложных и спорных вопросов.

Глава, посвящённая «Глаголу», является переработкой соответствующей главы упомянутой выше книги на немецком языке. Совершенно очевидно, что вопросы славянского глагола могут и должны быть изложены по-разному применительно к немецкому или к славянскому читателю.

Автор приносит свою искреннюю благодарность своим оло-

[1] A.V. Isačenko: Die russische Sprache der Gegenwart. Teil I. Formenlehre. VEB Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale), 1960.

моуцким ученикам, Е. П. Кржижковой, кандидату филологических наук, и Р. Зимеку, с которыми он в течение нескольких лет имел возможность обсуждать многие сложные вопросы славянского глагола и которым он обязан за целый ряд ценных указаний. Автор глубоко признателен профессору Л. В. Копецкому (Прага), доценту Л. Дюровичу и д-ру С. Пециару (Братислава) за прочтение рукописи и за многочисленные критические примечания.

Оломоуц, в январе 1960 года.

Автор.

ГЛАВА VI

ГЛАГОЛ

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

ГЛАГОЛ КАК ЧАСТЬ РЕЧИ

Глагол — это та часть речи, в которой обобщённое значение «процессуальности» выражается определёнными морфологическими категориями. Для русского языка типично глагольными категориями являются глагольный вид и залог.

Понятие «процессуальности» связано с движением во времени. Подавляющее большинство глаголов выражает действия (например, *писа́ть*, *бежа́ть*, *говори́ть*), процессы (например, *повыша́ться*, *толсте́ть*) или состояния (например, *сиде́ть*, *серди́ться*, *грусти́ть*). Семантика таких глаголов теснейшим образом связана с представлением о движении во времени. В языке имеются, однако, слова, не связанные с представлением о движении во времени и всё же представленные именно глаголами, ср. *име́ть*, *знать*, *состоя́ть*, *сто́ить* (например: *биле́т сто́ит де́сять рубле́й*). Эти глагольные слова обозначают отношения, а не процессы или состояния. Но общий признак «процессуальности» стал настолько типичным для глагола, как части речи, что всякое явление, выраженное глаголом, представляется в виде процесса, «стилизуется» как процесс.

Глагол, как лексико-грамматический класс слов, является одним из важнейших структурных элементов организованного грамматически высказывания, а тем и языка в его коммуникативной функции. Даже такие исследователи, как А. Мейе (A. Meillet) или Э. Сэпир (E. Sapir), вообще говоря, отказывавшиеся признавать универсальность традиционных грамматических, в том числе и морфологических категорий, их применимость ко всем языкам, считали противопоставление

глагола имени необходимым минимумом всякой грамматической структуры. По этому поводу Э. Сэпир писал: «Всегда что-либо является предметом высказывания и что-либо должно быть высказано об этом предмете высказывания ... Все языки так или иначе различают глагол, хотя в отдельных случаях характер этого различия может быть неуловим (elusive)».[1] В славянских языках класс глагола отчётливо противопоставлен имени: глагол «спрягается», имена (существительные, прилагательные, числительные, местоимения) — «склоняются». В пределах имени, главным образом в пределах имени существительного, наблюдаются другие типы и приёмы фонетических и акцентологических чередований, чем в пределах глагольной парадигмы. Существенные отличия имеются также в системе глагольного и именного словообразования. Структурная разница между глаголом и именем была блестяще изложена акад. В. В. Виноградовым в его труде «Русский язык».[2]

Конечно, глубокая разница между глаголом и именем, в частности именем существительным, не сводима к чисто формальному противопоставлению. Ведь глагол, как лексико-грамматический класс слов, обозначает в самой обобщённой и отвлечённой форме определённый круг явлений объективного мира — процессы, протекающие во времени, т. е. движение. Имя, и, прежде всего, конечно, имя существительное, в первую очередь обозначает — также в обобщённой и отвлечённой форме — другой, не менее определённый круг явлений объективной действительности — «предметность», т. е., с точки зрения материалистической гносеологии, в конечном счёте — субстанцию или материю. Мы знаем, что материя и движение являются двумя сторонами одного и того же явления, что одно без другого немыслимо. «Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи», писал Фридрих Энгельс. И далее: «Движение есть форма бытия материи».[3]

Таким образом взаимосоотнесённость имени и глагола вскрывается в философском плане. Но было бы глубоко ошибочно видеть в языковых категориях механический слепок, простую

---

[1] E. Sapir: Language, New York 1921, 125. — Ср. также A. Meillet: Linguistique historique et linguistique générale, Paris 1926, I/175.

[2] В. В. Виноградов: Русский язык, М.-Л. 1947, 51/56.

[3] Фридрих Энгельс: Анти-Дюринг, Госполитиздат 1950, 56/57.

копию внеязыковых явлений. Понятия «процесс» и «предмет» («явление») не являются непосредственным, пассивным отражением элементов объективной действительности: для нашего понимания они раскрываются через языковые категории, при помощи которых человек активно классифицирует действительность, ибо слово *бежáть* нами воспринимается как «процесс», а слово *бег* — как «предмет» или «явление» (в самом широком смысле) только потому, что первое в нашем языке — «глагол», а второе — «имя существительное».[1]

Вопрос о семантической сути частей речи весьма удачно трактуется проф. В. А. Звегинцевым: «В предложениях: *Я ходил к нему без конца* и *Моё хождение к нему было бесконечным* слова *ходил* и *хождение*, как представляется, обладают одинаковым смысловым содержанием, что заставляет предполагать и одинаковое логическое содержание, хотя в данном случае мы имеем дело с разными частями речи. Однако, в действительности, при одинаковом смысловом содержании здесь разные логические планы. Не вызывает никакого сомнения, что понятия процесса и явления («субстанции»), взятые сами по себе, безотносительно, — логические категории. Опираясь на них, мы каждое явление действительности, обозначаемое словом, можем представить под двумя логическими „точками зрения": или как процесс или как явление. Эти логически разные точки зрения и получат своё выражение в разных частях речи: „ходил" — это процесс, а „хождение" — это явление. Но данные логические понятия, фиксированные в языке в разных частях речи, не могут существовать как „чистые" понятия. Они обрастают определёнными грамматическими категориями, получают определённые морфологические формы — иными словами, они тесно переплетаются с языковыми функциями, что и превращает их самих уже в собственно языковые категории. Именно в форме таких языковых категорий (сложных по своей природе образований) они и доступны лингвистическому изучению». См. «Семасиология», 1957, 105/6.

Глаголу издавна приписывается центральное и главенствующее место в грамматике: ведь недаром само название «глагол», являющееся переводом греческого слова *ῥῆμα*, первоначально обозначало «слово» как таковое, ср. лат. *verbum* «слово», «глагол», чеш., слвц. *sloveso*. Весьма вероятно, что греческий термин, в свою очередь, восходит к древнеиндийской грамматической традиции: в грамматике Панини, основоположника индийской лингвистической школы, понятия «глагол» и «слово» названы общим термином *padám*.

Для лингвистов младограмматической школы характерна переоценка глагола. Исходя из изучения классических языков (латыни, греческого, санскрита), т. е. языков с чрезвычайно богатой системой глагольной

---

[1] Ср. E. Benveniste: La phrase nominale, Bulletin de la Société linguistique de Paris, 46 (1950) 1, 20.

флексии, лингвисты-компаративисты XIX века считали глагол не только важнейшей, но и древнейшей частью речи. Почти все имеющиеся в языке слова, по мнению многих языковедов, восходят к глагольным основам. Односторонней оценке глагола способствовало ещё и то обстоятельство, что наиболее изученные современные языки индоевропейской группы, т. е. языки романские и германские, отличаются богатством глагольных форм, так что многие исследователи, хорошо знавшие именно эти языки, опрометчиво обобщали свои наблюдения и приписывали глаголу какие-то особые свойства в системе частей речи. Такая точка зрения компаративистов XIX века отразилась и на философии языка. А. А. Потебня считал глагол наиболее конструктивной и наиболее активной категорией языка. По его убеждению, именно глагол позволил перейти языку от более примитивного именного строя к предложению глагольному. Одним из проявлений прогресса в языке А. А. Потебня считал его, так сказать, «оглаголивание». В настоящее время мы более трезво смотрим на роль глагола в языке; но магика «глагольности» держится и по сей день в ходячих мнениях о стилистическом превосходстве глагольных конструкций перед именными.[1]

Долгое время грамматическая теория современных языков, в том числе и славянских, находилась под влиянием традиционного грамматического учения классических языков. Отдельные учёные искали и находили в системе славянского, в том числе и русского глагола, категории, хорошо известные из греческой и латинской грамматики. Если в классических языках была широко представлена система грамматических времён (например, имперфект, перфект, плюсквамперфект и т. п.), то и в славянских языках отыскивались многочисленные оттенки выражения соответствующих грамматических времён; так М. В. Ломоносов выделял в своей «Российской грамматике» (1755 г.) следующие времена: время настоящее, прошедшее определённое *(я вертел)*, прошедшее однократное *(я вернул)*, давнопрошедшее первое *(я вертывал)*, давнопрошедшее второе *(я бывало вертел)*, давнопрошедшее третье *(я бывало вертывал)*, будущее неопределённое *(я буду вертеть)* и будущее однократное *(я верну)*. Нетрудно заметить, что Ломоносов подводил под категорию времени не только бесспорные временны́е формы, но и формы видовые, и даже формы разных глаголов. Многие исследователи считают и до сих пор возможным выделять в русском языке, наряду с действительным и страдательным залогами, ещё и залог «средний», перенося, таким образом, на современный русский язык категории греческого или древнеиндийского глагола. Славянские языки, однако, не поддаются такому втискиванию в прокрустово ложе классической грамматики. Грамматические категории

---

[1] Ср. А. М. Пешковский: Глагольность как выразительное средство, в его «Сборнике статей», Л. 1925, 140/152. — М. Гус — Ю. Загорянский — Н. Каганович: Язык газеты, М. 1926. — Г. Винокур: Культура языка, М. 1929², 49 и сл.

всякого языка вырабатываются в процессе особого пути его развития.[1] Нельзя мерить грамматические явления одного языка грамматическими нормами другого, пусть близко родственного. Именно славянские языки пошли своим путём: старая система грамматических времён, характерная ещё для старославянского или древнерусского, была значительно сокращена и заменена системой видов, столь типичной для современных славянских языков. Развилась новая система неспрягаемых глагольных форм, в частности деепричастий, в систему спряжения прошедшего времени проникли несвойственные глаголу чисто именные категории, например, категория грамматического рода (ср. *я бежа́л — я бежа́ла*). Система современного русского или словацкого глагола должна изучаться не с позиций латинской или греческой грамматики, а с позиций грамматического строя данных языков, чтобы не вносить в эту систему того, чего там нет и не упустить из виду явлений, специфических как раз для данной системы.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ И ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Глагольными формами мы называем формы словоизменения (»ohýbania«), составляющие в своей совокупности глагольную лексему. Наоборот, отглагольными образованиями мы называем самостоятельные лексемы, образованные от глагольных корней и характеризуемые, как правило, неглагольной парадигмой, или же полным отсутствием какой-либо флексии (наречия, предлоги, союзы). Граница между грамматическими формами одного глагола и разными отглагольными образованиями понималась и понимается разными исследователями по-разному. Большинство специалистов сходится в том, что к глагольным формам относятся, в первую очередь, все формы «спрягаемые» или «личные» (»verbum finitum«). Но возникает вопрос: что́ именно следует считать «спряжением»? Следует ли к спряжению относить лишь изменения по лицам (например: *я чита́ю, ты чита́ешь, он чита́ет* и т. д.), или же к спряжению относятся также формы изменения глагола по временам (например: *я чита́ю — я чита́л — я бу́ду чита́ть*)? Оказывается, что само понятие «спряжение», которым мы привычно пользуемся, является довольно туманным. А. М. Пешковский писал по этому поводу: «сами понятия 'склонение' и 'спряжение' никогда не были точно определены, а взяты прямо из традиции.

[1] Ср. J. Baudiš: Řeč. Úvod do obecného jazykozpytu. Spisy Filosofické fakulty University Komenského v Bratislavě VII, Bratislava 1926, 89.

Есть ли, например, 'спряжение' только изменение по лицам и числам, или и по временам, наклонениям и залогам?»[1] Акад. А. А. Шахматов понимал под термином «спряжение» только изменение глагола по лицам: «Признав категорию лица наиболее характерной при определении глагола, ибо она неотъемлема от собственно глагольных (неименных) образований, мы называем изменение глагола по лицам спряжением»[2]. Судя по этимологии чешского и словацкого термина »časovanie« (= «спряжение»), этим словом следует, очевидно, обозначать и изменение глагола по временам.

Если под термином «спрягаемая форма глагола» понимать только такие глагольные формы, которые изменяются по лицам (т. е. *я чита́ю, ты чита́ешь ...; чита́й, чита́йте; я чита́л, ты чита́л* ... и т. д.), то сам термин «спряжение» не может быть использован для охвата всей совокупности парадигматических форм глагола. А это как раз и нужно. Парадигматическими формами глагола в настоящее время признаются все формы, выражающие грамматическими (т. е. по существу морфологическими) средствами глагольные категории, т. е. не только изменения по лицам и числам, но и все временны́е формы, а также формы залогов и наклонений. К глагольной парадигме относится также и инфинитив. Но тут же возникают новые вопросы: следует ли считать слова *переписа́ть* и *перепи́сывать*, или *принести́* и *приноси́ть* видовыми формами одного слова, или же двумя самостоятельными глагольными лексемами? Является ли сочетание *Я ста́ну (не ста́ну) писа́ть* такой же парадигматической глагольной формой, как *я бу́ду писа́ть*, или же перед нами здесь сочетание фазисного или модального глагола *(я ста́ну, я не ста́ну)* с инфинитивом *(писа́ть)*?

Некоторые исследователи, в том числе и А. М. Пешковский, вообще отказывались от установления чётких границ глагольной парадигмы. Развивая мысль о «смешении частей речи», А. М. Пешковский склонен отнести к «глагольным прилагательным» не только такие прилагательные, как *уста́лый, посине́лый*,

---

[1] А. М. Пешковский: Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л.—М. 1925, 131. (Цитировано по В. В. Виноградову, Вопросы теории и истории языка, М. 1952, 100.)

[2] Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. (Учение о частях речи.) Учпедгиз, Москва 1952, 195.

исхуда́лый; уважи́тельный, возмути́тельный; неумоли́мый, неотдели́мый и т. п., но и причастия типа *чита́ющий, сде́лавший.*[1] Таким образом у А. М. Пешковского стирается грань между парадигматической формой *(чита́ющий, сде́лавший)*, характеризуемой наличием в ней некоторых типических для глагола категорий, и отглагольными образованиями, где глагольных категорий или нет совсем, или где они легко стираются. При таком подходе к делу среди «глагольных слов» могут оказаться и такие существительные, как *писа́ние* или *писа́тель*, слвц. *rozdeliteľný, rozdeľovací.* Такое толкование фактов связано с отсутствием строгого и принципиального отграничения морфологии (словоизменения) от словообразования (деривации), грамматики от лексики. Совершенно очевидно, что каждый глагол, как лексема, должен представлять чётко ограниченную систему грамматических форм, в которых конкретизируются соответствующие морфологические категории, причём совершенно независимо от того, какие новые лексемы могут быть образованы от данного глагольного корня. Каковы же те категории, которые объединяют *все без исключения* глагольные формы?

Если мы сказали, что глагол является, по своей семантике, классом слов, обозначающим процессуальность, то мы должны прибавить, что в славянских языках процессуальность является своеобразной интерпретацией действительности, выражаемой грамматическими средствами языковых категорий. В русском, словацком или чешском языках любой глагол не «просто» обозначает процесс (действие, состояние), а соединяет это значение с понятиями грамматического вида и залога. Если в немецком, французском, английском или венгерском языках глаголы *abschreiben, copier, to copy, lemásolni* обозначают действие «переписывания» в грамматически неквалифицированном виде, то в русском или в словацком языках соответствующее действие непременно должно быть грамматически квалифицировано одним из двух глагольных видов: или *переписа́ть — prepísať* (совершенный вид), или *перепи́сывать — prepisovať* (несовершенный вид). В русском или в словацком языках нет глагола (или глагольной формы) вне вида, даже в том случае, если в одной

[1] А. М. Пешковский: Русский синтаксис в научном освещении, М. 1956[7], 112/128.

форме объединены оба видовых значения. Изолированно взятая форма *я обещáю* (или слвц. *venujem*) может быть истолкована как форма совершенного или несовершенного вида; но в конкретном контексте всякая форма этих глаголов будет обязательно отнесена или к совершенному, или к несовершенному виду, ср. *Он обещáл вернýть мне книгу* (»sľúbil«, сов. вид), но *Он мне ужé мнóго раз обещáл вернýть книгу* (»sľuboval«, несов. вид).

Кроме того, в русском или в словацком языках каждый глагол (и каждая отдельно взятая глагольная форма) обязательно относится в одному из залогов, ср. *перепúсывает* (действительный залог) — *перепúсывается* (страдательный залог), *перепúсывающий* (действ.) — *перепúсываемый* (страд.), *переписáвший* (действ.) — *перепúсанный* (страд.) и т. п.

Все остальные грамматические категории, лежащие в основе глагольных форм, не обязательны для *каждой* глагольной формы: категория лица присуща лишь «личным» формам глагола (verbum finitum), но она отсутствует в инфинитиве, в деепричастиях и причастиях; категория наклонения связана исключительно только с «личными» формами глагола, но отсутствует в инфинитиве, в деепричастиях и причастиях; категория времени отсутствует в повелительном наклонении, в сослагательном наклонении (в русском языке), в инфинитиве и т. д. Единственные грамматические категории, которые в наших языках наличествуют в *каждой* глагольной форме, это — категория вида и залога. На этом основании мы вправе отнести именно к глагольным формам (а не к отглагольным образованиям) все те «слова», в которых проявляется грамматическая категория вида и залога.

Можно было бы возразить, что в ряде отглагольных образований наблюдаются следы таких глагольных категорий, как вид или залог. Ещё А. М. Пешковский обратил внимание на то, что при сопоставлении таких пар, как *произнесéние* и *произношéние* (ср. слвц. *vyslovenie — vyslovovanie*), *удвоéние* и *удвáивание* (ср. слвц. *zdvojenie — zdvojovanie*), *приобретéние* и *приобретáние*, можно уловить оттенки видовых значений. «Конечно, все эти категории здесь не так ярко выражены, как в глаголе. В частности, в области совершенного и несовершенного видов здесь нет той строгой парности, которая есть в глаголе, а так как

всякое грамматическое значение сознаётся только сравнительно с другим аналогичным или противоположным значением, то и самые значения здесь часто завуалированы (zastretе), бледны».[1]

В русском языке, как правило, отглагольное имя существительное соотнесено с обеими видовыми формами глагола. Существительное *объясне́ние* может быть воспринято как существительное к глаголу *объясни́ть* (с/в) и *объясня́ть* (нс/в), *приобре́тение* — к *приобрести́* (с/в) и *приобрета́ть* (нс/в), *распределе́ние* — к *распредели́ть* и *распределя́ть*. Ярко выраженное видовое значение (несовершенного вида) сохраняется лишь за существительными, образованными от глаголов с суффиксом *-ыв/-ив* (*расстёгивание*, *отбра́сывание*, *пока́шливание*, *развёшивание* и т. п.), ср. также *обосно́вывание*.

Высказывания А. М. Пешковского, относящиеся к русскому языку, остаются в силе и применительно к словацкому или чешскому языкам. В традиционной грамматике словацкого или чешского языка отымённые существительные с абстрактным значением действия (nomina actionis) включаются в парадигму глагола[2]. Действительно, в этих языках свободно образуются отымённые существительные от обоих видов в тех случаях, где в русском языке возможны только отымённые существительные от совершенного вида, ср.:

uskutočnenie
uskutočňovanie → *осуществле́ние* (но нет «осуществляние»)

vysvetlenie
vysvetľovanie → *объясне́ние* (но нет «объясняние») и т. п.

Однако в целом ряде случаев отглагольные существительные с абстрактным значением в словацком или чешском языках вовсе не образуются. Отглагольные существительные отсутствуют не только у целого ряда модальных глаголов типа *môcť*, *chcieť*, *mieniť*, *hodlať*, *dokázať (niečo urobiť)*, *stihnúť*, *vládať*, *dostačiť*, *stačiť*, *dolieť*, *dať sa*, не только у многочисленных непереходных глаголов несовершенного вида типа *báť sa*, *ísť*, *tešiť sa*, *hodiť sa*, но и у ряда переходных и непереходных глаголов совершенного вида типа *urobiť*, *dozvedieť sa*, *narobiť sa*, *vynachváliť sa*, *zafajčiť si*, *podnapiť sa* и у многих других глаголов. Вся разница между русским языком, с одной,

[1] А. М. Пешковский: Русский синтаксис в научном освещении, Москва 1956[7], 112.

[2] Ср., например: E. Pauliny—J. Štolc—J. Ružička: Slovenská gramatika, Martin 1955[3], 240. — B. Havránek—A. Jedlička: Základní jazyková příručka, Praha 1951, 132. — G. Baláž: Abstraktné deverbatíva v ruštine. Sovětská jazykověda 4 (1954), 12/21.

словацким и чешским, с другой стороны, сводится к разнице в использовании словообразовательных приёмов: русский язык использует свои словообразовательные возможности меньше, чем словацкий или чешский, для которых в области словообразования характерна известная стандартность.[1] Ни в русском, ни в словацком или чешском отглагольное имя существительное не может быть отнесено к парадигме, т. е. к формам глагола. Е. Кржижкова убедительно показала, что, вопреки утверждениям Г. Балажа, образование отглагольных существительных невозможно в чешском языке не только у таких глаголов совершенного вида, как *nachodit se*, *povyhazovat*, *povyskakovat*, но и у глаголов многократных: нет форм типа »dělávání, psávání, chodívání«.[2]

Значение залога (активность и пассивность) может ощущаться у отглагольных существительных типа *изуче́ние* только при сопоставлении с такими существительными, образованными от причастий, как *изуча́емость* или *изу́ченность*. Но само по себе отглагольное существительное типа *изуче́ние* не имеет грамматически выраженного значения залога. Сочетание *изуче́ние ру́сского языка́ в Чехослова́кии* может быть истолковано двояко: «русский язык изучают в Чехословакии» (акт.) и «русский язык изучается в Чехословакии» (пасс.). Точно так же: *Порабоще́ние наро́дов колониза́торами* может обозначать «колонизаторы порабощают народы» (акт.) и «народы порабощаются колонизаторами». На двоякую роль приимённого родительного, могущего быть истолкованным в смысле родительного субъекта или родительного объекта, обращает внимание в этом контексте Е. Кржижкова: *Trýznění chlapců trvalo dlouho* «истязание ребят длилось долго», т. е. либо «ребята кого-то истязали», либо «кто-то истязал ребят».[3] В ряде случаев отглагольное существительное может иметь целых три значения: *купа́ние детей* может обозначать (а) «дете́й купа́ют»; (б) «де́ти купа́ют» (напр. соба́ку); (в) «де́ти купа́ются».

Неоднократно отмечалось, что в словацком языке отглагольные существительные могут, в отличие от русского языка, сохранять возвратную форму, ср. *učenie* и *učenie sa* (в русском языке в обоих случаях только «учение»), *obliekanie* и *obliekanie sa*, *prikláňanie* и *prikláňanie sa*, *zblíženie* и *zblíženie sa*,

---

[1] А. В. Исаченко: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. Slavia 27 (1958) 3, 347 сл.

[2] H. Křížková: K problematice podstatných jmen slovesných v ruštině v porovnání s češtinou. Ruský jazyk 9 (1959) 5, 195 сл.

[3] H. Křížková, там же 201.

zoznamovanie и *zoznamovanie sa*, *sťahovanie* и *sťahovanie sa*, ср. »podľa spoločného *uradenia sa* rodičov« (Šoltésová), *angažovanie sa* do spoločenskej problematiky (Kult. život XIII, 1958, č. 43). В отдельных случаях имеются отглагольные существительные, сохраняющие возвратный глагол с формой дательного падежа возвратного местоимения, ср. *nárokovanie si* niečoho. Но все эти случаи малотипичны. Далеко не всегда возвратность может быть выражена в отглагольном имени существительном. Но даже там, где она теоретически может быть выражена (и действительно выражается), она не обязательна, ср. Pochválil ho za dobré *učenie* (= za to, že *sa* dobre učil); Pred jeho *sťahovaním* do Bratislavy (= predtým, ako *sa* sťahoval do Br.).

Русский язык не имеет морфологических средств для выражения возвратности отглагольного имени существительного. Существительное типа *купáние* соотнесено с глаголом *купáть* (напр. *купáние ребёнка в вáнне*) и *купáться* (напр. *пóсле купáния он проголодáлся*).[1] Если учесть, что в русском языке очень часто одно отглагольное существительное соотнесено с обоими видами, а также с возвратным и невозвратным глаголом, то оказывается, что русское отглагольное существительное может совмещать в себе значения четырёх глаголов, ср.:

распространéние { *распространи́ть* / *распространя́ть* / *распространи́ться* / *распространя́ться*

На основании всего сказанного мы приходим к следующему заключению:

1. Не выражая основных глагольных категорий вида и залога, отглагольные имена существительные с отвлечённым значением действия на *-nie*, *-tie* не являются в русском языке формами глагола; они не входят в глагольную парадигму, являясь новыми словами.

2. Раз и в словацком (чешском) языке образование отглагольных существительных на *-nie*, *-tie* (чеш. *-ní*, *-tí*) возможно далеко не во всех случаях и, следовательно, лишено характерной для парадигматического формообразования регулярности, то необходимо пересмотреть вопрос о глагольном характере данных образований.

[1] Ср. в словацком: Dnes bolo príjemné *kúpanie* (= dnes som *sa* príjemne vykúpal).

78664
www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА [illegible] ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

3. Разница между русским языком, с одной, словацким и чешским, с другой стороны, сводится в данном случае к большей продуктивности этих образований в западнославянских языках по сравнению с русским.

В качестве одного из формальных признаков глагольной формы часто приводится и то обстоятельство, что все формы глагола сохраняют своё управление. «В синтаксическом отношении как причастия, так и деепричастия сочетаются с теми же падежами, что и остальные глагольные формы. Например: *руковожу́ кем, чем, руководи́ть кем, чем, руководя́щий кем, чем, руководя́ кем, чем*». (Современный русский язык 1952, стр. 254). Но ведь управление сохраняется и у тех отглагольных имён существительных, которые никак не могут быть отнесены в русском языке к глагольной лексеме, ср. *руково́дство кружко́м (ма́ссами, молодёжью)*. Следовательно, синтаксический признак управления не может считаться формальным показателем, объединяющим только парадигматические формы глагола. В русском языке глагольное управление сохраняется и такими существительными, которые полностью отошли от глагола, ср. субстантивированные причастия типа *заве́дующий (дела́ми, ка́федрой), управля́ющий (до́мом, хозя́йством)* и т. п. Совершенно ясно, что состав и объём глагольной парадигмы должны быть определены исключительно на основании морфологических (а не синтаксических или семантических) показателей, являющихся, в свою очередь, выразителями морфологических категорий.

В пределах русского глагола мы имеем дело со следующими категориями;

1. категория вида и залога объединяет *все без исключения* глагольные формы;

2. категория лица, времени и наклонения присуща лишь «личным» формам глагола; в причастиях и деепричастиях категория времени сказывается несколько иначе, чем в личных формах;

3. категория числа в личных формах связана с категорией лица *(я — мы, ты — вы, он — они)*; в неличных формах (причастиях) категорию числа нельзя признать глагольной категорией;

4. категория грамматического рода, свойственная, в первую очередь, имени существительному, проникла в глагольную систему русского языка и проявляется в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения.

Кроме того, в наших языках имеются гибридные глагольно-именные формы, так называемые причастия, сохраняющие категорию вида и залога (отчасти также категорию времени), но изменяющиеся по родам, падежам и числам. Эти именные категории являются у причастий, как и у имён прилагательных, синтаксическими категориями, проявляющимися в согласовании причастий с именем существительным.

ЛИЧНЫЕ И НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

До сих пор мы не касались вопроса о *синтаксической* роли глагола. Совершенно очевидно, что в наших языках глагол является, в первую очередь, выразителем сказуемого. Эта сказуемостная, предикативная функция глагола должна рассматриваться как его первичная, примарная функция. Можно утверждать, что каждая личная форма глагола обязательно выражает сказуемое, но это общее положение необратимо: далеко не всякое сказуемое в русском или словацком языке выражается личной формой глагола, ср. *Он учени́к второ́го кла́сса; Я дово́лен; На́до подожда́ть.*

Личные глагольные формы, т. е. «спрягаемые» формы всех наклонений, характеризуются наличием грамматических категорий, которые в настоящее время должны быть признаны категориями глагольными, но которые исторически связаны не с глаголом, как с особой частью речи, а с синтаксической категорией сказуемости. Отнесённость высказывания к определённому отрезку времени, определённая его модальность, а также отнесённость к одному из грамматических лиц свойственны всякой предикации вообще. Ведь в предложении *Он учи́тель*, в котором нет личной формы глагола, отчётливо выражены — «настоящее время», модальность утверждения в индикативе и так называемое «третье лицо» единственного числа *(он)*. Время, модальность и лицо являются, таким обра-

зом, прежде всего категориями сказуемостными, предикативными. Можно утверждать поэтому, что время, модальность и лицо служат формами осуществления сказуемости. Вне этих категорий сказуемость не может осуществляться. Но так как в наших языках глагол (точнее: его личные формы) издавна «специализировался» в качестве основного выразителя сказуемости, то и эти первоначально сказуемостные категории (время, модальность, лицо) как бы срослись с личными формами — «морфологизировались». Это не могло не привести к существенным переоценкам исконных сказуемостных категорий: отнесённость к *объективному* времени превратилась в *грамматическое* время, выражаемое глагольной формой, модальность всей предикации превратилась в *наклонение* (modus verbi), отнесённость к субъекту высказывания приняла форму *грамматического* лица, выражаемого глагольной формой. Связь категорий грамматического времени, наклонения и грамматического лица с категорией сказуемости (т. е. с категорией синтаксической) очевидна. Поэтому правы те лингвисты, которые называют время, наклонение и лицо категориями «синтаксическими», в отличие от категорий вида или залога, которые ими признаются категориями «несинтаксическими» (А. М. Пешковский). Вид и залог связаны со *значением* глагола; они охватывают все глагольные формы. Время, наклонение и лицо связаны лишь с одним из возможных *употреблений* глагольных форм, а именно: с «личным» (т. е. предикативным) его употреблением, которое в наших языках следует рассматривать как основное, хотя и не единственное синтаксическое употребление глагольных форм.

Неличные глагольные формы, такие как инфинитив, причастия и деепричастия, отличаются от личных форм именно отсутствием сказуемостных категорий времени, наклонения и лица. Если в причастиях и деепричастиях выражены какие-то временные отношения, то они существенно отличаются от тех временных отношений, которые выражаются личными формами: разница между *чита́ющий* и *чита́вший*, между *чита́я* и *чита́в* не та, как между *он чита́ет* и *он чита́л* (о чём ниже). Причастия и деепричастия в русском языке не выражают оттенков будущего времени. Инфинитив в славянских языках не имеет вре-

менных форм.[1] Не будучи связанными с предикацией, неличные формы не выражают модальности и, следовательно, лишены категории наклонения. Если у деепричастий и сохранился ослабленный элемент «полусказуемости» (ср. *Он шёл, напева́я пе́сенку*), то эта «полусказуемость» неизбежно проявляется на фоне полной, настоящей сказуемости главного глагола в высказывании.

Здесь не место рассматривать возникновение личных и неличных форм в историческом плане. Отметим только, что, например, причастия по своему происхождению являются очень древними формами, так что в настоящее время трудно с определённостью установить, существовали ли личные формы раньше, чем формы безличные.

ПАРАДИГМАТИКА ГЛАГОЛА

Исторический обзор классификаций славянского глагола

Русский глагол является прямым продолжением общеславянского глагола, который, в свою очередь, восходит к глаголу индоевропейскому. Поэтому неудивительно, что при общей установке языкознания в XIX веке традиционная лингвистика долго придерживалась *исторического* принципа классификации славянского глагола.

Одним из первых опытов научной классификации славянского глагола явилось деление Иосифа Добровского[2]. Впоследствии схема Добровского была дополнена Францем Миклошичем[3]. К ней примкнули Гебауер в своей исторической грамматике чешского языка, Вондрак в сравнительной грамматике славянских языков, Дильс (Diels)[4] в своей грамматике старославян-

---

[1] В других языках инфинитив может образовать временные формы, ср. лат. *venire* «прийти» — *venisse* перфект инфинитива, нем. *kommen — gekommen sein — kommen werden*.

[2] J. Dobrovský: Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache (1809); ср. его же: Institutiones linguae slavicae dialecti veteris (1822.)

[3] F. Miklosich: Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, 1876. III/62 и сл.

[4] Paul Diels: Altkirchenslavische Grammatik, 1932, I/II, 229 и сл.

ского языка и др. Схема Добровского—Миклошича была принята во многих грамматиках современных славянских языков. Классификация Добровского—Миклошича исходит из форм инфинитива и делит все славянские глаголы на 6 классов. Критерием деления является тематическая гласная (соответственно, тематический элемент) основы инфинитива; на основании такого принципа деления Миклошич приходит к следующей схеме:

I класс: бессуффиксные основы (напр. *нес-ти*);
II класс: основы на *-нж-* (напр. *двиг-нж-ти*);
III класс: основы на *-ѣ-* (напр. *влад-ѣ-ти*);
IV класс: основы на *-и-* (напр. *ход-и-ти*);
V класс: основы на *-а-* (напр. *дѣл-а-ти*);
VI класс: основы на *-ова-* (напр. *трѣб-ова-ти*).

Эта классификация, составленная первоначально лишь для старославянского глагола, была позже механически перенесена и на живые славянские языки.

Поскольку у глаголов типа *нес-ти*, *печь* (< **pek-ti*), с одной стороны, у глаголов типа *бра-ть*, *зна-ть*, с другой, суффикс инфинитива присоединяется непосредственно к глагольному корню (без «тематического» элемента), то все эти глаголы попадают в один и тот же класс (I), хотя большинство форм этих глаголов образуется по-разному (ср. *пеку́* — *печёт*, но *беру́* — *берёт* или *зна́ю* — *зна́ет*, прошедшее время *пёк*, но *брал*, *знал* и т. д.). На основании того, что глаголы типа *поги́б-нуть* и *дви́-нуть* образованы в форме инфинитива при помощи элемента *-ну-*, они зачисляются в один класс, хотя в образовании остальных форм имеются значительные расхождения (ср. прошедшее время *поги́б*, но *дви́нул*). В один клас входят глаголы типа *уме́ть* (*уме́ю*), *сиде́ть* (*сижу́*) и *лежа́ть* (*лежу́*) на том основании, что форма инфинитива, с точки зрения общеславянского языка, содержит тематическую гласную *-ѣ-* (перешедшую после шипящих в *-а-*, ср. *лежати* < **leže̋ti*). Согласно схеме Добровского—Миклошича, глагол *де́лать* (*де́лаю*) оказался в одном классе с глаголом *мета́ть* (*мечу́*, *ме́чет*), опять-таки только на основании совпадения тематического элемента *-а-* в инфинитиве. Ясно, что такая классификация, основанная на историческом принципе, т. е. приуроченная не к современным языковым данным, а к фактам общеславянского языка, не могла внести ясность в систему глагола современных славянских языков.

Другая классификация славянского глагола была предложена А. Шлейлером[1] и впоследствии разработана А. Лескином. Схема А. Лескина исходила из основ настоящего времени и делила все славянские глаголы на 5 классов:

I. Основа настоящего времени на *-е- (-о-)*: *нес-е-ши*
II. Основа настоящего времени на *-пе- (-по-)*: *двиг-не-ши*
III. Основа настоящего времени на *-је- (-јо-)*: *дѣла-е-ши*
IV. Основа настоящего времени на *-і-*: *хвал-и-ши*.

[1] A. Schleicher: Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache, 1852.

V. Основа настоящего времени на согласный:
*дамь (< *dad-mь).*[1]

К этому делению примкнули Пастрнек и М. Вейнгарт, из него исходит и В. Ягич и Т. Лер-Сплавинский.

Приведённые классификации относились, в первую очередь, к старославянскому глаголу. Тем не менее, они прочно вошли в грамматическую традицию многих современных славянских языков. В чешской и словацкой грамматической традиции глаголы до самого последнего времени делились на 6 классов, более или менее соответствующих классам Добровского—Миклошича.

По вопросу о принципах деления словацких глаголов на классы нет в настоящее время полного единства. Впервые традиционное деление на 6 классов было подвергнуто критике со стороны Яна Мигаля[2], предложившего принять в качестве критерия деления окончание 3-го лица множественного числа настоящего-будущего времени. Ян Мигаль выделял в словацком глаголе 4 класса: 1. глаголы с окончанием *-ú/-u;* 2. глаголы с окончанием *-jú;* 3. глаголы с окончанием *-ia/-ja* (!); 4. глаголы атематические. Из окончания 3-го лица множественного числа исходила также схема Орловского—Араня, разбивавших словацкие глаголы на 3 класса[3], а также деление Э. Паулини, довольствующегося двумя классами.[4] Своеобразное решение предлагает И. Ружичка: для установления принадлежности глагола к тому или иному классу, к тому или иному образцу, им вводятся такие понятия, как «самостоятельная лексикальная морфема» (т. е. «корень» глагола), «несамостоятельная грамматическая морфема» (т. е. глагольные окончание), «лексическая основа» (pomenovací základ), т. е. «основа» глагола. Кроме того, И. Ружичка вводит понятие «консонантической соединительной частицы» (например, элемент *-j-* в глагольной форме *vola-j-ú*), а также «вокалической соединительной частицы» (например, в глагольной форме *pros-í-m*). Таким образом, все глаголы словацкого языка распадаются на два класса, но внутри этих классов различается целый ряд образцов.[5]

Серьёзные возражения против такой трактовки словацкого глагола вы-

---

[1] A. Leskien: Handbuch der kirchenslavischen (altbulgarischen) Sprache 1905[4], 111.

[2] Ján Mihál: Sborník Matice slovenskej 19 (1941) 395.

[3] J. Orlovský—L. Arany: Gramatika jazyka slovenského, 1947[2], 196.

[4] E. Pauliny: Slovenské časovanie, 1949.

[5] J. Ružička: Triedenie slovesných tvarov v spisovnej slovenčine, Slovo a tvar 4 (1950) 2, 43/51.

сказаны С. Пециаром,[1] предложившим делить словацкие глаголы на 5 классов с рядом образцов. Новейшая грамматика словацкого языка вовсе отказывается от деления глаголов на классы и довольствуется выделением 14 «образцов».[2] Основным недостатком всех предложенных схем является, на наш взгляд, недостаточно чёткое разграничение продуктивных и непродуктивных типов спряжения.

В русской лингвистической традиции до недавнего времени господствовал принцип деления глаголов на два «спряжения», причём к I-му спряжению были отнесены все глаголы, имеющие в настоящем-будущем окончания *-ешь -ет -ем -ете*, ко II спряжению — все глаголы, имеющие в тех же формах окончания *-ишь -ит -им -ите*. Естественно, что такое деление глаголов, весьма полезное в школьной практике, не могло удовлетворить требованиям современной научной грамматики. Поэтому пришлось вводить подразделения: у В. А. Богородицкого такие подразделения называются «разрядами»[3], у А. А. Шахматова — «разрядами» и «образцами». Акад. А. А. Шахматов различает, например, 4 класса глаголов, но 1 класс распадается у него на 3 разряда и 15 образцов.[4]

Традиционное деление русских глаголов оправдано нуждами школы, в первую очередь, конечно, нуждами школы с русским языком обучения. Дело в том, что в условиях русской школы учащиеся не сразу усваивают орфографию неударяемых личных окончаний в таких случаях, как *пи́шешь* и *слы́шишь*, *пла́чет* и *у́чит*, где в безударном положении произносятся [-iš] и [-it]. Более того: в ряде говоров, а также в так называемом московском произношении, совпадают ещё и окончания форм 3-го лица множественного числа *они́ зна́ют* и *они́ сто́ят*, *они́ пи́шут* и *они́ слы́шат*, *они́ пла́чут* и *они́ у́чат*, т.к. во всех указанных случаях произносится

---

[1] Štefan Peciar: K diskusii o triedení slovenských slovies, Jazykovedný sborník 5 (1950) 30/57. Ср. ещё J. Ružička: Ešte raz o triedení slovenských slovies, Jazykovedný časopis 7 (1953) 1, 135/68. — Ср. Štefan Peciar: O morfologickom členení slovesných tvarov, Jazykovedný časopis 8 (1954) 4, 248/66.

[2] Pauliny—Štolc—Ružička: Slovenská gramatika, Martin 1955, 244/52.

[3] В. А. Богородицкий: Общий курс русской грамматики, Москва 1938[5].

[4] А. А. Шахматов: Очерк современного русского литературного языка, Учпедгиз, Москва 1941[4], стр. 201—203.

(или может произноситься) окончание [-ut].[1] Отсюда полная неуверенность в написании окончаний. Систематическое деление глаголов на два спряжения, прикрепление каждого конкретного глагола к одному из них позволяет учащимся скорее усвоить орфографию безударных личных окончаний, столь важных для образования других глагольных форм (например, причастий). В условиях словацкой школы деление русских глаголов на два спряжения почти ничем не обосновано, ибо в словацком языке *-e-* и *-i-* у родственных глаголов никогда не смешивается, а словацкий ученик в большинстве случаев может равняться на родной язык: там, где в родственных словах в словацком языке имеется окончание *-íš* (или *-iš*), в русском языке стоит *-ишь*, ср. *chodíš* — *хóдишь*, *nosíš* — *нóсишь*, *budíš* — *бýдишь* и т. п. Во всех остальных случаях в русском языке имеется окончание *-ешь* (графическое). Что же касается форм 3-го лица множественного числа, то и здесь имеется прямое соответствие между словацким и русским языком: там, где в словацком языке налицо окончание *-ia* (или *-a*), в русском языке имеется окончание *-ят* (или *-ат*), ср. *chodia* — *хóдят*, *učia* — *ýчат*, *budia* — *бýдят*, *stoja* — *стóят* и т. п. Во всех остальных случаях имеется окончание *-ут (-ют)*, например, *píšu* — *пúшут*, *čítajú* — *читáют*, *nasledujú* — *слéдуют* и т. п. Число отклонений от этого правила ничтожно.[2] Что же касается русских глаголов, не имеющих прямого этимологического соответствия в словацком языке, то они должны быть усвоены со всеми своими формами; отнесение их к I-му или II-му «спряжениям» словацким учащимся не помогает.

Несколько сложнее обстоит дело в условиях чешской школы. Здесь чешское окончание формы 3-го лица множественного числа не всегда позволяет непосредственно образовать соответствующую русскую форму, ср. *znají* — *знáют* и *učí* — *ýчат*.

С точки зрения преподавания русского языка в условиях чехословацкой школы было бы, может быть, целесообразнее различать в настоящем-будущем три «спряжения». Ведь традиционное деление русских глаголов на два спряжения основано исключительно на графике. Между тем, окончания *-ешь -ет -ем -ете* в одних случаях произносятся как безударные [-iš, -it, -im, -it'i], в других случаях как *-ёшь -ёт -ём -ёте*. Словацкие

---

[1] A. V. Isačenko: Fonetika spisovnej ruštiny, 1947, §§ 119, 133. Ср. Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника, под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, 1955, 567, а также И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров: О сценическом произношении в московских театрах, Вопросы культуры речи 1 (1955) 150.

[2] К таким отклонениям можно отнести глагол *гнать*, слвц. *hnať*, где русск. *гоню* — *гóнит* соответствуют слвц. *ženiem* — *ženie*, далее глагол *хотéть*, слвц. *chcieť*, имеющий во множественном числе формы *хотúм* — *хотúте* — *хотя́т* при слвц. *chceme* — *chcete* — *chcú*, а также глагол *бежáть*, слвц. *bežať*, ср. *я бегу́* — *он бежúт* — *они́ бегу́т* при слвц. *beží́m* — *beží* — *beží́a*, и глаголы типа *ошибúться* — *я ошибу́сь* — *он ошибётся*. В сопоставительном плане можно ещё привести глагол *борóться* — *бóрется* при слвц. *bojiť sa* — *bojí sa*.

и чешские учащиеся с трудом усваивают те случаи, когда графическое *-е-* в глагольных окончаниях следует произносить как *-ё-*. Вот почему можно было бы выделить в особое «третье спряжение» глаголы с окончаниями *-ёшь -ёт -ём -ёте* и этим самым зафиксировать на них внимание учащихся.

Ударение на окончании и, следовательно, огласовка *-ёшь -ёт -ём -ёте* имеется:

1. У глаголов X класса (атематических); здесь словацкому окончанию *-ieš* и т. д. обыкновенно (но не всегда!) соответствует русское ударяемое окончание *-ёшь* и т. д., ср.:

nesieš — *несёшь*	*trasieš* — *трясёшь*
vedieš — *ведёшь*	*pečieš* — *печёшь*
vezieš — *везёшь*	*tečieš* — *течёшь*
pasieš — *пасёшь*	*rastieš* — *растёшь*,

но: *ideš* — *идёшь*, *lezieš* — *лезешь*.

2. Все глаголы, имеющие в форме 2-го лица единственного числа только один слог: *рвёшь*, *ждёшь*, *мнёшь*, *жнёшь*, *ткёшь*, *ткнёшь*, *врёшь*, *прёшь*, *жмёшь*, *пьёшь*, *льёшь*, *шьёшь*, *бьёшь*, *вьёшь* и т. п.

3. Глаголы на *-ава́ть -аю́ -аёшь: даёшь*, *отдаёшь*, *создаёшь*, *встаёшь*, *пристаёшь*, *узнаёшь*, *сознаёшь* и т. п.

4. Глаголы: *берёшь (berieš)*, *дерёшь (derieš)*, *умрёшь (umrieš)*, *возьмёшь (vezmeš)*, *начнёшь* (ср. *začneš*), *живёшь (žiješ)* и некоторые другие.

5. Некоторые глаголы IV класса на ударяемое *-ну́ть*, например, *вернёшь*, *хлебнёшь*, *пихнёшь* и др.

Резюмируем: деление на два «спряжения» в условиях чехословацкой школы нам кажется излишним. Более важным представляется выделение глаголов с окончаниями *-ёшь -ёт -ём -ёте*, ибо именно здесь кроются большие трудности для чехословацких учащихся. Кроме того, деление на два «спряжения» никоим образом не устраняет необходимости изучать отдельные «образцы» спряжения, ибо между спряжением глаголов типа *де́лать*, *писа́ть*, *рисова́ть*, *толкну́ть*, *пла́кать*, *нести́*, *брать*, *течь* и т. п., попадающих по традиционному делению в I спряжение, так мало общего, что всё равно приходится особо проходить отдельные «образцы». Эти «образцы» остаются в сознании учащихся чем-то неопределённым и туманным и в результате не усваиваются с должной чёткостью. Вот почему пора в условиях чехословацкой школы последовательно ввести тот принцип деления русских глаголов, который в настоящее время принят всеми советскими научными грамматиками русского языка. Этот принцип деления восходит к работам С. О. Карцевского, разработавшего русский глагол с точки зрения продуктивности и непродуктивности его форм.[1] Схема С. Карцевского исходит из двух основ русского глагола: из основы инфинитива и основы настоящего времени. Эта схема в основном принята акад. В. В. Виноградовым,[2] с незначительными видоизменениями она повторяется в Академической грамматике (1952, I, 533 и сл.), а также в но-

[1] S. Karcevski: Système du verbe russe, Prague 1927.

[2] В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 433-52.

вейших вузовских пособиях по русскому языку.[1] В дальнейшем мы будем придерживаться именно этого принципа классификации русских глаголов.

Две основы русского глагола и состав глагольных форм

Все традиционные попытки классификации славянского, в том числе и русского, глагола оказались неудовлетворительными именно ввиду того, что их авторы не учитывали существование в славянских языках по крайней мере двух друг от друга отличных глагольных основ. Между тем, наличие по крайней мере двух глагольных основ проявляется с полной чёткостью как в русском, так и в словацком глаголе. Этот объективно данный факт может послужить исходной точкой для дальнейшей классификации весьма пёстрого и разнородного материала. Необходимо подчеркнуть, что «не суффиксы как таковые, не формы глагольных основ как таковые служат классификационной базой, а соотношение (по большей части несовпадение, редко тождество) обеих основ».[2]

Весь состав глагольных форм группируется вокруг этих двух основ. Формы презенса, формы императива, деепричастия и причастия наст/вр образуются от основы настоящего времени. Назовём все эти формы — «группой настоящего времени». Основа настоящего времени определяется (для практических целей) путём отделения окончания от формы 3 лица мн/ч презенса, например:

они́ де́лај-ут — основа наст/вр *де́лај-*
они́ владе́j-ут — основа наст/вр *владе́j-*
они́ рису́j-ут — основа наст/вр *рису́j-*
они́ пи́ш-ут — основа наст/вр *пиш-*
они́ хо́д-ят — основа наст/вр *ход-* (*ход'-* с мягким *д'*) и т. п.

Следует, однако, иметь в виду, что у многочисленных глаголов

[1] Современный русский язык. Морфология. Из-ство Московского университета. Москва 1952, 270 и сл.—Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский: Современный русский язык, Учпедгиз, М. 1957. 340 и сл. — В дальнейшем мы будем при ссылках пользоваться сокращениями *СРЯ* 1952 и *СРЯ* 1957. — Ср., однако, критические заметки акад. С. П. Обнорского: Очерки по морфологии русского глагола, М. 1953, 6/7.

[2] H. H. Bielfeldt: Klassifizierung der russichen Verben, Russischunterricht 5 (1952), 9, 397.

можно и в настоящем времени различать несколько основ, ср. *пек-у́* (основа *пек-*), и *печ-ёт* (основа *печ-*) и *пек-у́* (основа *пе́к-* с мягким *k*); *нес-у́* (основа *нес-* с твердым *s*) и *нес-ёт* (с мягким *ś*) и т. п. (см. ниже).

Исходной формой для определения второй глагольной основы может служить форма прошедшего времени (такого принципа придерживается проф. Бильфельдт), или же форма инфинитива. Проф. Бильфельдт исходит из формы прошедшего времени (а не из формы инфинитива) именно потому, что в целом ряде случаев формы прошедшего времени не могут быть образованы, исходя из форм инфинитива, напр. *со́хнуть — сох*, *красть — крал*, *печь — пёк*. Формы причастий и деепричастий прош/вр образуются не от основы инфинитива, а от основы прошедшего времени: *со́хший*, *(у)кра́вший*, *(ис)пёкший*. В таком случае необходимо считаться с наличием по крайней мере трёх глагольных основ.

При классификации русских глаголов мы будем в дальнейшем исходить из основы инфинитива, т. к. именно эта форма является типичной «словарной» формой, а у большинства продуктивных типов глаголов основа инфинитива совпадает с основой прошедшего времени.

Назовём формы, образованные от основы инфинитива (совпадающей с основой прошедшего времени),— «группой основы инфинитива».

Основа инфинитива устанавливается путём отделения суффикса *-ть* от формы инфинитива:

чита́-ть — основа инфин. *чита́-*
владе́-ть — основа инфин. *владе́-*
рисова́-ть — основа инфин. *рисова́-*
писа́-ть — основа инфин. *писа́-*
ходи́-ть — основа инфин. *ходи́-* и т. п.

Основа прошедшего времени устанавливается путём отделения суффикса *-ла* от формы прошедшего времени:

чита́-ла — основа прош/вр *чита́-*
владе́-ла — основа прош/вр *владе́-*
рисова́-ла — основа прош/вр *рисова́-*
ле́з-ла — основа прош/вр *ле́з-* и т. п.

Как видно, у большинства глаголов (т. е. именно у тех глаголов, которые сгруппированы в продуктивных классах) основа

инфинитива и основа прошедшего времени фактически совпадают.

У других глаголов такого совпадения нет, ср.:

умере́ть	— *у́мер*	*вы́сохнуть*	— *вы́сох*
вы́тереть	— *вы́тер*	*помо́чь*	— *помо́г* и т. п.

У этих глаголов причастия и деепричастия прош/вр образуются от основы прошедшего времени: *уме́рший, вы́терший, вы́тертый; вы́сохший; помо́гший.* Некоторые формы образуются от основы инфинитива: *умере́в, дости́гнув* (прош/вр *дости́г*) и т. п. В таких случаях нельзя говорить ни о «группе основы инфинитива», ни о «группе основы прошедшего времени». «Иррегулярные» глаголы должны быть усвоены во всех формах отдельно.

У глаголов V класса (типа *отпусти́ть*) в формах индикатива прош/вр появляется основа *отпусти́-* (ср. *отпусти́-ла*). От этой основы образуются деепричастия прош/вр *(отпусти́в)* и действительное причастие прош/вр *(отпусти́вший).* Но страдательное причастие прош/вр *(отпу́щ-енный)* образуется от другой основы. Точно так же форма страдательного причастия прош/вр *(про́йденный)* образована не от основы прошедшего времени *(прошёл)*, а от основы настоящего времени *(пройд-у́).* Все эти случаи требуют оговорок.

Школьная грамматика таких языков, как латинский, немецкий или английский, давно учитывает наличие нескольких глагольных основ. Для того, чтобы правильно образовать все формы латинского глагола *capere* «брать», необходимо знать следующие формы: *capio* (1-е лицо единственного числа настоящего времени), *cēpi* (формы перфекта), *captum* (причастие страдательного залога перфекта) и инфинитив. При изучении латинского языка все эти формы должны быть усвоены. Точно так же обстоит дело и при изучении иррегулярных («сильных») глаголов немецкого или английского языка, где учащийся должен знать хотя бы три формы, представляющие три разных глагольных основы: ср. нем. *singen — sang — gesungen* «петь» или англ. *go — went — gone* «идти». Непонятно, почему в преподавании русского языка давно не введён повсюду тот же принцип усвоения глагольных форм, особенно у глаголов непродуктивных, например *жить — живу́ — живёт: взять — возьму́ — возьмёт* и т. п.[1] Полагаться на близость

[1] В словацких учебниках русского языка все глаголы давно уже приводятся в этих трёх основных формах.

русского и словацкого (чешского) языка нет в данном случае никаких оснований. Многолетний опыт показывает, что, в результате такого «либерального» отношения к парадигматике русских глаголов, эти формы учащимися усваиваются весьма непрочно.

В ряде случаев различия между основой настоящего времени и основой инфинитива проявляются уже в самой фонетической структуре корней:

Основа инфинитива	Основа настоящего времени
бра-ть	*бер-у́т*
кры-ть	*кро́ют (kroj-ut)*
би-ть	*бьют (bj-ut)*
жа-ть	*жм-ут*
взя-ть	*возьм-у́т*
нача́-ть	*начн-у́т*
приня́-ть	*при́м-ут*
е́ха-ть	*е́д-ут* и т. п.

Весьма распространённым, хотя и непродуктивным формальным различием двух основ, является чередование согласной в глагольном корне:

к/ч		*пла́кать*	*(пла́кал)*	*пла́чут*
ск/щ		*иска́ть*	*(иска́л)*	*и́щут*
х/ш		*паха́ть*	*(паха́л)*	*па́шут*
з/ж		*сказа́ть*	*(сказа́л)*	*ска́жут*
зг/зж	[ẑ:]	*бры́згать*	*(бры́згал)*	*бры́зжут* [brɯẑ:ut]
ст/щ		*свиста́ть*	*(свиста́л)*	*сви́щут*
с/ш		*писа́ть*	*(писа́л)*	*пи́шут*
т/ч		*пря́тать*	*(пря́тал)*	*пря́чут*
т/щ		*клевета́ть*	*(клевета́л)*	*клеве́щут*
д/ж		*глода́ть*	*(глода́л)*	*гло́жут*
д/жд		*страда́ть*	*(страда́л)*	*стра́ждут* (архаич.)
п/пл	[pĭ]	*сы́пать*	*(сы́пал)*	*сы́плют*
б/бл	[bĭ]	*колеба́ть*	*(колеба́л)*	*коле́блют*
м/мл	[mĭ]	*дрема́ть*	*(дрема́л)*	*дре́млют*
сл/шл	[šĭ]	*посла́ть*	*(посла́л)*	*пошлю́т* и т. п.

В словацком языке так же, как и в русском, противопоставление основ настоящего времени основам инфинитива проведено с достаточной последовательностью, ср.:

bra-ť/ber-iem	*cestova-ť/cestuj-em*
ža-ť/žn-em	*písa-ť/píš-em*
vzia-ť/vezm-em	*maza-ť/maž-em*
hria-ť/hrej-em	*mota-ť/moc-em*
nies-ť/nes-iem	*hádza-ť/hádž-em* и т. п.,

хотя, с другой стороны, некоторые фонетические особенности словацкого языка, в частности ярко выраженная тенденция к фонетической унификации основы, стирают во многих случаях грани между основами настоящего времени и основами инфинитива, ср.:

sypať/sypem	(при русск. *сы́пать — сы́плю*)
brýzgať/brýzgam	(при русск. *бры́згать — бры́зжу*)
dávať/dávam	(при русск. *дава́ть — даю́*) и т. п.

Фонетическое чередование основ не всегда проявляется в графике. На основании русского правописания можно было бы подумать, что глагол *чита́ть* имсет в инфинитиве и в формах настоящего времени одну общую основу *чита-*, ср. *чита́-ть*, *чита́-л*, *чита́-ю*, *чита́-ет*, *чита́-я* и т. д. Однако русская графика, не обозначающая в данном случае фонему /j/ особым графическим знаком, искажает истинное положение вещей.[1] Для того чтобы наглядно показать соотношение обеих основ, необходимо прибегнуть в данном случае к транслитерации. Основа инфинитива разбираемого глагола *чита́ть* устанавливается, как сказано выше, путём отделения окончания *-ть* от инфинитивной формы, т. е. *чита́-ть* — основа *чита́-*. Основа настоящего времени устанавливается путём отделения окончания *-ут* от формы 3-го лица множественного числа настоящего (будущего) времени, т. е. *čitaj-ut* (чита́ют) — основа *čitaj-*. Необходимо подчеркнуть, что фонема /j/, относящаяся к основе, скрывается в «прейотированных» буквах «е», «ю», «я» и в букве «и» и не может быть выделена средствами русской графики. Таким образом в гла-

[1] Здесь и в дальнейшем фонематическая транскрипция русских слов, суффиксов или фонем помещается между знаками /.../, напр. *говори́ть* /gavaŕíť/; фонетическая транскрипция русских слов, суффиксов или звуков даётся в квадратных скобках, напр. *говори́ть* [gəvaŕi·ť]. Упрощенная транслитерация русских слов, окончаний и т. п. даётся либо курсивом, напр. *говори́ть — govoriť*, либо ставится в круглые скобки, напр. *говори́ть* (govoriť).

голах типа *чита́ть* устанавливаются две чётко друг от друга отличающиеся основы: *чита́-* и *чита́j-*.

От основы настоящего времени глаголов I-го класса образуются следующие парадигматические формы: презенс *я чита́ю* (čitaj-u), *ты чита́ешь* (čitaj-eš) и т. д.; императив *чита́й* (čitaj); деепричастие наст/вр *чита́я* (čitaj-a); причастие наст/вр действительного залога *чита́ющий* (čitaj-uščij) и страдательного залога *чита́емый* (čitaj-emyj).

От основы инфинитива образуются следующие формы: инфинитив *чита́ть* (čita-ť); прошедшее время и сослагательное наклонение *я чита́л (бы)* (čita-l); деепричастие прош/вр *чита́в*, *чита́вши* (čita-v, čita-vši); причастие прош/вр действительного залога *чита́вший* (čita-všij) и страдательного залога *чи́танный* (čita-nnyj).

Фонема /j/ появляется в основе настоящего времени ряда других глагольных классов и групп, ср.:

Основа настоящего времени	Основа инфинитива
владе́ю (основа vladej-)	*владе́-ть*
рису́ю (основа risuj-)	*рисова́-ть*
кро́ю (основа kroj-)	*кры-ть*
бре́ю (основа brej-)	*бри-ть*
бью (основа bj-)	*би-ть* и т. п.

Приведённые факты свидетельствуют о том, что любой русский глагол охарактеризован наличием по крайней мере двух глагольных основ. Чтобы образовать все формы необходимо знать обе эти основы, представленные формами инфинитива и 3-го лица единственного числа настоящего (будущего) времени.[1]

У целого ряда глаголов, однако, недостаточно знать лишь приведённые две формы. Важную роль (например, у глаголов V-го класса типа *ходи́ть*) играет также форма 1-го лица един-

---

[1] В качестве одной из основных форм мы предлагаем приводить форму именно третьего лица единств. числа (а не второго лица!) потому, что эта форма свободно образуется от всех без исключения глаголов, между тем как форма второго лица не образуется, например, от глаголов безличных, ср. *рассвести́ (рассветёт)*, *боле́ть (боли́т)*, *нарыва́ть (нарыва́ет)* и т. п.

ственного числа презенса (настоящего времени), т. к. именно в этой форме наблюдаются многочисленные чередования в консонантизме, а также, у многих глаголов, другое место ударения, чем в остальных формах настоящего времени. Поэтому, в качестве вспомогательной формы, необходимо знать ещё и форму 1-го лица единств. числа настоящего времени.

У большинства глаголов достаточно будет знать эти три основные формы:

ходи́ть — хожу́ — хо́дит
сидеть — сижу́ — сиди́т
писа́ть — пишу́ — пи́шет и т. п.

Чередование согласных внутри основы настоящего времени

При анализе морфематического состава русских глаголов принято говорить об «основе настоящего времени», как таковой. Действительно, у большинства глаголов основа настоящего времени остаётся неизменённой во всех формах «группы настоящего времени» (индикатив, императив, причастия и деепричастие). Но у многочисленных глаголов нельзя говорить об «основе настоящего времени», как таковой, поскольку в формах «группы настоящего времени» появляются в ряде случаев две основы. Этот вопрос, завуалированный русской графикой, заслуживает более обстоятельного обсуждения.

I. Формы «группы настоящего времени» образуются от одной основы у следующих глаголов:

а) В рамках I спряжения у глаголов, основы наст/вр которых оканчиваются на *-j*, на *-ж -ч -ш -щ* или на *л'*: *читај-* (I кл.), *владеј-* (II кл.), *рисуј-* (III кл.), далее глаголы типа *брej-* (к *брить*), *поj-* (к *петь*) и т. п. Сюда же относятся глаголы VI класса типа *ма́зать* (основа наст/вр *маж-*), *пла́кать (плач-)*, *писа́ть (пиш-)*, *иска́ть (ищ-)*, а также *сы́пать* (*сыпл'-* с мягким *l'*!) и т. п.

б) В рамках II спряжения у глаголов, основы наст/вр которых оканчиваются на мягкое *-l' -ń -ŕ* или на *-ж -ч -ш -щ;* ср. *вали́ть* (основа наст/вр *val'-*), *цени́ть (сеń-)*, *говори́ть (govoŕ-)*, *горе́ть*

(goř-), *держáть (держ-)*, *кричáть (крич-)*, *учúть (уч-)*, *тушúть (туш-)*, *тащúть (тащ-)* и т. п.

II. Формы «группы настоящего времени» образуются от разных основ, т. е. внутри основы наст/вр проявляются закономерные чередования согласных фонем; эти чередования не всегда проявляются в графике.

Чередования согласных фонем внутри основы настоящего времени представлены двумя основными типами:

А. Чередования согласных в пределах I спряжения;

Б. Чередования согласных в пределах II спряжения.

А. У глаголов I спряжения варианты основы наст/вр распределяются так:

	(а) основа с твёрдым согласным		основа с мягким согласным	
индик.	*я вед-ý*	/d-/		
			ты вед-ёшь, он вед-ёт	/ď-/
			мы вед-ём, вы вед-ёте	
	онú вед-ýт	/d-/		
импер.			*вед-ú*	/ď-/
деепр.			*вед-я́*	/ď-/
действ/прич.	*вед-ýщий*	/d-/		
страд/прич.	*вед-óмый*	/d-/		

	(б) основа с заднеязычным		основа с «шипящим»	
индик.	*я влек-ý*	/k-/		
			ты влеч-ёшь...	/č-/
	онú влек-ýт	/k-/		
импер.	*влек-ú*	/k'-/		
действ/прич.	*влек-ýщий*	/k-/		
страд/прич.	*влек-óмый*	/k-/		

Чередования типа А (а) представлены у всех глаголов IV и IX классов, а также у глаголов X класса с основой наст/вр на *-с (несý)*, *-в (лéву)*, *-ст (ростý)*, *-б (гребý)*, *-д (ведý)*, *-т (метý)* и *-н (клянýсь)*, ср.:

/kŕikn-/	/kŕikń-/
крúкн-у	*крúкн-ешь...*
крúкн-ут	*крúкн-и*

Чередования типа А (б) представлены у глаголов X класса с основой на *-г* или *-к* (типы *могý* и *пекý*).

Сознательное усвоение этого типа чередований необходимо для понимания всего механизма формо- и видообразования русского глагола.

Б. У глаголов II спряжения варианты основы наст/вр распределены так; форме 1 лица ед/ч индикатива противопоставлены все остальные формы «группы настоящего времени», тип:

индик. *я хож-ý* /ž-/	*ты хóд-ишь, он хóд-ит, онú хóд-ят* /ď-/
импер.	*ход-ú* /ď-/
дееприч.	*ход-я́* /ď-/
действ/прич.	*ход-я́щий* /ď-/

В пределах данной группы наблюдаются следующие регулярные чередования:

д'/ж:	*ходи́ть (хожу́/хóдит); сидéть (сижу́/сидúт);*
т'/ч:	*плати́ть (плачу́/плáтит); вертéть (верчу́/вéртит);*
т'/щ:	*сократи́ть (сокращу́/сократúт);*
ст'/щ:	*пусти́ть (пущу́/пу́стит); свистéть (свищу́/свистúт);*
зд'/зж [ž:]	*éздить (éжу/éздит);*
з'/ж:	*вози́ть (вожу́/вóзит);*
с'/ш:	*носúть (ношу́/нóсит); висéть (вишу́/висúт);*
б'/бл':	*люби́ть (люблю́/лю́бит);*
п'/пл':	*купúть (куплю́/ку́пит);*
м'/мл':	*корми́ть (кормлю́/кóрмит);*
в'/вл':	*ловúть (ловлю́/лóвит);*
ф'/фл':	*разграфúть (разграфлю́/разграфúт).*

Вариант основы наст/вр, появляющийся во всех формах, кроме формы 1 лица сд/ч, называется **неизменённой** основой наст/вр, напр. *ход-* [xoď-].

С. У некоторых глаголов основы наст/вр представлены вариантами, отличающимися друг от друга не характером последней согласной фонемы, а всей своей структурой, например:

тип *бить*:			
индик.	*я бью*	(bj-)	
	ты бьёшь	(bj-)	
прич.	*бью́щий*	(bj-)	
импер.			*бей* (bej)
тип *дава́ть*:			
индик.	*я даю́*	(daj-)	
	ты даёшь	(daj-)	
действ/прич.	*даю́щий*	(daj-)	
страд/прич.			*дава́емый* (davaj-)
дееприч.			*дава́я* (davaj-)
импер.			*дава́й* (davaj)

Подобные случаи приводятся в отделе, посвящённом спряжению отдельных глаголов и групп глаголов.

Типы ударения в пределах основы настоящего времени

Русские глаголы можно условно разбить на две неравных группы. У подавляющего большинства глаголов ударение во всех формах падает на один и тот же слог: такие глаголы, как *де́лать*, *владе́ть*, *отсу́тствовать*, *не́рвничать*, *тра́тить*, *сбо́хнуть* и мн. др., имеют во всех формах постоянное ударение. Другая часть русских глаголов, — а к ней как раз относятся наиболее употребительные, — характеризована, в пределах основы настоящего времени, подвижным ударением. Подвижность ударения сказывается в том, что в форме 1 лица ед/ч презенса ударение падает на окончание, во всех остальных формах — на основу, ср.:

я ношу́	*я пишу́*	*я тяну́*
ты но́сишь	*ты пи́шешь*	*ты тя́нешь*
он но́сит	*он пи́шет*	*он тя́нет*
мы но́сим	*мы пи́шем*	*мы тя́нем*
вы но́сите	*вы пи́шете*	*вы тя́нете*
они́ но́сят	*они́ пи́шут*	*они́ тя́нут*

Отклонения от этого типа единичны, ср. *колеба́ть — коле́блю — коле́блет*, *колыха́ть — колы́шу — колы́шет*.

Отнесённость глагола к тому или иному акцентологическому типу чрезвычайно важна не только для образования всех форм презенса. Дело в том, что и в ряде других форм, образованных от основы настоящего времени, место ударения зависит от места ударения формы 1 лица ед/ч. Так, например, место ударения повелительной формы *ходи́* совпадает с местом ударения формы *я хожу́*. Зная одну из этих форм, можно почти во всех случаях образовать другую.

В настоящей книге глаголы с подвижным ударением типа *носи́ть — ношу́ — но́сит* будут обозначаться звёздочкой (*) перед формой инфинитива. Глаголы, допускающие в русском литературном языке акцентологические варианты, например *грузи́ть — гружу́ — гру́зит* или *грузи́т*, отмечены двумя звёздочками (**) перед формой инфинитива. Акцентологические метки приводятся там, где знание акцентологических свойств глагола необходимо для образования той или иной формы.

Кроме указанных акцентологических изменений в пределах основы настоящего времени, русские глаголы имеют ещё целый

ряд других акцентологических особенностей, касающихся форм прошедшего времени, а также кратких и полных форм причастия прошедшего времени страдательного залога.

Типы ударения в пределах основы прошедшего времени

В формах прошедшего времени можно выделить три основных типа ударения:

1. Постоянное ударение во всех формах: такое ударение имеется у всех глаголов, в инфинитиве которых ударяемым слогом является не последний слог *(рабо́тать, иссле́довать, захло́пнуть)*, а также у многих глаголов с ударением на последнем слоге перед инфинитивным окончанием *-ть (броди́ть, владе́ть, тону́ть)* и у некоторых односложных глаголов *(брить, петь, крыть)*:

рабо́тать: рабо́тал — рабо́тала — рабо́тало — рабо́тали

Отклонения от этого общего правила единичны, ср. *роди́ть*, но: *она́ роди́ла* (с/в).

2. Подвижное ударение, причём женская форма противопоставляется всем остальным; такое ударение свойственно только некоторым непродуктивным глаголам с наконечным ударением в инфинитиве:

дать: дал — дала́ — да́ло — да́ли
жить: жил — жила́ — жи́ло — жи́ли
собра́ть: собра́л — собрала́ — собра́ло — собра́ли

У ряда глаголов непродуктивных типов ударение в форме мужского и среднего рода, а также множественного числа, оттягивается на приставку:

отда́ть: о́тдал — отдала́ — о́тдало — о́тдали
пережи́ть: пе́режил — пережила́ — пе́режило — пе́режили

3. Наконечное ударение во всех формах; такое ударение встречается у некоторых непродуктивных глаголов с наконечным ударением в инфинитиве:

принести́: принёс — принесла́ — принесло́ — принесли́
изобрести́: изобрёл — изобрела́ — изобрело́ — изобрели́

Наконечное ударение встречается также у некоторых возвратных глаголов:

нача́ться: начался́ — начала́сь — начало́сь — начали́сь

В ряде случаев имеются колебания в месте ударения. Они относятся в большинстве случаев к глаголам с подвижным ударением (типы 2 и 3), причём акцентологические дублеты наблюдаются обычно только в формах мужского (среднего) рода и во множественном числе, в то время как место ударения женской формы (наконечное) остаётся более устойчивым, ср. *до́пил -о -и* и *допи́л -о -и* (при *допила́*), *пе́режил -о -и* и *пережи́л -о -и* (при *пережила́*), *собра́лся/собрался́*, *собра́лись/собрали́сь* (при *собрала́сь*). К сожалению, акцентологические указания, приводимые в Академической грамматике (1952), не всегда совпадают с данными, сообщаемыми в словаре-справочнике «Русское литературное ударение и произношение» (1955). Так, например, Акад. грамм. приводит только формы *до́пил -о -и* (I 482), а указанный словарь-справочник допускает также формы *допи́л -о -и* (105). Словарь-справочник указывает как единственно литературную форму *собра́лся* (437), а Акад. грамм. допускает дублеты *собра́лся* и *собрался́* (I 483).

В страдательном причастии прошедшего времени следует различать полные и краткие формы.

В полных формах ударение не меняется. Но по отношению к месту ударения инфинитива следует различать опять-таки три типа ударения:

1. Постоянное ударение.

а) Ударение сохраняется, если в инфинитиве ударяется не последний слог:

обду́мать — обду́манный -ая -ое
бро́сить — бро́шенный -ая -ое
иссле́довать — иссле́дованный -ая -ое
затро́нуть — затро́нутый -ая -ое

б) Ударение остаётся на том же слоге у ряда глаголов с наконечным ударением в инфинитиве:

сократи́ть — сокращённый -ая -ое
принести́ — принесённый -ая -ое
заши́ть — заши́тый -ая -ое

2. Оттяжка ударения на корень наблюдается у многих глаголов (особенно у глаголов на *-а́ть/-я́ть* и *-ова́ть/-ева́ть*), имеющих в инфинитиве наконечное ударение:

испуга́ть — испу́ганный -ая -ое
нарисова́ть — нарисо́ванный -ая -ое
написа́ть — напи́санный -ая -ое
накорми́ть — накормленный -ая -ое

3. У некоторых приставочных глаголов, относящихся к непродуктивным типам, ударение оттягивается на приставку:

отда́ть — о́тданный -ая -ое
назва́ть — на́званный -ая -ое
прожи́ть — про́житый -ая -ое
призна́ть — при́знанный -ая -ое

В кратких формах ударение, как правило, ориентируется на полную форму.

1. Постоянное ударение во всех формах сохраняется у глаголов, в которых ударение в инфинитиве падает не на последний слог:

обду́манный: обду́ман — обду́мана — обду́мано — обду́маны
про́шенный: про́шен — про́шена — про́шено — про́шены
затро́нутый: затро́нут — затро́нута — затро́нуто — затро́нуты и т. д.

2. Подвижное ударение наблюдается у некоторых непродуктивных глаголов, причём женская краткая форма противопоставляется всем остальным. Соответствующая полная форма мужского рода имеет ударение на приставке:

о́тданный: о́тдан — отдана́ — о́тдано — о́тданы
пе́ре́житый: пе́ре́жит — пережита́ — пе́ре́жито — пе́ре́житы

3. Наконечное ударение во всех формах:

обращённый: обращён — обращена́ — обращено́ — обращены́
принесённый: принесён — принесена́ — принесено́ — принесены́

Более подробные указания даются при парадигматическом

разборе отдельных глагольных классов и групп, а также в отделах, посвящённых образованию грамматических форм.

ПРОДУКТИВНЫЕ И НЕПРОДУКТИВНЫЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

Всякая классификация и систематизация парадигматических явлений остаётся антиисторической, если она не учитывает признака продуктивности и непродуктивности классифицируемых явлений. Продуктивные явления охарактеризованы значительной правильностью, единообразием и массовостью. Они и составляют парадигматическое ядро данного языка.

Слова, входящие в данный продуктивный тип флексии, практически не поддаются учёту. Все новые слова, возникающие или образуемые в данном языке, а также все заимствования из иностранных языков, неизбежно включаются на основании формальных или семантических признаков в один из продуктивных образцов флексии. Состав продуктивных классов слов постоянно пополняется всё новыми и новыми словами. С другой стороны, непродуктивные явления представляют собой ограниченный круг отклонений от общей схемы. Такие отклонения иногда представлены одним-двумя словами, но чаще всего и они объединяются в небольшие, замкнутые группы слов. Фактический состав слов, выходящих за пределы продуктивных явлений, подлежит точному учёту. В научных грамматиках следовало бы приводить полный список всех непродуктивных явлений, всех «исключений». Нельзя забывать, что непродуктивные явления для фактического знания языка столь же важны, как и явления продуктивные. Очень часто к «исключениям» относятся как раз наиболее употребительные слова. Это и не удивительно: именно в силу своей употребительности многие слова сохраняют некоторые архаические формы, не поддаются действию аналогии со стороны продуктивных образцов, увековечивая, таким образом, некоторые особенности давно пройденных этапов языкового развития.

Всякая классификация грамматических явлений должна удовлетворять двум основным требованиям: она должна быть теоретически безукоризненной, т. е. исходить из объективного принципа деления, но одновременно она должна учитывать и определённые практические требования. Жела-

тельно, чтобы научная классификация грамматических явлений была прозрачна, чтобы она допускала быструю и надёжную ориентировку во многообразии явлений, чтобы в основу классификации легли существенные признаки. Как известно, так называемое III спряжение латинской грамматики объединяет весьма разнообразные типы глаголов. Однако главным преимуществом выделения «третьего спряжения» в латинской грамматике является тот факт, что во всём мире имеется полная договорённость относительно того, *какие* именно латинские глаголы относятся к этому спряжению. К сожалению, до сих пор ещё не существует единой классификации русского глагола. В самом Советском Союзе имеется несколько разных классификационных схем, причём ни одна из них не может считаться общепринятой. Удивительно, что вузовский учебник «Современный русский язык», изданный в 1952 году, приводит иную классификацию, чем Академическая грамматика I, вышедшая в том же году и под той же редакцией. Правда, для школьной практики преподавания родного языка деление русских глаголов на классы и группы не представляет большого методического значения: учащийся в основном владеет парадигматикой глаголов своего родного языка. Зато в условиях преподавания русского языка в национальной и зарубежной школе вопрос об устойчивой классификации русского глагола приобретает большое методическое значение. Школа не может обойтись без надёжной и общеобязательной схемы деления русских глаголов. Пора объединить все имеющиеся схемы и создать единую, устойчивую и практичную классификацию русских глаголов!

Разработка классификационных схем русских глаголов не может быть самоцелью. Ведь всякая классификация служит лишь для того, чтобы вскрыть существующие в языке объективные связи. Следует признать, что наиболее продуманной и последовательной является классификация русских глаголов, предложенная Бильфельдтом (H. H. Bielfeldt).[1] Недостатком этой классификации является, на наш взгляд, её теоретическая требовательность; в условиях школьной работы она неприменима. Поэтому мы сохраняем классификацию, введённую нами в школьные учебники русского языка словацких школ.[2] Опыт показал, что эта классификация, базирующаяся в основном на схеме С. О. Карцевского, сравнительно легко усваивается и позволяет ориентироваться в лабиринте русского глагола.

Руководствуясь принципом продуктивности и непродуктивности отдельных парадигматических типов русского глагола, можно выделить следующие группы:

---

[1] H. H. Bielfeldt: Die Klassifizierung der russischen Verben, Russischunterricht 5, Heft 9, 1952, 393—404.

[2] Ср. Грамматика русского языка для X—XI классов общеобразовательных школ. Морфология и синтаксис. Братислава 1959², § 126 и сл.

А. Продуктивные классы

I. Глаголы на **-ать -аю -ает**, например: *чита́ть — чита́ю — чита́ет;* графическим вариантом являются глаголы на **-ять -яю -яет**, например: *гуля́ть — гуля́ю — гуля́ет.*

Основа инфинитива	Основа настоящего времени
чита-	*читај-*

В словацком языке этому классу соответствуют глаголы типа *volať — volám.*

II. Глаголы на **-еть -ею -еет**, например: *красне́ть — красне́ю — красне́ет.*

Основа инфинитива	Основа настоящего времени
красне-	*краснеј-*

В словацком языке этому классу формально соответствуют глаголы типа *červenieť — červeniem.*

III. Глаголы на **-овать -ую -ует**, например: *рисова́ть — рису́ю — рису́ет;* графические варианты на **-евать -юю -юет** (напр. *воева́ть — вою́ю — вою́ет*) и на **-евать -ую -ует** (напр. *ночева́ть — ночу́ю — ночу́ет*).

Основа инфинитива	Основа настоящего времени
рисова-	*рисуј-*

В словацком языке этому классу соответствуют глаголы типа *pracovať — pracujem.*

IV. Глаголы на **-нуть -ну -нет**, например: *кри́кнуть — кри́кну — кри́кнет.*

Основа инфинитива	Основа настоящего времени
крикну-	*крикн-/крикн'-*

Полного параллелизма с словацким языком здесь нет, т. к. в словацком языке глаголы совершенного вида со значением однократного действия типа *padnúť — padnem — padol* объединились с глаголами несовершенного вида типа *mrznúť — mrznem — mrzol* в один «образец». В русском языке разница между теми и другими отчётливо проявляется в формах прошедшего времени: *кри́кнул*, но *замёрз.*

V. Глаголы на **-ить -ю -ит**, например: *стро́ить — стро́ю — стро́ит;* графический вариант на **-ить -у -ит**, например: *ходи́ть — хожу́ — хо́дит.*

Основа инфинитива	Основа настоящего времени
строи- (stroji-)	*строj-*
ходи-	*ход'-*

В словацком языке этому классу соответствуют глаголы типа *chodiť — chodím.*

В русском языке насчитывается свыше 300 бесприставочных глаголов, не входящих ни в один из приведённых продуктивных классов. Правда, некоторые из них в бесприставочной форме вовсе не встречаются; нет, например, бесприставочного глагола *честь*, а есть только *прочесть*, *учесть*, *счесть* и т. д. В ряде случаев приставочные образования по своему значению так далеко отошли от исходного глагола, что должны считаться совершенно самостоятельными глаголами. Так, например, глагол *обязать* исторически восходит к приставочной форме **ob-vęzati*, но в современном языке утратил какую бы то ни было семантическую связь с этим глаголом. При учёте всех этих случаев число непродуктивных глаголов значительно увеличивается.

Среди непродуктивных типов спряжения отчётливо выделяется несколько групп, объединённых общими формальными признаками и насчитывающих по нескольку десятков бесприставочных глаголов. В пределах каждой из данных групп господствует сравнительная регулярность формообразования, позволяющая нам выделить эти группы в качестве нескольких непродуктивных классов глаголов.

Б. Непродуктивные классы

VI. Глаголы на **-ать -у (-ю) -ет**, например: *писа́ть — пишу́ — пи́шет.* Написание окончания 1-ого лица единственного числа регулируется общими орфографическими правилами, ср. *писа́ть — пишу́*, но *трепа́ть — треплю́.*

Основа инфинитива	Основа настоящего времени
писа-	*пиш-*
трепа-	*трепл'-*

Глаголы этого класса имеют, как правило, в основе инфинитива другой консонантизм, чем в основе настоящего времени. Этот класс имеет в словацком языке своё соответствие, ср. *písať — píšem, trepať — trepem.*

VII. Глаголы на -ать -у (-ю) -ит, например: *лежа́ть — лежу́ — лежи́т;* графический вариант на -ять -ю -ит, например: *стоя́ть — стою́ — стои́т.*

Основа инфинитива	Основа настоящего времени
лежа-	*леж-*
стоя- (stoja-)	*stoj-*

Этот класс является по существу комбинацией I-го и V-го продуктивных классов (типа *де́лать* и *ходи́ть*).

В словацком языке этому классу полностью соответствуют глаголы типа *ležať — ležím.*

VIII. Глаголы на -еть -у (-ю) -ит, например: *ви́деть — ви́жу — ви́дит.* Написание окончания 1 лица единственного числа подчиняется общим орфографическим правилам, ср. *терпе́ть — терплю́ — те́рпит.* Этот класс можно рассматривать как комбинацию II и V продуктивных классов *(владе́ть* и *ходи́ть).* В пределах основы настоящего времени имеется чередование согласных, как и у глаголов V продуктивного класса (стр. 35).

Основа инфинитива	Основа настоящего времени
виде-	*вид'-*
терпе-	*терпл'-*

В словацком языке этому классу соответствуют глаголы типа *vidieť — vidím, trpieť — trpím.*

IX. Глаголы на -нуть -ну -нет, например: *мёрзнуть — мёрзну — мёрзнет.* Глаголы IX класса отличаются от глаголов на *-нуть -ну -нет* IV класса (тип *крикнуть*) своим значением: они обозначают или переход из одного состояния в другое (напр. *со́хнуть*), или же пребывание к каком-либо состоянии (напр. *мёрзнуть*). В отличие от глаголов IV класса эти глаголы (бесприставочные) относятся к несовершенному виду.

Существенным морфологическим признаком глаголов IX

класса является наличие третьей основы, представленной формами прошедшего времени и примыкающими к ней парадигматическими образованиями. Дело в том, что в прошедшем времени (а также в деепричастии и причастии прошедшего времени) глаголы IX класса отбрасывают элемент *-ну-*, появляющийся только в форме инфинитива, ср. *мёрзнуть — мёрз, мёрзла -о, -и, мёрзший* и т. д.

Основа инфинитива	Основа прошедшего времени	Основа настоящего времени
мёрзну-	*мёрз-*	*мёрзн-/мёрзн'-*

Этому классу соответствуют словацкие глаголы типа *schnúť — schnem.*

X. Глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на *-сти, -сть, -зть* или -чь, например: *нести́, упа́сть, лезть, печь.* Эти глаголы отличаются рядом особенностей, о которых будет речь ниже. В словацком языке этим глаголам соответствуют такие глаголы, как *niesť, liezť, piecť.*

За пределами продуктивных и непродуктивных классов, представленных сравнительно многочисленными глаголами, остаются непродуктивные группы глаголов, охватывающие лишь несколько бесприставочных глаголов, напр. группа *бить, вить, лить, пить, шить* или группа *выть, крыть, мыть, ныть, рыть.* Некоторые глаголы остаются по своему формообразованию вне группировок: назовём их изолированными глаголами (напр. *хоте́ть, е́хать, быть*).

ПРОДУКТИВНЫЕ КЛАССЫ

Глаголы I класса

Глаголы на -ать -аю -ает (соотносительно, на *-ять -яю -яет*) составляют в русском языке наиболее продуктивную и, следовательно, наиболее многочисленную группу глаголов. Бильфельдт отмечает, что примерно половина всех русских глаголов относится к I продуктивному классу (ук. соч. стр. 398).

Во всех продуктивных классах можно выделить две неравных подгруппы глаголов: подавляющее большинство представлено

глаголами, возникшими в результате живых словообразовательных и морфологических приёмов; состав этой подгруппы постоянно пополняется всё новыми и новыми образованиями. В пределах I продуктивного класса эти глаголы представлены такими образованиями, как *укрупня́ть* (к глаголу совершенного вида *укрупни́ть*), *отова́ривать* (к глаголу совершенного вида *отова́рить*) и подобными неологизмами. Вторая, менее многочисленная подгруппа представлена глаголами, которые с точки зрения современного языка уже не являются производными, хотя и здесь их связь с другими частями речи иногда очевидна. Имеем в виду такие глаголы, как *де́лать*, *ду́мать*, *дёргать*, *игра́ть*, *руга́ть*, *толка́ть*, *чита́ть* или *гуля́ть*, *меня́ть*, *теря́ть* и т. п. Как видно, речь идёт о бесприставочных глаголах, не связанных с другими словами продуктивными приёмами словообразования.[1]

Необыкновенно широкая продуктивность данного класса обеспечена, в первую очередь, тем, что все вторичные глаголы несовершенного вида, образованные от приставочных глаголов с/в, образуются путём их включения в I продуктивный класс (при помощи суффиксов, или без них). Так, например, форма вторичного нс/в к приставочному глаголу *переписа́ть* звучит *перепи́сывать* (перевод в I продуктивный класс при помощи суффикса *-ыв-*), от глагола типа *заболе́ть* эта форма звучит *заболева́ть* (перевод в I продуктивный класс при помощи суффикса *-ев-*), от глагола *приземли́ться* ‚pristáť' (o lietadle) она звучит *приземля́ться* (бессуффиксный перевод в I продуктивный класс: чередование «тематической гласной» *-и-/-я-*). Если перевод в I продуктивный класс обязателен для *всех* вторичных глаголов нс/в, то неудивительно, что почти поло-

---

[1] Глаголы типа *де́лать*, *ду́мать* или *игра́ть* этимологически, конечно, связаны с существительными *де́ло*, *ду́ма* и *игра́*, но, с точки зрения современного языка, их нельзя считать производными от этих существительных. У глаголов типа *гуля́ть*, *теря́ть*, *руга́ть*, *толка́ть* и т. п. связь с другими частями речи полностью утрачена. Существительные типа *гульба́*, *поте́ря*, *ру́гань*, *толчо́к* являются уже вторичными отглагольными образованиями, т. е. производными от указанных глаголов.

Глагол *знать* — *зна́ю* — *зна́ет* относится нами к I-му продуктивному классу лишь на основании фонетического признака. Следует иметь в виду, что основой инфинитива этого глагола является *зна-*, причём гласная *-а-* здесь относится к корню глагола, а не является «тематической гласной».

вина всех русских глаголов вообще относится именно к этому классу.

В словацком языке продуктивность глаголов типа *volať* точно так же обеспечена «внутриглагольными» приёмами образования вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов. Сюда относятся как бессуффиксный перевод в класс глаголов на *-ať -ám/-iam* (напр. *obracať* к глаголу совершенного вида *obrátiť* или *hádzať* к глаголу с/в *hodiť*), так и образования при помощи суффиксов *-áv-* (*oplakávať* к *oplakať*) или *-úv-* (*pracúvať* к *pracovať*). Однако в словацком языке перевод приставочных глаголов в класс глаголов на *-ať -ám* не является единственно возможным продуктивным приёмом образования вторичного несовершенного вида. Наиболее продуктивным приёмом образования вторичных глаголов нс/в в словацком языке является перевод в класс глаголов на *-ovať -ujem*, например: *prepísať // prepisovať*. Необходимо подчеркнуть, что в русском языке этот приём неизвестен. Как видно, русский и словацкий языки значительно расходятся в этом отношении.

Если в приведённых выше случаях мы имеем дело с «внутриглагольными» *морфологическими* (видообразующими) приёмами пополнения I продуктивного класса всё новыми и новыми глаголами, то в других случаях мы вправе говорить о *словообразовательных* (лексических, деривативных) приёмах пополнения этого класса новыми глаголами. В современном русском языке очень распространён суффикс *-нич(-ать)*, при помощи которого образуются отымённые глаголы типа *столя́рничать* (к *столя́р*). В словацком языке подобные отымённые глаголы образуются при помощи других приёмов, ср. *gazda — gazdovať, zbojník — zbojníčiť, úradník — úradníčiť.*

При помощи суффикса *-ич(-ать)* легко образуются глаголы от основы имён прилагательных, например: *скро́мничать* ‚hrať sa na skromného, tváriť sa skromným' (к *скро́мный*), *не́рвничать* ‚byť nervózny' (к *не́рвный*), *капри́зничать* ‚byť rozmarný' (к *капри́зный*), *радика́льничать* (к *радика́льный*) и т. п. В словацком языке и здесь имеются другие приёмы словообразования, ср. *stolárčiť, radikálčiť.*

К I продуктивному классу в русском языке относятся и такие отымённые глаголы, как *обе́дать -аю -ает* (!), *за́втракать -аю*

-aem, в то время как в словацком языке аналогичные глаголы относятся к классу на *-ovať -ujem*, ср. *obedovať — obedujem*.

По образцу I продуктивного класса в русском (и словацком) языке легко образуются глаголы от междометий, ср. *бхать* (к *ох!*), *áхать* (к *ах!*), *кукарéкать* (к *кукарекý*) и т. п. Сюда же относятся лингвистические термины *áкать* (говорить «на *а*»), *óкать* (говорить «на *о*»), *úкать*, *цéкать*, *дзéкать* и т. д. Ср. слвц. *jojkať*, *miaukať*, *jajkať*, *hmkať* (суффикс *-kať*).

Продуктивность I класса, наконец, сказывается и в том, что многие глаголы, входившие в древнем языке в состав VI-го класса (типа *писáть — пишý — пúшет*), так сказать, на наших глазах переходят в I продуктивный класс.[1] В словацком языке многие из этих глаголов ещё сохраняют свою старую флексию, напр. *lámať — lámem*, *kúpať — kúpem*, в то время как в русском языке соответствующие глаголы *ломáть — ломáю*, *купáть — купáю* успели перейти в I класс. Тенденция перевода многих глаголов на *-ať -em* в класс на *-ať -ám* наблюдается, однако, и в словацком языке, ср. *motať — mосem/motám*[2], *hltať — hlcem/hltám*, русск. *мотáть — мотáю*, *глотáть — глотáю*. Морфологические колебания наблюдаются в русском языке у таких глаголов, как

махáть — машý, *мáшет* или *махáю*, *махáет*
пахáть — пашý, *пáшет* или *пахáю*, *пахáет*.

Ударение. Глаголы I класса имеют, как правило, постоянное ударение во всех формах. Только у глаголов с наконечным ударением в инфинитиве ударение в страдательном причастии прош/вр переносится на слог, предшествующий окончанию, например:

прочитáть — прочúтанный *намотáть — намóтанный*
напугáть — напýганный *потерять — потéрянный*
оправдáть — оправданный *проиграть — пройгранный*
разменять — разменянный и т. п.

---

[1] Полный список этих глаголов дан в монографии С. П. Обнорского: Очерки по морфологии русского глагола, Москва 1953, 8 и сл.

[2] Формы типа *mосem/motám* дифференцируются, по-видимому, семантически, ср. *Kde sa mоceš?/Namotám to.*

При этом корневая гласная *-е-* может переходить в *-ё-*, ср.

наверста́ть — навёрстанный *поддева́ть — поддёванный.*

Отклонения от парадигмы. Некоторые глаголы этого класса имеют иррегулярные формы действительного и страдательного причастия наст/вр, ср.:

воспи́тывать -аю -ает ‚vychovávať' — *воспитýемый*
дви́гать -аю -ает ‚hýbať' — *дви́жущий* — *дви́жимый*
испы́тывать -аю -ает ‚skúšať' — *испытýющий* — *испытýемый*
свя́зывать -аю -ает ‚spojovať' — *связýющий*
ука́зывать -аю -ает ‚ukazovať' — *указýющий*
нака́зывать -аю -ает ‚trestať' — *наказýемый*

Такие формы встречаются в сочетаниях типа *дви́жущая си́ла* ‚hybná sila', *тру́дно воспитýемый ребёнок* ‚dieťa, ktoré sa ťažko dá vychovať', *испытýемый материа́л* ‚skúšaný materiál' (ср. субстантивированную форму *испытýемый* ‚kandidát pri skú.ke'), *испытýющий взгляд* ‚skúmavý pohľad', *связýющее звено́* ‚spojovací článok', *указýющий перст* (книж.) ‚ukazovák', *наказýемое де́яние* ‚čin, podliehajúci trestu'. Некоторые причастия этого типа превратились в прилагательные: *(не)доказýемый* ‚(ne)dokázateľný' (при глаголе *дока́з-ыв-ать*), *неописýемый* ‚neopísateľný' (при *опи́с-ыв-ать*).

Морфологические особенности форм *дви́жущий* и *дви́жимый* объясняются тем, что глагол *дви́гать* морфологически расщепился: в значении «делать движения, шевелить» имеются только формы, образованные по образцу I класса (ср. *Больно́й уже́ дви́гает па́льцами*). В значении же «приводить в движение» сохраняется старинная флексия по образцу VI класса (ср. *Пружи́на дви́жет часово́й механи́зм*). Именно в этом втором значении и употребляются формы типа *дви́жущая (си́ла)* и *дви́жимый* (ср. *Механи́зм, дви́жимый пружи́ной*). Форма *дви́гающий* употребляется в первом значении (ср. *Больно́й, дви́гающий па́льцами*), в то время как форма «дви́гаемый», по-видимому, избегается.

Формы *воспитýемый, испытýемый, испытýющий, связýющий, указýющий* и т. п. восходят к глаголам на *-овать -ую -ует*; дело в том, что ещё в XVIII веке употреблялись формы *воспи́т-овать, испы́т-овать, ука́з-овать* и т. п., соответствующие слвц. формам *spyt-ovať, ukaz-ovať*. От этих глаголов на *-овать* образованы формы типа *воспитýемый, испытýющий, связýющий* и т. п. С внедрением редукции безударных гласных в литературное произношение русского языка в XIX веке тематический элемент этих глаголов *-овать* стал произноситься как [-əvət'] и был, в конечном счёте, заменён на письме графикой *-ывать (воспи́тывать, свя́зывать* и т. п.).

Точно так же объясняются и формы типа *обязýю, обязýет* и т. п., употребляемые наряду с регулярными формами *обя́зываю, обя́зывает* к инфинитиву *обя́зывать*. Этот глагол ещё в XVIII веке имел форму *обя́з-овать*.

Глагол *пелена́ть* ‚povíjať' со всеми своими приставочными образованиями, имеет в страдательном причастии прошедшего времени окончание *-тый* (вместо *-нный*), ср. *запелёнатый, спелёнатый, перепелёнатый*, наряду с формами разговорного языка на *-утый: запелёнутый, перепелёнутый.* В данном случае произошла контаминация форм I и IV класса (глаголы на *-нуть -ну -нет*).

Глаголы II класса

В некоторых новейших классификационных схемах глаголы на -еть -ею -еет рассматриваются как разновидность I продуктивного класса (ср. Акад. грам., СРЯ 1952, W. Steinitz, 1955[1]). В других работах эти глаголы выделяются в особый класс (ср. СРЯ 1957, 341). По своему значению и по месту, занимаемому в системе русских глаголов, формы типа *владе́ть* настолько далеки от глаголов I класса, что их выделение в особый класс (предложенное ещё С. О. Карцевским) вполне обосновано.

Продуктивность данного класса обеспечивается немногочисленными, но вполне живыми словообразовательными приёмами.

От имён прилагательных свободно образуются глаголы на *-еть -ею -еет* со значением «приобретать признак, указанный основой прилагательного», например:

кра́сный — красне́ть	*бле́дный — бледне́ть*
жёлтый — желте́ть	*бога́тый — богате́ть*
то́лстый — толсте́ть	*тяжёлый — тяжеле́ть* и т. п.

Не все указанные русские глаголы имеют в словацком языке точное соответствие (ср. *červený — červenieť*); в ряде случаев аналогичные словацкие глаголы образованы при помощи элемента *-núť*, ср. *chudý — chudnúť, bledý — blednúť, bohatý — bohatnúť.*

От некоторых качественных имён прилагательных образуются также глаголы на *-еть -еет* или на *-еться -еется* со значением «иметь указанный в корне признак, быть каким-либо», ср. *бе́лый — беле́ть* (*Беле́ет па́рус одино́кий*, Лермонтов), *беле́ться в дали́, чёрный — черне́ться* и т. п.

---

[1] W. Steinitz: Die russische Konjugation, Berlin 1955[4], 21.

Особую небольшую группу составляют глаголы, образованные от имён прилагательных типа *безвóдный*, *безбóльный*, *безголóсый* со значением «стать таким», напр. *обезвóдеть*, *обезбóлеть*, *обезголóсеть*, *обезголóветь*, *обеззýбеть*, *обезнóжеть*, *обеспáмятеть*, *обессúлеть*.

У глаголов этого класса, образованных от имён существительных, связь с соответствующим существительным легко утрачивается, ср. *осовéть* (к *сова́*) ‚dostať zmeravený výraz', *очумéть* (к *чума́* ‚mor') ‚stať sa pomätený', экспрессивное *осточертéть* (ср. *Э́то мне осточертéло!* ‚Toho už mám dosť'!).

В пределах II класса имеется небольшая группа глаголов, не являющихся, с точки зрения современного языка, производными образованиями. Сюда относятся глаголы типа *имéть*, *владéть*, *жалéть* ‚ľutovať', *умéть* ‚vedieť', а также восемь односложных глаголов, у которых гласная *-е-* не является тематической гласной, а относится к корню: *гре-ть* ‚hriať', *зре-ть* ‚dozrievať', *мле-ть* ‚trnúť', *пре-ть* ‚zahnívať', *рде-ть* ‚rdieť sa', *сме-ть* ‚opovažovať sa', *спе-ть* ‚dozrievať' и *тле-ть* ‚tlieť'.

Как видно, продуктивность глаголов II класса дана довольно узким кругом словообразовательных приёмов. Основным значением, связанным с продуктивным пластом этого класса, следует признать значение «становиться каким-либо», ср. *вы́здороветь* «стать здоровым», *повеселéть* «стать весёлым». Такие глаголы в силу своего значения являются глаголами непереходными. Большинство глаголов этого класса (за редкими исключениями, вроде *греть кого-л.*, *жалéть кого-л.*, *имéть что-л.*) относится к непереходным глаголам и, следовательно, не имеет форм страдательных причастий. Форма страдательного причастия прошедшего времени образуется только от глагола *греть: грéтый*, *согрéтый*, *разогрéтый*.

Ударение. Подавляющее большинство глаголов II класса имеет постоянное ударение на тематическом гласном *-е-*, ср. *краснéть*, *богатéть*, *жалéть*, *владéть* и т. д. Исключениями являются глаголы совершенного вида с приставкой *вы-* (*вы́здороветь*), а также редкие случаи ударения на основе (*опосты́леть* ‚sprotiviť sa',[1] *заржúветь* ‚zahrdzavieť').

[1] Интересно, что непереходность глаголов II класса, выраженная уже самой принадлежностью к данному типу (тематическим гласным *-е-*), выражается в ряде словацких эквивалентов глаголами на *-iť* в возвратной форме, ср. *потéть* — *potiť sa*.

Глаголы III класса

Глаголы на -овать -ую -ует (с соответствующими графическими вариантами) широко представлены в современном русском языке.

Продуктивность данного класса обеспечена рядом живых приёмов словообразования.

В первую очередь необходимо привести многочисленные глаголы иностранного происхождения на *-ова́ть/-ева́ть*, например: *адресова́ть*, *атакова́ть*, *вербова́ть*, *диктова́ть*, *организова́ть*, *про́бовать*, *рисова́ть*, *публикова́ть*, *танцева́ть*, *штурмова́ть* и мн. др. Можно полагать, что эти глаголы были заимствованы из польского языка, где глаголы на *-ować* вообще гораздо более многочисленны, чем в русском, ср. *adresować*, *atakować*, *werbować*, *dyktować*, *organizować*, *próbować*, *rysować*, *publikować*, *tańcować*, *szturmować*. Не исключено, что и такие на вид исконно русские глаголы, как *голосова́ть* или *зимова́ть*, возникли под влиянием соответствующих польских глаголов *głosować* и *zimować*. Исконно русских глаголов на *-ова́ть/-ева́ть* сравнительно мало, ср. *бороновáть* ‚brániť (pole bránami)', хотя и здесь имеется польская форма *bronować*. Приведённые глаголы на русской почве привились, ударение почти во всех случаях было перенесено на последний слог *(-ова́ть)*.

Многочисленные глаголы на *-овать* восходят к церковнославянскому пласту русской лексики. Формально они отличаются ударением на основе (на первом слоге *корня* глагола); по своему значению они представляют отвлечённые «действия», часто связанные с культом; стилистически все нижеприведённые глаголы могут быть названы или «книжными», или, по крайней мере, восходящими к «книжным» выражениям. Сюда относятся: *ве́ровать*, *жа́ловаться*, *же́ртвовать*, *заве́довать*, *зави́довать*, *здра́вствовать*, *изоби́ловать* ‚oplývať', *испове́довать*, *наси́ловать*, *насле́довать*, *отсу́тствовать*, *по́льзоваться*, *ра́довать*, *расхо́довать*, *се́товать* ‚reptať, sťažovať sa', *сле́довать*, *сове́товать*, *тре́бовать*, *уро́довать* и т. п.

Церковнославянскими по типу образования являются также глаголы типа *бу́йствовать* (к *бу́йство*), *упо́рствовать* ‚vzdorovať' (к *упо́рство*), *пи́ршествовать* ‚hodovať' (к *пи́ршество*) и т. п. Уже на русской почве в этих глаголах был выделен суффикс

-ствовать, при помощи которого образуются многочисленные глаголы типа *учи́тельствовать* «быть учителем» (к существительному *учи́тель*), *профе́ссорствовать* (к *профе́ссор*), *ре́кторствовать* (к *ре́ктор*) и т. п.

Широкое распространение получил в русском языке суффикс *-и́ровать/-ирова́ть*, восходящий к немецкому глагольному суффиксу *-ieren*, ср. *абстраги́ровать* (нем. *abstrahieren*), *координи́ровать* (нем. *koordinieren*), *маскирова́ть* (нем. *maskieren*), *регистри́ровать* (нем. *registrieren*), *цити́ровать* (нем. *zitieren*), *эмалирова́ть* (нем. *emaillieren*) и мн. др. В словацком и чешском языках суффикс *-írovať* не привился в литературном употреблении; глаголы типа *fantazírovať*, *mašírovať*, *radírovať*, *špacírovať* имеют фамильярно-просторечный оттенок. В словацком (и чешском) литературном языке русским глаголам на *-ировать* соответствуют, как правило, глаголы на *-ovať*, ср. *abstrah-ovať*, *koordin-ovať*, *mask-ovať*, *registr-ovať*, *cit-ovať*.

Разница между словацким и русским типом образования таких «интернациональных» глаголов особенно наглядно сказывается в тех многочисленных случаях, где словацкий глагол на *-ovať* образован от другой основы, чем соответствующий русский глагол на *-ировать*, ср.:

jung-ovať — *функцион-и́ровать*
korig-ovať — *коррект-и́ровать*
redig-ovať — *редакт-и́ровать*
provok-ovať — *провоц-и́ровать* и т. п.,

а также все глаголы на *-fikovať/-фици́ровать:*

klasifikovať — *классифици́ровать*[1]
kinofikovať — *кинофици́ровать*
unifikovať — *унифици́ровать*
elektrifikovať — *электрифици́ровать* и т. п.

---

[1] Это расхождение между русским языком, с одной стороны, чешским и словацким (а также и польским), с другой, объясняется тем, что русские глаголы на *-ировать* исходят из немецкой формы глаголов на *-ieren* (напр. klassilizieren), в то время как в западнославянских языках исходной формой является непосредственно латинской глагол (ср. лат. *classificare;* ср. ещё *jungere*, *provocare*). Глаголы типа *публикова́ть* (вместо ожидаемого «публицировать») заимствованы в русском языке, вероятно, через посредство польского языка, ср. *publikować*.

Суффикс *-фици́ровать* стал на русской почве продуктивным; он может быть присоединён и к чисто русской основе, ср. *звукофици́ровать кино́* ‚zavádzať zvukový film'.

Широко распространён суффикс *-изи́ровать*, восходящий к немецкому суффиксу *-isieren*[1], ср. *атомизи́ровать* (нем. *atomisieren*), *полемизи́ровать* (нем. *polemisieren*), *специализи́ровать* (нем. *specialisieren*) и т. п. И в этих случаях словацкий и чешский языки употребляют иной суффикс: *-izovať*, ср. *atomizovať*, *polemizovať*, *špecializovať*. Суффикс *-изи́ровать* может быть присоединён и к русской основе, например: *военизи́ровать промы́шленность* ‚prispôsobovať priemysel vojenským potrebám, zbrojeniu', *яровизи́ровать пшени́цу* и т. п.

Все эти факты говорят о том, что продуктивность глаголов на *-овать -ую -ует* в русском языке ограничена в сравнении с словацким или чешским языком, где соответствующий суффикс является прямо «универсальным» приёмом образования новых глаголов, ср. *film — filmovať*, *lis — lisovať*, *luxovať* («чистить, работать пылесосом»; первоначально от названия пылесоса системы »Elektrolux«), *sidolovať* («чистить металлические предметы» особым раствором марки »Sidol«), *kefa* «щётка» — *kefovať* «чистить щёткой», *olovrant* «полдник» — *olovrantovať* «полдничать», *známka — známkovať* «ставить отме́тки» и т. д. и т. д.

Основной причиной почти неограниченной продуктивности глаголов на *-ovať -ujem* в словацком (а также в чешском) языке является тот факт, что в этих языках перевод глаголов совершенного вида в данный класс является одним из основных приёмов образования вторичных глаголов несовершенного вида, ср. *prepísať — prepis-ovať*, *odstrániť — odstraň-ovať*, *rozdeliť — rozdeľ-ovať* и т. д. В словацком или чешском языках образование глаголов на *-ovať -ujem* не ограничено лишь приёмами словообразования, как в русском языке. Глаголы на *-ovať -ujem* представляют собой значительный пласт «внутриглагольного» (морфологического) формообразования. По образцу *pripraviť — pripravovať* в словацком языке может быть образовано неограниченное количество новых глаголов несовершенного вида. «Функциональная нагрузка» глаголов на *-ovať -ujem* в словацком

---

[1] Немецкая форма *-isieren*, в свою очередь, восходит к французской форме *-iser*, ср. *spécialiser*.

(и чешском) языке сравнима в этом отношении лишь с функциональной нагрузкой глаголов I продуктивного класса в русском языке (см. стр. 46).

В пределах глаголов III класса имеется небольшая группа глаголов с двусложной формой инфинитива, в которых элемент *-ова-/-ева-* не является тематическим показателем класса, а принадлежит самой основе: *блева́ть (блюёт)*, *жева́ть (жуёт)*, *клева́ть (клюёт)* ‚zobať', *кова́ть (куёт)*, *плева́ть (плюёт)* ‚pľuť', *снова́ть (снуёт)* и *сова́ть (суёт)* ‚strkať', к которым ещё присоединяется глагол *основа́ть* (сов.) ‚založiť'; этот глагол, возникший из приставочного образования *о-снова́ть*, больше не воспринимается как производный от глагола *снова́ть*.

Ударение. У глаголов III продуктивного класса следует различать два акцентологических типа. К первому относятся глаголы с ударением не на последнем слоге в инфинитиве, напр. *тре́бовать*, *фикси́ровать*, *провоци́ровать*. Ко второму типу относятся глаголы с ударением на последнем слоге в инфинитиве, напр. *рисова́ть*, *волнова́ть*, *организова́ть*; в формах «группы настоящего времени» ударение переходит на гласную *-у-*, например, *я рису́ю*, *рису́й*, *рису́я*, *рису́ющий*.

В некоторых случаях место ударения различает значение глаголов:

милова́ть ‚láskať'	— *ми́ловать* ‚udeľovať milosť'
планирова́ть ‚plánovať'	— *плани́ровать* ‚letieť kĺzavým letom'

Глаголы с ударением на последнем слоге инфинитивной формы образуют форму страдательного причастия прош/вр с оттяжкой ударения на третий слог с конца:

нарисова́ть — нарисо́ванный *согласова́ть — согласо́ванный*
обоснова́ть — обосно́ванный *арестова́ть — аресто́ванный*

Ср. также *блёванный*, *(из)жёванный*, *(ис)клёванный*, *ко́ванный*, причём гласный *-е-* под ударением переходит в *-ё-*.

Вид. Подавляющее большинство бесприставочных глаголов III класса принадлежит к несовершенному виду. В отдельных случаях глаголы на *-овать -ую -yет* могут употребляться со значением как совершенного, так и несовершенного вида, ср. *образова́ть* (сов. и несов.), *реорганизова́ть* (сов. и несов.), *арестова́ть* (сов. и несов.).

Формы вторичного несовершенного вида к приставочным глаголам этого класса образуются путём их перевода в I продуктивный класс (на *-ать -аю -ает*) при помощи суффикса *-ы́вы(-ать)/-ёвыв(-ать)*, ср.:

согласова́ть ‚uviesť do súladu' — *согласо́вывать* (несов.)
перелицева́ть ‚prevrátiť (kabát)' — *перелицо́вывать* (несов.)
перекочева́ть ‚presídliť sa' — *перекочёвывать* (несов.)
разжева́ть ‚rozžuť' — *разжёвывать* (несов.)

В ряде случаев такие же формы несовершенного вида образуются и к бесприставочным глаголам, совмещающим оба вида, например: *организова́ть* (сов. и несов.), но *организо́вывать* (только несов.), *образова́ть* (сов. и несов.), но *образо́вывать* (только несов.). Эти образования напоминают аналогичные словацкие формы на *-úvať*, например *pracovať — pracúvať*.

Глаголы IV класса

Глаголы на **-нуть -ну -нет** формально охарактеризованы наличием суффикса *-ну-*, сохраняющегося во всех формах «группы прошедшего времени» (тип *кри́кнуть — кри́кнул — кри́кнув — кри́кнувший*), в отличие от глаголов IX класса, отбрасывающих, как правило, этот суффикс во всех формах «группы прошедшего времени» (ср. *со́хнуть*, но: *вы́сох — вы́сохши — вы́сохший*).

Формы презенса этих глаголов оканчиваются на *-ну -нет* или на *-ну́ -нёт*, в зависимости от места ударения. Глаголы данного типа имеют две основы наст/вр.

Основа инфинитива	Основы настоящего времени	
крикну-	*кри́кн-у*	*кри́кн-ет*
	/kŕikn-/	/kŕikń-/

Продуктивность данного класса обеспечивается довольно широким употреблением суффиксов *-ну-/-н-* для образования так называемых «однократных» глаголов совершенного вида.

Продуктивность данного суффикса сохранилась особенно в экспрессивных образованиях. Сюда можно отнести такие неологизмы, как *рискну́ть* (к *рискова́ть*), *курну́ть* (к *кури́ть*), *спекульну́ть* (к *спекули́ровать*); эти глаголы, однако, не свойственны литературному языку. Наряду с суффиксом *-ну-/-н-*

в русском языке имеется также суффикс *-ану-/-ан-* (и его графический вариант *-яну-/-ян-*), при помощи которого образуются глаголы «интенсивно-однократной» совершаемости, ср. *толкану́ть* (при *толкну́ть*), *резану́ть* (к *ре́зать*), *тряхану́ть* (при *тряхну́ть;* к *трясти́*), *рубану́ть* (к *руби́ть*) и т. п. «Интенсивно-однократные» глаголы на *-ануть* образуются опять-таки только от глаголов «многофазисных» (*толка́ть*, *коло́ть*, см. стр. 252); они свойственны просторечию. Однако некоторые глаголы данного образования лишены своей экспрессивности, ср. *ка́шлянуть* ‚odkašlať si' (к *ка́шлять*).

В словацком языке глаголы на *-núť* широко представлены такими формами, как *bodnúť, dotknúť sa* и т. п. Этот суффикс вполне продуктивен, ср. такие новообразования разговорного языка, как *lajsnúť si* «позволить себе» (нем. *sich leisten*), *risknúť, stopnúť* и т. п.

Далеко не все образования на *-нуть*, входящие в IV класс, можно считать, с точки зрения современного языка, глаголами производными, т. е. образованными от других глаголов по образцу живых, продуктивных лексико-грамматических приёмов.

К старым, непроизводным глаголам этого класса относятся, в первую очередь, односложные глаголы типа *гнуть (гнёт)*[1] ‚ohýbať', *льнуть (льнёт)* ‚ľnúť, lipnúť', глагол *пнуть (пнёт)*, редко встречающийся вне приставочных образований (ср. *запну́ться* ‚zaraziť sa'; ср. чеш. *pnouti se*). Сюда же относятся глаголы, у которых связь с другими глаголами, с точки зрения современного языка, нарушена, напр. *верну́ть* (больше не связывается с *верте́ть*), *тяну́ть* (корень *тяг-*, как в *протя́гивать*), *тону́ть* ‚topiť sa' (корень *топ-*, как в *топи́ть*), *ка́нуть* ‚zmiznúť' (корень **кар-*, как в слвц. *skapať*), *обману́ть* ‚oklamať' (из **ob-mat-nǫti* с тем же корнем, что и в слвц. *otáміť*) и мн. др.

Ударение. Глаголы с ударением на основе (тип *кри́кнуть*) сохраняют во всех формах постоянное ударение.

Глаголы с ударением на суффиксе (тип *развернуть — развернёт*) переносят в формах страдательного причастия прош/вр ударение на третий слог с конца, ср.:

развернуть — развёрнутый *застегну́ть — засте́гнутый*
отогну́ть — отбгнутый *протяну́ть — протя́нутый*

[1] Здесь элемент *-ну-* относится, конечно, к глагольной основе, а не является суффиксом.

При этом гласный *-е-* глагольного корня переходит в *-ё-*.

Следует, однако, иметь в виду, что, в отличие от словацкого языка, далеко не все переходные глаголы образуют эту форму. В русском языке нет прямых соответствий словацким формам типа *pichnutý*, *bodnutý*, *(od)sunutý*. Соответствующая форма в русском языке вообще не образуется от бесприставочных глаголов.

Подвижное ударение в пределах форм настоящего (будущего) времени имеют следующие глаголы:

**взглянýть*	— *взглянý*	— *взгля́нет*	‚pozrieť'
**заглянýть*	— *заглянý*	— *загля́нет*	‚nazrieť, pozrieť'
**приглянýться*	— *приглянýсь*	— *пригля́нется*	‚zapáčiť sa'
**вспомянýть*	— *вспомянý*	— *вспомя́нет*	‚spomenúť si'
**помянýть*	— *помянý*	— *помя́нет*	‚zmieniť sa'
**упомянýть*	— *упомянý*	— *упомя́нет*	‚zmieniť sa'
**обманýть*	— *обманý*	— *обма́нет*	‚oklamať'
**тонýть*	— *тонý*	— *то́нет*	‚topiť sa (vo vode)'
**тянýть*	— *тянý*	— *тя́нет*	‚ťahať',

а также все производные от **тонýть* и **тянýть*.[1]

Глагол *минýть* ‚minúť; vypršať' имеет ряд неправильностей. В 1 лице единственного числа употребляется супплетивная форма *я минýю* (к инфинитиву *миновáть*), во 2 и 3 лице — формы *мúнешь*, *мúнет*. В прошедшем времени ударение переносится на корень: *мúнул год*, *емý мúнуло двáдцать лет*.

Вид. Почти все бесприставочные глаголы IV класса со значением однократного («однофазисного») действия относятся к совершенному виду (напр. *крúкнуть*, *кольнýть*, *улыбнýться*, *то́пнуть*, *шепнýть* и т. п.). Естественно, что и все приставочные образования от этих глаголов сохраняют значение совершенного вида (напр. *вскрúкнуть*, *прикрúкнуть*, *притóпнуть*, *сплю́нуть*, *засýнуть*, *отдёрнуть* и т. п.).

Глагол *вернýть* является супплетивной формой с/в к глаголу *возвращáть*.

К несовершенному виду относятся только: *гнуть*, *лынуть*, **тонýть* и **тянýть*.

---

[1] Академическая грамматика говорит почему-то только о «четырёх глаголах с подвижным ударением» *обманýть*, *помянýть*, *тонýть* и *тянýть*» (I 543).

Глаголы V класса

Глаголы продуктивного класса на -ить -у(-ю) -ит отличаются от глаголов остальных продуктивных классов прежде всего своей принадлежностью к так называемому II спряжению: формы настоящего (будущего) времени образуются при помощи окончаний *-у(-ю) -ишь -ит -им -ите -ят (-ат).*

Продуктивность данного класса обеспечена целым рядом живых приёмов глагольного словообразования.

В первую очередь необходимо отметить тип переходных глаголов на *-ить* с фактитивным значением «делать каким-либо», образованных от основ имён прилагательных, например: *бе́лый — бели́ть, ни́зкий — пони́зить, высо́кий — повы́сить, глубо́кий — углуби́ть, чи́стый — чи́стить* и т. п. Не все вышеприведённые примеры отвечают живым приёмам русского словообразования; глаголы *повы́сить, пони́зить* или *углуби́ть* образованы не от современных основ *высо́кий, ни́зкий* или *глубо́кий*, а от старых основ *выс-* (ср. *вы́ше, высь, выс-ота́*), *низ-* (ср. *ни́же, ни́ж-ний*) или *глуб-* (ср. *глубь, глуб-ина́*). Глаголы типа *повы́сить, пони́зить, углуби́ть* унаследованы русским языком от более древних этапов языкового развития. Но этот приём остался живым в пределах прилагательных с иным суффиксом, чем *-кий, -окий:* в настоящее время легко образуются такие неологизмы, как *укрупни́ть колхо́з* ‚zväčšiť, rozšíriť' (к прилагательному *кру́пн-ый*), *уплотни́ть кварти́ру* ‚nasťahovať viac nájomníkov do bytu' (к прилагательному *пло́тн-ый* ‚hustý') и т. п. Такие образования связаны, однако, с определёнными приставками и дают глаголы совершенного вида, ср. ещё *загрязни́ть* (к *гря́зн-ый*), *упрочни́ть* (к *про́чн-ый*), *вы́прямить* (к *прям-о́й*) и мн. др.

Совершенно аналогично образованы соответствующие словацкие глаголы: *čistiť, zhustiť, skypriť;* но в ряде случаев аналогичные глаголы в словацком языке образованы не от положительной, а от сравнительной степени данного прилагательного, например: *zväčšiť* (к *väčší*) — *увели́чить* (к *вели́кий*), *znížiť* (к *nižší*) — *пони́зить* (к *ни́з-кий*), *zvýšiť* (к *vyšší*) — *повы́сить* (к *выс-о́кий*); ср., однако, *уме́ньшить/уменьши́ть* (к *ме́ньше*) ‚zmenšiť'.

Глаголы на *-ить* с фактитивным значением могут быть образованы от наречий (*переина́чить* от *ина́че* ‚zmeniť'), от «собиратель-

ных» числительных (*удвóить* к *двóе; утрóить* к *трóе; удесятерúть* к *дéсятеро*), и даже от предлогов (*опередúть* к *пéред*).

Необыкновенно продуктивны приставочные глаголы, образованные от имён существительных: *смех — насмешúть*, *товáр — отовáрить*, *злóто — позолотúть*. Небольшую группу составляют глаголы типа *обезвредúть* ‚zneškodniť', *обезличúть* ‚zbaviť individuality', *обесцéнить* ‚znehodnotiť'.

К разговорным и профессиональным стилям относятся бесприставочные образования на *-ить* от имён существительных: *бомбúть* (первоначально военное выражение), «Беляéв *температýрит*» ‚má horúčku' (у И. Эренбурга, «Буря») и т. п. Ср. слвц. разговорное *fotiť*.

От имён существительных, обозначающих лицо, могут быть образованы бесприставочные глаголы: *батрáк — батрáчить* ‚nádenníčiť', *рыбáк — рыбáчить*, *дурáк — дурáчить кого-л.* ‚mať niekoho za blázna', *тиráн — тиранúть кого-л.* ‚tyranizovať' и т. п.

Ударение. Глаголы с ударением на основе (тип *трáтить*) сохраняют во всех формах постоянное ударение; они не очень многочисленны, ср. *брóсить*, *вéрить*, *рáнить*, *мéтить*, *батрáчить*, *изóблить* ‚ráčiť' и т. п.

К глаголам, носящим в инфинитиве ударение на последнем слоге и не меняющим место ударения в формах настоящего (будущего) времени (тип *говорúть — я говорю́ — он говорúт*), относится небольшая группа исконно русских глаголов: *раздробúть*, *разбомбúть*. Основная масса глаголов, относящихся к данному акцентологическому типу, восходит к церковнославянскому пласту русской лексики. Это глаголы с отвлечённым значением типа *возобновúть*, *возмутúть (возмущý)*, *воспалúть*, *заградúть (загражденный)*, *объединúть (объединённый)*, *осветúть (освещённый)*, *осуществúть (осуществлённый)*, *посвятúть (посвящённый)*, *предохранúть (предохранённый)*, *предупредúть (предупреждённый)*, *прекратúть (прекращённый)*, *сократúть (сокращённый)*, *сокрушúть (сокрушённый)* и мн. др. Сам фонетический облик многих из них (напр. *со-крат-úть*, *пред-у-пред-úть*), а также наличие морфологических чередований типа *т/щ* и *д/жд* свидетельствуют о южнославянском происхождении этих глаголов. В страдательном причастии про-

шедшего времени эти глаголы имеют окончание *-ённый*, краткая форма *-ён -ена́ -ено́ -ены́*.

К акцентологическому типу с подвижным ударением в формах настоящего (будущего) времени относятся, главным образом, непроизводные глаголы со своими приставочными образованиями. С. О. Карцевский приводил, что эта группа представлена 127 глаголами.[1] В современном языке этот акцентологический тип становится, по-видимому, продуктивным, т. к. в него попадают, по крайней мере в разговорном языке, всё новые и новые глаголы, сохраняющие в культурном языке ударение на окончании во всех формах, ср. литературное *звони́ть — звоню́ — звони́т*[2] и разговорное *звоню́ — зво́нит*, литературное *привинти́ть — привинчу́ — привинти́т* ‚priskrutkovať' и разговорное *привинчу́ — приви́нтит*, напр. в известной революционной песне:

Сами набьём мы патро́ны,
К ру́жьям *приви́нтим* штыки́.

Сюда относится глагол *помести́ть — помещу́ — помести́т* с разговорным вариантом *помещу́ — поме́стит*. Колебания наблюдаются и у глаголов *кружи́ть — кружу́ — кружи́т* (и допустимо: *кру́жит*), *мани́ть — маню́ — мани́т* (и допустимо: *ма́нит*) ‚vábiť, lákať', *пои́ть — пою́ — пои́т* (и допустимо: *по́ит*) ‚napájať'.

К непроизводным глаголам V класса с бесспорно подвижным ударением относятся следующие (пропускаем здесь звёздочку — знак подвижного ударения): *борони́ть* ‚brániť (bránami)', *броди́ть, буди́ть, вари́ть, води́ть, вози́ть, вороти́ть, губи́ть, дави́ть* ‚tlačiť', *дари́ть, дели́ть, дразни́ть, души́ть, жени́ть(ся), кати́ть* ‚kotúľať', *клони́ть, колоти́ть* ‚tĺcť, mlátiť', *копи́ть* ‚hromadiť, šetriť', *корми́ть, коси́ть*[3], *крути́ть, кури́ть, -куси́ть (у-, рас-), лепи́ть, лечи́ть, лови́ть, -ложи́ть (по-, раз-, у-)*,

[1] S. Karcevski: Système du verbe russe, Prague 1927, 57.

[2] Здесь и в дальнейшем мы опираемся на указания, приведённые Р. И. Аванесовым и С. И. Ожеговым в книге «Русское литературное ударение и произношение», Москва 1955. У С. О. Карцевского (цит. работа) в числе глаголов с неустойчивым ударением, колеблющимся между 1-м и 2-м типами, приведены и такие глаголы, как *вари́ть, души́ть, кати́ть*, имеющие в современном языке подвижное ударение.

[3] Имеются в виду омонимы *коси́ть* I ‚kosiť' и *коси́ть* II ‚škúliť'.

люби́ть, *моли́ть* ‚prosiť', *молоти́ть*, *мочи́ть*, *носи́ть*, *плати́ть*, *получи́ть*, *проглоти́ть*, *проси́ть*, *-рони́ть* (*урони́ть* ‚nechať padnúť'), *пусти́ть*, *руби́ть*, *серди́ть*, *-скочи́ть* (*от-*, *в-*), *служи́ть*, *станови́ться*, *стели́ть*, *суди́ть*, *суши́ть*, *тащи́ть*, *топи́ть*[1], *торопи́ть* ‚súriť', *точи́ть* ‚brúsiť', *трави́ть* ‚otravovať (jedom)', *туши́ть* ‚zhasínať', *учи́ть*, *хвали́ть*, *хвати́ть*,[2] *ходи́ть*, *хорони́ть*, *цени́ть*, *-цепи́ть* (*зацепи́ть* ‚zavadiť o niečo'), *шути́ть* ‚žartovať', *яви́ться* и некоторые другие.

Приставочные глаголы, как правило, относятся к тому же акцентологическому типу, что и соответствующие бесприставочные глаголы. Расхождения наблюдаются лишь в том случае, если исконно русский и церковнославянский глаголы образованы при помощи приставок от одной общей основы. Так, например, глагол **разбуди́ть* является чисто русским; он имеет конкретное значение (‚zobudiť niekoho') и образует все формы с восточнославянским чередованием согласных (*разбужу́* — *разбу́дит*; *разбу́женный*). Этот глагол имеет подвижное ударение. Глагол *возбуди́ть*, заимствован из церковнославянского; это проявляется, во-первых, в чередовании согласных *д/жд* (*возбуждённый*, *возбужда́ть*), а, во-вторых, в постоянном ударении на окончании (*возбужу́* — *возбуди́т*). По своему значению глагол *возбуди́ть* относится к абстрактной лексике: *возбуди́ть любопы́тство* ‚vyvolať zvedavosť', *возбуди́ть вопро́с* ‚nastoliť otázku'.

Все приставочные глаголы, образованные от глагола **веди́ть*, относятся к типу с подвижным ударением (**введи́ть*, **вывести́ть*, **заведи́ть*, **приведи́ть*, **уведи́ть* и т. д.). Однако глагол *руководи́ть*, являющийся старославянской калькой греческого глагола *χειραγωγέω* (дословно: «веду за руку»), имеет во всех формах постоянное ударение на окончаниях, ср. *он руководи́т*, но: *он приво́дит*, *ввво́дит*, *увво́дит*. Как видно, для правильного понимания акцентологических свойств глаголов V-го класса необходимо учитывать их русское, соотносительно, церковнославянское происхождение.

В страдательном причастии прошедшего времени глаголов типа **люби́ть* ударение переносится на третий слог с конца, ср.:

**свари́ть*	— *сва́ренный*	**задуши́ть*	— *заду́шенный*
**раздави́ть*	— *разда́вленный*	**накопи́ть*	— *нако́пленный*
**подари́ть*	— *пода́ренный*	**накорми́ть*	— *нако́рмленный* и т. п.

В кратких формах ударение остаётся на том же слоге:

сва́рен — сва́рена — сва́рено — сва́рены.

---

[1] Имеются в виду омонимы *топи́ть* I ‚kúriť', *топи́ть* II ‚topiť, rozpúšťať' и *топи́ть* III ‚topiť' potápať'.

[2] Имеются в виду омонимы *хвати́ть* I ‚chytať, lapať' и *хвати́ть* II ‚stačiť'.

С подвижным ударением связано фонетическое чередование, характерное для так называемого «московского» произношения. Под влиянием аканья коренные гласные *о* и *е* переходят в безударные [а] и [i] в формах *я хожу́* [хажу·], *я делю́* [d'ɪĺu·]. Так как в соответствующих формах глаголов с этимологическими *а* и *и* в корне в первом лице единственного числа имеется то же самое произношение *(я дарю́, я помирю́)*, то, по аналогии к *хо́дит* и *де́лит*, здесь восстанавливается нефонетическое произношение *он да́рит* [do·ŕɪt], *он поми́рит* [paḿe·ŕɪt]. Этот процесс можно представить в форме следующей пропорции:

я хожу : он хо́дит	=	я дарю́ : он да́рит
[хажу·] : [хо·d'ɪt]	=	[daŕu·]: [do·ŕɪt]

Подобное произношение наблюдается у глаголов *плати́ть* (*он пла́тит* [pło·ťɪt]), *сади́ть* (*он са́дит* [so·d'ɪt]) и некоторых других. Такое произношение в настоящее время не считается корректным. Ср. ещё рифму из известной песенки: «Яблочко, куды́ ж ты *ка́тишься* (произн. *ко́тишься*), ... не *воро́тишься*».

Чередование согласных в основе

У глаголов V класса наблюдается регулярное чередование согласных в основе, причём форме 1-го лица ед/ч наст/вр (напр. *я хожу́*) противопоставляются все остальные формы наст/вр (напр. *ты хо́дишь, он хо́дит*). Естественно, что глаголы с согласными *н, р, л, ж, ч, ш, щ* и *j* в корне не знают такого чередования (ср. *цени́ть — ценю́, говори́ть — говорю́, учи́ть — учу́, стро́ить — стро́ю* и т. д.).

Чередование согласных не ограничивается формами настоящего времени. Для усвоения отглагольных образований целесообразно привести все случаи подобного чередования.

Последняя согласная (группа согласных) основы настоящего времени изменяется в следующих случаях:

1. В 1 лице ед/ч презенса: *прости́ть — прощу́.*

2. В форме страдательного причастия прошедшего времени: *прости́ть — прощённый.*

3. При образовании вторичных глаголов несовершенного вида: *прости́ть — проща́ть.*

4. При образовании отглагольного имени существительного на *-ие: прости́ть//проща́ть — проще́ние.*

В зависимости от качества последней согласной основы можно различать следующие случаи:

А. Основа содержит губной согласный

п'/пл' (pl')

**купи́ть — куплю́ — ку́пленный — (покупа́ть)*

**накопи́ть — накоплю́ — нако́пленный — накопля́ть — накопле́ние*

**сцепи́ть — сцеплю́ — сце́пленный — сцепля́ть — сцепле́ние*

б'/бл' (bl')

**влюби́ться — влюблю́сь — влюблённый — влюбля́ться*

истреби́ть — истреблю́ — истреблённый — истребля́ть — истребле́ние

употреби́ть — употреблю́ — употреблённый — употребля́ть — употребле́ние

в'/вл' (vl')

возобнови́ть — возобновлю́ — возобновлённый — возобновля́ть — возобновле́ние

объяви́ть — объявлю́ — объя́вленный — объявля́ть — объявле́ние

пригото́вить — пригото́влю — пригото́вленный — приготовля́ть — приготовле́ние

м'/мл' (ml')

ознако́мить — ознако́млю — ознако́мленный — ознакомля́ть — ознакомле́ние

устреми́ть — устремлю́ — устремлённый — устремля́ть — устремле́ние

преломи́ть — преломлю́ — преломлённый — преломля́ть — преломле́ние

ф'/фл' (fl')

разграфи́ть — разграфлю́ — разграфлённый — разграфля́ть — разграфле́ние

Б. Корень содержит зубной взрывной согласный

т'/ч

**уплати́ть — уплачу́ — упла́ченный — упла́чивать*

истра́тить — истра́чу — истра́ченный — истра́чивать

д'/ж

снабди́ть — снабжу́ — снабжённый — снабжа́ть — снабже́ние

сооруди́ть — сооружу́ — сооружённый — сооружа́ть — сооруже́ние

В ряде глаголов церковнославянского происхождения имеется другой, непродуктивный тип чередования:

т'/щ

возмути́ть — возмущу́ — возмущённый — возмуща́ть — возмуще́ние

прекрати́ть — прекращу́ — прекращённый — прекраща́ть — прекраще́ние

освети́ть — освещу́ — освещённый — освеща́ть — освеще́ние

д'/ж/жд' (в причастии и в отглагольном существительном)

освободи́ть — освобожу́ — освобождённый — освобожда́ть — освобожде́ние

охлади́ть — охлажу́ — охлаждённый — охлажда́ть — охлажде́ние

предупреди́ть — предупрежу́ — предупреждённый — предупрежда́ть. — предупрежде́ние

Глагол *роди́ть* образует смешанные русско-церковнославянские формы:

роди́ть — рожу́ — рождённый — рожа́ть (но: *порожда́ть*) — *рожде́ние*

В современном языке некоторые глаголы этого типа не образуют формы 1 лица ед/ч презенса. От глаголов *возбуди́ть*, *победи́ть*, *преради́ть*, *убеди́ть*, *учреди́ть* и т. п. формы 1 лица ед/ч обычно не употребляются: вместо теоретически возможного «я побежу» употребляется описание типа «я буду победителем», «я выйду победителем», вместо «я убежу» говорят «я постара́юсь вас убеди́ть», «мне уда́стся вас убеди́ть», «вы убеди́тесь» и т. п.[1] Указанная форма избегается и у глагола *очути́ться* ‚ostnúť sa' и заменяется формой синонимичного глагола *я окажу́сь*.

---

[1] Ср. Е. С. Истрина: Нормы русского литературного языка и культура речи. АН СССР, М.-Л. 1948, 31.

Особый тип старославянского чередования сохранился у глагола *умертви́ть:*

тв'/щвл'

умертви́ть — умерщвлю́ — умерщвлённый — умерщвля́ть — умерщвлёние

В. Основа содержит группу согласных *ст, зд*

ст'/щ

**отпусти́ть — отпущу́ — отпу́щенный — (отпуска́ть;* но простореч. *отпуща́ть) — отпуще́ние*

сгусти́ть — сгущу́ — сгущённый — сгуща́ть — сгуще́ние

помести́ть — помещу́ — помещённый — помеща́ть — помеще́ние

зд'/зж [ẑ:]

е́здить — е́зжу — (изъ)е́зженный

пригвозди́ть — пригвожжу́; но: *пригвождённый — пригвожда́ть*

Г. Основа содержит свистящий *с* или *з*

с'/ш

украси́ть — украшу́ — украше́нный — украша́ть — украше́ние

повы́сить — повы́шу — повы́шенный — повыша́ть — повыше́ние

з'/ж

пони́зить — пони́жу — пони́женный — понижа́ть — понижёние

отобрази́ть — отображу́ — отображённый — отобража́ть — отображёние

Все типы чередования, кроме церковнославянских *(т/щ, д/ж/жд, тв/щвл)*, вполне продуктивны. Новые глаголы, возникающие в языке, примыкают, в зависимости от качества согласного основы, к одному из приведённых типов; ср. такие новообразования, как

сконфу́зить — сконфу́жу — сконфу́женный

оффо́рмить — оффо́рмлю — оффо́рмленный — оформля́ть — оформлёние

засекре́тить — засекре́чу — засекре́ченный — засекре́чивать.

НЕПРОДУКТИВНЫЕ КЛАССЫ

Глаголы VI класса

Тип *писа́ть — пишу́ — пи́шет*

Глаголы VI класса оканчиваются в инфинитиве на **-ать**, а в настоящем (будущем) времени на **-у(-ю) -ет** (а не на *-аю -аем!*). Большинство относящихся к этому классу глаголов охарактеризовано чередованием согласных: в основе инфинитива появляется другой согласный, чем в основе настоящего времени.

К этому классу, насчитывающему несколько десятков бесприставочных глаголов, примыкают глаголы, не знающие чередования согласных основы, но имеющие другие особенности, например:

брать — беру́ — берёт, ждать — жду́ — ждёт и др.

В зависимости от качества последнего согласного (группы согласных) основы следует различать следующие случаи чередования в консонантизме основы:

А. Основа инфинитива содержит губной согласный

п/пл (pľ)	*ка́пать*	— *(ка́плю)*	— *ка́плет*	‚kvapkať; tiecť'
	**клепа́ть*	— *клеплю́*	— *кле́плет*	‚nitovať'
	кра́пать	— *(кра́плю)*	— *кра́плет*	‚popŕchať'
	сы́пать	— *сы́плю*	— *сы́плет*	‚sypať'
	**трепа́ть*	— *треплю́*	— *тре́плет*	‚trepať'
	**щипа́ть*	— *щиплю́*	— *щи́плет*	‚štípať; ožierať'
б/бл (bľ)	*(зы́бать)*[1]	— *зы́блю*	— *зы́блет*	‚kolísať'
	колеба́ть	— *коле́блю*	— *коле́блет*	‚kolísať'
м/мл (mľ)	**дрема́ть*	— *дремлю́*	— *дре́млет*	‚driemať'

Глагол *ка́пать* имеет в настоящем времени основу *капл'-* или основу *капаj-*, смотря по значению. Форма *ка́плет* употребляется в значении слвц. ‚premoká', напр. *кры́ша ка́плет, потоло́к ка́плет, с де́рева ка́плет*. Форма *ка́пает* употребляется в значении «льёт каплями», ср. *Он ка́пает себе́ на пла́тье*[2]. Естественно, что форма повелительного наклонения не образуется от основы *ка́пл'-*, а только от основы *капаj- (ка́пай, ка́пайте)*. То же относится и к формам деепричастия наст/вр: *ка́пая* (а не *ка́пля!*).

[1] Формы инфинитива и формы «группы прошедшего времени» этого глагола неупотребительны. Ср. параллельную форму *зы́бить* (стр. 120).

[2] Ср. Е. С. Истрина: Нормы русского литературного языка и культура речи, 1948, 10.

Глаголы *сы́пать* и *кра́пать* образуют повелительную форму *сыпь*, *крапь* (вместо. ожидаемого «сы́пли», «кра́пли» ср. **трепа́ть* — *трепли́*, *колеба́ть* — *колёбли*).

В глаголе *колеба́ть* ударение переносится на основу уже в 1 лице (!) ед/ч: *я колёблю* — *ты колёблешь* и т. д.

Б. Основа инфинитива содержит свистящий согласный *с* или *з*

с/ш	*опоя́сать*	— *опою́*	— *опоя́шет*	‚opásať'
	**писа́ть*	— *пишу́*	— *пи́шет*	‚písať'
	**плеса́ть*	— *плещу́*	— *плещет*	‚tancovať'
	**теса́ть*	— *тешу́*	— *те́шет*	‚tesať'
	**чеса́ть*	— *чешу́*	— *че́шет*	‚škrabať; česať'
з/ж	**вяза́ть*	— *вяжу́*	— *вя́жет*	‚viazať'
	**каза́ть*	— *кажу́*	— *ка́жет*[1]	‚ukazovať'
	**лиза́ть*	— *лижу́*	— *ли́жет*	‚lízať'
	**ма́зать*	— *ма́жу*	— *ма́жет*	‚mazať'
	**низа́ть*	— *нижу́*	— *ни́жет*[2]	‚navliekať, nastýkať'
	**обяза́ть*	— *обяжу́*	— *обя́жет*[3]	‚zaviazať niekoho'
	ре́зать	— *ре́жу*	— *ре́жет*	‚rezať'

Архаический глагол *живописа́ть* ‚maľovať' образует формы настоящего времени по образцу III класса: *я живопишу́*; ср. прилагательное *неопису́емый*.

В. Основа инфинитива содержит зубной согласный *т* или *д*

т/ч	**мета́ть*	— *мечу́*	— *ме́чет*	‚hádzať'
	пря́тать	— *пря́чу*	— *пря́чет*	‚skrývať'
	**топта́ть*	— *топчу́*	— *то́пчет*	‚dupať, šliapať'
	**хлопота́ть*	— *хлопочу́*	— *хлопо́чет*	‚starať sa, lopotiť sa'
	**шепта́ть*	— *шепчу́*	— *ше́пчет*	‚šeptať, šuškať'
	**щекота́ть*	— *щекочу́*	— *щеко́чет*	‚štekliť'

---

[1] От глагола *каза́ть*, редко употребляющегося в литературном языке без приставок, образуется целая серия приставочных глаголов» **доказа́ть*, **заказа́ть* ‚objednať', **наказа́ть* ‚potrestať', **оказа́ть* ‚poskytnúť', **отказа́ть* ‚odmietnuť', **показа́ть* ‚ukázať', **приказа́ть* ‚rozkázať', **рассказа́ть* ‚porozprávať', **сказа́ть* ‚povedať', **указа́ть* ‚ukázať'.

[2] Бесприставочная форма *низа́ть* почти не употребляется; ср. **нанизать* ‚navliecť', **пронизать* ‚preniknúť'.

[3] С точки зрения русского языка этот глагол, восходящий к **ob-vęzati*, является уже бесприставочным.

Сюда же относятся многочисленные звукоподражательные глаголы, соответствующие своей формой словацким глаголам типа *gagotať, klokotať, žblnkotať* и в большинстве случаев соотнесённые с именем существительным на *-от* или *-ет*, ср.:

**гогота́ть (го́гот)* ‚gágať' **хохота́ть (хо́хот)* ‚rehotať sa'
**бормота́ть* ‚mrmlať, šomrať' **рокота́ть (ро́кот)* ‚hučať'
**грохота́ть (гро́хот)* ‚rachotiť' **щебета́ть (ще́бет)* ‚štebotať'
**клокота́ть (кло́кот)* ‚klokotať' **лепета́ть (ле́пет)* ‚džavotať'

и некоторые другие.

Глагол *мета́ть* образует формы *мечу́* — *ме́чет* лишь в сочетаниях *ме́чет икру́* ‚nerestí sa' и *ме́чет пе́тли* ‚obšíva gombíkové dierky'. В значении ‚hádzať' употребляются формы *мета́ю* — *мета́ет*, возникшие под влиянием I-го продуктивного класса. Однако возвратный глагол *мета́ться* ‚hádzať sa' образует настоящее время по образцу VI класса: *Он ме́чется в жару́* ‚hádže sa v horúčke'.

д/ж **глода́ть — гложу́ — гло́жет* ‚hlodať, hrýzť'

Несколько глаголов церковнославянского происхождения сохраняют в русском языке древнеболгарские нормы чередования согласных:

т/щ **клевета́ть — клевещу́ — клеве́щет* ‚ohovárať'
**роптáть — ропщу́ — ро́пщет* ‚reptať'
**скрежета́ть — скрежещу́ — скреже́щет* ‚škrípať (zubami)'
**трепета́ть — трепещу́ — трепе́щет* ‚trepotať sa'

Чередование *д/жд* представлено у глагола *страда́ть* лишь в архаической форме *стра́жду — стра́ждет* ‚trpieť' при стилистически нейтральном *страда́ю — страда́ет*. Архаизмом является также форма *стра́ждущий* при современном *страда́ющий*.

Г. Основа инфинитива содержит группу *ст*

ст/щ **свиста́ть — свищу́ — сви́щет* ‚pískať, svišťať'
**хлеста́ть — хлещу́ — хле́щет* ‚biť, šľahať'
**хлыста́ть — хлыщу́ — хлы́щет* ‚biť, šľahať'

В русском языке имеются формы *бле́щешь, бле́щет*, относимые С. И. Ожеговым к глаголу *блесте́ть* (Словарь русского языка, 1953³, 42). Но ведь формы глагола *блесте́ть* образуются по образцу глаголов VIII класса:

блестéть — блещý — блестúт, которые приводятся С. И. Ожеговым в качестве параллельных форм. Форма *блéщет* не может быть образована от *блестéть;* она предполагает инфинитив «*блестáть*»; но такой формы в русском языке нет. Поэтому мы относим формы *блещý — блéщет* к инфинитиву *блистáть*. Гласный *и* в инфинитиве *блистáть* может представлять собою икающее произношение формы *блестáть*, проникшее в графику. Но возможно и другое толкование: форма *блéщет* с ударяемым *е* может быть результатом нефонетического изменения, ср. разговорное *мы помéримся* вместо *мы помúримся*.[1]

Д. Основа инфинитива содержит задненёбный согласный

г, к, х

г/ж	*двúгать*	— *двúжу*	— *двúжет*	‚hýbať, hnúť, pohybovať' (см. стр. 49).
к/ч	арх. *áлкать*	— *áлчу*	— *áлчет*	‚túžiť, dychtiť'
	клúкать	— *клúчу*	— *клúчет*	‚volať'
	мурлы́кать	— *мурлы́чу*	— *мурлы́чет*	‚priasť (o mačke)'
к/ч	*плáкать*	— *плáчу*	— *плáчет*	‚plakať'
	**скакáть*	— *скачý*	— *скáчет*	‚skákať'
	ты́кать	— *ты́чу*	— *ты́чет*	‚strkať'
	хны́кать	— *хны́чу*	— *хны́чет*	‚ťňukať'
х/ш	**брехáть*	— *брешý*	— *бре́шет*	‚brechať'
	**махáть*	— *машý*	— *máшет*	‚mávať'
	**колыхáть*	— *колы́шу*(!)	— *колы́шет*	‚kolísať'
	**пахáть*	— *пашý*	— *пáшет*	‚orať'
	пы́хать	— *пы́шу*	— *пы́шет*	‚sálať'

Некоторые из приведённых глаголов образуют также формы «группы настоящего времени» по образцу I продуктивного класса: *хны́кает, махáет, мурлы́кает, ты́кает, колыхáет.*

Е. Основа инфинитива содержит группу согласных *ск* или *зг*

ск/щ	**искáть*	— *ищý*	— *úщет*	‚hľadať'
	**плескáть*	— *плещý*	— *плéщет*	‚plieskať, špliechať'
	**рукоплескáть*	— *-плещý*	— *-плéщет*	‚tlieskať'
	**полоскáть*	— *полощý*	— *полóщет*	‚plákať, vyplakovať'
	ры́скать	— *ры́щу*	— *ры́щет*	‚túlať sa (o vlkoch)'

[1] С. О. Карцевский (цит. произв., 63) приводит глагол *блистáть — блéщут.*

Все приведённые глаголы, кроме глагола *иска́ть*, допускают в разговорном языке параллельные формы настоящего времени на *-аю -ает (полоска́ет, ры́скает)*.

зг/зж *бры́згать* — *бры́зжу* — *бры́зжет* ‚striekať'

Е. С. Истрина указывает, что форма типа *бры́зжет* имеет значение ‚vystrekovať' (напр. *фонта́н бры́зжет*), в то время как форма типа *бры́згает* значит ‚postrekovať' (напр. *не бры́згай на́ пол*).[1]

Вид. Все приведённые здесь глаголы, за исключением глагола *обяза́ть*, относятся к несовершенному виду.

Ударение. В VI классе объединены глаголы разной акцентологической структуры. Глаголы с ударением не на окончании *-ать* в инфинитиве (тип *пла́кать*) сохраняют место ударения во всех формах.

Глаголы с подвижным ударением в настоящем времени (тип **писа́ть* — *пишу́* — *пи́шет*) оттягивают в страдательном причастии прошедшего времени ударение на один слог:

написа́ть — *напи́санный* *обглода́ть* — *обгло́данный*
растопта́ть — *расто́птанный* *привяза́ть* — *привя́занный* и т. п.

При этом наблюдается чередование гласных *е/ё*:

растрепа́ть — *растрёпанный* *причеса́ть* — *причёсанный*
и т. п.

Совершенно особо стоят два глагола с подвижным ударением, в которых ударение оттягивается на основу во всех формах настоящего времени, в том числе в форме 1-го лица ед/ч:

колеба́ть — *коле́блю* — *коле́блет*
колыха́ть — *колы́шу* — *колы́шет*

Глагол *колыха́ть* охарактеризован ещё и другими акцентологическими отклонениями: форма повелительного наклонения звучит *колоши́* с наконечным ударением, в то время как в форме деепричастия настоящего времени ударение остаётся на корне: *колы́ша*.

---

[1] Е. С. Истрина: Нормы русского литературного языка и культура речи, 1948, 10.

Изолированные глаголы, примыкающие к VI классу

На основании внешнего признака (окончание инфинитива *-ать/-ять* и образование форм настоящего времени на *-у/-ю*, *-ет/-ёт*) к VI классу примыкают изолированные глаголы, охарактеризованные рядом морфологических особенностей. Так как речь идёт о глаголах очень употребительных, целесообразно будет уделить им особое внимание.

1. Глаголы с «беглым гласным»:

брать — беру́ — берёт; императив *бери́* ‚brať'
драть — деру́ — дерёт; императив *дери́* ‚drať'
звать — зову́ — зовёт; императив *зови́* ‚volať, zvať'

У этих глаголов необходимо обратить внимание на своеобразное чередование приставок. Если в формах, относящихся к «группе инфинитива», приставка присоединяется к глагольной форме, начинающейся на группу согласных (возникшей в результате утраты беглого ь или ъ, ср. *брать* < **bьrati*, *звать* < **zъvati*), то приставка принимает «вокализованную» форму *во-, взо-, изо-, ото-, разо-* и т. п., ср. *ото-бра́ть, разо-дра́ть, подо-зва́ть*. Если же приставка присоединяется к форме, относящейся к «группе настоящего времени», т. е. к форме, содержащей «беглый гласный» *е* или *о*, то приставка остаётся «невокализованной», ср. *от-беру́, раз-деру́, под-зову́*. Чередование приставок наблюдается не только внутри парадигмы приставочных глаголов совершенного вида, но и при образовании вторичных форм несовершенного вида, ср.:

вобра́ть — вберу́ — вбира́ть ‚vsiaknuť, vpiť'
отобра́ть — отберу́ — отбира́ть ‚vziať, odňať'
взобра́ться — взберу́сь — взбира́ться ‚vyškriabať sa niekam'
отодра́ть — отдеру́ — отдира́ть ‚odtrhnúť'
подозва́ть — подзову́ — подзыва́ть ‚privolať' и т. п.

У глаголов *собра́ть* и *созва́ть* приставка *со-* остаётся в «вокализованной» форме во всей парадигме:

собра́ть — соберу́ — собира́ть ‚pozbierať'
созва́ть — созову́ — созыва́ть ‚zvolať'

Формы вторичного несовершенного вида от глаголов типа *собра́ть*, *содра́ть* образуются от основы *бир-* и *дир-*, в то время как в словацком языке в аналогичных случаях выступает основа *bier-* и *dier-*, ср. *собира́ть* — ‚zbierať', *задира́ть* ‚zadierať'.

Ударение. Приведённые глаголы имеют подвижное ударение в формах прошедшего времени; в женском роде ударение переносится на последний слог, ср.:

брал — брала́ — бра́ло — бра́ли
драл — драла́ — дра́ло — дра́ли
звал — звала́ — зва́ло — зва́ли

Подвижное ударение имеется и у соответствующих приставочных глаголов, напр. *собра́л — собрала́ — собра́ло — собра́ли*.

Наконечное ударение имеется в формах прошедшего времени возвратных форм всех родов, кроме мужского, ср.:

собра́лся — собрала́сь — собрало́сь — собрали́сь
назва́лся — назвала́сь — назвало́сь — назвали́сь

Наряду с указанными формами допускается также ударение *собра́лось*, *собра́лись* и *назва́лось*, *назва́лись*. Кроме того, существует вариант формы мужского рода с ударением на *-ся́*, напр. *собрался́*, *назвался́*, не указанный в словаре-справочнике по русскому литературному ударению, но отмеченный в словаре Ушакова (sub verbo).

В формах страдательного причастия прошедшего времени ударение оттягивается на третий слог с конца, ср.:

собра́ть — со́бранный *задра́ть — за́дранный*
избра́ть — и́збранный *позва́ть — по́званный*
разобра́ть — разо́бранный *отозва́ть — ото́званный* и т. п.

В литературном произношении в кратких формах этого причастия ударение сохраняется на приставке (напр. *со́бран — со́брана -о -ы; и́збран -а -о -ы* и т. п.); однако допускается также наконечное ударение в женской форме краткого причастия, ср. *собрана́*, *разобрана́*. Единственно правильными признаются формы *по́зван — позвана́ — по́звано -ы* и *ото́зван — отозвана́ — ото́звано -ы*.

2. Односложные глаголы на *-ать -у -ёт* без чередования в основе:

а)

врать	— *вру*	— *врёт*	‚cigániť'
ждать	— *жду*	— *ждёт*	‚čakať'
жрать	— *жру*	— *жрёт*	‚žrať'
рвать	— *рву*	— *рвёт*	‚trhať'
ржать	— *ржу*	— *ржёт*	‚erdžať'
ткать	— *тку*	— *ткёт*	‚tkať'

Форма императива от глагола *жрать* (вульг.), образованная согласно правилам русской морфологии, звучит *жри!* в отличие от соответствующей словацкой формы *žer!*

Приставка, присоединяемая к этим глаголам, принимает «вокализованную» форму *во-*, *взо-*, *изо-*, *обо-*, *ото-*, *со-*, напр.:

со-вра́ть ‚zacigániť (si)'	*обо-жра́ться* ‚obžrať sa'
подо-жда́ть ‚počkať'	*ото-рва́ть* ‚odtrhnúť'

Исторически это объясняется падением слабого «глухого» (ь или ъ) в корне, ср. **vьrati*, **žьrati*, **žьdati*, **rъvati*, **rъžati*, **tъkati*.

В приставочных образованиях вторичного несовершенного вида в корне появляется гласный *-и-/-ы-* и приставка, следовательно, не «вокализируется», ср.:

подо-жда́ть//под-жида́ть	*во-рва́ться//в-рыва́ться*
со-рва́ть//с-рыва́ть	*взо-рва́ть//вз-рыва́ть*
ото-рва́ть//от-рыва́ть	*обо-жра́ться//об-жира́ться* и т. п.

В женской форме прошедшего времени ударение переносится на окончание:

врал	— *врала́*	— *вра́ло*	— *вра́ли*
ждал	— *ждала́*	— *жда́ло*	— *жда́ли*
жрал	— *жрала́*	— *жра́ло*	— *жра́ли*
рвал	— *рвала́*	— *рва́ло*	— *рва́ли*
ткал	— *ткала́*	— *тка́ло*	— *тка́ли*

но:

ржал	— *ржа́ла*	— *ржа́ло*	— *ржа́ли*

У возвратных глаголов ударение переносится на окончание во всех формах, кроме формы м/р, ср.:

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

дождáлся — дождалáсь — дождалóсь — дождалúсь
взорвáлся — взорвалáсь — взорвалóсь — взорвалúсь и т. п.

В среднем роде и во множественном числе допустимыми считаются также формы типа *дождáлось, дождáлись* (Русск. лит. удар. и произн., 1955, 101). В старом московском произношении наконечное ударение допускалось и в мужской форме: *дождался́, сорвался́* (см. словарь Ушакова, s. v.).

Страдательное причастие прошедшего времени имеет ударение на приставке: *сóрванный, отóрванный, ýтканный, сóжранный;* в кратких формах имеются колебания у форм женского рода:

сóрван — сóрвана — сóрвано — сóрваны
отóрван — отóрвана — отóрвано — отóрваны

и:

сóрван — сорвана́ — сóрвано — сóрваны

б) Вторую небольшую группу составляют два глагола церковнославянского происхождения:

жáждать — жáжду — жáждет ‚túžiť'
**стонáть — стонý — стóнет* ‚stonať, stenať'

Наряду с формами типа *стонý*, существуют также формы, образованные по образцу I класса: *стонáю, стонáет* и т. п. Деепричастие настоящего времени образуется только по нормам I класса: *стонáя.*

3. Группа глаголов с основой на *-j:*

блéять блéю блéет ‚bľačať' (основа *блej-*)	*рéять* ‚vznášať sa'
вéять ‚viať'	*сéять* ‚siať'
затéять ‚vymyslieť si'	*смея́ться* ‚smiať sa'
лáять ‚brechať'	*тáять* ‚topiť sa'
лелéять ‚maznať, chovať'	*чáять* ‚dúfať'
мáяться ‚trápiť sa'	*чýять* ‚čuť, cítiť'
надéяться ‚dúfať'	

а также диалектное *бáять* ‚vravieť'.

Эта группа не имеет прямого соответствия в словацком языке, т. к. в силу стяжения группы *-eja-* основа инфинитива здесь изменилась. Всё же формы *seje* или *čuje* полностью соответствуют русск. *сéет* (sejet) или *чýет* (čujet).

4. Остальные глаголы, примыкающие к VI классу, не составляют формально выделенной группы. Каждый из них имеет свои морфологические особенности.

а) Глагол *слать — шлю — шлёт — шлют* ‚posielať'. Деепричастие и страдательное причастие настоящего времени отсутствуют. Приставочные глаголы несовершенного вида образуются от основы *-сыл-*, ср. *посыла́ть* — posielať, *отсыла́ть* — odosielať и т. п.

В формах совершенного//несовершенного вида наблюдаются чередования «вокализованной» и «невокализованной» формы приставок:

отосла́ть//отсыла́ть *подосла́ть//подсыла́ть*

В формах страдательного причастия прошедшего времени ударение оттягивается на третий слог с конца:

посла́ть — по́сланный *отосла́ть — отбсланный*

присла́ть — при́сланный *разосла́ть — разбсланный* и т. п.

б) Глагол **стлать* [slať] — *стелю́ — сте́лет — сте́лют* ‚stlať'. Форма страдательного причастия настоящего времени отсутствует.

У приставочных глаголов наблюдается чередование «вокализованных» и «невокализованных» форм приставки:

**разостла́ть — расстелю́* **подостла́ть — подстелю́*

Такое же чередование приставок имеет место при образовании форм вторичного несовершенного вида:

**разостла́ть//расстила́ть* ‚rozostielať'

**подостла́ть//подстила́ть*

В причастии страдательного залога прошедшего времени ударение оттягивается на третий слог с конца:

постла́ть — по́стланный *разостла́ть — разбстланный*

в) Глаголы *ора́ть — орý — орёт — орýт* ‚kričať'
и **ора́ть — орю́ — брет — брют* (устар.) ‚orať'

г) Глагол *лгать — лгу — лжёт— лгут* ‚luhať, lužem' с чередованием согласных *г/ж* в формах настоящего времени, необычным для глаголов данного класса. Повелительное наклонение: *лги, лги́те.* Деепричастие настоящего времени отсутст-

вует. В прошедшем времени ударение в женской форме падает на последний слог: *лгал — лгала́ — лга́ло — лга́ли.*

д) Глагол *соса́ть — сосу́ — сосёт — сосу́т* ‚cicať'. Вторичный несовершенный вид от приставочных глаголов образуется от основы *-сасыв-*, ср. *обсоса́ть//обса́сывать, рассоса́ться//расса́сываться.*

Глаголы VII класса

Тип *держа́ть — держу́ — де́ржит*

Глаголы этого класса оканчиваются в инфинитиве на *-ать (-ять)*, а в настоящем времени принимают окончания так называемого II спряжения *-ишь -ит -им -ите -ат (-ят).*

Последним согласным основы глаголов данного класса являются шипящие (*ж, ч, ш, щ* и [ẑ:]) или *j*. Фонема [ẑ:] в письме передаётся написаниями *зж (визжа́ть)* или *жж (жужжа́ть).* Основа настоящего времени глагола *стоя́ть — стою́* оканчивается на *-j* (stoj-u); сюда же: *спать — сплю — спит* и **гнать — гоню́ — го́нит.*

Многие глаголы VII класса относятся к экспрессивной лексике *(бренча́ть, торча́ть)*, другие обозначают «издавать какой-либо звук» (*визжа́ть, ворча́ть, жужжа́ть, крича́ть, мыча́ть* и др.). Среди соответствующих глаголов словацкого языка есть немало звукоподражательных, ср. *mečať — mečí, bľačať — bľačí.*

К данному классу относятся следующие глаголы:

боя́ться -ою́сь -ои́тся ‚báť sa'
бренча́ть -чу́ -чи́т ‚brnkať'
бурча́ть -чу́ -чи́т ‚škvrčať'
верещать -щу́ -щи́т ‚vrešťať'
визжа́ть [ẑ:] *-зжу́ -зжи́т* ‚vrešťať'
ворча́ть -чу́ -чи́т ‚vrčať' frflať'
**держа́ть держу́ де́ржит* ‚držať'
дребезжа́ть [ẑ:] *-зжу́ -зжи́т* ‚rinčať'
дрожа́ть -жу́ -жи́т ‚chvieť sa'
**дышать дышу́ ды́шит* ‚dýchať'
жужжа́ть [ẑ:] *-жжи́т* ‚bzučať'
журча́ть -чи́т ‚zurčať'
звуча́ть -чи́т ‚znieť'
крича́ть -чу́ -чи́т ‚kričať'
лежа́ть -жу́ -жи́т ‚ležať'
молча́ть -чу́ -чи́т ‚mlčať'
мчать мчу мчит ‚uháňať'
мыча́ть -чу́ -чи́т ‚bučať'
пищать -щу́ -щи́т ‚pišťať'
рыча́ть -чу́ -чи́т ‚ručať, revať'

слы́шать -шу -шит ‚počuť' *торча́ть -чу́ -чи́т* ‚trčať, čnieť'
стоя́ть -ою́ -ои́т ‚stáť' *трещ́а́ть -щу́ -щи́т* ‚trešťať, prašťať'
стуча́ть -чу́ -чи́т ‚klepať'
урча́ть -чу́ -чи́т ‚vrčať, škvrčať'

Ударение. Все глаголы данного класса, кроме глаголов **держа́ть* и **дыша́ть*, имеют постоянное ударение. В формах страдательного причастия прошедшего времени, образованных от приставочных глаголов к глаголу **держа́ть*, ударение оттягивается на третий слог с конца: **задержа́ть* — *заде́ржанный*; ср. *поде́ржанный*, *сде́ржанный*. В причастии настоящего времени страдательного залога допускается колебание: *де́ржащий* и *держа́щий*.

Особой оговорки требуют формы повелительного наклонения от глаголов *боя́ться* и *стоя́ть*. С точки зрения действующих в современном языке акцентологических норм, место ударения форм повелительного наклонения регулируется местом ударения 1 лица ед/ч презенса, ср., например, *дои́ть — я дою́* — императив *дои́*, *дои́те!*, точно так же *пои́ть — я пою́ — пои́*, *пои́те!* Императив от глаголов *боя́ться* и *стоя́ть* звучит, однако, не «бои́сь» и «стои́», а *бо́йся (бо́йтесь)*, *стой (сто́йте)*, с переносом ударения на основу.

Оттяжка ударения на основу наблюдается также в форме деепричастия наст/вр трёх глаголов этого класса: *лежа́ть — лёжа*, *молча́ть — мо́лча* и *стоя́ть — сто́я*. Правда, деепричастные формы *лёжа*, *мо́лча*, *сто́я* употребляются в современном языке преимущественно в качестве наречий, напр. *он рабо́тает сто́я* ‚postojačky', *он мо́лча вы́шел из ко́мнаты* ‚mlčky, bez slov'. Однако форма *сто́я* или *лёжа* может ещё употребляться как глагольная форма, что вытекает из сохранения глагольного управления, ср. *сто́я на сту́ле*, *лёжа на дива́не*.

К глаголам VII класса примыкают на основании формального признака ещё два глагола:

спать — сплю, спит, спят
**гнать — гоню́, го́нит, го́нят*.

Глаголы VIII класса

Тип *горе́ть — горю́ — гори́т*

Глаголы этого класса охарактеризованы наличием тематического гласного *-е-* в формах основы инфинитива *(горе́ть, горе́л, горе́вший)*, чередующегося с окончаниями «второго спряжения» (на *-и*) в формах основы настоящего времени *гор-и́шь — гор-и́т — гор-я́т — горя́-щий* и т. д. Таким образом данный класс представляет собой сочетание II и V продуктивных классов.

Разбираемый класс представлен довольно многочисленными глаголами (их свыше 45).

В пределах VIII класса можно различать глаголы, сохраняющие консонантизм корня во всех формах, и глаголы, охарактеризованные в формах настоящего времени чередованием согласных, полностью соответствующим чередованиям, характерным для глаголов V продуктивного класса.

К первому типу (сохранение консонантизма корня во всех формах) относятся глаголы, корень которых оканчивается на *-р-, -л-* или *-н-*, напр. *горе́ть — горю́ — гори́т, боле́ть — боли́т,*[1] *еле́ть — велю́ — вели́т, звене́ть — звеню́ — звени́т, *смотре́ть — смотрю́ — смо́трит*, арх. *зреть — зрю — зрит.*

Ко второму типу относятся глаголы, обнаруживающие следующие типы чередований в формах основы настоящего времени:

п'/пл'	*кипе́ть*	—	*кипи́т*	‚vrieť'
	скрипе́ть	*скриплю́*	*скрипи́т*	‚škripieť, vŕzgať'
	попе́ть	*поплю́*	*попи́т*	‚fučať'
	**терпе́ть*	*терплю́*	*те́рпит*	‚trpieť, znášať'
	храпе́ть	*храплю́*	*храпи́т*	‚chrápať'
	хрипе́ть	*хриплю́*	*хрипи́т*	‚chripieť'
	шипе́ть	*шиплю́*	*шипи́т*	‚sipieť, syčať'
б'/бл'	*скорбе́ть*	*скорблю́*	*скорби́т*	‚trúchliť'
м'/мл'	*реме́ть*	—	*реми́т*	‚hrmieť'
	шуме́ть	*шумлю́*	*шуми́т*	‚šumieť'

[1] Этот глагол употребляется в значении ‚bolieť' в предложениях типа *У меня́ боли́т голова́, боля́т зу́бы.* Формы, образованные от основы инфинитива этого глагола, омонимичны с формами глагола *боле́ть — боле́ю — боле́ет;* ср. *Он ча́сто боле́ет* ‚často býva chorý'.

т'/ч	*вертѣть	верчу́	вёртит	‚vrtieť, točiť'
	летѣть	лечу́	лети́т	‚letieť'
	коптѣть	копчу́	копти́т[1]	‚čadiť, čmudiť'
	пыхтѣть	пыхчу́	пыхти́т	‚dychčať, fučať'
д'/ж	ви́дѣть	ви́жу	ви́дит	‚vidieť'
	завѝдѣть	завѝжу	завѝдит	‚závidieť'
	ненавѝдѣть	ненавѝжу	ненавѝдит	‚nenávidieť'
	глядѣть	гляжу́	гляди́т	‚hľadieť'
	сидѣть	сижу́	сиди́т	‚sedieť'
	смердѣть	—	смерди́т	‚smrdieť'
	оби́дѣть	оби́жу	оби́дит	‚ublížiť niekomu'

Этот класс включает многочисленные звукоподражательные глаголы, например: *галдѣть — галди́т* ‚robiť krik', *гудѣть — гуди́т* ‚hučať' и т. п., а также архаический глагол *бдѣть — бдит*. Формы 1-го лица ед/ч этих глаголов неупотребительны.

В страдательном причастии прошедшего времени ударение оттягивается на корень глагола:

засидѣть — засѝженный *завертѣть — завёрченный*
просмотрѣть — просмо́тренный и т. п.

Бесприставочные глаголы данного класса относятся к несовершенному виду. Исключением является глагол *оби́дѣть*, который, не будучи разложим с точки зрения современного языка, восходит к старому приставочному образованию и имеет значение совершенного вида.

Глагол *велѣть* имеет, смотря по контексту, значение как совершенного (‚rozkázať'), так и несовершенного вида (‚rozkazovať').

Глаголы IX класса

Тип *мёрзнуть — мёрз — мёрзла*

В этот класс входит около 60 глагольных корней. По форме инфинитива эти глаголы не отличаются от глаголов IV продуктивного класса типа *кри́кнуть*. Формальная разница между глаголами IV и IX класса проявляется в формах прошедшего

[1] Не путать непереходный глагол *коптѣть — копти́т* ‚čadiť' (напр. *Ла́мпа копти́т*) с переходным глаголом *копти́ть — копти́т* ‚údiť' (напр. *копти́ть мя́со*).

времени: в отличие от глаголов IV класса (тип *крúкнул*), глаголы IX класса, как правило, отбрасывают в прошедшем времени элемент *-ну-*, ср. *мёрзнуть — он мёрз — онá мёрзла;* мужская форма прошедшего времени, таким образом, образуется без окончания *-л (мёрз, исчéз, погúб)*, ср. слвц. *mrz-núť — mrz-ol — mrz-la.*

У глаголов IX-го класса следует различать, кроме основы инфинитива и основы настоящего времени, ещё и основу прошедшего времени (без элемента *-ну-*), от которой, как правило, образуются формы деепричастия и действительного причастия прошедшего времени *(мёрз — мёрзши — мёрзший).*

Глаголы IX класса отличаются от глаголов IV класса и семантически. В то время как глаголы IV класса представлены, главным образом, однократными глаголами совершенного вида (ср. *крúкнуть, тóпнуть, прыгнуть*), глаголы IX класса, поскольку они бесприставочны, относятся к несовершенному виду и обозначают либо состояние, протекающее во времени (напр. *мёрзнуть, пáхнуть*), либо постепенный переход в какое-либо состояние (напр. *сóхнуть* «становиться сухим», *мóкнуть* «становиться мокрым») — «мутативное» значение.

Далеко не все глаголы данного класса отбрасывают суффикс *-ну-* в мужской форме прош/вр (а также в формах действ. причастия прош/вр). У бесприставочных глаголов IX-го класса суффикс *-ну-*, как правило, сохраняется в мужской форме прош/вр, хотя допускается и форма без *-ну-*. Последнее издание словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» (1959) приводит на первом месте формы типа *сóх, сóхла*, а лишь на втором месте формы типа *сóхнул, сóхла* (стр. 556).

Целесообразно привести список относящихся сюда глаголов, сопоставляя бесприставочные и приставочные образования:

-бéгнуть (не встречается в бесприставочной форме)
избéгнуть (с/в) ‚vyhnúť sa' *избéг/избéгнул, избéгла*
прибéгнуть (с/в) ‚siahnuť po niečom' *-бéг/-бéгнул -бéгла*
блёкнуть ‚blednúť' *блёкнул, блёкла* (но: *поблёк -ла*)
бýхнуть[1] ‚pučať' *бýхнул, бýхла* (но: *разбýх*)

[1] Не смешивать с глаголом с/в *бýхнуть* в значении «ударить».

-вéргнуть (не встречается в бесприставочной форме)
извéргнуть (с/в) ‚vychrliť' *извéрг/извéргнул извéргла*
отвéргнуть (с/в) ‚odmietnuť' *отвéрг/отвéргнул отвéргла*
повéргнуть (с/в) ‚zvrhnúť' *повéрг/повéргнул повéргла*

вúснуть ‚ostať visieť' *вúснул/вис, вúсла* (но: *повúс*)
воздвúгнуть (с/в) ‚postaviť' *воздвúг/воздвúгнул воздвúгла*
воскрéснуть (с/в) ‚vstať z mŕtvych' *воскрéс -ла*
-вúкнуть (не встречается в бесприставочной форме)
отвúкнуть (с/в) ‚odvyknúť' *отвúк -ла*
привúкнуть (с/в) ‚privyknúť' *привúк -ла*

вя́знуть ‚viaznuť' *вя́знул/вяз, вя́зла* (но: *завя́з*)
га́снуть ‚hasnúť' *га́снул/гас, га́сла* (но: *пога́с -ла*)
гúбнуть ‚hynúť, zanikať' *гúбнул/гиб, гúбла* (но: *погúб -ла*)
глóхнуть ‚hluchnúť' *глох/глóхнул, глóхла* (но: *оглóх -ла*)
гóркнуть ‚horknúť' *гóркнул -а,гóркла* (но: *прогóрк -ла*)
-гря́знуть (не встречается в бесприставочной форме)
погря́знуть (с/в) ‚zaboriť sa' *погря́з -ла*
дóхнуть ‚dochnúť' *дох/дóхнул, дóхла* (но: *подóх*)
дрóгнуть[1] ‚mrznúť' *дрог/дрóгнул, дрóгла* (но: *продрóг*)
дря́хнуть ‚chatrnieť' *дря́хнул, дря́хла*
зя́бнуть ‚mrznúť' *зя́б/зя́бнул, зя́бла* (но: *позя́б*)
исчéзнуть (с/в) ‚zmiznúť' *исчéз/исчéзнул, исчéзла*
кúснуть ‚kysnúť' *кис/кúснул, кúсла* (но: *прокúс*)
крéпнуть ‚pevnieť' *крéпнул/креп, крéпла* (но: *окрéп*)
лúпнуть ‚lipnúť' *лип/лúпнул, лúпла* (но: *прилúп*)
мёрзнуть ‚mrznúť' *мёрз/мёрзнул, мёрзла* (но: *замёрз*)
мóкнуть ‚moknúť' *мок/мóкнул, мóкла* (но: *промóк*)
-мóлкнуть (не встречается в бесприставочной форме)
замóлкнуть (с/в) ‚zamĺknuť' *замóлк -ла* (также: *умóлк -ла*)
мя́кнуть ‚mäknúť' *мя́кнул, мя́кла* (но: *обмя́к -ла*)
-нúкнуть (не встречается в бесприставочной форме)
пронúкнуть (с/в),preniknúť' *пронúк -ла*
(точно так же: *вникнуть, принúк, понúк*)
пáхнуть ‚voňať' *пáхнул/пах, пáхла*
сúпнуть ‚stávať sa sipľavým' *сúпнул/сип, сúпла* (но: *осúп -ла*)

---

[1] Не смешивать с омонимным глаголом *дрóгнуть* (с/в) ‚zatriasť sa' (прош/вр: *он дрóгнул*).

со́хнуть ‚schnúť' *сох/со́хнул, со́хла* (но: *просо́х -ла*)
-сти́гнуть (не встречается в бесприставочной форме)
дости́гнуть (с/в) ‚dosiahnuť' *дости́г/дости́гнул, дости́гла*
сты́нуть ‚chladnúť' *стыл -а*
-ся́кнуть (не встречается в бесприставочной форме)
исся́кнуть (с/в) ‚vyschnúť' *исся́к -ла*
-ти́хнуть (не встречается в бесприставочной форме)
зати́хнуть (с/в) ‚utíchnuť' *зати́х -ла*
-то́ргнуть (не встречается в бесприставочной форме)
расто́ргнуть ‚roztrhnúť' *расто́рг/расто́ргнул, расто́ргла*
ту́хнуть ‚vyhasínať' *тух/ту́хнул, ту́хла* (но: *поту́х*)
хри́пнуть ‚stávať sa chrapľavým' *хрип/хри́пнул, хри́пла* (но: *охри́п*)
ча́хнуть ‚chradnúť' *чах/ча́хнул, ча́хла* (но: *зача́х*)

Суффиксальные формы типа *со́хнул* возможны только в мужском роде. В остальных формах прошедшего времени суффикс *-ну-* отсутствует: *со́хнул — со́хла, мя́кнул — мя́кла, мо́кнул — мо́кла* и т. п.

Разнобой наблюдается и у некоторых приставочных глаголов:

умо́лк/умо́лкнул (умо́лкла) *вто́ргся/вто́ргнулся (вто́рглась)*
исче́з/исче́знул (исче́зла) *окре́п/окре́пнул (окре́пла)* и т. п.

В связи с этим наблюдается колебание в образовании форм действительного причастия прошедшего времени типа:

умо́лк-ший и *умо́лк-нувший*

Е. С. Истрина правильными считает только формы *исче́знувший, окре́пнувший*[1], но *промо́кший, охри́пший.*

Глаголы *вя́нуть* и *сты́нуть* образуют формы прошедшего времени на *-л:* ср. *цвето́к завя́л, суп осты́л.*

Многочисленные колебания наблюдаются также и в других формах, образованных от основы прошедшего времени, в част-

---

[1] Е. С. Истрина: Нормы русского литературного языка и культура речи. М.-Л. 1948, стр. 11/12.

ности в деепричастии и в действительном причастии прош/вр. Разнобой наблюдается в таких формах, как *умо́лкший/умо́лкнувший, прибе́гший/прибе́гнувший, извёргший/извёргнувший, увя́зший/увя́знувший, иссякший/иссякнувший, зача́хший/зача́хнувший.* Соответственно имеются дублеты и в деепричастии: *отвёргши/отвёргнувши, дости́гши/дости́гнувши* и т. п. К сожалению, ни Академическая грамматика, ни имеющиеся нормативные словари не приводят всех случаев такого колебания.[1]

При форме прошедшего времени *исчёз* имеется в причастии только форма *исчёз-нув-ший*, деепричастие — *исчёз-нув.*

Форма причастия от глагола *завя́нуть, увя́нуть* звучит *завя́д-ший, увя́д-ший* с восстановлением согласного *-д* в корне, ср. слвц. *väd-núť.*

Глаголы IX-го класса являются в подавляющем большинстве глаголами непереходными, ср. *вя́нуть, га́снуть, ги́бнуть, гло́хнуть, зя́бнуть* и т. д. От непереходных глаголов формы страдательного причастия в русском языке не образуются. Форма страдательного причастия прош/вр имеется лишь у немногочисленных переходных глаголов данного класса, причём оказывается, что все эти глаголы относятся к церковнославянскому пласту русской литературной лексики. В ряде случаев форма страдательного причастия представлена дублетами:

отвёргнуть — *отвёргнутый*, *отвёрженный*[2]

Другие примеры: *извёргнутый/извёрженный, повёргнутый/повёрженный, подвёргнутый/подвёрженный*, но только *низвёргнутый.* От глаголов *дости́гнуть* и *прони́кнуть* образуется партиципиальная форма *дости́гнутый* и *прони́кнутый.*[3]

Только в функции прилагательных употребляются формы

---

[1] Довольно богатый материал приведён у Е. С. Истриной: Нормы русского литературного языка и культура речи. М.-Л. 1948, 11/12.

[2] Церковнославянская форма *отвёрженный* (старосл. *отъвръженъ*) образована не непосредственно от глагола *отвёргнуть*, а от архаического глагола *отъвръ҃ити — отъверьг.*

[3] Причастие *востóрженный* перешло в русском языке в прилагательное (‚nadšený'), чему способствовала утрата русским языком глагола, соответствующего старосл. *въстрьенѫти.*

старого страдательного причастия настоящего времени *достижи́мый* ‚dosiahnuteľný' и *постижи́мый* ‚pochopiteľný'.

О значении словацких форм типа *zamrznutý*, *napuchnutý* и их соответствии в русском языке см. стр. 557.

Глаголы IX класса испытывают в русском языке влияние со стороны других глагольных классов. Наиболее наглядно это влияние сказывается со стороны IV продуктивного класса на *-нуть -ну -нет*. Таким образом, многие глаголы IX класса утрачивают свою основную морфологическую характеристику — отсутствие элемента *-ну-* в формах, образованных от основы прошедшего времени, ср. *сох/сбхнул*, *исчёз/исчёзнул* и т. п.

В инфинитиве наблюдаются колебания типа *постúгнуть/постúчь*, *застúгнуть/застúчь*, *достúгнуть/достúчь*, где формы на *-чь* соответствуют нормам X класса (ср. *стричь*).

Наряду с литературными формами инфинитива *завя́нуть*, *увя́нуть*, в разговорном языке и в просторечии встречаются также формы «завя́ть» и «увя́ть», образованные с опущением классового показателя *-ну-*. Всё это свидетельствует о морфологической хилости данного класса.

Выше уже говорилось о том, что глаголы IX класса в подавляющем своём большинстве обозначают «переход в какое-либо состояние», ср. *слéпнуть* «становиться слепым». Этот семантический признак, однако, не обязателен для всех глаголов, входящих в IX класс. Такое значение, в частности, отсутствует у глаголов церковнославянского происхождения типа *отвéргнуть*, *достúгнуть*, *растóргнуть*, *воскрéснуть*, *избéгнуть*, *развéрзнуть* и др. Наличие этих глаголов существенно нарушает семантическую однородность класса. К этому следует прибавить, что в семантическом отношении с IX классом конкурирует II продуктивный класс на *-еть -еет*, объединяющий в своём продуктивном ядре глаголы с тем же значением перехода в какое-либо состояние, ср. *бледнéть* «становиться бледным». Поэтому неудивительно, что от одной и той же основы образуются синонимичные глаголы типа *тускнéть* и *тýскнуть* ‚blednúť', *слабéть* и *слáбнуть* ‚slabnúť'.

Можно утверждать, что в современном языке IX класс заметно утрачивает свои морфологические приметы и в значительной степени растворяется в других глагольных классах.

Глаголы X класса

Типы *нести́ — несу́ — нёс* и *печь — пеку́ — пёк*

К X классу относим все глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на *-ти́, -ть* без предшествующего гласного *(нести́; пасть, лезть)* или на *-чь*.

С исторической точки зрения окончания инфинитива и настоящего времени присоединялись у этих глаголов непосредственно к корню, без «тематического гласного», ср. *нес-ти — нес-у*, праслав. **pad-ti (пасть)*, **pek-ti (печь)*. Поэтому данные глаголы иногда называются также «атематическими». Глаголам типа *печь, (по)мо́чь* в западнославянских языках соответствуют формы чеш. *pécі, pomocі*. Словацкие формы типа *piecť, pomôcť* являются результатом аналогического воздействия со стороны инфинитивного окончания *-ť*.

У глаголов X класса следует различать несколько основ:

1. Две (а иногда три) основы настоящего времени: (а) *нес-у́*, *нес-у́т* (с твёрдым *с*) и (б) *нес-ёшь -ёт -ём -ёте* (с мягким *с'*!).

От основы наст/вр типа (а) образованы: действительное причастие наст/вр (*нес-у́щий*, с твёрдым *с*) и страдательное причастие наст/вр (*нес-о́мый*, с твёрдым *с*);

От основы наст/вр типа (б) образованы: формы императива (*нес-и́*, с мягким *с'*!), деепричастия наст/вр (*нес-я́*, с мягким *с'*!), и страдательного причастия прошедшего времени (*принесённый*, с мягким *с'*!). Ср. у глагола *(ис)пе́чь* — (а) *пеку́, пеку́т; пеку́щий;* (б) *печёшь, печёт..., (ис)печённый;* (в) *пеки́* (с мягким *к'*!).

2. Основа прошедшего времени (с акцентологическими вариантами): *нёс — несла́, пёк — пекла́*. От этой основы образуются форма индикатива прош/вр, формы сослагательного наклонения, формы деепричастия и действительного причастия прош/вр *(нёсши, принёсший)*.

3. Основа инфинитива, стоящая особняком, ср. *грести́ (гребу́), вести́ (веду́), печь (пеку́)* и т. п.

Глаголы, входящие в X класс, удобнее всего разбить на несколько подгрупп, смотря по качеству последнего согласного основы настоящего времени.

Подгруппа А. Основа настоящего времени оканчивается на **с** или на **з**.

К подгруппе А относятся следующие глаголы:

нести́ — *несу́* — *несёт* *ползти́* — *ползу́* — *ползёт*
пасти́ — *пасу́* — *пасёт* *грызть* — *грызу́* — *грызёт*
спасти́ — *спасу́* — *спасёт* *лезть* — *ле́зу* — *ле́зет*
трясти́ — *трясу́* — *трясёт* *везти́* — *везу́* — *везёт*
и архаическое *отве́рзть* — *-ве́рзу* — *-ве́рзет*[1].

За исключением глагола *спасти́*, восходящего к старому приставочному образованию (ср. старосл. *съ-пасти*), и глагола *отве́рзть* (ср. старосл. *от-врѣсти* ‚otvoriť'), все глаголы этой подгруппы относятся к несовершенному виду. Приведём для иллюстрации таблицу форм глагола *нести́:*

Инфинитив: *нести́*

<table>
<tr><td colspan="2">Презенс: я несу́
он несёт
они́ несу́т</td><td colspan="2">Прош. время: нёс, несла́ -о́ -и́</td></tr>
<tr><td colspan="2">Императив: неси́</td><td colspan="2">Сослаг. накл.: я бы нёс</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Настоящего времени</td><td>Деепр.: неся́</td><td rowspan="3">Прошедшего времени</td><td>Деепр.: нёсши</td></tr>
<tr><td>Действ. прич.:
несу́щий</td><td>Действ. прич.:
нёсший</td></tr>
<tr><td>Страд. прич.:
несо́мый</td><td>Страд. прич.:
(при)несённый
Краткая форма:
принесён, принесена́ -о́ -ы́</td></tr>
</table>

Примечания к отдельным формам. Все глаголы данной подгруппы, за исключением глагола *лезть — ле́зу*, имеют ударение на флексии в формах настоящего времени: *несу́, пасу́, спасу́, трясу́, ползу́, грызу́, везу́.* Эти же глаголы имеют в «средних» формах окончания с *-ё-*: *несёт, пасёт, трясёт* и т. д.

---

[1] Ср. в «Пророке» А. С. Пушкина:

Мои́х зени́ц коснулся он,
Отве́рзлись ве́щие зени́цы,
Как у испу́ганной орли́цы...

Зени́ца — ‚zrenica'.

Все глаголы этой подгруппы, за исключением глаголов *лезть* и *грызть*, имеют в формах прошедшего времени подвижное ударение: *нёс — несла́ -о́ -и́, пас — пасла́ -о́ -и́, тряс*[1] *— трясла́ -о́ -и́* и. т. д. У глагола *нести́* гласный *-е-* основы переходит в *-ё-* в мужской форме прошедшего времени *(нёс)*, а также в деепричастии и действительном причастии прош/вр: *нёсший*. В глаголе *лезть* (ср. др-русск. *лѣзти*) коренной гласный остаётся неизменённым: *лез, лёзла -о -и*.

Все глаголы этой подгруппы отбрасывают *-л* в мужской форме прошедшего времени: *нёс, тряс*. Подобный процесс наблюдается в чешском разговорном языке, ср. *nes* (вм. *nesl*); в соответствующих словацких формах *(niesol)* гласный *-о-* является вторичным и вставным: **niesl* > *niesol*.

Глаголы с подвижным ударением в прошедшем времени сохраняют подвижное ударение в кратких формах страдательного причастия прош/вр, образующихся преимущественно от приставочных глаголов:

соотнесён — соотнесена́ -о́ -ы́
потрясён — потрясена́ -о́ -ы́
спасён — спасена́ -о́ -ы́
отвезён — отвезена́ -о́ -ы́ и т. п.

От непереходных глаголов данной подгруппы (*ползти́* и *лезть*) формы страдательного причастия, естественно, не образуются.

Подгруппа Б. Основа настоящего времени оканчивается на б.

К подгруппе Б относятся следующие глаголы:

грести́ — гребу́ — гребёт ‚hrabať; veslovať'
сгрести́ ‚zhrabať'
погрести́ ‚pochovať'
скрести́ — скребу́ — скребёт ‚škriabať'

Эти глаголы имеют в формах настоящего времени наконечное ударение *(погребу́ — погребёт)*. Форма прошедшего времени мужского рода образуется без *-л (грёб, скрёб)*; в формах прош/вр, а также в формах страдательного причастия прош/вр имеется подвижное ударение:

грёб — гребла́ -о́ -и́
погребён — погребена́ -о́ -ы́

[1] Под влиянием таких форм, как *нёс, вёз, влёк, пёк*, форма *тряс* в просторечии произносится как *трёс*.

Подгруппа В. Основа настоящего времени оканчивается на т или д.

Особенностью этой подгруппы следует считать выпадение последнего согласного основы в формах прошедшего времени *(веду́ — вёл, вела́ -о́ -у́);* мужская форма прошедшего времени оканчивается на *-л: вёл, плёл, цвёл* и т. п.[1]

В нашем списке глаголов, относящихся к подгруппе В, мы приводим также формы прошедшего времени и формы действительного причастия прош/вр. Деепричастие прош/вр всегда совпадает по своей основе с формой действительного причастия прош/вр.

	Инфинитив	Презенс	Прош. вр.	Действ. прич. прош/вр.
-т	*гнести́* ‚tlačiť, ťažiť'	*гнету́, гнетёт*	—	—
	мести́ ‚miesť'	*мету́, метёт*	*мёл, мела́*	*мётший*
	рассвести́ ‚rozodniť sa'	*рассветёт*	*рассвело́*	—
	обрести́ ‚nájsť'	*обрету́, обретёт*[2]	*обрёл, обрела́*	*обре́тший*
	приобрести́ ‚nadobudnúť'	*приобрету́-тёт*	*приобрёл-ела́*	*приобре́тший*
	изобрести́ ‚vynájsť'	*изобрету́ -тёт*	*изобрёл -ела́*	*изобре́тший*
	(честь)	*(чту, чтёт)*[3]	—	—
	учёсть ‚vziať do úvahy'	*учту́, учтёт*	*учёл, учла́*	—
	счесть ‚pokladať'	*сочту́, сочтёт*	*счёл, сочла́*	—
	цвести́ ‚kvitnúť'	*цвету́, цветёт*	*цвёл, цвела́*	*цве́тший*

[1] В данном случае действует восточнославянский фонетический закон, согласно которому группы *dl, tl* упрощаются в *l*, ср. *padla* > *пала́*, *kradla* > *кра́ла*, ср. также *pravidlo* > *пра́вило*.

[2] К инфинитиву *обрести́* имеется также архаическая (церковнославянская) форма: *обря́щу — обря́щет*.

[3] Глагол *честь* в бесприставочной форме почти не употребляется; ср. приставочные глаголы *прочёсть (прочту́, прочтёт; прочёл, прочла́)* ‚prečítať', а также глаголы *учёсть* и *счесть*, обособившиеся в русском языке и приводимые отдельно.

-д	*блюсти́* ‚zachovávať'	*блюду́, блюдёт*	*блюл, блюла́*	*блю́дший*
	брести́ ‚vliecť sa'	*бреду́, бредёт*	*брёл, брела́*	*бре́дший*
	вести́ ‚viesť'	*веду́, ведёт*	*вёл, вела́*	*ве́дший*
	грясти́ (арх.) ‚ísť'	*гряду́, грядёт*	—	—
	класть ‚klásť'	*кладу́, кладёт*	*клал, кла́ла*	—
	красть ‚kradnúť'	*краду́, крадёт*	*крал, кра́ла*	*кра́вший*
	пасть ‚padnúť'	*паду́, падёт*	*пал, па́ла*	*па́вший*
	прясть ‚priasť'	*пряду́, прядёт*	*прял, пря́ла*	*пря́дший*
	сесть ‚sadnúť si'	*ся́ду, ся́дет*	*сел, се́ла*	*се́вший*

Кроме того, встречаются ещё архаические формы *но́ги гудя́т* (от усталости), «Идёт-*гудёт* зелёный шум» (Некрасов), предполагающие глагол *густи́*, ср. слвц. *húsť*. В современном языке этот глагол перешёл в VIII класс, ср. *гуде́ть — гуди́т*, 3-е лицо множ. числа: *гудя́т*, со значением ‚hučať'.

Глагол *мясти́* ‚miasť' встречается только в архаическом стиле в следующих устойчивых сочетаниях: *мы́сли мятя́т ду́шу; мятётся ум.*

Глагол *вести́* образует форму действительного причастия наст/вр *веду́мый* ‚vedený', точно так же как *несо́мый* ‚nesený' (к *нести́*). В словаре Ушакова форма *веду́мый* считается устарелой; однако в современном языке она встречается довольно часто, причём без малейшего оттенка стилистической архаичности, ср. «Сове́тский нарбд, *веду́мый* Коммунисти́ческой па́ртией...» (из газет); «Сраже́ние за Дуна́й, *веду́мое* войска́ми 2-го и 3-го Украи́нских фронто́в...» (Павленко, Счастье).

Формы императива образуются нормально: *веди́, кради́, подмети́, учти́*. Императив от глагола *сесть — ся́ду* звучит *ся́дь, ся́дьте* согласно морфологическим нормам.

Образование форм деепричастия наст/вр не требует комментариев с точки зрения чисто морфологической, ср. *метя́, ведя́, кладя́* и т. п. О значении форм типа *прочтя́, приобретя́* и т. п. см. стр. 533.

Как вытекает из приведённого выше списка форм, деепричастия и действительные причастия прош/вр образуются от основы прошедшего времени, но, как правило, с сохранением корневого согласного: *мётши (мётший), цве́тши (цве́тший), приобре́тши (приобре́тший)*. Вокализм этих форм (отсутствие перехода *-е-* в *-ё-*) свидетельствует о том, что эти церковнославянские по

происхождению формы остались сугубо книжными, не подпав под влияние форм прошедшего времени типа *цвёл, приобрёл* (с гласным *-ё-*, ср. *мёл — мётший*).

Соответствующие формы от глаголов *(у)кра́сть, (у)па́сть* образованы не посредством окончания *-ший*, а посредством окончания *-вший: укра́вший, упа́вший*, ср. также *се́вший* к *сесть*. Глагол *пасть* образует партиципиальную форму *па́вший* (ср. *па́вший на по́ле сраже́ния*); старая партиципиальная форма *па́дший* перешла в класс прилагательных, ср. *па́дшая же́нщина*.

В полной форме причастия прош/вр большинство глаголов подгруппы В имеет окончание *-ённый*, ср. *угнетённый, подметённый, обретённый, приобретённый, изобретённый, прочтённый, соблюдённый, приведённый*. Исключением является форма *кра́денный* к инфинитиву *красть*. Необходимо отметить, что от глаголов *класть* и *прясть* форма страдательного причастия прош/вр вообще не образуется, в отличие от слвц. *kladený* и *pradený*.[1]

Краткие формы имеют наконечное ударение:

угнетён — *угнетена́ -о́ -ы́*
подметён — *подметена́ -о́ -ы́*
приобретён — *приобретена́ -о́ -ы́* и т. п.

но: *укра́ден -а -о -ы*.

В приведённом списке имеется несколько явных архаизмов: *обрести́, честь* (почти не употребляется без приставок), *грясти́* и *пасть*. Формы этих глаголов встречаются почти исключительно в устойчивых выражениях, часто в цитатах из церковных книг, ср. *ищи́те, да обря́щете* ‚hľadajte a nájdete', *гряду́щий* в значении «будущий», сочетания *пасть ду́хом*, арх. *пасть ниц* ‚padnúť k nohám'. Глагол *пасть* воспринимается в современном языке как глагол совершенного вида; между тем у писателей первой половины XIX века этот глагол мог иметь значение глагола несовершенного вида.

Особое внимание необходимо обратить на чередования в основах глаголов, а также на некоторые чередования приставок, ср.:

---

[1] Сохранились только формы *кла́деный* (‚vymiškovaný') и *пря́деный*, выступающие в функции прилагательных, ср. *пря́деная шерсть*.

Инфинитив	Презенс	Прошедшее время	
		мужск.	женск, сред., множ. число
прочéсть	*прочтý*	*прочёл*	*прочлá -ó -и́*
счесть	*сочтý*	*счёл*	*сочлá -ó -и́*

Подгруппа Г. В эту подгруппу можно включить два глагола, отличающихся от всех остальных глаголов X класса целым рядом морфологических особенностей:

клясть ‚kliať'	*кляну́, клянёт*	*клял, клялá, кля́ло -и*
прокля́сть ‚prekliať'	*прокляну́ -ёт*	*прóклял, прокляла́, прóкляло -и; прóклятый*
кля́сться ‚prisahať'		
расти́ ‚rásť'	*расту́, растёт*	*рос, росла́ -ó -и́; рóсший*
вы́расти	*вы́расту -ет*	*вы́рос -ла -ло -ли*
зарасти́	*зарасту́ -ёт*	*зарóс, заросла́ -ó -и́*

Обращает внимание чередование гласных *а/о* в корне глагола *расти́* (и его приставочных образований). В данном случае чередование *а/о* не является прямым фонетическим рефлексом общеславянских чередований этого типа (ср. слвц. *hádzať/hodiť*, русск. *спра́шивать/спроси́ть*). Написание *расти́ — расту́* (с гласным *а*) объясняется сохранением церковнославянской графики (ср. старосл. *расти*), чему отчасти способствовало и «акающее» произношение. В прошедшем времени сохраняется восточнославянская форма *рос (росла́ -ó -и́, рóсший)*, ср. укр. *рости́*.

Форма страдательного причастия прош/вр от глагола *прокля́сть* звучит *прóклятый -ая -ое*, в отличие от прилагательного *прокля́тый*. Краткая форма причастия имеет подвижное ударение: *прóклят — проклятá — прóклято -ы*. От глагола *расти́* (непереходный глагол!) страдательное причастие не образуется.

Подгруппа Д. В эту подгруппу включаются все глаголы с окончанием **-чь** в инфинитиве. В корне этих глаголов имеются согласные **г** или **к**, чередующиеся с **ж** или **ч** (ср. *могу́ — мóжет — мóгут; пеку́ — печёт — пеку́т*).

Приведём для иллюстрации полный список форм глагола *влечь:*

Инфинитив: *влечь*[1]

<table>
<tr><td colspan="2">Презенс: я влеку́
он влечёт
они́ влеку́т</td><td colspan="2">Прош/время: влёк, влекла́ -о́ -и́</td></tr>
<tr><td colspan="2">Императив: влеки́</td><td colspan="2">Сослаг. накл.: я бы влёк</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Наст. времени</td><td>Деепр.: —</td><td rowspan="3">Прош. времени</td><td>Деепр.: влёкши</td></tr>
<tr><td>Действ. прич.: влеку́щий</td><td>Действ. прич.: влёкший</td></tr>
<tr><td>Страд. прич.: влеко́мый</td><td>Страд. прич.: (при)влечённый
Краткая форма: (привлечён -ена́ -ено́ -ены́)</td></tr>
</table>

К подгруппе Д относятся следующие глаголы:

Инфинитив	Презенс	Императив	Прош. время
-г *берéчь* ‚chrániť',	*берегу́, бережёт*	*берегú*	*берёг, береглá -ó -ú*
жечь ‚páliť'	*жгу, жжёт, жгут*	*жги*	*жёг, жгла, жгло, жгли*
разжéчь	*разожгу́ разожжёт*	*разожгú*	*разжёг, разожглá -ó -ú*
сжечь	*сожгу́, сожжёт*	*сожгú*	*сжёг, сожглá -ó -ú*
запря́чь ‚zapriahnuť'	*запрягу́, запряжёт*	*запрягú*	*запря́г, запряглá -ó -ú*
распря́чь ‚vypriahnuť'			
отпря́чь ‚vypriahnuť'			

[1] Вместо глагола *печь* здесь в качестве образца приводится (церковнославянский по своему происхождению) глагол *влечь* потому, что от этого глагола свободно образуется большинство возможных грамматических форм.

	**(мочь)* ‚môcť'	*могу́, мо́жет*	*(мо́ги)*[1]	*мог, могла́ -о́ -и́*
	**помо́чь* ‚pomôcť'	*помогу́, помо́жет*	*помоги́*	*помо́г, помогла́ -о́ -и́*
	**занемо́чь* ‚ochorieť'	(презенс не употреб.)		*занемо́г, занемогла́ -о́ -и́*
	пренебре́чь ‚opovrhnúť'	*пренебрегу́ -жёт*	*пренебреги́*	*пренебрёг -бреглá -о́ -и́*
	стере́чь ‚strážiť'	*стерегу́, стережёт*	*стереги́*	*стерёг, стерегла́ -о́ -и́*
	предостере́чь ‚varovať'			
	стричь ‚strihať'	*стригу́, стрижёт*	*стриги́*	*стриг, стригла -о -и*
	лечь ‚ľahnúť si'	*ля́гу, ля́жет*	*ляг, ля́гте*	*лёг, легла́ -о́ -и́*
-к	*влечь* ‚vliecť'	*влеку́, влечёт*	*влеки́*	*влёк, влекла́ -о́ -и́*
	извле́чь ‚vytiahnuť, vyťažiť'			
	отвле́чь ‚odvrátiť (pozornosť), odmysliť si'			
	воло́чь ‚ťahať'	*волоку́, волочёт*	*волоки́*	*воло́к, волокла́ -о́ -и́*
	обле́чь ‚zahaliť'	*облеку́, облечёт*	*облеки́*	*облёк, облекла́ -о́ -и́*
	печь ‚piecť'	*пеку́, печёт*	*пеки́*	*пёк, пекла́ -о́ -и́*
	-речь:			
	изре́чь ‚vyrieciť'	*изреку́, изречёт*	*изреки́*	*изрёк, изрекла́ -о́ -и́*
	отре́чься ‚zrieknuť sa'	*отреку́сь, -чётся*	*отреки́сь*	*отрёкся, отрекла́сь -о́сь -и́сь*
	сечь ‚sekať; biť'	*секу́, сечёт*	*секи́*	*сек, се́кли -о -и*
	течь ‚tiecť'	*теку́, течёт*	*теки́*	*тёк, текла́ -о́ -и́*
	толо́чь ‚tĺcť'	*толку́, толчёт*	*толки́*	*толо́к, толкла́ -о́ -и́*

[1] Инфинитив *мочь* и императив *моги́* не употребляются.

Инфинитивы *достúчь*, *застúчь*, *настúчь*, *постúчь* являются лишь вариантами форм *достúгнуть*, *застúгнуть*, *настúгнуть*, *постúгнуть;* эти глаголы относятся к IX непродуктивному классу (см. стр. 85).

Примечания к отдельным формам. В подгруппе Д имеется ряд глаголов церковнославянского происхождения, с внешней стороны охарактеризованных «неполногласной» формой, семантически же отличающихся известной отвлечённостью. Такие глаголы как *влечь (извлéчь, привлéчь, навлéчь)*, *облéчь* (из **ob-velk-ti*), приставочные глаголы от *-речь (изрéчь, предрéчь, отрéчься)*, *пренебрéчь* относятся к книжным стилям литературного языка; многие из них встречаются в устойчивых сочетаниях, напр. *изрéчь úстину*, *повлéчь за собóй* ‚mať za následok' и т. п. Нетрудно заметить, что некоторые из этих глаголов «дублируются» исконно русскими (восточнославянскими) глаголами с «полногласной» огласовкой и с очень близким, хотя и более конкретным, значением, ср. *влечь за собóй* ‚mať za následok' и *волóчь тяжёлый мешóк* ‚ťahať ťažké vrece', *привлéчь внимáние* ‚upútať pozornosť' и *приволóчь мешкú* ‚privliecť vrecia'. Корень глагола *пренебрéчь* ‚opovrhnúť' является церковнославянским дублетом русского глагола *берéчь* (ср. старосл. *брѣшти*).

Глагол *я могý* образует в русском языке формы будущего простого: *я смогý, ты смóжешь* и т. д., в отличие от словацкого, где употребляются только формы описательного будущего: *budem môcť.*

В русском языке (как и в чешском литературном) в основе наст/вр глаголов подгруппы Д чередуются согласные *г/ж* и *к/ч*, ср. чеш. *peku — pečeš — pekou*; *mohu — můžeš — mohou*. В словацком языке в формах презенса произошла полная унификация основы, ср. *pečiem — pečieš — pečú*; *môžem — môžeš — môžu*.

В отличие от словацкого и чешского языков, формы повелительного наклонения русских глаголов данной подгруппы охарактеризованы наличием согласных *г* и *к;* ср.:

русск.	слвц.	чеш.	укр.
помогú	*pomôž*	*pomoz*	*поможú*
пекú	*(u)peč*	*(u)pec//(u)peč*	*печú*

Только чешские формы *pomoz, upec* являются прямым продолжением общеславянских императивных форм (ср. старосл.

помоsи, пьци), в то время как русские формы, с одной стороны, словацкие и украинские, с другой, представляют собою разные решения общей тенденции к унификации глагольной основы.

Глагол *лечь* образует императивную форму без палатализации последнего согласного: *ляг, ля́гте* (ср. укр. *ляж*).

Форма действительного причастия наст/вр на *-у́щий* образуется от глагольной основы настоящего времени с сохранением задненёбных *г* и *к*, ср. *берег-у́щий, пек-у́щий, стерег-у́щий* и т. п. Точно так же образованы соответствующие формы в чешском языке: *pekoucí, vlekoucí*. В словацком языке формы действительного причастия наст/вр имеют консонантизм *ž, č*, ср. *strežúci, pečúci, tečúci*.

Форму страдательного причастия наст/вр имеет только глагол *влечь: влекóмый*.[1]

В мужской форме прошедшего времени вокализм *-е-* всех этих глаголов, кроме глагола *сечь*, переходит в *-ё-*, ср. *берéчь — берёг, влечь — влёк, печь — пёк, течь — тёк, стерéчь — стерёг, пренебрéчь — пренебрёг*, но *сечь — сек*. Этот же вокализм сохраняется в формах деепричастия и действительного причастия прошедшего времени: *берёгши (берёгший), привлёкши (привлёкший), зажёгши (зажёгший)* и т. п., но *пресёкши (пресёкший)*.

Глаголы подгруппы Д имеют в формах прошедшего времени либо подвижное ударение *(берёг — береглá -ó -ú, стерёг — стеренлá -ó -ú, помóг — помоглá -ó -ú, поджёг — подожглá -ó -ú)*, либо постоянное ударение (*сечь: сек — сéкла -о -и, стричь: стриг — стри́гла -о -и*). Всё сказанное относится в равной мере ко всем приставочным образованиям (кроме глаголов с приставкой *вы́-*, напр. *вы́жечь*, сохраняющих ударение на приставке).

Особой оговорки требуют формы деепричастия настоящего времени. Эти формы от глаголов подгруппы Д обычно не образуются. Объясняется это неуверенностью, от какого варианта основы настоящего времени (от *пек-* или от *печ-?*) следует образовать данные формы.[2]

[1] В древнем языке имелись ещё формы: *стригóмый, жегóмый*, в XVI веке употреблялись формы *брегóмый, рекóмый* (ср. С. Д. Никифоров: Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, М. 1952, 289).

[2] Приводимая некоторыми авторами форма *берегя́* не признаётся литературной.

Формы страдательного причастия прош/вр от разбираемых глаголов образуются во всех случаях при помощи суффикса *-ённый: сбережённый, увлечённый, зажжённый, облечённый, запряжённый, рассечённый* и т. д. Краткие формы имеют подвижное ударение:

сожжён — сожжена́ -о́ -ы́
увлечён — увлечена́ -о́ -ы́
обречён — обречена́ -о́ -ы́ и т. п.

Единственным исключением является глагол *стричь*; ср. *постри́жен — постри́жена.*

Особого внимания заслуживает чередование кратких и «вокализованных» форм приставок, а также чередование *е-ё-Ø* в корне глаголов *сжечь — сожгу́ — сжёг — сожгла́ — сожжённый; разже́чь — разожгу́ — разжёг — разожгла́ — разожжённый.*

Вид. Бесприставочные глаголы X класса относятся в большинстве случаев к несовершенному виду.[1] Исключениями являются глаголы *сесть (ся́ду), лечь (ля́гу)* и *пасть (паду́).*

НЕПРОДУКТИВНЫЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ

Если число бесприставочных глаголов, входящих в непродуктивные классы, исчисляется десятками, а число приставочных глаголов достигает нескольких сотен, то непродуктивные группы представлены лишь несколькими глаголами, исчисляемыми единицами. Большинство этих глаголов принадлежит к числу наиболее употребительных и поэтому наиболее важных глаголов русского языка.

Глаголы на *-ава́ть -аю́ -аёт*

Тип *дава́ть — даю́ — даёт*

К этой группе относится глагол *дава́ть* со своими производными приставочными образованиями, а также глаголы, образованные от основы *-знава́ть* и *-става́ть.*

[1] Глаголы *спасти́, рассвести́, обрести́, облечь, пренебре́чь* и т. п., относящиеся к совершенному виду, исторически восходят к приставочным образованиям.

Если в словацком или чешском языках соответствующие глаголы сохраняют основу *dáva-*, *-znáva-*, *-stáva-* во всех формах, то в русском языке основа *дава́-*, *-знава́-* и *-става́-*, имеющаяся в инфинитиве и в формах прошедшего времени *даваj-*, *-знаваj-*, *-ставаj-*, чередуется с основами *даj-*, *-знаj-* и *-стаj-*. Парадигма данных глаголов представлена, следовательно, следующими формами:

дава́ть; я даю́ — он даёт — они́ даю́т; даю́щий;
дава́я; дава́емый; дава́й;
дава́л -а -о -и; дава́вший.

К этой непродуктивной группе относятся многочисленные приставочные глаголы, отчасти утратившие семантическую связь с соответствующими бесприставочными, напр.:

вдава́ться ‚púšťať sa do'
выдава́ться ‚vyčnievať'
вадава́ть ‚ukladať'
отдава́ть ‚oddávať'
продава́ть ‚predávať'
передава́ть ‚odovzdávať'
завнава́ться ‚byť namyslený'
познава́ть ‚poznávať'
признава́ть ‚priznávať'
сознава́ть ‚byť si vedomý'
узнава́ть ‚spoznávať'
вставáть ‚vstávať'
застава́ть ‚zastihovať'
отставáть ‚zaostávať'
приставáть ‚pristávať'
уставáть ‚unavovať sa' и мн. др.

К той же непродуктивной группе относится в современном языке и глагол *создава́ть* ‚vytvárať' (несов.), соотнесённый с глаголом *созда́ть* ‚vytvoriť' (сов.), хотя этимологически эти глаголы не имеют ничего общего с основой *дава́ть//дать*, являясь приставочным образованием на *съ-* от основы *вьд-ати* в значении ‚budovať', ср. русск. *здание* ‚budova', *водчий* ‚staviteľ', чеш. *zeď* «стена».

Вид. Все глаголы этой непродуктивной группы имеют значение несовершенного вида; они соотнесены с глаголами, образованными от основ *дать*, *знать* и *стать (ста́ну)*:

отдава́ть//отда́ть узнава́ть//узна́ть приставáть//приста́ть

У глаголов на *-знава́ть//-зна́ть* некоторые формы презенса нс/в отличаются от форм презенса с/в только по месту ударения, ср.:

я узна́ю (с/в) — *я узнаю́* (нс/в)
они́ призна́ют ‚priznajú' — *они́ признаю́т* ‚priznávajú'.

Глаголы на *-(н)я́ть*, соотнесённые с глаголами на *-има́ть*

Тип *приня́ть*//*принима́ть*

В эту непродуктивную группу входят глаголы, образованные от общеславянского корня **jęti*, *jьmǫ* «взять» (с/в) и **jьmati* «брать» (нс/в) типа **отня́ть — отниму́ — отни́мет* (несов.: *отнима́ть -а́ю*). Глагол *яти* в бесприставочной форме в современном русском языке больше не употребляется, хотя древнерусский язык широко пользовался этим глаголом; единственным следом этого бесприставочного глагола является отрицательная форма *неймёт* ‚neberie' (из **ne-jьmetъ*), ср.

Хоть ви́дит о́ко, да зуб *неймёт*[1] (Крылов).

Старый глагол *яти* выступает в современном русском и словацком языке также в форме *-ня́ть* (в приставочных образованиях типа *поня́ть*, *приня́ть*, *отня́ть*, слвц. *odňať*). Звук *н* восходит к общеславянским предлогам и приставкам типа *vъn-* или *sъn-* (ср. стсл. *вън-ити* «войти», *сън-ити* «сойти», чеш. *sníst* «съесть» и т. п.). Приставочные формы типа *вън-ѧти* или *сън-ѧти* подверглись впоследствии переразложению: *въ-няти*, *съ-няти*. Форма *-няти*, воспринимающаяся как бесприставочный глагол, была перенесена и в такие глаголы, как *от-няти*, *при-няти* и т. п. Глаголы церковнославянского происхождения *(прия́ть, объя́ть, отъя́ть)* сохраняют ещё старую форму бесприставочного *-яти*.

Глаголы данной группы удобно разбить на две подгруппы, в зависимости от их морфологических и стилистических признаков.

К подгруппе А относятся стилистически нейтральные глаголы на *-ня́ть* (с/в), соотнесённые с глаголами на *-има́ть* (нс/в):

Сов. вид	Нес. вид
заня́ть[2]— *займу́* — *займёт* ‚obsadiť; zaujať'	*занима́ть*

[1] В просторечии имеется ещё безличная форма *неймётся* в значении ‚nemôže ticho sedieť', напр. *Ребёнку неймётся, всё бе́гает.*

[2] Многие из приведённых в данном списке глаголов отличаются необыкновенным богатством значений, ср. *заня́ть го́род* ‚obsadiť mesto', *заня́ть де́нег* ‚požičať si peniaze', *заня́ть ребёнка* ‚zamestnať dieťa' и т. д. Полисемия этих глаголов не может, разумеется, быть учтена в рамках грамматического изложения.

нана́ть — найму́ — наймёт ‚najať'	*нанима́ть*
**обня́ть — обниму́ — обни́мет* ‚objať'	*обнима́ть*
**отня́ть — отниму́ — отни́мет* ‚odňať'	*отнима́ть*
поня́ть — пойму́ — поймёт ‚pochopiť'	*понима́ть*
перея́ть — перейму́ — перейме́т ‚prevziať'	*перенима́ть*
**приня́ть — приму́ — при́мет* ‚prijať'	*принима́ть*
**воспря́ть — восприму́ — воспри́мет* ‚prijať'	*воспринима́ть*
**предприня́ть — предприму́ — предпри́мет* ‚podniknúť'	*предпринима́ть*
**подня́ть — поднму́ — подни́мет* ‚zdvihnúť'	*поднима́ть*
**сня́ть — сниму́ — сни́мет* ‚sňať'	*снима́ть*
**ця́ть — ця́му́ — ця́мёт* ‚utíšiť'	*унима́ть*

Сюда же относится глагол *взять — возьму́ — возьмёт* ‚vziať'.

Образования форм презенса, а также место ударения в этих глаголах зависит от качества последнего звука приставки.

Если приставка оканчивается на согласный (напр. *об-от-, с-*), то формы презенса образуются от корня *-ним-*, а ударение, начиная со 2 лица ед/ч, переносится на основу:

**об-ня́ть — обниму́ — обни́мет.*

Если же приставка оканчивается на гласный (напр. *за-на-, по-, пере-, у-*), то формы презенса образуются от корня *-йм-* а ударение остаётся наконечным во всех формах презенса:

за-ня́ть — займу́ — займёт.

Современная орфография, требующая написания *приму́ — при́мет* (вместо *прийму — приймет*, ср. слвц. *prijmem*), нарушает это общее правило. Глагол *взять* имеет во всех формах презенса наконечное ударение *(возьму́ — возьмёт)*.

Форма повелительного наклонения всех этих глаголов образуется при помощи окончания *-и́* (ударяемого): *займи́, найми́, обними́, предприми́, пойми́, сними́, уйми́сь, возьми́* и т. д.

Деепричастие и причастия настоящего времени от глаголов на *-(н)ять* не образуются, т. к. все они относятся к совершенному виду. Эти формы образуются от соответствующих глаголов несовершенного вида на *-нима́ть*, ср. *принима́я, принима́ющий, принима́емый.*

В формах прошедшего времени наблюдается подвижное ударение; женская форма охарактеризована наконечным ударением, все остальные формы имеют ударение на приставке:

м/р	ж/р	ср/р	мн/ч
за́нял	*заняла́*	*за́няло*	*за́няли*
на́нял	*наняла́*	*на́няло*	*на́няли*
предприня́л	*предприняла́*	*предприня́ло*	*предприня́ли* и т. д.

Единственным исключением является глагол *уня́ть:*

уня́л *уняла́* *уня́ло* *уня́ли*,

где ударение не оттягивается на приставку, а также глаголы *взять* и *снять*:

взял	*взяла́*	*взя́ло*	*взя́ли*
снял	*сняла́*	*сня́ло*	*сня́ли*

Возвратные формы прошедшего времени имеют ударение на последнем слоге, представленном в мужском роде окончанием *-ся́*, ср.:

занялся́	*заняла́сь*	*заняло́сь*	*заняли́сь*
принялся́	*приняла́сь*	*приняло́сь*	*приняли́сь* и т. д.

Форма страдательного причастия прошедшего времени от разбираемых глаголов образуется во всех славянских языках при помощи суффикса *-т-*, ср. *за́нятый*[1], *на́нятый*[2], *сня́тый*[3], *взя́тый*, слвц. *zaujatý*, *najatý*, *vzatý*. При этом ударение, как правило, оттягивается на приставку: *предприня́тый*, *воспри́нятый*, *о́тнятый*, *по́нятый*,[4] *о́бнятый*, *при́нятый*.

В краткой форме страдательного причастия прошедшего времени ударение остаётся на приставке во всех формах, кроме формы женского рода:

---

[1] Форма страдательного причастия прошедшего времени отличается по месту ударения от сходного прилагательного, ср. *Челове́к, за́нятый свои́м де́лом* (страд. прич.), но *Он очень занято́й челове́к* (прилаг.).

[2] Не смешивать с соответствующим прилагательным *нанято́й* в сочетании *Он рабо́тает, как нанято́й.*

[3] Не смешивать с прилагательным *снято́й* с другим ударением в сочетании *снято́е молоко́* ‚zobrané mlieko'.

[4] Ср. устар. *понято́й* (субстантив. прилагат.) в значении «свидетель».

он за́нят она́ занята́ оно́ за́нято мы за́няты
он при́нят она́ принята́ оно́ при́нято мы при́няты
он на́нят она́ нанята́ оно́ на́нято мы на́няты

и т. п.

В глаголах без «вокалической» приставки ударение во всех формах, кроме женской, падает на корень:

он снят она́ снята́ оно́ сня́то мы сня́ты
он взят она́ взята́ оно́ взя́то мы взя́ты.

К разбираемой подгруппе относится также глагол *вы́нуть — вы́ну — вы́нет* ‚vybrať, vytiahnuť'. В инфинитиве этот глагол представляет некоторого рода курьёз, т. к. он состоит только из приставки *вы-* и из суффикса *-нуть*. Огласовка *-нуть* здесь является, конечно, вторичной. Этот глагол звучал *вы́-нять* (ср. слвц. vyňať). Как все глаголы совершенного вида с приставкой *вы́-*, глагол *вы́нуть* сохраняет своё начальное ударение во всех формах: прош. время *вы́нул -а -о -и*; императив *вынь, вы́ньте*; страд. причастие прош. времени *вы́нутый*, краткая форма *вы́нут -а -о -ы.*[1]

В **подгруппу Б** входят архаические глаголы типа *объя́ть*, охарактеризованные целым рядом существенных отступлений от морфологических норм современного литературного языка. Серьёзные затруднения возникают уже при первой попытке определить парадигматический состав этих глаголов. Трудно сказать с уверенностью от какой именно основы (или даже от каких основ) образованы формы «группы настоящего времени»; неясно, как звучит форма соотносительного несовершенного вида глаголов типа *объя́ть*, в каком морфологическом отношении глаголы этого типа находятся к глаголам *обыма́ть* и *обнима́ть*,

[1] Глаголы, образованные от корня *яти*, легко поддаются воздействию со стороны других глаголов. Морфологическая неустойчивость таких глаголов объясняется, в первую очередь, утратой бесприставочного глагола *яти* и наличия чередований в приставочных образованиях с корнем *-няти*: ещё в Лексиконе Вейсманна 1731 года приводится форма *вы́няти*. Глагол *вы́няти* подпадает под влияние глаголов на *-нуть: вы́нять — вы́нуть*. — В чешском языке старая форма *vyňati* подверглась воздействию со стороны глагола *dati*, что и привело к созданию просторечной формы *vyndat*, ср. также *sundat* при **sъnęti*. Подробнее см. J. Gebauer: Hist. mluv. jaz. českého I, 379, а также Else Westh Neuhard: Česká slovesa vyndati, Scando-Slavica 4 (1958) 202/9.

к какому именно глаголу относятся архаические формы типа *объе́млю*.

Сведения, приводимые по этим вопросам в словаре Ушакова и в новейших лексикографических пособиях, несколько сбивчивы. Для выяснения имеющихся взглядов сопоставим данные отдельных словарей:

I Словарь Ушакова (1938)	II Словарь русск. яз. (1958)	III Словарь совр. русск. лит. яз. (1959)
объя́ть (книж. ритор. устар.) *обыму́* и *обойму́* (простореч.)	*объя́ть* (без стил. пометы) *обойму́* (разг.) и *обыму́* (устар. и прост.)	*объя́ть* (без стил. пометы) *обойму́* и (устар. и прост.) *обыму́*

Обращает внимание разнобой в стилистической оценке и самого инфинитива *объя́ть*, и форм, приводимых в качестве перфект. презенса к данному инфинитиву. Недоумения вызывает и тот факт, что в рамках одного глагола объединяются столь отличные друг от друга в стилистическом отношении формы как «книжное, риторическое, устарелое» *объя́ть* и «просторечное» *обыму́* и *обойму́* (I), или стилистически «нейтральное» *объя́ть* с «разговорным» *обойму́* и «устарелым и просторечным» *обыму́* (II). Вряд ли можно согласиться с тем, что одна и та же лексема может быть представлена стилистически столь отдалёнными друг от друга «формами».

Следует отметить, что формы *обыму́* и *обойму́* в современном языке больше не соответствуют литературной норме. Академическая грамматика справедливо указывает, что формы типа *обыму́* известны только в просторечии, а формы типа *обойму́* «свойственны литературному языку в прошлом и частично разговорной речи» (I 572). По-видимому, с точки зрения норм современного литературного языка, формы типа *обыму́* и *обойму́* уже не соотнесены с инфинитивом *объя́ть*, который продолжает бытовать в сугубо книжных стилях литературного языка. Из этого вывод: глагол *объя́ть* следует признать «дефективным», т. к. от него, кроме инфинитива, употребляются лишь формы прошедшего времени *(объя́л)*, а также деепричастие и причастия прошедшего времени *(объя́в -яши, объя́вший, объя́тый)*. Формы перфективного презенса от этого глагола в современном литературном языке не образуются.

Возникает новый вопрос: с каким глаголом несовершенного вида соотнесён перфективный глагол *объя́ть*? Мнения по этому поводу опять-таки расходятся:

I	II	III
объя́ть, сов. к *обнима́ть* (II 738)	*объя́ть*, сов. к *обыма́ть* (795)	*объя́ть*, сов. к *обыма́ть* (VIII 578)

Следует иметь в виду, что и здесь существует непреодолимая, на наш взгляд, стилистическая разница: глагол *объя́ть* сугубо книжный, а глагол *обнима́ть* (I) — стилистически нейтрален. Что же касается глагола *обыма́ть* (II и III), то он, по словам Акад. грамматики, «не отвечает литературным нормам» (I 572). Допустимо ли объединять в одном глаголе-лексеме литературно-книжные и нелитературные формы?

Имеются серьёзные расхождения и относительно образования форм настоящего времени от глаголов *обнима́ть* и *обыма́ть*:

I	II	III
обнима́ть -а́ю -а́ешь и (книж. устар.) *объе́млю -лешь* *обыма́ть -а́ю -а́ешь* (простореч.)	*обнима́ть -а́ю -а́ешь* и (книж. устар.) *объе́млю -лешь* *обыма́ть -а́ю -а́ешь* и (книж. устар.) *объе́млю -лешь*	*обнима́ть -а́ю -а́ешь* (VIII 276) *обыма́ть -а́ю -а́ешь* (устар. и прост.) и *объе́млю* (устар.)

Глагол *обнима́ть -а́ю* явно и бесспорно соотнесён с глаголом *обня́ть* — *обниму́* и никаких вариантов в настоящем времени не имеет. Глагол *обыма́ть* бесспорно относится к просторечию и, следовательно, не может быть соотнесён с формами типа *объе́млю*, относящимися к книжному языку, ср. *Но тень объе́млет всю приро́ду* (Пушкин). Оказывается, что формы типа *объе́млю* являются так же «дефективными», как и формы типа *объя́ть*: в современном языке не существует инфинитива несовершенного вида к формам типа *объе́млю*.

Исторически картина представляется примерно так: глаголы *обня́ть* и *объя́ть* представляют собою русский и, соотносительно, старославянский вариант одного и того же глагола, восходящего к праслав. **ob-jęti*. К форме *обня́ть* сохранились формы перфект. презенса *обниму́* — *обни́мешь*. Формы, образованные от глагола *объя́ть*, были представлены на русской почве формами *обыму́* или *обойму́*, но эти формы вышли из литературного употребления. Несовершенный вид глаголов *обня́ть* и *объя́ть* был представлен формами *обнима́ть* (эта форма сохранилась) и *обыма́ть* (из **ob-jьmati*). Форма *обыма́ть* отошла на периферию, став просторечной. Русским языком утрачена форма инфинитива несовершенного вида, соответствующая стсл. *обимати* (< **ob-jьmati*). В книжных стилях сохранилась лишь форма имперф. презенса *объе́млю* (**ob-jemlǫ*), а также формы причастий настоящего времени, перешедшие отчасти в разряд прилагательных, ср. *объе́млемый* ‚obsiahnutý', *объе́млющий* ‚obsahujúci' и т. п.

Руководствуясь принципом стилистического единства всех форм, составляющих парадигму, приходим к следующему выводу: в современном русском языке глагол типа *объя́ть* (сов.) является «дефективным» в том смысле, что от него не образуются формы перфект. презенса. С другой стороны, формы типа *объе́млю* (несов.) являются также «дефективными», ибо к ним нет в современном языке соответствующей основы инфинитива. По своей стилистической окраске глаголы типа *объя́ть* и *объе́млю* иден-

тичны: оба эти глагола относятся лишь к сугубо книжным стилям русского языка. Таким образом дефективный глагол *объя́ть* вступает в видовое соотношение с дефективным же глаголом *объе́млю*. Можно, следовательно, утверждать, что, например, императив *объе́мли* представляет собою «форму» глагола *объя́ть*.

В данную подгруппу входят следующие глаголы:

внять//*внима́ть* — *вне́млю* ‚počuť'; импер ат.: *вне́мли* (и церковно-архаическое *во́бнми* к *внять*)
объя́ть//*объе́млю* ‚objať'
отъя́ть//*отъе́млю*[1] ‚odňať'
подъя́ть//*подъе́млю*[2] ‚zdvihnúť'
прия́ть//*прие́млю*[3] ‚prijať'
разъя́ть//*разъе́млю*[4] ‚rozdeliť'.

Некоторые из приведённых глаголов хорошо сохранились в устойчивых сочетаниях: *объя́ть взо́ром* ‚objať pohľadom', *объя́тый стра́хом* ‚zachvátený.[6] Некоторые формы этих глаголов перешли в разряд прилагательных: *неотъе́млемый* ‚neodňateľný, neoddeliteľný', *всеобъе́млющий* ‚univerzálny'.

Особняком стоит глагол *изъя́ть*, свободно образующий формы *изыму́* — *изы́мет*, стилистически совпадающие с инфинитивом, ср. *изъя́ть из обраще́ния* ‚stiahnuť' — *изы́мет из обраще́ния*.

Ударение у глаголов подгруппы Б остаётся неподвижным во всех формах: *объя́л -а -о -и*; *объя́в(ший)*; *объя́тый*; краткая форма *объя́т -а -о -ы*.

Имперфективным соответствием глагола *взять* (< **vъz-eli*) в древнем языке был глагол *взима́ть* (< **vъz-jьmati*). Этот последний, однако, семантически и стилистически обособился, сохраняясь лишь в немногочисленных выражениях официального языка, например *взима́ть нало́ги* ‚vyberať dane'. Перфективный глагол *взять* вступил, как уже было указано, в коррелятивное отношение с глаголом *брать*.

---

[1] Глагол *отъя́ть* не соотнесён с формой несовершенного вида *отыма́ть*, т. к. эта последняя является просторечной. С другой стороны, форма *объе́млю* не является формой глаголов *отнима́ть* (Ушаков), или *отыма́ть* (Словарь совр. русск. лит. языка).

[2] Форма *подъе́млю* в современном языке не встречается. Но во всяком случае глагол *подъя́ть* (книж., торж.) не может быть морфологически соотнесён с просторечными формами *подыму́*, *поды́мешь* (Ушаков).

[3] Приставочный глагол **воспря́ть* образует формы будущего времени *воспряму́* — *воспря́мешь*.

[4] Форма *разъе́млю* приводится в словаре Ушакова как относящаяся к инфинитиву *равыма́ть* (простореч.).

В отличие от глаголов подгруппы А (тип *обня́ть*), относящихся к стилистически нейтральному плану литературного языка, глаголы подгруппы Б (тип *объя́ть*) являются архаическими, возвышенными, торжественными. Они бытуют преимущественно в поэтическом языке, ср.:

И *внял* я не́ба содрога́нье (Пушкин: Пророк).
Восстань, проро́к, и видь и *вне́мли* (там же).
И но́ги ста́рца он *объе́млет* (А. К. Толстой).
Хвалу́ и клевету́ *прие́мли* равноду́шно (Пушкин).

С *подъя́той* ла́пой, как живы́е,
Стоя́т два льва сторожевы́е (Пушкин).

В общей системе современного русского языка глаголы подгруппы Б не играют сколько-нибудь выдающейся роли. Но для общей характеристики морфологического состава русского глагола необходимо было подробно остановиться на этих глаголах, т. к. имеющиеся справочники дают, на наш взгляд, противоречивые сведения о морфологическом составе данных глаголов.

Имеющиеся в словацком языке глаголы *poňať* и *pojať* лишь отчасти соответствуют русским парам типа *обня́ть (бра́та при встре́че)* и *объя́ть (вво́м)*.

Группа глаголов типа *жать, нача́ть*

В эту группу входит всего несколько глаголов на *-ать//-ять* в инфинитиве[1], характеризуемых наличием носового согласного *н* или *м* в основе настоящего времени:

жать I	— *жну*	— *жнёт*	‚žať'
жать II	— *жму*	— *жмёт*	‚stískať, tlačiť'
мять	— *мну*	— *мнёт*	‚tlačiť, krčiť'
нача́ть	— *начну́*	— *начнёт*	‚začať'
поча́ть	— *почну́*	— *почнёт*	(устар.) ‚začať'
зача́ть	— *зачну́*	— *зачнёт*	‚počať'
уча́ть	— *учну́*	— *учнёт*	(обл.) ‚začať'
распя́ть	— *распну́*	— *распнёт*	‚ukrižovať'

Все бесприставочные глаголы этой группы относятся к несовершенному виду, а глаголы *нача́ть, поча́ть, зача́ть, уча́ть, распя́ть* — к совершенному.

[1] Звук *а/я* относится здесь к основе инфинитива и не является классовым показателем. Этот звук восходит к носовому **ę*, чередующемуся с группами *-ьн-/-ьм-*, ср. старосл. *на-чѧти — на-чьн-ж*.

От глаголов *жать* I и *жать* II, а также от глагола *мять* образуются формы действительного причастия настоящего времени: *жну́щий, жму́щий, мну́щий.* Формы деепричастия наст. времени от этих глаголов не образуются.

В прошедшем времени ударение во всех формах сохраняется обычно на корне (ср. *жал — жа́ла — жа́ло — жа́ли* и т. д.). Подвижное ударение наблюдается в формах:

на́чал — начала́ — на́чало — на́чали
по́ча́л — почала́ — по́ча́ло — по́ча́ли
зача́л — зачала́ — зача́ло — зача́ли
учал — учала́ — учало — учали

Возвратная форма прошедшего времени имеет наконечное ударение во всех родах у глагола *нача́ться*:

начался́ — начала́сь — начало́сь — начали́сь
но: *зача́лся — зачала́сь — зачало́сь — зачали́сь*

Подвижное ударение в формах страдательного причастия прошедшего времени имеется у следующих глаголов:

на́чат — начата́ — на́чато — на́чаты
по́ча́т — почата́ — по́ча́то — по́ча́ты
зача́т — зачата́ — зача́то — зача́ты

В приставочных образованиях от глаголов *жать* (I и II) и *мять* наблюдаются чередования формы приставки:

сжать — сожму́ — сожмёт
размя́ть — разомну́ — разомнёт и т. п.

В русском языке старая основа *-пять/-пну* встречается только в глаголе *распя́ть*, где она морфематически больше невыделима. В словацком языке от основы **pęti* образуются довольно многочисленные приставочные глаголы: *zapäť, vypäť, napäť, rozopäť, pripäť* (и *zapnúť*...). К этой же группе относится в морфологическом отношении и словацкий глагол *ťať — tnem*, отсутствующий в современном русском языке, ср. *ťať do živého.*

Глаголы с «полногласной» группой *-ере-* в инфинитиве

Тип *тере́ть — тру — тёр*

В эту группу входит несколько глаголов, в которых «полногласная» группа *-ере-* (инфинитив) чередуется с другими основами настоящего и прошедшего времени. В глаголах данной

группы необходимо различать три самостоятельных основы. Сюда относятся глаголы:

Основа инфинитива	Основа настоящего времени		Основа прошедшего времени
мере́ть[1] ‚mrieť'	*мру*	— *мрёт*	*мёр, мёрла -о -и*
умере́ть ‚zomrieť'	*умру́*	— *умрёт*	*у́мер — умерла́ — у́мерло -ли*
замере́ть ‚zamrieť, stŕpnuť'	*замру́*	— *замрёт*	*за́мер — замерла́ — за́мерло -и*
помере́ть ‚pomrieť'	*помру́*	— *помрёт*	*по́мер — померла́ по́мерло -и*
пере́ть[2] ‚valiť sa; tlačiť'	*пру*	— *прёт*	*пёр — пёрла -о -и*
запере́ть ‚zamknúť'	*запру́*	— *запрёт*	*за́пер — заперла́ — за́перло -и*
отпере́ть ‚odomknúť'	*отопру́*	— *отопрёт*	*о́тпер — отперла́ — о́тперло -и*
тере́ть ‚trieť'	*тру*	— *трёт*	*тёр — тёрла -о -и*
растере́ть ‚rozotrieť'	*разотру́*	— *разотрёт*	*растёр -ла -ло -ли*
простере́ть ‚rozprestrieť'	*простру́*	— *прострёт*	*простёр — простёрла -ло -ли*

Глаголы этой группы имеют следующие морфологические особенности:

«Полногласное» сочетание *-ере-* в основе инфинитива чередуется с сочетанием типа *мр-, пр-, тр-, -стр-* в формах основы настоящего времени и с сочетаниями типа *мёр, пёр, тёр* (или

---

[1] Бесприставочная форма *мере́ть* в литературном языке малоупотребительна. Лишь в устойчивых сочетаниях встречаются формы 3-го лица единственного и множественного числа: *се́рдце так и мрёт* ‚srdce sa (mi) len tak zviera', *как му́хи мрут*. Вместо глагола *мере́ть* (несов.) употребляется глагол *умира́ть*.

[2] Бесприставочный глагол *пере́ть* носит явно просторечную окраску; ср. экспрессивность таких выражений, как *Куда́ ты прёшь?*, Kam uháňaš?', *Из него́ так и прёт здоро́вье*. Приставочные глаголы типа *запере́ть* или *отпере́ть* остаются стилистически нейтральными.

-мер, *-пер*, *-тер*) и *-стёр* в формах, образующихся от основы прошедшего времени.[1]

Если формы, образованные от основы настоящего времени, не вызывают комментариев (повел. форма *умри́*, *запри́*, *натри́*, *начни́*; действ. причастие наст. времени *мру́щий*, *пру́щий*, *тру́щий*; деепричастие отсутствует), то в пределах форм основы прошедшего времени имеются некоторые особенности.

Мужская форма прошедшего времени образуется без *-л;* ср. *умере́ть — у́мер*, *запере́ть — за́пер*, *растере́ть — растёр*. При этом наблюдается оттяжка ударения на приставку во всех формах, кроме формы женского рода (тип *у́мер — умерла́ — у́мерло — у́мерли*).

Формы прошедшего времени возвратного глагола *запере́ться* имеют аналогичное ударение: *за́перся — заперла́сь — за́перлось — за́перлись*.

В образовании формы деепричастия прошедшего времени наблюдаются колебания: эта форма образуется либо от основы инфинитива *(умере́в*, *запере́в*, *отпере́в*, *натере́в)*, или же, реже, от основы, имеющейся в мужской форме прошедшего времени *(отпёрши*, *запершись)*. Действительные причастия прошедшего времени образуются от мужской формы прошедшего времени, но с переносом ударения на второй слог: *за́пер — запёрший*, *о́тпер — отпёрший*, *растёр — растёрший*, но: *уме́рший* (а не «умёрший»).

Формы страдательного причастия прошедшего времени имеют следующие особенности: в русском языке они образуются при помощи суффикса *-т- (за́пертый*, *о́тпертый*, *натёртый*, *распростёртый)*, в то время как в словацком языке в этих формах может выступать и суффикс *-n-*, ср. дублеты *trený/tretý*. Краткие формы имеют подвижное ударение только у приставочных глаголов от *-переть*:

---

[1] Чередование основ в этих глаголах объясняется исторически. Формы инфинитива восходят к общеславянской форме **ter-ti*, отсюда русское полногласие *тере́ть*, перестановка плавных в словацком языке: *trieť*. Формы основы настоящего времени восходят в обоих языках к общеславянской форме **tьr-ǫ*, отсюда русск. *тр-у́*, словацкое *tr-iem*. Формы прошедшего времени восходят в русском языке к **tьrlъ*, отсюда русск. *тёр — тёрла;* словацкие формы типа *trel* образованы по аналогии с формой инфинитива *trieť*.

за́перт — запертá — за́перто — за́перты
о́тперт — отпертá — о́тперто — о́тперты

У остальных глаголов в этой форме имеется постоянное ударение:

растёрт — растёрта — растёрто — растёрты
распростёрт — распростёрта — распростёрто — распростёрты

Формы вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов образуются путём их перевода в I продуктивный класс на *-ать -аю -аем*, причём в корне появляется гласный *-и-* (в отличие от слвц. *-ie-* в *umierať, odopierať, zapierať, rozprestierať*):

умере́ть//умира́ть *запере́ть//запира́ть*
стере́ть//стира́ть *распростере́ть//распростира́ть*

Необходимо обратить внимание на чередование приставок:

стере́ть — сотру́ — стёр
отпере́ть — отопру́ — о́тпер
растере́ть — разотру́ — растёр и т. п.

Глаголы с «полногласной» группой *-оро-* и *-оло-* в инфинитиве

Тип **коло́ть — колю́ — ко́лет*

Глаголы этой группы отличаются подвижным ударением в формах настоящего времени и постоянным ударением в прошедшем времени. Сюда относятся:

**боро́ться — борю́сь — бо́рется* ‚bojovať, zápasiť'
**коло́ть — колю́ — ко́лет* ‚pichať, klať'
**моло́ть — мелю́ — ме́лет* ‚mlieť'
**поло́ть — полю́ — по́лет*[1] ‚plieť'

Формы от основ настоящего времени образуются в соответствии с общими нормами; повелительная форма *борись, коли́*; действ. причастие настоящего времени *бо́рющийся, ко́лющий, ме́лющий, по́лющий*; деепричастие *боря́сь, коля́* и т. д.

[1] Форма *моло́ть* фонетически восходит к общеслав. **mel-ti*, которое в словацком языке дало *mliet* (ср. *молоко́* и *mlieko* из **mel-ko*). Основа *mel-* сохранилась в русском *мел-ю*, слвц. *mel-iem*. Форма *поло́ть*, по свидетельству словацкого языка, также восходит к общеслав. **pel-ti*.

Формы страдательного причастия прошедшего времени образуются при помощи суффикса *-т-*: *кóлотый, мóлотый, пóлотый*, ср. слвц. *klaný*, но *zaklatý, mletý, (vy)pletý*.

Все глаголы этой группы относятся к несовершенному виду. Формы вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов образуются путём перевода в I продуктивный класс на *-áть -áю -áет* при помощи суффикса *-ыв-*, оттяжки ударения на третий слог с конца и замены гласного *о* гласным *а*:

наколóть//накáлывать *распорóть//распáрывать*
перемолóть//перемáлывать

Группа глаголов типа *бить — бью*

В эту группу входит всего пять бесприставочных глаголов:

бить — бью — бьёт ‚bit'‘ *лить — лью — льёт* ‚liat'‘[1]
вить — вью — вьёт ‚vit'‘ *пить — пью — пьёт* ‚pit'‘
шить — шью — шьёт ‚šit'‘

В повелительном наклонении эти глаголы имеют формы типа *бей, вей, лей, пей* и *шей*[2], *bi, pi, ši*.[3]

Действительное причастие настоящего времени образуется в соответствии с нормами: *бью́щий, вью́щий, пью́щий* и т. д. Форма деепричастия настоящего времени у этих глаголов отсутствует.

В формах прошедшего времени глаголы *бить* и *шить* сохраняют постоянное ударение на основе *(бил — би́ла — би́ло — би́ли)*. У остальных глаголов этой группы наблюдается подвижное ударение:

вил — вилá — ви́ло — ви́ли *лил — лилá — ли́ло — ли́ли*
пил — пилá — пи́ло — пи́ли

В связи с подвижным ударением в формах прошедшего времени в приставочных глаголах от основ *-вить*, *-лить* и *-пить* ударение

---

[1] Слвц. форма *liať*, по-видимому, не соответствует русской форме *лить*, а является рефлексом многократной формы **lijati*.

[2] Форма типа *бей, вей* и т. д. восходит к общеслав. форме **bьjь, vьjь*, где звук *ь* после падения слабых еров вокализировался.

[3] С точки зрения языковой синхронии звук *-е-* здесь является «вставным» гласным корня *bj-*.

во всех формах прошедшего времени, кроме женской, остаётся на корне.

Такая же схема подвижного ударения сохраняется также в формах прошедшего времени и в кратких формах страдательного причастия прошедшего времени приставочных глаголов; напр.:

допи́л — допила́ — допи́ло -и
разли́л — разлила́ — разли́ло -и
проли́л — пролила́ — проли́ло -и
развы́л — развыла́ — развы́ло -и

допи́т — допита́ — допи́то -ы
разли́т — разлита́ — разли́то -ы
проли́т — пролита́ — проли́то -ы
развы́т — развыта́ — развы́то -ы[1]

Следует различать омонимы *запи́ть* I ‚zapiť' (напр. *запи́ть порошо́к водо́й*) с ударением *запи́л — запила́ — запи́ло — запи́ли* и *запи́ть* II в значении «начать пить» (напр. *по́сле сме́рти жены́ он за́пил*), с формами *за́пил — запила́ — за́пили.*

Отрицательные формы прошедшего времени от глагола *пить* (кроме формы женского рода) отличаются оттяжкой ударения на отрицательную частицу: *он не́ пил, мы не́ пили* (ср. *я не́ был*).

От приставочных глаголов формы несовершенного вида образуются путём перевода в I продуктивный класс на *-а́ть -а́ю -а́ет* с суффиксом *-в-*, напр.:

разби́ть//разбива́ть *разли́ть//разлива́ть*
развы́ть//развыва́ть *проли́ть//пролива́ть*
вы́шить//вышива́ть и т. п.

---

[1] Наряду с приведёнными формами допустимы в прошедшем времени также формы с оттяжкой ударения на приставку: *дóпил — допила́ — дóпило -и, прóлил — пролила́ — прóлило — прóлили* и т. п. (ср. Орфографический словарь русского языка, М. 1956). Следует различать глагольную форму *развы́тый (развы́т -а́ -о -ы)* и прилагательное *развы́тый* ‚vyvinutý' *(ра́звит — развита́ — ра́звито -ы)*. В просторечии и в разговорном языке встречаются формы типа *рóзлил, рóзлили, рóзлит* (вместо *раз-*), в которых сохраняется исконно русское произношение приставки *роз-/рос-*, ср. *рóспись, рóзвальни, рóзыск* и т. п.

Группа глаголов типа *крыть — кро́ю*

В эту группу входит пять бесприставочных глаголов, в которых основа инфинитива с гласным *-ы-* (напр. *кры-ть*) чередуется с основой настоящего времени на *-oj* (напр. *кроj-у*):

выть — во́ю ‚zavýjať' *мыть — мо́ю* ‚myť'
крыть — кро́ю ‚kryť' *ныть — но́ю* ‚nariekať'
рыть — ро́ю ‚ryť', kopať'

Формы, образованные от основы настоящего времени, не вызывают никаких комментариев: *кро́ю — кро́ющий — кро́я*, повелительная форма: *крой* (ср. слвц. *kry!*).

Страдательное причастие прошедшего времени образовано при помощи суффикса *-т-*: *кры́тый, (у)мы́тый, (раз)ры́тый*, ср. слвц. *krytý, (u)mytý, (vy)rytý*.

Ударение во всех формах остаётся на коренном гласном.

Формы вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов образуются при помощи суффикса *-в-* и путём перевода глаголов в I продуктивный класс на *-а́ть -а́ю -а́ет*;

раскры́ть//раскрыва́ть *умы́ть//умыва́ть*
закры́ть//закрыва́ть *зары́ть//зарыва́ть* и т. п.

ИЗОЛИРОВАННЫЕ ГЛАГОЛЫ

Вне классов и непродуктивных групп стоят глаголы, сохранившие некоторые архаические черты. Эти «иррегулярные» глаголы относятся во всех индоевропейских языках к наиболее употребительным и поэтому наиболее важным глаголам.

Их трудно разбить на группы, так как почти каждый из них имеет свои специфические особенности, не повторяющиеся у других глаголов.

Глаголы с инфиксом *-в-* в основе настоящего времени

жить — живу́ — живёт. Формы настоящего времени образуются от основы *жив-*, ср. *я живу́ — он живёт*. В словацком языке соответствующий глагол *žiť* относится к группе глаголов типа *biť*, ср. *žiť — žijem, biť — bijem*.

Наконечное ударение остаётся во всех формах настоящего времени: императив *живи́;* дееприч. настоящего времени *живя́;* действ. причастие наст/вр *живу́щий.*

В прошедшем времени женская форма имеет наконечное ударение: *жил — жила́ — жи́ло — жи́ли.* В отрицательной форме ударение может быть оттянуто на частицу *не*: *он не́ жил* или *он не жи́л.*

В приставочных глаголах наблюдается оттяжка ударения на приставку во всех формах, кроме формы женского рода:

прожи́ть: *про́жил — прожила́ — про́жило — про́жили*
зажи́ть: *за́жил — зажила́ — за́жило — за́жили*
‚zahojiť sa'
пережи́ть: пе́режил — пережила́ — пе́режило — пе́режили[1]

Формы страдательного причастия прошедшего времени образованы при помощи суффикса *-т-*: *про́житый, пе́режитый* или *пережи́тый.* Место ударения этих форм совпадает с местом ударения форм прошедшего времени; краткая форма:

про́жит — прожита́ — про́жито — про́житы
пе́режит — пережита́ — пе́режито — пе́режиты[2]

Вторичный несовершенный вид от приставочных глаголов образуется путём перевода в I продуктивный класс при помощи суффикса *-в-*:

пережи́ть//переживать́ отжи́ть//отживать́ и т. п.

плыть — плыву́ — плывёт. Формы настоящего времени образуются от основы *плыв-*: *плыву́ — плывёт; плыви́; плыва́я; плыву́щий;* остальные формы от основы *плы-*: *плыл — плыла́ — плы́ло-и*; *(про)плы́в; (про)плы́вший.* Формы вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов образуются путём перевода в I продуктивный класс при помощи суффикса *-в-*:

переплы́ть//переплыва́ть и т. п.

---

[1] Допускается также форма *пережи́л -о -и* (Орфографический словарь русского языка). Форма «пере́жил» относится к просторечию.

[2] Допускаются и формы *пережи́т -ита́ -и́то -и́ты* (Русск. лит. удар. и произн. 1955, 304).

Словацкий глагол ‚plávať', передающий русское *плыть*, не имеет того оттенка «однонаправленного движения», каким обладает русский глагол *плыть*, соотнесённый с глаголом *плáвать*. В чешском языке русскому *плыть* соответствует *plavati* или *plouti* (*<plúti*). О значении этого глагола см. в главе «Глаголы перемещения» (стр. 318 и сл.).

слыть — слыву́ — слывёт. Этот глагол со значением ‚mať povesť, byť známy', чеш. *slouti* относится к книжному языку. В формах настоящего времени появляется основа *слыв-*: *слыву́ — слывёт*; *слывя́*; *слыву́щий*. Прошедшее время: *слыл — слыла́ — слы́ло -и*; *(про)слы́в*; *(про)слы́вший*.

Односложные глаголы с *-j-* в основе настоящего времени

петь — пою́ — поёт. В словацком языке этот глагол не встречается в бесприставочной форме, ср. *spievať* (из *съ-pěvati*).

В формах настоящего времени появляется основа *poj-*: *пою́ — поёт*; *пой*[1]; *пою́щий*. Деепричастие от данного глагола не образуется, но может быть заменено супплетивной формой *напева́я* ‚spievajúc'.

Формы прошедшего времени: *пел — пе́ла -о -и*; *пев*; *пе́вший*. Страдательное причастие прошедшего времени образовано при помощи суффикса *-т-*: *(с)пе́тый*.

Формы вторичного совершенного вида от приставочных глаголов образуются путём перевода в I продуктивный класс на *-а́ть -а́ю -а́ет* с суффиксом *-в-*:

допе́ть//допева́ть *отпе́ть//отпева́ть* и т. п.

брить — бре́ю — бре́ет. Этот глагол со значением ‚holiť' (ср. *britva*) образует формы настоящего времени от основы *брej-*: *бре́ю — бре́ет; брей; бре́я; бре́ющий*. Формы прошедшего вре-

---

[1] Согласно правилам образования форм повелительного наклонения, сохраняющим, в большинстве случаев, ударение на том же слоге, на котором оно лежит в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени (ср. *я пою́*), следовало бы ожида́ть форму «пои́». Такая форма действительно существует, но она образована от глагола *пои́ть* ‚napájať'

мени образуются от основы *бри-*: *брил -а -о -и; брив; бри́вший; бри́тый.*

Формы вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов: *сбри́ть//сбрива́ть*; *забри́ть//забрива́ть* и т. п.

дуть — ду́ю — ду́ет. Формы настоящего времени образованы от основы *дуj-*: *ду́ю — ду́ет; дуй; ду́я; ду́ющий.* Формы прошедшего времени — от основы *ду-*: *дул -а -о -и; (по)ду́в; (по)ду́вший; ду́тый.* Формы вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов: *разду́ть//раздува́ть* и т. п.

обу́ть — обу́ю; разу́ть — разу́ю. С точки зрения современного языка эти глаголы (с/в) состоят из приставок *(об-, раз-)*, «корня» *-у-* и окончания инфинитива *-ть*. В словацком языке корень этого глагола (с современной точки зрения) представлен в одних случаях звуком *-и- (ob-u-ť)*, в других случаях звукосочетанием *-zu- (vy-zu-ť, pre-zu-ť).*

Формы этого глагола образуются от следующих двух основ: в настоящем времени от основы *обуj-, разуj- (обу́ю — обу́ет; обу́й)*, в прошедшем времени от основы *обу-, разу́- (обу́л -а -о -и; обу́в; обу́вший; обу́тый).* Формы вторичного несовершенного вида: *обу́ть//обува́ть, разу́ть//разува́ть.*

гнить — гнию́ — гниёт. Этот глагол полностью соответствует слвц. *hniť — hnijem.* Формы настоящего времени образуются от основы *гниj-; гнию́ — гниёт*; повел. форма неупотребительна: деепричастие *гния́; гнию́щий.* Формы прошедшего времени образованы от основы *гни-*: *гнил — гнила́ — гни́ло -и; (с)гнив; (с)гни́вший*; страдательное причастие отсутствует (ср. слвц. *zhnitý*) и заменяется прилагательным *гнило́й* или формами *прогни́вший, сгни́вший.* Формы вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов: *прогни́ть//прогнива́ть.*

почи́ть — почи́ю — почи́ет (с/в). Этот архаический глагол со значением ‚odpočívať' относится к книжному языку. Глагол имеет только некоторые формы; перф. презенс от основы *почиj- (почи́ю — почи́ет)*, а прошедшее время от основы *почи- (почи́л -а -о -и).* Допустимо и повелительное наклонение: *почи́й.* В современном языке глагол *почи́ть* встречается преимущественно в выражении *почи́ть на ла́врах* ‚odpočívať na vavrínoch'.

Глаголы с инфиксом *-н-* в основе настоящего времени

стать — ста́ну — ста́нет. Речь идёт о целом пучке омонимов, среди которых выделим следующие:

стать I (к несов. *становйться*) ‚postaviť sa‘,
напр. *стать на стул;*
стать II (без несов.) ‚zastaviť sa‘,
напр. *часы́ ста́ли;*
стать III (к несов. *становйться*) ‚stať sa‘,
напр. *он стал учи́телем; ста́ло хо́лодно*;
стать IV («фазисное»; без несов.) ‚začať‘,
напр. *он стал чита́ть*;
стать V (модальное; без несов.):
напр. *я не ста́ну с ним разгова́ривать* ‚nejdem (nebudem) sa rozprávať‘;
стать VI (безличное; без несов.) в сочетаниях типа *его́ не ста́ло* ‚zomrel; zmizol‘.

В морфологическом отношении этот глагол (или эти глаголы) не вызывает комментариев. Перф. презенс и повелительное наклонение образуются от основы *стан-*: *я ста́ну — он ста́нет*; *стань, ста́ньте*; формы прошедшего времени от основы *ста-*: *стал -а -о -и; став; ста́вший.*

Формы вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов образуются при помощи основы

-става́ть — стаю́ — стаёт (см. стр. 97 и сл.):

встать//става́ть	*переста́ть//переставáть*
уста́ть//уставáть	*заста́ть//заставáть*
наста́ть//наставáть	*восста́ть//восставáть* и т. п.

деть — де́ну — де́нет. Этот глагол со значением ‚podieť, dať‘, а также его приставочные образования (*оде́ть* ‚obliecť‘, *наде́ть* ‚nasadiť si‘, *разде́ть* ‚vyzliecť‘, *вдеть* ‚navliecť‘ и др.) образуют формы перф. презенса от основы *ден-*: *(на)де́ну — (на)де́нет*; *(на)де́нь*. В словацком языке инфикс *-н-* отсутствует, ср. *(po)dieť — (po)dejem*. Глагол *деть* относится к совершенному виду. Формы прошедшего времени образованы от основы *де-*: *дел -а -о -и*; *(на)де́в*; *(на)де́вший*; *оде́тый, разде́тый*. Вторичный несовершенный вид:

наде́ть//надевáть	*разде́ть//раздевáть* и т. п.

застря́ть — застря́ну — застря́нет. Этот глагол со значением ‚uviaznuť, zaviaznuť' по своим морфологическим приметам является совершенно изолированным глаголом. Формы настоящего времени образованы от основы *застрян-*: *застря́ну*; *застря́нь*. Формы прошедшего времени образуются от основы *застря-*: *застря́л -а -о -и*; *застря́в*; *застря́вший*. Несовершенный вид: *застря́ть//застрева́ть* (суффикс *-ев-*). Сюда же следует отнести глагол *встря́ть — встря́ну* в значении «попасть», «взяться» (простореч.); ср. *встря́ть не в своё де́ло.*

Глаголы с инфиксом *-д-* в основе настоящего времени

идти́ — иду́ — идёт. Этот глагол, имевший ранее в инфинитиве параллельное написание «итти́», является одним из наиболее «неправильных» глаголов не только в славянских, но и в других индоевропейских языках.

Прежде всего обращает на себя внимание супплетивизм этого глагола: формы прошедшего времени образованы от другой основы, чем формы настоящего времени, ср. русск. *ид-у́ — шёл* (из **šьdlъ*); подобный супплетивизм встречается и в других языках, ср. словен. *grem* «иду» и *šel sem* «я шёл», фр. *je vais* «иду», *j'irai* «я пойду» и *aller* «идти»; англ. *to go* «идти» и *I went* «я шёл / я пошёл». Естественно, что в ряде языков сказывается стремление к сближению супплетивных форм. Так в словацком языке возникли формы *išiel, išla* (ср. укр. *ішов*) под влиянием начального гласного форм настоящего времени *i-dem, i-deš, i-de.*

Корень глагола, обозначающего «идти», представлен в индоевропейских языках дифтонгом **ei* (ср. гр. *εἶμί* «иду»), давшем в общеславянском долгое *ī*. В старославянском языке инфинитив этого глагола звучит *и-ти*, причём *и-* является корнем, а *-ти* окончанием инфинитива. В чешском языке этот старый инфинитив имеет свое фонетическое продолжение, ср. *jíti*. Словацкая форма *ísť* — вторичная, она возникла под воздействием таких инфинитивов, как *viesť, niesť, pliesť*, а не из **id-ti*.

Основа настоящего времени глагола *iti* содержит инфикс *-d-*: стсл. *ид-я*, русск. *ид-у́*, слвц. *id-em*. В современной русской форме инфинитива *ид-ти́* это *д* перенесено по аналогии из форм настоящего времени.

Формы настоящего времени не представляют трудностей: *я иду́ — он идёт*; *иди́, иди́те*; *иду́*; *иду́щий.*

Формы прошедшего времени совмещают исконно русские образования *(шёл — шла — шло — шли* с утратой согласного *д*

перед *л)* с церковнославянскими образованиями *шéдши*, *шéдший* (где появляется исконное *д* и отсутствует переход *е* > *ё*). Ср. деепричастие прошедшего времени *пришéдши*, при архаической форме типа *отошéд*.

От глагола *идти́* образованы многочисленные приставочные глаголы типа *войти́*, *взойти́*, *вы́йти*, *дойти́*, *найти́*, *пойти́*, *отойти́*, *подойти́*, *превзойти́*, *сойти́*, *уйти́*, *перейти́* и т. п. Во всех этих образованиях начальное *и-* переходит в *-й-*, причём вместо написания *-дт-* сохраняется старое написание с одним *-т-*. Приставки появляются в «вокализированной» форме *во-*, *взо-*, *подо-*, *ото-*, *со-*. В формах перф. презенса глагола *прийти́* (старый вариант «придти» больше не допускается) звук *-й-* выпадает: *я приду́* — *ты придёшь* и т. д., ср. слвц. *prídem* при *dôjdem*, *vojdem*, *zájdem* и т. п. Наряду с формой *он не идёт* встречается слитная отрицательная форма *он нейдёт* ‚nejde'.

О видовых значениях приставочных глаголов, а также о значении деепричастных форм типа *придя́*/*пришéдший* см. главу «Деепричастие» и «Глаголы перемещения».

е́хать — е́ду — е́дет. Этот глагол, соответствующий чеш. *jeti*[1], относится так же, как и предыдущий глагол, к числу супплетивных. Формы прошедшего времени и инфинитив образуются от одной основы, формы настоящего времени — от другой, ср. *я е́ду — я е́хал — е́хать*. В основе настоящего времени появляется, как и в форме *иду́*, инфикс *-д- (е́д-у)*.

От основы настоящего времени образуются только формы изъявительного наклонения *(я е́ду — он е́дет — они́ е́дут)* и причастие настоящего времени *(е́дущий)*. Деепричастие отсутствует. В функции повелительной формы употребляются глагольные формы *поезжа́й* или (просторечное) *езжа́й*.[2]

Приставочные глаголы типа *прие́хать*, *уе́хать* образуют несовершенный вид от основы *-езжа́ть*: *приезжа́ть*, *уезжа́ть*.

---

[1] Словацкий язык не имеет специального глагола, соответствующего русск. *éхать*, чеш. *jeti — jedu*. Слвц. глагол *ísť* передаёт и «идти» и «ехать»; точно так же французский язык не различает эти два глагола, передавая оба значения одним глаголом *aller*.

[2] Интересно, что в словацком языке теоретически вполне возможная форма повелительного наклонения от глагола *ísť* обычно заменяется (супплетивной) формой *choď*.

бежа́ть — бегу́ — бежи́т — бегу́т. Этот глагол отличается тем, что в формах презенса формы с окончаниями II спряжения *(беж-и́шь, беж-и́т, беж-и́м, беж-и́те)* чередуются с формами I спряжения *(бег-у́т)*.

Форма повелительного наклонения: *беги́, беги́те*, ср. слвц. *bež*. Причастие настоящего времени: *бегу́щий*. Деепричастие не образуется.

Формы вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов образуются при помощи перевода в I продуктивный класс от основы *-бега́ть*: *прибежа́ть//прибега́ть, забежа́ть//забега́ть* и т. п.

ошиби́ться — ушиби́ть — пришиби́ть[1]. Несмотря на окончание *-ить* в инфинитиве, эти глаголы образуют формы презенса при помощи окончаний I спряжения: *я ошибу́сь — он ошибётся — мы ошибёмся*. Повелительная форма: *(не) ошиби́сь*.

Мужская форма прошедшего времени образуется без *-л*: *он оши́бся, ушиб(ся), он пришиб;* в остальных формах прошедшего времени *-л-* восстанавливается (*она́ ошиблась* и т. п.). Деепричастие и действительное причастие прошедшего времени образованы от мужской формы: *ошибшись, ошибший́ся*.

Глаголы от основы *-шиби́ть* относятся к совершенному виду. Вторичный несовершенный: *ошиба́ться, ушиба́ть(ся), пришиба́ть* и т. д.

зы́бить(ся)[2]**, — зы́блю(сь), — зы́блется** (арх.) ‚kolísať sa'. В литературе встречается форма *зы́блемый*.

реве́ть — реву́ — ревёт ‚revať'. Это единственный глагол на *-е́ть* (ср. *рёв*), образующий формы настоящего времени на *-у́ -ёт -у́т*. Все остальные формы образуются в соответствии с существующими нормами: *реви́; реви́; реву́щий; реве́л -а -о -и; реве́вший*.

хоте́ть — хочу́ — хо́чет. Особенностью этого глагола является несоответствие между образованием форм единственного и множественного числа. В настоящем времени формы единственного

---

[1] *ошиби́ться* ‚pomýliť sa, urobiť chybu', *ушиби́ть* ‚udrieť (si)', *пришиби́ть* ‚udrieť', *расшиби́ть* ‚rozbiť' и др.

[2] Существует также параллельная форма инфинитива *зы́бать* см. стр. 67.

числа образуются по I-му спряжению (с подвижным ударением: *я хочу́ — ты хо́чешь — он хо́чет*), формы же множественного числа образуются по образцу II-го спряжения (с наконечным ударением: *мы хоти́м — вы хоти́те — они́ хотя́т.*) К этому следует добавить своеобразное чередование согласных *ч/т'* в формах единственного и множественного числа. Форма деепричастия настоящего времени *хотя́* ‚chtiac' может быть заменена супплетивной формой *жела́я.*[1] Причастие настоящего времени образуется согласно нормам: *хотя́щий.* Формы прошедшего времени не вызывают комментариев.

есть — ем — ешь — ест. В этом глаголе сохранились следы старого «атематического» спряжения:

я ем	*мы еди́м*
ты ешь	*вы еди́те*
он ест	*они́ едя́т*

Повелительная форма *ешь, е́шьте* восходит к древнерусской форме *ѣжь*[2], причём конечное *-ж* оглушилось; написание *ешь!* (иерат.) объясняется отчасти влиянием со стороны формы 2-го лица единств. числа изъявительного наклонения *ты ешь.*

Деепричастие настоящего времени: *едя́;* причастие действи-

---

[1] Уступительный союз *хотя́* ‚hoci' (чеш. *ačkoliv*) обыкновенно объясняется как оторвавшаяся от парадигмы форма деепричастия настоящего времени к глаголу *хоте́ть.* Проследить переход значения и функции глагольной формы по имеющимся примерам очень трудно (ср. материал, приводимый Л. А. Булаховским, Истор. комментарий к литер. русск. языку, 1939[2], 262). Нельзя забывать, что в славянских языках уступительные союзы подобного типа возникают из формы 2 лица единств. числа повелительного наклонения, ср. *Хоти до десяти сводов* (1509). Именно к этой форме восходит русский союз *хоть* (переистолкованный в *хотя* < *хоти*), также слвц. *hoci* < **choci.* Показательно, что формы повелительного наклонения в целом ряде случаев так или иначе оказываются связанными с уступительными значениями, ср. *пусть* ‚nech' (из императивной формы *пусти́*), *пуска́й* ‚nech' (из императивной формы), ср. ещё частицу *нибудь*, возникшую из частицы *ни* в соединении с императивной формой глагола *быть.*

Форма *хотя́* может быть вторичным фонетическим вариантом исконной формы *хоти* в значении уступительного союза. Прямая связь союза *хотя́* с формой деепричастия не может в настоящее время считаться вполне доказанной.

[2] Ср. слвц. *jedz*, чеш. *jez*, стсл. *ѣждь.*

тельное: *едя́щий;* страдательное причастие *едо́мый* устарело и встречается только в пословице: *До́ма и соло́ма едо́ма.*

В прошедшем времени глагол *есть* образует формы, соответствующие фонетическим законам восточнославянских языков и не вызывающие комментариев: *ел* (из **ědlъ*), *е́ла, -о -и; (по)е́в; (по)е́вший; (съ)е́денный.*

От глагола *есть* образованы многочисленные приставочные глаголы, в семантическом отношении отчасти далеко ушедшие от основного значения глагола *есть*, ср. *надое́сть* (*надое́м — надое́ст* и т. д.) ‚sprotiviť sa, omrzieť' (напр. *Э́то мне надое́ло* ‚už toho mám dosť'), *зае́сть кого-л.* ‚utrápiť niekoho' и др.

Формы вторичного несовершенного вида от приставочных глаголов:

съе́сть//*съеда́ть*	*надое́сть*//*надоеда́ть*
нае́сться//*наеда́ться*	*объе́сться*//*объеда́ться* и т. п.

дать — дам — дашь — даст. В словацком языке парадигматика этого «атематического» глагола упрощена, что связано с общей тенденцией словацкого языка к аналогическим выравниваниям и к унификации основ (ср. *dám — dáš — dá — dáme — dáte*). Русский глагол *дать*, наоборот, сохраняет многие архаические свои черты, особенно в формах перф. презенса:

я дам	*мы дади́м*
ты дашь	*вы дади́те*
он даст	*они́ даду́т*

Старая форма повелительного наклонения (др-русск. *дажь*, стсл. *даждь*, древняя западнослав. форма, засвидетельствованная в Киевских листах *дазь;* ср. чеш. *jez*) в русском, словацком и чешском заменена новообразованием: *да́й(те)*, слвц. *daj(te)*, чеш. *dej(te).*

В прошедшем времени имеется подвижное ударение: *дал — дала́ — да́ло — да́ли;* с отрицанием: *не́ дал — не дала́ — не́ дало — не́ дали.* Остальные формы: *дав, да́вший, да́нный.*

Русский глагол *дать* всегда имеет значение совершенного вида, в то время как в словацком языке (а также и в чешском) глагол *dá sa (dá se)* в значении модально-вспомогательного глагола «можно, возможно» (ср. слвц. *nedá sa* «нельзя, невозможно») имеет несовершенный вид: *To sa nedá urobiť* «этого нельзя сделать». Отсюда возможность употребления этого гла-

гола в словацком и чешском языках в форме будущего описательного: *To sa bude dať urobiť* «Это можно будет сделать». В русском языке форма типа «будет дать», естественно, невозможна.

Формы приставочных глаголов типа *вы́дать*, *прода́ть*, *отда́ть*, а также глагола *созда́ть* (из *съ-зьд-ати*), имеют соответствия несовершенного вида, образованные от основы *-дава́ть* (см. стр. 97 и сл.), напр.:

вы́дать//*выдава́ть*	*преда́ть*//*предава́ть*
уда́ться//*удава́ться*	*созда́ть*//*создава́ть* и т. п.

Приставочные глаголы совершенного вида от основы *-дать* имеют в формах прошедшего времени, а также в формах причастия прошедшего времени, некоторые акцентологические особенности: ударение оттягивается на приставку во всех формах, кроме формы женского рода, ср.:

о́тдал	*отдала́*	*о́тдало*	*о́тдали*
по́дал	*подала́*	*по́дало*	*по́дали*
пе́редал	*передала́*	*пе́редало*	*пе́редали*
со́здал	*создала́*	*со́здало*	*со́здали* и т. п.

Это правило не относится к двум приставочным глаголам *возда́ть* и *изда́ть*, относящимся к церковнославянскому пласту русской лексики (прош. время: *возда́л*, *изда́л* — *возда́ла*, *изда́ла* — *возда́ло*, *изда́ло* — *возда́ли*, *изда́ли*). В глаголе *разда́ть* приставка *раз-* чередуется с приставкой *роз-*:

ро́здал	*раздала́*	*ро́здало*	*ро́здали*

Несколько иначе обстоит дело с подвижным ударением в формах прошедшего времени возвратных глаголов этого типа, где мужской форме с ударением на корне противопоставлены все остальные формы с наконечным ударением, напр.:

отда́лся	*отдала́сь*	*отдало́сь*	*отдали́сь*
уда́лся	*удала́сь*	*удало́сь*	*удали́сь*
созда́лся	*создала́сь*	*создало́сь*	*создали́сь*
разда́лся	*раздала́сь*	*раздало́сь*	*раздали́сь* и т. д.

В формах страдательного причастия прошедшего времени ударение оттягивается на приставку: *о́тданный*, *пре́данный*, *пе́ре-*

данный, роздáнный (с приставкой *роз-*), *пóданный*, а также *йзданный*, т. е. место ударения в этих формах соответствует месту ударения в мужской форме прошедшего времени. Краткие формы страдательного причастия имеют подвижное ударение типа

óтдан	*отдана́*	*óтдано*	*óтданы*
сóздан	*создана́*	*сóздано*	*сóзданы*
пéредан	*передана́*	*пéредано*	*пéреданы*
йздан	*издана́*	*йздано*	*йзданы*

быть. Этот глагол, употребляющийся также в качестве связки, обнаруживает во всех индоевропейских языках черты супплетивизма.[1] В русском языке, как известно, спрягаемые формы настоящего времени вообще отсутствуют. Форма 3-го лица единственного числа настоящего времени *есть* перешла в русском языке в разряд «предикативов наличия» (ср. I, 378—380) и только в книжном языке искусственно восстановлена в значении связки, напр. *Глагóл есть часть рéчи.* Реже употребляется форма *суть* в значении связки, напр. *Киты́ суть млекопитáющие.* Формы 1 и 2 лица обоих чисел (др-русск. *есмь, есú, есмы́, естé*) полностью утрачены; они могут быть заменены формой *есть (Я был и есть твой друг).*[2] Можно, следовательно, утверждать, что форма *есть* в русском языке, независимо от своей функции, является формой неспрягаемой.

Форма будущего времени образуется от основы *буд-*:[3] *я бýду — он бýдет — онú бýдут.* От той же основы образуется форма деепричастия настоящего времени *бýдучи* ‚súc', чеш. ‚jsa', напр. *Бýдучи знатокóм нсмéцкого языкá, он читáл «Фауста» в оригинáле.* Слово *бýдущий*, восходящее к стсл. форме действительного

---

[1] Ср. напр. лат. *esse/sum/est/fui;* нем. *sein/ich bin/er ist/war/wird;* англ. *to be/I am/you are/he is/I was;* фр. *être/je suis/il est/je serai;* слвц. *byť/som/je/bol/budem/súc.*

[2] Ср. у Н. В. Гоголя: «в этом вы есть главные участницы» («Нос»), причём местоимение *вы* здесь относится только к одному лицу.

[3] Если основа инфинитива и прошедшего времени *бы-* (*быть, был*) восходит к общеславянскому **bū-*, то основа *буд-* восходит к форме **bǫd-*, где «носовый гласный» *ǫ* является продолжением группы **on*; следовательно, в основе **bond-* имеется носовой инфикс *-n-*, ср. лат. *jūgum*, но *jungō*.

причастия, перешло в разряд прилагательных со значением ‚budúci', оторвавшись, таким образом, от глагольной парадигмы.[1]

Форма действительного причастия настоящего времени может образоваться супплетивно от глагола *явля́ться*, напр. *Слова́цкий язы́к, явля́ющийся одни́м из славя́нских языко́в, хорошо́ сохрани́л катего́рию ви́да.*

Формы прошедшего времени образуются от основы *бы-*, ср. инфинитив *бы-ть*; для них характерно подвижное ударение:

был *была́* *бы́ло* *бы́ли*

В отрицательной форме ударение во всех формах, кроме женской, переносится на частицы *не* и *ни:*

не́ был *не была́* *не́ было* *не́ были*

ср.: *кто бы ни́ был (ни была́, ни́ были); что бы ни́ было*

Остальные формы основы прошедшего времени образуются согласно общим правилам: *быв (бы́вши); бы́вший.*

От глагола *быть* имеется целый ряд приставочных образований:

добы́ть ‚dostať, vyťažiť' *прибы́ть* ‚prísť, pricestovať'
забы́ть ‚zabudnúť' *сбы́ться* ‚uskutočniť sa'
убы́ть ‚ubudnúť' *отбы́ть* ‚odcestovať' и т. п.

У некоторых из этих приставочных глаголов наблюдается в формах прошедшего времени подвижное ударение, напр. *у́был — убыла́ — у́было — у́были; при́был — прибыла́ — при́было — при́были*; с другим ударением: *сбы́лся — сбыла́сь — сбыло́сь — сбыли́сь*. Глаголы *добы́ть, забы́ть* имеют в прошедшем времени постоянное ударение *(забы́л — забы́ла — забы́ло — забы́ли).*

Вторичный несовершенный вид от этих приставочных глаголов образуется посредством суффикса *-в-*, ср.:

добы́ть//добыва́ть *прибы́ть//прибыва́ть*
забы́ть//забыва́ть *сбы́ться//сбыва́ться* и т. п.

ср. слвц. *dobývať*, но *zabúdať, pribúdať, ubúdať.*

---

[1] Старая форма действ. причастия настоящего времени типа стсл. *сѫштии* сохранилась в русском языке в качестве прилагательного *су́щий* ‚ozajstný'.

В литературе нераз затрагивался вопрос о видовом значении глагола *быть*. А. Мазон доказывал, что форма *буду* имеет то же значение совершенного вида, как и форма *стану*.[1] Такого же мнение придерживается и Р. Якобсон, относящий, однако, формы *был*, а также „нулевую" форму (Ø) к — несовершенному виду.[2] Американский славист Джеймс Феррелл показал, что форма буду может свободно выступать со значением несовершенного вида (ср. *Мы сде́лаем э́то, пока́ она́ бу́дет в Москве́*). Рассматривая глагол *быть* как относящийся к несовершенному виду, Джеймс Феррелл пытается показать, что по своему общему значению глагол *быть* аналогичен глаголам передвижения типа *идти́, нести́, бежа́ть*,[3] которые мы предлагаем назвать „однонаправленными" (см. стр. 311 и сл.). С таким мнением, однако, трудно согласиться. Вопрос о видовых значениях форм глагола *быть* требует особого анализа на широком материале.

[1] A. Mazon: Emploi du verbe russe, Paris 1914, 106.

[2] R. Jakobson: Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb, Harvard 1957, 7.

[3] James Ferrell: On the Aspects of *byt* and on the Position of the Periphrastic Imperfective Future in Contemporary Literary Russian, Word 9, №. 4, December 1953, 370.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РУССКОГО ГЛАГОЛА

ПРЕДИКАТИВНЫЕ И СОБСТВЕННО ГЛАГОЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

В предыдущих отделах уже неоднократно подчёркивалось, что каждая грамматическая форма русского глагола определяется по крайней мере двумя глагольными категориями, а именно: любая русская глагольная форма обнаруживает отнесённость к категории вида (совершенного или несовершенного) и одновременно отнесённость к одному из залогов глагола (действительному или страдательному). Эти две глагольные категории охватывают все без исключения глагольные формы, объединяя, таким образом, глагольную парадигму в одну единую систему грамматических форм.

В отличие от глагольного вида и залога в русском языке имеются такие категории, которые свойственны лишь некоторым глагольным формам. Сюда относятся в первую очередь глагольные категории, непосредственно связанные с предикативными формами глагола,[1] т. е. с такими формами, которые в предложении могут выступать только в функции сказуемого. К этим предикативным категориям относятся:

грамматическое лицо
грамматическое время
наклонение глагола

---

[1] Некоторые авторы причисляют эти формы (категории) к «синтаксическим», отличая их от «морфологических» в более узком смысле этого термина. Так А. М. Пешковский называл категории лица, числа, рода, времени и наклонения у глагола — категориями синтаксическими, ср. Русский синтаксис в научном освещении, М. 1956⁷, 31.

Как видно, речь идёт о формах, которые обычно называются «личными» формами глагола (určité slovesné tvary; verbum finitum) или «спрягаемыми» глагольными формами.

Под термином «предикация» мы подразумеваем, вместе с В. Матезиусом, всякий акт соотнесения признака с его носителем (с «субстанцией») в модальном плане.[1] Основным признаком предикации является, таким образом, выражение отношения говорящего к реальности высказывания. Это отношение говорящего к реальности высказывания находит свое выражение в глагольных наклонениях.

Временно́й план предикации подчинён модальному плану. Отнесённость содержания предикации к временно́му плану (в рамках модального плана) выражается в глагольных предложениях формами грамматического времени.

Наконец, отношение к носителю признака (к «субстанции») выражается в предикативном акте в формах так называемого грамматического лица.

Таким образом, те глагольные категории, которые реализуются в формах наклонения, грамматического времени и грамматического лица, могут быть признаны формами бытия или формами проявления любой предикации. Следовательно, указанные категория являются не только и не столько глагольными, сколько предикативными (общесказуемостными) категориями.

Нет ничего удивительного в том, что во многих языках, в том числе и в языках индоевропейских, развивших богатую «синтетическую» флексию (см. стр. 19 и сл.), в которых глагольный (а не именной) тип предложения является основным, именно глагол стал важнейшим носителем всей предикации. Приведённые предикативные категории (наклонение, время и грамматическое лицо) переходили на личные формы глагола, сращивались с системой глагольных форм — морфологизировались. Грамматическое лицо, грамматическое время и наклонение, эти формы выявления любой предикации, превратились в наших языках в глагольные категории.

В отличие от этих «предикативных» категорий, такие катего-

[1] Cp. V. Mathesius: Čeština a obecný jazykozpyt („Několik slov o podstatě věty", 224/33; „O tak zvaném aktuálním členění větném", 234/42; „Podstata aposice a její druhy", 302/18).

рии, как глагольный вид или залог, не связаны только с «личными» формами глагола: они свойственны всем глагольным формам, в том числе и «неличным» (инфинитив, деепричастия, причастия). Эти категории и можно было бы назвать «собственно глагольными» морфологическими категориями русского глагола.

В отличие от предикативных категорий (грамматического лица, грамматического времени и наклонения), выражаемых в русском языке особыми формальными показателями (окончаниями, аффиксами, „вспомогательными" словами), категория глагольного вида не нашла в русском языке однозначного и единого внешнего выражения.

Категория залога (актив/пассив) проявляется в наших языках во всех без исключения глагольных формах. Подобно категории вида, эта категория не получила в славянских языках единого и однозначного внешнего выражения. Одна и та же глагольная форма (например, *мóется*) может выражать в разных контекстах то значение актива *(мáльчик мóется)*, то значение пассива *(окнó мóется)*. Поскольку любая глагольная форма обязательно выражает либо активное, либо пассивное залоговое значение, мы считаем себя вправе отнести категорию залога именно к «собственно глагольным» категориям.

Ввиду господствующего положения, занимаемого грамматическими категориями вида и залога в системе славянского глагола, целесообразно будет приступить в первую очередь к обсуждению именно этих двух категорий.

СОБСТВЕННО ГЛАГОЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД

Грамматическая сущность глагольного вида

Вся глагольная система славянских языков подчинена категории глагольного вида (аспекта). В славянских языках нет конкретной глагольной формы, стоящей вне этой категории. Каждая глагольная форма в конкретном контексте относится к одному из двух видов. Правда, в ряде случаев говорящий имеет возможность выбора между обоими видами, но всякий раз он, под давлением грамматической системы, *обязан* сделать этот выбор, относя употреблённую им глагольную форму либо к совершенному, либо к несовершенному виду.

Говоря о виде (аспекте) славянского глагола, мы имеем в виду способность славянского глагола выражать такие оттенки в обозначаемом глагольном процессе, которые прямо не вытекают ни из значения глагольной основы, ни из значения приставки. С понятием глагольного вида мы, таким образом, связываем исключительно только те оттенки значения, которые принято обозначать терминами «совершенный вид» (СВ) и «несовершенный» вид (НСВ). Все другие возможные смысловые модификации глагольного значения (в частности «кратность» глагольного действия, начинательность, результативность и т. п.) не относятся к тому плану, в котором осуществляется противопоставление совершенного вида — несовершенному.

Как и всякое другое противопоставление, видовая оппозиция (видовая корреляция) основана на наличии или отсутствии какого-либо *одного* семантического признака («семантического минимума»). Достаточно, поэтому, определить *один* из членов видовой оппозиции как содержащий этот признак, чтобы охарак-

теризовать второй член чисто отрицательно — как не обладающий данным признаком.

Семантически «сильным», маркированным членом видовой оппозиции несомненно является совершенный вид.[1] На фоне семантически «слабого», немаркированного несовершенного вида, совершенный вид выступает как более яркий, в известном смысле квалифицированный член оппозиции. Специфическое значение глаголов с/в (напр. глагола *переписáть*) можно изобразить как «индивидуальное лексическое значение глагола нс/в (напр. *перепúсывать*) плюс грамматическое значение совершенного вида». В чём же заключается сущность семантического признака, отличающего глаголы с/в от глаголов нс/в?

Современное толкование семантической специфики совершенного вида обыкновенно возводится к формулировке Ф. де Соссюра, считавшего, что совершенный вид выражает процесс «в своей целостности».[2] Следует, однако, отметить, что подобное определение дал ещё Л. П. Размусен[3], считавший, что несовершенный вид выражает действие, «рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целости действия» (разрядка моя, *А. И.*). Но первым исследователем, предвосхитившим современное толкование видового признака, оказался чешский филолог Эмиль Черный, работавший в России в качестве преподавателя классических языков.[4] В своей работе «Об отношении видов русского глагола к греческим временам» (СПб. 1877) Э. Черный дал такое определение совершенного вида: «Он представляет действие собирательно, сомкнуто, в совокупности, суммарно, в сжатом виде» (стр. 9). К сожалению, мысли классического филолога Э. Черного не были использованы и развиты последующими поколениями славистов.

---

[1] Ср. В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 498 — Ю. С. Маслов: Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. Доклады IV Международного съезда славистов. М. 1958, 8/9.

[2] F. de Saussure: Cours de linguistique générale, Paris 1922², 162.

[3] Л. П. Размусен: О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. ЖМНП 1891, июнь, 379.

[4] Emil Černý (Эмиль Вячеславович Черный) учился в 50-х годах прошлого столетия в Пражском университете. Он был учеником профессора Г. Курциуса (G. Curtius), который в своей »Griechische Schulgrammatik« уделил немало внимания вопросу видов в греческом языке. В 1884 г. Э. Черный был директором III московской гимназии. Библиографию этого учёного можно найти в статье K. Svoboda: Listy filologické 70/71 (1946/7). Ср. A. V. Isačenko, Slovo a slovesnost 21 (1960), 9 и сл.

Из понятия целостности действия (»celkové, ucelené pojetí děje«) исходят в своих работах чешский аспектолог А. Достал и немецкий славист Р. Ружичка. Результаты исследований этих авторов сводятся к следующему: процесс, выраженный глаголом с/в, находится целиком в поле зрения говорящего; он обозревается как бы извне. Р. Ружичка связывает признак «целостности» процесса с признаком «ограниченности действия во времени».[1] Нам представляется излишним прибегать к общей семантической характеристике видов на основании двух (или нескольких) признаков, тем более, что видовая семантика не связана с понятиями ограниченности или неограниченности действия во времени.

В определении совершенного вида, данном А. Досталом, временно́й фактор исключается: «Глаго́льный вид представляет собою способность глагола выразить отношение говорящего к реальному событию, к действию (или же к представлению этого события), воспринимаемого как целое, или наоборот».[2] Общее грамматическое значение совершенного вида характеризуется автором как «целостный взгляд на внешнее событие».[3]

Являясь слабым, немаркированным членом видовой оппозиции, несовершенный вид не имеет своей «положительной» семантики; грамматическое значение несовершенного вида исчерпывающе характеризуется отсутствием специфического значения совершенного вида.

«Отношение говорящего» к реальному событию, о котором говорит А. Достал, не является, конечно, субъективным. Говорящий связан в выборе вида нормами языка. «Выбор» того или иного вида в большинстве случаев диктуется семантическими «заданиями» всего высказывания. Говорящий, предицирующий действие как протекающие у него на глазах (как «актуальное» действие), не имеет никакого выбора: он может употребить только несовершенный вид (напр. *Смотри́*: *по́езд прихо́дит*!)

Попытаемся уяснить сущность общей семантики (грамматического значения) славянского вида на наглядном примере. Выражая процесс при помощи форм несовершенного вида (например *я перепи́сывал*, *я перепи́сы-*

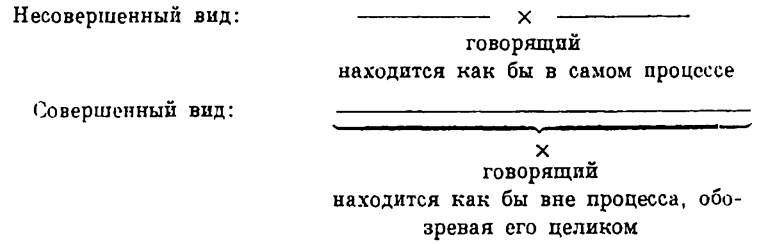
[1] R. Ruzicka: Der russische Verbalaspekt: Russischunterricht 5 (1952), 4, 165.

[2] A. Dostál: Studie o vidovém systému v staroslověnštině. Praha 1954, 18.

[3] Там же, 15.

ваю), говорящий находится как бы в потоке самого процесса. Он не видит ни его начала, ни его конца и, следовательно, не может выразить этот процесс как сомкнутое, цельное событие. Точку зрения говорящего можно в данном случае сравнить с точкой зрения участника первомайского парада. Этот участник движется с толпой, он не видит ни начала, ни конца шествия.

Выражая процесс формами совершенного вида (например *я переписáл*), говорящий стоит вне процесса, выраженного глагольной формой: следовательно, он обозревает процесс как единое целое. Точка зрения говорящего в данном случае напоминает точку зрения лиц, стоящих во время первомайского парада на трибуне: они видят и начало и конец шествия, так что парад оставляет в них целостное впечатление. Графически оба подхода к реальному процессу можно было бы изобразить следующим образом:

Приведённое сравнение, как и всякое другое сравнение, можно принять лишь с известными оговорками. Не будем на нём настаивать. Семантика вида, конечно, лишена той конкретности, которой отличается всякое графическое изображение.

Грамматическое значение славянского вида толковалось по-разному. Большинство учёных исходило из значения несовершенного вида, принимая длительность (trvanie) глагольного действия за основной семантический признак несовершенного вида. Но если совершенный вид рассматривать как противоположность (opak) несовершенного, то формы совершенного вида должны отрицать длительность глагольного действия. Каждое действие, и самое короткое, требует для своего совершения определённого, пусть очень короткого, отрезка времени. Следовательно, пришлось бы считать, что несовершенный вид противопоставлен совершенному как выражающий более или менее длительное действие. Такое толкование опровергается языковыми фактами. Действие, представляемое в форме совершенного вида, может обозначать и очень короткие, и очень продолжительные отрезки времени, ср. *Он пéрежил ужáсный момéнт/Он прóжил всю жизнь в дерéвне*. Семантическую специфику видов никак нельзя свести к разной «мере длительности». Однако именно из понятия длительности исходили такие учёные, как А. Бругманн,[1] А. Лескин,[2]

[1] A. Brugmann und K. Delbrück: Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Straßburg 1913², II/3, 1, 79.

[2] A. Leskien: Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, Heidelberg 1919²-³, 215.

В. Вондрак[1], А. Мейе[2], А. А. Потебня[3], А. М. Пешковский[4] и мн. др.

Ф. Миклошич и его последователи исходили из значения форм совершенного вида. В качестве общего семантического признака был принят признак «законченности» или «завершённости» действия, ср. классическое определение Ф. Миклошича: «Действие представляется либо как длительное, либо выражается как законченное» (»vollendet«)[5]. Термины «совершенный» и «несовершенный» вид (dokonavý a nedokonavý vid) образованы по образцу предложенного Ф. Миклошичем термина »vollendet«.

Введение понятия «законченности действия» в учение о видах оказалось роковой ошибкой: оно на несколько десятилетий отодвинуло более адекватное решение сложной видовой проблематики. Сам термин «законченность действия» имеет в виду как будто только конечный фазис процесса, оставляя начало и собственное протекание процесса вне поля зрения. В понятии «законченности» стирается также грань между временны́ми и чисто видовыми семантическими элементами: ведь о «законченности» можно говорить только применительно к формам прошедшего времени (совершенного вида) типа *он сказа́л*, *он написа́л*. Очень близко к концепции Ф. Миклошича подходят и некоторые современные исследователи, склонные свести противопоставление несовершенного вида — совершенному к противопоставлению недлительности и результативности процесса — её длительности и нерезультативности.[6]

Для определения семантической разницы между глаголами несовершенного и совершенного вида многие учёные прибегали к весьма удобному и наглядному сравнению значения несовершенного вида с линией, а значения совершенного вида с точкой. В самом деле, в ряде случаев видовое значение можно хорошо изобразить как «линейное» (—), например *он перепи́сывает*, или «точечное» (.), например *он переписа́л*. Однако в славянских языках есть немало глаголов совершенного вида, семантика которых не допускает графического изображения при помощи точки, например «дистрибутивный» глагол типа *пооткрыва́ть* ‚pootvárať' и мн. др. С терминами «линейности» и «точечности» оперировали такие учёные, как Буслаев, Потебня, Пешковский и др. О «точечном» значении совершенного вида говорит и Ф. де Соссюр (ук. соч.).

Понятие «точечности» (bodovosti) совершенного вида по-новому толкуется в трудах Фр. Копечного. Ссылаясь на мысль С. О. Карцевского об отсут-

---

[1] V. Vondrák: Vergleichende slavische Grammatik II, Göttingen 1928², 374.

[2] A. Meillet: Linguistique historique et linguistique générale I, 183.

[3] А. А. Потебня: Из записок по русской грамматике IV, М.—Л. 1941, 75.

[4] А. М. Пешковский: Русский синтаксис в научном освещении, Москва 1956⁷, 105 и сл.

[5] E. Miklosich: Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen, Wien 1883², 274.

[6] И. П. Мучник: О значении видов русского языка. РЯШ 1946/5—6. — Его же: О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке. ВЯ 1956/6, 92 сл.

ствии «временно́й перспективы» у глаголов совершенного вида[1], Фр. Копечный приходит к заключению, что перфективные глаголы «на временно́й оси, действительной для глаголов имперфективных, проявляются в виде точек. Их измерение, поскольку таковое вообще имеется, относится к другой плоскости. Это измерение может быть и весьма продолжительным *(Он проспа́л всю жизнь)*, но нас здесь интересует лишь конечная точка, посредством которой мы его фиксируем на линии «бегущего» времени (а протекаемость могут выражать лишь глаголы несовершенного вида). С непротекаемостью перфективных глаголов связана невозможность выражать посредством этих глаголов актуальное настоящее, т. е. фактически возникший в момент речи результат. Если стать на логически объективную точку зрения исчезающего времени (mizejícího času), то можно, правда, теоретически себе представить, что эта результативная точка совпадает с мыслимым точечным рубежом прошлого и будущего, каким является логическое настоящее. Но постигнуть это невозможно».[2]

Трудно, однако, согласиться с утверждением Фр. Копечного, что у перфективных глаголов «нас интересует именно только ‚конечная точка'». При таком толковании семантическое содержание совершенного вида подменивается семантическим содержанием понятия «завершённости» или «результативности». «Точечность» действия, представленного глаголом совершенного вида, можно принять лишь как наглядное выражение общего содержания «событийности» («эвентивности»), связанного со значением «целостного, сомкнутого события», выражаемого перфективными глаголами.

Хороший обзор литературы дан в цитированной работе А. Достала (11—17).

Акад. В. В. Виноградов исходит в своём определении вида из понятий «предела действия», «достижения цели», из признаков «ограничения или устранения представления о длительности действия» (Русский язык, 497). Одно общее видовое значение заменяется при таком толковании целым рядом частных значений. В переводе на латинскую терминологию понятие «предела действия» соответствует, очевидно, понятию лимитативности или терминативности. Признак «достижения цели» хорошо подходит для определения значения «результативных» глаголов, таких как *написа́л*, *свари́л*, *разде́лся*, но вряд ли может быть найден в таких глаголах, как *заговори́л*, *закрича́л* или *останови́лся*. Что же касается понятия «ограничения или устранения представления о длительности действия», то здесь акад. В. В. Виноградов склонен толковать значение совершенного вида как отрицание («устранение») значения несовершенного («длительность»). хотя в другом месте своей книги он называет несовершенный вид «нейтральной базой видового соотношения», т. к. справедливо усматривает в несовершенном виде немаркированный член видовой корреляции.

Из признака «предела действия» исходят также авторы учебника «Современный русский язык» (1957, 326).

---

[1] S. Karcevski: Système du verbe russe, Prague 1927, 149.

[2] Fr. Kopečný: Základy české skladby, Praha 1958, 98/9.

Академическая грамматика приводит для каждого из двух видов положительную семантическую характеристику. Действия, выраженные глаголом несовершенного вида, представляются «в его течении, в процессе совершения, а тем самым и длительности и повторяемости», а действия, выраженные совершенным видом, «как ограниченные, сосредоточенные в каком-либо пределе совершения» (I 426).

Советские аспектологи в настоящее время разделяют точку зрения Эм. Черного, Л. П. Размусена и Ф. де Соссюра, вновь сформулированную А. Досталом. Так Ю. С. Маслов рассматривает совершенный вид как «положительный, сильный, интенсивный» (т. е. маркированный) член видовой корреляции, с общим грамматическим значением «неделимой целости действия».[1]

В словацкой литературе соотношение видов трактуется традиционно. В учебниках совершенный вид рассматривается как выражающий «ограниченность» или «завершённость» действия («nejako ohraničený alebo vykonaný dej»), несовершенный вид как выражающий «незавершённость» или «свободное протекание» действия («neukončený alebo prosto prebiehajúci dej»).[2] Э. Паулини, посвятивший вопросам вида в словацком языке особую статью, исходит из признака «длительности действия», различая, вместо глаголов несовершенного и совершенного вида, глаголы «длительные» и «недлительные» («trvacie a netrvacie»).[3]

Для дальнейшего обсуждения вопросов глагольного вида в наших языках необходимо будет учесть следующие положения:

1) Глагольный вид является грамматической категорией. Он проявляется в способности любой глагольной формы и любого глагола выразить или не выразить добавочное грамматическое значение, квалифицирующее основное лексическое значение глагола.

2) Виды противопоставлены друг другу в двучленном (бинарном) соотношении СВ : НСВ. Это соотношение называется видовой оппозицией.

3) Маркированным членом видовой оппозиции является СВ.

4) СВ представляет процесс как целостное, сомкнутое событие. НСВ лишён этого добавочного значения.

---

[1] Ю. С. Маслов: цит. соч., 9.

[2] Pauliny—Štolc—Ružička: Slovenská gramatika. Martin 1953, 152.

[3] E. Pauliny: Odvodzovanie slovies podľa slovesného vidu. Slovo a tvar 4 (1950) 3, 88.

Являются ли члены видовой корреляции грамматическими формами одного глагола, или же двумя самостоятельными глаголами?

Первостепенное значение для всего дальнейшего хода нашего изложения имеет принципиальное решение вопроса о том, следует ли считать члены видовой оппозиции СВ//НСВ грамматическими формами одного глагола, или же двумя самостоятельными глаголами, двумя «лексемами» (ср. I 20). Иными словами: следует ли отнести видообразование к глагольной парадигматике, или же к глагольному словообразованию?

Словарная практика говорит как будто бы в пользу второго толкования. Ведь не только такие глаголы, как *взять* и *брать*, *верну́ть* и *возвраща́ть*, но и такие глаголы, как *сорва́ть* и *срыва́ть*, *записа́ть* и *запи́сывать*, *насы́пать* и *насыпа́ть* обычно размещаются в словарях на своём алфавитном месте, т. е. трактуются как самостоятельные «лексемы».

В пользу трактовки каждого из членов видовой корреляции как самостоятельной лексической единицы (самостоятельной «лексемы») говорит как будто и то обстоятельство, что каждый член такой видовой корреляции имеет, как правило, своё собственное «спряжение», свою «флексию», образует отдельную парадигму. Выше уже говорилось о том, что термин «спряжение» до сих пор остаётся весьма расплывчатым и что неизвестно, следует ли под этим термином понимать только образование форм грамматического лица, грамматического времени и наклонения, или же этот термин следует понимать шире и включить в понятие «спряжения» также образование форм инфинитива, причастий и деепричастий (ср. стр. 11). Образование видовых пар в традиционный термин «спряжение» во всяком случае не включается.

Мы знаем, что каждый русский глагол является в известном смысле «дефективным». От глаголов с/в не образуется «актуальное» настоящее время, эти глаголы не имеют форм деепричастия и причастий наст/вр. Глаголы нс/в не образуют «будущего простого». Ясно, что полная парадигма глагола заключает в себе как формы несовершенного, так и формы совершенного вида. Глаголы типа *открыва́ть* и *откры́ть*, обладая единым индивидуальным лексическим значением, друг друга дополняют, образуя единую, так сказать, «супплетивную» парадигму.

Можно утверждать, что приставочные глаголы типа *откры́ть//открыва́ть*, *отда́ть//отдава́ть*, *согну́ть//сгиба́ть* в лексическом отношении вполне синонимичны. Что же касается таких «пар», как *вари́ть — свари́ть* или *писа́ть — написа́ть*, то об их полной синонимичности можно говорить лишь с известными оговорками (о чём ниже).

Против толкования видовых пар как соотносительных форм одного глагола-лексемы может быть выдвинуто возражение, опирающееся на формальную сторону вопроса. Дело в том, что в наших языках грамматические формы глагола (личные, временны́е, партицип̀альные и т. п.) выражаются, как правило, при помощи грамматических показателей (окончаний). Образование видов, в отличие от остальных приёмов внутриглагольного формообразования, связано с другими приёмами: основные изменения происходят внутри основы, основа расширяется разными суффиксами *(-ыв-/-ив-, -в-, -ев-)*, наблюдаются перемещения ударения *(переписа́ть//перепи́сывать)*, чередования в вокализме и в консонантизме основы *(спроси́ть//спра́шивать)*. Всё это объясняется, конечно, исторически: видовые различия восходят к различиям лексическим; грамматические приёмы видообразования являются продолжением старых словообразовательных приёмов. Вот почему видообразование в славянских языках отличается известной иррегулярностью, «капризностью», неизвестной в такой степени в других областях глагольного формообразования.

Для исследователей, отказывающихся от рассмотрения видовых пар как форм одного глагола, вся проблема видообразования переносится в отдел словообразования, т. е. в лексикологию и, следовательно, перестаёт быть грамматическим вопросом (в нашем понимании грамматики, ср. I 21 сл.).[1] Для исследователей же, для которых образование видовых пар является бесспорно грамматическим приёмом, нет никаких оснований отказываться от включения видообразования во «флексию» или, если угодно, в «спряжение» славянского глагола.[2]

Поставленный в заголовке настоящего раздела вопрос решается в настоящее время большинством русских грамматистов в том смысле, что видовые пары должны считаться парадигматическими формами одного глагола. «Соотносительные парные формы совершенного и несовершенного вида — при отсутствии различий в лексических значениях — являются формами одного и того же глагола», пишет акад. В. В. Виноградов (Русский язык, 1947, 498).

---

[1] В последнее время проф. В. Махек категорически высказывался против толкования вида в качестве грамматической категории: «Автор считает вид лексической категорией (в отличие от большинства учёных, считающих вид категорией грамматической)». Ср. Václav Machek: Sur l'origine des aspects verbaux en slave. Славянская филология. Сборник статей III, Москва 1958, 58 (Резюме).

[2] Другого мнения придерживается немецкий славист Р. Ружичка: «Затруднительно включить во флексию два основных приёма видообразования — префиксацию и суффиксацию». Ср. R. Ruzicka: Einführung in die Flexion und Aspektbildung des russischen Verbs в словаре-справочнике E. Daum—W. Schenk: Die russischen Verben, Leipzig 1954, 28.

Большинство русских глаголов представлено видовыми соотнесёнными парами типа *откры́ть//открыва́ть*. Но необходимо иметь в виду, что случаев несоотнесённых глаголов, т. е. глаголов одновидовых, в русском языке значительно больше, чем это обыкновенно думают. Вся система русского глагола охватывается видовой корреляцией в том смысле, что нет глагола, стоящего вне видов. Но далеко не все глаголы представлены видовыми парами.

В специальной литературе постоянно приходится встречаться с мнением, будто процесс грамматикализации видов в наших языках не закончен: «...категория вида в русском языке не грамматикализована на всём материале словарного состава языка», пишет Л. А. Быкова.[1] При решении вопроса о степени грамматикализации видов не следует смешивать грамматикализацию видовых значений вообще с принципом «парности» глаголов разного вида. Видовое значение глаголов в славянских языках оторвалось от лексической семантики глаголов и прочно вошло в грамматическую систему славянских языков: любой русский (словацкий, чешский) глагол — простой, приставочный или суффиксальный — обязательно связан с одним из двух видовых значений. Так называемые двувидовые глаголы (русск. *обеща́ть*, слвц. *ponúkať*) общей картины не меняют, ибо в каждом конкретном применении они выражают либо совершенный, либо несовершенный вид: tertium non datur. В этом смысле глагольный вид охватывает, конечно, все без исключения глаголы наших языков и в этом смысле вид в славянских языках полностью и без остатков грамматикализован. Ведь именно благодаря своей универсальности глагольный вид и стал морфологической категорией, ибо само понятие морфологической категории зиждется на наличии или отсутствии определённого семантико-грамматического и морфологического признака у всех единиц данного разряда (в нашем случае — у всех глаголов). Повторяем: в наших языках нет глагола «без вида», глагола, стоящего вне категории вида.

Совсем другое дело — вопрос соотнесённости глаголов разного вида, вопрос последовательной парности видовых коррелятов. В наших языках есть очень много глаголов, не встречающихся попарно. Но это обстоятельство ни в коей мере не ставит под вопрос универсальность самой категории вида, никак не влияет на то, что часто называется «степенью обобщённости» категории вида. Ведь никто не станет отрицать реальное существование категории грамматического числа у существительного, а между тем далеко не все существительные представлены «парными», соотнесёнными формами единственного и множественного числа. Наличие в языке существительных pluralia tantum (напр. *но́жницы*, слвц. *nožnice*) или существительных singularia tantum (напр. *не́нависть*, слвц. *nenávisť*) вовсе не свидетельствует

[1] Л. А. Быкова: Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке. Труды філологічного факультету ХДУ Харьков 1958, 113.

о «неполной» грамматикализации категории числа, о «меньшей степени обобщённости» этой категории. Точно так же и наличие одновидовых глаголов в наших языках (напр. *име́ть* — только нс/в, *набе́гаться* — только с/в) не говорит в пользу «неполной» грамматикализации глагольного вида. Если от существительного *не́нависть* нельзя образовать форм множественного числа, то это связано в первую очередь с лексическим значением этого отвлечённого существительного. Отсутствие форм множественного числа нисколько не мешает нам отнести существительное *не́нависть* без малейших колебаний к единственному числу. Если глагол *име́ть* (слвц. *mať*) не образует форм совершенного вида,[1] то это опять-таки связано с его лексическим значением (с его «некурсивностью», см. ниже); видовая характеристика самого глагола *име́ть* этим, однако, не затрагивается: глагол *име́ть* нами чётко воспринимается как глагол нс/в, а не как глагол, «стоящий вне видов». Понятие одновидовости глаголов часто передаётся терминами perfectiva tantum и imperfectiva tantum.

Именно полная и безоговорочная грамматикализация видовых значений способствует тому, что в наших языках всё бо́льшее и бо́льшее количество глаголов втягивается в парные (бинарные) соотношения. Так возникают все новые и новые «супплетивные парадигмы». Но следует иметь в виду, что глагольная парадигма, глагол-лексема, состоящий из форм обоих видов (напр. *прийти́//приходи́ть* или *подписа́ть//подпи́сывать*) формально дана не на основании грамматических окончаний, а на основании приёмов суффиксации и префиксации, т. е. на основании морфематических приёмов, характерных для словообразования, а не для грамматического формообразования. Можно утверждать, что сопротивление лексического материала всегда будет в какой-то степени противодействовать полному вовлечению *всех* славянских глаголов в систему видовых пар. Всегда останутся в языке глаголы, по самым разнообразным причинам допускающие оформление только в одном из видов. Но на общей картине глагольного вида, на самой категориальности вида это не будет отражаться. И совершенно прав акад. В. В. Виноградов, утверждая, что категория вида «является ареной борьбы и взаимодействия грамматических и лексических значений» (Русский язык, 1947, 499). Дело в том, что о «чистых» видовых парах можно говорить лишь при условии, что оба члена в лексическом отношении идентичны, например *откры́ть/открыва́ть*. Приставочные глаголы с/в *(откры́ть)* и образованные от них вторичные глаголы нс/в *(откры-в-а́ть)*, как правило, удовлетворяют этому требованию. Несколько сложнее обстоит дело у бесприставочных (простых) глаголов несовершенного вида. Обычно считают, что совершенный вид к глаголу типа *петь* образуется при помощи приставки *(спеть, пропе́ть)*. Но в таких случаях приставка обыкновенно вносит такой оттенок значения, который отсутствует у бесприставочного глагола. Мы попытаемся показать, что в таких случаях о соотносительных видовых парах говорить не приходится.

---

[1] Наличие просторечно-разговорной формы *поиме́ть* (напр. *поиме́йте э́то в виду́*) дела не меняет. Форма *поиме́ть* приводится у Даля и в Большом русско-чешском словаре (III, 1956).

Вид бесприставочных (простых) глаголов

Почти все русские и словацкие бесприставочные глаголы относятся к несовершенному виду, ср. *писáть*, *читáть*, *вúдеть*, *жить*, *есть*, *бить*, *спать* и сотни других подобных.

Исключением из общего правила является небольшое число бесприставочных глаголов, имеющих значение совершенного вида. К «бесприставочным» (в синхроническом смысле) мы должны отнести и такие глаголы, которые, исторически восходя к приставочным образованиям, по разным причинам (фонетические изменения на морфематическом «шве» между приставкой и корнем; утрата языком простой бесприставочной формы и т. п.) в языковом сознании больше не осмысляются как приставочные образования.

Простые глаголы с/в:

1. Глаголы IV продуктивного класса на *-нуть* (прош/вр на *-нул*), обозначающие однократные действия, как, например, *крúкнуть*, *толкнýть*, *тóпнуть*, *стýкнуть*, а также *двúнуть*, *вернýть* и т. п. Ср. слвц. *pichnúť*, *dupnúť*, *vrhnúť*.

2. Глаголы V продуктивного класса на *-ить*[1]:
благословúть//*благословля́ть* ‚požehnať//žehnať‘
брóсить//*броса́ть* ‚hodiť//hádzať‘
брóситься//*броса́ться* ‚vrhnúť sa//vrhať sa‘
встрéтить//*встреча́ть* ‚stretnúť//stretávať‘ (< **vъz-sъrětiti*)
контýзить//Ø ‚pomliaždiť‘
кóнчить//*конча́ть* ‚skončiť//končiť‘
**купúть*//*покупа́ть* ‚kúpiť//kupovať‘
лишúть//*лиша́ть* ‚pozbaviť//pozbavovať‘
лишúться//*лиша́ться* чего-л. ‚stratiť//strácať niečo‘
облачúть//*облача́ть* (книж.) ‚obliecť//obliekať‘ (< **ob-vlačiti*)
оскла́бить//Ø ‚vyceriť zuby‘
ощутúть//*ощуща́ть* ‚pocítiť//cítiť‘ (< **ot-jutiti*)
пленúть//*пленя́ть* (поэт.) ‚podmaniť//podmaňovať‘
посетúть//*посеща́ть* ‚navštíviť//navštevovať‘
простúть//*проща́ть* ‚odpustiť//odpúšťať‘

[1] Возвратные глаголы приведены лишь в том случае, если их значения не совпадают со значениями соответствующих невозвратных глаголов.

простúться//прощáться ‚rozlúčiť sa//lúčiť sa'
**пустúть//пускáть* ‚pustiť//púšťať'
решúть//решáть ‚rozriešiť//riešiť'
решúться//решáться ‚rozhodnúť sa//rozhodovať sa'
снабдúть//снабжáть ‚zásobiť//zásobovať' (< **sъ-na-bъditi*)
стрелúть[1]*//стреля́ть* ‚streliť//strieľať'
**ступúть//ступáть* ‚stúpiť//stúpať'
**хватúть//хватáть* I ‚chytiť//chytať'
**хватúть//хватáть* II ‚stačiť'
**хватúться//хватáться* ‚zbadať, že niečo je preč'
**явúть//явля́ть* (устар.) ‚poskytnúť//poskytovať'
**явúться//явля́ться* ‚hlásiť sa; prísť//prichádzať; byť' и т. п.

3. Три семантически и формально объединённых глагола:
лечь//ложúться ‚ľahnúť si//líhať (si)'
сесть//садúться ‚sadnúť (si) // sadať (si)'
стать//становúться ‚postaviť sa // stavať sa'

4. Три неправильных глагола:
дать//дава́ть ‚dať//dávať'
деть//дева́ть ‚podieť//podievať'
пасть//па́дать ‚padnúť//padať'

5. Глаголы разных классов, в которых, с точки зрения современного языка, приставка неотделима от корня:
взять//брать ‚vziať//brať' (<**vъz-ęti*)
запретúть//запрещáть ‚zakázať//zakazovať' (нет «претúть» в этом значении)
застря́ть//застревáть ‚uviaznuť//viaznuť' (нет «стрять»)
затéять//затевáть ‚vymyslieť//vymýšľať' (нет «теять»)
исчéзнуть//исчезáть ‚zmiznúť//miznúť' (нет «чезнуть»)
обарúть//Ø (простор.) ‚obariť' (<**ob-variti*)
обúдеть//обижáть ‚uraziť//urážať' (<**ob-viděti*)
обуя́ть//обуевáть (книж.) ‚zmocniť sa//zmocňovať sa'
обязáть//обя́зывать* ‚zaviazať//zaväzovať' (<ob-vęzati*)
одолéть//одолевáть ‚premôcť//premáhať' (нет «долéть»)

---

[1] Форма *стрелúть* считается областной (Ушаков). В литературном языке глаголу *стрелúть* соответствует *вы́стрелить*, *застрелúть*. Ср. также статью *streliť* в Словацко-русском переводном словаре (II, 1957).

поймáть ‚chytiť' (нет «имать»)
распя́ть//*распинáть* ‚(u)križovať' (нет «пять»)[1]
и некоторые другие.

Несомненно, в таких глаголах, как *исчéзнуть* или *застря́ть* наличие приставок *из-* и *за-* говорящими «ощущается», но так как остаётся неясным, к какому корню эти приставки присоединяются, то глагол, с точки зрения современного языка, является неразложимым.

К таким неразложимым глаголам относятся и многочисленные глаголы церковнославянского происхождения (обычно кальки с греческого), в которых приставка или корень не поддаются осмыслению, например: *произойти́*, *приобрести́*, *изобрести́*, *воскреси́ть* (в русском языке нет простого глагола «кресить», ср. слвц. *kriesiť*), глаголы типа *обня́ть*, *приня́ть*, *снять* и мн. др.

С точки зрения современного словацкого языка, неразложимыми глаголами являются, например: *vziať*, *zanevrieť* «отверну́ться от кого-л., забыть кого-л.», *obliecť*, *obuť* и т. п.

Число бесприставочных (с точки зрения современного языка) глаголов с/в можно было бы значительно умножить. Однако при современном состоянии учения о морфеме не всегда легко привести объективные и надёжные критерии, на основании которых можно было бы определить степень морфематической и семантической «разложимости» глаголов.

Приведённый здесь перечень «простых» глаголов с/в не меняет общей картины: бесприставочные («простые») глаголы относятся в славянских языках, как правило, к несовершенному виду.

Двувидовые глаголы

Двувидовыми называются такие глаголы, которые в одной форме сочетают грамматическое значение обоих видов, напр. *обеща́ть* ‚sľúbiť' и ‚sľubovať', слвц. *venovať* «посвятить» и «посвящать». Двувидовые глаголы нельзя признать «нейтральными» в отношении вида, т. к. в каждом конкретном случае

[1] В русском языке нет также приставочных образований, соответствующих слвц. *za-pāť*, *pri-pāť*, *zo-pāť*. Ср. стр. 107.

такие глаголы употребляются лишь в одном определённом видовом значении. Видовое значение таких глаголов зависит от коммуникативного задания говорящего, от того, что говорящий хотел выразить. Собеседник же определяет видовое значение одновидовых глаголов из контекста.

Среди двувидовых глаголов выделяется несколько групп:

1. Наиболее значительную группу составляют глаголы на *-овать (-ировать, -изировать)*, относящиеся, в большинстве случаев, к так называемым «европеизмам». Это такие глаголы как *абони́ровать, абстраги́ровать, автоматизи́ровать, авторизова́ть, адресова́ть, акклиматизи́ровать, аккредити́ровать, активизи́ровать, акценти́ровать, американизи́ровать, амортизи́ровать, ампути́ровать, анализи́ровать, анатоми́ровать, ангажи́ровать, анестизи́ровать, арестова́ть, атакова́ть, аранжи́ровать, аргументи́ровать, арендова́ть, ассигнова́ть, ассимили́ровать, ассоции́ровать* и мн. др. Сюда же относятся глаголы *ликвиди́ровать, организова́ть, телефони́ровать, экспорти́ровать*, а также глаголы, образованные от русских корней типа *большевизи́ровать, звукофици́ровать, яровизи́ровать*; ср. также неологизмы *трансли́ровать* ‚prenášať rozhlasom'[1] *экранизи́ровать* ‚(s)filmovať (román, drámu)'.[2]

Двувидовость этих глаголов сказывается наиболее чётко в формах прошедшего времени: *он анализи́ровал* может значить «он произвёл анализ» (с/в), или же «он производил анализ» (нс/в). Формы презенса многих интернациональных глаголов могут иметь значение настоящего или будущего времени (ср. *он абони́рует, он адресу́ет, он ликвиди́рует*). Описательное будущее от большинства этих глаголов теоретически вполне возможно (ср. *Он э́то бу́дет организова́ть сам*). На деле же описательное будущее встречается далеко не у всех глаголов этого типа: вряд ли можно, например, сказать «его́ бу́дут арестова́ть» или «я буду авторизова́ть».

Этот тип двувидовых глаголов продуктивен, поскольку язык постоянно пополняется всё новыми и новыми элементами «интернациональной» лексики.

---

[1] От существительного *трансля́ция* ‚prenos'.

[2] Ср. *экра́н* (фр. *écran*) ‚filmové plátno'.

В словацком языке группа «интернациональных» глаголов с двувидовым значением не менее многочисленна, ср. *absorbovať*, *adaptovať*, *akceptovať*, *akomodovať sa*, *anticipovať*, *aplikovať*, *aprobovať*, *autorizovať*, *dekorovať*, *deložovať*, *fuzionovať*, *garantovať*, *informovať*, *inštalovať*, *inšpirovať*, *internovať* и мн. др.

2. Небольшую замкнутую группу двувидовых глаголов представляют некоторые глаголы книжного языка, отчасти значительно устаревшие или выходящие из употребления, ср. *воздéйствовать* (сов. и несов.) ‚(za)pôsobiť', *дарова́ть* ‚darovať', *иссле́довать* ‚(pre)skúmať', *исповéдать/исповéдовать* ‚spovedať', *испо́льзовать* ‚využiť, využívať', *минова́ть* ‚prejsť, prechádzať mimo', *насле́довать* ‚(z)dediť' и *сонасле́довать* ‚spolu(z)dediť', *образова́ть* ‚(vy)tvoriť' и *сообразова́ть(ся)* ‚koordinovať (sa)', *обсле́довать* ‚(pre)skúmať', *рассле́довать* ‚vyšetriť, vyšetrovať', *собо́ровать* (церк.) ‚vykonať, vykonávať obrad »soborovania«', *содéйствовать* ‚prispieť, prispievať', *сочета́ть* ‚spojiť, spájať' и др.

У приведённых глаголов, относящихся к нарочито книжной (а отчасти и прямо к церковной лексике), двувидовость проявляется не во всех формах с одинаковой чёткостью. Форма прош/вр типа *он воздéйствовал* может обозначать «он оказал воздействие» (с/в) или «он оказывал воздействие» (нс/в). Но уже в презенсе форма *я воздéйствую* употребляется преимущественно только в значении настоящего времени. В «будущем времени» у некоторых глаголов этого типа имеется противопоставление простой и описательной формы типа *я обсле́дую* (с/в; буд.) — *я бу́ду обсле́довать* (нс/в); у других глаголов будущее описательное не встречается: нет «я бу́ду минова́ть» или «я бу́ду испо́льзовать». Эти факты говорят о том, что глаголы *минова́ть* или *испо́льзовать* постепенно приобретают (по крайней мере в некоторых формах) преимущественно значение совершенного вида.

Причины видовой недифференцированности приведённых глаголов следует искать в особых условиях их существования. Являясь элементами книжного (или церковного) языка, т. е. языка сугубо консервативного, эти глаголы долгое время не испытывали воздействия со стороны живых приёмов русского внутриглагольного слово- и формообразования. Наличие легко выделяемой приставки (ср. *ис-сле́довать*, *ис-по́льзовать*, *рас-сле́довать* и т. п.) у этих глаголов, в большинстве случаев скалькированных с греческого или латинского образца, не было связано с чётким грамматическим значением совершенного вида. Поскольку эти глаголы не могли остаться «безвидовыми», они употреблялись в значении обоих видов. Вторичная дифференциация затруднялась консервативностью стилей, в которых эти глаголы бытовали. Если к глаголу с/в типа *забинтова́ть* ‚obviazať', относящемуся к разговорно-бытовой лексике, был образован вторичный глагол нс/в типа *забинтóв-ыв-ать*, то к глаголу типа *иссле́довать* вторичный

глагол нс/в типа «исследов-ыв-ать» не был образован. В случае необходимости видовая дифференциация выражалась описательно: *произвести́//производи́ть исслéдование, воздéйствовать — оказа́ть//ока́зывать воздéйствие* и т. п.

В словацком языке двувидовость таких глаголов, как *napovedať, odpovedať, vypovedať, zapovedať*, проявляется только в формах, образованных от основы инфинитива, в частности в формах прош/вр: ср. *odpovedal* «он отве́тил» и «он отвеча́л».

В формах, образованных от основы наст/вр, видовые значения выражаются эксплицитно, ср.:

odpovedať (сов. и несов.) < *odpoviem* (сов.) «я отве́чу» / *odpovedám* (несов.) «я отвеча́ю»

3. Число исконно русских (разговорно-бытовых) двувидовых глаголов очень ограничено: *жени́ть* (кого-л. на ком-л.), *жени́ться*, *вели́ть* ‚rozkázať, rozkazovať', *казни́ть* ‚popraviť, popravovať', *крести́ть* ‚(po)krstiť', *мо́лвить* (устар., поэт.) ‚povedať, vravieť', *ра́нить* ‚(po)raniť'. Сюда же следует отнести глагол *бежа́ть* ‚utiecť, utekať', ср. *Он бежа́л из пле́на* (с/в) — *Враг бежи́т* (нс/в).

Секундарная дифференциация видовых значений двувидовых глаголов

Двувидовые глаголы являются в наших языках аномалией. Поэтому неудивительно, что двувидовость, как и всякая другая грамматическая аномалия, подвергается воздействию аналогии и постепенно устраняется. Как правило, двувидовость устраняется путём секундарной дифференциации: в одном из видовых значений первоначально двувидовый глагол приобретает формальные показатели совершенного вида (приставки) или несовершенного вида (суффиксы). Можно различать следующие типичные случаи:

1. К двувидовому глаголу образуется суффиксальный неологизм со значением несовершенного вида, причём внешним показателем нс/в является суффикс *-ыв-*, напр. *организова́ть — организо́вывать, аресто́вать — аресто́вывать, образова́ть — образо́вывать* и т. п. Однако наличие новых глаголов с суффиксом *-ыв-* не устраняет двувидовости исходного глагола. Так, например, в «Академической грамматике» форму презенса *образу́ет(ся)* можно найти чуть ли не на каждой странице в зна-

чении настоящего времени (и, следовательно, в значении несовершенного вида!); форма презенса с выраженной имперфективностью *(образ̀бвывает, образ̀бвывается)* в указанной книге ни разу не была отмечена.

В словацком языке образованиям на *-ыв-* соответствуют образования на *-úvať*, ср. *obetovať* (сов. и несов.) — *obetúvať* (только несов.) «жертвовать». Формы с суффиксом *-úv-* в словацком языке являются, однако, не только вторичными формами нс/в, но содержать ещё дополнительный оттенок «многократности». Глагол *obetovať* продолжает употребляться в литературном языке в значении обоих видов.

2. К двувидовому глаголу создаётся новый приставочный глагол совершенного вида, ср. *жени́ть* (сов. и несов.) — *пожени́ть* (только сов.), *мо́лвить* — *промо́лвить* (только сов.), *обеща́ть* (сов. и несов.) — *пообеща́ть* (только сов.) ‚prisľúbiť'. Однако эти приставочные образования содержать ещё какое-то дополнительное лексическое значение, связанное со значением приставки. Глаголы типа *пожени́ть*, *промо́лвить*, *пообеща́ть* не являются, таким образом, лишь «заменителями» чистовидовых коррелятов к соответствующим бесприставочным глаголам.

У «интернациональных» глаголов образование приставочных глаголов со значением с/в становится всё более и более продуктивным, ср. *организова́ть — сорганизова́ть*, *фотографи́ровать — сфотографи́ровать*, *телеграфи́ровать — протелеграфи́ровать*, *консульти́ровать — проконсульти́ровать*, *ремонти́ровать — отремонти́ровать;* ср. также ,,Огро́мны си́лы, скры́тые в челове́ке, но далеко́ не всегда́ они́ *отмобилизбваны*" (в значении «мобилизованы», Вс. Кочетов, Журбины). Нетрудно заметить, что и в этих случаях приставки сообщают глаголам дополнительные оттенки значения, не сводимые без остатка к чистовидовому значению с/в.

В словацком языке префиксальные образования от «интернациональных» глаголов возникают, по-видимому, более свободно, чем в русском, ср. *kolektivizovať/skolektivizovať*, *komponovať/skomponovať*, *koncipovať/skoncipovať*, *konštruovať/skonštruovať*, *konsolidovať/skonsolidovať*, *koordinovať/skoordinovať*, *kritizovať/skritizovať*, *alarmovať/zalarmovať*, *štylizovať/zoštylizovať* и т. п. Далеко не все приставочные глаголы этого типа представлены в русском языке соответствующими приставочными образованиями. Глаголы с/в с приставкой *s- (z-, zo-)* считаются обычно чистовидовыми коррелятами соответствующих бесприставочных глаголов.[1]

[1] Ср. J. Horecký, Slovenská reč 22 (1957), 3, 150.

Вообще в словацком языке приставочные образования от «интернациональных» глаголов образуются гораздо свободнее, чем в русском, ср. *od-izolovať, vy-expedovať, vy-excerpovať, vy-árendovať, za-angažovať sa, za-gratulovať, za-imponovať, za-reagovať* и т. п. Эти приставочные глаголы с/в имеют, однако, дополнительные оттенки значения, в частности оттенок «результативности», не совпадающий с чисто грамматическим значением совершенного вида. Интересные случаи образования «индивидуальных» приставочных глаголов этого типа в русском языке приведены в работе Л. А. Быковой: *с-балансúровать* (Полевой), *с-компенсúровать* (Гранин), *с-пародúровать* (Ильф и Петров), *про-лавúровать* (Писемский), *про-экспериментúровать* (Полевой), *об-ревизовáть* и др.[1]

3. В исключительных случаях двувидовость устраняется в одной из форм посредством ударения. Так двувидовый глагол *родúть* образует в прошедшем времени две формы: *онá родилá* (сов.) и *онá родúлa* (несов.)

Вопрос устранения двувидовых глаголов в русском, словацком и чешском языках ещё очень мало изучен. Только на очень большом материале можно будет показать всё многообразие процессов, связанных с ликвидацией двувидовости, как морфологической аномалии славянского глагола.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРИСТАВКИ

Термин «глагольная приставка» употребляется нами исключительно в синхронном значении. Глагольными приставками признаются только те морфемы, которые обладают самостоятельной семантикой, свободно выделяются на основании семантического анализа глагола и так или иначе детерминируют индивидуальное значение простых глаголов.[2]

Возьмём пример: в глаголах *привестú, прийтú, принестú* свободно выделяется морфема *при-*, обозначающая, в сочетании с глаголами перемещения, определённую направленность действия (ср. *увестú, уйтú, унестú*; *вы́вести, вы́йти, вы́нести*). Морфемы *при-*, *у-*, *вы-* имеют самостоятельное значение и детерминируют индивидуальное лексическое значение простых глаголов.

---

[1] Л. А. Быкова: Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке, Труди філологічного факультету ХДУ, Харьков 1958, 131.

[2] Термин «простой глагол» употребляется нами в значении «бесприставочный глагол» (ср. лат. verbum simplex).

С другой стороны, глаголы *произвести́* ‚vykonať; vyrobiť', *произойти́* ‚stať sa, vzniknúť', *произнести́* ‚vysloviť, č. pronést' не поддаются семантическому разложению на элемент *произ-* в сочетании с простыми глаголами *вести́, идти́, нести́*. «Выделяемость» элемента *произ-* — мнимая. Элемент *произ-* не обладает самостоятельным значением; он не детерминирует простые глаголы *вести́, идти́, нести́*, т. к. семантическая связь глаголов, обозначающих *vyrobiť, stať sa, vysloviť* со значением глаголов *вести́* ‚viesť', *идти́* ‚ísť' и *нести́* ‚niesť', ничем не мотивирована. Поэтому элемент *произ-* не может рассматриваться как глагольная приставка, хотя исторически он и восходит к соединению двух приставок *про-* и *из-*.[1]

К глагольным приставкам современного русского языка относятся следующие морфемы (с вариантами — «алломорфами»):

в- (во-), вз- (вс-, взо-), вы-, до-, за-, из- (ис-, изо-), на-, над- (надо-), о- (об-, обо-), от- (ото-), пере-, по-, под- (подо-), при-, про-, раз- (рас-, разо-), с- (со-), у-.

Простое перечисление формальных элементов, фигурирующих в качестве глагольных приставок, явно упрощает факты. На самом деле каждая приставка употребляется в нескольких значениях, которые не всегда можно свести к одному знаменателю. Ясно, что в глаголах *с-бежа́ть* (из тюрьмы) ‚utiecť', *с-бежа́ть* (с горы́) ‚zbehnúť (dolu)' и *с-бежа́ть-ся* ‚zbehnúť sa (dohromady)' не «одна» приставка с разными «оттенками» значения, а три омонимических приставки.[2]

В составе русского литературного языка оказывается немало глаголов церковнославянского происхождения; эти глаголы содержат несколько приставок, употреблявшихся в этом языке, но переставших быть продуктивными в русском языке: *воз- (вос-, возо-), низ- (нис-, низо-), пре-, пред- (предо-)* и *со-*.

Приставки *воз-, низ-* и *пред-* сохраняют ещё своё самостоятельное значение в ряде глаголов, ср. *восходи́ть* ‚vychádzať', *возлюби́ть* ‚obľúbiť si', *нисходи́ть* ‚zostupovať', *предложи́ть* ‚predložiť'. Значение приставки *пре-* в таких глаголах как *превра-*

---

[1] Глаголы *произвести́, произойти́* скалькированы с греческих глаголов προεξάγω, προέξειμι, содержащих две приставки προ- «про» и ἐξ- «из».

[2] Вопросы приставочной омонимии подробно рассмотрены в работе О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии» (1957, 147/50).

ти́ть, *пресле́довать*, *пресмыка́ться* ‚plaziť sa', *преподава́ть* ‚vyučovať', *презира́ть* ‚pohŕdať' — неуловимо.[1]

Элемент *со-* в глаголах типа *сопротивля́ться*, *соревнова́ться*, *состоя́ть* только внешне совпадает с одним из вариантов русской глагольной приставки *с-/со-*. Приведённые глаголы, с точки зрения современного языка, — неразложимы. Нельзя забывать, что все приведённые глаголы являются кальками либо с греческого, либо с латинского, либо с одного из западноевропейских языков. Воспроизводя «внутреннюю форму» иноязычного глагола славянскими морфемами, такие глаголы очень часто не соответствуют исконно славянским словообразовательным моделям. Отсюда их «внешняя» разложимость, при «внутренней монолитности».

В списках русских глагольных приставок обычно приводится ещё сложная приставка *обез- (обес-)*, встречающаяся в таких глаголах, как *обезвре́дить* ‚zneškodniť' или *обесси́леть* ‚stať sa bezvládnym' (Акад. гр. I 592). Следует, однако, иметь в виду, что, в отличие от остальных глагольных приставок, элемент *обез- (обес-)* не присоединяется непосредственно к простым глаголам не/в: в русском языке нет глаголов типа «вре́дить» или «си́леть», как в словацком (чешском) нет глаголов типа ‚škodniť'. Глагольные приставки в нашем понимании этого термина служат для внутриглагольного словообразования, ср. *вари́ть* — *навари́ть*, *довари́ть*, *перевари́ть* и т. п. Глаголы типа *обезвре́дить* или *обесси́леть* (с/в) возникли не путём внутриглагольного словообразования, а путём перевода неглагольных элементов в класс глаголов. Глагол *обезвре́дить* обозначает «сделать безвредным» или «сделать таким, чтобы было без вреда», глагол *обесси́леть* обозначает «сделаться бессильным, без сил». Прилагательные *безвре́дный* или *бесси́льный* (resp. словосочетания *без вреда́*, *без сил*) переводятся в класс глаголов комплексным морфологическим приёмом: кроме элемента *обез- (обес-)*, здесь участвуют и классовые показатели глаголов *-ить*, *-еть*.

На основании семантического анализа эти глаголы отчётливо распадаются на основу (I) и префиксально-суффиксальную («комплексную») морфему (II) ср.:

о	безвред	ить		о	бессил	еть		
II	I	II		II	I	II		

[1] Приводимые в Акад. грамм. «значения» элемента *пре-* («изменение состояния» — *пре-врати́ть*; «предел действия» — *пре-крати́ть*; «чрезмерность действия» — *пре-вознеси́ть*; I 595) являются результатом этимологического анализа, а не объективным фактом современной семантики приведённых глаголов. Элемент *пре-* не имеет в глаголах *превати́ть* или *прекрати́ть* детерминирующей функции, т. к. и само значение простых глаголов «вратить» или «кратить» — неясно.

В словообразовательном отношении глаголы этого типа не отличаются от глаголов типа *о-черн-и́ть* или *о-слаб-е́ть* (т. е. «сделать чёрным», «стать слабым»). В качестве «глагольной приставки» в собственном смысле этого термина здесь выступает приставка *о-*. Особенностью глаголов типа *обезвре́дить* или *обесси́леть* является то обстоятельство, что в русском языке отсутствуют бесприставочные глаголы типа «безвре́дить» или «бесси́леть». Во всяком случае нельзя без серьёзных оговорок включать элемент *обез-(обес-)* в состав русских глагольных приставок.

В словацком языке глагол *zneškodniť* явно образован от прилагательного *neškodný* (ср. *zneškodniť = urobiť neškodným*). В других глаголах, однако, в словацком языке выделяется «приставка» *zne-*, ср. *užiť — zne-užiť* (с/в) «злоупотребить».

Что же касается приставки *недо-*, приводимой в традиционных списках, то её следует рассматривать как вариант приставки *до-*, ср. *вы́полнить план — недовы́полнить план*.

Наряду с русскими глагольными приставками, иногда приводятся ещё «приставки глаголов иноязычного происхождения, вошедшие в русский язык» (Акад. гр. I 605). К таким «приставкам» отнесены элементы *де-*, *дез-*, *дис-*, *ре-*, *экс-*, *ин- (им-)*.

Эти «иноязычные приставки» не меняют вида глаголов, ср. *мобилизова́ть* (сов. и несов.) — *демобилизова́ть* (сов. и несов.). Но и сама «выделимость» таких приставок в большинстве случаев весьма проблематична. По словам Акад. грамматики, «приставка» *ре-* якобы указывает на «обратную направленность действия», но ведь в глаголе *реставри́ровать* ‚reštaurovať' эта «приставка» вообще не может быть выделена, т. к. нет простого глагола «ставрировать».

Увлечение всякого рода «иноязычными приставками» и «иноязычными суффиксами» по существу очень мало даёт для характеристики русского языка, но зачастую серьёзно дезориентирует читателя.

Итак, к глагольным приставкам мы относим лишь 18 префиксальных морфем, приведённых на стр. 149. Эти (и только эти) приставки участвуют в процессах внутриглагольного словообразования в русском языке.

Ложные приставки

В составе целого ряда глаголов (обычно церковнославянского происхождения) оказываются морфемы, напоминающие приставки. На основании элементарного этимологического анализа в глаголе *бездéйствовать* ‚byť nečinný' можно выделить элемент *без-*. Семантический анализ этого глагола, однако, показывает: *бездéйствовать* не может быть образовано от глагола *дéйствовать* ‚konať, fungovať'. Мы знаем, что глагол *бездéйствовать* истори-

чески является отымённым образованием от существительного *безде́йствие* ‚nečinnosť'. Элемент *без-* не является, следовательно, глагольной приставкой. В таких случаях можно говорить о «ложных» приставках.

С «ложными» приставками мы встречаемся у целого ряда отымённых глаголов: *председа́тельствовать* ‚predsedať' (от существительного *председа́тель*), *предше́ствовать* ‚predchádzať' (от существительного *предше́ствие*), *проро́чествовать* ‚prorokovať' (от существительного *проро́к* или *проро́чество*) и т. п.

«Ложными» приставками являются в словацком языке элементы *dô-*, *ná-*, *pô-*, *sú-*, *zá-* (содержащие долгую гласную или дифтонг). Глаголы типа *dôverovať*, *nárokovať si*, *pôsobiť*, *súťažiť*, *zásobiť* являются отымёнными образованиями от существительных *dôvera*, *nárok*, *(s)pôsob*, *súťaž*, *zásoba*. В этих словах элементы *dô-*, *ná-*, *pô-*, *sú-*, *zá-* не имеют самостоятельного значения.

От глагольных приставок следует далее отличать первую часть глагольных словосложений (kompozít), напр. элемент *противоде́йствовать* ‚stavať sa na odpor' или *противостоя́ть* ‚stáť proti niečomu' и т. п.

К глагольным словосложениям относятся в словацком языке такие глаголы, как *protirečiť*, *protiútočiť*, *spolunažívať*, *spolupôsobiť*, *spoluúčinkovať*.

Поскольку «ложные» приставки не участвуют в приёмах внутриглагольного словообразования, то при обсуждении всей дальнейшей проблематики, связанной с вопросами глагольного вида, они могут остаться в стороне.

Вид приставочных глаголов

При помощи глагольных приставок создаются многочисленные глаголы, значение которых отличается от значения соответствующих простых глаголов. Являясь продуктивными элементами внутриглагольного словообразования, глагольные приставки служат в первую очередь расширению словарного запаса. Теоретически от любого простого глагола можно образовать 18 приставочных глаголов (согласно числу продуктивных глагольных приставок). Если учесть, что многие глагольные приставки имеют по нескольку значений, а также, что при помощи приставок образуются самостоятельные возвратные глаголы, то число теоретически возможных приставочных образований от

одного простого глагола значительно увеличивается.[1] На деле у большинства глаголов число приставочных образований значительно меньше.

Сочетаясь с простым глаголом, приставки детерминируют его индивидуальное значение. По сравнению с простым глаголом *ре́зать* значение приставочных глаголов *от-ре́зать*, *раз-ре́зать*, *пере-ре́зать* и т. п. у́же, определённее. Если простой глагол типа *ре́зать* обозначает в самой общей форме действие, отличающееся от других действий (напр. *пили́ть*, *рвать*, *коло́ть*), то приставочные глаголы *отре́зать*, *разре́зать*, *перере́зать* отчётливо квалифицируют именно это действие, детерминируют его.

От простого глагола с/в *пусти́ть* образованы глаголы типа *впусти́ть*, *вы́пустить*, *отпусти́ть*, которые можно толковать как «пустить внутрь», «пустить вон», «пустить прочь». Как видно, в грамматических значениях простого глагола и приставочных глаголов ничего не меняется: и простой и приставочные глаголы имеют грамматическое значение совершенного вида. Детерминация простого глагола путём глагольной приставки в таких случаях носит чисто лексический характер; она не затрагивает грамматической семантики. Подобные приёмы приставочной детерминации хорошо известны и в других языках.

Однако в славянских языках приставочная детерминация может повлиять и на грамматическое значения глагола. Приставочные глаголы *отре́зать*, *разре́зать*, *перере́зать* отличаются от простого глагола *ре́зать* не только своим индивидуальным лексическим значением, но и грамматически: приставочные глаголы относятся к совершенному виду, между тем как соответствующий простой глагол имеет значение несовершенного вида.

Приставочная детерминация лексического значения сопровождается здесь известной грамматической детерминацией: она сочетается с общим значением совершенного вида, представляющим глагольное действие как «целостное, сомкнутое событие».

---

[1] Приведём в качестве примеров приставочные образования от глагола *писа́ть*: *вписа́ть*, *вы́писать*, *дописа́ть*, *записа́ть*, *исписа́ть*, *написа́ть*, *надписа́ть*, *описа́ть*, *отписа́ть*, *переписа́ть*, *попписа́ть*, *подписа́ть*, *приписа́ть*, *прописа́ть*, *расписа́ть*, *списа́ть*, *уписа́ть*; к этим глаголам следует ещё прибавить самостоятельные приставочно-возвратные глаголы *дописа́ться* (до чего-л.), *исписа́ться*, *подписа́ться*, *расписа́ться*, *списа́ться* (с кем-л.) — всего 23 глагола.

На основании сказанного можно сформулировать следующее общее правило:

Все детерминированные глаголы, т. е. глаголы, возникшие путём приставочной детерминации, имеют грамматическое значение совершенного вида независимо от вида и от морфематической структуры детерминируемого (исходного) глагола.

В целях систематизации довольно разнородного материала следует, однако, различать следующие частные случаи:

1. Детерминируемым (исходным) глаголом является (а) простой, (б) приставочный глагол совершенного вида:

(а) тип *пусти́ть* — *вы́пустить*: оба глагола имеют грамматическое значение с/в;

(б) тип *вы́брать* ‚zvoliť' — *перевы́брать* ‚znovu zvoliť'; оба глагола имеют значение с/в.

2. Детерминируемым глаголом является (а) простой непарный, (б) простой парный и (в) приставочный глагол несовершенного вида:

(а) тип *ре́зать* — *отре́зать* (с/в);

(б) тип *броса́ть* — *наброса́ть* (с/в);

(в) тип *вытаскивать* (нс/в) — *повытаскивать* (с/в), ср. слвц. *vyťahovať* — *povyťahovať*.

Глаголы типа *вы́пустить*, *отре́зать*, *наброса́ть* можно назвать первичными приставочными глаголами.

3. Детерминируемым глаголом является глагол, совмещающий грамматическое значение обоих видов (двувидовый глагол); приставочный глагол имеет значение совершенного вида, тип *анализи́ровать* (несов. и сов.) — *проанализи́ровать* (только сов.).

Итак, приставочная детерминация проявляется в двух планах: в лексическом плане она связана с сужением значения детерминируемого глагола, а в грамматическом плане она закономерно связана со значением совершенного вида. Видовое значение не затрагивается детерминацией, если приставка присоединяется к исходному глаголу совершенного вида. Но если приставка присоединяется к исходному глаголу несовершенного вида, то приставочный глагол во всех случаях[1] приобретает значение совершенного вида.

[1] Мы здесь не касаемся приставочных образований от глаголов перемещения типа *при-носи́ть*, *при-ходи́ть*, *при-вози́ть*. О них будет речь в соответствующем разделе. (Ср. стр. 327 и сл.)

Спрашивается: есть ли объективные основания считать, что в «некоторых случаях» приставочная детерминация перестаёт проявляться в лексическом плане, превращаясь, таким образом, в чистограмматический приём образования приставочных форм совершенного вида к соответствующим бесприставочным глаголам нс/в? Иными словами: можно ли говорить о чистовидовых («пустых») приставках?

Существуют ли чистовидовые (пустые) приставки?

Учение о чистовидовых («пустых») приставках твёрдо вошло в грамматическую традицию славянских языков. Принято считать, что в качестве чистовидового соответствия к простому глаголу нс/в может выступать такой приставочный глагол, в котором приставка имеет настолько «абстрактное» значение, что, освободившись от всего конкретно-лексического, она превращается в видообразующий префикс, в грамматический показатель совершенного вида. Встаёт вопрос: можно ли разграничивать грамматические явления от лексических на основании бóльшей или меньшей меры абстрагированности приставки? Или ещё шире: на основании каких объективных критериев измеряется «степень абстрагированности»? Такой вопрос обычно не ставится.[1] На деле мы видим, что многие исследователи идут по другому пути: признав то или иное явление грамматическим (а не лексическим), они и приписывают ему «высшую степень абстрагированности». Такое толкование сводится к логической ошибке, называемой в классической логике *petitio principii*.

Трудно согласиться с тем, что грамматические явления отличаются от лексических именно степенью своей абстрагированности: абстрагированность (обобщённость) грамматических явлений отличается качественно (а не количественно) от обобщённости явлений лексической семантики.

В своей интересной работе, посвящённой разграничению грамматических и лексических функций глагольных приставок, проф. И. Польдауф весьма убедительно показал специфику того, что можно назвать «граммати-

[1] Ср. A. V. Isačenko: Lze klasifikovat jazykové jevy podle jejich konkrétnosti a abstraktnosti? Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci, Jazyk a literatura 4 (1957), 5/10.

ческой абстракцией» в отличие от «лексической абстракции». «Лексическая абстракция, — пишет проф. Польдауф, — образует понятийные (pojmové) единицы, реальной формой которых являются слова, причём с разной степенью обобщённости. Грамматические абстракции не образуют никаких таких единиц; они образуют категории, опять-таки с разной степенью обобщённости».[1] Автор продолжает: «Лексические абстракции отличаются от грамматических тем, что у первых высшая абстракция включает в себя низшую (напр. Жучка, такса, собака, плотоядное, четвероногое, млекопитающее, животное, организм, организованная материя — нечто), между тем как у вторых [т. е. у грамматических абстракций] высшая абстракция только строится на низших... Ступени грамматической абстракции связаны между собою иным способом, чем ступени лексической абстракции, хотя в обоих случаях возникают иерархии высших и низших ступеней и, следовательно, низших и высших категорий».[2]

Подобная мысль была развита нами в I томе настоящей книги, в отделе, посвящённом грамматическим категориям высшего и низшего порядка.[3]

Разграничивая сферу лексического и грамматического в слове, покойный проф. А. И. Смирницкий настаивал на принципиальной разнице между абстракциями лексическими и грамматическими. «С лексической точки зрения, т. е. в сфере словарного состава языка, слово прежде всего выступает подобно той или другой конкретной арифметической величине. Здесь возможны известные обобщения, но они носят примерно такой характер, как обобщение чисел 2, 4, 6, 8, 10 в качестве чётных (párny), а чисел 7, 14, 21, 28, 35 как чисел, делящихся на 7. С грамматической точки зрения, т. е. в сфере грамматического строя языка, слово выступает наподобие величины алгебраической: алгебраическое *a* или *x*, не будучи никаким конкретным числом, всё же представляет собой некое число, а не что-либо иное».[4] Все лексические элементы слова (напр. префиксальные или суффиксальные морфемы) вносят в основное значение слова определённые оттенки, ср. *писа́ть — дописа́ть*, *горе́ть — разгоре́ться* и т. п. Но «грамматические формы не выражают никаких ‚оттенков' основного значения, так как они обозначают различные отношения, мыслимые именно как таковые, а не как признаки предмета или явления».[5] Между грамматическими формами слова нет никаких «оттенков» лексического значения, ср. *стол — стола́*, *я пишу́ — он пи́шет*, *ты придёшь — приди́* и т. п. То же можно сказать и о видовых формах одного глагола типа

---

[1] I. Poldauf: Podíl mluvnice a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu. Studie a práce linguistické I (Havránkův sborník), Praha 1954, 200.

[2] Там же, 202 (разрядка моя, *А. И.*).

[3] Ср., однако, критические замечания проф. Н. С. Поспелова в статье «Соотношение между грамматическими категориями и частями речи». Вопросы грамматического строя, М. 1955, 76.

[4] А. И. Смирницкий: Лексическое и грамматическое в слове. Вопросы грамматического строя. М. 1955, 15.

[5] Там же, 23.

откры́ть//открыва́ть, пусти́ть//пуска́ть, принести́//приноси́ть. Лексическое значения обоих членов видовых пар абсолютно тождественно: разница между ними сводится к различию в видах.

С другой стороны, соотношения типа *писа́ть — переписа́ть, писа́ть — дописа́ть, писа́ть — попписа́ть* (некоторые время) не сводятся только к чистовидовым отличиям: каждый из приведённых приставочных глаголов содержит ещё какие-то добавочные «оттенки» именно лексического значения. Пусть приставки *пере-, до-, по-* обладают «высокой степенью абстрагированности»: здесь мы имеем дело с абстрагированностью лексической, качественно несоизмеримой с абстрагированностью грамматических категорий.

Вернёмся к исходной точке наших рассуждений. Можно ли утверждать, что приставки, якобы сообщающие простому глаголу значение совершенного вида и ничего больше (напр. *написа́ть, с-вари́ть, по-стро́ить*), действительно обладают свойствами чистограмматических показателей? Правда ли, что, освободившись от последних следов лексической «конкретности», приставки становятся грамматическими элементами?

Исследователи, теоретически исходящие из понятия бо́льшей или меньшей степени абстрагированности значения приставок, на деле руководствуются не «степенью абстрагированности», а именно значением приставки. М. А. Теленкова пишет: «Какое же значение можно признать грамматическим, т. е. таким, которое не изменяет лексического значения глагола, а изменяет только вид. По нашему мнению, таким значением является результативное, если понимать его как значение, заключающееся в указании на момент ограничения действия».[1]

Но ведь результативность вовсе не тождественна с совершенным видом.[2] Если результативность указывает на «момент огра-

---

[1] М. А. Теленкова: Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке. Учёные записки Московского Государственного Педагогического Института им. В. И. Ленина, CXXXII, 1958, 144. — Ср. в Акад. грамматике: «видовые пары ... образуются только в том случае, если приставка не вносит в глагол добавочного лексического значения (кроме значения границы, предела действия)» (I 454).

[2] Ср.: «С указанием на предел действия связано, по мнению некоторых учёных, указание на достижение цели этим действием и на сохранившийся после прекращения действия его результат. Эти указания, действительно, во многих случаях сопутствуют значению завершённости действия ... Так, например, в приведённом выше примере *прочита́л* указывает не только на законченность, завершённость действия, но и на достигнутый результат» (СРЯ 1952, 309).

ничения действия», то такое значение имеется и у глаголов, выражающих начало действия, напр. *заговори́ть* ‚začať hovoriť'. Разница между общим значением глагола *заговори́ть* и глагола *свари́ть* ‚uvariť' сводится лишь к тому, что в первом случае имеется в виду начальный «предел действия», а во втором случае — конечный его предел. Значение «начала действия», само по себе, не «менее абстрактно», чем значение «завершённости действия».

По нашему убеждению, грамматическое значение совершенного вида не сводится к значению «результативности» или «завершённости» действия. Можно привести многочисленные примеры, в которых значение результативности вовсе не связано с процессами префиксации, а выражается лексическими средствами, ср.:

иска́л, иска́л, иска́л — и *нашёл* (результат)
прислу́шивался, прислу́шивался — и *услы́шал* (результат)
ел, ел, ел — и *нае́лся* (результат)

Вряд ли кто-нибудь станет считать глаголы *иска́ть* и *найти́*, *прислу́шиваться* и *услы́шать*, *есть* и *нае́сться* — «видовыми парами», хотя здесь именно имеется соотношение «длительности действия, направленного на результат» — «результативности этого действия».

Представляется, что в основе всех попыток связать бесприставочные глаголы нс/в и приставочные глаголы с/в в видовые пары лежит неадекватное толкование грамматического значения совершенного вида. Простая проверка фактов показывает, что видовые значения славянского глагола построены не на признаке «длительности — результативности» (или «завершённости», или «предельности») действия. Глагол с/в *спроси́ть* не выражает «результата» того действия, которое выражено глаголом нс/в *спра́шивать*, хотя глаголы *спроси́ть//спра́шивать* представляют собой чистовидовую пару.

Всё это требует радикального пересмотра всего учения о чистовидовых («пустых») приставках в том направлении, которое указал в своих работах ленинградский аспектолог Ю. С. Маслов. Нам придётся, по-видимому, отказаться от очень многих «видо-

вых соотношений», приводимых в грамматиках, в толковых словарях славянских языков и в специальных исследованиях. Само существование чистовидовых («пустых») приставок оказывается, таким образом, под сомнением.

КРИТИКА ТРАДИЦИОННЫХ ПРИЁМОВ УСТАНОВЛЕНИЯ ВИДОВЫХ ПАР

Принимая на веру традиционное учение о чистовидовых («пустых») приставках и руководствуясь учением о видовой «парности» славянского глагола, мы, языковеды, слишком охотно склонны соотносить простые глаголы нс/в (типа *чита́ть*) с приставочными глаголами с/в (типа *прочита́ть*). Слишком часто мы аргументируем примерно так: раз существует простой глагол нс/в, то должен же к нему существовать «парный» глагол с/в! Этого, якобы, требует «система». У учащихся создаётся совершенно ложное впечатление, будто «парность» («видовая соотносительность») славянского глагола — это «норма», а одновидовость («несоотносительность») — редкое исключение. Поэтому «видовые пары» отыскиваются на основании «языкового чутья», без тщательной проверки семантической соотнесённости сопоставляемых членов.

Традиционный взгляд на «системность» парной соотнесённости русского глагола находит своё выражение в таких высказываниях: «Все русские глаголы, за ничтожными исключениями, распределяются по парам» (А. М. Пешковский[1]), или «почти любому бесприставочному глаголу несовершенного вида соответствуют глаголы совершенного вида» (СРЯ 1952, 311). Отсюда стремление во что бы то ни стало найти «соотносительный» глагол с/в даже там, где «языковое чутьё» этого как будто не позволяет.

В Академической грамматике приведены, в качестве «видовых соотношений», следующие глаголы (I 431):

бода́ть//*забода́ть* и *бодну́ть*
кача́ть//*покача́ть* и *качну́ть*

---

[1] Русский синтаксис в научном освещении, М. 1956[7], 106.

крича́ть//закрича́ть и *кри́кнуть*
дёргать//задёргать, подёргать и *дёрнуть* и т. п.

Но разве можно признать, что один глагол нс/в типа *дёргать* имеет сразу три формы совершенного вида? Разве можно утверждать, что глаголы типа *закрича́ть* или *задёргать* образованы при помощи «пустой» приставки, раз приставка *за-* в данном случае отчётливо выражает «начало действия»? Разве можно считать, что приставка *по-* в глаголе *подёргать* является чисто-грамматическим показателем с/в, если эта приставка выражает «ограниченность действия во времени» — *подёргать (некоторое время)?* Разве можно признать, что глаголы с/в типа *бодну́ть, качну́ть, кри́кнуть* или *дёрнуть* являются «видовыми соответствиями» глаголов нс/в *бода́ть, кача́ть, крича́ть* или *дёргать*, раз суффикс *-нуть* — кроме значения совершенного вида — вносит ещё отчётливое значение однократности действия?

Характерной чертой лингвистического «импрессионизма» в вопросе установления видовых пар являются расхождения отдельных авторов в том, что́ именно следует считать «соотносительными глаголами». В рецензии на учебник «Современный русский язык» (1957) мы читаем: «Неубедительным представляется объединение в видовые пары глаголов типа *люби́ть — полюби́ть, вдове́ть — овдове́ть, печа́лить — опеча́лить* и др.»[1] Разве можно допустить, что грамматические факты, относящиеся к общенародному языку, «воспринимаются» одними представителями данного языка как «видовые пары», а другими нет?

Серьёзные возражения вызывают также многие «видовые пары», приводимые в Академической грамматике.[2]

В интересной и содержательной статье И. П. Мучника, посвящённой статистическому подсчёту «видовых пар» приставочного образования,[3] есть много спорного: вряд ли можно безогово-

[1] См. рецензию Я. И. Рословец — И. Д. Самойлова — М. А. Теленкова на книгу «Современный русский язык» (1957) в журнале Русский язык в школе 18 (1957), 5, 119.

[2] Трудно, например, согласиться с такими «парами», как *зли́ться — обозли́ться* (почему не *разозли́ться*?), *бели́ть — побели́ть* (почему не *набели́ть*, как в словаре Ушакова II 301), *хмеле́ть — захмеле́ть* (почему не *похмеле́ть* или *охмеле́ть?*), *волнова́ться — взволнова́ться, годи́ться — пригоди́ться* и мн. др. (I 454/5).

[3] И. П. Мучник: О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке. ВЯ 5 (1956), 6, 92 сл.

рочно согласиться с выделением таких «видовых корреляций», как *бить — приби́ть, печа́тать — отпеча́тать, моло́чь — растоло́чь, ворова́ть — своро́вать, вали́ться — повали́ться* и многих других.[1]

Всё это заставляет насторожиться: раз между учёными возникают серьёзные разногласия в оценке категориальных явлений их родного языка, то это свидетельствует, конечно, не о разных степенях «развитости» языкового чутья, а о непрочности теоретической базы, на которой зиждется всё учение о грамматической сути данной категории.

В учебниках иногда приводится довольно простой приём проверки видовой соотносительности. Если от приставочного глагола с/в не может быть образован вторичный глагол нс/в, то этот приставочный глагол должен считаться «парным» глаголом с/в к соответствующему бесприставочному глаголу нс/в. От глагола с/в *сде́лать* в русском языке не образуется вторичный глагол нс/в типа «сде́лывать»; значит — глагол *сде́лать* является чистовидовым соотношением к глаголу *де́лать*. От глагола *приши́ть* образуется вторичный глагол нс/в *пришива́ть*; значит — глагол *приши́ть* не может рассматриваться как парный глагол с/в к глаголу *шить*.

Приведённая «проверка» требует, однако, существенных оговорок. Во-первых, при известных условиях всё-таки может появиться вторичный приставочный глагол нс/в и в тех случаях, где традиционная грамматика и толковые словари единодушно говорят о «чистовидовом» значении приставки. Можно, например, нисколько не нарушая норм русского литературного языка, сказать: «При пастериза́ции молоко́ не *сва́ривается* до конца́, а то́лько нагрева́ется до температу́ры не вы́ше ста гра́дусов». Таким образом, в индивидуальном употреблении, глагол *свари́ть*, считающийся видовой формой к глаголу *вари́ть*, входит в соотношение с вторичным приставочным глаголом *сва́ривать*. Богатый и убедительный материал из литературы приведён в работе Л. А. Быковой. Оказывается, что очень многие

---

[1] По поводу этой статьи Л. А. Быкова писала: «В выборе приставок для глаголов несовершенного вида допущены неточности, многие глаголы и значения глаголов вообще не нашли отражения в подсчётах». Труди филолог. факультету ХДУ 6 (1958) 118.

глаголы с приставками «грамматического» значения имеют вторичные формы несовершенного вида, ср. *вы́учить//выу́чивать*, *уплати́ть//упла́чивать*, *согреши́ть//согреша́ть*, хотя формы *вы́учить*, *уплати́ть* или *согреши́ть* принято считать «соотносительными» глаголами к *учи́ть*, *плати́ть* или *греши́ть*.[1]

Другой пример: почти во всех учебниках приводится «видовая пара» *чита́ть — прочита́ть*.[2] Но к приставочному глаголу *прочита́ть* совершенно свободно образуется вторичный глагол нс/в — *прочи́тывать*. В таких случаях прибегают обычно к компромиссу: формы с/в типа *прочита́ть* рассматриваются как формы с/в одновременно к двум глаголам нс/в. В словаре Ушакова глагол *прочита́ть* снабжён следующей пометой: «сов. к *чита́ть* и *прочи́тывать*» (III 1044).

Так как подобные трёхчленные «цепи» типа *чита́ть — прочита́ть — прочи́тывать* являются в русском языке массовым явлением, то для сохранения «чистоты учения» о парной соотносительности видовых вариантов приходится объявлять оба «имперфективных члена» такой цепи — синонимами. Но разве *прочи́тывать* по своему лексическому значению вполне синонимично с глаголом *чита́ть*? Нетрудно заметить, что наличие приставки *про-* сообщает глаголу *прочи́тывать* ещё дополнительный оттенок значения, отсутствующий у простого глагола *чита́ть*. Но этот оттенок значения умышленно игнорируется, т. к. — согласно учению об обязательной «парности» русских глаголов — глагол нс/в *чита́ть* «не может» остаться без видового соответствия на стороне с/в.

Нет полного семантического тождества и у таких глаголов, как *мыть* и *умыва́ть*, *слать* и *посыла́ть*, *жить* и *проживать*, *стлать* и *постила́ть*, хотя в словарях эти семантические оттенки умышленно игнорируются и между обоими типами глаголов нс/в ставится знак равенства.

Как видно, приведённая «проверка» оказалась несостоятельной.

По поводу образования чистовидовых пар при помощи приставок (перфективации) С. О. Карцевский писал: «Перфективацию при помощи приставок можно было бы считать граммати-

---

[1] Л. А. Быкова: Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке». Труди філолог. фак. ХДУ 6, (1958) 177.

[2] Современный русский язык. Морфология. М. 1952, 309.

ческим приёмом лишь в том случае, если бы каждому глаголу нс/в соответствовал один и только один глагол совершенного вида. Но в действительности такой глагол как *писáть* допускает до 17 приставок. А так как всякая префиксация вызывает перфективацию, то и префиксация в конце концов воспринимается как грамматический приём перфективации. Отсюда стремление использовать какую-либо одну приставку с достаточно отвлечённым значением».[1]

Серьёзные расхождения в оценке видовой соотнесённости простых и приставочных глаголов наблюдаются также в словацкой грамматической литературе. Проф. Э. Паулини считает глаголы *blednúť — zblednúť, chudnúť — schudnúť, šiť — ušiť, meškať — zmeškať, prosiť — zaprosiť, prosiť — poprosiť, diktovať — nadiktovať, slabnúť — oslabnúť* видовыми парами, а приставки в этих глаголах — «чисто-видовыми» (prosto vidové).[2] Совершенно справедливо Я. Горецкий возражает, что «почти все приставки имеют, кроме перфективирующей функции, ещё и определённое лексическое значение. У глаголов, выражающих перемену состояния *(mrznúť, blednúť)*, приставка *s-/z-* выражает, например, завершение перемены состояния. Поэтому правильнее говорить об одновидовых глаголах, обозначающих перемену состояния, а не о глаголах с/в к простым глаголам нс/в в таких случаях как *zmrznúť, zblednúť, zostarnúť*».[3]

Несостоятельность традиционных приёмов установления видовых пар с полной очевидностью вытекает из всего сказанного. Без коренного пересмотра учения о «сплошной» парности славянского глагола трудно найти выход из запутанного традиционного учения о видах. Ни языковое чутьё, ни традиционные «проверки», как видно, не дают нацёжных результатов.

Экскурс о некоторых новейших работах по вопросу о приставках

На страницах специальных журналов развернулась за последние годы интересная и принципиальная дискуссия о чистовидовых или «пустых» глагольных приставках в чешском языке.

---

[1] S. Karcevski: Remarques sur la psychologie des aspects en russe. Mélanges Bally, Genève 1939, 237.

[2] E. Pauliny: Odvozovanie slovies podľa slovesného vidu, Slovo a tvar 4 (1950) 3, 91.

[3] J. Horecký: O tvorení slovies predponami. Slovenská reč 22 (1957) 3, 148/9.

И. Польдауф предложил ввести понятие «приставок-классификаторов» (řadicí předpony), уточняющих определённые семантические черты исходных глаголов. Перфективирующая приставка-классификатор обнаруживает некое семантическое сродство с глаголом, к которому она присоединяется, являясь «выражением абстракции, общей с семантической чертой действия».[1]

По мнению И. Польдауфа, приставка *вы-* (чеш. *vy-*) перфективирует простые глаголы, имеющие отношение к «нутру» чего-либо. Действие может касаться внутреннего пространства или внутренней поверхности, при этом действие может выражать прибавление или, напротив, устранение чего-либо, или же просто выражать действие, исходящее «изнутри», имеющее свой источник или своё начало внутри чего-либо. В качестве примеров И. Польдауф приводит между прочим чешские глаголы, по своему значению соответствующие русским глаголам *вы́потрошить ры́бу (vykuchat)*, *вы́топить са́ло (vyškvařit)*, *вы́молотить (vymlátit)*, *вы́тошнить (vyblít)*, *вы́копать карто́фель*, *вы́пучить глаза́ (vykulit)*, *вы́следить (vyšpehovat)* и др.[2]

Не будем останавливаться на том, что в ряде случаев в русском языке к приведённым глаголам образуются вторичные формы несовершенного вида типа *вы́топить//выта́пливать*, *вы́следить//выслéживать*, так что о перфективирующей функции приставки приходится здесь говорить лишь условно.

При сравнении русского материала с чешским оказывается, что о внутренней «обусловленности» выбора приставки *вы- (vy-)* в сочетании с целым рядом глаголов говорить не приходится. В русском языке многочисленные глаголы, приводимые И. Польдауфом, перфективируются в результативном значении при помощи других приставок, ср.:

vyčalounit křeslo — обить
vyraborat banku — ограбить
vycenit zuby — оскалить
vyděsit — перепугать
vyzkoušet — проэкзаменовать
vycementorat — зацементировать
vypálit dům — сжечь
vyvětrat pokoj — проветрить
vymazat gumou — стереть
vyprovokovat — спровоцировать
vybetonovat — забетонировать
vybalit věci — разложить, распаковать, развернуть и т. п.

Одно и то же действие стилизуется в наших языках по-разному: если в чешском языке у глагола *vyrabovat (banku)* преобладает представление о «нутре» (*vy-rabovat* дословно: «выграбить банк»), то в русском языке, напротив, преобладает представление, что действие распространяется на всю поверхность предмета или совершается вокруг (Ушаков II 609/10),

---

[1] I. Poldauf: Spojování s předponami při tvoření dokonavých sloves v češtině. Slovo a slovesnost 15 (1954) 2, 53. На подобных позициях стоит также C. H. van Schooneveld, ср. The so-called «préverbes vides» and neutralization, Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavicists, September 1958, Mouton & Co, 's-Gravenhage.

[2] I. Poldauf, там же.

ср. *о-гра́бить*. Это значит, что и в чешском языке общее значение действия (выражающего отношение к «нутру» чего-либо) не является первичным, а что именно такая, а не иная стилизация данного действия вторично вносится в его семантику на основании его сочетаемости в приставкой.[1] Следовательно, о внутренней обусловленности выбора перфективирующей приставки лексическим значением самого исходного глагола можно говорить далеко не во всех случаях: не семантика глагола определяет выбор приставки, а приставка с её семантикой способствует именно такому, а не иному толкованию общего значения глагола.[2]

У целого ряда русских глаголов, перфективирующихся в результативном значении при помощи приставки *вы-*, общее значение «действие касается ‚нутра' чего-либо» полностью отсутствует, ср. *гла́дить — вы́гладить* (слвц. *vyžehlit'*), *купа́ться — вы́купаться* (слвц. *vykúpať sa*), *руга́ть — вы́ругать* (слвц. *vyhrešiť*) и т. п.

Вопросу приставочной перфективации глаголов в русском языке была посвящена работа И. П. Мучника.[3] Автор считает всякое результативное значение чистовидовым. На основании подсчётов глаголов, приводимых в словаре Ушакова, И. П. Мучник перечисляет 800 простых глаголов, образующих якобы чистовидовые пары при помощи 14 приставок. Однако материалы, приводимые в этой статье, являются в ряде случаев более чем спорными.[4]

Нельзя признать видовыми парами такие глаголы, как *ви́деть* и *уви́деть*, *слы́шать* и *услы́шать*, *зреть* и *узре́ть*, *лицезре́ть* и *улицезре́ть*, приводимые И. П. Мучником (по Ушакову). Между этими глаголами существует подобное соотношение, как между глаголами *знать* и *узна́ть*, которые вряд ли кем-либо могут рассматриваться как «видовые пары» одного глагола.

В ряде случаев приставочные образования, приводимые И. П. Мучником (по Ушакову) в качестве соотносительных членов к бесприставочным глаголам, имеют при себе вторичные формы несовершенного вида и, следовательно, не могут рассматриваться как чистовидовые корреляты простых имперфективных глаголов, например:

---

[1] Нельзя также забывать, что в целом ряде случаев чешская приставка *vy-* является просто калькой немецкой приставки *aus-*: «внутренняя форма» таких глаголов, как *vyrabovat* перенесена в чешский язык из немецкого *ausrauben*. Ср. ещё *vyčalounit — austapezieren*, *vysířit — ausschwefeln*, *vyvatovat — auswattieren*, *vylisovat — auspressen*, *vygumovat — ausradieren*, *vybalit — auspacken*, *vybetonovat — ausbetonnieren*, *vycementovat — auszementieren* и мн. др.

[2] С точки зрения современного языка трудно объяснить, почему чешскому *plnit — splnit plán* в русском языке соответствует пара *выполня́ть// вы́полнить план*, а чешскому *vyplnit//vyplňovat formulář* русское *запо́лнить// заполня́ть бланк*, ср. нем. *ein Formular ausfüllen*.

[3] И. П. Мучник: О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке. ВЯ 5 (1956), 92 и сл.

[4] Л. А. Быкова, цит. соч., 118.

Соотношение, приводимое И. П. Мучником (по Ушакову)		Реальное видовое соотношение
дроби́ть	— *раздроби́ть*	*раздроби́ть//раздробля́ть*
ка́яться	— *раска́яться*	*раска́яться//раска́иваться*
поро́ть	— *распоро́ть*	*распоро́ть//распа́рывать*
вя́нуть	— *увя́нуть*	*увя́нуть//увяда́ть*
мно́жить	— *умно́жить*	*умно́жить//умножа́ть*
суши́ть	— *вы́сушить*	*вы́сушить//высу́шивать*
бинтова́ть	— *забинтова́ть*	*забинтова́ть//забинто́вывать*
чита́ть	— *прочита́ть*	*прочита́ть//прочи́тывать*
есть	— *съесть*	*съесть//съеда́ть* и мн. др.

Некоторые приставочные глаголы, приводимые И. П. Мучником в качестве чистовидовых коррелятов, на самом деле имеют не результативное, а ограничительное значение, например, *балагу́рить* ‚žartovať' — *побалагу́рить* ‚zažartovať si' (явно ограничительное значение!), *бала́кать* ‚diškurovať' — *побала́кать* ‚podiškurovať (si)' («провести некоторое время балакая») и др.

В ряде случаев приставочный глагол, приводимый в работе И. П. Мучника в качестве чистовидового члена «корреляции», может быть заменён другим приставочным образованием с тем же результативным (или очень близким к нему) значением, например:

вя́нуть	— *увя́нуть*,	но и	*вя́нуть*	— *завя́нуть*	
пакова́ть	— *упакова́ть*,	но и	*пакова́ть*	— *запакова́ть*	
дорожа́ть	— *вздорожа́ть*,	но и	*дорожа́ть*	— *подорожа́ть*	
петь	— *пропе́ть*,	но и	*петь*	— *спеть*	
золоти́ть	— *позолоти́ть*,	но и	*золоти́ть*	— *озолоти́ть*	
ку́шать	— *ску́шать*,	но и	*ку́шать*	— *поку́шать* и мн. др.	

Ни одно из приведённых соответствий нельзя признать чистовидовым.

Чистовидовыми «корреляциями» И. П. Мучник считает также глаголы типа *бледне́ть — побледне́ть*. Имперфективные глаголы с «мутативным» значением типа *бледне́ть* выражают постепенный переход к какому-либо состоянию, перфективные же глаголы типа *побледне́ть* — завершение такого перехода или же начальную точку пребывания в данном состоянии. Семантическая соотнесённость между глаголами типа *бледне́ть — побледне́ть* не может быть сведена к соотнесённости чистовидовой. Поэтому правильнее считать такие глаголы одновидовыми.[1] Сюда относятся: *богате́ть — разбогате́ть*, *ча́хнуть — зача́хнуть*, *беднеть — обеднеть*, *лысе́ть — облысе́ть*, *багрове́ть — побагрове́ть* и мн. др.

К чистовидовым «корреляциям» отнесены также некоторые глаголы с явно начинательным значением, ср. *беси́ться — взбеси́ться* ‚rozčertiť sa', *бунтова́ться — взбунтова́ться* чеш. ‚vzbouřiti se', *волнова́ться — взволнова́ться* ‚rozbúriť sa; začať sa rozčuľovať' и др.

---

[1] J. Horecký: O tvorení slovies predponami. Slovenská reč 22 (1957) 3, 149.

В списке глаголов с приставкой *с-*, приводимых И. П. Мучником в качестве чистовидовых парных образований к соответствующим бесприставочным глаголам, оказывается значительное число глаголов, в которых приставка *с-* отчётливо сохраняет однократное совершаемостное значение, например: *сварга́нить, свеликоду́шничать, своро́вать, сглупи́ть, сжу́льничать, скаламбу́рить, слави́ровать, сморгну́ть, состри́ть, сплани́ровать* (на аэродром), *сфотографи́ровать, съехи́дничать* и т. п. Однократное значение не вполне утрачено и в глаголах *спеть, сыгра́ть* и т. п.

Всё это значительно снижает общее число глаголов, образующих, по мнению И. П. Мучника, чистовидовые пары путём префиксации. Показательны, наконец, и цифры, приводимые самим автором. В словаре Ушакова глаголов с выделяющейся морфемой *от-* всего 1260, среди них с видовым[1] префиксом *от-* только 15, с приставкой *из-* — 457, с видовым префиксом *из-* — 7».[2] Эти цифры красноречиво говорят о том, что даже при максимально «либеральном» подходе к вопросам префиксального видообразования, число реальных глаголов, пользующихся этим приёмом, ничтожно.

Остаются глаголы, в которых результативное значение, сообщаемое той или иной приставкой, значительно ослаблено (хотя и не сведено к нулю). Это небольшой круг глаголов, в которых результативное значение почти совпадает с грамматическим значением совершенного вида («целостное, сомкнутое событие»). Среди этих глаголов мы встретим старых знакомых, известных нам со школьной скамьи, например *де́лать — сде́лать, писа́ть — написа́ть, вари́ть — свари́ть, стро́ить — постро́ить, рисова́ть — нарисова́ть*, да ещё десяток других глаголов вроде *совершéнствовать — усовершéнствовать, седла́ть — оседла́ть, кипяти́ть — вскипяти́ть, влия́ть — повлия́ть, бри́ться — побри́ться, нра́виться — понра́виться*[3], *хорони́ть — похорони́ть, чини́ть — почини́ть* и некоторые другие. Число таких глагольных «пар» будет зависеть от применения более или менее строгих критериев. В числе таких глаголов с минимальным результативным значением окажутся также некоторые глаголы иноязычного происхождения типа *ремонти́ровать — отремонти́ровать, телеграфи́ровать — протелеграфи́ровать, конструи́ровать — сконструи́ровать* и т. п.

ПЕРФЕКТИВАЦИЯ ПРОСТЫХ ГЛАГОЛОВ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Под термином «перфективация» обыкновенно понимают «перевод» глагола нс/в в совершенный вид при помощи приставки или при помощи суффикса *-нуть*. Поскольку перфективацию

---

[1] Речь идёт о «видовом» префиксе в традиционном понимании; мы предпочитаем говорить в этих случаях о префиксе, сообщающем простому глаголу значение результативной совершаемости.

[2] И. П. Мучник, цит. соч. 103.

[3] Этот глагол не приведён в работе И. П. Мучника.

принято считать приёмом видообразования, то и глаголы, образованные путём перфективации, рассматриваются как «чистовидовые пары» к соответствующему простому глаголу нс/в. Мы знаем, что теоретически от любого русского (словацкого) простого глагола нс/в может быть образован приставочный глагол или глагол на *-нуть*. Приставочные глаголы (первичные) имеют, как мы знаем, грамматическое значение совершенного вида. Такое же грамматическое значение имеют и глаголы на *-ну́ть* типа *кольну́ть* ‚pichnúť', bodnúť'. Из этих бесспорных предпосылок делается вывод: «Почти любому бесприставочному глаголу несовершенного вида соответствуют глаголы совершенного вида» (СРЯ 1952, 311). Слово «соответствуют» следует, очевидно, понимать в том смысле, что путём перфективации к любому русскому глаголу нс/в может быть образован абсолютно синонимический глагол с/в, составляющий вместе с простым глаголом видовую пару. В качестве иллюстрации неизменно приводятся те же глаголы: *чита́ть — прочита́ть, писа́ть — написа́ть, де́лать — сде́лать, кра́сить — покра́сить* и ещё десяток подобных. Между тем, при первой же встрече с материалом возникают непреодолимые трудности: как звучит форма совершенного вида к простым глаголам *дуть, крути́ть, жать, шали́ть, спать, сиде́ть, жить, торча́ть, грусти́ть, весели́ться, ходи́ть* и сотни других? В вузовском пособии «Современный русский язык» (1952) в качестве «видовой пары» приведены глаголы *учи́ть* и *вы́учить* (311). Но разве к глаголу *учи́ть* нельзя образовать другого «видового соответствия», например — *научи́ть*?[1]

Нет ни малейшего сомнения в том, что присоединением приставок *вы-* или *на-* простой глагол нс/в *учи́ть* «перфективировался». Но нельзя не заметить, что между глаголами *вы́учить* и *научи́ть* имеется семантическая разница. Раз глаголы с/в *вы́учить* и *научи́ть* между собой не вполне синонимичны, то они не могут быть признаны чистовидовыми формами с/в к глаголу *учи́ть*. Отсюда вывод: термин «перфективация» следует понимать в узко техническом значении. Путем перфективации, действительно, образуются глаголы с/в, но из этого не следует, что перфективированные глаголы являются точным видовым соответствием простых глаголов нс/в.

---

[1] Ср., например, *учи́ть кого-л. ремеслу́ — научи́ть кого-л. ремеслу́.*

По-видимому, нельзя говорить об образовании совершенного вида от глагола *учи́ть* вообще. Этот глагол, как и большинство других глаголов, употребляется в нескольких значениях, сочетается с разными объектами; выбор приставки в значительной степени зависит от лексического оттенка глагола, а также от его сочетаемости с тем или иным объектом. Приведём пример:

1. *учи́ть (дете́й а́збуке)* ‚učiť'//*научи́ть* ‚naučiť'
2. *учи́ть (уро́к)* ‚učiť sa' // *вы́учить* ‚naučiť sa'
3. *учи́ть (в шко́ле)* ‚vyučovať' // 0
4. *учи́ть* (без дополнения)[1] ‚učiť' // 0

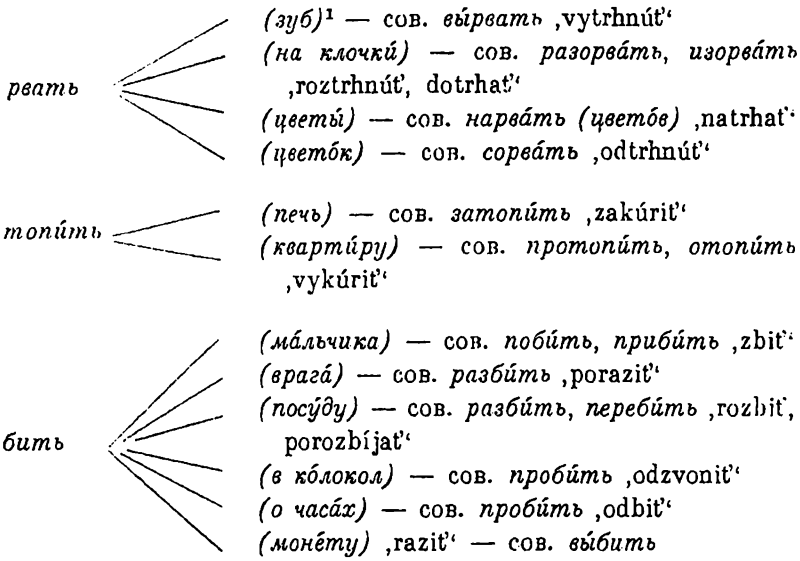
Как видно, возможность или невозможность перфективации глагола нс/в зависит также от наличия или отсутствия дополнения (объекта). Семантика простого глагола, вернее семантика каждого индивидуального смыслового оттенка, так или иначе отражается в области видообразования. К «одному и тому же» простому глаголу могут быть образованы самые разнообразные приставочные глаголы совершенного вида, обычно толкуемые как формы совершенного вида этого глагола. Проиллюстрируем эту мысль на ряде примеров:

ре́зать — *(верёвку)* — сов. *разре́зать, перере́зать*
ре́зать — *(хлеб)* — сов. *наре́зать (хле́ба)*
ре́зать — *(ку́рицу)* — сов. *заре́зать*
ре́зать — *(по де́реву)* — сов. *вы́резать* ‚vyryť'
ре́зать — *(мяч в те́ннисе)* — сов. *сре́зать*

ма́зать — *(хлеб ма́слом)* — сов. *нама́зать* ‚namazať, natrieť'
ма́зать — *(пла́тье гря́зными рука́ми)* — сов. *зама́зать, изма́зать*

---

[1] Имеется в виду такой оттенок значения: «Исто́рия нас *у́чит*, что...» или «Ле́нин *учи́л*, что то́лько мо́щная тяжёлая инду́стрия мо́жет быть про́чной экономи́ческой осно́вой обеспе́чения незави́симости и усиле́ния обороноспосо́бности Сове́тского госуда́рства».

Приводимые словацкие переводы могут натолкнуть на мысль, что в некоторых случаях мы имеем дело не с разными значениями одного глагола, а с омонимными глаголами (напр. *бить врага́* ‚porážať nepriateľa' и *бить в ко́локол* ‚zvoniť'). Не будем здесь вдаваться в сложные вопросы глагольной омонимики. Укажем лишь, что во всех толковых словарях русского языка приведённые значения помещены в одной словарной статье, т. е., очевидно, рассматриваются как разные значения одного глагола.

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что бесприставочные глаголы типа *учи́ть*, *ре́зать*, *ма́зать*, *рвать*, *топи́ть* или *бить* могут быть так или иначе перфективированы путём присоединения к ним приставок, но эти новые приставочные образования совершенного вида типа *вы́учить*, *разре́зать*, *нама́зать*, *вы́рвать*, *затопи́ть*, *разби́ть* отнюдь не являются видовыми коррелятами простых бесприставочных глаголов. Ведь к этим приставочным глаголам с/в свободно образуются вторичные приставочные глаголы несовершенного вида типа *вы́учивать*, *разреза́ть*, *нама́зывать*, *вырыва́ть*, *зата́пливать*, *разбива́ть* и т. п. Ввиду наличия таких видовых пар, как

разре́зать//*разреза́ть*

[1] В сочетании *Он рвёт зу́бы*, т. е. «экстракция зубов его специальность» глагол *рвать* вовсе не образует форм совершенного вида. Разные типы образования совершенного вида от этого глагола заимствованы у С. О. Карцевского, цит. соч. 236.

перерéзать//перерезáть или *перерéзывать*
нарéзать//нарезáть или *нарéзывать*
зарéзать//зарéзывать или *зарезáть*
вырезать//вырéзывать или *вырезáть*
срéзать//срéзывать или *срезáть* и т. п.,

бесприставочный глагол *рéзать* остаётся несоотнесённым, одновидовым глаголом несовершенного вида. Наличие чётких видовых пар типа

намáзать//намáзывать	*вы́рвать//вырывáть*
замáзать//замáзывать	*разорвáть//разрывáть*

свидетельствует о том, что бесприставочные глаголы *мáзать* или *рвать* не имеют форм совершенного вида, т. е., другими словами, являются одновидовыми глаголами несовершенного вида.

Что же касается таких глаголов, как *измáзать*, *изорвáть*, *нарвáть (цветóв)*, то и эти глаголы не могут считаться видовыми соответствиями простых глаголов *мáзать* и *рвать*. Глаголы типа *измáзать*, *изорвáть*, *нарвáть* являются, в свою очередь, одновидовыми глаголами совершенного вида.

Аналогичные отношения наблюдаются и в словацком языке. Например:

lámať	*(chlieb)*	— dok. *rozlomiť*
	(stromy)	— dok. *zlomiť, polámať*
	(slovenčinu)	— Ø
	(si hlavu nad niečím)	— Ø
	(normy, rekordy)	— Ø

или

páliť	*(drevo)*	— dok. *spáliť*
	(celé dediny)	— dok. *spáliť, vypáliť*
	(tehly)	— dok. *vypáliť*
	(pálenku)	— dok. *napáliť (pálenky)*
	(páli ma v hrdle)	— Ø

Нетрудно показать, что все приведённые выше глаголы совершенного вида являются в словацком языке новыми глаголами, составляющими вместе с вторичными приставочными глаголами несовершенного вида новые видовые пары, ср. *rozlomiť//rozlamovať*, *vypáliť//vypaľovať*.

Приведённые (хотя и не многочисленные) примеры говорят о том, что простые бесприставочные глаголы в семантическом отношении более «диффузны», чем соответствующие приставочные глаголы. Глагол *рéзать* как бы совмещает в себе все те

значения, которые выявляются у глаголов совершенного вида при помощи приставок *раз-*, *пере-*, *на-*, *за-*, *вы-* или *с-*. Простые глаголы несовершенного вида семантически ёмче приставочных глаголов совершенного вида. Можно утверждать, что простой глагол (типа *рéзать* или *бить*) сам по себе имеет менее «определённое» значение, чем приставочный глагол (скажем, *вы́резать* или *проби́ть*). Вот почему многие грамматисты связывают процесс префиксации простых глаголов с понятием «определённости» (детерминированности, »určenosti«) этих глаголов.[1]

Нельзя не отметить некоторых расхождений между русским и словацким языком в употреблении простых бесприставочных глаголов. В ряде случаев русские простые глаголы могут передавать такие значения, которые в словацком (и чешском) языке обычно выражаются лишь приставочными глаголами. Достаточно привести несколько примеров:

Русский бесприставочный глагол	Словацкий приставочный глагол
бить (посу́ду)	*rozbíjať (riad)*
мыть (ру́ки)	*umývať si (ruky)*
мести́ (полы́)	*zametať (podlahu)*
тере́ть (пол во́ском)	*natierať (podlahu)*

Характерно, что в словацком языке отсутствует бесприставочный глагол, соответствующий русскому *слать (я шлю)*; вместо простого глагола употребляется вторичное приставочное образование *posielať*. Эти вопросы пока совершенно не изучены и нуждаются в проверке на большом материале.

Итак, один и тот же бесприставочный глагол несовершенного вида может быть «переведён» в совершенный вид («перфективирован») при помощи разных приставок; выбор приставки зависит от семантического оттенка данного значения простого глагола. Но необходимо иметь в виду, что эти новые приставочные глаголы совершенного вида не являются соотнесёнными формами совершенного вида к исходным бесприставочным глаголам, а образуют новые, самостоятельные глаголы-лексемы.

ОДНОВИДОВОСТЬ ПРОСТЫХ ГЛАГОЛОВ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Мы видели, что традиционное учение о видовой «парности» чуть ли не любого русского глагола не выдерживает критики. В частности, простые глаголы нс/в (типа *крича́ть*, *чита́ть*)

[1] Ср. формулировку Э. Паулини: «Všetky predpony činia zo základných neurčených trvacích slovies určené netrvacie slovesá». Ср. Slovo a tvar 4 (1950) 3, 91.

на поверку оказываются одновидовыми глаголами несовершенного вида (imperfectiva tantum). Там, где данное действие необходимо представить в стилизации совершенного вида, простой глагол детерминируется и этим самым приобретает дополнительные лексические значения, связанные с индивидуальным значением приставки или суффикса *-нуть*. Эти дополнительные лексические значения могут быть весьма «абстрактными», «обобщёнными»: они могут выражать «однократность» *(крúкнуть)*, «начало действия» *(закричáть, вскричáть)*, «законченность» или «результативность действия» *(прочéсть)*, но ни одно из этих значений полностью не кроется с грамматическим значением перфективности («целостное, сомкнутое событие»).

Эти мысли были с предельной ясностью высказаны проф. Ю. С. Масловым: «То, что называют перфективацией, есть в громадном большинстве случаев чисто словообразовательный приём, приём создания нового глагола, нового лексического значения, нового способа действия, т. е. словообразовательный приём, лишь сопровождаемый возникновением перфективного грамматического значения... Это грамматическое значение совершенного вида выступает здесь, следовательно, в качестве закономерного, но не главного, а лишь побочного продукта лексической, словообразовательной операции».[1] И далее: «...так называемая перфективация с помощью ‚пустой' приставки на деле не может рассматриваться как чисто грамматический процесс, и глагольная приставка не превращается здесь вполне и до конца в чисто грамматическое, формальное средство выражения видового значения».[2]

Проф. Ю. С. Маслов справедливо подчёркивает, что и суффикс *-нуть* (в *толкнýть, кольнýть*) не является чистым показателем совершенного вида, «так как он всегда в большей или меньшей мере бывает связан с определёнными способами действия, чаще всего — с ‚семельфактивным' (действие, выполненное одним движением, в один приём) ... Таким образом, и здесь в процессе

---

[1] Ю. С. Маслов: «Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида», Доклады IV Международного съезда славистов, Москва 1958, 5.

[2] Там же, 5/6.

перфективации не возникает форма, вполне тождественная исходной по своему лексическому значению».[1]

Если же глаголы типа *вы́учить* всё же «воспринимаются» многими исследователями как «чистовидовые формы» с/в к глаголам типа *учи́ть*, то это объясняется отождествлением грамматического значения перфективности с другими, неграмматическими значениями, связанными с детерминацией глаголов нс/в.

Простые глаголы нс/в не имеют — в подавляющем большинстве случаев — точного лексического соответствия в совершенном виде, они являются одновидовыми, непарными, «несоотносительными» (imperfectiva tantum). В качестве формального признака этих одновидовых глаголов можно было бы, пожалуй, привести следующие факты:

а) от парных глаголов нс/в (ср. *перепи́сывать*//*переписа́ть*, *открыва́ть*//*откры́ть*, *броса́ть*//*бро́сить*) в русском литературном языке не образуются формы деепричастия на *-в* или на *-вши*; нельзя образовать формы «переписывав(ши)», «открывав(ши)» или «бросав(ши)». Единственными глаголами нс/в, от которых может (правда, очень редко) быть образована форма деепричастия на *-в*/*-вши*, являются именно простые (в нашем понимании — непарные) глаголы нс/в, ср. *не быв*, *не зна́вши*, *не име́в*, *не пи́в*.[2]

б) от переходных парных глаголов нс/в не образуется, как правило, страдательное причастие прош/вр на *-н*/*-т*; нельзя сказать «переписыванный» или «открыванный» или «бросанный».[3] Зато от простых (в нашем понимании — непарных) глаголов нс/в формы страдательного причастия прош/вр образуются свободно, ср. *бри́тый* (к *брить* нс/в), *би́тый*, *вы́данный*, *вя́занный*, *ду́тый*, *и́гранный*, *кра́денный*, *кра́шенный*, *кру́ченный*, *ма́занный*, *но́шенный*, *пи́санный*, *ра́неный*, *ру́бленный*, *слы́шанный*, *чи́танный*, *ши́тый* и мн. др.

---

[1] Ю. С. Маслов, цит. соч., 6.

[2] Литературные примеры приведены в Акад. грамм. I 532.

[3] Здесь русский язык существенно расходится с словацким и чешским, т. к. в этих языках свободно образуются формы страдательного причастия на *-н*/*-т* от приставочных глаголов нс/в, ср. *pripravovať* — *pripravovaný*, *prijímať* — *prijímaný*.

Отсутствие указанных форм у парных глаголов нс/в легко объясняется тем, что формы деепричастия на *-в/-вши* или формы страдательного причастия прош/вр от глаголов *перепи́сывать*, *откры́вать* или *броса́ть* образуются от основы совершенного вида: *переписа́в*, *откры́в*, *бро́сив(ши)*, а также *перепи́санный*, *откры́тый*, *бро́шенный*. Простые глаголы нс/в типа *брить*, *бить*, *игра́ть*, *пить*, *писа́ть*, *чита́ть* — будучи непарными глаголами — не имеют соответствия на стороне совершенного вида и, таким образом, образуют нужные формы от основы несовершенного вида.

Читатель, несомненно, будет возражать: но ведь существуют же в русском (словацком, чешском) языке бесспорные видовые пары типа *де́лать — сде́лать*, слвц. *robiť — urobiť*, чеш. *dělat — udělat*. Трудно отрицать, что школьное воспитание, базирующееся на традиционных взглядах, настолько повлияло на «языковое сознание» многих говорящих (и многих языковедов!), что они склонны считать такие глаголы, как *писа́ть* и *написа́ть*, *чита́ть* и *прочита́ть* (или даже *чита́ть* и *проче́сть*), *стро́ить* и *постро́ить* — «чистовидовыми парами». Недаром именно эти глаголы неизменно приводятся во всех грамматиках в качестве примеров на «образование глаголов совершенного вида с помощью приставок». Не исключено, что в единичных случаях действительно последние следы лексического значения приставки «выветрились». Но это лишь отдельные, частные случаи, притом сравнительно редкие. Основная масса бесприставочных глаголов нс/в остаётся в наших языках без точного соответствия на стороне совершенного вида. Отношения, существующие между простым глаголом нс/в (*чита́ть*) и приставочным глаголом с/в (*прочита́ть*), не типичны для видовой корреляции в наших языках.[1]

Теоретическое исследование видовых соответствий нельзя начинать с приёмов «перфективации», т. к. здесь слишком много спорного и пока не вполне выясненного. Основная сфера чистограмматического видообразования связана в наших языках с приёмами имперфективации.

---

[1] Ср. R. Ruzicka: Struktur und Dialektik in der russischen Grammatik, Zeitschrift für Slawistik 4 (1959) 4, 550.

ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Имперфективацией называется образование глаголов несовершенного вида от исходных (приставочных или бесприставочных) глаголов совершенного вида. В системе славянского видообразования приёмы имперфективации занимают центральное место.

Видовое соотношение СВ//НСВ проявляется в наиболее чистом виде именно у глагольных пар, возникших с помощью имперфективации исходного глагола с/в, ср. *переписа́ть//перепи́сывать*. Поэтому видовую семантику следует изучать на материале бесспорных видовых пар данного типа.

Можно различать два основных типа имперфективации:

1. первичную имперфективацию, т. е. образование глаголов нс/в от простых (бесприставочных) исходных глаголов с/в, напр.: *дать//дава́ть*, *пусти́ть//пуска́ть*, *бро́сить//броса́ть*, *купи́ть//покупа́ть* и др. Первичная имперфективация представлена немногочисленными глаголами, т. к. основная масса простых глаголов имеет грамматическое значение несовершенного вида;

2. вторичную имперфективацию, т. е. образование форм несовершенного вида от приставочных глаголов с/в типа *переписа́ть//перепи́сывать*, *откры́ть//открыва́ть* и т. п. В лексическом отношении члены таких глагольных пар абсолютно синонимичны. Можно безоговорочно утверждать, что оба члена глагольной пары представляют собой грамматические формы одного глагола-лексемы.

Вопрос о формальных средствах имперфективации, т. е. о типах суффиксации и о фонетических чередованиях в глагольных основах, гораздо сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. С точки зрения родного языка, здесь всё как будто ясно: русский, словак или чех, конечно, знают, как «образуется» форма нс/в того или иного приставочного глагола. Колебания здесь возможны лишь при условии, что в языке сосуществуют конкурирующие формы.[1]

[1] К русскому глаголу *накопи́ть* можно образовать имперфективные глаголы *накопля́ть* или *нака́пливать*. В словацком языке иногда наблюдается богатая синонимика вторичных имперфективных глаголов, ср.:

Но стоит только подойти к этому вопросу с точки зрения другого, пусть близко родственного, языка, как картина меняется: приёмы имперфективации лишаются своей «автоматичности», выбор формальных средств имперфективации оказывается «немотивированным». Этим формальным средствам имперфективации — суффиксации и чередованиям в пределах глагольной основы — необходимо в каждом славянском языке уделять особое внимание.

Приёмы имперфективации связаны, в первую очередь, с суффиксацией: «Новые видовые образования производятся посредством суффиксов несовершенного вида *-ыва- (-ива-)*, *-ва-*, *-а- (-я-)*», говорится в Акад. грамматике (I 432). Но, во-первых, совершенно неизвестно, какой именно из приведённых суффиксов употребляется в каждом индивидуальном случае, а, во-вторых, к какой глагольной основе эти суффиксы присоединяются.

Глагол *(пере)писáть* имеет, как известно, две основы: основу настоящего времени *пиш-*, к которой присоединяются окончания *-у -ешь -ет*, *-ущий*, *-и* и т. д., и основу инфинитива *писá-*, к которой присоединяются окончания *-ть*, *-л -ла -ло*, *-в*, *-вший* и т. д. Совершенно очевидно, что форма вторичного несовершенного вида *перепúс-ыв-ать* не образована непосредственно ни от одной из указанных основ глагола *писá-ть — пиш-ý*. В данном случае ни о какой морфематической связи между формой *перепúсывать* и основой настоящего времени *пиш-* не может быть и речи; поэтому остаётся выяснить, как глагольная основа формы *перепúсывать* связана с основой инфинитива *писá-*.

Необходимо иметь в виду, что основа инфинитива *писа-* состоит из двух элементов: из корня глагола *пис-* и «тематического гласного» *-а-*, являющегося «классовым показателем» глагола. Следовательно, глагольной основой, к которой присоединяются «суффиксы несовершенного вида», является в данном случае основа инфинитива без своего классового показателя: *перепис-*.

Вопрос «тематического гласного» или «классового показателя» (или «основообразующего суффикса», или «соединительного гласного») является слабым местом во всей теории славянского глагола. Все приведённые термины так или иначе описывают этот языковой элемент, но не вскрывают его функции. В чём сказывается функция «тематического гласного» или «классового показателя», если ряд глаголов обходится и без него (ср. *нес-тú*, *лез-ть*)? Обладает ли «классовый показатель» *-а-* каким-либо

значением, отличающим глаголы на *-ать* от глаголов на *-еть*, *-ить* или *-нуть*.[2]

С точки зрения современных славянских языков самостоятельное значение классовых показателей выявляется лишь в отдельных, сравнительно редких случаях. Семантическая разница между глаголом *белéть* («становиться белым») и глаголом *белúть* («делать белым»), т. е. разница между непереходным и переходным глаголом (со значением фактитивности) выражена, по-видимому, только качеством тематического гласного *е/и*. Семантическая разница между *тóпать* и *тóпнуть* (ср. *dupaĺ* и *dupnúť*) связана с наличием двух разных классовых показателей *а/ну*. Можно утверждать, что глаголы *брóсить* (сов.) и *броса́ть* (несов.) или *кóнчить* (сов.) и *конча́ть* (несов.) формально отличаются друг от друга только своим классовым показателем, который в данном случае может быть истолкован как некий «показатель вида». Но всё это лишь частные случаи. У большинства русских, а также словацких или чешских, глаголов, например, *чита́ть*, *смотре́ть*, *учúть*, *верну́ть*, *рисова́ть*, *держа́ть* классовый показатель лишён какой-либо самостоятельной (лексической или грамматической) семантики.

В индоевропейском праязыке классовые показатели обладали ещё своим специфическим значением: так, например, фактитивные глаголы (со значением «делать чем-либо или каким-либо») входили в определённый глагольный класс, формальный показатель которого и служил выразителем фактитивного значения. Эти старые отношения улавливаются в отдельных случаях ещё и на почве современных славянских языков. Русский глагол *пои́ть* ‚paráj'at' является фактитивным образованием к глаголу *пить* (*пои́ть* — «заставлять пить»). Формально эти глаголы соотнесены между собой старым аблаутом, т. е. качественным чередованием коренной гласной *е/о*, а также наличием классового показателя *-i-* (**ei*) у фактитивного глагола; ср. индоевроп. **pei-ti* > *пить* и **poi̯-i-ti* > *пои́ть*. Точно такое же соотношение имеется между глаголами *умори́ть* (<**u-mor-i-ti*) «заставить умереть» и *умере́ть* (<**u-mer-ti*); ср. ещё слвц. *žiť* (<**gei-ti*) и *hojiť* (<**goi̯-i-ti*) в фактитивном значении «сделать так, чтобы зажило». Общее значение фактитивности до сих пор связано в славянских языках с классовым показателем *-i-* у глаголов, образованных от прилагательных (в положительной или сравнительной степени), ср. *холоди́ть* «делать холодным», *смягчи́ть* «сделать более мягким», *улу́чшить* «сделать лучше», *пони́зить* «сделать ниже» и т. п. Но в подавляющем большинстве случаев исконное значение классовых показателей выветрилось. Вот почему классовые показатели могли быть использованы в качестве чисто формальных показателей в системе нового славянского видообразования.

Теперь нам надо будет остановиться на самих «суффиксах несовершенного вида», приводимых во всех учебниках и пособиях. Если в Акад. грамматике (или в любом другом пособии по современному русскому языку) русские глаголы распре-

деляются по (продуктивным и непродуктивным) классам, то принципом такой классификации служат всегда именно классовые показатели *-а-*, *-е-*, *-и-*, *-ну-* и т. д. «К подклассу I *А* продуктивного класса принадлежит многочисленная группа глаголов, оканчивающихся в неопределённой форме на *-ать (-ять)*, а в форме 3-го лица множественного числа настоящего-будущего времени на *-ают (-яют)*», говорится в Акад. грамматике (I 534). По-видимому, элемент *-ать (-ять)* здесь трактуется как глагольное окончание. Но оказывается, что элемент *-а-* (входящий в состав концовки *-ать*) должен быть истолкован то как «суффикс» *(обе́д-а-ть)*, то как «часть суффикса» *(найгр-ыва-ть)*, в некоторых случаях, наконец, как «конечный гласный непроизводной основы» *(зна-ть)* (там же). Нам представляется, что классовый показатель остаётся во всех случаях именно классовым показателем: в глаголах типа *обе́д-ать* и *найгрыв-ать* элементы *-ать* тождественны: их функцией является отнесение глагола к определённой парадигме, к определённому глагольному классу. Вот почему мы не можем согласиться с выделением «суффиксов» несовершенного вида *-ыва- (-ива-)*, *-ва-* и *-а- (-я-)*, фигурирующих во всех пособиях.

Самым общим признаком всех[1] вторичных глаголов нс/в является их принадлежность к I продуктивному классу, характеризуемому показателем *-а-/-я-*. Это общее правило имперфективации можно сформулировать так:

> Вторичные глаголы несовершенного вида, образованные от приставочных глаголов совершенного вида, входят в состав I продуктивного класса на -ать -аю -ает/-ять -яю -яет.

В сопоставительном плане это правило особенно важно, ибо в словацком и чешском языках наиболее распространённым приёмом образования вторичных глаголов несовершенного вида является их включение в класс глаголов на *-ovať*, *-ujem* (чеш. *-ovat*, *-uji*), ср. слвц. *prepísať//prepis-ovať* (ср. стр. 47).

Против выделения «суффиксов» типа *-ыва-*, *-ва-* или *-а-* говорит ещё одно соображение. О «суффиксах» этого типа приходится говорить только

[1] Мнимым исключением является небольшая группа глаголов передвижения типа *принести́//приноси́ть*, *привезти́//привози́ть*, *прийти́//приходи́ть*, *привести́//приводи́ть* и т. п., ср. стр. 325 и сл.

применительно к основам инфинитива (*перепис-ыва-ть*, *перепис-ыва-л* и т. п.). В основах настоящего времени появляется другой «суффикс», а именно *-ываj-*, *-ваj-* и *-аj-*, ср. *перепис-ываj-у*, *выши-ваj-у*, *ответч-аj-у* и т. п. При соблюдении точной формулировки пришлось бы говорить о чередующихся суффиксах (или о «алломорфах») типа *-ыва-//ываj-*, *-ва-//ваj-*, *-а//-аj-* и т. д. При нашей трактовке вопроса эта неточность избегается. Отнесённость к I продуктивному классу предполагает чередование основ типа *чита-* (в формах основы инфинитива) и *читаj-* (в формах основы настоящего времени).

Вынося классовый показатель *-а- (-я-)*, так сказать, за скобки, мы получаем суффиксы *-ыв-/-ив-* и *-в-*, ср. *перепи́с-ыв-ать*, *выу́ч-ив-ать*, *выши-в-а́ть*.

Этим, однако, не исчерпываются все случаи образования вторичных глаголов нс/в. В некоторых случаях появляется ещё один суффикс *-ев-* [-ıв-], ср.:

продл-и́ть — *продл-ев-а́ть* ‚predĺžiť, predlžovať'
обу-я́ть — *обу-ев-а́ть* ‚zmocniť sa, zmocňovať sa'
затм-и́ть — *затм-ев-а́ть* ‚zatemniť, zatemňovať'
застря́ть — *застр-ев-а́ть* ‚uviaznuť, viaznuť'.

Этот суффикс в пособиях почему-то не приводится.[1]

На основании морфематического разбора приёмов суффиксальной имперфективации мы пришли к следующим общим выводам:

1. Все вторичные глаголы нс/в (за исключением некоторых глаголов перемещения) входят в состав I-го продуктивного класса глаголов на **-ать -аю -ает (-ять -яю -яет)**.

2. Окончания I-го продуктивного класса присоединяются к глагольному корню, т. е. к основе минус тематический гласный.[2]

---

[1] В Академической грамматике говорится, что глаголы типа *застря́ть* или *затми́ть* образуют формы несовершенного вида на *-евать* (I 454). Здесь сказывается вся непоследовательность «выделения» имперфективирующих суффиксов. Если в глаголах типа *застрева́ть* или *затмева́ть* «выделять» суффикс *-евать*, то в глаголах типа *перепи́сывать* пришлось бы выделить суффикс *-ывать/-ивать* (а не *-ыва-/-ива-*, как это делается в Акад. грамм.), а также в глаголах типа *вышива́ть* — суффикс *-вать* (а не *-ва-*, как это делается в Акад. грамм.).

[2] Единственным, но важным исключением являются глаголы III класса на *-овать/-евать*, где суффикс *-ыв-* присоединяется не непосредственно к корню глагола, а к корню, расширенному элементом *-ов-*, ср. *разрисова́ть//разрисо́в-ыв-ать*.

3. Основа вторичных глаголов нс/в может быть расширена следующими суффиксами:

а) суффиксом **-ыв-/-ив-**, например: *перепи́с-***ыв-***ать*, *выу́ч-***ив-***-ать*;

б) суффиксом **-в-**, например: *зали-***в-***а́ть* (к *зали́-ть*), *раздо-***в-***а́ть* (к *разду́-ть*);[1]

в) суффиксом **-ев-**, например: *затм-***ев-***а́ть* (к *затм-и́ть*).

4. Многие вторичные глаголы нс/в образуются при помощи их перевода в I продуктивный класс без всякого суффикса, например: *изуч-а́ть* (к *изуч-и́ть*), *умал-я́ть* (к *умали́ть*).

5. Ударение вторичных глаголов нс/в падает на слог, находящийся непосредственно перед суффиксом *-ыв-/-ив-*, например: *перепи́с-ыв-ать*, *пока́з-ыв-ать*, *приготáвл-ив-ать*. Во всех остальных случаях ударение падает на тематический гласный **-а́-** (**-я́-**), например: *выши-в-а́ть*, *разли-в-а́ть*, *разду-в-а́ть*, *затм-ев-а́ть*, *изуч-а́ть* и т. п.

Имперфективация посредством суффикса *-ыв-/-ив-*

Наиболее продуктивным приёмом имперфективации является присоединение к глагольному корню суффикса *-ыв-/-ив-*. Этот суффикс, не имеющий прямого соответствия в словацком или в чешском языках,[2] используется в русском языке не только для образования вторичных форм нс/в от приставочных глаголов с/в (тип *рассказа́ть//расска́зывать*), но и для образования бесприставочных многократных глаголов (тип *ходи́ть — ха́живать*), а также для образования целого ряда глагольных совершаемостей (нс/в *ходи́ть — расха́живать*, *ка́шлять — пока́шливать*,

---

[1] У глаголов типа *дава́ть* (а также *-знава́ть*, *-става́ть*) о суффиксе *-в-* можно говорить лишь в отношении к формам основы инфинитива (напр. *разда́-ть//разда-в-а́ть*, *призна́-ть//призна-в-а́ть*, *уста́-ть//уста-в-а́ть*), а также в императиве *(разда-в-а́й)*, в деепричастии *(разда-в-я́)*, и в страдательном причастии настоящего времени *(разда-в-а́емый)*. В остальных формах основы настоящего времени имеется суффикс *-j-*, ср. *разда́-ть — равда-j-у́*, *разда́-ть — разда-j-у́щий*.

[2] Этот суффикс широко применяется в польском языке, ср. *przepisywać*. *oblizywać* и т. п.

плясáть — припля́сывать). В данной главе мы в первую очередь будем иметь в виду употребление суффикса *-ыв-/-ив-* в системе русского видообразования.

Формы *-ыв-* и *-ив-* являются лишь графическими разновидностями (вариантами) одного суффикса. В общих курсах по русской грамматике обычно указывается, что «различие в этом суффиксе гласных *ы* — *и* зависит от твёрдости или мягкости предшествующего согласного, относящегося к основе» (Совр. русск. яз. 1952, 318). Такая формулировка только повторяет общее орфографическое правило, согласно которому после твёрдых согласных пишется *-ы*, а после мягких — *-и*. Дело гораздо сложнее: сама эта твёрдость или мягкость последнего согласного основы зависит от целого ряда обстоятельств. С точки зрения иностранца, изучающего русский язык, вопрос качества конечного согласного корня, т. е. наличие или отсутствие чередований в консонантизме глагольной основы, представляет значительные затруднения. Речь здесь идёт, следовательно, не о «выборе» между двумя возможными вариантами суффикса *-ыв-/-ив-*, а о правильном оформлении самой глагольной основы.

Для того, чтобы ориентироваться в морфологических приёмах образования вторичных имперфективных глаголов на *-ыв-/-ив-*, следует иметь в виду: (1) место ударения; (2) чередования в вокализме основы; (3) чередования в консонантизме основы.

(1) Ударение всегда лежит на слоге, непосредственно предшествующем суффиксу *-ыв-/-ив-*, независимо от места ударения исходного глагола с/в, ср.:

переписáть//перепи́сывать *вы́писать//выпи́сывать*
передéлать//передéлывать.

(2) В корневóм вокализме глаголов наблюдаются чередования типа *о/а* и *е/ё*.

Чередование о/а. Если перфективный глагол, от которого образован соответствующий глагол нс/в, имеет ударение на окончании, корневое *о* при имперфективации всегда переходит в *á* ударяемое, ср.:

спроси́ть//спра́шивать *вдолби́ть//вда́лбливать*
надломи́ть//надла́мливать *отопи́ть//ота́пливать* и т. п.

Чередование *о/а́* в этих случаях не только графическое. Ведь согласно правилам «аканья» безударное *о* в *спроси́ть* звучит как *а* [spraśíć'], но в других формах в корне выступает [о], ср. *спро́сит, спро́шенный.*

Отклонением от этого правила являются глаголы III класса на *-овать*. Независимо от места ударения глагола с/в, соответствующий глагол нс/в сохраняет ударяемое *о́*, ср. *разрисова́ть// разрисо́вывать, обоснова́ть//обосно́вывать.*

У глаголов с/в с приставкой *вы́-*, всегда носящей ударение, следует исходить из бесприставочного глагола. Если бесприставочный глагол имеет ударение на концовке, то корневое *о* такого глагола переходит в *а́*, ср.:

вы́долбить//выда́лбливать (ср. *долби́ть*)
вы́молить//выма́ливать (ср. *моли́ть*)
вы́носить//вына́шивать (ср. *носи́ть*) и т. п.

Если приставочный глагол с/в, от которого образован вторичный имперфективный глагол, имеет ударение на корневом *о́*, то при имперфективизации возможны два случая:

а) чередование *о́/а́* имеет ме́сто:

зарабо́тать//зараба́тывать
успоко́ить//успока́ивать
зако́нчить//зака́нчивать
приспосо́бить//приспоса́бливать
удво́ить//удва́ивать
устро́ить//устра́ивать
присво́ить//присва́ивать
вы́строить//выстра́ивать (ср. *стро́ить*).

Этот тип является, по-видимому, вполне продуктивным. В литературе XIX и XX вв. встречаются вторичные имперфективные глаголы этого типа с сохранением корневого *о́* (напр. *устро́ивать, удосто́ивать, оспо́ривать* и т. п.); в современном языке они вытеснены формами *устра́ивать, удоста́ивать,*

оспа́ривать. Чередование *о́/а́* вообще является живым, продуктивным приёмом имперфективации. В разговорном языке сплошь и рядом попадаются формы типа *сосредота́чивать*, *подыта́живать*, *обусла́вливать* и т. п. Однако литературная норма отвергает такие формы. Корневое *о́* сохраняется в целом ряде глаголов, по большей части относящихся к книжной лексике;

б) корневое *о* сохраняется:

обеспоко́ить//обеспоко́ивать	*узако́нить//узако́нивать*
обусло́вить//обусло́вливать	*приуро́чить//приуро́чивать*
уполномо́чить//уполномо́чивать	*разро́знить//разро́знивать*
подзадо́рить//подзадо́ривать	*смо́рщиться//смо́рщиваться*
опозо́рить//опозо́ривать	*уско́рить//уско́ривать* и др.
опоро́чить//опоро́чивать	

Чередование *е/ё*. Чередование *е/ё* чаще встречается у глаголов с суффиксальным вариантом *-ыв-*, что, в свою очередь, связано с твёрдостью согласного после *-е-*. Как известно, *е* переходило в *ё* именно перед твёрдыми согласными, ср.:

причеса́ть//причёсывать	*размета́ть//размётывать*
обтеса́ть//обтёсывать	*растрепа́ть//растрёпывать*
заклепа́ть//заклёпывать	*захлестну́ть//захлёстывать*
сверста́ть//свёрстывать	*отвоева́ть//отвоёвывать*
подседла́ть//подсёдлывать	*перекочева́ть//перекочёвывать*

У глаголов с суффиксом *-ив-* гласный *е*, как правило, сохраняется под ударением, ср.:

дочерти́ть//дочёрчивать	*долечи́ть//долёчивать*
расцени́ть//расцёнивать	*подмени́ть//подмёнивать*
насверли́ть//насвёрливать	*удержа́ть//удёрживать*
забели́ть//забе́ливать	*подстрели́ть//подстре́ливать*
отцеди́ть//отцёживать	*проследи́ть//просле́живать.*

Отклонения от этой общей тенденции единичны: *отлежа́ться//отлёживаться.*

Приведённые указания имеют чисто ориентировочное значение, не являясь «правилом».

(3) Чередование консонантизма основы.

В формах нс/в с суффиксом *-ыв-/-ив-* согласный основы либо сохраняется *(переписáть//перепúсывать)*, либо чередуется с соответствующим «смягчённым», resp. «твёрдым» согласным. Практически встречаются следующие типы чередования: *т'/ч, д'/ж, ст'/щ, зд'/зж, с'/ш, з'/ж*, губные *б', п', м', в', ф'/бл'*..., а также «обратное» чередование *ч/к, ж/г*. «Выбор» одного из вариантов суффикса *-ыв-/-ив-* всецело зависит от наличия или отсутствия, а также от качества чередований последнего согласного основы инфинитива. Напомним, что в ряде случаев вариант *-ив-* обусловлен общими орфографическими правилами: после *ж, ч, ш, щ*, а также после *г, к, х* всегда пишется *-ив-*, ср.:

разбры́згать//разбры́згивать	*обслужи́ть//обслу́живать*
вы́тащить//вытáскивать	*вы́учить//вы́учивать*
обню́хать//обню́хивать[1]	*вы́слушать//выслу́шивать*

Само же появление тех или иных согласных в основе вторичных глаголов нс/в зависит от ряда довольно сложных и не всегда поддающихся синхронному объяснению обстоятельств.

Для систематического разбора материала удобнее всего будет разбить глаголы по классам. На каждый простой глагол приводится обычно лишь одно приставочное образование.

I *(продуктивный) класс.* Твёрдость или мягкость последнего согласного корня сохраняется во всех случаях. Глаголы на *-ать* образуют имперфективные формы на *-ыв-*, глаголы на *-ять* принимают суффикс *-ив-*, ср.:

вариант *-ыв-*	вариант *-ив-*
прочитáть//прочи́тывать	*разменя́ть//разме́нивать*
задéлать//задéлывать	*расстреля́ть//расстре́ливать*
обду́мать//обду́мывать	*приравня́ть//прира́внивать*.

В глаголах типа *спать* последним согласным основы является *-j* («всегда мягкое»); вторичные имперфективные глаголы образуются посредством суффикса *-ив-*, ср.

спать//спáивать.

[1] В старом московском произношении, а также в произношении сценическом, глаголы на *-гивать, -живать, -хивать* произносятся с твёрдым согласным, т. к. здесь вместо *и* произносится [ə], ср. *вытáскивать* [vytáskəvəʦ'].

II *(продуктивный) класс.* Глаголы этого класса почти не образуют форм вторичного несовершенного вида с суффиксом *-ыв-/-ив-*. Редким исключением является глагол

вы́здороветь//выздора́вливать

III *(продуктивный) класс.* Особенность данного класса заключается в том, что суффикс *-ыв-* присоединяется не непосредственно к корню глагола (ср. *рис-ова́ть*), а к корню, расширенному элементом *-ов-* или *-ёв-*, например:

разрис-ова́ть//разрисо́в-ыв-ать[1]
размеж-ева́ть//размежёв-ыв-ать

Сохранение элементов *-ов-*, *-ёв-* отчасти объясняется, по-видимому, влиянием глаголов типа *кова́ть*, *сова́ть*, *снова́ть* и *жева́ть*, *плева́ть*, *клева́ть*, где элемент *-ов-/-ёв-* относится к корню, ср.:

подкова́ть//подко́в-ыв-ать — *заплева́ть//заплёв-ыв-ать*
рассова́ть//рассо́в-ыв-ать — *разжев-а́ть//разжёв-ыв-ать*
обоснова́ть//обосно́в-ыв-ать — *расклева́ть//расклёв-ыв-ать*

Тип живой и продуктивный.

IV *(продуктивный) класс.* Образование имперфективных глаголов от приставочных глаголов данного класса осложнено целым рядом обстоятельств. Дело в том, что исходными глаголами здесь не являются глаголы на *-нуть* с однократным значением, которые сами являются вторичными образованиями от других глаголов, чаще всего от глаголов на *-ать*. Так, например, глагол *ки́нуть* ‚hodiť' является однократным образованием к глаголу *кида́ть* ‚hádzať, kydať'. Последний согласный основы **kyd-* перед согласным *-n-* суффикса *-nǫti* выпал ещё в доисторическую эпоху *(*kydnǫti > *kynǫti > ки́нуть)*. Но при образовании вторичного имперфективного глагола к приставочному глаголу *раски́нуть* этот корневой согласный снова появляется, ср. *раски́нуть//раски́дывать*. Процесс вторичного видообразования осложняется ещё и тем, что форма *раски́дывать* соотнесена не только с глаголом *раски́нуть* ‚rozhodiť', но и с глаголом *раскида́ть* ‚rozhádzať', ср.:

раски́нуть (ру́ки) ↘
раскида́ть (се́но) ↗ *раски́дывать (ру́ки, се́но)*

[1] Ср. аналогичные формы типа *przysowywać* в польском языке.

В своей содержательной статье, посвящённой вторичной имперфективации в русском языке, В. Гиртельшмид показала, что глаголы типа *раскúд-ывать* образовывались первоначально только к глаголам на *-ать* (типа *раскидáть*) и лишь позже вошли в новую видовую корреляцию с глаголами на *-нуть* типа *кúнуть*.[1] Такое предположение вполне правдоподобно, т. к. фонетическая утрата смычных согласных перед *-н* во всяком случае старше,[2] чем образование глаголов на *-ывать/-ивать*. С точки зрения языковой синхронии чередование основ типа *ки-/кид-* является немотивированным. Тем не менее последовательное сравнение глаголов на *-нуть* с соответствующими глаголами на *-ать* помогает восстановить исконный консонантизм. В ряде случаев соответствующие глаголы на *-ать* утрачены в литературном языке, но сохранились в русских диалектах, а также в словацком языке, ср.:

закúнуть//закúдывать — (ср. *кидáть*)
задёрнуть//задёргивать — (ср. дёргать)
затрóнуть//затрáгивать — (ср. *трóгать*)
стúснуть//стúскивать — (ср. *тúскать*)
вспрúснуть//вспрúскивать — (ср. *прúскать*)
всполоснýть//всполáскивать — (ср. *полоскáть*)
заглянýть//загля́дывать — (ср. диал. *глядáть* [Даль], слвц. *hľadať*)
притянýть//притя́гивать — (ср. диал. *тягáть* [Даль], слвц. *ťahať*, ср. также литературное *тягáться*)
развернýть//развёртывать — (ср. диал. *вертáть* [Даль], слвц. *vŕtať*).

Генетическая связь вторичных имперфективных глаголов на *-ыв-/-ив-* именно с глаголами на *-ать* (а не с глаголами на *-нуть*) подтверждается также такими случаями, как

---

[1] Věra Girtelschmidová: Přípona -ыва/-ива v ruštině, Sovětská jazykověda 5 (1955) 5/6, 386.

[2] Здесь имеются в виду такие случаи, как *вя́нуть* (<**vęd-nǫti*), *сги́нуть* (<**sъ-gyb-nǫti*), *ка́нуть* (<**kap-nǫti*), *усну́ть* (<**u-sъp-nǫti*), *стúснуть* (*sъ-tisk-nǫti*) и т. п.

всу́нуть//всо́вывать — (ср. *сова́ть*)[1]
склю́нуть//склёвывать — (ср. *клева́ть*)
слю́нуть//слёвывать — (ср. *плева́ть*)

Совершенно очевидно, что форма типа *всо́вывать* не могла быть образована непосредственно от формы типа *всу́нуть*.

К более новому пласту глаголов на *-нуть* относятся многочисленные образования с сохранением корневого консонантизма. Эти глаголы возникли уже в эпоху, когда фонетический закон об утрате согласного перед *-н* перестал действовать, ср.:

взви́зг-нуть//взви́зг-ивать
захло́пнуть//захло́пывать
захлебну́ться//захлёбываться и мн. др.

Во всех приведённых случаях корневой согласный сохраняет свою исконную твёрдость. Вторичные имперфективные глаголы этого типа образуются посредством суффикса *-ыв-* (после задненёбных *-ив-*).

В некоторых случаях твёрдому согласному перед суффиксом *-нуть* соответствует в формах несовершенного вида мягкий согласный, к которому присоединяется суффикс *-ив-*, ср.:

вы́швырнуть//вышви́ривать — (ср. *швыря́ть*)
пронырну́ть//проны́ривать — (ср. *ныря́ть*)
вы́ковырнуть//выковы́ривать — (ср. *ковыря́ть*)

Мягкость корневого согласного в глаголах типа *вышви́ривать* объясняется, по-видимому, генетической связью этих глаголов с соответствующими глаголами на *-ять* (типа *швыря́ть*).[2]

V *(продуктивный) класс.* Вторичные имперфективные формы приставочных глаголов этого класса образуются либо без суффикса при помощи перевода в I продуктивный класс (тип *отве́тить//отвеча́ть*, см. ниже), либо посредством суффикса *-ыв-/-ив-*.

Если корень исходного глагола на *-ить* кончается на *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, на мягкое *н'*, *л'*, *р'* или на *j*, то вторичные имперфективные формы принимают суффикс *-ив-*, ср.:

---

[1] С точки зрения праславянского языка корень глаголов *су́нуть* и *сова́ть* фонетически идентичен: **sou-nǫti* — **sǫ-ati*. Дифтонг **ou* перед согласным переходил в монофтонг *-u (*sounǫti > sunǫti)*, перед гласным дифтонг **ou* давал *ov (*sǫati > sovati)*.

[2] V. Girtelschmidová: цит. соч. 386.

зако́нчить//зака́нчивать *раздари́ть//разда́ривать*
обсуши́ть//обсу́шивать *уси́лить//уси́ливать*
оцени́ть//оце́нивать *устро́ить//устра́ивать* и т. п.

У глаголов, корень которых оканчивается на другой согласный, чередование консонантизма является правилом, ср.:

уплати́ть//упла́чивать *развёсить//развёшивать*
разгла́дить//разгла́живать *заморо́зить//замора́живать*
отрасти́ть//отра́щивать *приспосо́бить//приспоса́бливать*
вы́ездить//вы́езживать *откорми́ть//отка́рмливать*

и т. п.

Тип с чередованием консонантизма следует считать продуктивным. Новые глаголы, входящие в язык, образуются именно по этому типу, ср. *намагни́тить//намагни́чивать* (к существительному *магни́т*), *унаво́зить//унава́живать* (к существительному *навоз* ‚hnoj'‘).

Немногочисленные глаголы, отклоняющиеся от этого общего правила, требуют комментария. Будем различать два типа:

а) Тип *забро́сить//забра́сывать:* ожидаемое чередование *с/ш* отсутствует. Бесприставочный глагол *бро́сить*, от которого образован приставочный глагол *забро́сить*, имеет значение совершенного вида и соотнесён с бесприставочным глаголом нс/в на *-ать*, ср. *бро́сить//броса́ть*. Приставочные глаголы с/в могут быть образованы от обоих членов такой видовой пары, ср. *забро́сить (мяч)* ‚hodiť, zahodiť‘ и *забросáть (кого-л. цветáми)* ‚zahádzať, zasypať‘. Оба приставочных глагола — *забро́сить* и *забросáть* — соотнесены с омонимичными формами вторичного несовершенного вида, ср.:

забро́сить (мяч) // забра́сывать (мяч)
забросáть (цветáми) // забра́сывать (цветáми)

Можно предположить, что форма *забра́сывать* без чередования консонантизма правомерна лишь в видовой паре *забросáть//забра́сывать* и что она отсюда была перенесена в пару *забро́сить// забра́сывать* (вместо ожидаемого «забрашивать»).[1] Форма несовершенного типа *-бра́сывать* распространилась, наконец, и на такие приставочные образования глагола *бро́сить*, которые не имеют соответствий в сочетании с глаголом *броса́ть*, например:

[1] V. Girtelschmidová, цит. соч., 337

вы́бросить//выбра́сывать (а не «выбросать»), *отбро́сить//отбра́сывать* (а не «отбросать») и т. п.[1]

К этому типу относятся такие глаголы, как

захвати́ть//захва́тывать — (ср. *хвата́ть*)
закуси́ть//заку́сывать — (ср. *куса́ть*)
проглоти́ть//прогла́тывать — (ср. *глота́ть*)
надломи́ть//надла́мывать — (ср. *лома́ть*).

«Обратное» чередование *ч/к* имеется в глаголе

подскочи́ть//подска́кивать — (ср. *скака́ть*)

б) Вторую группу представляют собой глаголы типа *перетащи́ть//перета́скивать*, т. е. приставочные глаголы, образованные от «однонаправленного» глагола перемещения. Форма вторичного несовершенного вида типа *перета́скивать* образована не от «однонаправленного» глагола *тащи́ть*, а от «ненаправленного» глагола *таска́ть*. Глагол *перета́скивать* является соотнесённым с двумя глаголами:

перетащи́ть (шкаф) // перета́скивать (шкаф, шкафы)
перетаска́ть (все ве́щи) // перета́скивать (все ве́щи)

К этой группе относятся также глаголы:

закати́ть//зака́тывать — (ср. *ката́ть*)
откати́ть//отка́тывать и т. п.

В отдельных случаях наблюдается контаминация приёмов: разные приставочные глаголы от одного бесприставочного глагола образуют вторичные имперфективные формы то с чередованием консонантизма, то без него, ср.:

заломи́ть//зала́мливать и *зала́мывать*
обломи́ть//обла́мывать.

Напомним, что для V продуктивного класса характерны многочисленные колебания в «выборе» суффиксального или бессуффиксного типа образования форм вторичных имперфективных глаголов, ср.:

осмы́слить//осмысля́ть или *осмы́сливать*
подмени́ть//подменя́ть или *подме́нивать*
накопи́ть//накопля́ть или *нака́пливать*

[1] Существуют, однако, глаголы *вы́бросить* (с/в) „povyhadzovať" и *отбро́сать* (с/в) „poodhadzovať".

су́зить//сужа́ть или *су́живить*
загото́вить//заготовля́ть или *заготавливать* и мн. др.

VI *(непродуктивный) класс.* Вторичные имперфективные глаголы от приставочных глаголов этого класса образуются без чередования консонантизма, ср.:

переписа́ть//перепи́сывать *рассказа́ть//расска́зывать*
обглода́ть//обгла́дывать *облиза́ть//обли́зывать.*
отыска́ть//оты́скивать *растрепа́ть//растрёпывать*
и т. п.

Примыкающие к этому типу глаголы с согласным *-j* в корне (напр. *се́ять — sej-ать*) образуют в литературном языке вторичные имперфективные формы при помощи суффикса *-в-*, ср. *обве́ять//обвева́ть*, *засе́ять//засева́ть*, *зате́ять//затева́ть*. Наряду с этим в разговорном языке бытуют формы типа *засе́ивать*, *обве́ивать*, *зате́ивать*.

VII *(непродуктивный) класс.* Глаголы этого класса почти не образуют вторичных имперфективных глаголов. В редких случаях, когда всё-таки появляются соотнесённые видовые пары, имперфективные глаголы образуются при помощи варианта *-ив-*, ср.:

задержа́ть//заде́рживать
застоя́ться//засто́иваться
пролежа́ть//проле́живать
замолча́ть//замо́лчивать (перех.) ‚zamlčovať niečo'

VIII *(непродуктивный) класс.* В немногочисленных случаях, допускающих образования вторичных имперфективных глаголов, имеется вариант *-ив-*, ср.:

просмотре́ть//просма́тривать
засиде́ться//заси́живаться

IX *(непродуктивный) класс.* От глаголов этого класса формы на *-ыв-/-ив-* не образуются.

X *(непродуктивный) класс.* Можно привести следующие немногочисленные случаи:

обкра́сть//обкра́дывать *учёсть//учи́тывать*
вкра́сться//вкра́дываться *зачёсть//зачи́тывать*[1]

[1] С редким чередованием *е/и*.

присе́сть//присáживаться[1]
усе́сться//усáживаться

К глаголу *соскрести́* образуются вторичные имперфективные формы *соскребáть* и *соскрёбывать*.

Из глаголов, стоящих вне классов, лишь четыре глагола с «полногласным» инфинитивом (*молóть*, *порóть*, *полóть*, *колóть*) образуют вторичные формы нс/в при помощи суффикса *-ыв-*, ср.:

перемолóть//перемáлывать *переполóть//перепáлывать*
распорóть//распáрывать *расколóть//раскáлывать*,

а также *обмáлывать*, *откáлывать*, *отпáрывать* и т. п.

Приёмы имперфективации при помощи суффикса *-ыв-/-ив-* в сочетании с чередованиями вокализма и консонантизма глагольных основ отличаются значительным многообразием морфологических средств. Так как вторичные имперфективные глаголы являются формами соответствующих приставочных глаголов с/в, то перечисленные приёмы видообразования должны быть прочно усвоены в каждом индивидуальном случае.

Имперфективация посредством суффикса *-в-*

Суффикс *-в-* в русском языке не является продуктивным. Его сфера применения ограничена сравнительно немногочисленными глаголами, односложный корень которых оканчивается на гласный *-а*, *-е*, *-и*, *-ы* или *-у*. Имперфективные глаголы с суффиксом *-в-* входят в I продуктивный класс на *-áть* *-áю* *-áет* с ударением на *-á-*, ср.:

разбú-ть//разби-в-áть

Приведём в качестве иллюстрации:

Односложные глагольные корни на -а:	Односложные глагольные корни на -е:
да-ть//да-в-áть	*согрé-ть//согре-в-áть*
узнá-ть//узна-в-áть	*успé-ть//успе-в-áть*
вста-ть//вста-в-áть	*допé-ть//допе-в-áть*
	одé-ть//оде-в-áть

[1] Здесь имеется старое чередование *ē/ō* (*сѣсти* < **sēd-ti*, *садити* < **sōd-iti*).

Односложные глагольные корни на -и:	Односложные глагольные корни на -ы:
разби́-ть//разби-в-а́ть	*умы́-ть//умы-в-а́ть*
заши́-ть//заши-в-а́ть	*покры́-ть//покры-в-а́ть*
зажи́-ть//зажи-в-а́ть	*забы́-ть//забы-в-а́ть*
разви́-ть//разви-в-а́ть	*уплы́-ть//уплы-в-а́ть*

Односложные глагольные корни на -у:

обу́-ть//обу-в-а́ть
разду́-ть//разду-в-а́ть и т. п.

У приставочных глаголов к *-се́ять* и *-ве́ять* (*за-*, *на-*, *рас-/раз-*) и у глагола *зате́ять* при имперфективации происходит чередование согласных *-j/-в*, ср.:

сов.	несов.
засе́j-ать	*засе-в-а́ть*
разве́j-ать	*развe-в-а́ть*
зате́j-ать	*зате-в-а́ть*.

Корень этих глаголов оканчивается не на гласный, а на согласный *-j*. Приведённые глаголы образуют также менее литературные формы нс/в на *-ивать*, ср. *засе́ивать*, *зате́ивать* (см. стр. 191).

По своему происхождению суффикс *-в-* является вставным («эпентетическим») звуком, «устранителем хиатуса». При переводе корня **da-* (в глаголе *da-ti*) в тематический класс на *-ati* должна была бы получиться форма *da-ati* с хиатусом. Славянские языки, как правило, не терпят хиатуса и устраняют его там, где он возникает в новообразованиях. На стыке двух гласных появляется паразитический, вставной звук *-j-* *(-j-)* или *-ŭ-* *(-v-)*. В одних славянских языках хиатус в **daati* был устранён посредством паразитического звука *-j-* (ср. старосл. *даяти*, ср. *даяние;* старослав. *дѣяти*, ср. *благодеяние*; *одеяние*; глаголы *вопи́-ть* — *вопия́ть* и т. п.), в других славянских языках хиатус был устранён при помощи согласного *-в-*, ср. русск. *дава́ть*, слвц. *dávať*[1]. В русском языке формы с *-j-* в инфинитиве

[1] Между тем как в словацком или в чешском языках вставное *-v-* проникло во все формы парадигмы (ср. *dávať* — *dávam*), в русском языке формы с *-j-* сохранились в настоящем времени, ср. *да-в-а́ть*, но *да-j-ý (даю́)*, *да-j-ёш (даёшь)* и т. д. Ср. сербохорв. *дáвати* — *дájēм*; в словинском языке *-j-* сохраняется во всей парадигме: *izdajati prodajati*.

представлены исключительно только заимствованиями из церковнославянского, напр. *влия́ть* ‚vplývať' (первоначально несов. вид к *вълити*) при русском *влить//вли́вать* ‚vlievať'. В словацком языке сохранилось несколько глаголов с суффиксом *-j-*, соответствующих русским глаголам с суффиксом *-в-*, ср.:

разби́-ть//разби-в-а́ть — *rozbi-ť//rozbí-j-at'*
разви́-ть//разви-в-а́ть — *rozvi-ť//rozví-j-at'*
запи́-ть//запи-в-а́ть — *zapi-ť//zapí-j-at',*

но:

приши́-ть//приши-в-а́ть — *priši-ť//priší-v-at'* и т. п.

Имперфективация посредством суффикса *-ев-*

Суффикс *-ев-* применяется главным образом при имперфективации глаголов II-го продуктивного класса на *-еть -ею -еет*, ср. *забол-е́ть//забол-ев-а́ть (za-bol'-ev-at')*.

В пособиях по русской грамматике, в частности в Академической грамматике, говорится, что глагол несовершенного вида типа *заболева́ть* образован от глагола *заболе́ть* посредством суффикса *-ва-* (I 452). Такое утверждение основано на явном недоразумении.

Мы видели, что имперфективирующие суффиксы присоединяются непосредственно к корню глагола, а не к его основе, т. е. к корню, расширенному тематическим гласным. Это с полной очевидностью вытекает из морфематического анализа таких глаголов, как

приде́л-ать//приде́л-ывать (корень *-дел-*)
перепис-а́ть//перепи́с-ывать (корень *-пис-*)
приши́-ть//приши-в-а́ть (корень *-ши-*)
согре́-ть//согре-ва́ть (корень *-гре-*) и т. п.

Если бы имперфективирующий суффикс *-ыв-/-ив-* присоединялся не прямо к корню, а к глагольной основе, т. е. к корню плюс тематический гласный, то вместо форм *приде́л-ыв-ать* или *перепи́с-ыв-ать* получились бы совершенно абсурдные формы типа «придела-ывать» или «переписа-ывать».

Применяя те же критерии к морфематическому анализу глагола *заболе́ть*, мы получаем следующую картину:

префикс	корень	темат. гласный	показатель инфинитива
за	*бол*	*е*	*ть*

Морфематический анализ глагола несовершенного вида вскрывает следующие морфемы:

префикс	корень	суффикс	темат. гласный	показатель инфинитива
за	*бол*	*ев*[*iv*]	*а*	*ть*

Выше уже неоднократно говорилось о том, что при имперфективации все глаголы, как правило, попадают в I продуктивный класс на *-ать -аю -ает*. В глаголе *заболева́ть* выделяется, следовательно, элемент *-ать*, состоящий из тематического гласного *-а-* и из грамматического показателя инфинитива *-ть*, и имперфективирующий суффикс *-ев-*, присоединяемый к корню глагола.[1] Ни о каком «суффиксе *-ва-*», как видно, говорить не приходится.

Примеры имперфективации глаголов II класса:

овлад-е́ть//овлад-ев-а́ть *запечатл-е́ть//запечатл-ев-а́ть*
запот-е́ть//запот-ев-а́ть и мн. др.

Имперфективирующий суффикс *-ев-* распространился и на некоторые глаголы, не входящие во II продуктивный класс. Ср. *затм-и́ть//затм-ев-а́ть*, *застря́-ть//застр-ев-а́ть*, простор. *встря-ть//встр-ев-а́ть*, *продл-и́ть//продл-ев-а́ть*, *обу-я́ть//обу-ев-а́ть*. Частичная продуктивность этого суффикса в таких некнижных глаголах, как *продлева́ть* или *застрева́ть (встрева́ть)*, является лишним доказательством морфематической его выделяемости.

[1] В живом произношении суффикс, представленный графикой *-ев-*, звучит [-iv-]; т. о. глаголы типа *забол-ева́ть* /zabal'-ivat'/ имеют, в сущности, тот же суффикс /-ivat'/, что и глаголы типа *усы́л-ивать* /us'il'-ivat'/.

Бессуффиксная имперфективация

К бессуффиксной имперфективации мы относим все случаи имперфективации типа *обучи́ть//обуча́ть* или *погибнуть//погиба́ть*. Основным формальным приёмом имперфективации служит в этих случаях перевод глаголов разных классов в I продуктивный глагольный класс на *-а́ть -а́ю -а́ет*. Элемент *-а́-* в глаголе *обуч-а́-ть* не является «суффиксом» (как это утверждается в пособиях по русской грамматике), а тематическим гласным данного класса. С точки зрения современного русского языка в составе глаголов типа *обуча́ть* или *погиба́ть* никакого «суффикса *-а-*» выделить нельзя.

С исторической точки зрения можно различать бессуффиксные образования на *-ati* (напр. **po-gyb-ati*) и образования с суффиксом *-j-* (напр. **po-vys-j-ati* > *povyšati*). В результате фонетических изменений суффикс *-j-* слился с предшествующим согласным и проявляется в настоящее время лишь в чередовании консонантизма глагольного корня, ср. *отве́тить// отвеча́ть (<*ot-vět-j-ati)*.

В целях систематизации удобно будет разбить исходные глаголы по классам и группам.

V *(продуктивный) класс.* Подавляющее большинство глаголов, образующих бессуффиксные формы несовершенного вида на *-а́ть*, относится к V классу на *-ить*.

Встречающиеся здесь чередования в консонантизме глагольного корня приведены в отделе парадигматики (см. стр. 63—66). Отметим, что бессуффиксная имперфективация характерна для «книжных» глаголов церковнославянского происхождения с типичным для них чередованием *т'/щ* и *д'/жд*, ср. *сократи́ть//сокраща́ть*, *предупреди́ть//предупрежда́ть*.

В составе глаголов V класса, образующих бессуффиксные формы вторичного несовершенного вида, можно выделить несколько групп:

а) Исходный глагол совершенного вида является приставочным образованием от простого глагола несовершенного вида, например:

разгрузи́ть//разгружа́ть (ср. *грузи́ть* несов.)
изме́рить//измеря́ть (ср. *ме́рить* несов.)
обучи́ть//обуча́ть (ср. *учи́ть* несов.) и мн. др.

б) Исходный глагол совершенного вида является приставочным образованием от простого глагола совершенного вида, соотнесённого с бесприставочным глаголом несовершенного вида на **-ать//-ять**, например:

отпусти́ть//отпуска́ть (ср. *пусти́ть//пуска́ть*)
разреши́ть//разреша́ть (ср. *реши́ть//реша́ть*)
поступи́ть//поступа́ть (ср. *ступи́ть//ступа́ть*)
появи́ться//появля́ться (ср. *яви́ться//явля́ться*).

Число таких глаголов ограничено. О видовых парах типа *забро́сить//забра́сывать*, *захвати́ть//захва́тывать* и т. п. (см. стр. 189). Ср. также глаголы *зако́нчить//зака́нчивать*, *око́нчить//ока́нчивать* (но: *ко́нчить//конча́ть*).

в) Соответствующий бесприставочный глагол отсутствует. К этой группе относятся почти все глаголы церковнославянского происхождения, а также отымённые образования, например:

победи́ть//побежда́ть (нет глагола «веди́ть»)
истреби́ть//истребля́ть (нет глагола «треби́ть»)
распредели́ть//распределя́ть
уничто́жить//уничтожа́ть и мн. др.

К этой же группе относятся и многочисленные глаголы чисто русского происхождения, ср. *отве́тить//отвеча́ть*, *отличи́ть//отлича́ть*, *снабди́ть//снабжа́ть* и мн. др.

Приём бессуффиксного образования форм нс/в в словацком языке хорошо известен. Чередования консонантизма глагольного корня подчинены нормам западнославянских фонетических законов, ср. *zavrátiť//zavracať*, *odpustiť//odpúšťať*, *zradiť//zrádzať* и т. п. Корневой гласный имперфективного глагола обычно удлиняется, ср. *ponoriť//ponárať*. Бессуффиксные формы вторичного несовершенного вида на *-а́ть/-я́ть* в русском языке сохраняют корневой гласный без изменения, ср. *засори́ть//засоря́ть* ‚znečisťovať'.[1] В словацком же языке корневое *о*, как правило,

[1] Чередование *о/а* в корне глагола имеется только в заимствованиях из церковнославянского, ср.:

изложи́ть//излага́ть (те́орию) ‚vykladať'
приложи́ть//прилага́ть (уси́лия) ‚vynakladať'
сложи́ть//слага́ть (с себя́ отве́тственность) ‚skladať'.

Исконно русские приставочные глаголы от глагола *-ложи́ть* соотнесены с образованиями от основы *-кла́дывать*, ср. *вы́ложить//выкла́дывать (ве́щи на стол)* ‚vykladať'.

чередуется с долгим -á-: *vykosiť//vykášať*, *odvoziť//odvážať*, *zarobiť//zarábať*, *zatopiť//zatápať*, *odzvoniť//odzváňať*.

Применение того или иного приёма имперфективации в наших языках совпадает лишь в редких случаях. Гораздо чаще этимологически тождественные глаголы образуют вторичные формы несовершенного вида поразному, ср.:

вы́косить//выка́шивать — *vykosiť//vykášať*
вы́топить//выта́пливать — *vytopiť//vytápať*
освободи́ть//освобожда́ть — *oslobodiť//oslobodzovať*
отдели́ть//отделя́ть — *oddeliť//oddeľovať* и *oddeľať*.

VI *(непродуктивный) класс.* Вторичные глаголы несовершенного вида от глаголов этого класса образуются, как правило, посредством суффикса *-ыв-/-ив-*, ср. *перепи́сывать*, *расска́зывать*. Исключением являются приставочные образования от двух глаголов этого класса: *ре́зать* — *ре́жу* и *сы́пать* — *сы́плю*. Члены видовой пары таких глаголов, как *разре́зать* (сов.) ‚rozrezať' и *разреза́ть* (несов.) ‚rozrezávať', отличаются друг от друга в инфинитиве и в формах, образованных от основы инфинитива, только местом ударения. Ср.:

отре́зать — *отре́жу* // *отреза́ть* — *отреза́ю*
обре́зать — *обре́жу* // *обреза́ть* — *обреза́ю*
насы́пать — *насы́плю* // *насыпа́ть* — *насыпа́ю*
рассы́пать — *рассы́плю* // *рассыпа́ть* — *рассыпа́ю* и т. п.

В соответствующих словацких глаголах видовое значение различается краткостью или долготой корневого гласного, ср. *nasypať -em* (сов.) «насы́пать» — *nasýpať -am* (несов.) «насыпа́ть».

IX *(непродуктивный) класс.* Для глаголов этого класса характерны бессуффиксные образования форм вторичного несовершенного вида на *-а́ть*, ср.:

исче́знуть//исчеза́ть *прили́пнуть//прилипа́ть*
замёрзнуть//замерза́ть *промо́кнуть//промока́ть* и т. п.

У приставочных глаголов к *-со́хнуть* и *-до́хнуть* наблюдается чередование *о/ы*, ср.:

засо́хнуть//засыха́ть, ср. *vyschnúť//vysychať*, *vysýchať*, *vyschýnať*

засóхнуть//засыхáть, ср. *zaschnúť//zasychať*, *zaschýnať*
издóхнуть//издыхáть, ср. *zdochnúť//zdochýnať*.

Консонантическое чередование *Ø/д* наблюдается в глаголе *увя́-нуть//увяд-áть*, *завя́-нуть//завяд-áть*, ср. слвц. *vädnúť*.

X (непродуктивный) класс. Глаголы X класса образуют, как правило, бессуффиксные формы вторичного несовершенного вида на *-áть*, например:

сгрести́//сгребáть	*обгры́зть//обгрызáть*
подмести́//подметáть	*спасти́//спасáть*
зарасти́//зарастáть	*расцвести́//расцветáть* и т. п.

В глаголах на *-чь* в инфинитиве восстанавливается корневой согласный *к* или *г*, ср.:

затéчь//затекáть	*отстри́чь//отстригáть*
пропéчь//пропекáть	*помóчь//помогáть*
извлéчь//извлекáть	*сберéчь//сберегáть* и др.

Имперфективные глаголы этого типа не знают чередования гласных, ср. *помóчь//помогáть* — слвц. *pomôcť//pomáhať*.

Глаголы *вы́красть*, *раскра́сть* образуют имперфективные формы на *-ывать: выкра́дывать*, *раскра́дывать* (см. стр. 191).

К этой группе примыкают вторичные имперфективные глаголы, образованные от глагола *есть* (корень *ед-*, ср. мы *ед-и́м*): *съесть//съедáть*, *объéсть//объедáть*, *заéсть//заедáть* и т. д.

Изолированные случаи. Некоторые глаголы, образующие вторичные имперфективные формы на *-áть*, охарактеризованы более или менее сложными чередованиями, касающимися не только консонантизма и вокализма глагольного корня, но и огласовки приставок. Эти чередования объясняются действием фонетических законов, относящихся отчасти ещё к праславянской эпохе и, с точки зрения современного языка, неподводимых под общие правила. Отметим наиболее яркие случаи.

Старый консонантизм корня восстанавливается у некоторых глаголов IV класса на *-нуть*, ср.:

заснýть//засыпáть ‚zaspávať' *(*za-sъp-nǫti//za-syp-ati)*
проснýться//просыпáться ‚zobúdzať sa'
утонýть//утопáть ‚topiť sa' *(*u-top-nǫti//u-top-ati)*
*согнýть//сгибáть (*sъ-gъb-nǫti//sъ-gyb-ati)*.

Чередование *о/а* (чисто графическое!) имеется в глагольной паре *прикоснýться//прикасáться*.

Чередование **я/ин**. В глаголах типа *помя-ну́ть* корневое *я* восходит к старому носовому **ę* (из **en*); в праславянском имелось здесь чередование типа **en/in*, ср.:

*помяну́ть//помина́ть (*po-men-nǫti//po-min-ati)*
вспомяну́ть//вспомина́ть.

С основой *-помина́ть* соотнесены также глаголы

запо́мнить//запомина́ть *напо́мнить//напомина́ть*
вспо́мнить//вспомина́ть *припо́мнить//припомина́ть*,

ср. слвц. *spomenúť//spomínať*.

Сюда же относится глагол *проклясть//проклина́ть*, *заклясть//заклина́ть*.

Чередование **а/ин**. Гласный *а* (после шипящих) восходит к **ę* носовому *(<*en)*, ср.:

нача́ть//начина́ть *пожа́ть//пожина́ть*.

Чередование **а/им** (графика **я/им**):

при-ня́-ть//при-ним-а́ть *заня́ть//занима́ть*
обня́ть//обнима́ть *отня́ть//отнима́ть* и т. п.

Чередование **а/им** (графика **а/им**):

нажа́ть//нажима́ть *сжать//сжима́ть* и т. п.

Чередование **е-Ø-и**:

у́мере́ть — умру́ // умира́ть, ср. слвц. *umierať*
запере́ть — запру́ // запира́ть, ср. слвц. *zapierať*
вы́тереть — вы́тру // вытира́ть, ср. слвц. *utierať*

Чередование **Ø/е/и**:

забра́ть — заберу́ // забира́ть, ср. слвц. *zaberať*
разобра́ть — разберу́ // разбира́ть
содра́ть — сдеру́ //сдира́ть
разостла́ть — расстелю́ // расстила́ть и т. п.

Чередование **Ø/ы**:

посла́ть//посыла́ть, ср. слвц. *posielať*
разосла́ть//рассыла́ть
созва́ть//созыва́ть, ср. слвц. *pozývať*
отозва́ть//отзыва́ть и т. п.

С точки зрения словацкого языка эти образования не представляют никаких затруднений. Надо только помнить, что в словацком языке *i/y* (краткое и долгое) перед *l* и *r* перешло в *e/ie*[1]; поэтому в имперфективных глаголах типа *zaberať*, *posielať* появляется *e/ie* вместо русского *-и-*.

Ввиду полной непродуктивности приведённых выше чередований этимологическая связь между членами отдельных видовых

[1] Ср. ещё *мир/mier*, *богатырь/bohatier*, *дыра́/diera*.

пар в настоящее время настолько ослаблена, что многие из приведённых глаголов следует, с точки зрения современного языка, считать «супплетивными» образованиями. (Ср. стр. 205).

Противоречие между семантической и морфологической стороной имперфективации

С вопросами имперфективации теснейшим образом связан принципиальный вопрос о маркированности/немаркированности членов видовой корреляции.

Выше указывалось на то, что в семантическом отношении именно совершенный вид признаётся большинством исследователей маркированным членом видового противопоставления. Совершенный вид содержит в своей общей семантике указание на то, что процесс воспринимается как целостное, сомкнутое событие. Несовершенный вид не содержит в своей семантике такого указания; следовательно, несовершенный вид обозначает неквалифицированное «качество глагольного действия»,[1]

Несколько иначе обстоит дело с точки зрения формальных, морфологических средств выражения видового значения глаголов. Поскольку глаголы типа *сде́лать*, *свари́ть* или *написа́ть* считались «чистовидовыми» парами к глаголам типа *де́лать*, *вари́ть* и *писа́ть*, приставки, посредством которых образованы перфективные глаголы, рассматривались как «пустые» или «грамматические» приставки, т. е. как формальные показатели видового значения совершенного вида. В этом плане глаголы типа *сде́лать*, *сва́рить* или *написа́ть* могли рассматриваться как внешне маркированные члены видовой корреляции. Выше мы пытались показать, что так называемые перфективирующие приставки обычно сохраняют за собой какой-то элемент лексического значения и что лексически «пустых» (т. е. «грамматических») приставок в наших языках почти нет. Процессы чистого видообразования связаны в наших языках не с перфективацией, а с имперфективацией глаголов с/в типа *переписа́ть*//*перепи́сывать*, *спроси́ть*//*спра́шивать* и т. п. Нетрудно заметить, что формы несовершенного вида (*перепи́с-ыв-ать*, *спра́ш-ив-ать* и т. п.), выражающие с точки зрения видовой семантики не-

[1] Fr. Kopečný: Základy české skladby, 1958, 98.

маркированный член корреляции, с точки зрения их морфематического состава содержат дополнительную морфему *(-ыв-/-ив-)*, т. е. в этом смысле являются маркированными. На такое внутреннее противоречие обратил внимание М. Докулил, считавший, что в некоторых случаях соотношение СВ/НСВ перекрывается секундарным аспимметрическим соотношением НСВ/СВ, в котором имперфективный член, обозначающий «длительность» или «повторяемость» действия, является маркированным, а перфективный член («недлительный») — немаркированным. М. Докулил склонен считать грамматические значения глагольных видов «обратными» или «противными» (kontrérní), а не «противоположными» (protikladný).[1]

На внутреннее противоречие между семантикой и формальной выраженностью видов указывает также Ю. С. Маслов: «С точки зрения семантики, грамматического значения, несомненно, совершенный вид выступает как положительный, сильный, «интенсивный» член в противопоставлении с несовершенным... И вот получается, что этот семантически положительный член выступает в морфологическом плане в большинстве случаев как отмеченный отрицательным признаком — нулевой морфемой».[2]

Нам представляется, что выход из этого запутанного положения один: следует признать, что функция имперфективных формальных показателей (суффиксов, ударения, чередований) заключается в том, чтобы сигнализировать отсутствие семантического признака совершенного вида. Положительный признак в морфологическом отношении (добавочная морфема и т. д.) является по своему назначению показателем отрицательного качества, т. е. показателем именно «не-совершенности». В этом лишний раз сказывается сложная диалектика видовых отношений в наших языках.

СУППЛЕТИВНЫЕ ВИДОВЫЕ ПАРЫ

В пособиях по русскому языку обыкновенно приводится несколько разнокорневых глаголов, образующих чистые видовые

[1] M. Dokulil: K otázce morfologických protikladů, Slovo a slovesnost 19 (1958) 2, 95/96.

[2] Ю. С. Маслов: Роль так называемой перфективации... М. 1958, 8/9.

пары, напр. *брать//взять, говори́ть//сказа́ть, класть//положи́ть, ложи́ться//лечь, сади́ться//сесть, верну́ться//возвраща́ться* и т. п. На самом деле таких глаголов гораздо больше. В сопоставительном плане супплетивные пары заслуживают более подробной разработки, т. к. необходимо учесть не только соотношение бесприставочных глаголов типа *брать, класть* и т. д. с соответствующими глаголами с/в (типы *взять, положи́ть* и т. д.), но и сложные соотношения приставочных глаголов типы *заложи́ть// закла́дывать* или *приложи́ть//прилага́ть*, серьёзно осложняющие общую картину русского видообразования.

Мы знаем, что значительное число русских глаголов встречается в соотносительных видовых парах. Там, где тот или иной глагол в силу исторических причин не образует видовой пары от того же корня, а характер действия этого глагола допускает его употребление в обоих видах, глаголы разного происхождения, но близкие по значению, вступают в «супплетивные» взаимоотношения, образуя одну соотносительную видовую пару. В этом сказывается действие аналогии, «давление системы» языка.

К супплетивным видовым парам относятся следующие глаголы:

брать//взять (древнее приставочное образование ***vъz-ęti* от глагола ***jęti*, чеш. *jíti*, по своему значению синонимичное с глаголом *брать*, но представляющее действие в совершенном виде; форма несовершенного вида от той же основы, стсл. *въз-имати* сохранилась в книжном языке, но с более узким значением: *взима́ть налóги, пóшлину* ‚vyberať dane, clo').[1]

В словацком языке, наряду с парой *brať//vziať*, имеется синонимичная пара *brať//zobrať*. В свободном употреблении, а также в некоторых фразеологизмах глаголы *vziať* и *zobrať* могут свободно чередоваться, ср. *vziať/zobrať do ruky*; *vzali/zobrali ho na vojnu*; *vziať/zobrať niekomu knihu*; *vziať/zobrať si niekoho za ženu*. Но в целом ряде более или менее связанных контекстов глагол *vziať* не может быть заменён глаголом *zobrať*, ср. *vziať liek* «принять лекарство» По-видимому, глагол *vziať* является более литературным, а глагол *zobrať* более разговорным.

Приставочным образованиям совершенного вида от глагола *брать* (напр. *забра́ть, вы́брать, убра́ть*) соответствуют в несо-

[1] В Академической грамматике глаголы *взять* и *взима́ть*, приведены в качестве соотносительных видовых пар (I 448).

вершенном виде образования от основы *-бира́ть* (напр. *забира́ть, выбира́ть, убира́ть*). Русскому глаголу *собира́ть* соответствует слвц. глагол *zbierať* (напр. *zbiera známky* «он собирает марки»); однако соответствием русского глагола совершенного вида *собра́ть* не является в словацком языке глагол *zobrať*, т. к. он воспринимается как форма совершенного вида к глаголу *brať*. Русскому *он собра́л (мно́го ма́рок)* соответствует слвц. *nazbieral veľa známok* с оттенком кумулятивности.

класть//положи́ть (бесприставочная форма «ложи́ть» чужда литературному языку; формы «ložiť» нет и в словацком языке). Большинство приставочных глаголов совершенного вида образуется, однако, не от глагола *класть*, а от основы *-ложи́ть*, причём возникают новые супплетивные пары типа

наложи́ть//накла́дывать ‚naložiť//nakladať'
заложи́ть//закла́дывать ‚založiť//zakladať' и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что многие приставочные глаголы к основе *-ложи́ть* образуют формы несовершенного вида от разных основ, в зависимости от своего лексического значения. В своём конкретном употреблении глагол *разложи́ть (ве́щи на столе́)* ‚rozložiť' образует форму нс/в *раскла́дывать* ‚rozkladať'. Но в переносном значении, например, *разложи́ть (сло́во на осно́ву и су́ффикс), разложи́ть (мора́ль неприя́телю)* форма нс/в образуется от ц.-сл. основы *-лага́ть*: *разлага́ть (сло́во), разлага́ть (мора́ль)* и т. п. В своём конкретном значении глагол *приложи́ть (ру́ку к се́рдцу)* образует видовую пару с глаголом *прикла́дывать (ру́ку к се́рдцу)*; но в переносном значении *(приложи́ть спра́вку к заявле́нию; приложи́ть все свои́ си́лы к чему-л.)* соответственный глагол нс/в принимает архаическую (церковнославянскую) форму *прилага́ть (все свои́ си́лы)*.

говори́ть//сказа́ть (бесприставочный глагол *каза́ть* ‚ukazovať', чуждый литературному языку, семантически очень далёк от глагола *сказа́ть*; несколько ближе стоит слвц. глагол *kázať* «велеть; проповедовать»; старое значение глагола *каза́ть* находим в сербохорв. *казати* «говорить, сказать»). В словацком языке приведённой паре соответствуют видовые пары *hovoriť//povedať* и *vravieť//povedať*. Формы несовершенного вида к приста-

вочным образованиям от глагола *говори́ть* образуются от основы *-гова́ривать*, ср. *приговори́ть//приго́вар̀ивать (к сме́ртной ка́зни)* ‚odsúdiť//odsudzovať', *сговори́ться//сгова́риваться* и т. п. Глагол *разгова́ривать*, точно так же, как и его словацкое соответствие *zhovárať sa*, в силу своего некурсивного характера действия, является imperfectivum tantum.

От исторически приставочного глагола *сказа́ть* образован глагол *рассказа́ть*, хотя семантическая связь между этими глаголами в настоящее время ослаблена.

О супплетивных (с точки зрения современного языка) парах можно было бы говорить и в тех случаях, где фонетические разновидности одного и того же глагольного корня в процессе исторического развития настолько друг от друга удалились, что не могут быть сведены к «алломорфам» одной морфемы на основании действующих в современном языке фонетических чередований. Во всяком случае для иностранца видовые пары подобного типа представляют серьёзные затруднения. Сюда можно отнести такие случаи (ср. стр. 200):

засну́ть//засыпа́ть ‚zaspať//zaspávať'
проснýться//просыпа́ться ‚zobudiť sa//zobúdzať sa'
утону́ть//утопа́ть ‚topiť sa'
согну́ть//сгиба́ть ‚ohnúť//ohýbať',

а также все приставочные образования с приставками *вы-*, *в(о)-*, *об(о)-*, *раз(о)*, *при-* и т. д. от основ *-гнуть* и *-гиба́ть*.

Небольшую группу супплетивных видовых пар представляют глаголы

верну́ть//возвраща́ть ‚vrátiť//vracať'
верну́ться//возвраща́ться ‚vrátiť sa//vracať sa'

оберну́ть — *обора́чивать*, *обёртывать* ‚zabaliť//zabaľovať'

поверну́ть — *поворáчивать*, *повёртывать* ‚obrátiť//obracať'

Сюда же относятся и другие приставочные образования типа

перевернýть//перевёртывать и *переворáчивать; вы́вернуть//вывёртывать* и *выворáчивать; завернýть//завёртывать* и *заворáчивать* и т. п.

С точки зрения современного языка супплетивными являются также пары типа:

прийтú//приходúть[1]
принестú//приноси́ть
привестú//приводúть
прие́хать//приезжáть и т. п.

Супплетивными являются с точки зрения современного языка видовые пары типа:

лечь//ложúться[2]
сесть//садúться[3]
стать//становúться[4],

а также приставочные образования от этих глаголов:

налéчь//налегáть
присéсть//присáживаться
престáть//переставáть

С точки зрения современного языка супплетивными являются по существу все видовые пары, в которых один из членов не является фонетически мотивированным вариантом другого члена. «Фонетически мотивированными» можно считать лишь такие фонетические варианты морфемы, которые представляют собою результат действующих в языке живых морфологических чередований (например *ответúть//отвечáть, прицепúть //прицепля́ть; спросúть//спра́шивать, скосúть//ска́шивать*). В этом смысле такие пары, как *собрáть//собирáть, вы́рвать//вырывáть, нажáть//нажимáть, начáть//начинáть, занять//занимáть, съесть//съедáть* и т. п., могут рассматриваться как «супплетивные», т. к. чередование основ этих глаголов дано исторически и не может быть мотивировано фонетическими законами, действующими поныне в русском языке. Видовая пара *пустúть// пускáть* не ощущается русским как «супплетивная» пара, но всякий словак или чех, изучающий русский язык, знает, что с точки зрения их родного

---

[1] Глагол *идти* (стсл. *ити*) был уже в древнейшем языке супплетивным глаголом к *ходúть*. Основа прошедшего времени *шёл, шла* (из **šьdlъ, *šьdla*) является, однако, результатом старого фонетического чередования корня *xod- ~ šьd-*, ср. *шéдший (< šьdъši-)*.

[2] Праслав. чередование корней: **lěg-ti — *log-iti (sę)*.

[3] Праслав.: **sěd-ti ~ sad-iti (sę)*.

[4] Праслав.: **sta-ti ~ *stanov-iti (sę)*.

языка (ср. слвц. *pustiť//púšťať*) чередование *ст/ск* в этом глаголе именно «немотивировано». Если иностранец должен заучивать отдельные формы любого «неправильного» глагола (например: *бить — бью — бьёт* или *плáкать — плáчу — плáчет*), то это относится в такой же степени и к *видовым* формам. К сожалению, все эти вопросы очень мало изучены.[1]

В сопоставительном плане нельзя не отметить тех случаев, в которых члены видовых соответствий представлены формами, образованными от одной и той же основы, но с отклонениями от общей схемы.

Глагол *купúть* (сов.) образует в русском языке форму несовершенного вида с приставкой: *по-купáть*; в словацком языке соответствующая форма образуется посредством имперфективирующего суффикса: *kúp-ovať*. По аналогии с такими глаголами, как *кóнчить//кончáть*, *брóсить//бросáть*, *ступúть//ступáть*, можно было бы ожидать форму «купáть» (в значении «покупáть»), или же — опять-таки по аналогии с глаголами *влюбúть//влюблять* — форму «покуплять». Как видно, приставочная форма несовершенного вида *покупáть*, с точки зрения русского языка, немотивирована.

Глагол *вéшать (пальтó на вéшалку)* соотнесён не с глаголом «весить», отсутствующим в этом значении, а с приставочным глаголом *повéсить*.

Говоря о супплетивных видовых парах типа *брать//взять*, Академическая грамматика указывает, что в подобных случаях «парные видовые соответствия выражаются лексическими средствами» (I 455; разрядка моя, *А. И.*). Но вся суть суппле-

---

[1] О супплетивности в собственном смысле слова обычно говорят лишь тогда, когда два этимологически разных корня объединяются в одной лексеме, например *идти — я шёл* или слвц. *byť — som — si — je — bol — budem*. Но иногда бывает так, что формы одного и того же корня настолько расходятся фонетически, что становится невозможным объединить их в рамках одной морфемы. Такая судьба постигла слвц. глагол *hnať — ženiem -ieš* «гнать». Морфема *žen(iem)* фонетически настолько далека от морфемы *hn(ať)*, что не может быть воспринята как «вариант» (или «алломорф») одной морфемы *žen-/hn-*.

Следует добавить, что вопрос о супплетивных формах до сих пор недостаточно разработан в теоретическом плане. В частности не выяснены условия, при которых «иррегулярные» формы слова следует ещё признать «алломорфами» или уже «супплетивными» морфемами. В синхронном языкознании этот вопрос не получил пока теоретически обоснованного освещения.

тивности состоит именно в том, что два этимологически разнородных элемента вступают в прочную грамматическую связь. Ведь нельзя же считать, что формы грамматического времени у глагола *я иду́ — я шёл* выражены именно «лексическими» средствами. Если уже говорить о «лексических средствах», используемых для выражения видовых соответствий, то можно указать на совершенно иное явление. Глаголы, по каким-либо причинам не обладающие соотносительным глаголом совершенного вида, могут, в случае потребности, выражать недостающее видовое значение синонимичным глаголом. Так, например, глагол *очути́ться* ‚octnúť sa' в русском языке не имеет формы несовершенного вида. Если же у говорящего возникает потребность всё-таки выразить «действие», обозначаемое глаголом *очути́ться*, в несовершенном виде, то он прибегает к синонимичному глаголу *оказа́ться//ока́зываться*, ср.:

Он очути́лся (с/в) *в затрудни́тельном положе́нии.*

Всегда́, когда́ он ока́зывался (нс/в) *в затрудни́тельном положе́нии...*

В ряде случаев недостающий глагол совершенного вида может быть заменён описательным словосочетанием. Глагол *зави́сеть* не имеет совершенного вида. Но в случае потребности значение совершенного вида можно выразить описательно:

Результа́ты экспеди́ции зави́сели (нс/в) *от пого́ды.*

Результа́ты экспеди́ции оказа́лись зави́сящими (с/в) *от пого́ды.*

Русский язык располагает целым рядом возможностей выражать недостающий член видовой пары описательным приёмом:

нс/в	с/в
уча́ствовать//приня́ть уча́стие	
доверя́ть//оказа́ть дове́рие	
намерева́ться//приня́ть наме́рение (и книж. *вознаме́риться*)	
сочу́вствовать//вы́разить сочу́вствие (и *посочу́вствовать*)	
че́ствовать кого-л.//устро́ить че́ствование кому-л. и т. п.	

Отметим любопытный случай, когда глагол совершенного вида выступает в качестве «супплетивной пары» к — предикативу. Глагол *пона́добиться* не имеет видового соответствия

в несовершенном виде.[1] Но значение глагола несовершенного вида может быть выражено предикативами *нýжен*, *нужнá*, ср.:

Емý понáдобился словáрь (с/в).

Емý нýжен был словáрь («несовершенный вид»)

Эти крайние случаи «супплетивности» лишний раз подтверждают общее правило, что одновидовые глаголы там, где это допускает или прямо требует лексическое значение («характер глагольного действия»), прибегают именно к близким по значению глаголам, чтобы восстановить недостающий член видовой корреляции.

СОВЕРШАЕМОСТЬ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (СПОСОБ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ)

Постановка вопроса

Без чёткого и принципиального разграничения понятий глагольного вида и того, что мы будем называть «совершаемостью глагольного действия», научная разработка славянского глагола в настоящее время немыслима. Речь идёт, разумеется, не о самом термине: большинство серьёзных аспектологов оперирует понятиями, очень близко приближающимися к нашему пониманию сути дела. При этом безразлично, говорится ли о «подвидах» (у Шахматова; в Акад. грамм.) или о «способах глагольного действия» (у Ю. С. Маслова). Во всех случаях имеется в виду то, что в латинской терминологии называется actiones verbi, а по-немецки Aktionsarten или Handlungsarten. Правда, само содержание и объём термина actiones verbi менялись, так что в настоящее время термин этот не может быть признан общепринятым и однозначным. Чешский термин »způsob slovesného děje« (Шмиляуер, Копечный, Достал) является, очевидно, калькой с нем. Aktionsart (Handlungsart).[2] В последнее

---

[1] Приводимая в словаре Ушакова форма «надобиться» (II 340) является искусственной; никаких примеров Ушаков не даёт.

[2] Предлагаем вместо термина «spôsob slovesného deja» ввести более удобный термин слвц. *akcia*, чеш. *akce* (лат. *actio verbi*), прилагательное: *akčný/akční (význam, forma)*. Ср. A. V. Isačenko, Slovo a slovesnost 21 (1960) 1, 9—16.

время некоторые советские учёные (в первую очередь Ю. С. Маслов) стали пользоваться термином «способ глагольного действия», явно перенесённым из чешского языка.

Вводимый нами термин «совершаемость глагольного действия» или просто «совершаемость» имеет в виду определённую семантическую модификацию глагола, указывающую, как именно действие, выражаемое глаголом, совершается (prebieha или koná sa). Термин «совершаемость» имеет, на наш взгляд, несколько преимуществ перед такими терминами, как «подвид» или «способ глагольного действия». Термин «подвид» вызывает представление, будто речь идёт о категории, подчинённой категории вида, о явлениях одинакового порядка, о том же иерархическом отношении, которое в биологии определяется понятиями «вид» и «подвид». С точки зрения русской грамматической терминологии термин «совершаемость» включается в ряд таких абстрактных (не «описательных») терминов, как «спряжение», «залог», «вид», «изъявительное наклонение» и т. п. Термин «совершаемость», как и другие традиционные термины русской грамматики, образован от отчётливо книжного (церковнославянского) корня при помощи суффикса *-аемость*, широко представленного именно в терминологических пластах русского литературного языка (ср. *познава́емость*, *заболева́емость*, *успева́емость*, *возбужда́емость*, *обтека́емость*, *возгора́емость*, *проница́емость*, *посеща́емость*, *сгуща́емость* и мн. др.). От существительного «совершаемость» можно образовать прилагательное «совершаемостный», в то время как от комплексного наименования «способ глагольного действия» деривативные образования невозможны. Благодаря суффиксу *-аемость* наш термин чётко отличается от традиционных терминов «совершенный» и «несовершенный вид».

Чешский термин způsob slovesného děje (слвц. spôsob slovesného deja) особенно неудобен хотя бы уже потому, что слово způsob (spôsob) уже использовано в глагольной терминологии в значении «наклонение» (ср. *podmiňovací způsob* «условное наклонение»).

Выражения Aktionsart или Handlungsart встречаются в работах Штрейтберга, Лескина, Э. Бёме, Вондрака и др. Так А. Лескин относит к разряду actiones verbi (Handlungsarten) в старославянском языке такие общие значения глаголов, как «простая длительность» (напр. *бити*) и «длительность-многократность» (напр. *бивати*), с одной стороны, «простая перфективность» (напр. *оу-бити*) и «перфективная длительность» (напр. *оу-бивати*) — с другой стороны.[1] Здесь ещё нет чёткого разграничения видов и actiones verbi в собственном смысле этого слова.

Впервые строгая грань между глагольным видом (Aspekt) и совершаемостью (Aktionsart) была проведена шведским славистом С. Агреллем. Под термином «вид» (аспект) этот учёный подразумевал «две основные

---

[1] A. Leskien: Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, Weimar 1905[4], 159/60. — Ср. E. Boehme: Die Actiones der Verba simplicia in den altbulgarischen Sprachdenkmälern, Leipzig 1904.

категории славянского глагола, совершенную и несовершенную форму действия (Handlungsform)». Термином Aktionsart он обозначал «семантические функции приставочных глаголов (а также некоторых бесприставочных глаголов и суффиксальных образований), уточняющие, как именно совершается действие, отмечающие способ выполнения этого действия».[1] Мысли шведского аспектолога нашли отголосок сперва в Скандинавии, позднее в Польше, особенно после выхода в свет его второй работы, посвящённой тому же вопросу.[2] В. Поржезинский ввёл в польскую терминологию выражение *rodzaj czynności* («характер действия») в значении немецкого термина Aktionsart.[3] Шведский славист Регнелль углубил и разработал некоторые положения своего учителя С. Агрелля в историческом плане.[4]

Вопросами, связанными с Aktionsarten, много занимался Э. Кошмидер. Под этим термином автор понимает «лексическо-семантические группы» («lexikalische Bedeutungsgruppen») глаголов, объединяемые общими компонентами лексико-семантического содержания и образующие — в зависимости от «тонкости» их отличительного признака — более или менее многочисленные разряды глаголов.[5]

Вопросом о функциях глагольных приставок в русском языке занимался также А. Стендер-Петерсен.[6]

В русской лингвистической науке интересующая нас проблематика была впервые выдвинута Г. К. Ульяновым.[7] Выделяя такие общие значения глагола, как «результативное» (напр. *изучи́ть*), «суммарное» (напр. *наноси́ть*, *просиде́ть*, *разгоре́ться*), «дистрибутивно-суммарное» (напр. *повы́ловить*, *поубива́ть*), «перфективное» (напр. *сгоре́ть*, *вы́чистить*), «ингрессивное» (напр. *побежа́ть*) и т. п., Г. К. Ульянов не проводит чёткой грани между этими значениями и чистовидовыми формами. Последователем

---

[1] В оригинале: «Bedeutungsfunktionen der Verbalkomposita (sowie einiger Simplizia und Suffixbildungen), die genauer ausdrücken, wie die Handlung vollbracht wird, die Art und Weise ihrer Ausführungen markieren.» S. Agrell: Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Acta Universitatis Lundensis, Nova Ser. IV, Lund 1908, 78.

[2] S. Agrell: Przedrostki postaciowe czasowników polskich. Kraków 1918.

[3] W. Porzeziński: Z metodologji badań semantycznych, Prace filolog. 12 (1927) 328.

[4] C. C. Regnéll: Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes, Lund 1944.

[5] Erwin Koschmieder: Zeitbezug und Sprache, Leipzig/Berlin, 1929, 27. — Ср. его же: Studien zum slavischen Verbalaspekt, 2. Teil. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen 56 (1928) 94.

[6] A. Stender—Petersen: О функциях глагольных приставок в русском языке, Slavia 12 (1933) 333.

[7] Г. К. Ульянов: Значение глагольных основ, т. II, Варшава 1895.

учения Г. К. Ульянова явился и Ф. Ф. Фортунатов.[1] К числу чистовидовых значений Ф. Ф. Фортунатов относил и «детерминативное» значение (напр. *поговори́ть*), и «инхоативное» значение (напр. *забе́гать* «начать бегать»), и «ингрессивное» значение (напр. *побежа́ть*), и «результативное» значение (напр. *написа́ть*). Таким образом «смешение лексических значений приставок с чисто грамматическими оттенками видовых значений окончательно укрепилось в русской лингвистической литературе о видах».[2] Под влиянием учения Г. К. Ульянова и Ф. Ф. Фортунатова находился и А. А. Шахматов. В «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматов сформулировал свои взгляды лишь в самых общих чертах. Наряду с двумя «основными» видами — совершенным и несовершенным — автор различает ещё целый ряд так называемых «подвидов».

А. В пределах несовершенного вида сюда относятся:

1. Кратный и некратный подвиды. «Кратность» А. А. Шахматов понимает здесь не в смысле «многократности» (итеративности), а в смысле «многофазисности» действия. «Кратными» являются, по Шахматову, глаголы, связанные «с представлением о раздробленности во времени действия, о его прерывности», например: *игра́ю, пла́чу, болта́ю, стара́юсь*. «Некратный» подвид обозначает действия непрерывные, например: *плачу́, весели́сь, уме́ю, отвеча́ю*.[3]

2. Моторно-кратный и моторно-некратный подвиды. Сюда включены глаголы типа *води́ть, носи́ть, бе́гать*, с одной стороны, и *вести́, нести́, бежа́ть* — с другой.

3. Многократный подвид. Здесь рассматриваются собственно итеративные глаголы типа *ха́живать, на́шивать*.

4. Определительный подвид несов. вида. Сюда Шахматов включает глаголы типа *посма́тривать, покру́чивать* и т. п.

Б. В пределах совершенного вида:

1. Однократный подвид — глаголы типа *сту́кнуть, кри́кнуть, су́нуть*.

2. Определительный подвид сов. вида: глаголы типа *поговори́ть, посиде́ть*.

В. Кроме того, А. А. Шахматов выделяет в пределах обоих «основных» видов ещё и «усилительные подвиды». У несовершенного вида конструкции типа *он сиди́т себе́ и сиди́т, он кричи́т-кричи́т, он крича́ть-крича́ть*, а также: *он и пляса́ть, он и ну́ сказа́ть, он ну́ проси́ть, он и дава́й пляса́ть*. У совершенного вида: *уж я его́ увезу́ да увезу́, дай посмотрю́, дава́й вы́скочу, ну́-ка скажу́*.[4]

Как видно, А. А. Шахматов в своё понятие «подвида» включает грамматически и стилистически совершенно разнородные явления. «Подвидом»

---

[1] Ф. Ф. Фортунатов: Разбор сочинений Г. К. Ульянова. Отчет о присуждении Ломоносовской премии 1895 г. СПб. 1897.

[2] В. В. Виноградов: Русский язык, М. 1947, 518.

[3] Ср. «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку». Москва 1952, 88/89.

[4] Там же, 89/90.

считается и общее значение бесприставочного глагола («кратность»), и оттенки значения, касающиеся «количества глагольного действия («многократность», «однократность»), и добавочные значения, сообщаемые глаголу приставками и суффиксами *(поговори́ть, говá́ривать)*, и, наконец, явно модальные оттенки, причём даже не самых глаголов и даже не отдельных глагольных форм, а целых конструкций, относящихся к разговорному и даже просторечному пласту русского языка. Современное учение о видах не пошло по этому пути.

Если последователи учения Ульянова—Фортунатова склонны были отнести к видовой (т. е. грамматической) проблематике как можно больше явлений, связанных с вневидовой семантикой глаголов, то, напротив, некоторые современные авторы склонны рассматривать как можно больше общих глагольных значений в рамках лексических групп глаголов.

Проф. Вл. Шмиляуер стоит на точке зрения, что «вид в чешском языке относится к лексическому значению (k slovnímu významu), а не к его значению грамматическому».[1] «Видами» в самом широком смысле слова проф. Вл. Шмиляуер считает:

1. совершенность/несовершенность *(vzal — bral)*;
2. многократность (*házel* «бросал») и дистрибутивность;
3. фазисность действия (*vyletěl* или *doletěl*);
4. «ограничительность» действия *(poseděl)*;
5. уменьшительность (*spinkal* «баинькал») и усилительность действия (*žadonil* «выпра́шивал» к *žádal* «просил»).

К «способам глагольного действия» проф. Вл. Шмиляуер относит каузативное значение *(posaditi)* и дезидеративное значение (*pořád odcházel* «он всё собирался уходить»).

Некоторые «способы глагольного действия» представлены у проф. Вл. Шмиляуера весьма неоднородными фактами. В разряд фазисных глаголов включаются глаголы со следующими приставками:

1. обозначающими начало действия:
   а) *na-*: *nakousl jablko* «надкусил яблоко»;
   б) *za-*: *zarděl se* «покраснел», *zatopil (v kamnech)* «затопил (печь)»;
   в) *vy-* только у глаголов движения; *vyběhli* «выбежали»;
   г) *roz-*: *rozdrážditi býka* «раздразнить быка»;
2. обозначающими конец действия:
   а) *do-*: *dokouřiti doutník* «докурить сигару»;
   б) *od-*: *růže odkvetly* «розы отцвели»;
   в) *vy-*: *vycvičiti psa* «выдрессировать собаку»[2].

Легко заметить, что здесь понятие «начала действия» трактуется очень широко. Глагол *nakousnouti* «надкусить», на наш взгляд, не обозначает начальный фазис действия; здесь имеется в виду действие, направленное

---

[1] Vl. Šmilauer: Slovesný vid a způsob slovesného děje. První hovory o českém jazyce, Praha 1946, 81.

[2] Там же, 94/4.

лишь на часть поверхности объекта. Глагол *zardèti se* или *zatopiti*, на наш взгляд, не обозначает именно начальный фазис действия-состояния; глагол *затопи́ть* имеет скорее значение завершённости (результативности), ср. *зажéчь* ‚zapálit'‘. Точно так же глаголы с приставкой *roz- (rozdrážditi)* не обозначают начальный фазис действия, а скорее завершённость действия; *раздразни́ть* — дразня, привести в максимальное состояние раздражённости.

То же самое можно сказать о глаголах, обозначающих, согласно проф. Вл. Шмиляуеру, «конец действия».

Трудно согласиться с проф. Вл. Шмиляуером и в том, что «уменьшительные» и «усилительные» глаголы типа *spinkat* или *žadonit* «выпрашивать» следует рассматривать как особые «способы глагольного действия».

Вопросу Aktionsarten в русском языке посвящена обзорная статья В. Бёкка.[1] Автор очень широко толкует понятие Aktionsarten, хотя принципиально и отличает их от вида. К Aktionsarten автор относит не только «уменьшительный способ действия» (напр. *привста́ть*, *присе́сть; надкуси́ть*, *надре́зать*), но и «пердуративный» *(переждáть; пролежáть)*, «интенсивный» (*переварúть* «варить до́льше, чем следует»), «эгрессивный» *(дописáть)* и др.

Краткий обзор интересующих нас вопросов дан акад. Л. А. Булаховским в его книге «Курс русского литературного языка» (Харьков 1937², 152/4). Автор анализирует отдельные «видовые оттенки, входящие в состав двух основных видов», и приводит следующие группы:

Совершенный вид:

1. Охват длительности: *посидéл*, *просидéл*.

2. Наступление начала в длительности явления: *забарабáнил*, *застучáл*.

3. Достижение результата в процессе: *побúл*, *разбúл*, *спел*; сюда же: *понатáскивать*.

4. Мгновенность действия: *бодну́л*, *кольну́л*, *швырну́л*; сюда же (с оттенком «особенной краткости, неожиданности и слабости» действия): *рубану́л*.

Несовершенный вид:

1. Повторяемость (кратность): *прихожу́*, *приходúл*; *гоня́ю*, *гонял*.

2. Незаконченность действия: *слу́шаю*, *слу́шал*; *рису́ю*, *рисовáл*.

3. Нерегулярная повторяемость: *захáживаю*, *хáживаю*; *посмáтривал*, *поку́сываю*.

4. Нерегулярная повторяемость в давнем прошлом: *певáл*, *говáривал*, *езжáл*.

Интересуясь этими глаголами лишь с точки зрения «внутривидовых оттенков», ими выражаемых, автор не проводит достаточно чёткой грани между значениями приставочно-суффиксальных образований *(посидéл, разбúл, кольну́л, захáживаю, поку́сываю)* — с одной стороны, и грамматическим значением несовершенного вида как такого *(слу́шаю, рису́ю)* — с другой.

---

[1] W. Boeck: Die Aktionsarten des russischen Verbs. Russischunterricht 9 (1956), 7/8, 316—324.

В приведённом списке не различаются глаголы типа *посидéл* и *просидéл*, *разбúть* и *понатáскивать* (оба типа представляют значение «достижения результата в процессе»), некоторые типы интерпретируются субъективно; так, например, в глаголах с суффиксом *-ануть* автор усматривает оттенок «слабости» действия (стр. 152); между тем акад. В. В. Виноградов подчёркивает, что «их простонародная свежесть... порождает иллюзию видовой интенсивности, усиленной моментальности или особой резкости» (Русский язык, 1947, 529; разрядка моя, *А. И.*).

В последнее время интересующие нас вопросы разрабатывались в связи с проблематикой одновидовых или «несоотносительных» (непарных) глаголов. К сожалению, автору остались недоступными работы Б. Н. Головина[1] и С. С. Григорян[2], устанавливающие внутривидовые значения непарных глаголов. Проблематика непарных глаголов совершенного и несовершенного вида разработана весьма солидно в статье Е. А. Земской «Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке».[3] На основании богатейшего материала из классической и новейшей литературы автор убедительно рассеивает установившееся предубеждение о незначительности непарных глаголов в общей системе русских глагольных слов. Одновидовые приставочные глаголы «не могут быть перечислены, так как образуются по продуктивным словообразовательным моделям и число их постоянно пополняется» (стр. 7). Е. А. Земская выделяет, на основании тонкого семантического анализа, реально существующие в языке группы таких глаголов. К сожалению, автор не вводит в свою аргументацию понятие «способа глагольного действия». Таким образом её наблюдения, значительно расширившие наши знания о непарных глаголах в русском языке, остаются без надлежащего теоретического толкования.

В современной советской лингвистике теория способов глагольного действия наиболее подробно разработана в трудах Ю. С. Маслова. Проводя строгую границу между понятием глагольного вида (аспекта) и тем, что он называет «способами глагольного действия», этот тонкий аспектолог не считает, однако, нужным различать «способы глагольного действия» в собственном смысле этого термина от того, что мы называем «характером глагольного действия». Ю. С. Маслов даёт такое определение: «под способом действия следует понимать некото-

---

[1] Б. Н. Головин: Проблемы взаимодействия лексических и грамматических значений в приставочных видовых формах современного русского языка. М. 1949, МГПИ им. В. И. Ленина (машинопись).

[2] С. С. Григорян: Несоотносительные приставочные глаголы совершенного вида в современном русском языке. М. 1951. Институт языкознания АН СССР (машинопись).

[3] Исследования по грамматике русского литературного языка. Сборник статей. М. 1955, 5—41.

рые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления».[1]

Наиболее спорным в этом определении является отказ автора от внешних (формальных) показателей «способа действия». Те общие особенности лексического значения, которые Ю. С. Маслов называет «способом глагольного действия», могут, но не должны быть выражены словообразовательными средствами. Такой «общей особенностью лексического значения» глаголов может считаться, например, курсивность/некурсивность действия (см. стр. 301). Курсивность/некурсивность не проявляется в самом глаголе наличием или отсутствием каких-либо словообразовательных морфем (приставок, суффиксов), а сказывается лишь косвенно в способности/неспособности образовать «результативную» совершаемость, отождествляемую многими исследователями с грамматическим значением совершенного вида. «Многофазисность» глаголов, как особый характер действия, не выражена никакими внешними средствами: она сказывается лишь косвенно, а именно способностью глагола образовать соотнесённые глаголы на *-нуть* со значением однократности *(крúкнуть — кричáть)*. Вот эти общие значения глаголов, дающие о себе знать лишь косвенно, но не выраженные ни приставками, ни суффиксами, мы и предложили назвать «характером глагольного действия». «Способом глагольного действия», или, в предложенной нами терминологии, совершаемостью действия мы будем называть лишь те общие особенности лексического значения глагола, которые выражаются особой морфемой (приставкой, суффиксом), напр. *за-кричáть, по-кричáть, на-кричáть-ся, хáж-ив-ать* и т. п.

Совершаемость действия в нашем понимании является семантической модификацией исходного простого или приставочного глагола.[2] Она обязательно выражается внешними (формальными) средствами — приставками или суффиксами. Глаголы *за-кричáть, по-кричáть, на-кричáть-ся, по-крúк-ив-ать, крúк-нуть* являются, в семантическом отношении, модификациями глагола *кричáть*.

[1] Ю. С. Маслов: Глагольный вид в современном болгарском языке. Автореферат. Ленинград 1957, 8.

[2] Примером такой семантической модификации простого, бесприставочного глагола могут послужить разные совершаемости глагола *кричáть — закричáть, покричáть, покрúкивать, крúкнуть*. Примером семантической модификации приставочных глаголов могут послужить глаголы, выражающие «дистрибутивную» совершаемость, например *по-вытáлкивать* к *вытáлкивать, по-выдёргивать* к *выдёргивать*.

Общие особенности значения — «начинательность», «ограничительность», «сатуративность», «однократность» действия — в каждом отдельном случае выражены особыми морфемами (приставками *за-*, *по-*; приставкой *на-* и возвратной частицей *-ся*; приставкой *по-* в сочетании с суффиксом *-ив-*; суффиксом *-нуть*). Но основной приметой совершаемости в нашем понимании является отсутствие соотносительных парных глаголов другого вида. К *закрича́ть* (сов.) нет «закрикивать», к *накрича́ться* (сов.) нет «накрикиваться», *покрича́ть* и *покри́кивать* не являются соотносительными формами одного глагола, несмотря на кажущееся «тождество» приставки; к однократному глаголу *кри́кнуть* (сов.) нет формы несовершенного вида с тем же значением однократности.

Глаголы типа *закрича́ть*, *покрича́ть*, *накрича́ться*, *кри́кнуть* не образуют и не могут образовать форм несовершенного вида потому, что они уже в известном смысле соотнесены с глаголом несовершенного вида — а именно с бесприставочным глаголом *крича́ть*. Эта соотнесённость, конечно, не чистовидовая. Глаголы *закрича́ть*, *покрича́ть*, *накрича́ться*, *кри́кнуть* не являются формами глагола *крича́ть*. Вообще совершаемостные образования нельзя признать «грамматическими формами» исходного глагола, так как их характер и число всецело зависят от индивидуального значения этого последнего. Совершаемости в наших языках не составляют парадигмы. Соотнесённость глаголов *закрича́ть*, *покрича́ть*, *накрича́ться*, *кри́кнуть* с исходным глаголом *крича́ть* лежит не в плоскости грамматического видообразования, а в плоскости совершаемостей.

Приставка *за-* в глаголе *закрича́ть* «начать кричать» не придаёт, строго говоря, глаголу «новое» значение; она относит глагол *крича́ть* к разряду глаголов с «начинательной» совершаемостью типа *застуча́ть*, *зашепта́ть*, *зашипе́ть*, *захохота́ть*, *засмея́ться*, *задрожа́ть*, *завопи́ть*, *заскрипе́ть*, *запа́хнуть*, *зора́ть*, *заходи́ть* («начать ходить»), *заигра́ть*, *забе́гать* и т. д. Во всех приведённых случаях значение «начинательности» связано и с чисто грамматическим значением совершенного вида.

Полная грамматическая соотнесённость двух членов чистовидовой пары сказывается, прежде всего, в полной семантической (лексической) синонимичности глаголов, составляющих

такую видовую пару, например *отда́ть//отдава́ть*. Разница между обоими членами видовой корреляции сводится к тому, что у перфективного члена присутствует грамматический признак совершенного вида, а у имперфективного члена он отсутствует. Поэтому каждый из членов видовой корреляции может быть выражен другим членом, снабжённым видовым показателем, ср.:

отда́ть = *отдава́ть*$^{\text{сов.}}$
отдава́ть = *отда́ть*$^{\text{несов.}}$

Точно так же можно представить и совершаемости в виде исходного глагола, снабженного показателем данной совершаемости, ср.:

закрича́ть = *крича́ть*$^{\text{начин.}}$
покрича́ть = *крича́ть*$^{\text{ограничит.}}$
кри́кнуть = *крича́ть*$^{\text{однократ.}}$

На первый взгляд может показаться, что принципиальная разница между чистовидовым соотношением и соотношением совершаемостным состоит в том, что в первом случае это соотношение обратимо, а во втором — необратимо. Но если признать, что исходный глагол, не выражающий никакой семантической модификации, представляет нулевую совершаемость, то и соотношение *закрича́ть* — *крича́ть* окажется обратимым, ср.

крича́ть = *закрича́ть*^{0},

т. е., иными словами: глагол *крича́ть* является, по отношению к глаголу *закрича́ть* (или *покрича́ть*, или *кри́кнуть*), характеризованным отсутствием той модификации, которая связана с той или иной совершаемостью.

На основании всего сказанного можно попытаться дать общее определение совершаемости:

> «Под совершаемостью следует понимать те общие значения глаголов, которые, будучи выражены формальными средствами (приставками, суффиксами), модифицируют значение исходного бесприставочного или приставочного глагола в отношении фазисности, кратности или количества действия и семантически с ним соотнесены. Глаголы, выражающие ту или иную совершаемость, представлены всегда лишь одной видовой формой».

Это значит, что каждый исходный глагол обладает своими, допускаемыми его индивидуальным лексическим значением, «формами» совершаемости. Так, например, к глаголу *ходи́ть* образуется «пердуративная» совершаемость *проходи́ть*, ср. *Он проходи́л це́лый день*. Глагол *проходи́ть* (с/в) рассматривается нами как глагол с выраженной совершаемостью в силу того, что к этому глаголу отсутствует парный глагол несовершенного вида «прохáживать» (целый день).[1] Глагол *просиде́ть*, образованный от исходного глагола *сиде́ть*, нами не считается глаголом с выраженной совершаемостью, ибо он составляет с глаголом *проси́живать (це́лый день)* новый глагол-лексему *просиде́ть//проси́живать*.

С другой стороны, значение определённой совершаемости не связано обязательно только с одной определённой морфемой. Значение «дистрибутивной» совершаемости может быть, например, передано приставками *по-* или *пере-*, ср. *Все матро́сы попры́гали в во́ду; Он переби́л всю посу́ду*.

Читатель, несомненно, с нетерпением ждёт ответа на «роковой» вопрос: к какой же области языка относится, наконец, то, что здесь названо «совершаемостью», к грамматике или к лексике, к формообразованию или к словообразованию? Если образование совершаемостей является приёмом грамматическим, то следует без оговорок ввести термин «формы совершаемости». А если грамматическая форма является конкретизацией грамматической категории, то и совершаемости надо будет считать грамматическими категориями. Но правомерно ли умножать число глагольных категорий славянских языков? Не противоречит ли введение новой грамматической категории всему тому, что является тщательно отработанным достоянием русской и вообще славянской грамматической традиции? А если «совершаемости» не могут быть признаны грамматическими категориями, то их следует просто отнести к приёмам глагольного словопроизводства, к лексике, и в этом случае им нет места в курсе, посвящённом грамматическому строю русского языка.

При современном состоянии разработанности общей граммати-

---

[1] Существующий в русском языке глагол *прохáживать* (нс/в) является глаголом переходным в значении «водить на прогулку, медленно водить», напр. *прохáживать лошадь*.

ческой теории на этот «роковой» вопрос трудно ответить однозначно. Проблема самой сущности грамматических категорий толкуется разными авторами по-разному и не получила ещё ясного и общепризнанного решения.[1]

В том строгом и умышленно несколько упрощённом толковании грамматических категорий, которое дано в I томе настоящей книги (стр. 39 и сл.), совершаемость признать грамматической категорией нельзя. Современная наука склонна рассматривать в качестве грамматической категории лишь бинарные отношения, т. е. отношения, «выраженные в грамматическом строе языка через противопоставление двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или групп) форм»,[2] «Грамматические категории — не просто формы, не ‚набор' форм, а строго определённое отношение между ними, и, следовательно, наличие в языке нескольких форм одного и того же слова само по себе не является ещё грамматической категорией», пишет Д. А. Штелинг.[3] Признавая бинарность отношений, выражаемых грамматическими категориями, за решающий их признак, придётся отказаться от попытки, рассматривать «совершаемости» как грамматические категории славянского глагола. Это, однако, не мешает нам рассматривать совершаемости как явления, стоящие на грани между (лексическим) словообразованием и (грамматическим) формообразованием. Отнести совершаемости огульно к лексике — это значит

---

[1] Ср. Б. Н. Головин: К вопросу о сущности грамматической категории (на материале русского языка), ВЯ 1955/1; — А. И. Моисеев: О грамматической категории, Вестник ЛГУ, 1956, № 2; — Н. С. Поспелов: Проблема частей речи в русском языке, Vorträge auf der Berliner Slawistentagung (11.—13. November 1954), Berlin 1956, 29/40; — его же: Соотношение между грамматическими категориями и частями речи. (На материале современного русского языка), Вопросы грамматического строя, М. 1955, 74/91; — I. Poldauf: Atemporálnost jako gramatická kategorie českého slovesa. Slovo a slovesnost 9 (1949) 3, 121/132; его же: Podíl mluvnice a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu, Studie a práce linguistické I, Praha 1954, 200/206; — Fr. Kopečný: Základy české skladby, Praha 1958, 14/17; — Д. А. Штелинг: О неоднородности грамматических категорий, ВЯ 1959/1, 55/64.

[2] Д. А. Штелинг: О неоднородности грамматических категорий, ВЯ 1959/1, 56.

[3] Там же, 61.

не видеть их специфического места в кругу славянского внутриглагольного слово- и формообразования.

Конечно, в любом словаре глаголы, выражающие ту или иную совершаемость, будут всегда приводиться на своём алфавитном месте в качестве «самостоятельных» глаголов; но это принципиально ничего не меняет: ведь и члены видовой пары, являющиеся, по мнению большинства современных аспектологов, именно грамматическими формами одного и того же глагола, в словаре приводятся неизбежно на своём алфавитном месте: этого требует вся общая установка лексикографической практики. Но можно себе представить словарь, в котором все совершаемости каждого глагола будут приведены также в статье исходного глагола, например:

> **ГОВОРИ́ТЬ** -рю́ -ри́шь; -рённый (-ён -ена́) *несов.; начинат.* **заговори́ть**; *огранич.* **поговори́ть**; *сатурат.* **наговори́ться**; *партит.-кумул.* **наговори́ть**; *пердурат.* **проговори́ть**; *эволют.* **разговори́ться**; *многократ.* **гова́ривать**; *комитат.* **приго́варивать**; *прерыв.-смягчит.* **погова́ривать** и т. п.

Включение совершаемостных образований в словарную статью позволит дать более полную грамматическую характеристику данного глагола.[1] Приведённые здесь совершаемости глагола *говори́ть* принципиально отличаются от таких глаголов, как *вы́говорить*//*выгова́ривать*, *отговори́ть*//*отгова́ривать*, *сговори́ться*//*сгова́риваться*, т. к. эти последние представлены видовыми парами и, следовательно, образуют самостоятельные глаголы-лексемы. К тому же, значение таких глаголов, как *сговори́ться*//*сгова́риваться*, не может быть однозначно определено ссылкой на общее (совершаемостное) значение, т. к. глагол *сговори́ться*//*сгова́риваться* семантически оторвался от системы глагола *говори́ть*.

Совершаемость и вид теснейшим образом связаны не только с синхронной точки зрения, но и исторически. «Базу возникновения вида в собственном смысле, т. е. совершенности и несовершенности, составляли предельные глаголы[2] и, в первую очередь, приставочные глаголы результативного способа действия», пишет Ю. С. Маслов.[3] Но возникновение видовой кор-

[1] В соответствии с лексикографической традицией все совершаемости будут приведены и на своём алфавитном месте с указанием, определяющим их отношение к глаголу *говори́ть*.

[2] Соответствует в нашей терминологии понятию «курсивных глаголов».

[3] Ю. С. Маслов: Роль так называемой перфективации..., 33.

реляции СВ/НСВ не упразднило совершаемости в славянских языках. Напротив: число совершаемостей возросло. Современные славянские языки отличаются друг от друга и числом и сущностью ряда совершаемостей (о чём подробнее ниже). Возможность переоценки совершаемостей в древнем языке, возможность частичной грамматикализации некоторых из них, втягивание совершаемостей в современную видовую систему показывает, что совершаемости являлись и являются именно переходным членом от семантики лексической к семантике грамматической. Именно близость значений некоторых совершаемостей к общему значению совершенного вида приводила и приводит многих учёных к смешению чистовидовых форм с формами совершаемости.

Исключить рассмотрение совершаемостей из систематического анализа грамматического строя современного русского (или любого иного славянского) языка — значило бы оставить без внимания весьма существенную сторону глагольного словопроизводства в этих языках.

В дальнейшем мы будем исходить не из значений отдельных морфем (приставок, суффиксов), а из значения совершаемостей, что позволит нам более выпукло проследить их специфику в сопоставительном плане.

Квалификаторы и модификаторы глагольного значения

В разделе, посвящённом перфективации простых глаголов несовершенного вида (стр. 167 и сл.), уже говорилось о том, что простые, бесприставочные глаголы нс/в, как правило, не могут образовать чистовидовых форм с/в. Это связано, в первую очередь, с очень общим, «диффузным» или «недетерминированным» значением таких глаголов, как *рвать*, *бить*, *ре́зать*, *ма́зать*, *трясти́* и т. п. Действие, выражаемое этими глаголами, не может быть представлено в качестве «целостного, сомкнутого события» без дополнительной семантической детерминации. Необходимым условием перфективации таких глаголов является некое семантическое сужение их значения, та или иная квалификация или модификация выражаемого ими действия.

В качестве семантического «квалификатора» бесприставочного глагола может выступать любая приставка. Глаголы *разорва́ть*, *сорва́ть*, *оторва́ть*, *вы́рвать* и т. п. семантически у́же и в то же время «полнее» простого глагола *рвать*. Приставки *раз-*, *со-*, *ото-*, *вы-* квалифицируют значение глагола *рвать*, так сказать,

с внешней стороны, т. е. прибавляют к исходному значению глагола *рвать* ещё дополнительные, уточняющие оттенки значения. И эти дополнительные оттенки значения настолько существенны, что приставочные глаголы этого типа отрываются от своего исходного глагола, образуя новые, самостоятельные глаголы-лексемы типа *разорва́ть//разрыва́ть*, *сорва́ть//срыва́ть*, *оторва́ть//отрыва́ть*, *вы́рвать//вырыва́ть*.

Вторым возможным приёмом семантического сужения простого бесприставочного глагола является сосредоточение внимания на каком-либо внутреннем признаке протекания действия, выраженного бесприставочным глаголом. Формальным средством такого рода семантического сужения простого глагола служат всё те же приставки (а также и суффиксы), выступающие в данном случае в функции «модификаторов» значения исходного глагола. В отличие от приставок-квалификаторов, характеризующих процесс с его внешней стороны (напр. *рва́ть — вы́рвать*, *разорва́ть* и т. д.), приставки-модификаторы не затрагивают индивидуальной семантики исходного глагола: действие, выражаемое, например, русскими глаголами *заговори́ть* «начать говорить» или *поговори́ть*, абсолютно тождественно с действием, выражаемым простым глаголом *говори́ть*. Специфика значения таких глаголов, как *заговори́ть* или *поговори́ть* заключается лишь в том, что эти глаголы сосредоточивают внимание на одном из фазисов действия, выражаемого глаголом *говори́ть*: *заговори́ть* в русском языке обозначает приступ к действию, *поговори́ть* — временно ограниченный фазис того же действия. Сосредоточивая внимание на одном из фазисов глагола *говори́ть*, т. е. модифицируя глагол *говори́ть* с внутренней его стороны, приставки *за-* или *по-* всё же сужают семантику исходного глагола, позволяя таким образом представить действие в качестве «целостного, сомкнутого события», т. е. допуская его перфективацию. Но если приставки-квалификаторы, сообщая исходному глаголу дополнительные, «внешне» уточняющие оттенки значения, способствуют семантическому и грамматическому отрыву приставочных образований от простого, бесприставочного глагола (ср. *рвать — разорва́ть//разрыва́ть*, *вы́рвать//вырыва́ть* и т. п.), то приставки-модификаторы, сосредоточивающие внимание на «внутренний» признак протекания процесса (на один из его «фазисов»), не нарушают семантической (и граммати-

ческой) связи между исходным глаголом типа *говори́ть* и его совершаемостями типа *заговори́ть* «начать говорить» или *поговори́ть* (некоторое время). В то же время эти перфективированные формы типа *заговори́ть* или *поговори́ть* не являются вполне самостоятельными глаголами: не имея приставочных форм вторичного несовершенного вида, эти глаголы остаются соотнесёнными с бесприставочными глаголами несовершенного вида: *заговори́ть — говори́ть, поговори́ть — говори́ть*. Как уже неоднократно подчёркивалось, это соотношение нельзя считать чистовидовым: глаголы типа *заговори́ть* или *поговори́ть* содержат ещё и дополнительное совершаемостное значение «начинательности» или «ограничительности».

РАЗРЯДЫ СОВЕРШАЕМОСТЕЙ

Начинательная совершаемость

Начинательная («инцессивная» или «ингрессивная») совершаемость сосредоточивает внимание на приступе к действию, который представляется как целостное событие (напр. *Он запла́кал* «начал, стал плакать»). Начинательная совершаемость образуется далеко не от всех глаголов нс/в, а только от таких простых глаголов, общая семантика которых не исключает возможности семантической «наводки фокуса» на приступ к действию.[1]

Значение «приступа к действию», выражаемое начинательной совершаемостью, не кроется со значением начала действия, выражаемого фазисными глаголами *(нача́ть, стать, приня́ться)* с инфинитивом. Совершаемость обычно относится к конкретному единичному действию, напр. *Он встал и заходи́л*. Начало узуального действия обычно не выражается совершаемостным образованием: нельзя, например, сказать «Он заходи́л в шко́лу» (в значении «он стал, начал ходить в шко́лу»).[2] Лишь в редких случаях начинательная совершаемость может выражать приступ к узуальному действию, ср. *По́сле сме́рти жены́ он за́пил* ‚začal pit', *Он за́жил по-но́вому* ‚začal nový život'.

Начинательная совершаемость образуется от многочисленных

[1] Начинательная совершаемость не может быть образована, например, от глаголов типа *висе́ть, стоя́ть, лежа́ть, знать, сто́ить* и мн. др.

[2] Приношу свою благодарность Е. П. Кржижковой за это интересное указание.

бесприставочных глаголов нс/в посредством приставок *за-*, *вз-* и *по-*.

Приставка *за-*. Начинательное значение приставки *за-* проявляется:

а) в глаголах, обозначающих акустические явления (глаголы речи и звука), напр. *зашуме́ть* «начать шуметь».

Эта группа необыкновенно продуктивна, ср. *зааплоди́ровать*, *зае́хать*, *забараба́нить*, *забаси́ть*, *забле́ять*, *забренча́ть*, *забу́хать*, *завизжа́ть*, *завопи́ть*, *заворча́ть*, *зави́ть*, *заговори́ть* (ср. *Все заговори́ли ра́зом*), *загромыха́ть*, *загрохота́ть*, *загуде́ть*, *зажужжа́ть*, *зазва́ть*, *заигра́ть* (ср. *Заигра́л орке́стр*), *зака́шлять*, *заколоти́ться* (напр. *Се́рдце заколоти́лось*), *закрича́ть*, *закряхте́ть*, *зала́ять*, *замяу́кать*, *заора́ть*, *забхать*, *запе́ть*, *запищи́ть*, *запла́кать*, *заре́веть*, *заропта́ть*, *зарыча́ть*, *засвиста́ть*, *засвисте́ть*, *заскрежета́ть*, *заскрести́*, *заскрипе́ть*, *заскули́ть*, *засмея́ться*, *застуча́ть*, *затрещи́ть*, *затруби́ть*, *захохота́ть*, *захрапе́ть*, *захло́пать*, *захрипе́ть*, *зашепта́ть*, *заши́кать*, *зашурша́ть*, *защёлкать* и т. д.; «открытый» ряд;

б) в глаголах, обозначающих оптически воспринимаемые явления, напр. *зазелене́ть* «начать зеленеть».

В эту группу входят: *заале́ть*, *забеле́ться*, *заблиста́ть*, *закрасне́ться*, *залосни́ться*, *замелька́ть*, *запестре́ть(ся)*, *зарябе́ть*, *засия́ть* и др.;

в) в глаголах, обозначающих обонятельные восприятия, напр. *запа́хнуть* «начать па́хнуть», *завоня́ть*, *заблагоуха́ть*, *засмерде́ть* и т. п.;

г) в некоторых непереходных глаголах перемещения, образованных от «ненаправленных» глаголов, напр. *забе́гать* «начать бегать», *зала́зить*, *зае́здить*, *залета́ть* «начать летать», *запла́вать*, *запо́лзать*, *затаска́ться*, *заходи́ть* (ср. *Больно́й встал и заходи́л*). Сюда же: *зашага́ть*, *запры́гать*.

д) в ряде других глаголов, не поддающихся семантическому обобщению, напр. *забеспоко́иться* «начать беспокоиться».

Далее: *зава́жничать*, *завиля́ть (хвосто́м)*, *задви́гаться*, *задёргать*, *задыми́ться*, *задыша́ть*, *заёжиться*, *заёрзать*, *зажева́ть*, *зажи́ть (по-новому)*, *зака́пать*, *закива́ть*, *заклева́ть* (ср. *К ве́черу ры́ба заклева́ла*), *заклуби́ться*, *заковыля́ть*, *закоси́ть*, *закружи́ть*, *закури́ть* («начать курить»), *замета́ться*, *замига́ть*, *замороси́ть*, *заны́ть*, *запари́ть* (напр. *Опя́ть запари́ло*), *запе́ниться*, *запи́ть* («начать пить»), *заплеса́ть*, *засочи́ться*, *зарабо́тать* (ср. *Маши́на зарабо́тала*), *засуети́ться*, *затанцева́ть*, *затоскова́ть*, *захлопота́ть*, *захрома́ть*, *зашага́ть*, *зашевели́ть* и др.

Как видно из приведённых примеров, начинательная совершаемость с приставкой *за-* образуется только от непереход-

ных глаголов.[1] Начинательное значение приставки *за-* отчётливо выделяется только в сочетании с непереходными глаголами, ср. *У меня́ ко́лет в боку́* — *у меня́ заколо́ло в боку́* ‚začalo ma pichať v boku'; *С се́вера зады́ло холо́дным ве́тром* ‚od severu začal fúkať studený vietor'. В сочетании с теми же глаголами в переходном значении приставка *за-* приобретает совершенно другое значение, ср. *заколо́ть поросёнка* ‚zaklať', *заду́ть свечу́* ‚sfúknuť'. Только в этом втором значении глаголы *заколо́ть* или *заду́ть* образуют видовые пары: *заколо́ть//зака́лывать*, *заду́ть//задува́ть*. Трудно сомневаться в том, что глаголы *заколо́ть* I (в начинательном значении) и *заколо́ть* II ‚zaklať' не являются двумя разными значениями одного глагола, а двумя омонимами. Омонимичность глаголов *заколо́ть* I (в начинательном значении) и *заколо́ть* II *(поросёнка)* вытекает из омонимичности самих приставок: *за-* I (приставка-модификатор) и *за-* II (приставка-квалификатор). Ср. ещё *закури́ть* I «начать курить» (напр. *Он сно́ва закури́л*; к глаголу *кури́ть* в непереходном значении) и *закури́ть* II *(папиро́су)* ‚zapáliť si' в переходном значении. Глагол *закури́ть* II образует видовую пару: *закури́ть//зако́ривать*. Ср. также непереходный глагол *запи́ть* I «начать пить, придаться алкоголю» и переходный глагол *запи́ть//запива́ть* II, например: *запи́ть лека́рство водо́й*.

Нельзя не заметить, что многие глаголы, образующие начинательную совершаемость, образуют также и однократные глаголы на *-нуть*, т. е. обладают «многофазисным характером действия», ср. *(за)а́хать — а́хнуть*, *(за)бу́хать — бу́хнуть*, *(за)громыха́ть — громыхну́ть*, *(за)зва́кать — зва́кнуть*, *(за)ка́шлять — ка́шлянуть*, *(за)крича́ть — кри́кнуть*, *(за)мяу́кать — мяу́кнуть*, *(за)о́хать — о́хнуть*, *(за)пища́ть — пи́скнуть*, *(за)свисте́ть — свисну́ть*, *(за)скрести́ — скребну́ть*, *(за)стуча́ть — сту́кнуть*, *(за)хло́пать — хло́пнуть*, *(за)шепта́ть — шепну́ть*, *(за)щёлкать — щёлкнуть; (за)виля́ть — вильну́ть*, *(за)дви́гаться — дви́нуться*, *(за)дёргать — дёрнуть*, *(за)дыша́ть — дохну́ть*, *(за)кива́ть — кивну́ть*, *(за)ковыля́ть — ковыльну́ть*, *(за)клева́ть — клю́нуть*, *(за)кури́ть* — разг. *курну́ть*, *(за)мига́ть — мигну́ть*, *(за)шага́ть — шагну́ть* и т. д. Многофазисный характер действия, по-видимому, связан не только с возможно-

[1] Е. А. Земская отмечает, что приставка *за-* придаёт начинательное значение «так же часто» и переходным глаголам «конкретного физического действия», напр. *забросáть*, *закидáть*; ср. Типы одновидовых приставочных глаголов..., Исслед. по грамм. русск. лит. яз., 1955, 9. К сожалению, автор не приводит примеров на начинательное употребление таких глаголов.

стью выделить «один изолированный фазис действия» в однократных образованиях на *-нуть*, но и выделить начальный фазис этого действия.

Начинательное значение следует, на наш взгляд, признать не только за глаголом *захоте́ться* (Ушаков: «начать хотеться»), но и за глаголом *захоте́ть*, который обычно рассматривается как «форма совершенного вида» к глаголу *хоте́ть* (Ушаков I 1068).

Как видно, сфера применения начинательной приставки *за-* ограничена. Тем не менее возможны многочисленные новообразования с начинательной приставкой *за-*; в случае необходимости могут быть образованы такие начинательные глаголы, как *зачита́ть* «начать читать», *записа́ть* (напр. *Перо́ сно́ва записа́ло*),[1] *застреля́ть* (напр. *Оруди́я застреля́ли*) и т. п.

Начинательная совершаемость, как и всякая другая совершаемость, охарактеризована морфологической «дефективностью» — одновидовостью. Но малейший сдвиг в семантике начинательного глагола в сторону его обособления от исходного бесприставочного глагола неизбежно влечёт за собой и его полный морфологический отрыв от исходного глагола. Начинательный глагол, семантически так или иначе оторвавшийся от исходного бесприставочного глагола, становится самостоятельным глаголом-лексемой, образуя вторичную приставочную форму несовершенного вида. Глагол *заболе́ть* (ср. *Он серьёзно заболе́л* ‚ochorel') не может рассматриваться как начинательная совершаемость к глаголу *боле́ть*: это сказывается прежде всего в значении глагола *заболе́ть*, который в словарях толкуется не как «начать болеть»,[2] а как «стать, сделаться больным» (Ушаков, Ожегов), а затем и в наличии полной глагольной лексемы *заболе́ть*//*заболева́ть*. Естественно, что общее значение «начала действия» сохраняется и в глаголе *заболе́ть*//*заболева́ть*, но это лексическое значение уже не тождественно с совершаемостным значением начинательности. Точно так же общее

---

[1] «С того только времени все русские люди *заговори́ли* и *записа́ли* двоечленными предложениями, о которых они до той поры и понятия не имели» (Лебедев, Разбор «Филологических наблюдений» Г. Павского, Современник 28, 1851). Пример приведён у Е. А. Земской, цит. соч., 11.

[2] Не путать глагол *заболе́ть* в значении «стать больным», слвц. ‚ochorieť' с омонимом *заболе́ть* «начать болеть», являющимся начинательной совершаемостью к глаголу *боле́ть* ‚bolieť', ср. *У меня́ заболе́ли зу́бы*.

лексическое значение «начала действия» наличествует в глаголах типа *замолчáть//замолкáть* или *зацвестú//зацветáть*, но наличие видовой пары здесь исключает возможность толкования глаголов совершенного вида *замолчáть* или *зацвестú* как совершаемостных форм к глаголам *молчáть* или *цвестú*.

В сопоставительном плане вопросы совершаемости приобретают особый интерес. Оказывается, что несмотря на общую структурную близость русского языка — с одной стороны, словацкого и чешского — с другой, состав и диапазон совершаемостей глагольного действия в наших языках не совпадают. Систематический показ имеющихся здесь тонких, но характерных различий поможет нам более пластично вскрыть видообразовательные и словообразовательные возможности исследуемых языков.

Говоря о фазисных глаголах в чешском языке, проф. Вл. Шмиляуер приводит, между прочим, и ряд глаголов с приставкой *za-*, обозначающих «начало действия», например: »*za*topil v kamnech (= začal topit); *za*rděl se (= začal se rdít); *za*hořel láskou; *za*notoval píseň«.[1] Рассматривая категорию глагольного вида как категорию лексическую, автор не считает нужным проводить строгую грань между приёмами глагольного словообразования и приёмами образования совершаемостей. Несомненно, глаголы типа *zatopit* или *zardít se* в известном смысле выражают «начало действия», но они не могут быть истолкованы как формы начинательной совершаемости. Ведь *zatopil (v kamnech)* вовсе не значит «začal topit», а только «zapálil topivo»; кроме того, этот глагол представлен видовой парой *zatopit//zatápět* и, следовательно, должен рассматриваться как самостоятельный глагол-лексема, а не как совершаемостная форма к глаголу *topit*. Глагол *zardít se*, имеющий форму несовершенного вида *zardívat se*, точно так же является самостоятельным глаголом, а не формой начинательной совершаемости; к тому же семантический анализ показывает, что *zarděl se* вовсе не значит «začal se rdít», а соответствует русскому «он зарделся», т. е. «стал багровым, красным», «покраснел». О начинательной совершаемости — с некоторыми оговорками — можно было бы говорить только у глаголов *zahořet* «загореться» и *zanotovat* «запеть».

Глаголы типа слвц. *zaplakať* обозначают «неопределённую меру действия» («presne neurčená miera»[2]). Это значит, что между русским *запла́кать* «начать плакать» и слвц. *zaplakať* нет семантического параллелизма. Глагол *zaplakať* скорее всего соответствует русскому *всплакну́ть* или

---

[1] Vl. Šmilauer: Slovesný vid a způsob slovesného děje. První hovory o českém jazyce, 1946, 93.

[2] E. Pauliny: Odvodzovanie slovies podľa slovesného vidu, Slovo a tvar 4 (1950), 3, 90.

поплáкать, ср. Čo raz spomenula muža, musela za ním zaplakať (Tvrdý). Точно такое же значение «неопределённой меры действия» (т. е. «ограничительной» совершаемости) имеют словацкие глаголы типа *zahniezdiť sa* «поёрзать», *zakolísať sa* «поколебáться» и т. п. В ряде случаев значение, придаваемое словацкому простому глаголу приставкой *za-*, можно передавать на русском языке однократными глаголами, например: *zakričať* «крикнуть». Но далеко не во всех случаях совершаемостный оттенок значения переводим, ср. *zabzučať* «издать звук жужжания, зажужжать», *zafňukať* «издать звук хныкания, захныкать, похныкать». Глаголы типа *зажужжáть*, *захнúкать*, *похнúкать* не соответствуют в точности словацким глаголам с *za-*; они являются лишь «переводными эквивалентами».

В ряде случаев значение словацких глаголов с приставкой *za-* осложняется ещё употреблением возвратного местоимения *si*, ср. *zafajčiť si*. Здесь возвратное местоимение в дательном падеже выражает добавочный оттенок «удобства», «удовольствия», «наслаждения», сопровождающий действие. Иными словами: глаголы типа *zafajčiť si* имеют «медиальное» значение, известное у глаголов среднего залога в древнегреческом или в санскрите, ср. *zajajčiť si* «покурить с удовольствием», *zaspievať si* «попеть со вкусом», *zatancovať si* «потанцевать с удовольствием». Ср. ещё *Dnes som si dobre zahral, zaplával, zaprednášal.*

Из сказанного вытекает, что приставка *za-* в словацком (и чешском) языке не имеет начинательного значения. Чтобы точно передать совершаемостное значение русских глаголов типа *заговорúть* или *заходúть*, словацкий язык должен прибегать к описаниям типа ‚začať hovoriť' или ‚začať chodiť'. Это, однако, не значит, что в переводах словацкие глаголы с приставкой *za-* не могут быть переданы русскими глаголами с приставкой *за-* в начинательном значении. Словацкий глагол *zatočiť sa* по своему значению ближе всего подходит к русскому глаголу *покружúться*, но в предложении *Zatočila sa mi hlava* следует употребить русский начинательный глагол: *У меня́ закружúлась голова́.*[1]

[1] Весьма поучительно проследить переводные эквиваленты в хороших литературных переводах. При сравнении первой главы романа «Пётр I» А. Толстого с чешским переводом оказывается, что начинательное значение русских глаголов с приставкой *за-* только в редких случаях передаётся при помощи описания с глаголом *začať:*

... юро́дивый *запры́гал* по-собачьему... ‚začal skákat' ... да и *завопúл* к наро́ду... ‚začal výt'

Гораздо чаще русский начинательный глагол с приставкой *за-* переводится чешским глаголом с приставкой *za-*, хотя, как мы знаем, эта приставка в чешском языке не выражает начинательности, ср.:

... поса́дский э́тот *застучáл* ногтя́ми... ‚zaťukal'
Мя́гкие щёки поса́дского *задрожáли*... ‚se zatřásly'
...*захохотáл*... ‚zasmál se'
— Ребя́та, — *зашептáл*... ‚zašeptal'
Поса́дский... *застучáл* зубáми... ‚zuby mu zadrkotaly'
...горя́чим хле́бом *запáхло* в кривы́х переу́лках... ‚zavonělo horký chléb'
никто́ не *засмея́лся*... ‚ani jediný se nezasmál'.

Сопоставление русских и словацких (чешских) фактов показывает, что наши языки по-разному стилизуют отношение говорящего к тем или иным подробностям протекания глагольного действия; русскому *зашагáть* «начать шагать» в словацком языке соответствует глагол *vykročiť*, хотя приставка *vy-* здесь сохраняет в какой-то степени своё местное значение, в то время как русская приставка *за-* ориентирует на исходную точку во времени, а словацкая — в пространстве.

Приведённые переводы можно признать вполне «правильными», т.к. они адекватно передают нужный стилистический оттенок оригинала.

Приставка *вз- (вс-, взо-)*. Образование начинательной совершаемости при помощи этой приставки крайне ограничено.

Из чисто русских начинательных глаголов с приставкой *вз-(вс-, взо-)* большинство не относится к литературной лексике. С формальной точки зрения следует отметить, что глаголы этого типа образуются обыкновенно при помощи приставки *вз-* в сочетании с переводом глагола в возвратную форму, ср. *взáхаться* «начать усиленно ахать, жаловаться», *взбушевáться*, *взвонять*ся,[1] *взгомозúться* «встревожиться», *взгомонúться* «поднять гомон, беготню», *взроптáться*, *всшумéться* и некоторые другие. Приставка *вз-* выражает в приведённых случаях, по-видимому, особый экспрессивный оттенок, подчёркивающий иногда внезапность наступления действия; ср. семантическую разницу между *вскричáть* и *закричáть*, *вспетушúться* и *запетушúться* ‚rozčertiť sa'. Большинство глаголов этого типа относится к экспрессивному или просторечному слою русской лексики.[2]

Вне явных заимствований из церковнославянского начинательные глаголы на *вз-* в невозвратной форме исключительно редки, ср. *взвыть* ‚zavyť', *взголосúть* ‚začať horekovať', *взревéть* ‚začať revať, rozrevať sa', *вскричáть*.

[1] Особую, совершенно непродуктивную группу составляют немногочисленные глаголы книжного, часто устарелого или риторического языка, образованные при помощи церковнославянской приставки *вов-//вос-*. Сюда относятся: *возлюбúть* ‚začať milovať', *возненавúдеть* ‚začať nenávidieť', *возмечтáть* ‚začať snívať', *возопúть* ‚začať kričať', *вострепетáть* ‚začať sa chvieť', *вострубúть* ‚začať trúbiť', *восхотéть*. Большинство этих книжных глаголов являются стилистическими вариантами начинательных глаголов с другими приставками, ср. *полюбúть*, *завопúть*, *затрепетáть*, *затрубúть*, *захотéть*.

[2] Большой русско-чешский словарь, Прага 1952.

В ряде случаев начинательная совершаемость заметно выветривается. В глаголе *вскипе́ть*//*вскипа́ть* «прийти в состояние кипения» значение начинательности утрачено; наличие вторичного имперфективного глагола показывает, что глагол *вскипе́ть* успел семантически оторваться от своего исходного глагола *кипе́ть*. Подобное отношение наблюдается в глаголе *взмоли́ться*//*взма́ливаться* «начать, начинать упрашивать».

Начинательное значение приставки *вз-* развилось вторично из более конкретного первичного её значения («движение вверх»), ср. *вос-ходи́ть*, *вос-ста́ть*, *воз-дви́гнуть*, чеш. *vzhůru* «вверх». Приставки, обозначающие «движение вверх», употребляются в начинательном значении и в других языках, ср. нем. *auf-schreien* «вскричать», англ. *to speak up* «заговорить».

Приставка *по-*. Область применения этой приставки в начинательном значении крайне ограничена: начинательная совершаемость на *по-* образуется лишь от «однонаправленных» глаголов перемещения типа *побежа́ть* ‚dať sa do behu, vybehnúť, rozbehnúť sa', *погна́ться* ‚pustiť sa (za niekým)', *полете́ть* ‚začať letieť, rozletieť sa, vyletieť', *поплы́ть* ‚začať plávať', *потащи́ть* ‚začať vliecť' и т. п. К этой группе примыкают отдельные глаголы, близкие по своему значению к глаголам перемещения, ср. *помча́ться* ‚pustiť sa', *поскака́ть* ‚dať sa cvalom (niekam)'.

Напомним, что начинательная совершаемость от «ненаправленных» глаголов перемещения образуется при помощи приставки *за-*, например: *заходи́ть* ‚začať chodiť', *забе́гать* ‚začať behať'. В известных условиях (например, в прошедшем времени, в перф. презенсе, в императиве) начинательное значение глаголов типа *пойти́*, *побежа́ть*, *полете́ть* и т. п. может стушеваться. Предложение *Он пошёл в го́род* может обозначать «он отправился, стал идти в город» (начинательное значение), или же «он ушёл, его нет» (перфектное значение прошедшего времени совершенного вида).

Словацкому и чешскому языку приставка *по-* в начинательном значении, по-видимому, чужда. В ряде случаев значение русской начинательной приставки *по-* может быть передано приставками *vy-* или *roz-*, например: *полете́ть* ‚vyletieť, rozletieť sa', *поплы́ть* ‚vyplávať', *побежа́ть* ‚rozbehnúť sa'.

Известный оттенок начинательности ощущается у глаголов *поду́ть*, *полюби́ть*, *посы́паться*, *почу́вствовать*. Эти глаголы трактуются в словарях как формы совершенного вида к простым глаголам *люби́ть*, *чу́вствовать*. Ср. ещё *послы́шаться* («В кори-

дóре *послы́шались* чьи́-то шаги́»). Е. А. Земская относит эти глаголы к начинательным (цит. соч. 13).

Проф. Вл. Шмиляуер относит к начинательным глаголом такие глаголы, как чеш. *nakousnouti*, (слвц. *nahryznúť* «надкусить»), чеш. *naříznouti* «надре́зать»; *vyrazili* «отправиться», *vyběhnouti* «вы́бежать»; *rozfouknouti oheň* «раздуть костёр» и т. п.[1]

Слвц. приставка *na-*, соответствующая русской приставке *над-* в указанных случаях, не обозначает начальный момент действия (как, например, *за-* в *заговори́ть*), а лишь действие, направленное на часть поверхности объекта, ср. *надкуси́ть я́блоко*, *надре́зать апельси́н*. Здесь нет и намёка на начало действия. Глаголы с приставкой *над-* являются в русском языке самостоятельными глаголами-лексемами, ср. *надкуси́ть//надку́сывать*, *надре́зать//надреза́ть* и т. п.

Приставка *vy-* в глаголах типа *vybehnúť* имеет явно пространственное значение, ничего общего с начинательной совершаемостью не имеющее. Глагол *vyrazil* семантически даже не соотнесён с глаголом *razil* и поэтому не может обозначать «начало действия, выраженного глаголом *razil*».

Что же касается приставки *roz-*, то проф. Вл. Шмиляуер толкует её значение в приведённых примерах как «привести в действие, состояние, начать действие».[2] Как показал Н. Польдауф, приставка *roz-* выражает развитие, развёртывание действия, «постепенное достижение интенсивности, характерной для данного действия».[3]

Некоторые исследователи понимают термин «способ глагольного действия» гораздо шире и включает в это понятие не только семантические модификации, вносимые в значение исходного глагола посредством приставок *(за-говори́л, вз-рева́л, по-бежа́л)*, но и разные типы семантической модификации, выражаемые лексическими или синтаксическими средствами. Общее значение «начинательности» может, как известно, быть выражено в русском языке также сочетанием «фазисных» глаголов *нача́ть//начина́ть*, *пусти́ться*, *бро́ситься*, *приня́ться//принима́ться*, *стать* с инфинитивом, например: *он на́чал шуме́ть*, *он пусти́лся бежа́ть*, *он бро́сился бежа́ть*, *он при́нялся крича́ть*, *он стал писа́ть* и т. п. «Начинательное» значение можно также уловить в конструкциях типа *а он бежа́ть* (= «бросился бежать»), *а он и ну́ бежа́ть*, *он и дава́й бежа́ть* и т. п. На основании семантического признака «начинательности» подобные сочетания можно было бы рассматривать как своеобразные «описательные формы» начинательной совершаемости. Относя совершаемости к сфере внутриглагольного словопроизводства, мы не считаем возможным включать подобные сочетания (т. е. факты по существу синтаксические) в круг исследуемых нами фактов морфологического порядка.

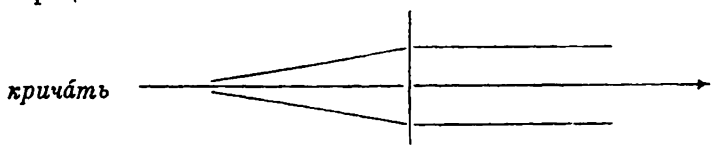
[1] Vl. Šmilauer: Slovesný vid a způsob slovesného děje. První hovory o českém jazyce. Praha 1946, 93.

[2] Там же.

[3] I. Poldauf: Podíl mluvnice... Studie a práce linguistické I, Praha 1954, 219.

Эволютивная совершаемость

С начинательной совершаемостью не следует смешивать непарные глаголы, образованные посредством приставки раз-/рас- в сочетании с возвратным аффиксом -ся, например: *крича́ть — раскрича́ться*, слвц. *kričať — rozkričať sa*. От начинательной совершаемости эти глаголы отличаются тем, что выражают не приступ к действию (ср. *за-крича́ть* «начать кричать»), а достижение максимальной интенсивности, характерной для данного действия в результате постепенного нарастания этой интенсивности в начальном фазисе действия. Предлагаем назвать этот совершаемостный оттенок «эволютивным». Словарь Ушакова даёт следующее толкование значения глагола *раскрича́ться:* «поднять сильный крик, начать продолжительно кричать» (III 1228). Вторая часть толкования нам кажется не совсем точной. В семантике глаголов этого типа отсутствует, на наш взгляд, указание на «продолжительность» действия, которое здесь выражено в совершенном виде и, следовательно, по своей природе не может быть воспринято как «продолжительное». Само «начало» действия лежит вне предела значения глагола *раскрича́ться:* этот глагол обозначает лишь момент достижения максимальной интенсивности процесса, которому предшествовал какой-то отрезок времени «нарастания интенсивности этого процесса». Схематически:

К глаголам эволютивной совершаемости относятся: *а́хать — раза́хаться, бе́гать — разбе́гаться, болта́ть — разболта́ться, лени́ться — разлени́ться, бушева́ть — разбушева́ться, говори́ть — разговори́ться, петь — распе́ться, смея́ться — рассмея́ться, пляса́ть — распляса́ться, храбри́ться — расхрабри́ться, хохота́ть — расхохота́ться, шали́ть — расшали́ться, шуме́ть — расшуме́ться* и мн. др.

Глаголы этого типа легко утрачивают свой совершаемостный характер и переходят в класс самостоятельных парных глаголов, ср. *разгоре́ться//разгора́ться, разболе́ться//разба́ливаться* и т. п.

Некоторые глаголы с приставкой *roz-/rozo-* в сочетании с возвратным показателем *sa* в словацком языке приобретают несколько иной оттенок, ср. *rozhovoriť sa (zoširoka)*, *rozpísať sa (podrobne o niektorej otázke)*. Эволютивное значение здесь почти полностью утрачено. Тот оттенок значения, который передаётся в словацком языке глаголом с этой приставкой (ср. O význame vysokoškolskej reformy *sa rozhovoril* NN), можно по-русски выразить описательно, употребляя при этом форму несовершенного вида (ср. «О значе́нии рефо́рмы вы́сшей шко́лы *подро́бно и обстоя́тельно говори́л* НН»).

Несколько иной оттенок передаётся глаголами с приставкой *roz-/rozo-* в конструкциях типа *mám rozostavaný dom*, *mám rozpísanú prácu*, *mám rozpracovaný článok*. Причастные формы в этих сочетаниях скорее всего соответствуют русским причастиям с *недо-*: ≅ «у меня́ есть *недопи́санная* рабо́та, *недокóнченная* статья́», или же описательным оборотам с «начатый» *(на́чатая рабо́та, на́чатая статья́)*.

Ограничительная совершаемость

Ограничительная («делимитативная») совершаемость[1] сосредоточивает внимание на ограниченном отрезке (фазисе) действия, представляемого как целостное, сомкнутое событие: *Он порабо́тал* «провёл некоторое время, работая», *Я posiedžu* ‚posedím'.

Наиболее стандартным выразителем ограничительной совершаемости в русском языке является приставка по- (ср. *поговори́ть*, *поспа́ть*, *почита́ть*). Лишь в исключительно редких случаях ограничительность выражается приставкой вз- в сочетании с суффиксом -нуть (ср. *дрема́ть — вздремну́ть* ‚zdriemnuť si'). В словацком и чешском языках ограничительная совершаемость выражается приставками *za-* (ср. *zamávať* «помаха́ть»), *po-* (ср. *posedieť* «посиде́ть») и, единично, приставкой *z-/s-* (ср. *zdriemnuť si*, чеш. *zchrupnout si*).

---

[1] А. А. Шахматов называет эту совершаемость «определительным подвидом совершенного вида» (в терминологии Г. К. Ульянова — детерминативный), но говорит почему-то об ограниченном временном проявлении признака «в будущем времени». Ср.: «Из трудов...», 1952, 90.

Значение ограничительности следует понимать относительно. Глагол *поработать* может относиться к промежутку времени, измеряемому минутами или годами. Важно лишь то, что процесс, выраженный простым глаголом несовершенного вида *(работать)* без какого-либо ограничения во времени, в ограничительной совершаемости представляется замкнутым в известные пределы, своеобразно «суженным» во времени.

Ограничительная совершаемость с приставкой по- образуется в наших языках от простых глаголов несовершенного вида.

1. Ограничительная совершаемость от простых глаголов несовершенного вида в русском языке очень продуктивна: толковые словари обыкновенно не считают нужным приводить все глаголы с приставкой *по-* в ограничительном значении, т. к. подобные глаголы могут быть легко образованы. Однако эта продуктивность отнюдь не является универсальной; большие группы глаголов не знают ограничительной совершаемости.

Прежде всего бросается в глаза, что ограничительная совершаемость легче всего образуется от глаголов непереходных, например: *побесúться, побéдствовать, повеселúться, повоевáть, поворчáть, поговорúть, погрустúть, подвúгаться, подиктовáть, подýмать, подышáть, погулять, поéздить, пожúть, позевáть, поигрáть, покáшлять, полежáть, помахáть, помолчáть, понéрвничать, пооригинáльничать, поплáкать, попрыгать, порезвúться, посидéть, постоять, поупражня́ться, поучúтельствовать, потанцевáть, походúть, похрабрúться, почихáть, пошептáть, пощипáть* и мн. др. Можно образовать ограничительную совершаемость от глагола *писáть* в непереходном значении: *Он попúсал часóк и брóсил* ‚popísal si hodinku a prestal', реже в переходном значении: «Он попúсал свой урок». Ограничительная совершаемость обычно не образуется от глаголов типа *крыть, вить, любúть, мáзать, сы́пать* и т. п., почти не употребляющихся без прямого дополнения[1].

---

[1] Глаголы типа *покры́ть* образуют видовые пары, ср. *покры́ть//покрывáть, полúть//поливáть*; глаголы типа *полюбúть, помáзать, посы́пать* могут иметь результативное значение. Ограничительная совершаемость свободно образуется от ненаправленных глаголов передвижения в переходном значении, ср. *поноси́ть (нóшу нéкоторое врéмя), поводúть (посетúтеля по сáду), повозúть (кого́-либо в нóвой машúне)* и т. п.

Глаголы ограничительной совершаемости типа *поговори́ть*, *похо́дить*, как и все остальные совершаемостные глаголы, не имеют соответствующих парных глаголов несовершенного вида. Морфологически соотнесённые с ними глаголы типа *погова́ривать*, *пожа́ивать* не могут быть рассматриваемы в качестве видовых коррелятов к *поговори́ть*, *походи́ть*, так как они, в свою очередь, выражают самостоятельную «прерывисто-смягчительную» совершаемость, см. ниже стр. 279.

Иногда переход от формы совершаемости к самостоятельному глаголу едва уловим: в непереходном значении глагол *похло́пать (в ладо́ши)* является ограничительной совершаемостью к *хло́пать*, а в переходном значении *(похло́пать кого-л. по плечу́)* образует видовую пару самостоятельного глагола *похло́пать||похло́пывать (кого-л. по плечу́)*.

Приставка *по-* выражает у переходных глаголов обычно другой (результативный или дистрибутивный) оттенок значения. Теоретически возможная форма *попроси́ть* с ограничительным оттенком (в значении «провести некоторое время прося») практически неупотребительна, т. к. глагол *попроси́ть* приближается к однократному значению глагола *проси́ть*, слвц. ‚poprosiť'. У других глаголов наблюдается широкая омонимия, ср.:

поруби́ть I «вырубить»: *Поруби́ть молоды́й лес.*
поруби́ть II ‚porúbať': *Поруби́ть са́блей всех враго́в.*
поруби́ть III «провести некоторое время за рубкой»: *Он поруби́л дров и сел отдохну́ть* (Ушаков).

В словарях такие явные омонимы обычно помещаются в одной словарной статье.

Можно привести целый ряд семантических групп глаголов, не допускающих образования ограничительной совершаемости. Это прежде всего следующие типы:

а) Глаголы, выражающие не процесс, а отношение, напр. *знать*, *име́ть*, *сто́ить*, *зави́сеть*, *относи́ться к чему-л.*; сюда относятся все полусвязочные глаголы типа *находи́ться*, *явля́ться*, *води́ться*, *приводи́ться кому-л. чем-л.* и др.

б) Глаголы с разным модальным значением: *хоте́ть*, *намерева́ться*, *жела́ть*, *уме́ть*, *стреми́ться*, *я могу́* и т. п.;

в) Глаголы с «мутативным» значением («становиться каким-либо»), т. е. обозначающие переход в какое-либо состояние:

зеленéть, краснéть, берéменеть, úндеветь, богатéть, гáснуть, глóхнуть, зя́бнуть, мóкнуть, толстéть, беднéть, хрúпнуть, слéпнуть и т. п. Приставка *по-* у этих и подобных глаголов II-го и IX-го классов обозначает результативную совершаемость, ср. *покраснéть* ‚sčervenieť', *погáснуть* ‚zhasnúť'.

г) Глаголы с «фактитивным» значением («делать каким-либо»): *белúть, золотúть, сáхарить, серебрúть* и т. п. Приставка *по-* придаёт этим глаголом результативное значение, ср. *позолотúть* ‚pozlátiť'.

д) Глаголы «однонаправленного» перемещения типа *бежáть, идтú, лезть, тащúть, плыть* и т. п. Приставка *по-* придаёт этим глаголам начинательное значение (см. выше стр. 231).

Вопрос образования совершаемостей теснейшим образом связан также с вопросами стиля. Совершаемостные формы являются в некотором смысле формами «субъективной оценки» действия. Поэтому они бытуют в стилях экспрессивных, в просторечии, в разговорном языке, в художественной литературе, но почти не проникают в интеллектуальный язык. Вот почему совершаемостные формы не образуются обычно от сугубо «книжных» глаголов типа *руководúть, вéдать чем-л.* и т. п.

В словацком и чешском языках ограничительная совершаемость выражается приставками *po-* и *za-*. Между этими приставками, однако, имеется тонкое различие, не знающее параллели в русском языке. Приставка *po-* сообщает простым глаголам несовершенного вида значение «ограниченности во времени» (ср. *pofajčiť si*), в то время как приставка *za-* такого оттенка не выражает (ср. *zafajčiť si*). В переводе на русский язык разницу между *poplakať (si)* и *zaplakať (si)* можно было бы передать глаголами *поплáкать* и *всплакнýть*.

Приставка *po-* имеется в таких словацких глаголах, как *posedieť, pobrázdiť, poslúžiť, pospať si, pobesedovať, popracovať (chvíľku), posmútiť, pobehať (chvíľku), polietať, pochodiť (po izbe), pohrať sa, pomlčať* и мн. др. Все эти глаголы (кроме возвратных) легко сочетаются с возвратным местоимением *si*, придающим им «медиальный» оттенок значения («действие выполняется с чувством удовольствия, удобства или наслаждения»), ср. *pofajčiť si* «покурить со вкусом», *pospať si* «поспать с удовольствием». Русские глаголы ограничительной совершаемости лишены такого оттенка значения.

2. Ограничительное значение имеют некоторые глаголы, образованные при помощи приставки вз-/вс- в сочетании с суффиксом **-нуть**, например: *дремáть — вздремнýть* ‚zdriemnuť si',

храпе́ть — всхрапну́ть, *пла́кать — всплакну́ть* ‚zaplakať si'. Эти глаголы могут употребляться и в безличном значении: *мне вздремну́лось*; ср. ещё *грусти́ть — ей взгрустну́лось* ‚zacnelo sa jej, prišlo jej smutno'. В приведённых глаголах значение ограничительности сочетается с оттенком значения однократности, сообщаемого этим глаголам суффиксом *-нуть*. Малопродуктивный тип.

Е. А. Земская отмечает, что глаголы с приставкой *вз-* вплоть до начала XIX века употреблялись гораздо шире, чем в современном литературном языке (цит. соч. 14). Однако в ряде случаев, приводимых автором в качестве иллюстраций на начинательное значение глаголов с приставкой *вз-*, можно, пожалуй, усмотреть и другое совершаемостное значение:

А сверх того́, хоть иногда́
Он *вздре́млет* на заре́, так но́вая беда́...

(И. А. Крылов, Откупщик и сапожник)

Форма *вздре́млет* (от *вздрема́ть*) может быть истолкована и в ограничительном смысле (ср. *вздремну́ть*). Весьма вероятно, что словацкие и чешские глаголы типа *zdriemnuť si* возникли из первоначальных глаголов типа **vzdriemnuť si*.

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что в семантическом отношении ограничительные глаголы означают не просто «малую меру действия», а именно только меру действия, ограниченного во времени. Глаголы типа *поговори́ть* выражают отрезок времени неопределённой продолжительности (часто воспринимаемой как относительно короткий отрезок времени), заполненный процессом «говорения».

С ограничительной совершаемостью не следует смешивать совершаемость «смягчительную».

Смягчительная совершаемость

Если сопоставить значения глаголов *разболе́ть (больно́го)* ‚rozptýliť (chorého)' и *поразболе́ть (больно́го)* ‚(trochu) rozptýliť', то окажется, что приставка «смягчает» значение результативности, имеющееся в перфективном глаголе *разболе́ть*. По существу — это та же ограничительность, но с иной направлен-

ностью, относящейся к интенсивности, а не к ограниченности во времени. Эту направленность совершаемости можно условно назвать смягчительной («аттенуативной»). Приставка *по-* в *поразвлéчь* не обозначает «некоторое время», а только «слегка, немного, отчасти». В отдельных случаях этот оттенок смягчительного значения может быть истолкован как «постепенно, медленно», ср. *пообсóхнуть* «обсохнуть понемногу» (Ушаков). В словацком языке этот оттенок значения хорошо представлен глаголами типа *otvoriť okno* «открыть окно» — *pootvoriť okno* «приоткрыть окно».

В отличие от глаголов ограничительной совершаемости, глаголы смягчительной совершаемости образуются от исходных глаголов совершенного вида, обычно приставочных.

В качестве внешних показателей смягчительной совершаемости служат приставки *по-*, *при-* и (редко) *под-*.

Приставка *по-*. Глаголы смягчительной совершаемости с приставкой *по-* обычно называются «глаголами с двумя приставками». Выделять в глаголах типа *по-раз-слéчь* две приставки можно лишь с точки зрения генетической. С синхронной точки зрения глаголы этого типа являются приставочными образованиями на *по-* не от простых глаголов *(-влечь)*, а от исходных приставочных глаголов *(по-развлéчь)*.

Глаголы смягчительной совершаемости с приставкой *по-* относятся в русском языке обычно к просторечию и к разговорным стилям. В словаре Ушакова приводятся немногочисленные примеры: *пообождáть* ‚počkať trochu', *поотвы́кнуть* «несколько отвыкнуть», *попривы́кнуть*, *попридержáть*, *попросóхнуть*, *поразмя́ться* и некоторые другие.

Словарь Даля, регистрирующий факты просторечия и диалектов, приводит гораздо больше примеров, ср. *повы́варить*, *повы́качать*, *повы́красить (кры́шу)*, *повы́чистить*, *понаджéчь*, *понадлупи́ть*, *пообогрéть*, *поотбáвить*, *поотмы́ть*, *поприжéчь*, *поутрáтить*, *поугомони́ться*, *поустарéть* и мн. др. Некоторые из приведённых глаголов имеют, по-видимому, наряду со смягчительным, ещё и дистрибутивное значение (ср. *повы́варить всё бельё*). Все эти глаголы — perfectiva tantum. Многие из них лежат на периферии общенародного языка, приближаясь к индивидуальным (окказиональным) образованиям. В речи образованного русского такие глаголы почти не встречаются.

Соответствующие словацкие образования типа *pootvoriť* представляют в рамках разговорного языка продуктивный ряд, ср. *povytiahnuť*, *pootočiť*, *poodísť (kúsok)*, *poodstúpiť*, *poodhrnúť*, *poodhaliť*, *poodkryť*, *poodtiahnuť*, *poodtisnúť*, *popohnať*, *popotisnúť*, *poposunúť*, *povyskočiť*, *povystrčiť*, *pocyhodiť* и мн. др. Все эти глаголы в словацком языке, по-видимому, не имеют соотносительных форм несовершенного вида.

Приставка *при-*. Смягчительная совершаемость выражается в русском языке в отдельных случаях приставкой *при-*, ср. *принажáть* ‚trochu pritisnúť', *приналéчь на что-л.* ‚trochu pridať do práce', *приулéчься* «постепенно, немного или понемногу улечься, утихнуть» (ср. *Вéтер приулёгся*), *приумáть*, *приунúть* ‚trochu zosmutnieť'. Эти глаголы, не имеющие при себе форм вторичного совершенного вида, можно считать совершаемостью соответствующих приставочных глаголов *нажáть*, *налéчь*, *улéчься*, *умáть*.

Смягчительное значение имеют в русском языке, однако, и многочисленные глаголы, образующие видовые пары, ср. *приподнáть//приподнимáть*, *приостановúть//приостанáвливать*, *приотворúть//приотворя́ть*, *приудержáть//приудéрживать*, *приутúхнуть//приутихáть* и др. Здесь оттенок «смягчительности» охватывает всю лексему, являясь дополнительным элементом семантической структуры парного глагола.

Приставка *при-* в смягчительном значении почти не употребляется с исходными бесприставочными глаголами совершенного вида. Исключениями являются глаголы *приléчь* ‚ľahnúť si na chvíľku', и *присéсть*; ср. *привстáть* ‚nadvihnúť sa', где, с точки зрения современного языка, приставка *в-* больше не выделяется. Ср. также: «...двóе охрáнников сéли закýсывать, а трéтий *придремáл* на сóлнышке» (М. Шолохов, Судьба человека). Форму *придремáть* (к *дремáть*) нельзя считать вполне литературной.

Приставка *под-*. Приставка *под-* употребляется в сочетании с приставочными глаголами совершенного вида в смягчительном значении, ср. *подзабы́ть* ‚pozabudnúť', *подвы́пить* ‚uhnúť si', *поднажáть* и т. п. По-видимому, вторичные глаголы несовершенного вида образуются (хотя бы факультативно) от всех приведённых глаголов (ср. *подзабывáть*, *поднажимáть; в послéднее врéмя он подвыпивáть стал* и т. п.). Следовательно, здесь уже не приходится говорить о совершаемости.

В словацкой и чешской аспектологической литературе совершаемостное значение не отличается от значения чисто лексического. Но не различаются также отдельные оттенки внутри той или иной совершаемости. К приставкам, обозначающим «малую меру действия» или «частичность действия», причисляются не только глаголы типа *posedieť* с явно ограничительным значением, но и глаголы с другими оттенками:

	Вл. Шмиляуер[1]:	Э. Паулини[2]:
(a)	*natrhnouti*	*natrhnúť*
	nakloniti	*nakrojiť*
	naznačiti	*načať*
		nalomiť
(b)	*přisoliti*	*prisoliť*
	připáliti	*pripáliť*
(c)	*ubrati*	*ubrať*
	uliti	*uliať*
	usmáti se	*usmiať sa*
(d)		*podpiť sa*

По мнению проф. Вл. Шмиляуера, «малая мера действия» проявляется у этих глаголов при сравнении с глаголами, выражающими «полную меру действия», напр. *nakloniti se* «наклониться» в сравнении с глаголом *skloniti se* «склониться». Для того, чтобы выявить принципиальную разницу между глаголами типа *posedieť* (ограничительная совершаемость), — с одной стороны, и глаголами типа *nakloniti se* (новый глагол-лексема), — с другой, необходимо отказаться от термина «малая мера действия». Ограничительная совершаемость обозначает ограниченность действия во времени, ср. *posedieť* — ‚stráviť *chvíľku* v sediacej polohe'. Глаголы же, приведённые в группе *(a)*, напротив, обозначают или «неполное исполнение действия в пространстве» (напр. *nakloniť sa*), или «неполный охват объекта действием» (напр. *natrhnúť*). Глаголам типа *natrhnúť* соответствуют в русском языке глаголы с приставкой *над-*, ср. *natrhnúť* «надорвать» *nalomiť* «надломить», *nahryznúť* «надкусить»[3] и т. п. Эти глаголы, в общем значении которых нет и намёка на ограниченность действия во времени, представлены в наших языках видовыми парами и уже поэтому не могут рассматриваться как совершаемости, выражающие «малую меру действия», ср. *nakloniť sa//nakláňať sa*, *načať//načínať*, *natrhnúť//natrhovať*, или русские

---

[1] Vl. Šmilauer: První hovory... 1946, 94/5.

[2] E. Pauliny: Slovo a tvar 4 (1950) 3, 90.

[3] В словаре Ушакова значение глагола *надкусить* толкуется так: «Откусить сверху часть поверхности чего-л., кусок чего-л.» (разрядка моя, *А. И.*).

глаголы *надлома́ть//надла́мывать, надорва́ть//надрыва́ть, надкуси́ть//надку́сывать, надре́зать//надре́зывать, надгры́зть//надгрыза́ть, надлупи́ть//надлу́пливать, надмочи́ть//надма́чивать, надтеса́ть//надтёсывать* и мн. др. Разница между ограничительной совершаемостью и лексическим значением самостоятельных глаголов-лексем выявляется с полной отчётливостью при сопоставлении таких глаголов, как *помочи́ть* (ограничительный совершаемостный к *мочи́ть*[1]) — *надмочи́ть* (самостоятельный глагол с/в к *надма́чивать*), *покуса́ть* (в значении ограничительной совершаемости: *Соба́ка покуса́ла ко́сть и бро́сила*) — *надкуси́ть//надку́сывать* (самостоятельный глагол-лексема). Учение о совершаемостях требует в этих случаях чёткого семантического и морфологического разграничения.

Глаголы группы *(b)* не содержат никакого указания на ограниченность действия во времени, а имеют в виду «дополнительное действие», ср. *prisolit* «подсолить», т. е. «дополнительно прибавить соли». К тому же эти глаголы в наших языках представлены видовыми парами и не могут, следовательно, рассматриваться как совершаемости, ср. *prisolit//prisáľat, pripálit//pripaľovat, prifarbit//prifarbovat, pribrzdit//pribrzďovať*; русск. *подсоли́ть//подса́ливать, подгоре́ть//подгора́ть, подрабо́тать//подраба́тывать, подкра́сить//подкра́шивать, подмолоди́ться//подмола́живаться* и мн. др.

То же самое следует сказать и о глаголах, приведённых в группах *(c)* и *(d)*. У глагола типа *uliať* «немного отлить» так называемая «малая мера» относится вовсе не к самому действию, а к объекту этого действия. Глагол типа *podnapiť sa*, соответствует русскому глаголу типа *подвы́пить*, ср. *подвы́пивши(й)* ‚podnapitý'. Приставка *pod-//под-* выражает в данном случае «неполную степень охмеления».

Из сказанного вытекает, что большинство глаголов, приведённых проф. Вл. Шмиляуером и Э. Паулини в рубрике глаголов, якобы выражающих «малую степень действия», следует принципиально отличать от глаголов ограничительной и смягчительной совершаемостей типа *posedieť* или *pootvoriť*. В интересах точной семантизации совершаемостных значений вообще лучше отказаться от таких терминов, как «малая мера действия», «полная мера действия» и т. п.

Результативная совершаемость

Результативная совершаемость занимает в системе славянского глагола особое место. Именно в пределах этой совершаемости осуществляется в ряде случаев максимальное сближение совершаемостного значения со значением чистовидовым. Близость результативного значения с чисто грамматическим значе-

---

[1] Морфологически соответствующий глагол *помáчивать* не является парной видовой формой к *помочи́ть*.

нием совершенного вида определила, вместе с учением о «парности» славянских глаголов, общее развитие традиционного учения о видах. Пренебрегая тонкими семантическими оттенками и отождествляя результативность (завершённость, законченность действия) с перфективностью (грамматическим значением совершенного вида), многие учёные склонны были отождествить значение совершенного вида со значением «достижения цели», «предела действия» и т. п. Вся традиционная теория славянских видов построена на убеждении, будто приставочная перфективация является одним из основных приёмов славянского видообразования. На той же позиции стоят имеющиеся толковые словари, приводящие в качестве перфективных соответствий к простым бесприставочным глаголам несовершенного вида самые разнообразные глаголы со значением результативной совершаемости.

Результативная совершаемость располагает наибольшим числом приставок. Выбор той или иной приставки определяется, естественно, теми или иными свойствами общей семантики простого глагола, сочетаемостью с тем или иным объектом и т. п. К сожалению, такие утверждения носят до сих пор более или менее декларативный характер, т. к. определить связь между семантикой глагола и выбором той или иной приставки, придающей этому простому глаголу результативное значение, пока ещё далеко не всегда удаётся.

Необходимо подчеркнуть, что наш термин «результативная совершаемость» является, по существу, термином собирательным. В пределах этой совершаемости можно различать целый ряд тонких разновидностей. Этим и объясняется тот факт, что к одному и тому же простому имперфективному глаголу могут быть образованы разные «результативные совершаемости», толкуемые традиционно как разные «видовые формы» одного и того же глагола. Приведём наиболее ярко выделяющиеся оттенки результативного значения:

1. Терминативный оттенок (законченность действия): *бить — проби́ть* (о часах), ср. слвц. *odbila dvanásta*, *петь — пропе́ть (пе́сню)*, *бормота́ть — пробормота́ть* ‚zamrmlať', *шипе́ть — прошипе́ть* ‚zasyčať' и т. п. В пределах глаголов, обозначающих слуховые восприятия — вполне продуктивный тип.

2. Пердуративный оттенок (глагол выражает завершение

«процесса», длившегося на протяжении определённого отрезка времени): *жить — прожи́ть (всю жизнь)*, *спать — поспа́ть (всю ночь)*, *сиде́ть — проходи́ть (це́лый час)*, *боле́ть — проболе́ть (всю зи́му)*, *быть — пробы́ть (где́-либо не́сколько часо́в)*. Словацкие соответствия типа *prežiť celý život na dedine* и т. п. У глаголов непереходных — вполне продуктивный тип. Глаголы с таким оттенком значения легко отрываются от простого глагола, образуя новые видовые пары, ср. *просиде́ть//проси́живать*.

Вариантом пердуративного значения являются глаголы с приставкой *пере-*, например: *переночева́ть*, *перезимова́ть*, слвц. *prenocovať*, *prezimovať*. Эти глаголы образуются от непереходных глаголов, но в современном языке малопродуктивны. Е. А. Земская приводит интересные примеры из новейшей литературы: «Придётся день *пересиде́ть* ка́к-нибудь — свето́ет уже́» (В. Некрасов, В окопах Сталинграда; цит. соч. 18). Словарь Ушакова приводит форму несовершенного вида «переночёвывать», теоретически возможную, но вряд ли живую.

3. Финитивный оттенок (действие закончено и прекращено) сообщается бесприставочным глаголам несовершенного вида посредством приставки *от-*, например: *отобе́дать* ‚skončiť obed', *отужинать* ‚skončiť večeru', *отдежу́рить* ‚skončiť službu', *отзвони́ть* ‚skončiť zvonenie', *отрабо́тать* ‚skončiť prácu'. В сочетании со словом *своё* финитивные глаголы добавочно выражают «меру действия», ср. *отрабо́тать своё* ‚odpracovať si svoje'. В переходном употреблении такие глаголы с приставкой *от-* легко образуют видовые пары, ср. *отрабо́тать//отраба́тывать (не́сколько смен)*, *отсиде́ть//отси́живать (ме́ру наказа́ния)* и т. п. Е. А. Земская отмечает, что в современном русском языке «глаголы этого типа приобретают очень широкую продуктивность и употребительность. Потенциально приставка *от-* может придавать финитивное значение почти любому глаголу несовершенного вида». Ср. цит. соч., 15).

В словацком языке к этому совершаемостному оттенку очень близко подходят продуктивные образования с приставкой *do-* от непереходных глаголов, ср. *dohovoriť (už som dohovoril)*, *dogazdovať*, *dohúsť*, *dokraľovať*, *dohvízdať*, *dohrmieť*, *domaľovať (už som domaľoval)*, *domátať (tam už domátalo)*, *doorať (už som dooral)* и мн. др.

Финитивный оттенок результативной совершаемости является как бы «антонимом» к начинательной совершаемости. Ср.:

зазвони́ть	*отзвони́ть*
(«начать звонить»)	(«кончить звонить»)
•——→——	——→——•

4. Эксгаустативный оттенок («довести субъект действия до полной исчерпанности, до невозможности продолжать действие»): *бе́гать — убе́гаться* ‚ubehať sa', *ма́яться — умая́ться* ‚utrápiť sa'. Формальным выразителем этого оттенка является приставка *у-* в сочетании с возвратной частицей *-ся*. В словацком и чешском языках этот тип гораздо более продуктивен, ср. *hovoriť — uhovoriť sa* «договориться до полного изнеможения», *utancovať sa, uchodiť sa, usedieť sa, upracovať sa* и т. п. Обычно оттенок эксгаустативности связывается с непереходными глаголами.

5. Приставка *и-* в сочетании с невозвратными глаголами выражает в словацком и чешском языках своеобразный «способностный» (schopnostný) оттенок результативной совершаемости, не имеющий в русском языке прямой параллели, ср. *uniesť (uvládať)* «снести, быть в состоянии снести (тяжёлый предмет)». Особенно ярко такой оттенок выступает при употреблении этих перфективных глаголов в презенсе:

unesie aj 80 kíl — «он может снести и 80 кило».[1]

Сюда относятся такие глаголы, как чеш. *uveze, utáhne, uzdvihne* (определённое количество, определённый вес), *ujde, ujede, uběhne, uplave* (определённое расстояние).[2]

6. Тотально-объектный оттенок («действие охватывает весь объект или все объекты, исчерпывает весь объект»): *изра́нить* ‚doráňať', *искале́чить* ‚dokaličiť', *искуса́ть* ‚doštípať', *исписа́ть (всю бума́гу)* ‚vypísať, popísať všetok papier'. Эти глаголы образуются от переходных глаголов несовершенного вида (типа *ра́нить, кале́чить, куса́ть, писа́ть*).[3] Сюда же относятся глаголы

---

[1] Подобный «способностный» оттенок имеется, по-видимому, в русском выражении «Он в одно́й руке́ уде́ржит пять пудо́в».

[2] Ср. Fr. Kopečný, Slovo a slovesnost 11 (1949) 2, 65.

[3] Приставочные глаголы этого типа легко образуют видовые пары, ср. *искуса́ть//иску́сывать, искале́чить//искале́чивать*. В словацком языке этот продуктивный тип часто встречается в форме причастия, употребляемого в функции второго именного сказуемого, ср. (*bol* или *prišiel*) *celý dobitý, celý dopukaný, celý dorantaný, celý dokrčený*.

перемещения типа *изъе́здить (все магази́ны)* ‚pobehať', *изъе́здить (всю страну́)* ‚precestovať', *исходи́ть (весь лес)* ‚pochodiť'; сюда же *исколеси́ть, изборозди́ть (все моря́)*.

Подобный тотально-объектный оттенок имеется также в глаголах типа *vybozkávať* «расцелова́ть». Глаголы *расцелова́ть, разбрани́ть* являются в русском языке совершаемостными образованиями, хотя словарь Ушакова и предлагает вторичную форму *расцелёвывать* (?).

7. Сатуративный оттенок результативной совершаемости образуется от непереходных глаголов посредством приставки *на-* в сочетании с аффиксом *-ся*, например: *набалова́ться, набе́гаться, наглядѐться, нагуля́ться, наката́ться, наклю́каться* ‚nalízať sa', *накрича́ться, накури́ться, наку́шаться, нала́зиться, налюбова́ться, нама́яться, на́бохаться, напла́каться, наплясáться, насидѐться, насмея́ться, натруди́ться, натаска́ться, нахва́статься, нахвали́ться, находи́ться, нацелова́ться, нашепта́ться, нашути́ться* и мн. др. Исходными глаголами являются либо глаголы невозвратные (тип *пла́кать — напла́каться*), либо глаголы возвратные (тип *смея́ться — насмея́ться*).

Действие, выраженное сатуративным глаголом, представляется в виде результата продолжительных или повторявшихся действий. Лишь в тех случаях, где это допускается индивидуальной семантикой исходного глагола, значение сатуративности сопровождается оттенком значения полной удовлетворённости, ср. *налюбова́ться*, т. е. «полюбова́ться вдо́воль, всласть». Если исходный глагол обозначает процесс, характеризующий неприятные ощущения, то сатуративный оттенок интерпретируется в смысле «до крайности», ср. *наму́читься*, т. е. «пому́читься до кра́йности, изму́читься». В связи с этим многие глаголы могут получить в сатуративном употреблении двоякое значение: *набе́гаться* (вдо́воль) и *набе́гаться* «до крайности» (ср. *«Набе́гался* по ра́зным учрежде́ниям»).

В отдельных случаях возможны вторичные образования несовершенного вида: *наигра́ться//найгрываться* (Ушаков), *настоя́ться//наста́иваться* (Ушаков).

Многие из приведённых глаголов употребляются преимущественно в устойчивых выражениях типа *Он не мог налюбова́ться (нахвали́ться, напе́шиться, наглядѐться)*; *смотрю́ не насмотрю́сь, гляжу́ не нагляжу́сь*; *на него́ не напасёшься* ‚odkiaľ by

človek na neho stále bral!'. В словацком языке этим глаголам соответствуют образования с «двумя приставками»: *vynačudovať sa, vynadívať sa, vynachváliť (sa)*, ср. *Nemohol si to vynachváliť.* Эти глаголы с «двумя приставками» соотнесены в словацком (и чешском) языке непосредственно с бесприставочным глаголом: *chváliť — vyna-chváliť sa, dívať sa — vyna-dívať sa, čudovať sa — vyna-čudovať sa.*

Наряду с сатуративными глаголами типа *nachodiť sa, nabehať sa, narozprávať sa, napracovať sa*, в словацком и чешском языках имеется ещё особый сатуративно-фреквентативный оттенок глаголов типа *nabehať sa niekam*, выражающих, по словам Е. Кржижковой, «большую меру действия, но одновременно и действия повторяемого».[1] В предложении *Ten sa nabehal po úradoch!* «Ну и набегался же он по учреждениям!» отчётливо выражена повторяемость («фреквентативность») действия. Глаголы этого типа, относящиеся в словацком языке, как и в русском, к совершенному виду, могут употребляться в значении настоящего неактуального, обычно в восклицательных предложениях, ср.:

Čo sa ten narobí (nadrie)! — «Ну и приходится же ему поработать. потрудиться!»

Čo sa ten napíše rôznych žiadostí! — «Сколько заявлений ему приходится писать!»

Ср. в чешском языке: *Ten chudák se tam něco nastojí!* — «Бедняга там настоится уже!» В стереотипных восклицательных предложениях с *čo* (чеш. также с *něco*) или с *dosť* эта сатуративно-фреквентативная разновидность результативной совершаемости в словацком языке вполне продуктивна. Она образуется свободно не только от бесприставочных, но и от приставочных глаголов несовершенного вида: *Čo som sa napremýšľal (nasmútil, naspomínal)*; *Dosť som sa navolal (načakal, natrpel).*

Ср. такие окказиональные образования:

— A ty...? Ako si si *predstavoval?* — spýtal sa Štrbáň.
— Čože si tu *napredstavuješ?* (M. Urban).

Сатуративно-фреквентативный оттенок русскому языку не чужд, ср. *С ним наплáчешься!*, но он гораздо менее продуктивен, чем в словацком или чешском.

---

[1] H. Křížková: K problematice aktuálního a neaktuálního užití časových a vidových forem v češtině a ruštině. Československá rusistika 3 (1958) 195.

8. Кумулятивный («накопительный») оттенок результативной совершаемости выражает достижение действием определённой меры. Здесь следует различать две разновидности:

а) Собственно кумулятивные глаголы образуются от непереходных глаголов типа *бе́гать, е́здить, лета́ть, пла́вать*, например: «За э́тот сезо́н он *набе́гал* вы́ше трёхсо́т киломе́тров», «Такси́ *нае́здило* сто рубле́й», «Лётчик *налета́л* второ́й милли́он киломе́тров» и т. п. В отличие от своих исходных глаголов, совершаемостные образования с собственно кумулятивным значением употребляются с прямым дополнением, выражающим меру объекта, возникшего в результате «накопительного» действия.

б) Гораздо более распространённым является другой оттенок, который можно было бы назвать партитивно-кумулятивным. Глаголы с этим значением образуются от переходных глаголов, причём дополнение выражается либо родительным отделительным (партитивным), либо сочетаниями с количественными словами *мно́го, ма́ссу, у́йму, мно́жество* и т. п., например: *навари́ть ка́ши, накупи́ть (ма́ссу) вещей, наде́лать (мно́го) оши́бок* и т. п.

Сюда относятся такие глаголы, как *наброса́ть, награ́бить (чужо́го добра́), наколо́ть (дров на́ зиму), накопа́ть (ям), наломи́ть (ве́ток), наобеща́ть, нарва́ть (цвето́в), натвори́ть (чего-л.)* и мн. др. Ср. также безличные глаголы типа *набежа́ло (мно́го наро́ду), навали́ло (мно́го сне́гу)* и т. п.

Особое место среди партитивно-кумулятивных глаголов занимают возвратные глаголы, обыкновенно содержащие отрицательную оценку действия: *начита́ться (ра́зных рома́нов), наслу́шаться (вся́кой чепухи́), насмотре́ться (вся́ких чуде́с), навида́ться (вся́ких чуде́с, вся́ких ви́дов)* и т. п. Эти партитивно-кумулятивные глаголы не следует смешивать с сатуративными глаголами, выражающими положительную оценку действия, напр. *Смотрю́ не насмотрю́сь.*

К многим глаголам с партитивно-кумулятивным оттенком могут быть образованы вторичные формы несовершенного вида: *наболта́ть//набалтывать (глу́постей), наговори́ть//наговаривать (вся́кого вздо́ру), надои́ть//надаивать (20 ли́тров), намарино́вать//намаринобывать, наруби́ть//нарубать.* Вторичные глаголы несовершенного вида образуются, как видно, сравнительно легко, но вряд ли часто употребляются. Словарь Ушакова

литературных примеров не приводит. Во всяком случае данное совершаемостное значение приближается к значению чисто лексическому.

В словацком языке этот тип совершаемости хорошо представлен одновидовыми глаголами типа *navariť polievky, napiecť koláčov, nadojiť (20 litrov), natrhať (kvetov), narúbať* и т. п. Тип необыкновенно продуктивный.

в) Кумулятивно-дистрибутивное значение имеют глаголы, образованные посредством приставки *по-* от кумулятивных глаголов с приставкой *на-*, ср. *настро́ить (домо́в) — понастро́ить (домо́в)*. Такие глаголы обычно рассматриваются как глаголы с двумя приставками. С точки зрения морфематического состава глаголов типа *понастро́ить* это совершенно справедливо, но с точки зрения живых приёмов, обеспечивающих образование совершаемостей, глагол типа *понастро́ить* является приставочным образованием на *по-* к кумулятивному глаголу *настро́ить*. Оттенок дистрибутивности («постепенно, мало-помалу, в несколько приёмов») вносится в эти глаголы именно приставкой *по-*.

В толковых словарях обычно отмечаются лишь более или менее случайные примеры: в словаре Ушакова их гораздо меньше, чем в Большом русско-чешском словаре (III, 1956): *понаби́ть* и *понабива́ть (гвоздей в сте́ну), понабра́ть* и *понабира́ть (зака́зов), понаброса́ть (оку́рков на́ пол), понавари́ть (вся́кой вся́чины), понаве́шать, понавтыка́ть, понагна́ть, понагра́бить, понадава́ть (поручёний), понаде́лать (оши́бок в дикта́нте), понае́хать (понае́хало мно́го наро́ду), понажа́рить, понакида́ть, понакупи́ть, поналете́ть, понанести́ (гря́зи на сапога́х), понасажа́ть (цвето́в), понаста́вить, понастреля́ть (да́чи), понатаска́ть (вся́кого хла́му)* и др. По-видимому, в языке художественной литературы преобладают кумулятивно-дистрибутивные образования от простых (неитеративных) глаголов несовершенного вида типа *стро́ить — настро́ить — понастро́ить*. Гораздо реже встречаются конкурирующие формы типа *набра́ть — понабра́ть* и *набира́ть — понабира́ть*, причём важно то, что обе формы *(понабра́ть* и *понабира́ть)* имеют значение совершенного вида.

В словаре Даля, отразившем просторечие, глаголы с приставками *пона-* заполняют свыше 13 столбцов, причём приводятся

параллельные образования типа *понавéшать* и *понавéсить*, *поговорúть* и *поговáривать*, *понадарúть* и *понадáривать*.

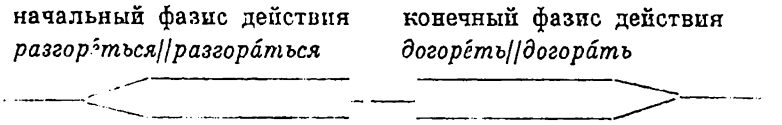
Приставочные образования типа *поговáривать*, *понадáривать*, образованные от «итеративных» основ (ср. *говáривать*, *дáривать*), в языке художественной литературы встречаются очень редко.

В словацком языке, напротив, глаголы с приставками *pona-* образуются преимущественно от итеративных основ, ср. *ponalievať*, *ponavážať*, *ponapájať*, *ponapíjať sa*, *ponapínať*, *ponatriasať*, *ponavliekať*, *ponavracať sa* и т. п. В чешском языке глаголы с приставками *pona-* в кумулятивно-дистрибутивном значении, по-видимому, не представлены.

9. Достигательный оттенок («довести действие до нежелательного результата»; с элементом иронии): *доигрáться* (напр. *мáльчик доигрáлся до пóлного изнурéния*), ирон. *допрыгáться* (напр. *вот и допрыгáлся!* ‚tak to teda máš!'), *докатáться (до простýды)* ‚tak dlho sa korčuľoval (sánkoval), až prechladol', *доголодáться (до туберкулёза)* и т. п. Тип крайне продуктивный в разговорном языке. Формальным выразителем этого оттенка является приставка *до-* в сочетании с возвратной частицей *-ся*. Точное соответствие в словацком языке, очевидно, отсутствует. Глаголы с этим оттенком легко образуют видовые пары: *доигрáться//дойгрывáться*.

10. Результативно-квалифицирующий оттенок («в результате повторения действия оно переходит в привычку, квалифицируя своего носителя»): *лгать — изолгáться* ‚stať sa nenapraviteľným luhárom', *воровáть — изворовáться* ‚stať sa nenapraviteľným zlodejom', новое *хулигáнить — исхулигáниться*. Точного соответствия в словацком языке нет. Малопродуктивный тип.

Вне совершаемостного значения стоят глаголы, обозначающие не само окончание (завершение) действия, а конечный фазис действия, например: *догорéть//догорáть*, *дописáть//допúсывать (письмó)*, *допúть//допивáть (чай)*, *доéсть//доедáть*, слвц. *dohoriet'//dohárať*, *dooblieť sa//doobliekať sa*, *doorať//doorávať*. Эти глаголы являются логическим «антонимом» к глаголам с эволютивным значением, обозначающим начальный фазис действия:

Предлагаемый список отдельных семантических оттенков результативной совершаемости нельзя считать полным. Нам важно было, в первую очередь, показать, что общее значение «достижения цели» может быть выражено в наших языках весьма разнообразными и в ряде случаев весьма тонкими семантическими оттенками. Сопоставление русского материала со словацким и чешским может оказаться полезным при разработке двуязычных словарей, в которых как раз совершаемостные значения приставок трактуются не всегда удовлетворительно.[1]

Мы, конечно, не настаиваем на вводимой здесь терминологии. Термины «терминативный», «финитивный» «пердуративный» и т. д. очень условны и могут быть заменены более подходящими. Важно было объединить в одном месте явления, так или иначе относящиеся к результативной совершаемости. Обыкновенно эти явления трактуются в отделе «Основные значения глагольных приставок». Однако в подобных обзорах не отличаются лексические значения, свойственные приставкам-квалификаторам, от совершаемостных значений, свойственных приставкам-модификаторам. Не приводятся также указания о том, может ли приставочный глагол в данном значении образовать вторичные формы несовершенного вида, или не может. К тому же весьма общее толкование, приводимое в подобных обзорах («полная мера действия», «небольшая мера действия», «неполнота действия» и т. п.), не допускает точной семантизации отдельных оттенков.

Однократная совершаемость

Однократные глаголы на *-нуть*

Многие бесприставочные глаголы несовершенного вида обозначают в наших языках такие процессы, которые могут быть

[1] Это замечание в полном объёме относится также к двухтомному «Словацко-русскому переводному словарю» (Братислава 1950 и 1957), в котором многие совершаемостные значения словацких глаголов не нашли адекватного отражения.

представлены в виде суммы ряда повторяющихся частичных действий (фазисов). Семантика такого глагола, как *колóть*, ‚pichať, bodať'. может быть раскрыта при помощи описания: *колóть — наноси́ть уколы, bodať — zasadzovať bodnutia.* Графически такое «многофазисное» действие можно было бы изобразить примерно так:

к о л о́ т ь

↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓

Это многофазисное значение остается формально невыраженным. Многофазисность, как специфическую черту общей семантики таких глаголов, как *колóть*, *бода́ть*, *топта́ть*, *чиха́ть* и т. п., можно было бы отнести к разряду явлений, касающихся так называемого «характера глагольного действия» (см. ниже стр. 303).

Многофазисное значение (многофазисной «характер действия») проявляется у простых глаголов несовершенного вида не во всех контекстах. В предложении *Во вре́мя уро́ка Ва́ня колóл своего́ сосе́да була́вкой* речь идёт о повторявшемся акте «нанесения уколов». Однако в так называемом «актуальном» («репортажном») настоящем форма *ко́лет* может обозначать и «наносит уколы» и «наносит один укол», ср. «Он как раз ко́лет его́ в ру́ку». Многофазисное значение глагола *колóть*, ничем формально не выраженное, здесь стирается.

«Многофазисность», как специфическая семантическая черта таких глаголов, как *бода́ть*, *колóть*, *то́пать* или *чиха́ть*, не является «имманентным» семантическим свойством того или иного глагольного значения. Всё зависит от степени «расчленимости» данного действия. Глагол *крича́ть* может обозначать внутренне нерасчленённое действие, например *Вме́сто того́, что́бы говори́ть норма́льно, он крич и́т*, т. е. «слишком громко говорит». Глагол *крича́ть* может употребляться в значении «издавать крик», например: *крича́ть а-а-а-а-а!* В этих случаях действие, обозначаемое глаголом *крича́ть*, не представляется как расчленённое, многофазисное. Но тот же глагол *крича́ть* может обозначать «издава́ть кри́ки», и в таком случае многофазисный, расчленённый характер действия выступает с полной наглядностью: только к этому третьему значению может быть образован «однократный» глагол типа *кри́кнуть*.

Многофазисный характер действия таких глаголов, как *бода́ть*, *колóть*, *то́пать* или *чиха́ть*, не следует смешивать с многократной совершаемостью глаголов типа *чи́тывать*, *ха́живать*, слвц. *čítavať*, *chodievať*. У этих последних повторяемость действия выражена формально посредством суффикса, в то время как у многофазисных глаголов типа *бода́ть* речь идёт вовсе не о повторяемости действия, а о его внутренней разложимости или расчленимости на ряд мелких фазисов.

С многофазисными глаголами типа *бода́ть* формально и семантически соотнесены глаголы, обозначающие действия, выполняемые одним движением, в один приём: *бода́ть — бодну́ть*. По своему значению глагол *бодну́ть* может быть представлен как один отдельно взятый фазис комплексного, многофазисного действия, обозначаемого глаголом *бода́ть*. Такие глаголы принято называть однократными (семельфактивными) глаголами. В графическом изображении:

бодну́ть
↓

В русской грамматической науке глаголы типа *кольну́ть*, *то́пнуть*, *бодну́ть* трактовались по-разному. Н. Н. Греч относил эти глаголы к «однократному виду», что было связано с чрезмерно широким пониманием грамматической сути глагольных видов. А. Востоков и А. Будилович считали глаголы типа *бодну́ть* формами «мгновенного» подвида. Акад. А. А. Шахматов включал эти глаголы в свою систему «подвидов», относя их к «однократному подвиду совершенного вида».[1]

Анализируя семантику глаголов типа *бодну́ть*, многие авторы (А. Будилович, акад. В. В. Виноградов, Академическая грамматика) подчёркивают, наряду с их «однократностью», оттенок «мгновенности» («okamžitosti») или «моментальности». Внесение в глаголы типа *бодну́ть* оттенка «мгновенности» нам представляется мало оправданным. Нельзя забывать, что однократные глаголы относятся без исключения к совершенному виду и что, следовательно, им свойственно общее грамматическое значение совершенного вида. Это общее грамматическое значение совершенного вида не содержит, как было неоднократно подчёркнуто, никаких указаний на «меру продолжительности» действия. Всякий перфективный глагол стилизует действие как целостное, сомкнутое событие, решительно никак не выражая его бо́льшую или меньшую продолжительность, ср. *Он про́жил всю жизнь в дере́вне*. Лексическое значение таких глаголов, как *махну́ть руко́й*, *то́пнуть ного́й* и т. п., имеющее в виду одно отдельно взятое движение, может навести на мысль, что здесь действительно выражается «мгновенное» действие. Но такое толкование связано не со значением однократности как таковой, а с индивидуальным лексическим значением таких глаголов, как *махну́ть* или *то́пнну́ть*. Та же однократная форма такого глагола, как *кутну́ть* ‚zaflámovať si' (к *кути́ть*), явно не допускает толкования действия, выраженного этим глаголом, как «мгновенного», ибо любой «кутёж» длится во всяком случае дольше, чем одно «мгновение»! Из этого следует, что семантика однократных глаголов типа *кольну́ть*, *то́пнуть*, *бодну́ть* сама по себе не содержит указаний на «мгновенность» или «моментальность» действия.

В школьных грамматиках, а также в новейших пособиях по русской

[1] Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. 1952, 90.

грамматике, глаголы на *-нуть* трактуются как чистовидовые формы, соотнесённые с бесприставочными глаголами. Академическая грамматика пишет: «Некоторые бесприставочные глаголы несовершенного вида образуют совершенный вид посредством суффикса *-ну-* без присоединения приставок» и в качестве иллюстраций приводит глаголы *бода́ть — бодну́ть*, *дви́гать — дви́нуть*, *коло́ть — кольну́ть* и т. п. (I 430). Пособие «Современный русский язык» (1957) считает глаголы *бода́ть — бодну́ть*, *коло́ть — кольну́ть* и т. п. — «видовыми корреляциями» (328/9). Таким образом игнорируется отчётливое значение однократности глаголов на *-нуть* и нарушается правило, согласно которому видовую корреляцию могут составлять лишь такие глаголы, которые — при полной синонимичности своего лексического значения — отличаются друг от друга исключительно только своим видовым, т. е. грамматическим значением.

«Значение однократности или мгновенности нередко поглощается общим значением совершенного вида, как бы растворяется в нём», — пишет акад. В. В. Виноградов (Русский язык, 526). Это замечание совершенно справедливо в отношении примеров, приводимых там же. Глагол *окну́ть* ‚ponoriť' полностью оторвался от своего исходного имперфективного глагола *купа́ть* (ср. *окну́ть* < **o-kǫp-nǫti*). К приставочному образованию *окну́ть* образуется вторичная форма несовершенного вида *окуна́ть*. Естественно, что перфективный член видовой пары *окну́ть//окуна́ть* лишается значения однократности, что это значение «поглощается общим значением совершенного вида». Семантический отрыв от исходных глаголов несовершенного вида всегда влечёт за собой возникновение нового глагола-лексемы, образование вторичных форм несовершенного вида и утрату старого «совершаемостного» значения. Глаголы *вспы́хнуть//вспы́хивать*, *замкну́ть//замыка́ть*, *споткну́ться//спотыка́ться*, *васну́ть//засыпа́ть* являются приставочными образованиями, в которых первый член лишён значения однократности, ибо он больше не соотнесён ни с каким простым бесприставочным глаголом. Но в тех случаях, где перфективный глагол на *-нуть* морфологически и семантически соотнесён с простым имперфективным глаголом (тип *бодну́ть — бода́ть*), значение однократности никогда не «поглощается общим значением совершенного вида». Поэтому трудно согласиться с теми авторами, которые считают возможным рассматривать глаголы типа *бода́ть* и *бодну́ть* как видовые корреляты одного глагола-лексемы. Первичным у глаголов на *-ну́ть* является их совершаемостное значение однократности. Нельзя согласиться и с Академической грамматикой, считающей это однократное значение «добавочным».

Ясно, что традиционное учение о «суффиксальном видообразовании» требует тщательного пересмотра. Совершенно прав Ю. С. Маслов, подчеркнувший несостоятельность этого традиционного учения. «Не является чистым показателем совершенного вида и назальный суффикс [*-ну-*], так как он всегда в большей или меньшей мере бывает связан с определёнными спосо-

бами действия [в нашей терминологии: с совершаемостями], чаще всего — с «семельфактивным» (действие, выполненное одним движением, в один приём), например русск. *толкну́ть*, *кольну́ть*. Таким образом, и здесь в процессе перфективации не возникает форма, вполне тождественная исходной по своему лексическому значению».[1]

Согласно Академической грамматике, «от некоторых... бесприставочных глаголов несовершенного вида возможно образование глаголов совершенного вида как посредством приставок, так и посредством суффикса *-ну-*, напр.: от *бода́ть* возможны *забода́ть* и *бодну́ть* (последнее со значением однократности, мгновенности); от *дёргать* — *задёргать*, *подёргать* и *дёрнуть*; от *кача́ть* — *покача́ть* и *качну́ть*; от *крича́ть* — *закрича́ть* и *крикнуть*; от *сверка́ть* — *засверка́ть* и *сверкну́ть*» (I 431). Подобный «либерализм» в установлении соотносительных видовых форм коренится в игнорировании явных совершаемостных значений (у глаголов *задёргать*, *закрича́ть* и *засверка́ть* — начинательного; у глагола *покача́ть* — ограничительного; у глагола *забода́ть* — результативного; у всех приведённых глаголов на *-нуть* — однократного). Если не различать принципиально чистовидовое (грамматическое) значение и разные оттенки совершаемостных значений, в частности значения однократности, то можно свободно образовать «видовые пары», состоящие из не вполне синонимических глаголов.

Отсутствие чётких критериев при определении грамматического характера глаголов на *-нуть* сказывается на каждом шагу и в толковых словарях. Р. Ружичка обратил внимание на крайне непоследовательную характеристику глаголов на *-нуть* в словаре С. И. Ожегова.[2] Глагол *толкну́ть* оценивается как форма совершенного вида к глаголу *толка́ть* (помета «сов.»), а глагол *икну́ть* — как однократное образование к глаголу *ика́ть* (помета «однокр.»).

Чтобы вскрыть объективно существующие в языке соотношения, необходимо провести тщательный и чрезвычайно тонкий анализ значения — или, вернее, возможных значений — исходных бессуффиксных глаголов, от которых образованы глаголы на *-нуть*. Такой анализ требует большой сосредоточенности и внимания к тончайшим семантическим оттенкам.

Глагол типа *зева́ть* может быть употреблён в двух значениях:

1. «производить зевки» — действие расчленимо, налицо многофазисный характер действия; например: *Перед сном он зева́ет* (такова его привычка).

2. «производить один зевок» — действие нерасчленимо, многофазисный характер действия утрачен; например: *Вот он уса́живается в кре́сло, зева́ет и лени́во принима́ется за газе́ту.*

---

[1] Ю. С. Маслов: Роль так называемой перфективации ..., стр. 6.

[2] R. Ruzicka: Einführung in die Flexion und Aspektbildung des russischen Verbs. Die russischen Verben. Leipzig 1954, 42.

Форма *зевну́ть* может быть образована к обоим значениям:

1 а) *Перед сном он зевну́л* (явно однократное действие)
2 а) *Он усе́лся к кре́сло, зевну́л и лени́во при́нялся за газе́ту.*

В примере 2а глагол *зевну́л* соотнесён с глаголом *зева́ть*, употреблённым во втором значении, т. е. там, где этот глагол лишён оттенка многофазисности и выражает только один, отдельно взятый акт. Так как оба глагола — *он зева́ет* («производит один зевок») и *он зевну́л* в данном употреблении обозначают один отдельно взятый акт «зевания» («один зевок»)[1], то мы имеем дело с полной синонимичностью, являющейся, как известно, основной предпосылкой для образования чистовидовых отношений. Глаголы *он зева́ет* и *он зевну́л* в данном случае отличаются друг от друга только своим видовым (и, конечно, временны́м) значением. Следовательно, здесь можно говорить о чистовидовой соотнесённости. Таким образом форма *зевну́ть* является одновременно и формой совершенного вида к *зева́ть* 2 и однократным образованием к *зева́ть* 1. Такими или подобными соображениями руководствовались, очевидно, авторы статьи *зевну́ть* в словаре Ушакова, снабжая глагол *зевну́ть* двумя пометами: «*Сов. и однокр. к* зева́ть» (I 1091).

Бессуффиксные глаголы *дви́гать, кида́ть, каса́ться, ло́паться, ма́зать, ныря́ть, плева́ть, пры́гать, сова́ть, толка́ть, тро́гать, чиха́ть, шара́хаться, швыря́ть* обыкновенно имеют многофазисный характер действия (ср. *Он пры́гает на одно́й ноге́; Он меня́ толка́ет*; *Он чиха́ет* и т. п.). Соответствующие образования на *-нуть*, обозначающие лишь один отдельно взятый «фазис» таких действий, должны быть признаны однократными образованиями (ср. *Он пры́гнул в во́ду*; *Он меня́ толкну́л*; *Он чихну́л*). Однако при известных условиях, например, в так называемом «актуальном» употреблении настоящего времени, те же бессуффиксные глаголы типа *дви́гать, кида́ть, пры́гать* и т. д. обозначают только один изолированный акт. В этом нетрудно убедиться: достаточно включить формы презенса в актуализирующий контекст, например:

Смотри́те: *он подхо́дит к бассе́йну и пры́гает в во́ду*;
он повора́чивается и плюёт;
он набира́ет во́здух и ныря́ет.

Формы *пры́гает, плюёт, ныря́ет* здесь равнозначны с «делает один прыжок», «совершает плевок», «совершает нырок». Соответствующие образования на *-нуть*, обозначающие тот же самый изолированный акт, но в совершенном виде, уже не могут быть признаны однократными образованиями. Между формами типа *Он пры́гает* («делает прыжок») и *Он пры́гнул* («сделал прыжо́к») имеется полная синонимичность. Единственным

[1] Автор сознаёт, что его толкования типа «производить зевки» или «делать прыжок» не выдерживают, в стилистическом отношении, никакой критики. Автор просит читателя снисходительно отнестись к таким чудовищным сочетаниям, вызванным необходимостью выразить нужный оттенок значения с максимальной точностью.

различием здесь является различие видовое (и, конечно, временно́е, в данном случае для нас несущественное). Соотношение *пры́гает*//*пры́гнул* в данном значении можно считать чистовидовым, или, по крайней мере, очень близко подходящим к чистовидовому.

Далеко не все бессуффиксные глаголы, допускающие образования на *-нуть*, лишаются в тех же условиях своего многофазисного значения. Глагол *ка́шлять* сохраняет и в актуальном употреблении свою многофазисность, ср. *Он подхо́дит к откры́тому окну́ и ка́шляет* (т. е. «издаёт звуки кашля»). Формы на *-нуть*/*-януть*, образованные от таких глаголов, сохраняют своё значение однократности. Большинство бессуффиксных глаголов, допускающих соответственные образования на *-нуть*, относится к этому типу, ср. *бода́ть*, *брека́ть*, *брыка́ть*, *виля́ть*, *дыша́ть*, *дёргать*, *дря́гать*, *кача́ть*, *колеба́ть*, *кувыркаться* и многие другие. Соответственные образования на *-нуть* сохраняют чисто однократное значение.

У некоторых глаголов соотносительные формы на *-нуть* образуются только в первом (многофазисном) значении. Ср.:

1. *глота́ть* — «совершать глотки» (многофазисное значение).
2. *глота́ть* — «пытаться проглотить, совершить глоток» (отсутствие многофазисного значения).

Только к непереходному глаголу *глота́ть* 1 можно образовать однократную форму *глотну́ть*. К глаголу *глота́ть* 2 однократный глагол не образуется. Ср. «Смотрю́ и ви́жу: он подхо́дит к апте́чке, налива́ет в стака́н не́сколько ка́пель из буты́лочки и *глота́ет* их». При переводе этого предложения в прошедшее время появляется не однократная форма *глотну́л*, а результативная форма *проглоти́л*, ср. «Он подошёл к апте́чке... нали́л... и *проглоти́л*».

Из всего сказанного следует, что образования на *-нуть* могут, действительно, в определённых условиях иметь не однократное, а чистовидовое значение. Это, однако, никак не отражается на том, что при других условиях те же образования на *-нуть* имеют чёткое значение именно однократности.[1] Эти тонкие оттенки должны быть учтены при попытке создания теории глагольного видо- и формообразования.

Мы видели, что глаголы на *-нуть*, соотнесённые с бессуффиксными имперфективными глаголами, как правило, охарактеризованы значением однократности[2]. Такой оттенок значения

[1] Если словарь Ушакова приводит глаголы типа *дви́нуть* или *тро́нуть* с пометой «сов.» (к *дви́гать*, *тро́гать*), то с этим можно согласиться, имея в виду не-многофазисное значение этих глаголов. Труднее согласиться с тем, что и глагол *дро́гнуть* в словаре Ушакова приведён с пометой «сов. к *дрожа́ть*», хотя глагол *дрожа́ть* ни при каких условиях не лишается своего многофазисного значения.

[2] Значение однократности ступе́нчато и заменяется чистовидовым (или близко подходящим к нему результативным) значением также у некоторых бесприставочных глаголов на *-нуть*, например: *косну́ться*; *дерзну́ть*, *тро́нуться* (в значении «отправиться в дорогу»). Это связано

нельзя признать чистовидовым. Однократность действия является семантической модификацией исходного глагола. Это и заставляет нас рассматривать однократные глаголы как однократную совершаемость глагольного действия.

Однократные глаголы образуются от многочисленных имперфективных бессуффиксно-бесприставочных глаголов, обычно обозначающих конкретные действия человека или животного.

Сюда относятся: *бода́ть — бодну́ть* ‚poklať (o krave)', *°брека́ть — °брекну́ть* ‚1. zaštekať; 2. zacigániť', *бри́згать — бри́знуть* ‚strieknuť' (ср. *Бри́знул до́ждик* ‚spŕchlo'), *брыка́ть — брыкну́ть* ‚kopnúť', *виля́ть — вильну́ть (хвосто́м)* ‚zavrtieť', *глота́ть — глотну́ть* ‚hltnúť', *гляде́ть — гля́нуть* ‚pozrieť', *грызть — °грызну́ть* ‚hryznúť', *дви́гать — дви́нуть* ‚pohnúť', *дыша́ть — дохну́ть* ‚dýchnuť', *дёргать — дёрнуть, дри́гать — дри́гнуть (ного́й)* ‚myknúť', *дуть — ду́нуть* ‚fúknuť, zaduť', *дыша́ть — дыхну́ть* ‚dýchnuť', *зева́ть — зевну́ть* ‚zívnuť', *ка́пать — ка́пнуть* ‚kvapnúť', *ката́ть — °катну́ть* ‚zájsť si', *кача́ть — качну́ть* ‚zakymácať', *кива́ть — кивну́ть* ‚kývnuť', *кида́ть — ки́нуть* ‚hodiť', *клева́ть — клю́нуть* 1. zobnúť; 2. (o rybe) zabrať', *°клю́кать — °клю́кнуть* ‚pribnúť si', *ковыря́ть — ковырну́ть* ‚1. dať tromfa; 2. zasalutovať', *°ко́кать — °ко́кнуть* ‚rozbiť', *колеба́ть — колебну́ть* ‚zakolísať', *коло́ть — кольну́ть* ‚bodnúť, pichnúť', *°колтыха́ть — °колтыхну́ть, колупа́ть — колупну́ть* ‚vylúpnuť', *колыха́ть — колыхну́ть, копа́ть — копну́ть* ‚hrabnúť', *кувырка́ться — кувыркну́ться* ‚urobiť kotrmelec', *кури́ть — °курну́ть* 1. ‚zafajčiť si; 2. potiahnuť (z cigarety)', *куса́ть — °кусну́ть* ‚kúsnuť', *кути́ть — °кутну́ть* ‚zaflámovať si', *лиза́ть — лизну́ть* ‚líznuť', *ло́паться — ло́пнуть* ‚praskнúť', *лага́ть — лягну́ть (копы́том)* ‚kopnúť', *°ля́пать — °ля́пнуть* 1. treskнúť; 2. vybľafnúť', *ма́зать — мазну́ть* ‚potrieť', *мака́ть — макну́ть* ‚omočiť', *маха́ть — махну́ть* ‚mávnuť', *мета́ть — метну́ть* ‚vrhnúť'. *мига́ть — мигну́ть* ‚mihnúť', *морга́ть — моргну́ть* ‚mihnúť', *мота́ть — мотну́ть* ‚pohodiť (hlavou)', *ныря́ть — нырну́ть* ‚ponoriť sa', *нюха́ть — °нюхну́ть* ‚šnupnúť', *пали́ть — °пальну́ть* ‚strelіť', *писа́ть — °писну́ть* ‚napísať', *пыха́ть — пыхну́ть* ‚strčiť', *плеска́ть — плесну́ть* ‚čľapnúť', *плева́ть — плю́нуть* ‚napľuť', *полыха́ть — полыхну́ть* ‚vzbĺknuť', *порха́ть — порхну́ть* ‚vzniesť sa', *пры́гать — пры́гнуть* ‚skočiť', *пуга́ть — пугну́ть* ‚nastrašiť', *°пыря́ть — °пырну́ть (ножо́м)* ‚bodnúť', *°пхать — °пхнуть (ного́й)* ‚sotiť', *ре́зать — °резну́ть* ‚urobiť rez', *руби́ть — °рубну́ть (са́блей)* ‚udrieť', *руга́ть — °ругну́ть* ‚vyhrešiť', *скака́ть — °скакну́ть* ‚skočiť', *скользи́ть — скользну́ть* ‚pošmyknúť sa', *стричь — °стригну́ть (но́жницами)* ‚strihnúť', *сова́ть — су́нуть* ‚strčiť', *стега́ть — стегну́ть (ло́шадь кнуто́м)*, *сы́пать — °сыпну́ть* ‚nasypať', *ти́скать — °ти́снуть*

с тем, что соответствующие имперфективные глаголы *каса́ться, дера́ть, тро́гаться*, строго говоря, уже не представляются внутренне расчленимыми. Формы *каса́ться//косну́ться, дера́ть//дернуть, тро́гаться//тро́нуться* могут считаться видовыми формами одного глагола-лексемы.

(статёйку) ‚uverejniť', *трёскать — трёснуть* ‚tresknúť', *толкáть — толкнýть* ‚sotiť', *топáть — тóпнуть* ‚dupnúť,' *трóгать — трóнуть что-л.* ‚dotknúť sa niečoho', *трясти́ — тряхнýть (головóй)* ‚potriasť', °*турúть — °турнýть (в шёю)* ‚kopnúť', *тúкать — °тúкнуть (пáльцем)* ‚strčiť', °*тю́кать — °тю́кнуть (топоро́м)* ‚ťuknúť', °*тя́пать — °тя́пнуть (топоро́м, зубáми)* ‚chmatnúť', °*форси́ть — °форснýть* ‚pochvastať sa', °*хáпать — °хáпнуть* ‚ukradnúť', *хáркать — хáркнуть* ‚chriaknuť', *хвáстать(ся) — °хвастнýть* ‚pochvastať sa', *хвата́ть — °хватнýть* ‚ovaliť', *хлебáть — хлебнýть* ‚sfknuť', *хлестáть — хлестнýть* ‚šľahnúť', *ходúть (с тувá) — °ходанýть*, *хлыстáть — хлыстнýть* ‚šľahnúť, plesnúť', °*цáпать — °цáпнуть* ‚chmatnúť', *царáпать — царáпнуть* ‚škrabnúť', *чёрпать — черпнýть* ‚načrieť', °*чертыхáться — °чертыхнýться* ‚zahrešiť', °*чúкать — °чúкнуть (нóжницами, зажигáлкой)*, *чихáть — чихнýть* ‚kýchnuť', *шагáть — шагнýть* ‚urobiť krok', *шарáхаться — шарáхнуться (в сторону)* ‚ubnúť sa', °*швáркать — °швáркнуть* ‚šmariť', *швырять — швырнýть* ‚šmariť', *шатáть — °шатнýть* ‚zakolísať', *шúкать — шúкнуть* ‚pstknúť', *шмы́гать — шмыгнýть (под стол)* ‚šmyknúť (sa)', *щеголя́ть — щегольнýть* ‚blysnúť sa niečím', *щипáть — щипнýть* ‚štipnúť' и некоторые другие.

Глаголы, обозначенные кружком (°), относятся к экспрессивной лексике или к просторечию.

Многие из приведённых глаголов встречаются также в возвратной форме, например: *качнýться, колыхнýться, ткнýться* и т. п. Точный перевод многих однократных глаголов представляет значительные затруднения. Словацкие эквиваленты приводятся ориентировочно, причём только для наиболее конкретных значений.

Особую группу составляют глаголы, обозначающие звуки или же действия, сопровождаемые звуками. Их не всегда можно выделить из группы глаголов, приведённых выше, ср. *чихнýть, хлестнýть*.

Сюда относятся: *áхать — áхнуть* ‚zhíknuť', *аýкаться — аýкнуться* ‚volať na seba (v lese)', °*бáхать — °бáхнуть (из пýшки)*, °*бáцать — °бáцнуть, бря́кать — бря́кнуть (посýдой)*, *бýркать — бýркнуть (себё под нос)* ‚zamrmlať', °*вя́кать — °вя́кнуть* ‚bľafnúť', *гáвкать — гáвкнуть* ‚zahavkať', *гáркать — гáркнуть («ура́!»)* ‚zavolať', *гúкать — гúкнуть* ‚hiknuť', °*грóхаться — °грóхнуться (на́ пол)* ‚zrútiť sa', *звя́кать — звя́кнуть (ключа́ми)*, *ёкать — ёкнуть* (ср. *сёрдце ёкнуло* ‚srdce mi poskočilo)', *'кáркать — кáркнуть (о воро́не)*, *квáкать — квáкнуть (о лягýшке)*, *клúкать — клúкнуть* ‚zavolať', *кричáть — крúкнуть, кря́кать — кря́кнуть, ля́згать — ля́згнуть (зубáми)*, *мяýкать — мяýкнуть, óхать — óхнуть, пищáть — пúскнуть* ‚zapišťať', *прúскать — прúснуть (со́ смеху)* ‚vyprsknúť', *рыгáть — рыгнýть* ‚grgnúť', *ря́вкать — ря́вкнуть (на кого-л.)* ‚zarevať', *свистáть* (и *свистéть*) — *свúстнуть* ‚zapískať', *скрипéть — скрúпнуть* ‚vrzgnúť', *стýкать и стучáть — стýкнуть* ‚klopnúť', *фы́ркать — фы́ркнуть* ‚frknúť', *хихúкать — хихúкнуть, хлóпать — хлóпнуть*, °*хлю́пать — °хлю́пнуть* ‚čvachnúť', *хмы́кать — хмы́кнуть* ‚zahmkať', *хрю́кать — хрю́кнуть* ‚zakrochkať'.

хрустéть — хрýстнуть ‚zaprašťať', *цóкать — цóкнуть* ‚zadupotať', *цы́кать — цы́кнуть (на кого-л.)* ‚oboriť sa', *чирúкать — чирúкнуть* ‚začvirikať', *чáркать — чáркнуть (спúчкой)* ‚škrtnúť', *чмóкать — чмóкнуть* ‚cmuknúť', *чóкаться — чúкнуться* ‚štrngnúť si', °*чхать — °чхнуть* ‚kýchnuť', °*ýхать — °ýхнуть* ‚zaduniet', *шлёпать — шлёпнуть* ‚pacnúť', *щёлкать — щёлкнуть* ‚luskнúť' и некоторые другие. Многие из приведённых глаголов употребляются также в возвратной форме, например: *хлóпнуться, шлёпнуться.*

Нетрудно заметить, что многие из приведённых глаголов восходят к междометиям, ср. *ах — áхнуть, бац — бáцнуть, чик — чúкнуть, хлоп — хлóпнуть* и т. п. С другой стороны, многие основы приведённых здесь глаголов употребляются в качестве заменителя (субститута) глагольного сказуемого, ср. *А он бац его́ по голове́; прыг в окно́; топ ногóй* (см. ниже стр. 501).

Небольшую группу составляют глаголы, обозначающие разные оптические эффекты, поскольку таковые могут быть восприняты как расчленённые, например: *блестéть* (или *блистáть*) — *блеснýть, мелькáть — мелькнýть* ‚mihnúť sa', *сверкáть — сверкнýть* ‚zaligotať sa, zaiskriť sa'.

В разговорном языке постоянно возникают всё новые и новые однократные глаголы, носящие часто шутливый оттенок, ср. *агитúровать — агитнýть, голосовáть — голоснýть* ‚zahlasovať si', *пасовáть (мяч) — паснýть* ‚prihrať' (спортивное арго); *спекулúровать — спекульнýть* ‚zašmeliť si', *тормозúть — тормознýть* и т. п. Л. А. Быкова приводит некоторые новообразования такого типа, встречающиеся в новой художественной литературе: *хохотнýть, болтнýться, трепетнýть, шумнýть, дымнýть* (в значении «покурить») и т. п.[1]

Подобные неологизмы встречаются и в словацком языке, ср. *risknúť, lajsnúť si* «позволить себе» (из нем. *sich leisten*).

В составе бесприставочных глаголов на *-нуть* оказывается несколько глаголов, не соотнесённых с глаголами без этого суффикса. Оттенок однократности проявляется всегда лишь на фоне исходного глагола, лишённого этого оттенка, ср. *колóть — кольнýть*. Если первый член такого соотношения почему-либо отсутствует, то и значение однократности исчезает. К таким несоотнесённым глаголам относятся многие глаголы литературного языка, например: *грянýть* ‚zarachotiť, zaduniet', zazniet' (ср. *грянýл вы́стрел; грянýла мýзыка*), *пахнýть* ‚zaviať' (ср. *От рекú пахнýло сы́ростью*), *полоснýть* чеш. ‚říznout' (ср. *Полоснýть кого-л. ножóм*), *рехнýться* ‚zblázniť sa', *рúнуться* ‚vrhnúť sa' (ср. *Солдáты рúнулись в бой*), *хлúнуть* ‚spustiť sa', (ср. *Дождь хлúнул; Кровь хлúнула из рáны*), *юркнýть* ‚vkĺznuť' (ср. *Мышь юркнýла в щель*). Другие глаголы этого типа носят сильно экспрессивный

[1] Л. А. Быкова: Несоотносительные глаголы... Труди філолог. факультету ХДУ 6, 1958, 124.

характер и свойственны скорее просторечию, хотя и встречаются в художественной литературе: *баба́хнуть (из ружья́)* ‚buchnúť', *громыхну́ться (на́ пол)* ‚zvaliť sa', *дербали́знуть* ‚liznúť si', *тра́хнуть (кого-л. по голове́)* ‚tresnúť', *тряхну́ть (старино́й)* ‚spomenúť si na staré časy', *черкну́ть* ‚napísať' (ср. *Черкни́ мне не́сколько стро́чек из Москвы́*), *чкнуть кого-л.* ‚sotiť' и т. п. Сильная экспрессивность таких глаголов всё же сохраняет за ними иллюзию значения однократности, что подтверждается и возможностью образования таких форм, как *а он баба́х из ружья́, а он трах его́ по голове́.*

В ряде случаев несоотносительность этих глаголов только кажущаяся: к таким глаголам, как *баба́хнуть* можно, в случае надобности, легко образовать форму *баба́хать*, хотя современные толковые словари этой формы и не приводят. То же можно сказать о глаголах *тра́хать*, *тарара́хать*, *громыха́ться*, могущих появиться в индивидуальной речи. Но как образовать неоднократную форму к глаголам *гря́нуть*, *рехну́ться*, *хлы́нуть* или *черкну́ть*?[1] Соответствующие глаголы на *-ать* в современном языке утрачены и восстановить их на основании живых чередований уже нельзя. Прочтя у Вяземского форму *пря́нул (Пря́нул ме́сяц из-за ту́чи)*, не сразу догадаешься, что глагол *пря́нуть* соотнесён с глаголом *пря́дать* ‚skákať',[2] хорошо представленном у классиков (Тютчев, М. Горький).

Как видно, изолированность (несоотносительность) однократных глаголов на *-нуть* в ряде случаев объясняется утратой или неупотребительностью соответствующих бессуффиксных глаголов.

С формальной точки зрения следует различать более новый пласт однократных образований на *-нуть* с сохранением основы исходного глагола, и более древний пласт с многочисленными чередованиями основы, особенно с утратой последнего согласного перед суффиксом *-нуть* (ср. стр: 187):

Новые образования		Старые образования		
дри́г-ать	— *дри́г-нуть*	г/ʒ:	*дви́г-ать*	— *дви́-нуть*
миг-а́ть	— *миг-ну́ть*		*дёрг-ать*	— *дёр-нуть*
при́г-ать	— *при́г-нуть*		*трбг-ать*	— *трб́-нуть*
бод-а́ть	— *бод-ну́ть*	д/ʒ:	*гляд-е́ть*	— *гля́-нуть*
			кид-а́ть	— *ки́-нуть*

---

[1] Образование этих форм можно объяснить только этимологически, с привлечением диалектного материала:

гря́нуть (из **gręd-nǫti*) образовано от глагола *гряду́, грясти́*. Ср. M. Vasmer, Russ. etymol. Wörterbuch I.

рехну́ться (ръхну́ться) значит «лиши́ться (ра́зума)» и соотнесено с областным *реша́ться (ръша́ться) чего-л.* в значении «лишаться чего-л.» (Даль).

хлы́нуть соотнесено с глаголом *хлы́нить* «вяло, лениво идти или ехать», чуждым литературному языку (Даль).

черкну́ть соотнесено с областным глаголом *черка́ть* в значении «бойко, торопливо писать» (Даль).

[2] Ср. сочетание *пря́дать уша́ми (о ло́шади)* ‚strihať ušami'.

ква́к-ать — ква́к-нуть

ск/с: *плеск-а́ть — плес-ну́ть*
тя́ск-ать — тя́с-нуть
пря́ск-ать — пря́с-нуть

хлест-а́ть — хлест-ну́ть

ст/с: *блест-е́ть — блес-ну́ть*

В ряде случаев наблюдаются «обратные» чередования:

ч/к: *крич-а́ть — кри́к-нуть*
стуч-а́ть — сту́к-нуть

ж/г: *дрож-а́ть — дро́г-нуть* щ/ск: *пищ-а́ть — пи́ск-нуть*

Вокалические чередования (иногда в сочетании с консонантическими) имеются в следующих случаях:

Новое образование	Старое образование
дыш-а́ть — дых-ну́ть	*дыш-а́ть — дох-ну́ть*
тя́к-ать — тя́к-нуть	*тя́к-ать — тк-нуть*

Старый тип чередования представлен в глаголах

клева́ть — клю́нуть *плева́ть — плю́нуть* *сова́ть — су́нуть*

Особо отметим любопытный случай чередования возвратного глагола с невозвратным:

ло́паться — ло́пнуть

В литературе не раз подчёркивалось, что однократные глаголы на *-нуть* легко образуются от глаголов на *-ать*, гораздо реже от глаголов на *-еть*, *-ить* или *-овать*. Действительно, в подавляющем большинстве случаев глаголы на *-нуть* соотнесены с глаголами либо I класса *(моргну́ть — мига́ть -а́ю -а́ет)*, либо VI непродуктивного класса *(метну́ть — мета́ть мечу́ ме́чет)*. Но и там, где с точки зрения современного языка глагол на *-нуть* соотнесён с глаголом VII класса (тип *дрожа́ть — дро́гнуть*), VIII класса (тип *гляде́ть -жу́ -ди́т — гля́нуть*) или X класса (тип *трясти́ — тряхну́ть*), это соотношение является вторичным. Этимологически однократные глаголы этого типа были образованы от глаголов на *-ать*, в большинстве случаев утраченных в литературном русском языке, но хорошо сохранившихся в говорах, а также в родственных славянских языках. (ср. стр. 187). Например:

Соотношение в современном языке	Этимологическое соотношение
гля́нуть — гляде́ть	*гля́(д)нути — гляда́ть* (Даль), ср. слвц. *hľadať*
дохну́ть — дыша́ть	*дъхнути — дыха́ть* (Даль), ср. слвц. *dýchať*
дро́гнуть — дрожа́ть	*дро́гнути — *дро́гать*[1], ср. слвц. *drgať*
стригну́ть — стричь	*стригну́ти — стрига́ть* (Даль), ср. слвц. *strihať*
тряхну́ть — трясти́	*тряхну́ти — тряха́ть* (Даль)
кри́кнуть — крича́ть	*кри́кнути — *кри́кать*, ср. *кли́кнуть — кли́кать* в том же значении

[1] Звёздочка (*) здесь обозначает незасвидетельствованную форму.

пи́скнуть — пищáть *пи́скнуть — пи́скать* (Даль), ср. слвц. *pískať*
хру́стнуть — хрустéть *хру́стнуть — хрустáть* (Даль), ср. чеш. *chroustat*

Однократные образования на *-ну́ть* в словацком языке соотнесены именно с глаголами на *-ať*, ср. *dýchnuť — dýchať*, *drgnúť — drgať*, *strihnúť — strihať*, *pisknúť — pískať*.

Многочисленные фонетические чередования в глагольных основах, осложняющие соотносительность глаголов в морфологическом отношении, являются в русском литературном языке вторичными. Сопоставление с фактами словацкого и чешского языков помогает в этих случаях вскрыть древние системные соотношения.

В кругу совершаемостей русского глагола однократная совершаемость, выражаемая суффиксом *-нуть*, занимает особое место. Глаголы, выражающие ту или иную совершаемость, семантически всегда соотнесены со своими исходными глаголами, модификациями которых они и являются. От совершаемостей, образованных при помощи приставок (напр. *заговори́ть*, *поговори́ть*, *наговори́ться* и т. п.), обычно уже не образуются новые глаголы при помощи приставок-квалификаторов. Исключением является однократная совершаемость, выраженная суффиксом *-нуть*. Однократные глаголы на *-нуть* типа *кри́кнуть* или *су́нуть* могут служить базой для образования новых приставочных глаголов, например *вскри́кнуть*, *всу́нуть*. Эти приставочные глаголы с/в обычно вступают в чистовидовое соотношение с вторичными глаголами нс/в, образованными согласно правилам, изложенным на стр. 179—192. Так, например, от глагола *су́нуть* образуются следующие приставочные образования:

су́нуть — *всу́нуть//вса́бывать*
вы́сунуть//высо́бывать
засу́нуть//засо́бывать
просу́нуть//просо́бывать
подсу́нуть//подсо́бывать

Приведённые формы нс/в образованы не непосредственно от корня семельфактивных глаголов (тип *за-су́-нуть*), а от корня соответствующего несемельфактивного глагола (тип *сова́ть*) посредством суффикса *-ыв-/-ив-* и классового показателя *-ать -аю -ает*.

Ср. ещё:

дёрнуть — задёрнуть//задёргивать (занаве́ску)
мигну́ть — подмигну́ть//подми́гивать (кому-л.)

махну́ть — замахну́ться//замаха́ться (на кого-л.)
ки́нуть — заки́нуть//заки́дывать (у́дочку, сеть)
тро́нуть — затро́нуть//затра́гивать (вопро́с)
пры́гнуть — перепры́гнуть//перепры́гивать и мн. др.

Приставочные глаголы типа *вскри́кнуть*, *вздро́гнуть* ‚trhnúť sa', *заки́нуть* и т. д. до известной степени сохраняют значение однократности действия: но это значение в значительной мере приближается к общему грамматическому значению совершенного вида, поскольку всякий перфективный глагол имеет в виду процесс, воспринятый как целостное событие.

В составе приставочных глаголов совершенного вида с суффиксом *-нуть* оказывается немало глаголов, которые в современном русском литературном языке больше не имеют бесприставочных соответствий на *-нуть*. Глагол *рази́нуть (рот)* ‚otvoriť ústa' явно образован от бесприставочного глагола *зи́нуть*, но такого глагола в литературном языке больше нет. Он сохранился по говорам: словарь Даля приводит «Люди на лес не *зи́нут*, лес не сги́нет» (I 683). Глагол *зи́нуть*, являющийся первоначально однократной совершаемостью к глаголу *зева́ть*, был в литературном языке заменён новообразованием *зевну́ть*. Таких приставочных глаголов, утративших в литературном языке свой исходный бесприставочный глагол, довольно много. Ср.:

поддáкнуть//поддáкивать	(«дакнуть» не существует)
всхли́пнуть//всхли́пывать	(«хлипнуть» не существует)
сполоснýть//споласкивать	(«полоснуть» в этом значении не существует)
распахнýть//распáхивать	(«пахнуть» в этом значении не существует)[1]

Некоторые приставочные глаголы на *-нуть*, утратившие свой исходный бесприставочный глагол на *-нуть*, остаются в русском языке одновидовыми, ср.

прикорнýть//∅	(глагола «корнуть» нет)
встрепенýться//∅	(глагола «трепенуть» нет)

[1] «Не существует» следует понимать относительно: эти глаголы не приводятся в больших толковых словарях современного русского литературного языка.

очну́ться//Ø (глагола «чнуть(ся)» нет)
свихну́ться//Ø (глагола «вихнуть» нет) и т. п.

Иногда одновидовыми остаются и такие приставочные глаголы на *-нуть*, которые сохраняют при себе соответствующий бесприставочный глагол на *-нуть*, например:

перемахну́ть (через забо́р)//Ø (ср. *махну́ть*)
улизну́ть//Ø (ср. *лизну́ть*) и т. п.

В этих случаях приставочные образования, относящиеся к экспрессивной лексике, семантически отрываются от соответствующих бесприставочных глаголов. Одновидовость таких глаголов, как *перемахну́ть (через забо́р)*, иногда ставится в связь с индивидуальной их семантикой: стремительность однократного действия, обозначаемого таким глаголом, не «допускает», мол, изображения того же действия в несовершенном виде. Нам представляется, что такое толкование покоится на недоразумении. Ведь глагол типа *перемахну́ть* вовсе не «сопротивляется» упорным попыткам говорящих перевести его в несовершенный вид. В случае необходимости можно совершенно свободно образовать форму «перема́хивать», абсолютно не нарушая норм русского глагольного видо- и словообразования. Если же форма «перема́хивать» не фигурирует в толковых словарях, то только потому, что, по-видимому, никто из эксцерпированных авторов не ощущал потребности «создать» эту форму.

Однократные глаголы на *-ануть*/*-януть*.

В большинстве случаев суффикс *-ануть* является самостоятельной морфемой (а не вариантом суффикса *-нуть*), вносящей в индивидуальное значение исходного глагола, кроме совершаемостного оттенка однократности, ещё и оттенок интенсивности действия. Глаголы с этим суффиксом относятся к экспрессивным пластам просторечия. Их стилистическая и семантическая специфика лучше всего вскрывается при сопоставлении с однократными глаголами на *-нуть*, ср.:

однократное		интенсивно-однократное
дёргать	— *дёрнуть*	— *дерану́ть*
ма́зать	— *мазну́ть*	— *мазану́ть*

ре́зать — *резну́ть* — *резану́ть*
толка́ть — *толкну́ть* — *толкану́ть*
хлеста́ть — *хлестну́ть* — *хлестану́ть* и т. п.

Этот особый оттенок интенсивности может быть передан в словацком языке обычно только лексически: *хлестану́ть* ‚poriadne sťahnúť'.

Суффикс *-ану́ть/-я́нуть* является у некоторых глаголов лишь вариантом («алломорфом») суффикса *-ну́ть*. Однократная совершаемость образуется, как было указано выше, посредством присоединения суффикса *-ну́ть* непосредственно к корню глагола. Корневая морфема таких глаголов, как *рв-а́ть* или *ка́шл-ять*, содержит группы согласных. В результате присоединения к этим корневым морфемам консонантического суффикса *-ну́ть* возникли бы непривычные для русского языка группы согласных типа *-рвн-* или *-шльн-* (ср. «рвнуть» или «кашльнуть»). Такое нагромождение согласных устраняется применением вокалического варианта *-ану́ть/-я́нуть*, ср. *рв-ану́ть*, *ка́шл-януть*.

В пределах экспрессивно-просторечной лексики образования с суффиксом *-ану́ть* могут считаться относительно продуктивными. В литературе встречаются такие образования, как *долбану́ть* (к *долби́ть*), *драпану́ть* (к *дра́пать* ‚mazať preč'), *жигану́ть* ‚poriadne udrieť', *звезданýть* ‚ovaliť (niekoho)', *игранýть (в ка́рты)*, *копану́ть* (к *копа́ть* и *копну́ть*), *мигану́ть* (к *мига́ть* и *мигну́ть*), *рубану́ть* (к *руби́ть*), *саданýть* ‚ovaliť', *сиганýть* ‚skočiť', *сказану́ть* (к *сказа́ть*), *стеганýть* (к *стега́ть* и *стегну́ть*), *трепану́ть* (к *трепа́ть*), *тряхану́ть* (к *тря́сти* и *тряхну́ть*), *толкану́ть* (к *толка́ть* и *толкну́ть*), *ходану́ть с тузо́* (к *ходи́ть*), *шагану́ть* (к *шага́ть* и *шагну́ть*), *шибану́ть* (к *шиба́ть*), *щелкану́ть* (к *щёлкать* и *щёлкнуть*) и некоторые другие. У многих из приведённых глаголов соотносительный член на *-ать* или *-ить* отсутствует в том смысле, что говорящий (или пишущий), свободно употребляющий глагол на *-ану́ть*, не имеет в своём активном словарном запасе соответствующего глагола на *-ать* или *-ить*. Так, например, глагол *саданýть* ‚praštiť' употребляется многими русскими, в то время как соотносительный глагол *сади́ть* в значении «бить» (ср. *ссади́на*) мало кому известен.

Глаголы на *-ану́ть* лежат на самой периферии литературного языка.

Однократные глаголы с приставкой *с-/со-*

Образование однократной совершаемости при помощи суффикса *-ну́ть (-ану́ть)* связано, как мы знаем, с многофазис-

ным значением исходного глагола. Но если однократные глаголы на *-нуть (-ануть)* образуются почти исключительно от глаголов, обозначающих конкретные и наглядные действия (напр. *толка́ть — толкну́ть*), то глаголы однократной совершаемости, образуемые посредством приставки *с-/со-*, относятся, отчасти, к совершенно иной семантической области.

Глагол *остри́ть* ‚žartovať, vtipkovať' в словаре Ушакова толкуется так: «говорить остроты». Действие, выраженное этим глаголом, можно себе представить как состоящее из ряда отдельных «актов». Оно также расчленимо, как действие, выраженное глаголом *толка́ть* ‚sácať'. Поэтому и здесь можно выделить один отдельно взятый «фазис» действия. Именно такой отдельно взятый «фазис» и имеется в виду в глаголе *сострі́ть* «проявить остроумие, сделать остроумное замечение». В словаре Ушакова глагол *сострі́ть* приведён как «*сов. к* острить»: это связано с общими «либеральными» взглядами данного словаря на приёмы видообразования. На самом деле здесь налицо однократная совершаемость. Возьмём другой пример: глагол *глупи́ть* толкуется в том же словаре как «делать глупости». Совершенно естественно, что у говорящих появляется потребность выразить один отдельно взятый «акт» действия, выражаемого глаголом *глупи́ть*. Форма *сглупи́ть* «сделать глупость» является, следовательно, глаголом с отчётливо однократным значением. Было бы методологически неправильным исключать эти глаголы из общего обзора однократной совершаемости.

Довольно значительную группу глаголов, образующих однократную совершаемость посредством приставки *с-*, представляют отымённые глаголы на *-ничать*, например *оригина́льничать*. Эти глаголы содержат отрицательную оценку действия и не всегда поддаются точному переводу на словацкий язык. Глагол *оригина́льничать* значит ‚hrať sa na originálneho, vzbudzovať pozornosť nemiestne nápadným správaním sa'. Глагол *оригина́льничать* служит для оценочной характеристики поведения субъекта. Глаголы типа *оригина́льничать* являются типичным случаем одновидовых глаголов нс/в, общая семантика которых исключает возможность стилизации глагольно выраженной «характеристики» как целостного события. Однако семантика этого глагола допускает в известном смысле внутреннюю расчленимость. Можно иметь в виду одно конкретное проявление

этой общей характеристики. Именно такое отдельно взятое проявление общей характеристики, один изолированный поступок и имеется в виду в глаголе *соригина́льничать* — «поступить так, как поступают оригинальничающие». Перфективность глагола *соригина́льничать* не может быть истолкована как грамматическая соотносительная форма совершенного вида к глаголу *оригина́льничать*, ибо этот глагол по природе своей — одновидовый, не поддающийся перфективации. Следовательно глагол *соригина́льничать* следует считать модификацией исходного глагола и включить в состав глаголов с однократной совершаемостью действия.

Сюда относятся следующие глаголы: *(с)великоду́шничать* ‚hrať sa na veľkodušného', *(с)жу́льничать* (и *сжу́лить*) ‚podvádzať, šudiť', *(с)лака́йничать* ‚lokajsky sa správať', *(с)малоду́шничать* ‚prejavovať malodušnosť', *(с)лицеме́рничать* ‚správať sa pokrytecky', *(с)моше́нничать* ‚podvádzať, šudiť', *(с)обезья́нничать* ‚opičiť sa', *(с)озорнича́ть* ‚stvárať nezbedu, šibalstvá', *(с)остроу́мничать* ‚snažiť sa byť vtipný, vtipkovať', *(с)пая́сничать* ‚robiť zo seba šaša, správať sa ako šašo' *(с)поха́бничать* ‚hovoriť oplzlosti', *(с)откровéнничать*, byť nemiestne alebo príliš úprimný', *(с)фамилья́рничать* ‚chovať sa nemiestne familiárne', *(с)фигля́рничать* ‚fígľovať', *(с)фо́кусничать* ‚robiť drahoty', *(с)эконо́мничать* ‚byť nemiestne sporivý', *(с)я́бедничать* ‚byť udavačom, donášať'. Все приведённые глаголы обозначают в бесприставочной форме (отрицательную) характеристику человека. В совершенном виде они обозначают одно отдельно взятое проявление общей характеристики, ср.:

Он неуда́чно состроу́мничал ‚pokúsil sa o vtip'.

Ты опя́ть сэконо́мничала! ‚znovu ti bolo ľúto peňazí!'.

Отрицательный оттенок значения выступает при сопоставлении глагола на *-ничать* с нейтральным глаголом, образованным от той же основы:

эконо́мить ‚šetriť'	— *эконо́мничать* ‚byť príliš sporivý'
сэконо́мить ‚ušetriť'	— *сэконо́мничать* ‚prejavovať príliš sporivosť'

Л. А. Быкова совершенно справедливо указывает, что глаголы, выступающие с оценочным значением характеристики поведения того или иного лица (напр. *нéжничать*, *геніа́льничать*, *насме́шничать*), лишены соотноси-

тельных форм совершенного вида. Тем не менее автор допускает, что такие глаголы, если они выражают отдельное действие, соединяются «с приставками грамматического значения» (цит. соч., 128). Форма типа *снасмёшничать* представляется автору как «соотносительная форма совершенного вида» к глаголу *насмёшничать*. Здесь, как и во многих других случаях, недостаточно чётко проводится грань между чистовидовыми и совершаемостными значениями, в частности не учитывается отчётливо однократное значение глаголов типа *снасмёшничать*.

Образование глаголов однократной совершаемости не ограничивается глаголами приведённого типа. К глаголам на *-ничать* примыкает целый ряд других глаголов, характеризующих поведение человека с отрицательной стороны и могущих быть представленными как своеобразно расчленимые «действия». Аналогично к *глупи́ть* — *сглупи́ть* (см. выше) образован глагол *дури́ть* — *сдури́ть* ‚urobiť hlúposť', далее *тру́сить* и простореч. *дрейфить* ‚správať sa ako zbabelec, cúvať' — *стру́сить*, *сдре́йфить* ‚zachovať sa ako zbabelec', *плутова́ть* ‚nečestne sa chovať, švindľovať' — *сплутова́ть*, *по́дличать* ‚byť podlý', — *спо́дличать* ‚ukázať sa podlým', фразеологизм *валя́ть дурака́* ‚robiť sa hlúpym' — *свали́ть дурака́* и т. п. Глагол *worова́ть* может употребляться в двух значениях: 1. «красть что-л.» (напр. *worова́ть де́ньги*); 2. непереход. «заниматься воровством» (напр. *Он стал worова́ть*). В этом втором значении глагол *worова́ть* служит для характеристики субъекта, ср. *Он вору́ет* = «он вор». Именно к этому второму значению образуется совершаемостная форма *сворова́ть*. Если сравнить близкие по значению перфективные глаголы *Он укра́л* и *Он сворова́л*, то окажется, что в первом случае преобладает результативное значение, во втором — однократное. Такое же однократное значение имеется в глаголах *солга́ть*, *совра́ть* ‚zacigániť si' (к *лгать*, *врать*), ср. «Раз *совра́л* и уже́ не хоте́л переправля́ть» (Достоевский).

Отчётливо проступает однократное значение и у глаголов *сбрехну́ть* ‚zacigániť si bez zlého úmyslu' (*брехáть* ‚cigániť, tárať') и *сболтну́ть* ‚vybľaznúť, vyzradiť niečo nevdojak' (к *болтáть*); однократность здесь выражена «избыточно» двумя формальными показателями: суффиксом *-нуть* и приставкой *с-*.

Гораздо реже однократная совершаемость образуется в современном языке от глаголов, не содержащих отрицательной оценки. Можно привести глагол *соснýть* (к *спать*), соответствующий чеш. ‚dát si šlofíka', где, однако, значение однократности

перекрывается со значением ограниченности, ср. *Хорошо́ бы с оснýть часо́к.*

Отчётливо однократное значение имеет глагол *сработать*, образованный от глагола *рабо́тать* в значении ‚действовать, fungovať', ср. *Лифт рабо́тает испра́вно*; *Приёмник рабо́тает.* Глагол *сработать* употребляется для обозначения одного отдельно взятого и конкретного случая «функционирования», ср. «Фикса́тор не *сработа́л*» в значении «дал осечку, оказался неисправным» (из инструкции по эксплуатации радиоприёмника).

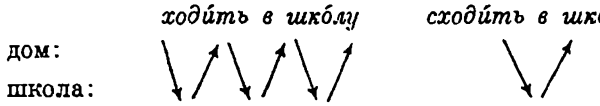
Однократное значение приставки *с-* в древнем языке было, по-видимому, более распространённым. В современном языке однократное значение было в большинстве случаев переистолковано: оттенок однократности был заменён оттенком результативности. От глагола *мастери́ть* ‚majstrovať, robiť domáckym spôsobom' образуется глагол *смастери́ть (себе́ пла́тье, игру́шку).* Здесь имеется в виду именно один лишь акт, одно законченное действие, но значение однократной совершаемости перекрывается более общим значением результативности. Глагол *смастери́ть* рассматривается в словарях обычно как форма совершенного вида к *мастери́ть.* В результате аналогичных, очень тонких семантических сдвигов произошла и переоценка типа глаголов *сде́лать, сыгра́ть, свари́ть.* Исторически приставка *с-* здесь могла выражать однократную совершаемость (ср. *сде́лать самоде́льную мотыгу; сде́лать уро́к; сыгра́ть па́ртию*; *свари́ть ка́шу*) и лишь впоследствии это значение однократности было вытеснено более общим значением результативности. Такое результативное значение толкуется многими авторами как чистовидовое, а приставка *с-* в *сде́лать* или *свари́ть* как «грамматическая» приставка. До сих пор оттенок однократности не выветрился полностью даже в таких новообразованиях, как *сконструи́ровать, скомпромети́ровать, скомпони́ровать*, хотя преобладающим семантическим признаком здесь бесспорно является результативность. Ср. отчётливо однократное значение глаголов *сыгра́ть (одну́ па́ртию), спеть (пе́сню).*

Однократные глаголы перемещения с приставкой *с-/со-*

С полной наглядностью значение однократной совершаемости выступает в глаголах совершенного вида типа *сходи́ть, съе́здить (куда-л.).* Эти глаголы образованы от имперфективных «не-

направленных» глаголов перемещения типа *ходи́ть, е́здить*. Так как внутренняя расчленимость действия, обозначаемого исходным глаголом, является необходимой предпосылкой для образования однократной совершаемости, то и в этих глаголах перемещения следует искать семантические предпосылки такой внутренней расчленимости. Что значит *ходи́ть в шко́лу*? Это значит — регулярно (или ежедневно) совершать путь в школу и обратно. Следовательно, действие, выражаемое сочетанием *ходи́ть в шко́лу*, расчленимо на ряд актов, состоящих из двух взаимосвязанных приёмов: дорога в школу и обратно. Из семантики исходного глагола в сочетании *ходи́ть в шко́лу* и вытекает своеобразная семантика однократного глагола *сходи́ть в шко́лу*, обозначающего именно только один комплексный акт: *Я сходи́л в шко́лу* значит — «я пошёл в школу и вернулся».

В упрощённом графическом изображении:

Словацкий язык не образует такой совершаемости от глаголов перемещения: *Я сходи́л в шко́лу, на по́чту* следует переводить сочетанием ‚*bol* som v škole, na pošte', содержащим указание на то, что я «побывал» в школе, но ничего не говорящим о том, что я «вернулся».[1] Однократная совершаемость свободно образуется от следующих глаголов перемещения: *сходи́ть (на по́чту), сбе́гать (в апте́ку)* ‚zabehnúť si', *съе́здить (в Пра́гу)* ‚zájsť si', *слета́ть (в Москву́), носи́ть (ребёнка в больни́цу), сла́зить (на кры́шу), спла́вать (на другой бе́рег*; Ушаков). К этим глаголам примыкает близкое по значению простор. *смота́ться куда-л., за чем-л.*, напр. *Придётся смота́ться в го́род за газе́тами.* Во всех этих случаях однократная совершаемость выражает комплексное движение «туда и обратно». Словацкие глаголы с приставкой *za-* приводятся лишь в качестве возможных «переводных эквивалентов» соответствующих русских глаголов, так как в них нет прямого указания на комплексность движения в обоих направлениях.

[1] Перфективный глагол *сходи́ть* I *(в шко́лу, на по́чту)*, являющийся однократной совершаемостью к *ходи́ть (куда-л.)*, не следует смешивать с имперфективным глаголом *сходи́ть* II *(с ле́стницы)*, являющимся формой несовершенного вида глагола *сойти́*//*сходи́ть (с ле́стницы)*.

Глаголами типа *сходи́ть (на по́чту)* замыкается круг однократной совершаемости в русском языке.

К однократным глаголам часто относят такие глаголы, как *бро́сить* или слвц. *hodiť* «бросить», *sotiť* «толкнуть», *chytiť* «схватить», *strelіť* «выстрелить, стрельнуть». Эти глаголы относятся, как известно, к небольшой сравнительно группе бесприставочно-бессуффиксных глаголов, имеющих значение совершенного вида. Так как соответствующие глаголы нс/в *(броса́ть; hádzať, sácať, chytať, strieľať)* могут (в определённых контекстах) обозначать многократное или повторяющееся действия, то и их перфективным соответствиям типа *бро́сить*, слвц. *hodiť* приписывается значение «однократности». На самом деле такое значение вытекает из общего значения совершенного вида этих глаголов. Однократное значение таких глаголов, как *бро́сить* ничем не отличается от «однократного» значения глагола любого глагола с/в, например *купи́ть*, *реши́ть*, *отда́ть* или *переписа́ть*. Лишь потому, что глаголы типа *бро́сить*, слвц. *hodiť, sotiť, chytiť* обозначают конкретно-наглядные действия (ср. *бода́ть — бодну́ть*, *толка́ть — толкну́ть* и т. п.), мы склонны видеть в них «стремительные», «мгновенные» или «однократные» акты. Об однократном значении можно говорить лишь в тех случаях, где такое значение выражено формально суффиксом *(бодну́ть, рубану́ть)* или приставкой *(стри́чь, сходи́ть)* и где оно является модификацией значения исходного глагола, т. е. однократной совершаемостью. Парафразируя терминологию Фр. Копечного, глаголы типа *бодну́ть*, *сходи́ть* можно назвать «маркированно однократными» (príznakové jednorazové slovesá). В отличие от этих глаголов, перфективные глаголы типа *бро́сить*, слвц. *hodiť, sotiť, chytiť*, формально не выражают однократности; значение однократности у них не связано с совершаемостью, а вытекает из самого значения совершенного вида, к которому они относятся. Такие глаголы, которые — бесспорно — могут обозначать однократные действия, можно было бы назвать «немаркированными однократными» (neprízнakové jednorazové slovesá). Включать их в состав собственно однократных нельзя, если придерживаться формального признака и признавать совершаемостными лишь такие глаголы, в которых определённая семантическая модификация выражается посредством префиксов или суффиксов.

В ряде случаев однократность может быть выражена лексическими средствами. Если глагол *бить*, точно так же, как и глагол *шибáть* (Ушаков), представляет собой многофазисное действие (*бить* — «наносить удары»), то, по аналогии с формами *шибáть* — *шибнýть* («нанести один удар»), можно было бы считать однократным глагол *удáрить*, ср. слвц. *biť* — *udrieť*. Глагол *удáрить* образует, однако, формы вторичного несовершенного вида *(ударя́ть)* и хотя бы потому не может рассматриваться как «совершаемость» к глаголу *бить*.

Многократная совершаемость

Многократная (итеративная) совершаемость (opakovací spôsob slovesného deja) играет в системе словацкого или чешского глагола выдающуюся роль: почти к каждому простому глаголу несовершенного вида может быть образован многократный глагол типа *čítať — čítavať*. *hrať — hrávať*, *chodiť — chodievať*, *pracovať — pracúvať*, чеш. *večeřet — večeřívat*, *dolovat — dolovávat* и т. п. Такие многократные глаголы могут быть в словацком (чешском) усилены путём редупликации суффикса, ср. слвц. *spávaval*, *chodievaval*, чеш. разг. *bejvávalo* «это было давно», *nosívával* и т. п.

Многократные глаголы морфологически и семантически строго соотнесены с исходными бесприставочными глаголами несовершенного вида.[1]

Образование многократных глаголов в словацком или чешском языках настолько продуктивно, что в литературе неоднократно высказывалась мысль о возможности включения многократных образований в систему глагольной парадигмы. Некоторые авторы склонны рассматривать многократные образования как особый многократный «вид».[2] Понимая вид (аспект)

[1] Продуктивность образования многократных глаголов в словацком или чешском языках ограничена лишь отчасти. Не образуют многократных глаголов простые глаголы с модальным значением, напр. слвц. *chcieť*, *môcť*, *musieť*, *smieť*, *vedieť (niečo urobiť)*, *dať (niečo urobiť)*, *dať sa*, *mať (niečo urobiť)*, *hodlať*, *mieniť*, *ráčiť* и т. п. Замечательно, однако, что многократные глаголы свободно образуются от глагола *mať* «иметь», напр. V stredu *má v a m e* výborovú schôdzu.

[2] «Slovesným videm rozumíme průběh děje, a to jednak dokonavost a nedokonavost, jednak dějovou kolikost (kvantitu), totiž okamžitost, trvání,

исключительно только в смысле противопоставления СВ//НСВ, мы не можем согласиться с включением многократных образований в систему славянского вида. Многократные глаголы относятся к несовершенному виду. Они образуются от простых имперфективных глаголов и семантически с ними соотнесены: *písať — písavať*, *hrať — hrávať* и т. д. Такая полная семантическая соотнесённость многократных глаголов с соответствующими простыми или приставочными глаголами позволяет нам рассматривать многократность как модификацию основного глагольного значения, а многократные глаголы — как одну из количественных совершаемостей глагольного действия. Многократность является в некотором смысле «антонимом» к однократной совершаемости, ср.:

bodnúť ← (bodať) → bodávať

Формальным выразителем многократности в словацком языке является отнесённость глагола к классу на *-ať*, *-ám/-am* посредством суффиксов *-áv-/-av-*, *-iev- -úv*: *pís-avať*, *br-ávať*, *chod-ievať*, *prac-úvať*.

Многократные глаголы обозначают неактуальное действие, которое может быть узуальным, но может также обозначать лишь спорадические и даже редкие действия: *Chodievam do divadla* «я (иногда) хожу в театр».[1] Общим (инвариантным) значением многократных глаголов является «внутренняя расчленённость» процесса.

Многократные глаголы в словацком и в чешском языках могут употребляться в формах презенса, но не могут обозначать «актуального» настоящего, т. е. такого действия, которое представляется протекающим в момент речи. В формах прошедшего времени многократные глаголы в чешском и словацком языке могут обозначать действия, протекавшие в отдалённом прошлом.[2]

Разбираемые здесь многократные (итеративные) глаголы типа *písavať* следует строго отличать от простых глаголов несовер-

---

opětování a opakování». Fr. Trávníček, Mluvnice spisovné češtiny II, 1951, 1321. — Ср. также I. Poldauf: Atemporálnost..., Slovo a slovesnost 11 (1949) 121. — Fr. Kopečný: Základy české skladby, Praha 1958, 99.

[1] Ср. M. Vey, Bulletin de la Société de linguistique de Paris 54 (1959), 2. 227.

[2] Fr. Trávníček: цит. соч., II, 1335.

шенного вида типа *písať*, которые, при известных условиях, также могут обозначать повторяющиеся действия, ср. Večer sedávam doma a *píšem*. В этом предложении форма настоящего времени *píšem* обозначает «привычное» («узуальное»), т. е. именно повторяющееся действие: « я имею обыкновение писать, я обычно пишу». Любой глагол, обозначающий действие или состояние, может приобрести в несовершенном виде такое «узуальное» значение. Но у глаголов типа *písať* «повторяемость» («обычность», «узуальность») действия формально никак не выражена, в то время как у многократных глаголов типа *písavať* эта повторяемость («кратность») выражена посредством приведённых суффиксов.[1]

С многократными (итеративными) глаголами в собственном смысле этого термина (тип *písavať*) не следует также смешивать формы вторичного совершенного вида, образованные от приставочных глаголов совершенного вида типа *preorávať* (к *preorať*), *odovzdávať* (к *odovzdať*), *vypožúvať* (к *vypožuť*), *vyrovnávať* (к *vyrovnať*) и т. п. Эти имперфективные глаголы сами по себе не имеют значения многократности, но могут, при определённых условиях, употребляться для выражения повторяющихся действий, напр. Peniaze vždy *odovzdával* otcovi. Вторичными имперфективными, а не многократными глаголами являются также образования типа *odpúšťať* (к *odpustiť*), *zarábať* (к *zarobiť*), *vykášať* (к *vykosiť*) и т. п.

Многократные (итеративные) глаголы типа *čítavať*, *písavať* являются в словацком и чешском языках необыкновенно продуктивным типом. Они не ограничены разговорным языком: их можно употреблять во всех стилях литературного языка.

В современном русском литературном языке многократные глаголы составляют очень небольшую, всё уменьшающуюся группу глаголов типа *ходи́ть — ха́живать*, образованных от соответствующих бесприставочных глаголов несовершенного вида при помощи суффиксов *-ыв-/-ив-* или *-в-*, или же путём непосредственного перевода глагола в I продуктивный класс,

---

[1] Фр. Копечный называет глаголы первого типа *(dělati)* «nepříznaková iterativa» («немаркированные многократные»), а глаголы второго типа *(dělávati)* — «příznaková iterativa» («маркированные многократные»). Základy české skladby, 100.

ср. *чита́ть — чи́т-ыв-ать, петь — пе-в-а́ть, есть (ед-и́м) — ед-а́ть.*

Многократные глаголы в русском литературном языке имеют весьма ограниченную сферу применения; они образуются только от нескольких глаголов «наглядного, конкретного действия» (по выражению акад. В. В. Виноградова, Русский язык, 548), «конкретно-бытового лексического значения» (по определению Е. А. Иванчиковой[1]); они почти не встречаются вне форм прошедшего времени; они свойственны просторечию, разговорным стилям литературного языка и языку художественной прозы; в «интеллектуальных» стилях они почти не встречаются.

По сравнению с чешским и словацким языком формы типа *он си́живал, он ха́живал* обладают несколько осложнённой семантикой. В предложении *Я у них си́живал це́лыми часа́ми* форма *я си́живал* обозначает не только повторявшееся в (отдалённом) прошлом действие, но подчёркивает также, что это повторявшееся действие в момент речи больше не повторяется. Приведённый пример можно толковать примерно так: «я имел привычку просиживать у них целыми часами, но это было давно; теперь это больше не повторяется». У глаголов, обозначающих не действие или состояние, а простое отношение (напр. *знать кого-л.*), многократное образование не может, естественно, обозначать повторяющееся «действие», т. к. и о действии-то в таких случаях можно говорить лишь очень условно. Поэтому формы типа *Я ли́чно знава́л мно́гих выдаю́щихся актёров* не могут обозначать «я имел привычку знать», а только «в прошлом я был знаком со многими выдающимися актёрами, но теперь я таких знакомств больше не имею». Форма *знава́л* по своей семантике идентична с английской формой *I used to know.*

Среди итеративных глаголов особое место занимает глагол *быва́ть* (к *быть*). В формообразовательном отношении этот глагол не является «дефективным»: форма инфинитива и настоящего времени широко употребляется, ср. *Ему́ там не быва́ть!; Он ча́сто быва́ет весёлым.* Е. А. Иванчикова[1] приводит из классической литературы убедительные примеры причастных форм, образованных от этого глагола: «Я с большо́ю охо́тою

[1] Е. А. Иванчикова: Употребление многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX века. Материалы и исследования по истории русского литературного языка IV, 1957, 247/8.

гото́ва тебя́ уве́домить о всех *быва́ющих* у нас происше́ствиях» (Гоголь, Записки сумасшедшего); «Нежда́нов, давно́ не *быва́вший* в це́ркви ...» (Тургенев, Новь). В прошедшем времени форма *я быва́л (сча́стлив)*[1] точно соответствует англ. *I used to be (happy)*.

Многократными по своему образованию являются глаголы *вида́ть* и *слыха́ть*, ср. слвц. *vídať* и *slýchať*. Генетически эти глаголы были образованы к имперфективным глаголам *ви́деть* и *слы́шать* посредством бессуффиксного перевода в класс на *-а́ть -аю* (ср. *сесть — ед-а́ть*). Однако многократное значение в них стирается: *Я никогда́ не вида́л (не слыха́л)* почти синонимично с *Я никогда́ не ви́дел (не слы́шал)*. Повторяемость действия ещё довольно чётко ощущается в формах настоящего времени: *Я его́ ча́сто вида́ю, Я с ним ча́сто вида́юсь* ‚vídavam'. Глагол *слыха́ть* не имеет формы настоящего времени. Постепенная утрата этими глаголами чёткого значения многократности привела к образованию «вторичных» многократных глаголов типа *ви́дывать, слы́хивать*.

В отрицательных предложениях многократные глаголы часто встречаются в сочетании с обстоятельственными словами и выражениями типа *никогда́, в жи́зни, за всю свою́ жизнь, о́троду* и т. п., например; *Я никогда́ не еда́л таки́х я́блок; Я в жи́зни (о́троду) тако́го не ви́дывал*; ср. «Реши́тельно, я никогда́ подо́бной же́нщины *не ви́дывал*» (Лермонтов, Тамань). Такое употребление многократных глаголов чуждо словацкому или чешскому языкам.

Формы прошедшего времени многократных глаголов могут сочетаться с частицей *быва́ло*, ср.:

Быва́ло, пи́сывала кро́вью
Она́ в альбо́мы не́жных дев...
(Пушкин, Евгений Онегин II)

В подобных случаях русская форма полностью соответствует словацкой форме многократного глагола (здесь: *písavala*).

Можно утверждать, что словацким (и чешским) многократным формам прош/вр типа *chodieval, sedával* в русском языке си-

---

[1] В некоторых своих значениях глагол *быва́ть* семантически отрывается от глагола *быть*, ср. *У них быва́ют писа́тели и худо́жники* ‚chodia k nim spisovatelia a umelci'. Ещё более отчётливо этот семантической отрыв сказывается в слвц. *bývať* «проживать», напр. *Bývam* v Bratislave.

стемно соответствуют конструкции с *быва́ло*, ср. *chodieval som do divadla — я, быва́ло, ходи́л в теа́тр.*

Об имеющихся в литературе попытках истолковать формы типа *я ха́живал* как особые временные формы «давнопрошедшего» времени см. стр. 430.

Многократная совершаемость образуется в современном русском литературном языке лишь от немногочисленных глаголов: *быть — быва́ть, вида́ть — ви́дывать, говори́ть — гова́ривать, есть — еда́ть, жить — жива́ть, знать — знава́ть, пить — пива́ть, петь — пева́ть, писа́ть — пи́сывать, сиде́ть — си́живать, слыха́ть — слы́хивать, ходи́ть — ха́живать, чита́ть — чи́тывать* и некоторых других. В современной художественной прозе формы прошедшего времени многократных глаголов встречаются довольно часто, ср. «Алекса́ндр Алекса́ндрович не раз *гова́ривал* Ильé Матвéевичу» (Вс. Кочетов, Журбины); «... об э́той кни́ге я *слы́хивал*» (там же).

В литературном языке XIX века многократные глаголы представлены гораздо богаче; встречаются такие глаголы, как *бира́л* (к *брать*), *га́щивал* (к *гости́ть*), *е́зживал* (к *е́здить*), *и́скивал* (к *иска́ть*), *ку́чивал* (к *кути́ть*), *ку́ривал* (к *кури́ть*), *ла́вливал* (к *лови́ть*), *об.́дывал* (к *обе́дать*), *сыпа́л* (к *спать*), *хра́мывал* (к *хрома́ть*) и т. п. Ср. «ча́сто *бира́л* я с бо́ю то, что, во мне́нии моём, сле́довало мне по пра́ву» (Пушкин, Станц. смотритель). В современном языке такие формы больше нельзя признать живыми.

Кроме форм типа *бира́ть, дира́ть* (к *драть*), *жива́ть* (к *жить*), *пива́ть* (к *пить*) и т. п., в языке XIX века встречаются также «расширенные» многократные формы типа *да́рывать, жи́вывать, пи́вывать*,[1] соответствующие чешским формам типа *chodívávat.*

Для языка начала XVIII века М. В. Ионина приводит ряд интересных примеров из петровских «Ведомостей», из переписки Петра I, из произведений Татищева и т. д.: *слу́живать, ра́живать* (к глаголу *роди́ть//рожа́ть*), *ва́ривать, встре́ливать*.[2]

---

[1] См. Е. А. Иванчикова: Употребление многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX века. Материалы и исследования по истории русского литературного языка IV, 1957, 247.

[2] М. В. Ионина: Категория вида в русском литературном языке начала XVIII века. Збірник наукових праць I, Мовознавство, Киев 1958, 167.

Сопоставляя данные XVIII и XIX веков с данными современного языка, нетрудно убедиться в том, что многократные образования в русском языке идут на убыль. В отличие от чешского или словацкого языков, многократные глаголы в русском языке представляют собою незначительную, замкнутую группу, очень слабо проявляющуюся в общей системе совершаемостей русского глагола.

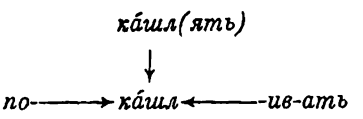
Прерывисто-смягчительная совершаемость

Если многократная совершаемость (тип *пи́сывать*, *ха́живать*) в русском литературном языке представлена лишь весьма немногочисленными глаголами и должна быть признана непродуктивным типом глагольного словообразования, то прерывисто-смягчительная («длительно-прерывистая») совершаемость является вполне продуктивным и богато представленным типом.

Глаголы прерывисто-смягчительной совершаемости образуются от бесприставочных глаголов несовершенного вида, например *ка́шлять* — *пока́шливать* ‚pokašláva‘, соотносительно от ненаправленных глаголов передвижения, например *ходи́ть* — *похаживать*. Морфологически эта совершаемость выражается при помощи приставки *по-* в сочетании с суффиксом; оба элемента присоединяются непосредственно к корню глагола. Чаще всего эта итеративная основа образуется посредством суффикса *-ыв-/-ив-* *(щипа́ть — пощи́пывать, хвора́ть — похва́рывать)* с типичными для этих основ вокалическими и консонантическими чередованиями (ср. *боле́ть — поба́ливать, трепа́ть — потрёпывать, стуча́ть — посту́кивать, ходи́ть — поха́живать* и т. п.). Только несколько глаголов с односложным корнем на гласный *(петь, пить, шить)* образуют данную совершаемость посредством приставки *по-* в сочетании с суффиксом *-в-*: *попева́ть, попива́ть, пошива́ть*.

Было бы ошибочно думать, что формы типа *пока́шливать* или слвц. *pokašlávať* образованы посредством приставки непосредственно от итеративной формы типа *ка́шливать* или *kašlávať*. С точки зрения современного языка формы типа *пока́шливать* или *pokašlávať* являются комплексными приста-

вочно-суффиксальными образованиями от соответствующих бесприставочно-бессуффиксных глаголов, т. е.:

Исследуемая совершаемость комплексно модифицирует значение исходного глагола: она выражает нерегулярную расчленённость действия (*пока́шливать* — «кашлять время от времени»), но в то же время подчёркивает, что действие не совершается с полной интенсивностью (*поба́ливает — pobolieva* — «болит не очень сильно и не постоянно»). Необходимо подчеркнуть, что приставка *по-* вносит оттенок именно смягчительного, а не ограничительного значения; другими словами: глагол *пока́шливать* не может быть соотнесён с глаголом совершенного вида *пока́шлять*, т. к. здесь приставка *по-* выражает ограничительность (*пока́шлять* — «провести некоторое время, кашляя»). Смягчительное же значение приставки *по-* выступает в образованиях совершенно другого типа (ср. *развле́чь — поразвле́чь*), т. е. в глаголах, в основе которых лежать приставочные образования (ср. стр. 238).

В зависимости от индивидуального значения глагола, в зависимости от степени его внутренней расчленимости на более мелкие «фазисы», преобладает то один, то другой совершаемостный оттенок значения. Глагол *ка́шлять* относится к многофазисным глаголам (ср. *ка́шлянуть*) и поэтому в форме *пока́шливать* — наряду со значением смягчённости — отчётливо ощущается значение расчленённости действия (+ + + + + +). Глагол *боя́ться*, напротив, не может быть воспринят как многофазисное действие: поэтому в форме *поба́иваться* преобладает значение смягчённости, неполной интенсивности действия (‚trochu sa bát').

Глаголы прерывисто-смягчительной совершаемости относятся к несовершенному виду и, как все остальные совершаемостные глаголы, остаются одновидовыми. Однако в словарях наблюдается некоторая непоследовательность в грамматической характеристике этих глаголов: в словаре Ушакова, например,

глаголы типа *пова́ривать, погля́дывать, погу́ливать* и мн. др. приводятся без ссылки на соответствующие глаголы с/в, ибо таких глаголов действительно нет. Зато некоторые другие глаголы той же морфематической структуры и того же совершаемостного значения сопоставляются с глаголами с/в, например: *пока́лывать* ‚popichávať' приводится с пометой «*несов. к* поколо́ть». Такое сопоставление не может быть признано правильным по крайней мере для некоторых значений глагола *поколо́ть*. Глагол *поколо́ть* является, как мы знаем, ограничительной совершаемостью к глаголу *коло́ть* (ср. *Поколо́ло в боку и переста́ло*). Ограничительная совершаемость сосредоточивает внимание на ограниченности процесса во времени. А если у глагола *пока́лывать* (ср. *Пока́лывает в боку́*) нет и намёка на ограниченность действия во времени, то формы *поколо́ть* и *пока́лывать* следует признать несоизмеримыми: оба глагола выражают разные совершаемости исходного глагола *коло́ть*, и, следовательно, не являются «видовой парой». Эти же замечания можно сделать по поводу других глаголов прерывисто-смягчительной совершаемости, неправомерно соотносимых в словаре Ушакова с глаголами совершенного вида (напр. *погроха́тывать, погромы́хивать, пока́пчивать* и др.). Морфологическая соотнесённость глаголов типа *поколо́ть — пока́лывать* не оправдывает объединения таких глаголов в одну «видовую пару». Если мы считаем такие глаголы, как *приколо́ть// прика́лывать, заколо́ть//зака́лывать* соотносительными «видовыми парами, то это полностью оправдывается омонимичностью значения приставок *при-* или *за-* в обоих глаголах. Такой омонимности приставок нет у глаголов *поколо́ть* (огранич.) и *пока́лывать* (прерыв.-смягч.).

Прерывисто-смягчительная совершаемость представлена такими глаголами: *поба́иваться* (к *боя́ться*), *поба́ливать* (к *боле́ть*), *поба́лтывать* (к *болта́ть*), *поблёскивать, побра́нивать* (к *брани́ть*), *побра́сывать* (к *броса́ть*), *побря́кизать* (к *бря́кать*),[1] *пова́ривать* (к *вари́ть*), *пови́згивать* (к *визжа́ть*), *пови́ливать* (к *виля́ть*), *пови́нчивать* (к *винти́ть*), *поворо́вывать* (к *ворова́ть*), *погла́дывать* (к *глода́ть*), *погла́живать* (к *гла́дить*), *погла́тывать* (к *глота́ть*), *погля́дывать* (к *гляде́ть*), *поговáривать, погромы́хивать, погроха́тывать, погу́ливать, подо́лбливать* (к *долби́ть*), *поде́-*

[1] В словаре Ушакова с пометой: «*Несов.* к побря́кать».

лывать (к *дела́ть*),[1] *поживáть* (к *жить*), *позёвывать* (к *зевáть*), *покáлывать* (к *колóть*), *покáпчивать* (к *коптúть*), *покáпывать* (к *копáть* и *кáпать*), *покáрмливать* (к *кормúть*), *покáчивать* (к *качáть*), *покáшливать*, *покúдывать* (к *кидáть*), *поклёвывать* (к *клевáть*), *покрáпывать* (к *кропúть*), *покрúкивать* (к *кричáть*), *покýсывать* (к *кусáть*), *полáивать*, *полáмывать* (к *ломáть*), *полёживать* (к *лежáть*), *полéчивать*, *полúзывать*, *помалёвывать*, *помáлкивать* и *помáлчивать* (к *молчáть*), *помáргивать* (к *моргáть*), *помáрывать* (к *марáть*), *помáтывать* (к *мотáть*), *помáхивать* (к *махáть*), *помётывать* (к *метáть*), *помéшивать* (к *мешáть* и *месúть*), *помýчивать*, *попáливать* (к *палúть*), *попáхивать* (к *пáхнуть*), *попевáть* (к *петь*), *попивáть* (к *пить*), *попúсывать* (к *писáть*), *поплáсывать*, *попрыгивать*, *попрúскивать*, *попýгивать* (к *пугáть*), *попúхивать*, *попячивать* (к *пя́тить*), *порабáтывать* (к *рабóтать*), *порисóвывать*, *порýгивать* (к *ругáть*), *посáливать* (к *солúть*), *посáпывать* (к *сопéть*), *посáсывать* (к *сосáть*), *посвúстывать* (к *свистáть*), *посúживать* (к *сидéть*), *поскáбливать* (к *скоблúть*), *поскрёбывать* (к *скрести́*), *поскрúпывать* (к *скрипéть*), *посмéиваться* (к *смея́ться*), *постáивать* (к *стоя́ть*), *пострéливать*, *постýкивать*, *посчúтывать* *потáпливать* (к *топúть*), *потáскивать* (к *таскáть*), *потёсывать* (к *тесáть*), *потрёпывать* (к *трепáть*), *потря́хивать* (к *трясти́*), *потя́гивать* (к *тянýть*), *пофы́ркивать* (к *фы́ркать*), *похвáрывать* (к *хворáть*), *похвáливать*, *похлёбывать* (к *хлебáть*), *похмы́кивать* (к *хмы́кать*), *похрáмывать* (к *хромáть*), *похрáпывать* (к *храпéть*), *поцéживать* (к *цедúть*), *почёсывать* (к *чесáть*), *пошáливать* (к *шалúть*), *почмóкивать*, *пошевéливать* (к *шевелúть*), *пошивáть* (к *шить*), *пошлёпывать*, *пощёлкивать*, *пощúпывать*, *пощýпывать* и др.

Глаголы прерывисто-смягчительной совершаемости образуются сравнительно легко: можно образовать формы *понюхивать*, *помы́ливать*, *попúливать*, *постúрывать* и мн. др., хотя эти формы в толковых словарях не приводятся. Но нельзя образовать соответствующих форм к глаголам *бе́гать* или *е́здить* (формы типа «побе́гивать» или «пое́зживать» в литературном языке немыслимы). Ср., однако, слвц. *pobiehať*.

Семантически среди приведённых глаголов преобладают глаголы, обозначающие конкретно-наглядные действия. Немало глаголов, допускающих однократную совершаемость, образует также и прерывисто-смягчительную совершаемость.

В стилистическом отношении глаголы типа *покáшливать* обычно приводятся с пометой «разговорный язык». Это правильно в том смысле, что глаголы этого типа редко встречаются в книжных (научных, публицистических) жанрах. Но язык лучших

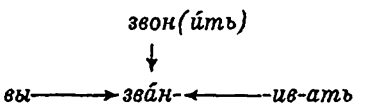
[1] В глаголе *подéлывать* (ср. *Что вы подéлываете?*) смягчительно-прерывистое значение стирается.

русских прозаиков изобилует глаголами прерывисто-смягчительной совершаемости, причём не только в диалогических пассажах, но и в авторской речи.

В словацком языке прерывисто-смягчительная совершаемость относится к продуктивным словообразовательным приёмам, ср. *pobolievať*, *pofajčievať*, *pohrmievať*, *poklepkávať*, *popíjať*, *popŕchať*, *povrávať* и мн. др.

Осложнённо-интенсивная совершаемость

В отдельных случаях славянские языки могут выражать осложнённое и при этом интенсивное действие. Глаголы, выражающие такой оттенок значения, образуются посредством приставки *вы-* в сочетании с «итеративными» суффиксами ср.:

Глагол *вызва́нивать* может, в одном из своих значений, быть формой несовершенного вида к глаголу *вы́звонить* (так в словаре Ушакова). Однако в другом значении этот глагол представляет собой именно осложнённо-интенсивную совершаемость к глаголу *звони́ть*; словарь Даля приводит следующее значение: «Звонить красным звоном, подборными в музыкальном согласии колоколами, выражая какой-либо напев» (I 289). В данном толковании с достаточной ясностью выступает «осложнённый» оттенок значения.

В русском языке эта совершаемость представлена слабо и не очень отчётливо. Осложнённо-интенсивное значение довольно ярко выступает в глаголах *выдо́лывать (ноги́ ра́зные фигу́ры)*, *выпля́сывать*, *выпи́сывать* (*бу́квы в тетра́ди* — «тщательно писать»), *вычёрчивать*, *вытанцо́вывать*, *вырисо́вывать*, *вытушёвывать* и др. В словацком и чешском языках имеются точные соответствия, ср. *zvoniť — vyzváňať*, *hrať — vyhrávať (muzika vyhráva)*, *vyvárať* (к *variť*), *vyspávať* (к *spať*), *vysedávať* (к *sedieť*), *vystávať* (к *stáť*), *vypekať* (к *piecť*). Например: *Pred sviatkami sa u nich vyváralo a vypekalo* «перед праздниками у них в доме варили и пекли всякую всячину (причём в большом количестве)»; *Celý večer im vyhrávali cigáni* «весь вечер играли цыгане (множество самых

разнообразных мелодий)»; в ряде случаев словацкий глагол этого типа может быть передан по-русски глаголом с пердуративным значением: *Vystávala vo frontoch* «она (часами) простаивала в очередях».

Семантический анализ таких глаголов, как *vyvárať* или *vystávať* показывает, что оттенок «осложнённости» действия преобладает, между тем как оттенок «интенсивности» действия является вторичным, производным. «Интенсивность» следует в данном случае понимать в смысле «расширенного объёма» действия.

Сопроводительная (комитативная) совершаемость

Некоторые глаголы, образованные посредством приставок *при-* или *под-* в сочетании с суффиксами, имеют в русском языке такой оттенок значения: действие, выраженное глаголом, не следует считать главным, основным действием, а лишь второстепенным, совершающимся совместно с другим действием и, следовательно, несколько ослабленным в интенсивности своего проявления: например *приговáривать* ‚hovoriť si, mrmlať si' (pri vykonávaní iného deja), *подпевáть* ‚sprevádzať pri speve, spievať druhý hlas'. Глаголы сопроводительной совершаемости не имеют ни в словацком, ни в чешском языке точного соответствия. Примеры: «А, не бу́дешь, не бу́дешь! — *приговáривал* он и всё *бил*» (А. Толстой). Главным действием здесь является «он бил», а *приговáривал* обозначает сопровождающее, второстепенное и ослабленное действие.

Глаголы сопроводительной (комитативной) совершаемости относятся к несовершенному виду и не образуют видовых пар. Глагол *приговáривать* в комитативном значении не соотнесён с глаголом *приговори́ть (кого-л. к чему-л.)* ‚odsúdiť'; глагол *подпевáть* в литературном языке не имеет соответствия в совершенном виде, хотя словарь Ушакова и приводит форму «подпеть», практически, однако, вряд ли существующую.

С приставками *при-* и *под-* мы уже встречались при разборе смягчительной совершаемости. Напомним, что в сочетании с глаголами совершенного вида, приставки *при-* или *под-* сообщают исходным глаголам значение смягчённости («аттенуативности») результата действия, например: *прилéчь*, *подвы́пить*. Глаголы смягчительной совершаемости относятся к совершенному виду (ср. стр. 238 и сл.).

Группа глаголов, образующих сопроводительную совершаемость, довольно ограничена. Интересно, что здесь преобладают глаголы, обозначающие действия, выполняемые ртом (разные звуки, речь, еда), или ногами (походка, танцы).

С приставкой *при-* образуются такие комитативные глаголы, как *приговáривать*, *прикýсывать*, *приплясывать*, *пристýкивать*, *притáптывать (ногáми)*, *пришёптывать* (к *шептáть*), *пришепётывать* (к *шепетáть*), *пришлёпывать (босы́ми ногáми)*, *причмóкивать*, *прищёлкивать* и т. п. Комитативное значение этих глаголов особенно чётко выступает в таких сочетаниях, как *Он читáл газéту, тúхо пришёптывая; Он бежáл, пришлёпывая босы́ми ногáми.* Эти глаголы могут, однако, употребляться и «абсолютно», т. е. вне сочетаний с другими глаголами. В таком случае оттенок комитативности стушёвывается и на первый план выступает оттенок смягчения интенсивности действия, ср. *Он прихрáмывал на одну́ нóгу* — «немного хромал», *Лóшади приплясывали на мéсте* ‚cilrovali' и т. п.

С приставкой *под-* образуются такие комитативные глаголы, как *подвáнивать* (к *вонять*), *подвывáть* (к *выть*), *подпевáть* (к *петь*), *подлáивать* (о соба́ке), *подплясывать*, *подсвúстывать*, *подтя́гивать (бáсом)* ‚spievať spolu s niekým'.

В абсолютном употреблении некоторые из приведённых глаголов могут приобрести и новые лексические оттенки значения, ср. *приговáривать* в значении «причитать» — ‚horekovať, bedákať'.

Естественно, что у глаголов *подвáнивать* или *подпáхивать* преобладает смягчительный оттенок значения (ср. *posmrdkávať*).

Глаголы этого типа, приводимые в словарях с пометами «разг.» или «просторeч.», очень часто встречаются в художественной литературе в авторской речи.

Взаимная совершаемость

Сравнительно небольшая группа глаголов образует взаимную совершаемость, например: *переговáриваться* ‚rozprávať sa (napr. počas vyučovania)' (к *говорúть*), *пересмéиваться* ‚usmievať sa na seba' (к *смея́ться*). Глаголы этой совершаемости относятся к возвратным и имеют значение несовершенного вида. Семантика этих глаголов может быть вскрыта так: «обмениваться теми

или иными действиями». Иногда исходный глагол уже имеет «взаимный» оттенок значения, сообщаемый ему возвратной частицей *-ся*, ср. *руга́ться* ‚nadávať si'. В отличие от глагола *руга́ться*, глагол *переру́гиваться* значит не «ругать друг друга», а «обмениваться руганью, бранными словами». К глаголам с взаимным совершаемостным значением можно отнести ещё *перезва́ниваться* (к *звони́ть*), *перестýкиваться* (к *стуча́ть*)[1], *перешёптываться* ‚šeptať si'. В словацком языке нет эквивалентной совершаемости; оттенок взаимности может быть в ряде случаев выражен частицей *si*.

Приставка *пере-* не утрачивает вполне своего пространственного значения (ср. *перегова́риваться, си́дя на ра́зных конца́х*); т. о. многие глаголы со значением взаимного действия легко переходят из совершаемостного значения в чисто лексическое. Формально этот переход приводит к образованию соотнесённых видовых пар типа *переми́гиваться//перемигну́ться, перекрика́ться//перекри́кнуться* и т. п., причём образования на *-нуть(ся)* являются, очевидно, вторичными.

Глаголы *пререка́ться* и *препира́ться*, образованные посредством церковнославянской приставки *пре-*, семантически близко подходят к глаголам взаимной совершаемости, но не могут быть включены в их состав, т. к. в русском языке отсутствуют исходные бесприставочные глаголы, соответствующие формам *-река́ть(ся)* или *-пира́ть(ся)*.

Распределительная (дистрибутивная) совершаемость

Славянские языки располагают, как мы знаем, разными средствами для выражения «внутренней расчленённости» действия.

В кругу глаголов несовершенного вида мы имели дело с глаголами, в которых эта внутренняя расчленённость действия формально не выражена, но само лексическое значение которых допускает их толкование в смысле «многофазисности» (тип *коло́ть*). Далее мы встречались с так называемыми многократными («итеративными») глаголами типа *ха́живать*, внутренняя расчленённость которых выражена морфематически (суффиксами и фонетическим оформлением основы). Наконец, мы говорили о глаголах типа *пока́шливать*, сочетающих значение внутренней расчленённости со значением прерывисто-смягчительной совершаемости.

---

[1] Например в сочетании: *У́зники перестýкивались но́чью*, т. е. переговаривались с заключёнными других камер посредством условных стуков.

Глаголы распределительной (дистрибутивной) совершаемости относятся к совершенному виду. В предложении *Соба́ка перекуса́ла всех сосе́дских дете́й* ‚pes pohrýzol...' глагольная форма обозначает событие, являющееся итогом ряда однородных действий субъекта *(соба́ки)*, направленных на несколько разрозненных объектов *(всех дете́й)*. Несмотря на явную расчленённость действия, выражаемого формой *перекуса́ла*, само действие воспринимается как единое целое, что в конце концов дано самим грамматическим значением совершенного вида.

В семантическом отношении дистрибутивные глаголы характеризуются дополнительными оттенками значения: (1) действие выполняется не просто по отношению к нескольким объектам (или не просто несколькими субъектами), а преимущественно по отношению ко всем (или многим) объектам, соотносительно, со всеми (или многими) субъектами;[1] (2) отдельные фазисы комплексного действия совершаются один за другим.

В зависимости от переходности или непереходности исходного глагола следует различать две разновидности дистрибутивной совершаемости:

1. *Объектно*-дистрибутивная совершаемость образуется от глаголов переходных. Простой переходный глагол (совершенного или несовершенного вида) может выражать направленность действия как на один отдельно взятый объект, так и на несколько объектов, ср.:

Соба́ка укуси́ла ребёнка (или *дете́й*)
Соба́ка куса́ла дете́й (или *ребёнка*)

Объектно-дистрибутивная совершаемость исключает возможность сочетания глагола с одним единственным объектом. Абсолютно нельзя сказать «Соба́ка перекуса́ла ребёнка», а только:

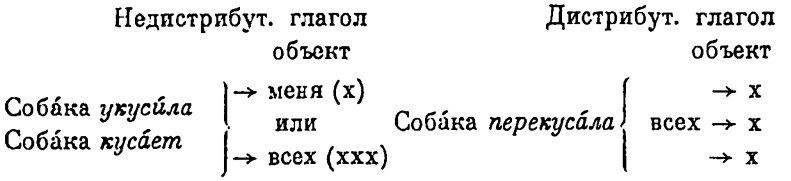
Соба́ка перекуса́ла (мно́го, всех) дете́й

Недистрибутивные переходные глаголы формально не выражают наличия нескольких приёмов, из которых складывается действие. Дистрибутивные глаголы как раз выражают последовательность нескольких однородных актов, направленных на множество объектов (на все объекты).

---

[1] Вряд ли можно употребить дистрибутивный глагол в сочетании типа *перекуса́ть двух прохо́жих, тро́е повскака́ли с мест* и т. п.

Разницу между недистрибутивным и дистрибутивным значением можно было бы графически представить следующим образом:

2. *Субъектно*-дистрибутивная совершаемость образуется от непереходных глаголов. Глаголы, относящиеся к этой разновидности, выражают участие в действии нескольких субъектов, выполняющих, каждый в отдельности, однородные акты. Недистрибутивные глаголы могут свободно сочетаться с субъектом в единственном или во множественном числе, ср.:

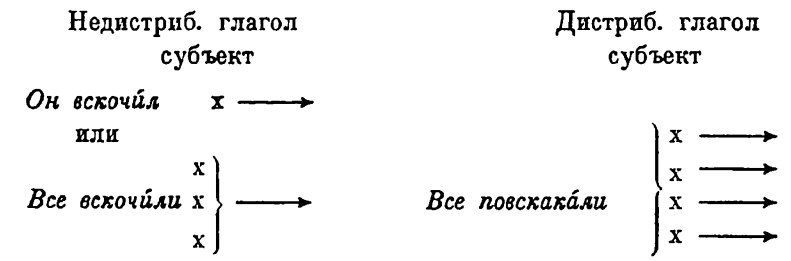
Он вскочи́л со своего́ ме́ста
Все прису́тствующие вскочи́ли

Дистрибутивный глагол может сочетаться только с субъектом во множественном числе, ср.:

«*Повскака́ли* лю́ди, со стра́хом окружи́ли беснующегося Петра́»
(А. Н. Толстой)

Сочетание типа «Он повскака́л со своего́ ме́ста» было бы совершенно абсурдным.[1]

Графически можно представить разницу между недистрибутивными и дистрибутивными глаголами так:

Образование дистрибутивных глаголов. Наиболее продуктивной является приставка пере-, присоединяемая непосредственно

[1] Формы типа *повскака́л* могут, конечно, сочетаться с существительным собирательным, ср. *Наро́д повскака́л.*

к бесприставочному глаголу несовершенного вида. Приставка *пере-* сообщает дистрибутивному глаголу добавочный оттенок поочерёдности отдельных актов: *перекуса́ть (всех)* — «укусить одного за другим, всех подряд».

Сюда относятся *объектно*-дистрибутивные глаголы: *переарестова́ть* ‚pozatýkať', *перебели́ть (все потолки́)*, *перебы́ть (всю посу́ду, всех врагов)*, *перебода́ть (коро́ва всех перебода́ла)*, *перебракова́ть (весь това́р)*, *перебра́нить (всех)*, *перебунтова́ть (всех)*, *перевёшать (всех разбо́йников)*, *переволнова́ть (всю семью́)*, *переглота́ть (все пилю́ли)*, *передави́ть (всех тарака́нов; мно́го наро́ду)*, *передои́ть (всех коро́в)*, *перезнако́мить (всех прису́тствующих)*, *перекале́чить*, *перекида́ть*, *переклева́ть*, *переколо́ть (всех)*, *перекорми́ть (всех свине́й)*, *перела́зить (все дере́вья)*, *переломи́ть (все игру́шки)*, *перемори́ть (всех)*, *перемы́ть (всю посу́ду)*, *перенюха́ть*, *перепали́ть (весь по́рох)*, *перепа́чкать (всё бельё)*, *перепро́бовать (все снаря́ды)*, *переруби́ть (всех проти́вников)*, *перerýть (все я́щики)*, *пересмотре́ть (все фи́льмы)*, *перестира́ть (всё бельё)*, *пересуши́ть (все мо́крые ве́щи)*, *перетаска́ть (мно́го де́нег;* в значении «украсть»), *перехвати́ть*, *перецара́пать*, *перецелова́ть (всех)*, *перечеса́ть*, *перечини́ть (все каранда́ши)*, *перечита́ть (все кни́ги)*, *перешто́пать (все чулки́)* и т. п. Продуктивный, «открытый» ряд. Приведённые глаголы могут свободно сочетаться и с другими указаниями множества (напр. *перечита́ть не́сколько, мно́го, ма́ссу рома́нов* и т. п.). Приводимые в скобках объекты служат лишь для более чёткой семантизации специфического совершаемостного значения данных глаголов.

Субъектно-дистрибутивные глаголы с приставкой *пере-*: *перебесúться* ‚poblázniť sa', *переболе́ть (все де́ти переболе́ли)*, *перебыва́ть (на всех куро́ртах)* ‚ponavštevovať (všetky kúpele)', *передо́хнуть* ‚pozdochýnať', *переже́нúться*, *перезя́бнуть*, *перело́паться*, *перемёрзнуть*, *перехвора́ть* и т. п., а также возвратные глаголы типа *перебунтова́ться*, *переволнова́ться*, *переруга́ться*, *перессо́риться (со все́ми)* и т. п.

Оттенок совершаемости сохраняется за причастными формами приставочных глаголов на *пере-* в таких стереотипных выражениях, как *Его́ женопереже́нжено к нему́ за деньга́ми* ≅ ‚Čo som sa k nemu nachodil...', *Об э́том ду́мано-переду́мано* ≅ ‚Čo sme sa o tom napremyšľali'.

Дистрибутивная, как и всякая другая совершаемость, представлена одновидовыми глаголами. В словаре Ушакова приводятся, однако, глаголы несовершенного вида, якобы соотнесённые с перфективными глаголами дистрибутивного значения, например к глаголу *переболе́ть* приводится форма несовершенного вида «перебáливать» (III 95). Форму «перебáливать» можно, конечно, свободно образовать, но вряд ли такая форма фактически встречается в литературном языке.

Вторым способом образования распределительной совершаемости является приставка по-. Глаголы, образованные посредством этой приставки, обозначают дистрибутивность действия,

но без оттенка поочерёдности отдельных актов, свойственного глаголам на *пере-*. В этом нетрудно убедиться, сопоставив такие глаголы, как *покуса́ть (всех)* и *перекуса́ть (всех)*. Семантическая разница здесь, однако, очень тонкая и нечёткая.

Следует различать два типа распределительных глаголов с приставкой *по-*:

а) Приставка *по-* присоединяется непосредственно к бесприставочному глаголу несовершенного вида, напр.: *куса́ть — покуса́ть (всех)*, *лома́ть — полома́ть (все игру́шки)*, *броса́ть — поброса́ть (все свои́ ве́щи)* ‚poodhadzovať'. Оттенок именно дистрибутивной совершаемости не во всех случаях выступает с одинаковой чёткостью ввиду того, что приставка *по-* может восприниматься и в плане результативной совершаемости. Если в глаголах *полома́ть*, *попря́таться* ‚poschovávať sa', *попры́гать (все попры́гали в во́ду)* дистрибутивность ещё ощущается довольно чётко, то в глаголах типа *помя́ть (все цветы́)*, *поби́ть (всех враго́в)* или *пое́сть (весь корм)* оттенок дистрибутивности перекрывается результативным оттенком приставки *по-*. Подобное положение вещей наблюдается в словацком языке, где трудно определить, имеет ли глагол *polámať* чисто дистрибутивное, или скорее результативное значение.[1]

Ввиду нечёткости дистрибутивного значения приставки *по-* в сочетании с бесприставочными глаголами несовершенного вида, таких глаголов в литературном языке немного, ср. ещё *поки-да́ть (все ка́мни)*, *пова́лить*, *попа́дать* и некоторые другие.

В говорах встречаются глаголы типа *повози́ть (всё се́но)*, точно соответствующие слвц. *povoziť (hnoj)*.

б) Гораздо более чётким оказывается дистрибутивное значение приставки *по-* в сочетании с приставочными глаголами. Наиболее распространённым типом образования дистрибутивной совершаемости является в литературном языке присоединение приставки *по-* к приставочному глаголу несовершенного вида, например:

встава́ть	— *повстава́ть*	*выбива́ть*	— *повыбива́ть*
закрыва́ть	— *позакрыва́ть*	*откры́ть*	— *пооткрыва́ть*
спи́сывать	— *поспи́сывать*	*выта́лкивать*	— *повыта́лкивать*

[1] Некоторыми авторами вообще отрицается дистрибутивное значение глаголов типа *поби́ть*, ср. H. Křížková: Několik poznámek k distributivnosti v ruštine a češtine. Ruský jazyk 8 (1958), 9, 395.

Академическая грамматика включает подобные глаголы в общую схему «видообразования», считая их «третьей ступенью видового образования» (I 435). Не будем сейчас останавливаться на учении о «трёх ступенях» видообразования, нуждающемся в серьёзных поправках. Отметим лишь, что у глаголов типа *пооткрыва́ть* ‚pootvárať' существенным является их отнесённость к распределительной совершаемости, а перфективность (отнесённость к совершенному виду) вытекает из их совершаемостного значения. Во всяком случае глаголы типа *пооткрыва́ть* нельзя рассматривать как особый приём видообразования. К образованию совершаемостей, а не к образованию видовых форм, следует также отнести глаголы типа *зачёркивать — назачёркивать — поназачёркивать, выска́кивать — навыска́кивать — понавыска́кивать*, стоящих на самой периферии совершаемостных значений.

в) Академическая грамматика довольствуется в данном случае приведением нескольких глаголов, образованных посредством приставки *по-* от приставочных глаголов несовершенного вида (типа *по-открыва́ть*). Однако в живом языке дистрибутивные глаголы с приставкой *по-* образуются также от приставочных глаголов совершенного вида, ср. *запере́ть* (сов.) — *позапере́ть (все две́ри)*. В словаре Даля, отразившего именно живой народный язык, таких глаголов очень много: *повы́бить, повы́вести, повы́ковырнуть, повы́скочить, пособра́ть* и т. п. Как показывает Е. Кржижкова, в материалах Большого русско-чешского словаря, построенного преимущественно на выборках классической литературы, а также литературы, вышедшей после 1945 года, дистрибутивных глаголов с приставкой *по-* в сочетании с основой совершенного вида довольно много, ср. *поуску́ть, поуле́чься (оди́н за други́м), посогна́ть, поразры́ть, позапере́ть (все две́ри), позапеча́тать (все паке́ты), повы́везти, повспле́ть* и т. п.[1]

Типичным для данного типа образования дистрибутивной совершаемости является широкая полисинонимичность глаголов, образованных от разных основ того же корня. Независимо от того, образуются ли дистрибутивные глаголы от приставочных

---

[1] H. Křížková, цит. соч. 396.

глаголов совершенного или несовершенного вида, совершаемостное значение дистрибутивности всегда сочетается с грамматическим значением совершенного вида. Такие глаголы, как *позаперéть* и *позапирáть*, *повы́рвать* и *повырывáть*, *повы́писать* и *повыпúсывать*, абсолютно синонимичны и в семантическом, и в грамматическом отношениях.

Полисинонимичность таких дистрибутивных глаголов в ряде случаев проявляется в наличии трёх возможных вариантов:

повыскáкивать — повы́скакать — повы́скочить (Даль)
повытáлкивать — повы́толкать — повы́толкнуть
повыдёргивать — повы́дергать — повы́дернуть и т. п.

*

Дистрибутивная совершаемость относится к необыкновенно продуктивным и выразительным средствам стилизации разнообразных процессов. Её сферой является красочный народный язык. В литературный русский язык, отшлифованный крупнейшими мастерами слова, проникают далеко не все возможные дистрибутивные образования, бытующие в народе. «Представляется, что русский литературный язык пользуется дистрибутивными глаголами в гораздо меньшей мере, чем чешский или словацкий: в русском языке дистрибутивные глаголы относятся скорее к выразительным средствам периферийного характера», справедливо замечает Е. Кржижкова.[1] Различия между словацким и чешским языком — с одной стороны, и русским литературным языком — с другой, проявляются у дистрибутивных глаголов не только в области стилистики, но и в том, что в русском они реже встречаются. Русские глаголы типа *повы́весить* и словацкие глаголы типа *povyvešiavať* находятся в разных стилистических плоскостях. Чтобы употребить в художественной прозе глаголы типа *позабивáть*, *повы́рубить*, *понарвáть* и т. п., требуется определённая стилистическая мотивировка. В словацком (или чешском) языке соответствующие глаголы *pozabúdať*, *povytĺnať*, *povytŕhať* в такой мотивировке не нуждаются. Поэтому в переводном словаре нельзя во всех случаях пере-

[1] Там же, 399.

давать дистрибутивные словацкие глаголы соответствующими русскими распределительными глаголами. Если слвц. глагол *poukladať* перевести на русский язык глаголами *поукла́дывать* или *поуложи́ть*, то этим самым будет нарушен принцип стилистической эквивалентности: русские глаголы этого типа являются в литературном языке до известной степени инородными элементами. В «Словацко-русском переводном словаре» пришлось — в интересах сохранения стилистической эквивалентности — отказаться от точной передачи дистрибутивного значения глаголов типа *poukladať* и переводить их нейтральными глаголами типа *уложи́ть*.

Дистрибутивные глаголы занимают важное место в словацком или чешском повседневно-бытовом языке. Они совершенно нормальны в таких сочетаниях: *poodnášať riad do kuchyne; pozhasínať svetlá; poukladať bielizeň; poumývať riad; povynášať smeti* и т. п. В русском языке таким сочетаниям соответствуют *вы́нести посу́ду; потуши́ть свет; сложи́ть бельё; вы́мыть посу́ду; вы́нести му́сор* и т. п. Оттенок дистрибутивности в этих глаголах, как видно, полностью стёрт. И было бы странным, если бы городской житель стал говорить: *повы́нести посу́ду; повытира́ть пыль; поукла́дывать бельё; повы́мыть (повымыва́ть) посу́ду; повы́нести му́сор* и т. п.[1] Все приведённые глаголы вполне возможны и фактически бытуют в народном языке. В фольклоре они вполне уместны. Недаром язык былин изобилует дистрибутивными образованиями, ср.:

А с церкве́й-то он кресты́ *повы́ломал*,
Золоты́ он ма́ковки *повы́стрелял*,
С колоколо́в языки́-то он *повы́дергал*.
(Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром)

Распределительная совершаемость является в семантическом отношении модификацией значения глагола совершенного вида, ср. *zapäť* (с/в) *gombíky* — *pozapínať* (с/в) *gombíky*. В морфологическом отношении дистрибутивные глаголы с приставкой *po-* образуются в словацком языке от глаголов несовершенного вида, ср. *zapínať* (нс/в) — *pozapínať* (с/в). Исходной формой может быть имперфективный глагол без приставки, например *po-strieľať* (с/в) «перестрелять», *po-tĺcť* (с/в) «перебить», *po-vraždiť* (с/в)

[1] С другой стороны сочетания *повытира́ть столы́, повыноси́ть ве́щи, повы́мыть хо́лбы* — вполне корректны. Дело, по-видимому, в «речевой типизации».

«перерезать (всех)» и т. п., а также вторичный приставочный глагол несовершенного вида, например *po-vynechávať* (с/в) «пропустить (попропускать)», *poodlamovať* (с/в) «поотломáть», *pozamdlievať* (с/в) «попáдать в обморок» и т. п. В сочетании с приставочным глаголом совершенного вида приставка *po-* теряет своё дистрибутивное значение и сообщает глаголу значение смягчительной совершаемости, ср. *po-otvoriť* «приоткрыть» (смягчит.) — *po-otvárať* «пооткрывáть» (дистрибут.).

Любопытное накопление приставок наблюдается в чешских глаголах типа *zporyrážet (všechny zuby)* «повыбивáть», *zpohasínat (světla)* «потушить», *zpolámat (židle)* «переломать». Можно предполагать, что сочетание двух приставок типа *z-po-* возникло путём своеобразной «перестановки» из сочетания *po-z-*, ср. *zpohasínat* < *po-z-hasínat*, ср. слвц. *pozhasínať*.

ИТОГОВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СОВЕРШАЕМОСТЯХ

Мы задержались на вопросах совершаемостей глагольного действия несколько дольше, чем это обычно делается в теоретических грамматиках русского языка. Нам важно было показать, что явления, связанные с совершаемостью, отнюдь не следует считать периферийными, поскольку они представляют довольно значительный пласт славянского глагольного словопроизводства. Предлагаемый очерк не является, однако, исчерпывающим перечнем всех возможных совершаемостей в наших языках. В стороне остались некоторые типы образований, представленные лишь двумя-тремя глаголами, специфическая семантика которых не всегда поддаётся объективному анализу. Мы имеем в виду такие одновидовые глаголы, как *напевáть*, *нашёптывать* или *насвúстывать*, отличающиеся каким-то своим оттенком от глаголов *петь*, *шептáть* или *свистéть (свистáть)*, глаголы типа *отпля́сывать* или *отстýкивать* (к *плясáть* или *стучáть*), *расхáживать* или *разъезжáть* (к *ходúть* или *éздить*); *заночевáть*, *зазимовáть* и т. п. Богатейший материал приведён в работе Е. А. Земской «Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке».[1] Вне рассмотрения были также оставлены довольно многочисленные глаголы, в которых совершаемостное значение незаметно переходит в значение лексическое, ср. *засмотрéться*//*засмáтриваться*, *заслýшаться*//*заслýшиваться*. Исчерпывающая разработка полного материала возможна лишь в рамках специальных монографий. Нам важно было, в первую очередь, определить то особое место, которое совершаемости за-

[1] Исследования по грамматике русского литературного языка М. 1955, 5/41.

нимают в кругу славянского глагольного словопроизводства, при этом принципиально отмежёвывая образования одновидовых совершаемостей от образований лексически «полноценных» глаголов-лексем, представленных видовыми парами, продемонстрировать многообразие совершаемостных значений, а также удельный вес некоторых из них на фоне общей системы префиксального и суффиксального глагольного слово- и формообразования.

Одной из наиболее характерных черт славянского глагола является его способность модифицировать основное лексическое значение с разных сторон, сосредоточивать внимание то на определённых отрезках действия (на его начале, конце, на ограниченном во времени отрезке), то на степени интенсивности проявления действия (смягчение, усиление), то, наконец, на его внутренней расчленённости (многократность, дистрибутивность, прерывность) и т. п. Совершаемости, образуемые от одного и того же глагола, не составляют строгой «системы» в смысле бинарных противопоставлений.

Возможность образования той или иной совершаемости от данного индивидуального глагола полностью зависит от его общего и специфического значения, в ряде случаев от «характера действия», выражаемого данным глаголом. Для выяснения общей картины приведена таблица, указывающая возможности совершаемостного образования у глаголов с разной общей семантикой (см. Таблица 1 в приложении).

Из приведённой таблицы вытекает, что совершаемости образуются гораздо легче от бесприставочных глаголов, чем от глаголов приставочных (типа *встать*, *вскочи́ть*).

При разборе отдельных совершаемостей мы видели, что некоторые глаголы или группы глаголов появляются почти в каждом разделе. Это значит, что одни глаголы, в силу своей общей и индивидуальной семантики, допускают более разнообразные смысловые модификации значения, чем другие. Среди глаголов, допускающих наиболее широкую шкалу совершаемостных значений, особенно выделяются:

а) Глаголы с многофазисным характером действия;

б) Глаголы речи и звука (типа *крича́ть*, *стуча́ть*), отчасти перекрывающиеся с группой а);

в) Глаголы ненаправленного перемещения (типа *ходи́ть*).

Совершаемости образуются от исконно русских глаголов,

характеризующихся обычно конкретно-наглядным значением. Чаще всего такие глаголы обозначают действия человека или животного. Глаголы, обозначающие отвлечённые процессы, лишь редко образуют совершаемости (ср. *подýмал*, *захотéл*). В круг совершаемостей почти не втягиваются глаголы церковнославянского происхождения.

В стилистическом отношении совершаемостные образования входят либо в нейтральный пласт бытовой и литературной лексики (*закричáть*, *походúть*, *толкнýть*, *насмотрéться*), либо представляют собой экспрессивные элементы разной степени (*припля́сывать*, *соснýть*, *ходанýть*, *понахватáться*).

Разбор совершаемостей и принципиальное их отмежёвывание от приёмов чисто лексического словопроизводства, а также от продуктивных приёмов грамматического видообразования заставляет нас серьёзно пересмотреть некоторые более или менее традиционные взгляды на вопросы образования видов в наших языках.

В литературе приходится встречаться с учением о трёх или даже четырёх «видовых ступенях», а также с учением о «видовых цепях». Эти вопросы в данном контексте нельзя обойти.

С. О. Карцевский, а вслед за ним акад. В. В. Виноградов, наглядно показали, что приставочные и суффиксальные приёмы внутриглагольного словопроизводства представляют собою как бы ряд наслоений, «ступеней».[1] Акад. В. В. Виноградов предлагает следующую схему:

	дёргать	*дёрнуть*
	↓	↓
1-я ступень:	*надёргать*	*сдёрнуть*
	↓	↓
2-я ступень:	*надёргивать*	*сдёргивать*
	↓	↓
3-я ступень:	*понадёргивать*	*посдёргивать*
	↓	
4-я ступень:	*понавыдёргивать*	

Необходимо подчеркнуть, что в понимании акад. В. В. Виноградова эти «ступени» соответствуют реально бытующим в языке и наслаивающимся друг на друга приёмам словопроизводства (а не видообразования!). »Категория вида производит перетасовку слов в цепи словопроизводства, объединяя разноступен-

[1] S. Karcevski: Système du verbe russe, 1927, 96. — В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 500. Схема приводится в упрощённом виде.

ные глагольные образования на основе качественной видовой корреляции« (Русский язык, 501/2).

В Академической грамматике эта схема «ступеней» внутриглагольного *слово*производства подменяется новой схемой трёх ступеней «видового образования».

Первой ступенью Акад. грамм. считает образования совершенного вида от имперфективных глаголов посредством приставок: *крыть — откры́ть; писа́ть — переписа́ть* (I 428/9). Нетрудно заметить, что речь здесь идёт не только и не столько о приёме «видового образования», сколько о приёме деривационном, словообразовательном.

Второй ступенью считается «процесс образования глаголов несовершенного вида от приставочных глаголов совершенного вида посредством суффиксов: *откры́ть — открыва́ть, переписа́ть — перепи́сывать* (432/3).

Третьей ступенью «видового образования» признаётся, наконец, «процесс образования совершенного вида посредством присоединения второй приставки» к уже приставочному глаголу несовершенного вида (второй ступени): *откры́ть — пооткрыва́ть* (435/6).

Схематически:

«Ступени видового образования» по Акад. грамм.:

	1-ая	2-ая	3-ья
крыть	*откры́ть*	*открыва́ть*	*пооткрыва́ть*

Мы уже знаем, что «третья ступень видового образования» фактически является образованием (дистрибутивной) совершаемости и не может, на наш взгляд, быть приравниваема к приёмам чистовидовой имперфективации типа *откры́ть//открыва́ть*. К тому же Акад. грамм. не приводит случаев образования дистрибутивных глаголов от приставочных глаголов совершенного вида типа *повы́дернуть, повы́толкать*. Смешение приёмов чистовидового образования с приёмами образования совершаемостей позволяет авторам Акад. грамматики говорить о разных «ступенях» видового образования там, где на самом деле таких «ступеней» нет.

В пособии «Современный русский язык» (1952, 320/21) говорится о «видовых цепях», хотя по существу и здесь речь идёт именно о «ступенчатости» видообразования, ср. схему:

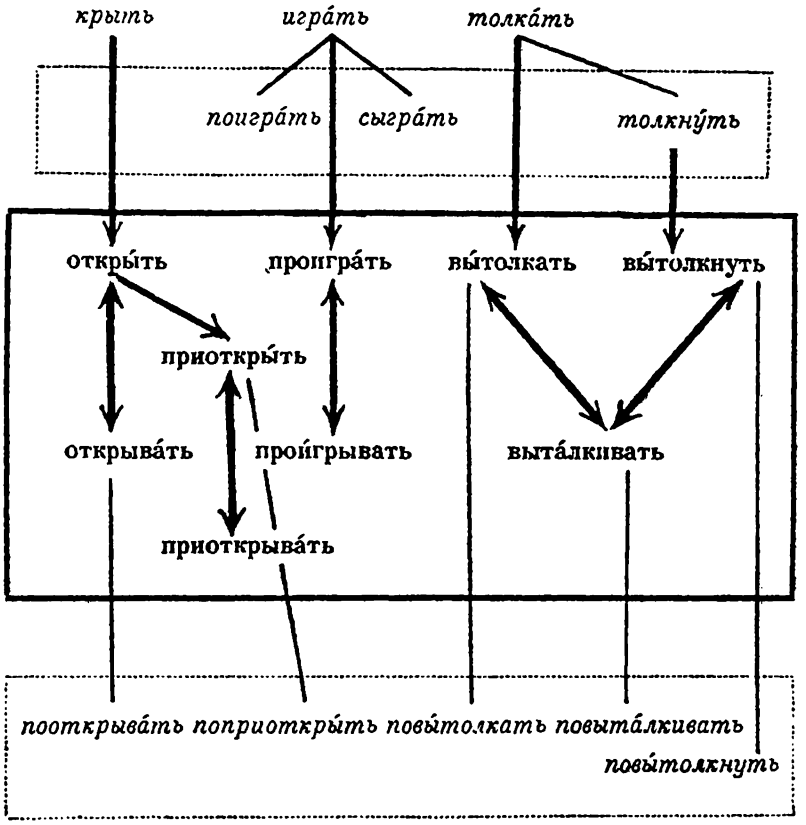
Если под термином «видообразование» иметь в виду не любое образование однокоренных глаголов, а исключительно только образование соотносительных видовых пар, то картина будет несколько иная. То, что традиционно считается «первой ступенью» видового образования *(крыть — откры́ть, толка́ть — вы́толкать)*, будет отнесено к области глагольной деривации (словообразования) или к области образования совершаемостей *(игра́ть — сыгра́ть, толка́ть — толкну́ть)*. То, что традиционно относится к «третьей ступени» видового производства, будет всецело отнесено к области образования дистрибутивных совершаемостей *(открыва́ть — пооткрыва́ть, выта́лкивать — повыта́лкивать)*.

Префиксация в наших языках связана с перфективацией, но она не создаёт соотносительных видовых пар.

Для пояснения всего сказанного присоединяем (крайне упрощённую) схему (ср. стр. 299).

Из приведённой схемы вытекает, что область чисто грамматических приёмов видообразования ограничена в наших языках сферой образования так называемых вторичных глаголов несовершенного вида. Все остальные приёмы глагольного словопроизводства относятся либо к лексическим приёмам глагольного словообразования (в узком смысле этого слова), либо к сфере лексико-грамматических приёмов образования совершаемостей.

Предлагаемая разработка вопросов, связанных с так называемыми совершаемостями, может вызвать ряд возражений: зачем останавливаться в рамках общего морфологического обзора рус-

Пояснения к схеме:

Область образования совершаемостей

Область грамматического видообразования

Приёмы лексического словообразования

Соотносительные видовые пары

Образование совершаемостей

ского языка с такой подробностью на вопросах, относящихся не столько к грамматике, сколько к словообразованию? Зачем разбирать в общем курсе явления, стоящие на периферии славянского глагола?

Ссылка на «лексический» характер образования совершаемостей не освобождает нас от обязанности последовательно и принципиально отграничить явления, относящиеся к двум плоскостям. Совершаемости отличаются от остальных приёмов глагольного словопроизводства тем, что — будучи лишь внутренними семантическими модификациями основного глагола — они не отрываются от него и сохраняют с ним своеобразную соотнесённость, ср. *игра́ть — поигра́ть*, *игра́ть — сыгра́ть*, *игра́ть — пои́грывать* и т. п. Эта своеобразная соотнесённость формально проявляется в том, что совершаемостные образования остаются *ex definitione* одновидовыми. Применение словообразовательных приёмов в собственном смысле этого термина приводит, напротив, к возникновению новых глаголов-лексем, наделённых — по отношению к исходному глаголу — качественно новым значением (ср. *крыть — откры́ть*, *игра́ть — проигра́ть*) и представленных, как правило, соотносительными видовыми парами (ср. *откры́ть — открыва́ть*, *проигра́ть — пои́грывать*). Понять и учесть эту существенную разницу между образованием совершаемостей и образованием качественно новых лексических единиц — это значит понять и учесть некоторые немаловажные системные черты славянских языков.

Ссылка на «периферийность» совершаемостей в кругу славянского глагола справедлива постольку, поскольку образование совершаемостей не является частью глагольной парадигматики. Но, с точки зрения удельного веса выразительных средств славянского глагола, именно совершаемости, со своей необыкновенно богатой палитрой тонких и тончайших оттенков значения, придают славянскому глаголу ту многогранность и гибкость, которая в кругу европейских языков не имеет параллели. Предлагаемые этюды являются попыткой систематизировать и теоретически обосновать некоторые явления, оставшиеся пока вне поля зрения исследователей.

ВОПРОС О СВЯЗИ ВИДОВ С ОБЩИМИ ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЗНАЧЕНИЯМИ ГЛАГОЛОВ

«Характер глагольного действия»

В специальной литературе неоднократно ставился вопрос о внутренней связи между общими лексическими значениями глаголов и их видом. Можно ли объяснить видовую соотносительность глаголов типа *броса́ть//бро́сить* на основании каких-то специфических, крайне обобщённых свойств их семантики? Почему глагол *безде́йствовать* употребляется только в несовершенном виде, а глагол *очну́ться* — только в совершенном?

В целях облегчения нашего анализа предлагаем ввести вспомогательный термин «характер глагольного действия» или просто «характер действия». Под этим термином мы будем понимать самые общие семантические свойства простых (бесприставочно-бессуффиксных) глаголов.

Характер действия может быть определён на основании логического анализа значений большого числа индивидуальных глаголов. Глаголы, образующие соотносительные видовые формы, обладают общим значением курсивности. Действие, выражаемое такими глаголами, как *перепи́сывать*, может быть представлено в виде движения по координате времени. Такое общее значение «протекания процесса по временно́й оси» можно назвать курсивным характером действия.

Глагол типа *па́хнуть* ‚voňať' вряд ли может быть представлен в виде точки, движущейся по координате времени. Этот глагол имеет, следовательно, некурсивный характер действия. Некурсивные глаголы не могут быть представлены как «целостные, сомкнутые события». Глагол *па́хнуть* является в русском языке одновидовым глаголом несовершенного вида.[1]

В составе некурсивных глаголов можно выделить целый ряд подгрупп:

1. Глаголы со статальным (stavový́m) значением типа *сиде́ть*, *стоя́ть*, *лежа́ть*, *валя́ться*, *горе́ть*, *молча́ть*, *страда́ть*,

---

[1] Вводимое здесь понятие курсивности действия приближается к понятию «линеарности действия» И. Польдауфа (Slovo a slovesnost 11 (1949) 3, 121), а также к понятию «průběhovosti» Фр. Конечного (Základy české skladby, 1958, 98).

боле́ть, *люби́ть*, *ненави́деть* и мн. др.[1] Статальные глаголы не образуют форм совершенного вида. Для того, чтобы представить эти процессы в «событийном» разрезе, необходимо снабдить глаголы добавочными значениями, так или иначе их «детерминировать». Значение «монотонной длительности» этих глаголов может быть устранено сосредоточением внимания на их начале или на каком-нибудь ограниченном отрезке их протекания, ср. *посиде́ть* или *замолча́ть*. Но такие приставочные образования не являются, как мы знаем, перфективными формами глаголов *сиде́ть* и *молча́ть*, а совершаемостями этих глаголов.

2. Глаголы со значением существования или пребывания типа *быть*, *существова́ть*, *отсу́тствовать*, *прису́тствовать*, *пребыва́ть*, *нали́чествовать*, *находи́ться*, *име́ться*, *чи́слиться*, *цари́ть* и мн. др. Все они не имеют форм совершенного вида.

3. «Реляционные» глаголы, обозначающие отношения. Общая семантика таких глаголов не содержит не малейшего намёка на протекание во времени, ср. *сто́ить* («иметь стоимость»), *име́ть*, *знать*, *относи́ться* ‚vzťahovať sa', *располага́ть чем-либо*, *принадлежа́ть кому-либо* и мн. др. Эти глаголы не образуют форм совершенного вида.

4. Глаголы, обозначающие профессии или род занятий: *батра́чить* ‚nádenníčiť', *учи́тельствовать*, *кня́жить*, *ше́фствовать*; сюда же *руководи́ть*, *ве́дать*, *заве́довать*, *управля́ть*, *состоя́ть чем-либо* и т. п.

5. Глаголы со значением «проявлять какой-либо признак» типа *не́рвничать* ‚byť nervózny', *не́жничать*, *оригина́льничать*, *нача́льничать* ‚*správať sa bezočivo*' и т. п.

6. Глаголы со значением «стараться казаться каким-либо» типа *молоди́ться* ‚robiť sa mladým', *храбри́ться*, *кура́житься* и т. п.

7. Глаголы, обозначающие душевные состояния типа *серди́ться*, *грусти́ть*, *печа́литься*, *ликова́ть* ‚jasať', *зли́ться* и т. п.

---

[1] Меткую характеристику статальных глаголов даёт Ю. С. Маслов: «В период осуществления этих ‚действий' ничего не меняется, не возникает и не исчезает, ‚действие' это ни к чему не ведёт, не создаёт никакого нового качества в субъекте или в объекте, не даёт никакой перспективы, кроме перспективы монотонной, себе тождественной длительности» (ср. Роль так называемой перфективации..., 18/19).

8. Глаголы, выражающие модальные оттенки типа *хоте́ть*, *намерева́ться*, *надлежа́ть*, *норови́ть* ‚snažiť sa', *порыва́ться* ‚pokúšať sa', *стреми́ться* и т. п.

Все эти и многие подобные глаголы не раз приводились в списках глаголов, «в силу своего лексического значения» не образующих форм совершенного вида. Можно ли считать причинную связь между некурсивным характером действия и отсутствием форм совершенного вида установленной?

Глаголы перемещение типа *нести́*, *лезть*, *тащи́ться*, а также *носи́ть*, *лази́ть*, *таска́ться*, имеют бесспорно «курсивное» значение, но не образуют чистовидовых форм совершенного вида. Как объяснить такое противоречие?

Внимательный читатель, конечно, давно заметил, что наша аргументация построена на логической ошибке. Ведь единственным объективным признаком «некурсивного» характера действия является именно отсутствие соотносительных форм совершенного вида. Понятие видовой несоотносительности глаголов imperfectiva tantum мы и пытались заменить понятием некурсивного глагольного действия. Если решающим в деле образования форм совершенного вида является лексическое значение («характер действия»), то почему глаголы с одним и тем же лексическим значением в одном случае представлены видовой парой, а в других — остаются непарными? Почему, например, глагол *умере́ть*//*умира́ть* образует оба вида, а его многочисленные синонимы вроде *скончáться*, *престáвиться*, простор. *приказáть дóлго жить*, вульг. *скапýститься*, *окочýриться*, *сыгрáть в я́щик* остаются одновидовыми perfektiva tantum? Почему глаголы с одним и тем же значением в одном языке остаются одновидовыми (напр. *подража́ть*//∅), а в родственном языке с тождественной видовой системой представлены видовыми парами, ср. слвц. *napodobňovať*//*napodobniť*? Следует ли считать, что в приведённых случаях возможность образовать формы совершенного вида просто «осталась неиспользованной»?

Если на основании изложенных выше принципов строго отграничить чистовидовые формы от совершаемостных образований (в том числе и от совершаемости результативной), то окажется, что количество одновидовых глаголов не ограничивается в русском языке глаголами, характер действия которых можно признать «некурсивным». Несмотря на их явно «курсив-

ный» характер действия, одновидовыми остаются не только глаголы типа *нести́* и *носи́ть*, но и многочисленные бесприставочные глаголы типа *бороня́ть*, *дава́ть*, *дели́ть*, *дразни́ть*, *колоти́ть*, *кури́ть*, *гнуть*, *ре́зать*, *руби́ть*, *рвать*, *ма́зать*, *лиза́ть* и сотни других. Все эти глаголы обозначают процессы, которые можно себе представить в виде движения по временно́й оси. Все эти глаголы обозначают «направленность действия на его завершение». Попытка объяснить видовую соотносительность/несоотносительность глаголов их общим лексическим значением, их «курсивным/некурсивным характером действия» оказалась неудачной. О существовании такой внутренней связи между общим значением («характером действия») и видообразовательной активностью глагола трудно сомневаться. Но какие именно семантические черты глагола следует признать решающими в деле видообразования — пока сказать нельзя. Мы ещё не располагаем достаточно надёжными методами семантического анализа, позволяющими установить причинную связь между общим значением глагола и его видообразованием.

К вопросу об одновидовых глаголах

В связи с затронутой здесь проблематикой необходимо сказать несколько слов о глаголах, традиционно относимых к «одновидовым» и обычно приводимых в списках. Академическая грамматика приводит два таких списка «непарных» глаголов: «Относительно немногие глаголы совершенного вида не имеют соотносительных глаголов несовершенного вида. К последним принадлежат глаголы: *воспря́нуть*, *стрепену́ться*, *гря́нуть*, *мо́лвить* (? — на стр. 458 этот же глагол приведён в качестве двувидового!), *очну́ться*, *очути́ться*, *пона́добиться*, *рехну́ться*, *ри́нуться*, *сгла́зить*, *хвати́ть*, *хлы́нуть* и нек. др.» (I 457). На самом деле «непарных» глаголов с/в в русском языке несколько сотен: ведь все глаголы начинательной, ограничительной, смягчительной, однократной, дистрибутивной совершаемостей являются именно «непарными». Одновидовыми являются далее глаголы с приставкой *про-* в разных значениях: *проглядѐть*, *прозева́ть*, *проворо́нить*, *проморга́ть*, простореч. *прошля́пить* и *продешеви́ть*, *промахну́ться*, *просчита́ться*, *прогада́ть*, *пробола́ться*, *проворова́ться*, *проговори́ться*; одновидовыми гла-

голами с/в являются многочисленные экспрессивные образования типа *сги́нуть*, *вы́звездить*, *прикорну́ть*, *сдану́ть*, *махну́ть (в Москву́)* и мн. др. «Непарность» глаголов с/в является не каким-либо редким исключением, а явлением вполне системным. Здесь нет ни необходимости, ни возможности давать хоть сколько-нибудь исчерпывающий их список.[1]

Непарные глаголы нс/в Академическая грамматика считает «более многочисленными» и приводит список глаголов, в подавляющем своём большинстве церковнославянского происхождения вроде *благогове́ть*, *недомога́ть*, *обоня́ть*, *обурева́ть*, *порица́ть*, *созерца́ть*, *повинова́ться* и т. п. (I 457). После опубликования работ Е. А. Земской, М. А. Теленковой и, особенно, Л. А. Быковой нет необходимости доказывать, что непарные глаголы нс/в занимают в системе русского (и любого славянского) глагола важное место. «Категория одновидовых глаголов в русском языке является обширной и живой», пишет Е. А. Земская.[2] Всякая попытка дать сколько-нибудь полный перечень таких глаголов заранее обречена на неудачу. Ведь достаточно вспомнить, что целый ряд живых и продуктивных совершаемостей относится к несовершенному виду (ср. *пока́шливать*, *притопты́вать*, *отсту́кивать* и т. п.). Но это не всё: ведь все бесприставочные глаголы нс/в лишены, как мы пытались показать, соотносительных форм с/в. Таким образом число непарных глаголов нс/в возрастает во много раз. Одновидовость бесприставочных глаголов нс/в превращается, таким образом, из какого-то досадного «нарушения» грамматического строя в системную черту славянского глагола.

Необходимо подчеркнуть, что одновидовость бесприставочных глаголов нс/в не имеет ничего общего с одновидовостью разнообразных приставочных образований, заимствованных из церковнославянского языка типа *изоби́ловать*, *обстоя́ть*, *подража́ть*, *отрица́ть*, *предчу́вствовать*, *созерца́ть*, *уча́ствовать* и т. п. Непарность таких глаголов в значительной мере поддерживается литературной традицией. Глагол *отрица́ть* не содержит, например, никаких семантических элементов, ко-

[1] Ср. Е. А. Земская: Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. Исследования по грамматике русского литературного языка. М. 1955, 5 и сл.

[2] Там же, 5.

торые бы препятствовали образованию соответствующих форм с/в; в словацком языке, наряду с имперфективным *popierať* «отрицать», существует и перфективный глагол *popriet*. Одновидовость таких глаголов, как *отрица́ть*, объясняется тем, что они перенесены в русский язык из другой системы: в старославянских текстах, базирующихся на переводах с греческого, не было, по-видимому, необходимости выражать действия, обозначаемые глаголами *отрица́ть* или *утвержда́ть*, *подража́ть* или *предше́ствовать* и т. п. в совершенном виде. Многовековая литературная традиция санкционировала такое их одновидовое употребление.

Все эти вопросы заслуживают более тщательной разработки. Но уже сейчас можно сказать с полной уверенностью, что при дальнейшем исследовании необыкновенно сложной и запутанной проблематики славянского вида нельзя будет обойти проблематику тех явлений, которые мы здесь предложили назвать совершаемостями глагольного действия.

Является ли многофазисность (внутренняя расчленимость) особым «характером действия»?

Мы знаем, что глаголы однократной совершаемости типа *кольну́ть* (↓) образуются только от таких бессуффиксных глаголов несовершенного вида, которые обозначают внутренне расчленимые, многофазисные действия типа *колоть* (↓↓↓↓↓).

Многофазисность действия не выражена формально, но она проявляется объективно: глаголы однократной совершаемости образуются только от многофазисных глаголов. Следовательно, общее значение многофазисности соотнесено со значением однократности. Если «характером глагольного действия» считать общие семантические свойства простых глаголов, так или иначе сказывающиеся в области внутриглагольного видо- и словообразования, то многофазисность (внутреннюю расчленимость) можно было бы признать особым характером действия.

Понятие однократности действия и его «внутренней расчленимости» на ряд отдельных фазисов соответствуют, конечно, фактам реальной действительности. Но в языке факты реальной действительности не отражаются прямолинейно. С точки зрения внеязыковой действительности глагол *жева́ть* обозначает такое же многофазисное действие, как глаголы *зева́ть* или *коло́ть*.

Однако у глагола *жева́ть* эта объективно данная многофазисность в языке не проявляется, т. к. от этого глагола не существует, по-видимому, однократного типа «жевнуть»[1], аналогичного однократным глаголам *зевну́ть*, *кольну́ть*. Из этого вытекает, что значение многофазисности обусловлено наличием лексически соотнесённого глагола с однократным (семельфактивным) значением. Значение «многофазисности» или «внутренней расчленимости» действия «ощущается» говорящим лишь на фоне соответствующих однократных глаголов на *-нуть*. Вот почему глагол *глота́ть* «воспринимается» как многофазисный глагол (ср. *глотну́ть*), а глагол *есть*, объективно обозначающий «расчленимое» действие, нами как многофазисный глагол не воспринимается. Как видно, введение понятия «многофазисного характера действия» даёт очень мало для объяснения внутренней связи между общими лексическими значениями глаголов и их видо- и словообразовательной активности.[2]

Приставочные образования от однократных и соответствующих многофазисных глаголов

Особый интерес представляют приставочные образования от однократных[3] и соответствующих многофазисных глаголов. Перфективный глагол типа *бро́сить*, слвц. *hodiť* обозначает однократное действие, между тем как глагол *броса́ть*, слвц. *hádzať* может, смотря по контексту, обозначать либо повторные действия *(Он броса́ет ка́мни)*, либо один нерасчленимый акт *(Он броса́ет ка́мень)*. Приставочные образования от этих глаголов имеют значение совершенного вида (ср. *набро́сить* и *наброса́ть*, слвц. *nahodiť* и *nahádzať*), причём в семантике этих приставочных глаголов происходят определённые сдвиги. При-

---

[1] Любопытно, что существует отглагольное существительное с «однократным» значением *зево́к*, ср. *коло́ть — уко́л*, *ныря́ть — ныро́к*, *плева́ть — плево́к*, *пры́гать — прыжо́к*.

[2] Как было показано выше (стр. 269), однократная совершаемость образуется от многочисленных глаголов, не могущих быть представленными как многофазисные, ср. *стру́сить* ‚prejaviť zbabelosť' — *тру́сить* ‚byť zbabelý, báť sa'.

[3] Здесь имеет в виду так называемая «немаркированная» однократность, вытекающая из «характера действия» глаголов типа *бро́сить* (ср. стр. 272).

ставочный глагол, образованный от однократного глагола *(набро́сить)*, не содержит больше в своей семантике указаний на однократность действия, ср. *набро́сить пальто́ на плечи* ‚prehodiť si kabát', слвц. *nahodiť očko na ihlicu*. Приставочный глагол, образованный от соответствующего многофазисного глагола, сохраняет в своей семантике указание на расчленённость действия, связанную с совершаемостным значением дистрибутивности, сатуративности и т. п., ср. *наброса́ть камне́й в я́му* ‚nahádzať kamene do jamy' (т. е. выполнить действие в несколько приёмов).

Оба перфективных глагола, *набро́сить* и *наброса́ть*, образуют формы вторичного несовершенного вида, причём эти вторичные образования обычно фонетически совпадают: возникают видовые пары типа *набро́сить//набра́сывать* и *наброса́ть//набра́сывать*. Приёмы изложенного видо- и словообразования можно схематически представить следующим образом:

с/в	*бро́сить* (↓)	нс/в	*броса́ть* (↓ ↓ ↓)
с/в	*набро́сить* (↓ или ↓↓↓)	с/в	*наброса́ть* (↓ ↓ ↓)
нс/в	*набра́сывать* (↓ или ↓ ↓ ↓)	нс/в	*набра́сывать* (только ↓ ↓ ↓)

В словацком языке форма вторичного несовершенного вида образуется только от глаголов типа *nahodiť*. Схематически:

dok.	*hodiť* (↓)	nedok.	*hádzať* (↓ ↓ ↓)
dok.	*nahodiť* (↓ или ↓ ↓ ↓)	dok.	*nahádzať* (↓ ↓ ↓)
nedok.	*nahadzovať* (↓ или ↓ ↓ ↓)		∅

Семантические оттенки, возникающие в результате префиксации двух однокоренных глаголов, представляют не только теоретический интерес: их необходимо учитывать и при практическом усвоении языка.

Нетрудно заметить, что приставки, сочетающиеся с однократными глаголами типа *бро́сить*, обычно имеют конкретно-пространственное значение, т. е. являются приставками-квалификаторами, ср. *вы́бросить (вон)*, *набро́сить (на)*, *перебро́сить (через)*, *добро́сить (до)*, *забро́сить (за)* и т. п. Приставки, сочетающиеся с имперфективными глаголами типа *броса́ть*, могут также иметь пространственные значения (ср. *отброса́ть снег от крыльца́*), но во всех случаях приставочные глаголы этого типа обозначают «многофазисные» действия, исполняемые в несколько приёмов, ср. *наброса́ть камне́й* (кумулятивная совершаемость), *поброса́ть*

(огранич.), *пробросáть* (пердурат). Такое же значение многофазисности имеют и словацкие глаголы типа *dohádzať* (»skončiť hádzanie«), *nahádzať*, *pohádzať* (šaty na seba), *vyhádzať* (»povyhadzovať«), *prehádzať* (»poprehadzovať«) и т. п. Совершенно ясно, что у глаголов типа *на-брóсить* и *на-бросáть* речь идёт не об одной, а о двух «разных» приставках.

Приведём хотя бы несколько примеров приставочных образований от однократных и многофазисных глаголов того же корня:

перехватúть (письмó) ‚zachytiť'	*перехватáть (разбóйников)* ‚pochytať'
накúнуть (плащ) ‚prehodiť si'	*накидáть (камнéй)* ‚nahádzať'
выстрелить[1] *(из ружья́)* ‚vystreliť'	*выстрелять (все патрóны)* ‚vystrieľať'
прострелúть (нóгу)	*простреля́ть (всё у́тро)*
проскочúть (в дверь)	*проскакáть (на однóй ногé цéлый час)*
переломúть (пáлку)	*переломáть (все стýлья)*

Нетрудно заметить, что в правой колонке помещены глаголы с отчётливо совершаемостными значениями. Можно утверждать, что здесь имеется тесная связь между «многофазисным характером действия» исходного глагола (типа *бросáть*) и совершаемостными значениями приставочных образований (типа *набросáть*). Понятие «характера действия» здесь, как видно, оправдывается на практике.

ГЛАГОЛЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

«Характер действия» глаголов перемещения

Небольшая группа глаголов, обозначающих разные способы перемещения в пространстве, составляет в славянских языках замкнутую в себе, абсолютно непродуктивную систему, занимающую, однако, в общей системе славянского глагола очень важное место. Глаголы типа *идти́* и *ходúть* отличаются от массы остальных глаголов тем, что, обозначая один и тот же способ

[1] Следует отметить, что в русском литературном языке нет бесприставочных глаголов типа *стрелúть*, *кусúть*, *ломúть* (в значении однократного к *ломáть*), *скочúть*, ср. слвц. *strelit'*, *skočit'*.

перемещения («ходьбу»), они, каждый по своему, «стилизуют» данный процесс с точки зрения его протекания в пространстве Назовём такие глаголы — глаголами перемещения.[1]

Наиболее характерной приметой глаголов перемещения является их своеобразная «парность», семантическая и морфологическая взаимосоотнесённость обоих членов противопоставления *идти́* — *ходи́ть*. Обозначая одну и ту же реальность, каждый из членов глагольной пары представляет обозначаемый процесс по-разному.

Разница между *идти́* и *ходи́ть* не сводится, однако, к разнице в видах. Оба глагола имеют грамматическое значение несовершенного вида. Разницу между *идти́* и *ходи́ть* нельзя также считать разницей в совершаемостях: оба глагола являются простыми бесприставочно-бессуффиксными образованиями, не содержащими формального указания на ту или иную семантическую модификацию. К тому же трудно сказать, какой из них следовало бы рассматривать как «исходный»: с точки зрения современного языка нельзя, например, считать, что глагол *носи́ть* «образован» от глагола *нести́*, хотя генетически глаголы с вокализмом *о* (тип *носи́ть*) и являются вторичными.

Семантическая специфика каждого из глаголов данной группы заложена «в них самых», связана исключительно с некоторыми общими чертами их лексической семантики. Разницу между глаголами типа *идти́* и *ходи́ть* следует рассматривать как разницу в характере действия.[2]

История разработки славянского вида свидетельствует о том, что глаголы перемещения долгое время не выделялись из общей массы глаголов. Слишком часто вопросы смысловых оттенков грамматических видов, а также различные формальные приёмы внутриглагольного видообразования изучались именно на примерах, взятых из области глаголов перемещения, т. е. как раз на материале, меньше всего для этой цели подходящем.

Впервые глаголы перемещения были принципиально выделены из общей массы глаголов акад. А. А. Шахматовым, включившим их в свою схему

[1] Традиционный термин «глаголы движения» (slovesá pohybu; verba movendi) здесь умышленно заменяется термином «глаголы перемещения» (slovesá premiestňovania, фр. verbes de locomotion у С. О. Карцевского), чтобы терминологически отграничить данную группу глаголов от всех остальных глаголов, обозначающих «движение», ср. *нагиба́ться*, *маха́ть*, *кива́ть*, *дры́гать* или *мча́ться*, *шага́ть*, *пласти́сь*, *скака́ть* и т. п.

[2] Cr. A. V. Isačenko: Slovesný vid, slovesné akce a obecný charakter slovesného děje, Slovo a slovesnost 21 (1960), 1, 9/16.

«подвидов». Глаголы типа *идти́* были отнесены к так называемому «моторно-некратному подвиду», а глаголы типа *ходи́ть* — к «моторно-кратному».[1] Отождествление лексических значений глаголов перемещения со значением «подвидов» (т. е. в нашей терминологии со значением совершаемостей) объясняется общей теоретической неразработанностью самого понятия «подвида». Дело, конечно, не в терминах. Принципиальное разграничение понятия «совершаемости» (напр. *ходи́ть — походи́ть*) и понятия «характера действия» в терминологическом плане лишь подчёркивает то, что фактически различается в языковой действительности.

Если акад. А. А. Шахматов считал признак «кратности» отличительной чертой глаголов типа *идти́ — ходи́ть*, то в Академической грамматике, сохраняющей шахматовскую терминологию, приводится сразу несколько семантических черт, отличающих якобы глаголы типа *идти́* от глаголов типа *ходи́ть*. Глаголы типа *идти́* обозначают действия, «протекающие (1) в одном направлении, (2) непрерывно и (3) в определённый момент», а глаголы типа *ходи́ть* обозначают те же реальные действия, совершающиеся (1) не в одном направлении или (2) не за один приём, (3) не в одно время» (I 460). Можно a priori сомневаться в том, чтобы семантическое противопоставление покоилось одновременно на трёх признаках.

С. О. Карцевский противопоставлял в пределах глаголов перемещения «определённые» глаголы (déterminés) — «неопределённым» (indéterminés). Определённые глаголы типа *идти́* имеют в виду конкретные действия, заставляющие нас учитывать направление действия и время.[2] Эта интерпретация глаголов перемещения была принята в мировой славистике, она принимается и многими теоретическими учебниками русского языка.

Решающим семантическим критерием, на основании которого осуществляется системное противопоставление глаголов серии *идти́* глаголам серии *ходи́ть*, следует признать направленность движения в пространстве. Глаголы типа *идти́* обозначают передвижение в одном направлении. Соответственно, мы будем говорить в этих случаях о глаголах однонаправленного характера действия, или просто об однонаправленных глаголах.

Глаголы типа *ходи́ть* являются слабым членом корреляции характера действия: их общая семантика не содержит положительных указаний на направление движения. Было бы ошибочно считать, что глаголы типа *ходи́ть* обозначают «разнонаправленность». В отличие от глаголов типа *идти́*, глаголы серии *ходи́ть* просто не сигнализируют однонаправленность движения. Это значит, что в конкретных случаях глаголы серии *ходи́ть* могут обозначать как движение в одном направлении

---

[1] Ср. Из трудов А. А. Шахматова..., 1952, 89.

[2] S. Karcevski: Système du verbe russe, 1927, 109.

(Он хо́дит в шко́лу через парк), так и движение в разных направлениях *(Он хо́дит по́ лесу)*. Назовём эти глаголы условно ненаправленными.

В широкие рамки отрицательно охарактеризованных ненаправленных глаголов легко укладываются все частные и добавочные значения, выражаемые глаголами серии *ходи́ть*, как то:

а) значение «кратности» (или узуальности), ср. *По суббо́там он хо́дит в ба́ню;*

б) значение «длительности» действия, ср. *Он хо́дит по ко́мнате;*

в) значение «совершения действия не в один приём», ср. *Он хо́дит в шко́лу;*

г) значение «способности к совершению действия», ср. *Больно́й уже́ хо́дит* (т. е. способен ходить);

д) значение «отличительной черты субъекта», ср. *Про́бка пла́вает; Пти́цы лета́ют;*

е) значение движения, совершаемого в двух направлениях: *Он ходи́л в го́род и принёс газе́ту.*

Нетрудно заметить, что частные значения, приведённые под пунктами (а) — (д), являются ничем иным, как разновидностями общего значения презенса глаголов несовершенного вида и, следовательно, не связаны со специфическим характером действия глаголов перемещения.

Состав глаголов перемещения в наших языках

Замкнутая и абсолютно непродуктивная группа глаголов перемещения представлена в наших языках следующими конкретными глаголами:

Русский язык			Словацкий (чешский) язык		
однонаправленные		ненаправленные	однонаправленные		ненаправленные
бежа́ть	—	*бе́гать*	*bežať*	—	*behať*
везти́	—	*вози́ть*	*viezť*	—	*voziť*
			viezť sa	—	*voziť sa*
вести́	—	*води́ть*	*viesť*	—	*voditʹ*
гнать	—	*гоня́ть*	*hnaťlhonitʹ*		*(naháňať)*

гна́ться	— *гоня́ться*		*hnať sa/honiť sa (naháňať sa)*	
е́хать	— *е́здить*	чеш.	*jeti*	— *jezditi*
идти́	— *ходи́ть*		*ísť*	— *chodiť*
(кати́ть	— *ката́ть)*			Ø
(кати́ться	— *ката́ться)*			Ø
(лезть	— *ла́зить)*		*(liezť*	— *laziť/loziť)*
лете́ть	— *лета́ть*		*letieť*	— *lietať*
нести́	— *носи́ть*		*niesť*	— *nosiť*
нести́сь	— *носи́ться*		*niesť sa*	— *nosiť sa (na koni)*
плыть	— *пла́вать*		*plávať* (чеш. *plouti/plávati*)	
ползти́	— *по́лзать*		*plaziť sa*	
тащи́ть	— *таска́ть*		*vliecť*	— *vláčiť*
(тащи́ться	— *таска́ться)*			

Круг глаголов, противопоставляющих однонаправленный и ненаправленный характеры действия, медленно, но неукоснительно сужается. В словацком языке, где таких глаголов меньше, эта общая тенденция сказывается сильнее, чем в русском. Естественно, что упорнее всего держатся парные глаголы, обозначающие элементарные способы перемещения (*бежа́ть*, *везти́*, *вести́*, *идти́*, *лете́ть*, *нести́* и их ненаправленные соответствия), между тем как глаголы, обозначающие лишь разновидности этих способов передвижения *(кати́ть*, *кати́ться*, *лезть)*, постепенно утрачивают свою парную соотносительность. Глагольные пары, находящиеся на пути к полной утрате парной соотнесённости по признаку однонаправленности/ненаправленности, помещены в нашем списке в скобках.

В список глаголов перемещения, составленный С. О. Карцевским (цит. соч. 108), включены также глаголы *брести́* и *броди́ть*; с тех пор эти глаголы неизменно появляются во всех подобных списках. Но несмотря на формальную аналогию между глаголами *брести́* — *броди́ть* и глаголами *вести́* — *води́ть*, *везти́* — *вози́ть*, *нести́* — *носи́ть*, глаголы *брести́* и *броди́ть* настолько удалились друг от друга в семантическом отношении, что их больше нельзя считать соотнесёнными, т. е. выражающими тот же способ перемещения. Глагол *брести́* имеет значение «идти с трудом, волоча ноги; идти тихо», слвц. ‚vliecť sa'; глагол *броди́ть* не содержит в своей семантике указания на «затруднённость» ходьбы; глагол *броди́ть* обозначает «скитаться, ходить без цели», слвц. ‚túlať sa, blúdiť'. Глагол *брести́* может употребляться в сочетании с указанием цели (напр. «Крестья́нин... брёл *домо́й* просёлочным путём», Крылов), между тем глагол *броди́ть* ни при

каких условиях не может сочетаться с указанием цели; сочетания «бродить домо́й» или «бродить в го́род» были бы бессмысленны. Поэтому из списка парных глаголов перемещения следует исключить глаголы *брести́* и *броди́ть*. Приставочные глаголы типа *вы́брести* (из леса) соотнесёны не с **выброди́ть*, а с *выбреда́ть*, ср. малоупотребительные формы *добреда́ть*, *прибреда́ть* и т. п.

В Академической грамматике приводятся в качестве соотнесённой пары глаголов перемещения глаголы *броди́ть* и *сажа́ть* (I 460). Но в основных своих значениях эти глаголы абсолютно синонимичны (ср. *броди́ть/сажа́ть я́блоню*; *броди́ть/сажа́ть кого-л. на дива́н*; *броди́ть/сажа́ть в тюрьму́*; *броди́ть-сажа́ть пти́цу в кле́тку* и т. п.), с той разве разницей, что форма *броди́ть* менее литературна, чем форма *сажа́ть*. Во всяком случае разница между *броди́ть* и *сажа́ть* не сводится к однонаправленности первого глагола, и ненаправленности второго. Наконец, глаголы *броди́ть* и *сажа́ть* не обозначают способа перемещения и, следовательно, включение их в разряд таких глаголов как *идти́* и *броди́ть*, никак нельзя признать правомерным.[1]

В традиционных списках не приводятся глаголы *гна́ться — гоня́ться*, *кати́ться* и *ката́ться*, *нести́сь* и *носи́ться*, *тащи́ться* и *таска́ться*. Эти глаголы не следует рассматривать как «возвратные формы» соответствующих невозвратных глаголов, а как вполне самостоятельные лексемы, обозначающие специфические способы перемещения в пространстве.

Чтобы правильно оценить функционирование противопоставления однонаправленного/ненаправленного характера действия, необходимо хотя бы вскользь коснуться семантической структуры каждого из них. Разбор значений отдельных глаголов покажет, что корреляция однонаправленности/ненаправленности сохраняется лишь в тех значениях, в которых так или иначе обозначается способ перемещения в пространстве. Там, где наши глаголы утрачивают это специфическое значение, принцип парности нарушается.

бежа́ть — бе́гать. В прямом своём значении («перемещаться бего́м») оба члена полностью соответствуют слвц. паре *bežať — behať*. Русский глагол *бежа́ть* употребляется также в значении ‚utekať, utiecť'; здесь в одной форме объединены оба видовых значения, ср. *Враг бежи́т* (несов.) и *Он бежа́л из пле́на* (сов.) ‚utiekol'. В переносном значении и в фразеологически связанных сочетаниях употребляется только глагол *бе́гать* (несов.), ср. *У него́ глаза́ бе́гают*, т. е. «перебегают с места на место» (чеш. ‚těká

[1] Такого же мнения придерживается и А. Гофман (ср. A. Hofman: Význam a používání tvaru sloves pohybu s předponou *po-*. Ruský jazyk 7, 1957, 127/32). В пособии «Современный русский язык» (М. 1957, 334) глаголы *броди́ть и сажа́ть* больше не приводятся в списке глаголов перемещения.

očima'); *У него́ мура́шки по спине́ бе́гают* ‚mráz mu beháˊ po chrbte'. Здесь глагол *бежа́ть*, обозначающий однонаправленное действие, был бы вполне неуместным. Ср., однако, в однократном значении: *У него́ мура́шки по спине́ пробежа́ли.*

везти́ — вози́ть. В своём основном значении («перемещать при помощи разных средств сообщения») эти глаголы полностью соответствуют слвц. паре *viezť — voziť*. В тех фразеологизмах, в которых глаголы *везти́* или *вози́ть* утрачивают эту свою семантику, появляются омонимы, ср. *Мне везёт* ‚mám šťastie', прош/вр *Мне повезло́* (сов.) или *Мне везло́* (несов.); никак нельзя сказать «Мне во́зит». С другой стороны, возвратная форма *вози́ться* в значении ‚hrať sa; pobiehať; babrať sa' не имеет соответствия в другой серии: нет глагола «везти́сь».

Словацкий глагол *viezť sa — voziť sa* обозначает «ехать — ездить», заменяя, таким образом, в ряде случаев утраченный в словацком языке старый славянский глагол *ěchati — ězditi* с этим значением.

вести́ — води́ть. В прямом значении эти глаголы совпадают с словацкими глаголами *viesť — voditˊ*. В переносных значениях выступают только непарные глаголы: с одной стороны, в сочетаниях *вести́ перегово́ры (перепи́ску, вести́ большу́ю рабо́ту, вести́ заня́тия, вести́ жизнь)*, а также *вести́ себя́ (хорошо́, пло́хо)* ‚správať sa', с другой стороны — *води́ть кого-л. за́ нос, води́ть каранда́шом по бума́ге* (ср. *провести́ каранда́шом по бума́ге*), *води́ть дру́жбу с кем-л.* и. т. п. Аналогично в словацком языке: *viesť veselý život, viesť denník, viesť krúžok (schôdzku), viesť výpravu (delegáciu)*; *naše mužstvo vedie; viesť domácnosť*. В приведённых сочетаниях нельзя употребить глагол *voditˊ*. Но: *voditˊ niekoho za nos.*

Возвратные глаголы *вести́сь — води́ться* остаются соотнесёнными и в переносном значении «иметь обыкновение», ср. *Так ведётся и́здавна* ‚tak je oddávna zvykom' — *Как во́дится* ‚ako to býva zvykom'. В других значениях выступает омоним *води́ться*: *В леса́х во́дятся медве́ди*; *он во́дится с подозри́тельными людьми́* ‚stýkať sa'; *За ним э́то во́дится* ‚to má vo zvyku, stáva sa mu to'.

гнать — гоня́ть. В русском языке эти глаголы выражают одно и то же действие в двух оттенках, связанных с характером действия: *гнать ста́до к водопо́ю — гоня́ть ста́до к водопо́ю* (т. е. туда и обратно). Словацкие глаголы *hnať* и *honiť* не выражают оттенков, связанных с однонаправленным/ненаправленным характером действия. Если исключить значения, свойственные только одному из этих глаголов (напр. *voda ženie mlyn*; *honiť zajace* «охо́титься на зайцев»), то окажется, что глаголы *hnať* и *honiť* отличаются друг от друга только тонкими лексическими оттенками значения.

Глагол *hnať*, как и всякий другой глагол несовершенного вида, может выражать настоящее узуальное; поэтому русский глагол *гоня́ть* в предложении *Пасту́х (ка́ждый день) гоня́ет ста́до к водопо́ю* может быть передан словацким глаголом *hnať*, ср. *Pastier každý deň ženie stádo k potoku.*

Лексикализация глаголов *hnať* и *honiť* лишний раз подтверждает непродуктивность разряда парных глаголов перемещения в славянских языках.

гна́ться — гоня́ться. Эти глаголы чётко соотнесены в русском языке, ср. *он гна́лся за мной — он гоня́лся за мной*. В словацком языке этим глаголам соответствуют непарные глаголы *hnať sa* или *naháňať niekoho*.

е́хать — е́здить. Этот глагол в современном русском языке обозначает всякое передвижение при помощи средств сообщения: *е́хать верхо́м, е́хать на велосипе́де, е́хать по́ездом, на саня́х, на маши́не, на парохо́де* (но, конечно, не на самолёте!). Первоначально этот глагол обозначал преимущественно верховую езду и передвижение по воде (Срезневский, Материалы III, 1624). Сохранившиеся в словацком языке глаголы *jachať (jachám)* и *jazdiť*, а также существительное *jazda* «1. верховая езда; 2. езда вообще» сохранили именно это первоначальное значение «ехать — ездить верхом на лошади». В значении «ехать — ездить» словацкий язык обычно употребляет глаголы *ísť — chodiť*, ср. *ísť vlakom, ísť na bicykli, chodiť do Prahy vlakom*. Таким образом, в словацком, как и во многих других языках, принципиально не различаются способы «пешего передвижения» и все остальные, ср. франц. *aller* «идти, ехать», англ. *to go* «идти, ехать» и т. п. В чешском языке сохранились глаголы *jet — jezdit*, точно соответствующие русским глаголам *е́хать — е́здить*. Чешский глагол *jechat* лексикализировался в значении «поспешно ехать или идти».

Русские глаголы *е́хать — е́здить* обычно употребляются для обозначения перемещения лиц при помощи разных средств транспорта: *я е́ду на саня́х (на маши́не, в по́езде), я е́зжу верхо́м, я е́зжу на парохо́де* и т. п. Реже эти глаголы употребляются для обозначения движения самих средств транспорта, ср. *По́езд е́дет ме́дленно*; *Вдали́ е́хала теле́га*; *Поезда́ е́здят без опозда́ний*. Чаще в этом втором значении употребляется пара *идти́ — ходи́ть*, ср. *По́езд идёт с большо́й ско́ростью*; *Парохо́д идёт вверх по тече́нию* (но не «е́дет»!); *Маши́на шла мя́гко*. Ср. слвц. *Vlak ide rýchle*; *Vlaky chodia pravidelne*.

Русские парные глаголы *е́хать — е́здить* по своему значению в ряде случаев соответствуют словацким парным глаголам *viezť sa — voziť sa (vlakom, vozom, autom)* и *niesť sa — nosiť sa (na koni)*. Глагол *cestovať* совмещает значения глаголов *е́хать* и *е́здить*, ср. *Zajtra cestujem do Bratislavy* «завтра я е́ду в Бр.» — *Každý deň cestujem do Br.* «я ежедне́вно е́зжу в Бр.».

Принципиальное различение «пешего» способа передвижения от всех остальных приводит в русском языке к дифференциации значений, не всегда чётко различаемых в словацком (разговорном) языке. Ср.:

Я *принёс* тебе́ кни́гу (причём я шёл пешко́м);
Я *привёз* тебе́ пода́рок из Москвы́ (из Москвы́ я е́хал);
Я *привёл* тебе́ това́рища (причём мы о́ба шли);
Я *привёз* тебе́ това́рища (причём мы о́ба е́хали).

Случаи переносного употребления этих глаголов немногочисленны: *е́здить па́льцем по ка́рте.*

идти́ — ходи́ть. Эти глаголы обозначают, в первую очередь, «ходьбу», но употребляются также для обозначения перемещения разных средств транспорта, ср. *По́езд идёт; Маши́на шла с большо́й ско́ростью.*

Непарный глагол *идти́* употребляется в целом ряде самых разнообразных переносных значений, ср. *Часы́ иду́т; Дождь идёт* ‚prší'; *Снег идёт* ‚sneží'; *Град идёт* ‚krúpy padajú'; *Дым идёт из трубы́* ‚dymí sa'; *Кровь идёт и́з носу* ‚krv tečie'; *Идти́ к це́ли; Идти́ на компроми́ссы; На костю́м идёт три ме́тра матери́и* и т. п.

Непарный глагол *ходи́ть* употребляется в таких сочетаниях, как *ходи́ть за больны́м* ‚ošetrovať chorého', *хо́дят слу́хи* ‚kolujú chýry' и т. п.

кати́ть — ката́ть. Строго говоря, здесь следует различать два глагола: *кати́ть* I — *ката́ть* I *(мяч, о́бруч)* ‚kotúľať' и *кати́ть* II *(та́чку)* ‚vliecť', tlačiť', *ката́ть* II *(кого-л. на маши́не)* ‚voziť niekoho pre zábavu'. Большой русско-чешский словарь приводит эти глаголы в качестве омонимов (II 30-31).

Разный характер действия проявляется только у *кати́ть* I — *ката́ть* I ср. *кати́ть ша́рик по́ полу* (в одном направлении) — *ката́ть ша́рик по́ полу* (»sem a tam«). Глаголы *кати́ть* II и *ката́ть* II больше нельзя считать соотнесёнными, т. к. каждый из них по-разному квалифицирует данный способ передвижения. Глаголы *кати́ть* II и *ката́ть* II могут употребляться также в непереходном значении; но и здесь соотнесённость между ними утрачена, ср. *кати́ть на мотоци́кле* ‚uháňať' и *ката́ть по Евро́пе* ‚voziť sa, cestovať po Európe'.

кати́ться — ката́ться. Эти глаголы составляют пару только в значении, соответствующем *кати́ть* I и *ката́ть* I, ср. *мяч ка́тится под стол — мя́ч ката́ется по́ полу* ‚kotúľa sa'. В других значениях глагол *ката́ться* полностью отщепился от глагола *кати́ться*, ср. *ката́ться на ло́дке* ‚člnkovať sa'; *ката́ться на конька́х* ‚korčuľovať sa'; *ката́ться на велосипе́де* ‚bicyklovať sa'; *ката́ться на маши́не* ‚voziť sa (pre zábavu)'; *ката́ться верхо́м* ‚jazdiť (pre zábavu)'; *ката́ться на лы́жах* ‚lyžovať sa'; *ката́ться на са́нках* ‚sánkovať sa'. Все эти глаголы обозначают разные способы передвижения, но с отчётливым оттенком «для удовольствия». Такого оттенка нет у глагола *кати́ться*. ср. *По доро́ге кати́лись та́нки* ‚valili sa'; *Во́лны ка́тятся* ‚valia sa'; *Гул мото́ров кати́лся по не́бу и по земле́* (БРЧС); *Пот кати́лся стру́йками* ‚pot tiekol cícerkom'; *По лицу́ кати́лись слёзы;* вульгарное *Кати́сь к чертовой ма́тери!* ‚choď do čerta!' и т. п.

лезть — ла́зить. (*ла́жу, ла́зит* и простореч. *ла́зию, ла́зиет*). Эти глаголы почти больше не соотнесены между собой. Глаголы *лезть (на де́рево, в окно́, на скалу́)* и *ла́зить* (в тех же сочетаниях) можно ещё считать парными; но в переносном смысле *гвоздь не ле́зет в сте́ну, сапо́г не ле́зет на́ ногу, шу́ба на него́ не ле́зет, по́яс всё вре́мя лез под мы́шки, лезть в дра́ку, лезть в чужи́е дела́, лезть в ко́мнату без спро́са* и т. п. морфологически

соответствующий глагол *ла́зить* не может быть употреблён. Кроме формы *ла́зить* существует также форма *ла́вать*.

Словацкие глаголы *liezť* и *lozit/laziť* могут считаться соотнесёнными только в значении «ползти́ — по́лзать». В остальных значениях (напр. *liezť/loziť po rebríku*) это соотношение уже нечёткое.

В переносном значении: *Во́лосы ле́зут* ‚vlasy (mi) lezú'.

лете́ть — лета́ть. Эти глаголы в обоих языках представляют чётко соотнесённую пару, ср. *Пти́цы летя́т на юг — Пти́цы лета́ют ни́зко.* Но стоит только прибегнуть к образному сравнению, как эта соотнесённость утрачивается: можно сказать *Вре́мя лети́т; Ко́ни летя́ть; По́езд лете́л как стрела́*, но, конечно, нельзя сказать «время лета́ет» или «ко́ни лета́ют», как нельзя сказать »čas lieta«. Приведённые примеры красноречиво свидетельствуют о том, что переносные значения (а с ними и фразеологизмы) возникают в процессе решения актуальных, конкретных ситуаций.

нести́ — носи́ть. Эти глаголы в обоих языках отчётливо соотнесены по характеру действия, ср. *нести́ чемода́н — носи́ть чемода́н.* Однако в переносных значениях выступает только непарный глагол: *носи́ть костю́м* ‚nosiť oblek', *носи́ть и́мя, носи́ть хара́ктер чего-л.* ‚mať ráz niečoho', с одной стороны, и *ку́ры несу́т я́йца, нести́ ответственность, нести́ после́дствия* — с другой.

Возвратный глагол *нести́сь* (о курах) остаётся без соответствующего парного глагола.

нести́сь — носи́ться. Эту пару глаголов нельзя считать просто возвратной формой глаголов *нести́ — носи́ть*, т. к. этими глаголами выражается совершенно другой способ перемещения, ср. слвц. ‚hnať sa, uháňať'. *По у́лице не́сся вса́дник — По у́лицам носи́лись вса́дники.* Этот глагол по своей семантике близко подходит к глаголу *мча́ться*, не различающему, однако, оба характера действия. Словацкий глагол *niesť sa — nosiť sa* обозначает, как уже было сказано, «е́хать — е́здить верхо́м». Ср. также *niesť sa/nosiť sa ako páv.*

плыть — пла́вать. Этим глаголам, соотнесённым в русском языке по признаку характера действия, в словацком языке соответствует глагол *plávať.* Встречающийся в литературе глагол *pluť* (ср. чеш. *plouti*) является архаизмом и не соответствует русскому *плыть.*

тащи́ть — таска́ть. Этот глагол, относящийся к экспрессивной лексике, сохраняет свою соотнесённость, ср. *Он та́щит тяжёлый мешо́к* (vlečie) — *Он таска́ет тяжёлые мешки́* (vláči). Парность сохраняется и в некоторых переносных значениях, ср. *тащи́ть — таска́ть* в значении «ворова́ть, kradnúť».

В словацком языке глагольная пара *vliecť* и *vláčiť* сохранила до известной степени значения разных характеров действия.

тащи́ться — таска́ться. Эти глаголы утрачивают в современном языке свою взаимосоотнесённость. В словаре Ушакова *тащи́ться* ‚vliecť sa' толкуется как «идти, передвигаться с трудом» (IV 659), а глагол *таска́ться*

‚potĺkať sa' как «ходить куда-нибудь или где-нибудь» (IV 657). Оттенок «с трудом», по-видимому, отсутствует у глагола *таскáться*.

Среди простых бесприставочных глаголов перемещения следует различать непереходные и переходные глаголы.

К непереходным глаголам относятся: *бежáть — бéгать, гнáться — гоня́ться, éхать — éздить, идти́ — ходи́ть, лезть — лáзить, лете́ть — летáть, нести́сь — носи́ться, плыть — плáвать, ползти́ — ползáть, тащи́ться — таскáться.*

К переходным глаголам относятся: *везти́ — вози́ть, вести́ — води́ть, гнать — гоня́ть (стáдо), кати́ть — катáть (бóчку), нести́ — носи́ть, тащи́ть — таскáть.*

Глаголы *кати́ть — катáть* и *гнать — гоня́ть* могут употребляться и в непереходном значении (см. выше).

Возвратные формы образуются (причём крайне редко) только от некоторых глаголов, ср. *Песóк вóзится на тáчках*; *Корáбль ведётся опытным капитáном* (Ушаков); *Мне сегóдня легкó бéгается (плáвается, идётся)*. Безлично-возвратные конструкции типа слвц. *Dnes sa ide na výlet* в русском языке неизвестны.

Совершаемостные значения однонаправленных глаголов с приставкой *по-* (Тип *пойти́*)

От глаголов однонаправленного характера действия образуются перфективные глаголы с приставкой *по-*, не имеющие ни в словацком, ни в чешском прямого соответствия. В сопоставительном плане целесообразно будет проанализировать основные формы таких глаголов в отдельности.

1. Прошедшее время.

а) В прошедшем времени формы типа *пошёл* обычно выражают начинательную совершаемость, ср. *Он встал и пошёл к вы́ходу* ‚Vstal a *zamieril* k východu'. В словацком и чешском языках этот начинательный оттенок трудно передать. Иногда начинательное значение, связанное в русском языке с временны́м представлением о начале действия, в словацком и чешском приходится передавать другими совершаемостями, связанными с представлением об исходной точке действия в пространстве или о начальном фазисе действия, ср.:

Начинательное значение	Другие совершаемостные значения
Пти́цы полет'ли на юг.	Vtáci *od*leteli na juh.
Ма́льчик вскочи́л и побежа́л.	... a *roz*behol sa.

Особенно затруднительно передать в словацком (чешском) формы прошедшего времени от переходных однонаправленных глаголов с приставкой *по-*, ср.:

Мать взялá сы́на зá руку и повелá егó в дом.	Matka chytila syna za ruku a šla s ním do domu.
Он взял чемодáн и понёс егó к вы́ходу.	Vzal kufor a *šiel s ním* k východu.
Он потащи́л мешóк к вóзу.	Chytil vrece a *vliekol ho* k vozu.

б) Форма прошедшего времени некоторых непереходных глаголов перемещения *(пошёл, поéхал, полетéл)* лишается в определённых контекстах значения начинательности и приобретает несколько иное значение, ср. *Егó нет дóма*; *он пошёл в гóрод*. В словацком языке в аналогичных случаях можно употребить формы *odišiel* или *šiel (do mesta)*. Это означает, что слвц. форма *šiel* (чеш. *šel*) употребляется не только в имперфективном, но и в перфективном значении, ср.:

Stretol som ho, keď som *šiel* do mesta (нс/в).

Otec nie je doma; *šiel* do mesta (с/в)[1].

В русском языке видовое значение глагольных форм строго дифференцировано, ср.:

Я егó встрéтил, когдá шёл в гóрод (нс/в).

Отцá нет дóма; *он пошёл в гóрод* (с/в).

В результативном значении употребляются также формы *поéхал* и *полетéл*, ср. *Он вчерá поéхал (полетéл) в Москвý*.

2. Будущее время.

а) Будущее простое. Формы перфективного презенса типа *я понесý*, *я повезý*, *я поведý*, *я потащý*, образованные от переходных глаголов перемещения, в русском языке часто употребляются в значении будущего. Эти формы относятся в русском языке к совершенному виду, в то время как соответствующие словацкие (и чешские) формы *ponesiem (ponesu)*, *poveziem (povezu)*, *poletím* являются формами будущего времени несовершенного вида.[2]

---

[1] Slovník slovenského jazyka указывает, что формы глагола *ísť* могут в прош/вр иметь значение совершенного вида (I 619).

[2] Следует отметить, что от глагола *ísť* (чеш. *jíti*) не образуется форма прош/вр с приставкой *po-*. Чеш. *pošel* утратило семантическую связь с глаголами перемещения, ср. *pes pošel* «собака околела».

б) Будущее описательное. В русском языке существуют формы описательного будущего от однонаправленных глаголов типа *идти́*, напр. *я бу́ду идти́*, *я бу́ду е́хать*, *я бу́ду нести́*. В словацком и чешском языке формы типа «budem ísť» («budu jít») не образуются[1] (ср., однако, *budem niesť*).

Формы типа *я бу́ду идти́* употребляются в том случае, если имеется в виду процесс протекания однонаправленного движения, перенесённый в будущее, ср. *В первома́йском ше́ствии мы бу́дем идти́ в пе́рвых рядах*; *за на́ми бу́дет е́хать грузови́к*; *Ва́ня бу́дет нести́ зна́мя* („ponesie zástavu").

Таким образом, для выражения будущего времени в русском языке имеются в основном три между собой «конкурирующие» формы: 1. *я пойду́* (с оттенком начинательности); 2. *я схожу́* (с оттенком однократности) и 3. *я бу́ду идти́*. Отдельные семантические оттенки этих форм могут быть переданы на словацком языке лучше всего лексическими средствами, ср.:

За́втра я *пойду́ в* шко́лу.	Zajtra *pôjdem* do školy.
За́втра я *схожу́* в шко́лу.	Zajtra *si zájdem* do školy.
Мы мо́жем встре́титься,	Môžeme sa stretnúť,
когда́ я *бу́ду идти́* в шко́лу.	keď *budem na ceste* do školy.

Глагольные формы типа *я бу́ду нести́*, *я бу́ду везти́*, *я бу́ду вести́*, *я бу́ду тащи́ть* соответствуют, как уже было сказано, словацким имперфективным формам типа *ponesiem*, *poveziem*, *povediem*, *povlečiem*, а также *budem niesť*, *budem viesť*, *budem vliecť*.

3. Инфинитивные формы типа *пое́хать*, *побежа́ть*, *попла́ть полете́ть* сохраняют в большей или меньшей мере оттенок начинательности. Так как в словацком или чешском языке инфинитивные формы с приставкой *по-* отсутствуют, то приходится передавать русские перфективные инфинитивы другими средствами, ср.:

Я хоте́л *пое́хать* на трамва́е, но разду́мал и *пошёл* пешко́м. — Chcel som *ísť* električkou, ale rozmyslel som si to a *šiel* som pešky.

Мне хо́чется *пое́хать* в Москву́. — Chcel by som *ísť* do Moskvy.

---

[1] Ср. K. Horálek: Slovesné tvary typu *ponesu*, *poletím*. Naše řeč 38 (1955), 21/24. — J. Ružička: Ako sa vyjadrujú budúce deje, Slovenská reč 24 (1959), 5, 281/84.

Он хоте́л *побежа́ть*, но почу́вствовал, что си́лы ему́ начина́ют измени́ть. — Chcel *bežať*, ale...

Он хоте́л *плы́ть* к бе́регу, но тече́ние его́ отнесло́. — Chcel *plávať* k brehu, ale...

С формами типа *пое́хать*, *побежа́ть*, *полете́ть* «конкурируют» однократные образования типа *съе́здить*, *сбе́гать*, *слета́ть*, ср.:

Мне хо́чется *съе́здить (слета́ть)* в Москву́. — Chcel by som *zájsť (zaletieť)* do Moskvy.

Ты бы мог *сбе́гать* за папиро́сами. — Mohol by si *zabehnúť (skočiť)* pre cigarety.

Инфинитивная форма *пойти́* почти утратила значение начинательности, но сохраняет оттенок результативности. Употребление этой формы представляет для словаков и чехов известные трудности. Постараемся передать специфические значения форм *пойти́*, *сходи́ть* и *идти́*, прибегая к парафразам:

Я хочу́ *идти́* в теа́тр че́рез парк. — Chcem *ísť* do divadla cez park.

В суббо́ту я хочу́ *пойти́* в теа́тр. — Chcem v sobotu *navštíviť* divadlo.

Когда́ я буду в Пра́ге, я хочу́ *сходи́ть* в теа́тр. — Keď budem v Prahe, chcem si *zájsť* do divadla.

Словацкие инфинитивные формы с *po-* имеют ограничительное значение: Mohol by si mi trochu *poniesť* kufor!

Образование совершаемостей от ненаправленных глаголов перемещения

Как было показано в предыдущем параграфе, от однонаправленных глаголов перемещения (серия *идти́*) образуются лишь две совершаемости: начинательная *(я поплыву́)* и результативная, причём в ряде случаев грань между ними стирается (ср. *я пойду́*). От ненаправленных глаголов перемещения (серия *ходи́ть*) образуется ряд других совершаемостей.

От глаголов *ходи́ть* и *е́здить* образуются не только многократные глаголы типа *ха́живать*, *езжа́ть*, но и имперфективные глаголы с такими совершаемостными оттенками, которые вне группы глаголов перемещения, по-видимому, не встречаются,

ср. *поха́живать* (аналогично слвц. *poletovať*); *расха́живать*, *разъезжа́ть*; *проха́живаться*.[1]

От глаголов серии *ходи́ть* свободно образуются многочисленные совершаемости совершенного вида:

начинательная: *забе́гать*, *заходи́ть* ‚začať chodiť‘;

ограничительная: *побе́гать*, *пое́здить*, *поноси́ть*, *походи́ть* и т. п.;

пердуративная: *пробе́гать*, *прое́здить*, *проходи́ть* (це́лый час);

эволютивная: *разбе́гаться*, *расходи́ться*;

тотально-объектная: *исходи́ть*, *изъе́здить*; *вы́ходить*;

сатуративная: *набе́гаться*, *нае́здиться*, *находи́ться* (вдо́воль);

однократная: *сбе́гать*, *съе́здить*, *сходи́ть* (в го́род).

С точки зрения теории совершаемостей очень важно, что приставки в приведённых примерах, сообщая исходным глаголам разные совершаемостные значения, никак не влияют на характер действия этих глаголов. Этот факт с полной отчётливостью вытекает хотя бы из сопоставления таких глаголов, как *побежа́ть* ‚pustiť sa behom‘ и *забе́гать* ‚začať behať‘; оба глагола выражают начинательную совершаемость. Глагол *побежа́ть* остаётся однонаправленным (ср. *Он встал и побежа́л мне навстре́чу*), а глагол *забе́гать* сохраняет свой ненаправленный характер действия (ср. *Он забе́гал по ко́мнате*). Связь совершаемостей этих глаголов с семантикой исходного глагола перемещения настолько тесна, что совершаемости этих глаголов употребляются исключительно только в прямом значении, не допуская никаких «переносов»: глаголы с/в *заходи́ть* (‚začať chodiť‘), *походи́ть (по ко́мнате)*, *проходи́ть (всю ночь)*, *находи́ться (вдо́воль)*, *сходи́ть (в го́род)* являются лишь разными модификациями основного глагола *ходи́ть*, обозначающего способ «перемещения пешко́м».[2]

Об образовании однократной совершаемости от ненаправленных глаголов (серии *ходи́ть*) подробно говорилось в другом

[1] Многократные глаголы от остальных ненаправленных глаголов перемещения в литературном языке редко употребляются; в словаре Даля, однако, отмечены следующие многократные глаголы: *бе́гивать*, *ва́живать* (к *води́ть* и *вози́ть*), *га́нивать* (к *гоня́ть*), *е́живать*, *ка́тывать*, *ла́зывать*, *ле́тывать*, *на́шивать*, *па́лзывать*, *та́скивать*.

[2] Даже в таком употреблении, как *Во́лны заходи́ли*, основное значение глагола *ходи́ть* не утрачивается, т. к. само выражение *Во́лны хо́дят* сохраняет связь с первичным значением этого глагола.

месте (см. стр. 270). Напомним, что глаголы с/в типа *сходи́ть (в го́род)* ‚zájsť si', а также *съе́здить*, *сбе́гать*, *слета́ть*, *своди́ть* обозначают совокупность двух фазисов перемещения: «туда и обратно». В приказании *Сходи́ в апте́ку* содержится не только призыв к покрытию пути до указанной цели, но и эксплицитный призыв к возвращению. Форму *Я съе́здил в Москву́*, *Я слета́л в Москву́* может употребить только лицо, в данный момент не находящееся в самой Москве.

Совершаемостные глаголы с/в типа *сходи́ть (в го́род)* или *заходи́ть* ‚začať chodiť' следует строго отличать от омонимических глаголов нс/в типа *сходи́ть (с ле́стницы)* или *заходи́ть (к знако́мым)*.

Особые случаи употребления ненаправленных глаголов (Тип *Я ходи́л в го́род*)

Формы прошедшего времени глаголов серии *ходи́ть* могут обозначать в русском языке движение в двух направлениях, т. е. «туда и обратно». Такое значение, приводимое в толковых словарях[1], не противоречит общему значению ненаправленных глаголов, выражающих «отсутствие сигнализации направленности перемещения».

В предложении *Я сего́дня ходи́л в го́род* форма *ходи́л* по своему значению очень близко подходит к форме *сходи́л* (см. предыдущий параграф). Форма *ходи́л* имеет сложную семантику: она сообщает, (1) что субъект действия проделал пешком дорогу в город и (2) что он вернулся. Однако между формами *сходи́л (в го́род)* и *ходи́л (в го́род)* имеется разница, вытекающая из видового значения этих двух глаголов. Форма *сходи́л* эксплицитно представляет действие как однократное перемещение «в двух направлениях», между тем как форма *ходи́л*, обозначая то же действие, ничего не говорит о его «однократности». Мы имеем здесь дело со случаем своеобразной «конкуренции видов», аналогичной с такими случаями, как *Этот дом постро́ил/стро́ил тала́нтливый архите́ктор* (см. отдел о «Конкуренции видов» на стр. 438).

---

[1] Напр., в словаре Ушакова, в четырёхтомном Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой (ср. заглавные слова *бе́гать*, *води́ть*, *вози́ть* и т. п.).

В словацком и чешском соответствующие формы *chodil som (chodil jsem)* не могут иметь такого значения. Для передачи сложной семантики русской формы типа *ходи́л* в данном употреблении можно использовать форму глагола *byť*, который функционирует в качестве «заменителя» глагола перемещения[1], ср. Dnes som bol v meste. Ср. также:

На про́шлой неде́ле я е́здил в Пра́гу. ... *bol* som v Prahe.
Сего́дня у́тром я ходи́л за поку́пками. ... *bol* som nakupovať.
Я сего́дня ходи́л купа́ться. ... *bol* som sa kúpať.
Неда́вно мы с бра́том лета́ли в Москву ... *boli* sme lietadlom...

В словацком языке глаголы типа *ísť* могут сохранять значение однонаправленного характера действия и в том случае, если имеется в виду повторяющееся (узуальное) движение в одном направлении, ср. »Ak nepršalo, otec išiel každý deň, vediic ma za ruku, k jej hrobu« (Šoltésová). По-русски в данном случае употребляется ненаправленный глагол: «Если не́ было дождя́, то оте́ц ходи́л ка́ждый день на её моги́лу...»

Словообразовательные и видообразовательные приёмы глаголов перемещения

А. Исходным глаголом видовой пары является однонаправленный глагол серии *нести́*

Выше уже указывалось, что разница между глаголами типа *нести́* и *носи́ть* не сводится к разнице видового значения этих глаголов, т. к. глаголы обеих серий относятся к несовершенному виду. Семантическое противопоставление, лежащее в основе противопоставления *нести́: носи́ть*, связано с однонаправленным/ненаправленным характером действия этих глаголов.

Мы знаем, что присоединение приставки к любому глаголу несовершенного вида, т. е. та или иная его детерминация, влечёт за собой перфективацию данного глагола, его переход в совершенный вид. Однако у глаголов типа *приноси́ть* это общее правило как будто нарушается. По словам Акад. грамматики, гла-

[1] Глагол *быть* употребляется и в русском языке в качестве «заменителя» глагола перемещения, но только в будущем времени, ср. у Пушкина «Все фла́ги в го́сти бу́дут к нам» (Медный всадник), где *бу́дут* по своему значению приближается к «прибу́дут, придут, прие́дут».

голы типа *носи́ть*, соединяясь с приставкой, «могут сохранить значение несовершенного вида» (I 461). Таким образом возникают видовые пары типа *принести́//приноси́ть*. Такое исключение из общего правила о «перфективации» простых глаголов нс/в с помощью приставки представляется нам маловероятным. Но прежде чем перейти к разбору имеющихся здесь видо- и словообразовательных соотношений, обратимся к конкретному материалу.

С формальной точки зрения в русском языке следует различать два типа префиксального слово- и видообразования от основ глаголов перемещения.

А. У девяти глаголов перемещения основа вторичного несовершенного вида приставочных образований не совпадает по форме с глаголами ненаправленного характера действия. Этими глаголами являются: *бежа́ть*, *е́хать*, *кати́ть*, *кати́ться*, *лезть*, *плыть*, *ползти́*, *тащи́ть*, *тащи́ться*.

Возьмём пример: от однонаправленного глагола *тащи́ть* ‚vlieć' образуется при помощи приставки *при-* новый глагол типа *при-тащи́ть*. Этот приставочный глагол имеет значение совершенного вида. Являясь самостоятельной лексической единицей, глагол *притащи́ть* ‚privlieć' нуждается в имперфективном соответствии, т. е. в глаголе несовершенного вида с тем же лексическим значением. К глаголу *притащи́ть* (с/в) образуется вторичный имперфективный глагол *прита́скивать* согласно правилам, изложенным на стр. 181—201. Необходимо подчеркнуть, что глагол *прита́скивать* (или, соответственно, слвц. *privliekať*) не образован непосредственно от глагола *та́скивать* (слвц. **vliekať*), а является суффиксальным секундарным дериватом от глагола *притащи́ть* — *прита́ск-ив-ать*, слвц. *privliek-ať*. Схематически:

однонаправленный характер действия *тащи́ть* (несов.)		ненаправленный характер действия [*таска́ть* (несов.)]
↓ префиксация	суффикс	вторичная имперфективация
Новый глагол: *при-тащи́ть* (сов.)	→	*прита́ск-ив-ать* (несов.)

Приведём формы вторичного несовершенного вида для каждого из разбираемых приставочных глаголов в отдельности.

Оба глагола V класса — *тащи́ть* и *кати́ть* — образуют формы вторичного несовершенного вида посредством суффикса *-ыв-/-ив-* с переносом ударения и характерными чередованиями в основе, ср.:

притащи́ть//притаскивать (точно так же *в-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *про-*, *с-*, *у-*);
прикати́ть//прика́тывать (точно так же *в-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *о-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *под-*, *про-*, *рас-*, *с-*, *у-*).

От остальных глаголов этой группы формы вторичного несовершенного вида образуются посредством их перевода в I продуктивный класс с ударением на тематическом гласном *-а́-*, ср.:

убежа́ть//убега́ть (точно так же *в-*, *вз-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *о-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *под-*, *при-*, *про-*, *раз...ся*, *с-*);
влезть//влеза́ть (точно так же *вз-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *про-*, *раз...ся*, *с-*);
отплы́ть//отплыва́ть (точно так же *в-*, *вс-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *о-*, *пере-*, *под-*, *при-*, *про-*, *рас...ся*, *с-*, *у-*);
переползти́//переполза́ть (точно так же *в-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *от-*, *под-*, *при-*, *про-*, *рас...ся*, *с-*, *у-*).

Формы вторичного несовершенного вида от приставочных образований глагола *е́хать* исходят из основы *езжа́ть*, сохранившейся в просторечии (ср. *езжа́й*!):

прие́хать//приезжа́ть (точно так же *въ-*, *взъ-*, *до-*, *за-*, *на-*, *объ-*, *отъ-*, *пере-*, *подъ-*, *про-*, *съ-*, *у-*).[1]

Б. Несколько иное положение вещей наблюдается у остальных глаголов перемещения: *везти́* — *вози́ть*, *гнать* — *гоня́ть*, *гна́ться* — *гоня́ться*, *идти́* — *ходи́ть*, *лете́ть* — *лета́ть*, *нести́* — *носи́ть*, *нести́сь* — *носи́ться*. На первый взгляд можно подумать, что оба члена корреляции (*нести́* и *носи́ть*) участвуют в приёмах префиксации, т. е. что приставочный глагол типа *при-нести́* возник путём префиксации глагола *нести́*,

[1] Сюда же относятся возвратные образования типа *разъе́хаться//разъезжа́ться*, *съе́хаться//съезжа́ться*.

а соответствующий имперфективный глагол *при-носи́ть* — путём присоединения приставки *при-* непосредственно к глаголу *носи́ть*. На этой точке зрения стоит Академическая грамматика и большинство современных пособий по русскому языку. Если признать, что глаголы типа *приноси́ть* (нс/в) действительно «образуются» посредством присоединения приставки к глаголам типа *носи́ть*, то эти случаи придётся считать редчайшим исключением из общего правила, согласно которому любой глагол несовершенного вида перфективируется, принимая приставку. Ещё А. Мейе считал эти случаи исключением из общего правила, объясняя их тем, что глаголы типа *носи́ть* являются не просто имперфективными, а «итеративными» глаголами[1]. А. Мазон считал, что глаголы типа *приноси́ть* «остаются имперфективными, несмотря на присоединение приставки».[2] Эта формулировка неизменно повторяется вплоть до наших дней.

На самом деле приставочные образования несовершенного вида типа *приноси́ть* не являются результатом непосредственного присоединения приставки к глаголу типа *носи́ть*, а вторичными глаголами несовершенного вида к перфективным глаголам типа *принести́*. Они представляют, как убедительно показал Регнелль[3], результат аналогических образований. Форма *приноси́ть* образована к глаголу *принести́* на основании имеющегося соотношения *носи́ть* : *нести́*. Такое аналогическое образование можно представить в виде пропорции:

$$принести́ : x = нести́ : носи́ть$$
$$x = приноси́ть$$

В пользу такой трактовки приставочных глаголов типа *приноси́ть* говорят следующие соображения:

1. Приставочные глаголы нс/в группы А (напр. *притáскивать*, *приплывáть*) не образованы путём присоединения приставки *при-* к ненаправленным глаголам типа *таскáть*, *плáвать*; в русском языке нет глаголов типа «притаскáть» или «приплáвать». Глаголы типа *притáскивать*,

---

[1] A. Meillet: Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave I, Des aspects perfectif et imperfectif dans la traduction de l'Évangile en vieux slave, 1902, 46.

[2] A. Mazon: Morphologie des aspects du verbe russe, Paris 1908, 5.

[3] C. F. Regnéll: Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes. Lund 1944, 60/65.

приплыва́ть являются вторичными образованиями нс/в к глаголам *притащи́ть, приплы́ть*. На фоне этих фактов представляется вероятным, что и глаголы группы Б (тип *приноси́ть*) не образованы путём непосредственной префиксации ненаправленного члена *носи́ть*. Это доказывается, в первую очередь, отсутствием «перфективирующего действия» приставки. Если бы глагол типа *приноси́ть* был образован путём непосредственной префиксации простого глагола *носи́ть*, то он имел бы значение совершенного вида, как, например, глаголы *наноси́ть (дров), вы́носить (ребёнка), проноси́ть (пальто́ де́сять лет)* и т. п. Не может быть ни малейшего сомнения, что глаголы типа *наноси́ть (дров)* образованы непосредственно от ненаправленного члена *носи́ть* (о чём ниже). Фонетическое совпадение элемента *-носи́ть* в *приноси́ть* (нс/в) с простым глаголом *носи́ть* является исторической случайностью — случаем омоморфии. Мы знаем, что в русском языке существовали и (в диалектах) ещё существуют другие вторичные образования нс/в к глаголам типа *принести́*, ср. *приноша́ть* и *прина́шивать* (Даль), слвц. *prinášať*.

2. Сравнение с другими славянскими языками показывает, что глаголы нс/в, соответствующие русск. *приноси́ть*, образуются, как правило, не непосредственно от ненаправленного члена *носи́ть*, а являются вторичными суффиксальными образованиями, ср. чеш. *přinášeti*, польское устар. *przynoszywać*, словинское *prinašati*, сербохорв. *прина̏шати*, слвц. *prinášať*.

3. Там, где приставочные глаголы образованы непосредственно от ненаправленного члена, они имеют в славянских языках значение совершенного вида, ср. *доноси́ть (ребёнка)*, слвц. *donosiť dieťa* (с/в), *nanosiť vody* (с/в). Эти глаголы, не имеющие имперфективных соответствий, являются совершаемостными образованиями (о чём ниже).

Всё это приводит нас к заключению, что приёмы слово- и видообразования глаголов, приведённых в группе Б (тип *принести́//приноси́ть*), принципиально не отличаются от соответствующих приёмов у глаголов, приведённых в группе А (тип *притащи́ть//притаскивать*). Схематически эти отношения можно представить следующим образом:

однонаправленный характер действия *нести́* (несов.)		ненаправленный характер действия [*носи́ть* (несов.)]
↓ префиксация		
Новый глагол: *при-нести́* (сов.)	→	*приноси́ть* (несов.)
‚priniesť'		‚prinášať'

Внешнее (фонетическое) тождество элемента *-носи́ть* в *приноси́ть* и самостоятельного глагола *носи́ть* создаёт в современ-

ном языке лишь иллюзию непосредственно приставочного образования типа *носи́ть* → *при-носи́ть* (несов.). Таким образом «исключение» из общего правила о перфективации простых глаголов нс/в путём приставки, оказывается мнимым: все без исключения глаголы нс/в перфективируются, сочетаясь с приставкой.

Видовые пары приставочных глаголов группы Б образуются стандартно:

привезти́//привози́ть (точно так же *в-*, *вз-*, *воз-*, *до-*, *из-*, *на-*, *низ-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *под-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*);

разогна́ть//разгоня́ть (точно так же *во/в-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-*, *на-*, *обо/об-*, *ото-/от-*, *пере-*, *подо-/под-*, *при-*, *про-*, *со-/с-*, *у-*);

прийти́//приходи́ть (точно так же *войти́//входи́ть*, *дойти́*, *доходи́ть*, *снизойти́//снисходи́ть* и т.д.);

улете́ть//улета́ть (точно так же *в-*, *вз-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *под-*, *при-*, *про-*, *раз-...ся*, *с-*);

принести́//приноси́ть (точно так же *в-*, *вз-*, *воз-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *под-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*);

привести́//приводи́ть (точно так же *в-*, *вз-*, *воз-*, *вы-*, *за-*, *до-*, *на-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *под-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*).

Приводя в скобках перечень приставок, с которыми сочетаются глаголы перемещения, мы довольствуемся лишь формальным указанием на наиболее распространённые приставочные образования. В этом перечне не приводятся довольно многочисленные глаголы с двумя или даже с тремя приставочными морфемами типа *произвести́//производи́ть*, *воспроизвести́//воспроизводи́ть* ‚reprodukovať', *обзавести́сь//обзаводи́ться* (семьёй) ‚založiť'//zakladať si rodinu', *привнести́//привноси́ть*, *превзойти́//превосходи́ть*, *преподнести́//преподноси́ть*, *произойти́//происходи́ть* и т. п., а также возвратные образования типа *отнести́сь//относи́ться к кому-чему*, *пронести́сь//проноси́ться мимо чего-либо* и т. п. К тому же следует иметь в виду, что приставочные глаголы, образованные от глаголов перемещения, относятся к наиболее полисемичным (многозначным) глаголам наших языков; здесь нет возможности хотя бы мельком коснуться сложных вопросов, относящихся к семантической разветвлённости таких глаголов, как например *прийти́//приходи́ть* или *принести́//приноси́ть*.

Формальные средства образования вторичных глаголов несовершенного вида у этимологически тождественных глаголов

в наших языках значительно расходятся. Лишь у нескольких глаголов можно говорить о тождестве форм:

влезть//влеза́ть	*vliezť//vliezať*
переле́зть//перелеза́ть	*preliezť//preliezať*
доле́зть//долеза́ть	*doliezť//doliezať* и т. п.
залете́ть//залета́ть	*zaletieť//zalietať, zaletovať, zalietavať*
пролете́ть//пролета́ть	*preletieť//prelietať, preletovať, prelietavať*
налете́ть//налета́ть	*naletieť//nalietať* и т. п.

Особую группу составляют видовые пары типа *привести́//приводи́ть*, слвц. *priviesť//privádzať*. Вокалическому чередованию *e/o* в русском языке соответствует, как правило, вокалическое чередование *ie/á* в словацком языке. Но наряду с формами несовершенного вида типа *privádzať, prichádzať* в словацком языке встречаются также имперфективные формы типа *prichodiť* с вокализмом *-o-*, вполне соответствующие русским формам типа *приходи́ть*. Словацкие формы с вокализмом *-á-* можно считать во всех случаях вполне литературными. Формы с вокализмом *-o-* заимствованы, по-видимому, из среднесловацких говоров, но проникли также и в литературный язык (ср. *vlak prichádza/prichodí*). Ср. ещё:

Redaktori *prichodili, odchodili* ako duchovia (M. Urban).
»Ľud« *rychodil* ako predtým (там же).
... do bytu zhusta *prichodia* cudzí ľudia (там же).
Nachodia ho [starého Kúrňavu] potom po priekopách (там же).

Формы с вокализмом *-o-* образуются, однако, не от всех глаголов, ср.:

с/в **-e-**	нс/в **-o-**	с/в **-ie-**	нс/в **-á-**
привести́	приводи́ть	priviesť	privádzať
привезти́	привози́ть	priviezť	privážať
принести́	приноси́ть	priniesť	prinášať и т. п.

Параллельные формы нс/в встречаются у приставочных глаголов, образованных от пары *isť — chodiť:*

с/в	нс/в **-o-**	с/в	нс/в **-o-**	**-á-**
дойти́	*доходи́ть*	*dôjsť*	*dochodiť*	*dochádzať*
отойти́	*отходи́ть*	*odísť*	*odchodiť*	*odchádzať*
зайти́	*заходи́ть*	*zájsť*	*zachodiť*	*zachádzať*
войти́	*входи́ть*	*vojsť*	*vchodiť*	*vchádzať*
прийти́	*приходи́ть*	*prísť*	*prichodiť*	*prichádzať*
перейти́	*переходи́ть*	*prejsť*	*prechodiť*	*prechádzať* и т. п.

Русские глаголы типа *вбежа́ть — вбега́ть* не имеют в словацком языке морфологических соответствий. От однонаправленного глагола *bežať* приставочные глаголы вообще не образуются; имперфективный член глагольной пары может быть выражен в словацком языке многочисленными синонимичными образованиями:

с/в	нс/в	с/в	нс/в
вбежа́ть	*вбега́ть*	*vbehnúť*	*vbiehať, vbehovať*
добежа́ть	*добега́ть*	*dobehnúť*	*dobiehať*
			dobehúvať
			dobehávať
прибежа́ть	*прибега́ть*	*pribehnúť*	*pribiehať*
			pribehúvať
			pribehávať
			pribehovať и т. п.

Из приведённых примеров вытекает, что вторичные приставочные глаголы несовершенного вида типа *приходи́ть, прибега́ть* и т. п. в русском литературном языке образуются стандартно, между тем как в словацком языке в подобных случаях наблюдаются многочисленные колебания. Русские и словацкие формы типа *приходи́ть* или *prichodiť* (ср. польское *przychodzić*, стсл. *приходити*) следует считать лишь одним из возможных типов вторичных глаголов нс/в. Другой тип вторичных имперфективных образований представлен формами типа слвц. *prichádzať*, чеш. *přicházeti*, словин. *prihajati*, стсл. *прихаждати*. Этот древнейший тип испытывает в славянских языках влияние со стороны имперфективных образований разного типа. Так в русском языке, наряду с литературным типом *приходи́ть*, встречаются архаические и областные формы *прихожда́ть* и *прихаживать* (Даль III, 456). Наряду с литературной формой *приноси́ть* бытуют областные формы *приноша́ть* (ср. слвц. *prinášať*) и *прина́шивать* (там же, 430); наряду с литературным *приводи́ть* существует диалектное *прива́живать* (там же, 403). В польском языке современная форма *przynosić* вытеснила более древнюю *przynoszywać*.

В ряде случаев в русском языке имеются параллельные формы несовершенного вида, например:

сов.	несов.	
	-о-	-а-
привезти́	*привози́ть*	*прива́живать* (Уш.)
привести́	*приводи́ть*	*прива́живать* (Уш.)
перевезти́	*перевози́ть*	*прева́живать* (Уш.)
обойти́	*обходи́ть*	*обха́живать* (лу́жу)
обнести́	*обноси́ть*	*обна́шивать* (гостей)
перелете́ть	*перелета́ть*	*перелёты вать* (с ве́тки на ве́тку)
подползти́	*подполза́ть*	*подпа́лзывать* (Уш.) и т. п.

Некоторые из приведённых глаголов (напр. *прива́живать, прева́живать*) носят печать просторечия, другие (напр. *обха́живать, обна́шивать*)

являются просто дублетами форм типа *обходи́ть, обноси́ть*. В пособиях по русской грамматике этот тип глаголов обычно не приводится. В сопоставительном плане наличие вариантов вторичных имперфективных форм, образуемых от глаголов перемещения, приобретает особое значение. В словарях глаголы типа *обха́живать* излагаются весьма сбивчиво. Так, например, в словаре Ушакова глагол *обна́шивать* (II) считается «*несов. и многокр. к* обнести; то же, что обноси́ть», а морфологически совершенно тождественный глагол *обха́живать* снабжён пометой «*многокр. к* обходить».[1] Ни о каком особом «многократном» значении здесь, конечно, не может быть и речи. Форма *он обха́живает лу́жи* также «многократна» (или, если угодно, также «немногократна»), как форма *он обхо́дит лу́жи*. Соотношение между *обха́живать* и *обходи́ть* то же, что и между слвц. *prichádzať* и *prichodiť*; обе формы представляют лишь варианты одного и того же имперфективного видового значения. Русский литературный язык со своей старой традицией давно узаконил для литературно-книжного употребления формы с вокализмом *-о- (приходи́ть, обходи́ть)*, оставляя формы типа *обха́живать, обна́шивать, перелёты́вать, подпа́лывать* на самой периферии глагольной морфологии. Некоторые из них усваивают в переносном употреблении самостоятельные оттенки значения, ср. *обха́живать кого-л.* ‚snažiť sa získať niekoho' (при отсутствии такого значения у глагола *обходи́ть*). В словацком языке окончательный отбор пока ещё не произведён, хотя формы с вокализмом *-á-*, по-видимому, преобладают.

Б. Исходным глаголом видовой пары является ненаправленный глагол серии *носи́ть*

(Тип *обноси́ть//обна́шивать*)

Общая картина образования видовых пар от глаголов перемещения нарушается и осложняется многочисленными случаями, когда исходным глаголом является не однонаправленный глагол серии *нести́*, а ненаправленный глагол серии *носи́ть*. Мы уже знаем, что в ряде переносных значений исконная соотносительность характера действия нарушается. Так, например, в значении «иметь одетым что-л.» употребляется только глагол *носи́ть (костю́м, боти́нки)*; здесь глагол *носи́ть* оказывается изолированным, «непарным», т. к. в этом значении глагол *нести́* не употребляется. От этого непарного глагола *носи́ть (костю́м, боти́нки)* могут быть образованы приставочные гла-

[1] Также в Словаре русского языка (II, 1958): *обха́живать* многокр. (!) к *обходи́ть*[1].

голы типа *обноси́ть (костю́м)* ‚obnosiť'. Глагол *обноси́ть* является в таких случаях первичным приставочным образованием со значением совершенного вида. Его не следует смешивать с глаголом *обноси́ть* (нс/в), являющимся вторичным имперфективным образованием к глаголу *обнести́ (гостей вино́м)* ‚ponúknuť, rozniesť hosťom'. Глагол типа *обноси́ть (костю́м)* ‚obnosiť' имеет значение совершенного вида, как и всякий другой приставочный глагол, образованный путём префиксации от бесприставочного глагола несовершенного вида. Образуя новое лексическое значение, глагол *обноси́ть* (с/в) становится исходной формой для образования формы вторичного несовершенного вида типа *обна́шивать*. Возникновение таких глагольных пар можно схематически изобразить следующим образом:

[*нести́*] *носи́ть костю́м* (несов.)

↓

префиксация

↓

об-носи́ть (сов.) → *обна́шивать* (несов.)

Таким образом возникают новые видовые пары типа:

обноси́ть ‚obnosiť' — *обна́шивать*
заноси́ть ‚obnosiť, zodrať' — *зана́шивать*
доноси́ть ‚donosiť' — *дона́шивать*
разноси́ть ‚rozchodiť topánky' — *разна́шивать* и т. п.

В словацком языке, в отличие от русского, глаголы типа *donosiť* остаются одновидовыми, хотя глаголы этого типа потенциально допускают вторичные имперфективные образования типа *donášať (šaty po staršom bratovi)*.

Другой пример: в сочетании *ходи́ть за больны́м* ‚ošetrovať, starať sa o chorého' глагол *ходи́ть* не соотнесён с глаголом *идти́*. Это вполне понятно, т. к. в данном переносном значении общее значение «перемещения в пространстве» выветрилось: необходимость различать однонаправленный и ненаправленный характер действия аннулирована самим переносным значением глагола. От глагола *ходи́ть (за больны́м)* образуются первичные приставочные глаголы совершенного вида типа *вы́ходить больно́го*

‚ošetrovaním uzdraviť', svojou starostlivosťou uzdraviť chorého', *отходи́ть больно́го* «то же». К этим первичным перфективным глаголам *вы́ходить* и *отходи́ть* образуются вторичные имперфективные глаголы типа *выха́живать* и *отха́живать*.

Первичные приставочные глаголы совершенного вида образуются и от других (первоначально ненаправленных) глаголов типа *е́здить*, *ката́ть*, *лета́ть*, причём соответствующие глаголы однонаправленного характера действия *(е́хать, кати́ть, лете́ть)* остаются в стороне:

объе́здить[1] *(ло́шадь)* ‚zajazdiť koňa' — *объе́зживать*[1]
прое́здить (ло́шадь) ‚prehnať koňa' — *прое́зживать*
обката́ть (мото́р) ‚zabehať' — *обка́тывать*
облета́ть (самоле́т)[2] ‚zalietať' — *облётывать* и т. п.

Первичным приставочным образованием является также глагол *вы́носить (ребёнка)*, образованный непосредственно от глагола *носи́ть (ребёнка)*; в этом значении глагол *носи́ть* больше не соотнесён с глаголом *нести́*, т. к. различение однонаправленности/ненаправленности действия теряет здесь свой смысл. От глаголов, образованных непосредственно от простого глагола *носи́ть*, образуются следующие формы вторичного несовершенного вида:

вы́носить (ребёнка) ‚vynosiť dieťa' — *вына́шивать*
доноси́ть (ребёнка) ‚donosiť dieťa' — *дона́шивать*
недоноси́ть (ребёнка) ‚nedonosiť dieťa' — *недона́шивать*

По тому же принципу, т. е. непосредственно от ненаправленного члена корреляции, образованы и словацкие глаголы с/в: *zabehať sa (nová metóda sa zabehala)*, *vybehať si porolenie*, *vychodiť cestičku*, *rozchodiť topánky*, *vychodiť školu*, *vychodiť si miesto*, *vynosiť dieťa*, *donosiť šaty*, *donosiť dieťa*, *vyvoziť chodník pieskom* и т. п.

---

[1] Глагольная пара *объе́здить//объе́зживать (ло́шадь)* не имеет больше ничего общего с глагольной парой *объе́хать//объезжа́ть (я́му на доро́ге)* в значении ‚obísť//obchádzať'.

[2] Следует строго различать омонимы *облета́ть* (с/в) ‚zalietať' и *облета́ть* (нс/в) ‚oblietať'. В первом случае мы имеем дело с перфективным членом видовой пары *облета́ть//облётывать*, во втором случае — с имперфективным членом видовой пары *облете́ть//облета́ть (высо́кую го́ру на самоле́те)*.

Простые глаголы *behať*, *chodiť*, *voziť*, *nosiť*, от которых образованы приведённые приставочные образования, в данном случае больше не обозначают движения в пространстве в том специфическом значении, которое предполагает в наших языках противопоставление однонаправленности и ненаправленности движения. Поэтому к приведённым глаголам нет форм типа «vybežať» или «vybehnúť si povolenie», «vyjsť cestičku», «vyniesť dieťa» (т. е. «родить»).

Несколько обособлено стоят книжные новообразования типа *navodiť*, *odvodiť*, *privodiť*, *vyvodiť* в сочетаниях *navodiť bolesť* «вызвать боль», *odvodiť vzorec* «дедуцировать формулу», *privodiť výbuch* «вызвать взрыв», *privodiť si chorobu* «нажить себе болезнь», *vyvodiť ponaučenie* «извлечь урок» и т. п. Эти глаголы являются бесспорно кальками немецких и латинских глаголов типа *herbeiführen*, *herleiten*, *ableiten*, *deducere*. К ним образуются вторичные имперфективные глаголы типа *navodzovať*, *odvodzovať*, *privodzovať*, *vyvodzovať*. Ясно, что глагольные пары типа *vyvodiť*//*vyvodzovať* лежат в совершенно ином слово- и видообразовательном плане, чем глаголы типа *vyviesť*//*vyvodiť*, *vyvádzať*.

Изолированные случаи видообразования в системе глаголов перемещения

Приставочные образования от ненаправленных глаголов *катáть* и *таскáть* часто имеют дистрибутивное значение, ср. *вкатáть все бóчки в пóгреб*, *растаскáть казённое имýщество* ‚rozkradnúť' и т. п. Вторичные формы несовершенного вида от этих глаголов омонимичны с вторичными формами несовершенного вида глаголов типа *вкатúть* и *растащúть*, образованных от однонаправленных глаголов *катúть* и *тащúть*. Оба процесса видо- и формообразования следует принципиально различать:

катúть [*катáть*]	[*катúть*] *катáть*
↓	↓
в-катúть → *вкáтывать*	*в-катáть* → *вкáтывать*
(*бóчку* или *бóчки*)	(только *бóчки*)

Глаголы типа *раскатáть*//*раскáтывать* ‚rozvaľkať', *укатáть*//*укáтывать* ‚vyvalcovať' по своему значению больше не соотнесены с глаголом *катúть* ‚kotúľať'.

Особого внимания заслуживает глагол *проводúть* (с/в) ‚odprevadiť' и его приставочные дериваты. Этот глагол утратил семантическую связь с глаголом *водúть* и больше не соотнесён с глаголом *провестú*. О несоотнесённости с глаголом *viesť*

говорит и сама форма словацкого глагола *odprevadiť*. К глаголу *проводи́ть* в значении ‚odprevadiť' образуется вторичный имперфективный глагол *провожа́ть* ‚odprevádzať'. Возможность приставочных образований лишний раз подтверждает тот факт, что глагол *проводи́ть* (сов.) морфологически не разложим на приставку и основу и, следовательно, может служить исходной формой для дальнейших приставочных образований. Формы вторичного несовершенного вида представлены разными типами огласовки основы, ср.:

вы́проводить ‚vyprevadiť' — *выпрова́живать* (русский тип)
препроводи́ть (докуме́нт) ‚odoslať' — *препровожда́ть* (ц.-слав. тип)
сопроводи́ть ‚sprevádzať' — *сопровожда́ть* (ц.-слав. тип)

Наконец следует ещё упомянуть два глагола, исторически возникшие из приставочных глаголов перемещения, но семантически настолько обособленные, что их даже с формальной точки зрения нельзя больше относить к глаголам перемещения. Речь идёт о глаголах *походи́ть* (несов.) в значении «быть похожим» (ср. *Он походи́л на своего́ отца́*) и *поноси́ть* (несов.) в значении ‚hanobiť'. Связанность этих глаголов с глаголами перемещения *ходи́ть* и *носи́ть* в современном языке уже неуловима. Такими же обособившимися глаголами являются слвц. разг. *znosiť niekoho ako malého chlapca, zvoziť niekoho pri skúške* «срезать кого-л. на экзамене», *zvoziť previnilca*, чеш. *povozit někoho* «выругать». Эти глаголы только генетически связаны с приёмами слово- и видообразования глаголов перемещения в собственном смысле этого термина.

Утрата корреляции характера действия парными глаголами типа *прийти́//приходи́ть*

Семантический анализ парных приставочных глаголов типа *прийти́//приходи́ть* показывает, что эти глаголы утрачивают то специфическое значение характера действия, которое лежит в основе корреляции однонаправленности/ненаправленности перемещения. Конечно, и у парных глаголов направление движения может быть выражено лексическими средствами (ср. *прийти́//приходи́ть к знако́мым; пройти́//проходи́ть ми́мо*

забо́ра); но дело не в этом. Глаголы с/в типа *прийти́* отличаются от глаголов нс/в типа *приходи́ть* не своим общим лексическим значением («характером действия»), а исключительно только своим в и д о в ы м значением. Такая асимметричность соотношения простых (бесприставочных) и приставочных глаголов перемещения может быть выражена в следующей формуле:

идти́ : *ходи́ть*	≠	*прийти́* : *приходи́ть*
(нс/в) (нс/в)		(с/в) (нс/в)

К этой грамматической асимметричности присоединяется ещё и семантическая асимметричность, касающаяся общего значения «однонаправленности/ненаправленности» перемещения:

идти́ : *ходи́ть*	≠	*прийти́* : *приходи́ть*
(однонаправл.) (ненаправл.)		(Ø) (Ø)

Как видно, специфическое значение характера действия, столь характерное для простых глаголов перемещения, у приставочных глаголов нейтрализуется. Глаголы *прийти́//приходи́ть* противостоят друг другу исключительно только на основании видового различия и в этом отношении не отличаются от глаголов типа *переписа́ть//перепи́сывать*.

Если наличие корреляции однонаправленности/ненаправленности является характерной чертой глаголов перемещения, то можно утверждать, что приставочные парные глаголы типа *прийти́//приходи́ть* больше не являются «глаголами перемещения» в формальном значении этого термина.

Утрата парными приставочными глаголами корреляции однонаправленности/ненаправленности, т. е. отрыв от системы глаголов перемещения, способствует развитию богатейшей полисемии этих парных глаголов. Так, например, глагол-лексема *пройти́//проходи́ть* имеет (согласно данным словаря Ушакова) до 16 значений. Если *пройти́//проходи́ть ми́мо до́ма* обозначает ещё «глагол перемещения», то в сочетаниях *Боль прошла́//прохо́дит* или *пройти́//проходи́ть курс исто́рии*, *пройти́//проходи́ть аспиранту́ру* и т. п. связь с глаголом *идти́/ходи́ть* в значении «перемещаться пешком» вполне утрачена.

Всё сказанное относится, однако, не ко всем приставочным образованиям от глаголов перемещения, а только к парным приставочным глаголам типа *пройти́//проходи́ть*. Одновидовые глаголы с совершаемостными значениями типа *проходи́ть*

(всю ночь) сохраняют характер действия своего исходного глагола и остаются, таким образом, в системе глаголов перемещения.

Два разных способа словообразования в системе глаголов перемещения создают необычайно богатую омонимию глаголов, в которой иностранцу необходимо разобраться. Глагол типа *проходи́ть (ми́мо до́ма)* относится к несовершенному виду, будучи вторичной имперфективацией от приставочного глагола *пройти́*, образованного, в свою очередь, от однонаправленного простого глагола *идти́*. Омоним этого глагола *проходи́ть (всю ночь)* относится к совершенному виду, будучи образован путём непосредственной префиксации ненаправленного глагола *ходи́ть*.

Этим случаям глагольной омонимии необходимо уделить надлежащее внимание.

Омонимичность совершаемостных и видовых образований в кругу глаголов перемещения

В системе внутриглагольного слово- и видообразования глаголов перемещения мы различали два типа: (А) префиксация однонаправленного простого глагола (*идти́* → *пройти́* с/в) и вторичная имперфективация приставочного глагола (*пройти́* → *проходи́ть* нс/в) и (Б) префиксация ненаправленного простого глагола (*ходи́ть* → *проходи́ть* с/в). Сопоставим для большей наглядности оба приёма префиксального словообразования в схемах:

	(А)		(Б)	
	Однонапр.	Ненаправл.	Однонапр.	Ненаправл.
Несов. вид	*идти́*	*[ходи́ть]*[1]	*[идти́]*[1]	*ходи́ть*
	↓			↓
Сов. вид	*пройти́* → *проходи́ть*			*проходи́ть*
	(ми́мо до́ма)			*(всю ночь)*

Глаголы типа (А) являются соотносительными, парными глаголами с самостоятельным лексическим значением. Назовём их парными глаголами-лексемами.

Глаголы типа (Б) являются одновидовыми, несоотносительны-

[1] Глаголы, поставленные в прямые скобки, не участвуют в данном типе словообразования.

ми глаголами. С учётом их функции их можно назвать совершаемостными образованиями.

Для того, чтобы наглядно показать разницу между омонимичными приставочными образованиями, а также в целях выявления необыкновенного богатства выразительных средств славянского глагола, целесообразно будет проследить все возможные совершаемостные образования (хотя бы только от одного глагола перемещения), систематически сопоставляя их со схожими приставочными образованиями чисто лексического порядка.

Совершаемостные одновидовые образования	Парные глаголы-лексемы (лексические образования)
1. *вы́ходить все места́* (сов., тотально-объект.) ‚pochodiť'	*вы́йти//выходи́ть на двор* (несов.) ‚vychádzať'
Ср. *vychodiť* školu, *vychodiť* cestičku	*вы́ходить* (сов.)//*выха́живать больно́го* ‚uzdraviť, zachrániť'
2. *доходи́ться до (по́лного изнеможе́ния)* (сов., достиг.) ‚uchodiť sa, byť uchodený, že až...'	*дойти́//доходи́ть* (несов.) *до го́рода* ‚dochádzať, dosahovať' и: *дойти́//доходи́ть до по́лного изнеможе́ния* ‚úplne sa vyčerpať//vyčerpávať'
3. *заходи́ть* (сов., начин.) ‚začať chodiť': *Больно́й встал и заходи́л.*	*зайти́//заходи́ть* (несов.) *к знако́мым* ‚prichádzať, navštevovať, zachádzať'
4. *исходи́ть весь лес* (сов., тотально-объект.) ‚pochodiť'	*исходи́ть* (несов.) *из предположе́ния* ‚vychádzať' — одновидовый глагол
	изойти́//исходи́ть (несов.) *слеза́ми* ‚vysiliť sa//vysiľovať sa plačom'
5. *находи́ть сто вёрст* (сов., кумулят.) ‚nachodiť'	*найти́//находи́ть* (несов.): *На меня́ нахо́дит сон* ‚ide na mňa spánok'.
находи́ть себе́ мозо́ль (сов., достиг.-объект.): *Он находи́л себе́ мозо́ль* ‚urobil sa mu otlak od chodenia'.	*найти́//находи́ть поте́рянный ключ* (несов.) ‚nachádzať'

находи́ться вдо́воль (сов., сатурат.) ‚nachodiť sa'	*найти́сь//находи́ться* (несов.) *в тру́дной обстано́вке* ‚ocitnúť sa//ocitať sa'
6. *обходи́ть весь го́род* (сов., тотально-объект.) ‚pochodiť'	*обойти́//обходи́ть* и *обха́живать лу́жу* (несов.) ‚obchádzať'
7. *отходи́ть своё* (сов., финит.), ср. *Он отходи́л своё.*	*отойти́//отходи́ть* (несов.) *в сто́рону* ‚odchádzať'
	отходи́ть (сов.)//*отха́живать больно́го* ‚uzdraviť, zachrániť'
8. *переходи́ть все окре́стности* (сов., дистриб.) ‚pochodiť'	*перейти́//переходи́ть* (несов.) *у́лицу* ‚prechádzať'
	переходи́ть (сов.)//*перехо́живать* ‚urobiť iný ťah' (v šachu)
9. *походи́ть немно́го* (сов., огранич.) ‚pochodiť'	*походи́ть* (несов.) *на своего́ отца́* ‚podobať sa'; одновидовый глагол
10. *понаходи́ть себе́ мозо́ли* (сов. кумулят.-дистриб.)	
11. *проходи́ть всю ночь* (сов., пердурат.) ‚prechodiť'	*пройти́//проходи́ть* (несов.) *ми́мо до́ма* ‚prechádzať'
12. *расходи́ться* (сов., эволют.) ‚rozchodiť sa'	*разойти́сь//расходи́ться* (несов.) *по дома́м* ‚rozchádzať sa,
13. *сходи́ть в апте́ку* (сов. однократ.) ‚zájsť (si)'	*сойти́//сходи́ть* (несов.) *с ле́стницы* ‚schádzať'

Аналогичные образования возможны, конечно, и от других глаголов перемещения. В ряде случаев возникают омонимичные глаголы, в других случаях совершаемостные образования отличаются от вторичных глаголов несовершенного вида местом ударения, а также разной огласовкой глагольной основы. Например:

Совершаемостные образования совершенного вида	Парные глаголы-лексемы
избе́гать все магази́ны (сов.) ‚pobehať po všetkých obchodoch'	*избежа́ть//избега́ть* (несов.) ‚vyhýbať sa'
сбе́гать на по́чту (сов., однократ.) ‚zabehnúť si, skočiť'	*сбежа́ть//сбега́ть* (несов.) *с ле́стницы* ‚zbehnúť'

сводúть сестрý к врачý (сов., однократ.) ‚zaviesť'	*свестú//сводúть* (несов.) ‚zvádzať (dohromady)'
объéздить всех знакóмых (сов., тотально-объект.) ‚ponavštevovať'	*объ?хать//объезжáть лýжу* (несов.) ‚obchádzať'
облáзить все дерéвья (сов., тотально-объект.) ‚povyliezať na všetky stromy'	*облéзть//облезáть* (несов.) ‚zliezať, lúpať sa'
слетáть в Москвý (сов., однократ.) ‚zaletieť si'	*слетéть//слетáть (с крыши)* (несов.) ‚zletieť, žletovať'
проплáвать нéсколько часóв (сов., пердурат.) ‚preplávať niekoľko hodín'	*проплыть//проплывáть мúмо бéрега* (несов.) ‚plávať popri brehu'
натаскáть дров (сов., кумул.) ‚nanosiť'	*натащúть//натáскивать* (несов.) ‚navliekať'

и т. п.

Внутренняя связь между значением приставки и видом приставочного глагола подмечена давно. Обычно утверждают, что в сочетании с приставками «пространственного значения» неоднонаправленные глаголы перемещения типа *ходúть* «остаются в несовершенном виде»,[1] например, *приходúть*, *уходúть*, *подходúть*, а в сочетании с приставками, «выражающими различные оттенки времени (предел, начало, конец) или результат», эти же глаголы переходят в совершенный вид.[2] Семантический круг приставок, перфективирующих глаголы типа *ходúть*, несколько шире, чем это приводится в упомянутом пособии. Можно ли, например, утверждать, что приставка *с-* в глаголе *сходúть (в аптéку)* ‚zájsť si' или приставка *рас-* в глаголе *расходúться* (напр. *К вéчеру он расходúлся*) выражает «отрезок времени» или «результат»? Для того, чтобы исчерпывающим образом очертить семантический круг приставок, перфективирующих глаголы типа *ходúть*, пришлось бы перечислить все возможные значения совершаемостей. Вводя в научный обиход понятие совершаемости, можно заменить такой перечень обобщающим термином приставок-модификаторов. Лишь принципиальное и последовательное различение совершаемостных значений, с одной стороны, и чисто лексических значений — с другой, позволит нам чётко разграничить область приставок-модификаторов и область собственно лексических приставок-квалификаторов.

[1] Мы знаем, что приставочные глаголы типа *при-ходúть* не возникли путём непосредственной префиксации из простых глаголов типа *ходúть*, а являются результатом вторичной имперфективации глаголов типа *прийтú* (см. стр. 328). Поэтому мы не можем согласиться с приведённым утверждением, будто глаголы типа *приходúть* «остаются» в несовершенном виде.

[2] Современный русский язык. Морфология. М. 1952, 327.

Академическая грамматика также довольствуется лишь ориентировочными указаниями: «Приставочные образования от глаголов движения кратного подвида» (т. е. от глаголов типа *ходи́ть*) могут получать «значение предельной полноты, исчерпанности действия, доведения до результата и т. п., в зависимости от лексического значения приставки» (I 463). В качестве одного из примеров приводится глагол *прое́здить* (там же, 464). Но как раз в этом глаголе трудно уловить значение «предельной полноты, исчерпанности действия» или «доведения действия до конца». Да и вообще очень трудно оперировать такими расплывчатыми понятиями, как «предельная полнота действия» (?) или «доведение действия до конца», тем более, что те же понятия часто привлекаются для семантизации значения не тех или иных приставок, а категории совершенного вида, как такового. Всё дело именно в том, что приставка *про-* в глаголе *прое́здить не́которое вре́мя* как раз не имеет «чисто» лексического значения: она не квалифицирует, а модифицирует основное значение глагола *е́здить*, образуя пердуративную совершаемость этого глагола.

Разница между глаголами *проходи́ть (всю ночь)* ‚prechodiť' и *проходи́ть (ми́мо до́ма)* ‚prechádzať' не сводится к тому или иному индивидуальному значению приставки. Эта разница носит принципиальный характер: в первом случае мы имеем дело с совершаемостным образованием, во втором — с вторичным глаголом несовершенного вида, представляющим один из членов видовой пары *прийти́//приходи́ть*. Семантико-грамматическая разница между омонимичными глаголами *проходи́ть* I (несов.) ‚prechádzať' и *проходи́ть* II (сов.) ‚prechodiť' сводится к следующему:

проходи́ть I *(ми́мо до́ма)*

1. Приставка *про-* является приставкой-квалификатором.

2. Глагол *проходи́ть* I имеет грамматическое значение несовершенного вида.

3. Глагол *проходи́ть* I образован путём вторичной имперфективации глагола с/в *пройти́*.

4. Глагол *проходи́ть* I является имперфективным членом видовой пары *пройти́//проходи́ть*.

5. Глагол *проходи́ть* I не

проходи́ть II *(всю ночь)*

Приставка *про-* является приставкой-модификатором.

Глагол *проходи́ть* II имеет грамматическое значение совершенного вида.

Глагол *проходи́ть* II образован непосредственно от глагола нс/в *ходи́ть*.

Глагол *проходи́ть* II является непарным глаголом совершенного вида (perfectivum tantum).

Глагол *проходи́ть* II сохра-

выражает характера действия однонаправленности/ненаправленности.

6. Глагол *проходи́ть* I не выражает никаких совершаемостных значений.

няет ненаправленный характер действия своего исходного глагола *ходи́ть*.

Глагол *проходи́ть* II является глаголом совершаемостным и выражает пердуративность.

*

Представляется, что сложные вопросы приставочных образований глаголов перемещения могут получить более адекватное толкование именно в свете всего учения о совершаемостях. Вводя в наш научный аппарат термины «совершаемость» и «характер глагольного действия», мы пытались подвести под обобщённые категории многочисленные факты, которые, без надлежащего «наименования», остаются разрозненными и как будто случайными. В дальнейшем изложении эти понятия помогут нам разобраться в целом ряде тонких вопросов, связанных с формами времени и с залоговыми значениями глаголов.

ЗАЛОГИ ГЛАГОЛА И СМЕЖНЫЕ ВОПРОСЫ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

С проблематикой так называемых залогов глагола (genera verbi, slovesné rody) связан целый ряд важных и сложных вопросов, касающихся формального выражения возможных отношений глагола (V — verbum) к своему подлежащему (S — subjectum).[1] Морфологическая проблематика залогов глагола теснейшим образом связана с проблематикой синтаксической и лексической.

Традиционные термины «действительный залог» (актив, činný rod), «страдательный залог» (пассив, trpný rod) и, в некоторых языках, «средний залог» (medium, stredný rod slovesný) однозначно определяют морфологические факты лишь в тех языках, в которых каждый из этих залогов представлен индивидуальной глагольной парадигмой, т. е. там, где формы актива в личных и неличных формах чётко противопоставлены формам пассива (или медиума) посредством грамматических показателей — окончаний, аналитических форм. Таково положение в латинском языке, где активные формы типа *laudo* ‚я хвалю' (а также *laudabam*, *laudabo*, *laudavi*, инфин. *laudare* и т. д.) последовательно противопоставлены пассивным формам типа *laudor* ‚я хвалим' (и, соответственно, формам *laudabar*, *laudabor*, *laudatus sum*, инфин. *laudari* и т. д.). Подобное положение имеется

[1] Термин «подлежащее» употребляется здесь в самом широком смысле. Это тот член глагольно-именной синтагмы, который либо выступает в функции подлежащего полной предикации (*Брат* послáл книгу — *Книгa* пóслана брáтом), либо является «подлежащим» полупредикативных конструкций (причастных, деепричастных). В предложении *Я вúжу бегýщую лóшадь*, синтагма *бегýщую лóшадь* является объектом предложения, но внутри этой синтагмы слово *лóшадь* является «подлежащим» по отношению к *бегýщую* (ср. *лóшадь бежúт*). В предложении *Я получúл пóсланную брáтом книгу* синтагма *пóсланную книгу* является объектом предложения; но внутри этой синтагмы слово *книгу* является подлежащим пассивного словосочетания *пóсланная книгa* (ср. *Книгa* была пóслана).

в немецком языке, где активному *ich lobe* ‚я хвалю' (а также *ich lobte, ich habe gelobt, loben*) противостоит пассивное *ich werde gelobt* ‚я хвалим' (а также *ich wurde gelobt, ich bin gelobt worden*, инфин. *gelobt werden*).

Славянские языки не обладают в личных формах особой парадигмой пассива, выражаемого окончаниями. В роли пассива в славянских языках выступают либо возвратные формы *(Дом стрбится)*, либо описательные формы *(Дом был пострбен)*. Эти формы связаны в славянских языках с теми же значениями, которое выражается в латыни или в немецком языке специальными пассивными формами. Однако семантико-грамматическая функция возвратных и описательных форм не сводится без остатка к тем грамматическим значениям, которые выражаются в классических или западноевропейских языках формами пассива или «среднего залога».

Отсутствие однозначных залоговых показателей, употребление возвратных форм глагола в разных функциях, возможность толкования сочетаний типа *(Дом) был пострбен* как описательной глагольной формы и как именного сказуемого — всё это крайне затрудняло разработку залогов славянского глагола в теоретическом плане. Поэтому неудивительно, что специфика грамматических значений залоговых форм в славянских языках, в частности, в русском языке, получила в научной литературе весьма сбивчивые и противоречивые толкования. Неудовлетворительность ходячих толкований грамматической функции русских залогов объясняется отчасти и тем, что под общее понятие «залогов» подводились весьма разнородные грамматические и семантические отношения. Чтобы расчистить путь к адекватному изложению проблематики залогов глагола, необходимо, в первую очередь, очертить круг вопросов, так или иначе связанных с проблематикой залогов.

Отсутствие однозначных формальных показателей (окончаний), характеризующих страдательный залог в русском языке, привело, на первых порах, к полному отрицанию существования залогов, как особой формально-грамматической категории: залоговые значения рассматривались как чисто семантические (лексические) группы, объединённые общим значением глаголов в данном синтаксическом контексте. По мнению Востокова, русский язык не знает залогов глагола в грамматическом смысле, т. к. залоги различаются не по окончаниям, а по значению, которое глагол приобретает в сочетании с другими словами.[1] В. Даль считал различение

[1] А. Х. Востоков: Русская грамматика, 1839, § 57.

залогов в русском языке «безграничной путаницей».[1] Столь резкая формулировка является у В. Даля вполне понятной реакцией на произвольное нагромождение мнимых грамматических категорий в Академическом словаре (1847 г.), ведущее своё начало от Ломоносова, который в своей «Российской грамматике» (1755) различал шесть залогов: действительный, страдательный, средний, возвратный, взаимный и общий.

Значительным шагом к выяснению грамматической сути залогов явилось учение А. А. Потебни. На определённом этапе развития своих грамматических взглядов Потебня ставил знак равенства между залогом и отношением субъекта к объекту (S — O). Потебня прямо писал: «Залог = отношение субъекта к объекту. Сюда и отсутствие объекта».[2] При этом Потебня как бы забывал, что главным посредником и единственным грамматическим выразителем этого отношения является именно глагол; характерно, что Потебня считал возможным говорить не только о залоге глагола, но и о «залоге имени» (там же).

Важным вкладом в учение о залогах явилась работа Ф. Ф. Фортунатова «О залогах русского глагола» (1899). В духе общих младограмматических установок автор подошёл к вопросу с формальной стороны. На основании того, что в личных формах русского глагола различаются только возвратная и невозвратная формы, Фортунатов предложил различать в русском языке только два залога: «возвратный» и «невозвратный» залог. В работе Фортунатова была очерчена одна из областей общего комплекса вопросов, связанных с так называемыми залогами: залоговое значение сводилось к отношению между (личной) формой глагола и субъектом, получающему внешнее выражение в особой (возвратной) глагольной форме. В этой своей работе Фортунатов стоял на точке зрения своих современников Германа Пауля и А. Бругманна. На позициях Фортунатова стоит в наши дни Р. О. Якобсон, различающий в русском языке возвратный и невозвратный залог и, как Фортунатов, оставляющий в стороне вопрос о залоговых значениях причастий.[3]

Акад. А. А. Шахматов строил свою классификацию залогов не на формальном, а на семантическом признаке. Он различал, кроме действительного и страдательного, ещё «собственно-возвратный», «обще-возвратный», «косвенно-возвратный», «косвенно-результативно-возвратный», «взаимно-возвратный», «страдательно-возвратный», «интенсивно-безобъектный», и «безлично-безобъектный» залоги.[4]

Такое нагромождение «залогов» при крайней скудости их формальных выразителей в русском языке лишило грамматическое учение Шахматова о русских залогах необходимой ясности. Вместо того, чтобы видеть в залогах грамматическую глагольную категорию, проявляющуюся формально,

---

[1] Ср. «Напутное слово» к Толковому словарю живого великорусского языка I, 1880, XXXVI.

[2] А. А. Потебня: Из записок по русской грамматике IV, 1941, 201.

[3] R. Jakobson: Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb, Harvard University 1957, 8.

[4] Ср. «Из трудов А. А. Шахматова...», 1952, 92.

т. е. вместо того, чтобы говорить только о формах залогов и их значениях, исследователи, продолжавшие традицию акад. А. А. Шахматова, стали всё чаще заменять термин «залог» или «залоговая форма» термином «залоговое значение». Некоторые авторы сочли даже возможным исключить из своего обихода понятие залоговой формы, заменяя его такими терминами, как «глаголы действительного залога».[1] С таким же основанием можно было бы говорить о «существительных родительного падежа» или о «прилагательных сравнительной степени». При такой трактовке вопроса остаётся неясным, следует ли залоги считать морфологической категорией, проявляющейся в особых глагольных формах, или же их следует рассматривать как особые значения, не имеющие своего формального выражения, или же, наконец, как особые значения не глагольных форм, а самих глаголов.

Академическая грамматика в основном повторяет мысли акад. А. А. Шахматова и усматривает в категории залога «отношения между субъектом действия (производителем действия) и объектом, находящие своё выражение в форме глагола» (I 412).

С. О. Карцевский показал, что весь комплекс вопросов, относящихся к проблематике так называемых «залогов» и трактуемых исследователями под этим общим заглавием, именно потому и является столь запутанным и противоречивым, что обычно не учитывается существование нескольких разнородных систем соотношений, касающихся грамматической взаимосвязанности элементов S — V — O. Первая система охватывает отношения *глагол — объект* (V — O), вторая касается отношения *субъект — глагол* (S — V), или, как выражался сам С. О. Карцевский, отношения *«агент» — глагол*.[2] Но и в области отношений *«агент» — глагол* следует различать, с одной стороны, соотношение между наличием и отсутствием агента (производителя действия), а, с другой стороны, соотношения между агентом и субъектом. Таким образом С. О. Карцевский, считавший само понятие «залога» излишним и исключивший этот термин из своих теоретических рассуждений, приходит к различению следующих категорий, которые должны заменить традиционную рубрику «залоги глагола»:

1. переходность/непереходность глагола;
2. личные/безличные формы глагола;
3. актив/пассив.

Некоторые возражения вызывает введение в грамматический анализ таких чисто логических понятий, как «агент» («производитель действия»). Этот термин, неизменно появляющийся во всех учебниках в связи с толкованием залоговых значений, не стоит в одной плоскости с такими чисто грамматическими понятиями, какими являются понятия «субъект», «глагол» или «личная форма». Нельзя, однако, не признать, что С. О. Карцевский обосновал необходимость выделить категорию переходности/не-

---

[1] Так в Академической грамматике на нескольких местах говорится о «глаголах действительного залога» (например, на стр. 415/16).

[2] S. Karcevski: Système du verbe russe, Prague 1927, 81.

переходности в особую главу, которую следует изучать вне связи с проблематикой актива и пассива.

В 1928 году появилась классическая монография акад. Б. Гавранека «Genera verbi v slovanských jazycích» (I/1928; II/1934). Категорию залога акад. Б. Гавранек видит там, «где при тождественном смысловом содержании... меняется отношение глагольного действия к субъекту и вообще ко всей конструкции предложения» (I 14; разрядка моя, *А. И.*). Характерно, что автор оставляет в стороне отношение субъекта к объекту, выдвигая в качестве решающего критерия отношение S — V. В нашем исследовании мы будем исходить из высказанных акад. Б. Гавранеком мыслей.

Ввиду столь существенных и, надо сказать, принципиальных расхождений в толковании залогов в русском языке, однозначное и удовлетворительное решение этой проблемы во всём её объёме очень затруднительно. Постоянные поиски надёжных критериев для определения того, что следует считать «залогами», показывают, что, по-видимому, сама грамматическая сущность этой глагольной категории не может быть определена столь же однозначно, как, скажем, грамматическая сущность времени. Залог является такой глагольной категорией, которая в наших языках не получила чёткого парадигматического выражения. Индивидульные значения глаголов, роль приставок, семантическая многозначность возвратного аффикса *-ся*, отношения его к значению глагола, пересечения совершаемостных и залоговых «значений», наконец, синтаксический контекст отодвигают значительную часть того, что многим исследователям кажется грамматическим, в область словообразования. В предлагаемом очерке сделана попытка вскрыть грамматическое ядро залогов глагола, сводя при этом к минимуму все внеграмматические факторы, так или иначе связанные с нашей проблематикой.

Отношение «глагол — объект» (V — O)
(Понятие переходности)

Глаголы, сочетающиеся с прямым объектом (условно O_4), называются перехóдными (транзитивными, prechodné slovesá), напр.: *рубúть дровá*, *читáть книгу*. Глаголы, сочетающиеся только с косвенным объектом или употребляемые безобъектно (абсолютно), называются непереходными (интранзитивными, neprechodné slovesá), напр.: *вéрить другу* (O_3), *занимáться*

спóртом (O_7), *ждать пóезда* (O_2), *страдáть*, *кáшлять*, *идтú* и т. п.[1] Переходность/непереходность связана с индивидуальным значением глагола и не всегда выражается формально. Само понятие «переходности» связано с образным представлением о том, что действие, обозначаемое глаголом, «переходит» на объект, охватывает его. Переходность/непереходность — это, в первую очередь, семантическое свойство глагола, проявляющееся синтаксически в его способности сочетаться с O_4. Вот почему переходность/непереходность можно признать не морфологической, а лексико-синтаксической категорией.

Не всегда можно говорить о переходных или непереходных глаголах. Дело в том, что многие глаголы могут употребляться как переходные или как непереходные, ср. *Он читáет книгу* (O_4) и *Он сидúт и читáет* (непереход.). Число глаголов, требующих обязательного раскрытия своего содержания через прямое дополнение (O_4), сравнительно ограничено: речь идёт, в первую очередь, о таких глаголах, как *получúть*//*получáть (письмó, мéсто, сто рублéй)*, *вернýть*//*возвращáть (книгу, долг, убытóк)*, а также о фразеологически более или менее связанных глаголах типа *оказáть*//*окáзывать (воздéйствие, влияние)*, *принять*// *принимáть (учáстие)*, *соблюстú*//*соблюдáть (прáвила)* и т. п.

В чешской и словацкой грамматической традиции разбираемое здесь отношение «глагол — объект» подводится под другое деление. Критерием считается сочетаемость глагола не с прямым объектом, а с объектом вообще. Глаголы, употребляющиеся абсолютно, т. е. безобъектно *(Он бежáл; Онá плáчет; Онú покраснéли)*, называются «субъектными» глаголами (podmetové slovesá)[2]; глаголы же, сочетающиеся с (прямым или косвенным) объектом, называются «объектными» глаголами (predmetové slovesá), напр. *Он читáет книгу; Он вéрит другу*; *Он руководúт кружкóм* и т. п. В этом делении переходные глаголы являются лишь разновидностью объектных глаголов. К объектным глаголам относятся не только глаголы, сочетающиеся с любым падежом, кроме именительного, но и глаголы, сочетающиеся с объектом посредством предлогов, например: *смотрéть на кого-либо*, *подходúть к кому-либо*, *откáзываться от чего-либо* и т. п. Такие глаголы в русских грамматиках называются «косвенно-переходными» («perriamo prechodné slovesá«).

[1] Циферный показатель, присоединяемый к символу O (объект) обозначает падеж в соответствии с словацкой или чешской грамматической традицией (винительный — 4. pád, дательный — 3. pád, творительный — 7. pád, родительный — 2. pád).

[2] В новейших работах эти глаголы называются также bezpredmetové slovesá.

В интересах унификации теоретической трактовки однородных явлений в родственных языках можно было бы успешно применить традиционное деление чешских и словацких грамматистов к материалу русского языка. Однако понятия переходности и непереходности твёрдо вошли в научный обиход русской грамматики, и это далеко не случайно. Без чёткого различения этих понятий очень трудно трактовать некоторые вопросы, связанные с образованием и значением русских причастий. Поэтому мы здесь сохраним традиционное русское деление глаголов на переходные и непереходные.

Способность глагола сочетаться с прямым объектом зависит от оттенка значения, в котором употребляется данный глагол. В предложении *Он поёт пе́сню* глагол *петь* является переходным, а в предложении *Он хорошо́ поёт* тот же глагол имеет значение непереходности. Часто переходность или непереходность глагола связаны с его «актуальным» и «неактуальным» употреблением. Предложение *Он пи́шет уро́к* может употребляться в актуальном значении: это форма, которой пользуется репортёр для передачи того, что протекает у него на глазах («репортажное настоящее»). Предложения *Он хорошо́ пи́шет*, *Перо́ хорошо́ пи́шет* могут обозначать действия узуальные. Ср. *Он ви́дит гбры* (актуально-переходное значение) — *Он хорошо́ ви́дит* (неактуально-непереходное значение).

Разумеется, не всякое существительное в винительном падеже в сочетании с глаголом может рассматриваться как прямое дополнение. В сочетании с винительным времени глаголы остаются непереходными, ср. *Он рабо́тал всю ночь* (где сочетание *всю ночь* является не дополнением, а обстоятельством времени). Но и здесь возможны тонкие переходы. В обороте *стоя́ть ва́хту* ‚odpracovávať smenu' сочетание глагола *стоя́ть* с винительным падежом можно рассматривать и как сочетание с дополнением, и как сочетание с винительным меры. Такие колебания возможны потому, что переходность/непереходность глагола *стоя́ть* не выражена формальными средствами.

Особым случаем следует считать архаические устойчивые сочетания с так называемым «внутренним объектом» типа *зи́му зимова́ть*, *ду́му ду́мать*, *гбре горева́ть* и т. п. Такие сочетания, в которых корни существительного и глагола этимологически совпадают, называются в поэтике «этимологическими фигурами». Вопрос об использовании таких этимологических фигур, довольно частых в народной эпике, относится скорее к стилистике, чем к грамматике.

В специальной литературе не раз делались попытки связать переходность/непереходность глагола с его внешним оформлением, с его принад-

лежностью к тому или иному глагольному классу. В самом деле, все глаголы II продуктивного класса, образованные от имён прилагательных, являются непереходными, ср. *чернéть*, *белéть*, *краснéть*, *толстéть*, *беднéть* и т. п. Непереходными являются также почти все глаголы IX класса на *-нуть*, ср. *сóхнуть*, *гáснуть*, *поги́бнуть* и т. п. Трудно сомневаться в том, что в древнем языке действительно существовала тесная связь между переходностью/непереходностью глагола и его принадлежностью к тому или иному «классу». Нельзя считать случайностью, что, например, фактитивные глаголы с ярко выраженной переходностью, образуются посредством тематического гласного *-и-*, ср. *(у)мереть : мор-и́-ть* («делать, чтобы умер»), *гúб-ну-ть : губ-и́-ть* («делать, чтобы погиб»), *пи-ть : по-и́-ть* («заставлять пить»), *гáс-ну-ть : гас-и́-ть*, слвц. *ži-ť : hoj-i-ť* («делать так, чтобы зажило») и т. п. В историческое время эти отношения, однако, в значительной степени стёрлись.

С точки зрения современного языка можно, пожалуй, выделить некоторые семантические группы глаголов, являющихся «по своей природе» непереходными. Это, в первую очередь, глаголы перемещения (*идти́*, *ходи́ть*, *бежáть*, *летéть* и т. п.) и близкие к ним глаголы типа *скакáть*, *мчáться*, *спеши́ть*, *плести́сь* ‚vliecť sa'; далее «статальные» глаголы, обозначающие пребывание в каком-либо положении (глаголы состояния): типа *сидéть*, *лежáть*, *стоя́ть*, *торчáть*, *висéть* и т. п.; глаголы звука и оптических восприятий типа *шумéть*, *греме́ть*, *звенéть*, *áхать*, *гоготáть*, *блестéть*, *мелькáть* и т. п., а также группа глаголов, обозначающих «быть чем-либо или каким-либо», ср. *учи́тельствовать*, *нéрвничать* и др. Некоторые непереходные глаголы обозначают «телодвижения» или душевные состояния, ср. *зевáть*, *махáть*, *дрожáть*, *грусти́ть* и др.

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что переходность/непереходность не является постоянным свойством глагола. В транспозиции такой глагол, как *идти́*, обычно употребляющийся в непереходном значении, может стать переходным, ср. шутливое *Он не ушёл сам, а его́ ушли́* ‚bol odídený'.

Во всех приведённых случаях переходность/непереходность глаголов не выражается внешними формальными средствами. Она вытекает из индивидуального значения глагола. Однако в наших языках имеется формальный показатель непереходности; таким формальным показателем непереходности является возвратный аффикс *-ся (-сь)*.

Если у невозвратных глаголов типа *читáть* можно говорить лишь об относительной их переходности, зависящей от того

или иного оттенка значения, то у возвратных глаголов следует говорить об абсолютной непереходности: возвратный глагол *не может* употребляться в русском языке в сочетании с прямым дополнением.[1] Следовательно, у возвратных глаголов в русском языке непереходность является формально выраженной.

Разница между формально выраженной и формально невыраженной непереходностью глагола может быть продемонстрирована путём сопоставления некоторых типичных конструкций в русском и словацком языках. Словацкий глагол *držať* является переходным в сочетаниях типа *držať chlapca za ruku*, но в сочетании *farba dobre drží* этот же глагол является непереходным. В обоих случаях выступает формально «один и тот же» глагол без дополнительных формальных показателей; можно, следовательно, утверждать, что в сочетании *farba dobre drží* непереходность глагола в словацком языке остаётся формально невыраженной. В русском языке переходному глаголу *держáть (мáльчика зá руку)* противостоит непереходный возвратный глагол *держáться* (напр. *крáска хорошó дéржится*). Здесь непереходность выражена формально посредством возвратного аффикса *-ся*. Ср.:

Непереходность формально выражена	Непереходность формально не выражена
Он *дéржит* книгу (переход.)	*Drží* knihu
Крáска *дéржится* (непереход.)	Farba *drží*
Кýчер *бьёт* лóшадь (переход.)	Kočiš *bije* koňa
Сéрдце *бьётся* (непереход.)	Srdce *bije*[2]

Переходность/непереходность не является морфологической категорией глагола. Будучи связана с лексическим значением

---

[1] В словацком языке это правило не соблюдается так строго. Возвратный глагол *učiť sa* может сочетаться с прямым дополнением, ср. *učiť sa ruštinu, úlohu, báseň*.

[2] От приведённых случаев принципиально отличаются конструкции, в которых словацкому безличному глаголу, выраженному возвратной формой, соответствует русский невозвратный глагол, ср. leje sa ako z krhly — *льёт как из ведрá*.

глагола и проявляясь в сочетаемости/несочетаемости с прямым объектом, переходность/непереходность в русском языке может быть признана категорией лексико-синтаксической.

Присоединение возвратного аффикса *-ся/-сь* является в русском языке формальным показателем непереходности. Эта «интранзифицирующая» функция возвратного аффикса *-ся/-сь* имеет большое значение для дальнейшего хода нашей аргументации. Присоединяясь к переходному глаголу, аффикс *-ся/-сь* устраняет из поля зрения отношение «глагол — прямой объект» (V — 0_4).

Отношение «субъект — глагол» (S — V) (Собственно залоговые отношения)

Выше говорилось о том, что отношение между глаголом и прямым объектом (дополнением) не входит в круг собственно залоговых отношений. Поэтому переходность/непереходность глаголов должна быть исключена из круга морфологических категорий русского глагола. То, что является решающим для характеристики глагольного залога в собственном смысле этого термина, сводится к разнице в природе отношений между подлежащим (S) и глаголом (V).

Пытаясь вскрыть грамматическую природу залогов, мы, в первую очередь, должны будем отказаться от некоторых «неграмматических» понятий и терминов, неизменно фигурирующих в изложениях о грамматической природе залогов. К таким «неграмматическим», т. е. по природе своей чисто логическим понятиям относятся «производитель действия» («агент», agens, činiteľ) и «реальный объект (цель) действия». В предложении *Дом постро́ен опытным архите́ктором* нас будут интересовать исключительно грамматические отношения: существительное *дом* является, с точки зрения грамматики, подлежащим предложения (и ничем иным), а сочетание *опытным архите́ктором* — членом предложения в творительном падеже, и ничем иным. С точки зрения грамматики совершенно безразлично, что существительное *дом* обозначает здесь — «собственно говоря» — «реальный объект (цель) действия», а «реальным производителем действия» является, «собственно говоря», *опытный архите́ктор*. Для грамматического анализа замена грамматических отношений — логическими ничего не даёт.

Если залог — морфологическая категория, то он существует и проявляется в системе формально выраженных противопоставлений (оппозиций). Нельзя не согласиться с мыслью, высказанной по этому поводу проф. К. А. Тимофеевым: «Выяснить способы выражения категории залога — это значит прежде всего установить противопоставляемость, соотношение залоговых форм между собой, т. е. установить их систему».[1]

Грамматические соотношения между действительным залогом (активом) и страдательным залогом (пассивом) представляются в виде двучленной оппозиции. В качестве сильного, маркированного члена залоговой оппозиции выступает пассив. Вот почему удобнее всего начать наш анализ именно с пассива.

По мнению проф. К. А. Тимофеева, «залоговые формы передают понятие о различиях в направленности действия как относительно субъекта, так относительно объекта».[2] Но такая «двусторонняя» направленность (zameranosť) на субъект и на объект одновременно выходит за пределы собственно залоговых отношений. Ведь «направленность на объект» сводится к понятию переходности/непереходности; выше было показано, что переходность/непереходность не является морфологической категорией русского глагола, а лишь косвенно связана с собственно залоговой проблематикой. Следовательно, вопрос о «направленности на объект» придётся исключить из нашего анализа. В смысле залоговой теории, данной акад. Б. Гавранеком, нас будут интересовать только два грамматических элемента: глагол и его отношение к субъекту (а не к «производителю действия»!).

В пассивном обороте *Дом стрóится (Дом стрóился; Дом пострóен)* действие, выраженное глаголом, представляется как направленное на субъект предложения *(дом)*. Вот эта направленность глагольного действия на субъект и является общим семантическим признаком, характеризующим пассив. Такое отношение можно символически изобразить как V → S или S ← V.

Действительный залог, являясь слабым, немаркированным членом залоговой оппозиции, не имеет своего «положительного»

---

[1] К. А. Тимофеев: К вопросу о залогах русского языка. РЯШ 19 (1958) 2, 8.

[2] Там же.

значения. Было бы, например, ошибочно думать, что в активной форме выражается направленность действия от субъекта к глаголу (S → V), или от субъекта к объекту (S → O). Как и у всякого другого слабого члена бинарной оппозиции, общая семантика актива сводится к «не-сигнализации» признака сильного члена. Иными словами: активная глагольная форма не выражает «направленность глагольного действия на субъект».

Приняв дихотомическую (бинарную) классификацию залогов в русском языке, мы вынуждены сделать соответствующий вывод: все без исключения глагольные формы, не обладающие пассивным значением V → S, относятся к активу. При этом совершенно безразлично, идёт ли речь о переходном или о непереходном глаголе. Нет никакой необходимости исключать непереходные глаголы из категории залога, как это делают Академическая грамматика (I 413/15) и большинство новейших пособий по грамматике русского языка.[1] Если исключить из категории залога большой пласт непереходных глаголов, то окажется, что категория залога, одна из (двух) основных специфически глагольных категорий, охватывающих — по нашему убеждению — всю глагольную парадигму, существует не у всех, а только у части русских глаголов.

Исключение непереходных глаголов из категории залога объясняется, очевидно, слишком буквальным, «этимологическим» пониманием самого термина «действительный» залог («актив»). «Активным» формам приписывается значение «действия»; недаром в определении действительного залога, данном в Акад. грамматике, говорится: «Переходные глаголы, обозначающие действие, которое активно направлено на прямой объект, ... относятся к действительному залогу» (I 415, разрядка моя, *А. И.*). «Актив», как глагольная категория, не имеет ничего общего с «активным» действием и ни в коей мере не зависит от переходности/непереходности глагола. Нельзя забывать, что традиционный термин «действительный» залог («актив», »činnýe« rod) так же условен, как грамматические термины «одушевлённость», «лицо», «вид», «настоящее время» и т. п. Если вместо условного термина «действительный» залог

---

[1] «Непереходные глаголы не образуют залогов и вообще не имеют категории залога» (Совр. русск. яз. 1952, 338).

употреблять столь же условный термин «не-страдательный» залог («не-пассив»), то всё станет на своё место. Тогда «активными» (в смысле «не-пассивными») окажутся, наряду с переходными глаголами типа *стро́ить*, *наказа́ть*, *уби́ть*, и все непереходные глаголы, причём не только типа *сиде́ть*, *мечта́ть* или *состоя́ть*, но и возвратные глаголы типа *боя́ться*, *удивля́ться*, *улыба́ться* и даже безличные глаголы типа *свита́ет* или *вечере́ет*.[1] Категория залога (пассив/актив) охватывает все без остатка глаголы русского языка.[2]

Формальными показателями пассива в русском языке являются:

1. краткая форма страдательных причастий в сочетании с формами вспомогательного глагола *быть* и
2. возвратный аффикс *-ся/-сь*.

Морфологическая неотчётливость славянского (русского) пассива связана именно с тем фактом, что аффикс *-ся/-сь* не является исключительно только показателем пассива, а имеет ещё целый ряд (неграмматических) функций.

В новейшей литературе учение о залогах русского глагола трактуется в соответствии со взглядами акад. А. А. Шахматова.[3] Обычно различают три залога: 1. действительный, 2. страдательный и 3. «возвратно-средний» (или «средне-возвратный»).

«Возвратно-средний» залог в Академической грамматике определяется так: «Если к переходному глаголу, т. е. к глаголу действительного залога, присоединить суффикс *-ся*, то глагол теряет значение переходности и не может сочетаться с винительным прямого объекта». Далее приводится пример: *обра́довать* кого-либо (действит.) — *обра́доваться* (самому; — возвратно-средний залог), *останови́ть* кого-либо, что-либо — *останови́ться* (самому). Но разве глаголы типа *обра́доваться* или *останови́ться* «образуются» путём «присоединения суффикса *-ся* к переходным глаголам» *обра́довать*, *останови́ть*? Ведь возвратные глаголы типа *обра́доваться*,

---

[1] Активное, т. е. «не-пассивное» значение таких форм, как *свита́ет*, *вечере́ет* не противоречит нашему пониманию действительного залога. Здесь, как и в других случаях, «направленность глагольного действия на субъект» остаётся невыраженной.

[2] При этом у одних глаголов эта категория представлена парными противопоставлениями типа *стро́ит — стро́ится*, у других «нессотносительными» формами (»activa tantum«), напр., *идёт*, *грусти́т*, *свита́ет*, *улыба́ется*.

[3] Ср. «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку», М. 1952, 92/7.

останови́ться ‚zostať stáť' являются совершенно независимыми глаголами, лишь исторически связанными с переходными глаголами *обра́довать*, *останови́ть* ‚zastaviť'. В Акад. грамматике сказано далее: «Возвратная частица *-ся* в этом случае выражает значение обращённости действия к самому носителю его — субъекту; она указывает на сосредоточенность, замкнутость действия в самом субъекте» (I 415). Согласно учению Акад. грамматики такие глаголы, как *ра́доваться* или *торопи́ться*, следует относить именно к «возвратно-среднему» залогу. Но отличаются ли глаголы *ра́доваться* или *торопи́ться* семантически от таких глаголов, как, например, *грусти́ть* или *спеши́ть*? Несомненно, что «действия», обозначаемые глаголами *грусти́ть* или *спеши́ть*, представляются как «сосредоточенные, замкнутые в самом субъекте», хотя эти глаголы не содержат частицы *-ся*. Значение «сосредоточенности, замкнутости в самом субъекте», связываемое авторами Акад. грамматики с частицей *-ся*, на самом деле является ничем иным, как общим значением непереходности. Разница между *спеши́ть* и *торопи́ться* не состоит, следовательно, в том, что первый глагол, согласно учению Акад. грамматики, стоит «вне категории залогов», а второй относится к «возвратно-среднему» залогу. На самом деле оба глагола — *спеши́ть* и *торопи́ться* — являются «не-страдательными», «активными» в нашем понимании этого термина; оба глагола являются непереходными, но только у глагола *торопи́ться* непереходность выражена посредством аффикса *-ся*, а у глагола *спеши́ть* она не выражена.

Серьёзным недостатком трихотомического деления залогов на действительный, страдательный и «возвратно-средний» является также отсутствие единого принципа классификации. «Возвратно-средний» залог отличается от действительного невозможностью сочетаться с винительным прямого объекта, а страдательный залог отличается от действительного логическим «перемещением» реального производителя действия и грамматического субъекта. Всё это заставляет нас отказаться от трихотомического деления залогов русского глагола и заменить его дихотомическим, противопоставляющим пассив — «не-пассиву» (или «активу»). При этом, однако, следует подчеркнуть, что отсутствие однородных грамматических показателей серьёзно осложняет формальную сторону вопроса.

ФОРМЫ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

Пассивные образования несовершенного вида

Общее залоговое значение пассива (S ← V) не имеет, как мы знаем, в славянских языках единого и однозначного показателя. Пассив может быть выражен двояко:

1. аффиксально посредством элемента *-ся*/*-сь* *(дом стро́ится)*;
2. формами страдательных причастий *(критику́емый, постро́енный)*; страдательные причастия входят в состав целого ряда аналитических пассивных форм *(дом был постро́ен)*.

В современном русском языке наблюдается явная тенденция

разграничить аффиксальные и аналитические формы пассива по видам. У глаголов несовершенного вида предпочтение отдаётся аффиксальным формам, у глаголов совершенного вида — аналитическим формам. Однако эта общая тенденция не доведена до конца: в пределах несовершенного вида имеются как аффиксальные пассивные формы на *-ся/-сь*, так и аналитические формы.

Приведём полную парадигму пассивных форм несовершенного вида: в качестве образцов возьмём два глагола, из коих один относится к бытовой лексике *(стро́ить)*, а второй — к специфической лексике книжного языка *(критикова́ть)*. Сопоставим формы пассива с соответствующими формами актива:

Несовершенный вид

	актив	пассив
Презенс	*он стро́ит* (дом) *он критику́ет* (кни́гу)	(дом) *стро́ится* (кни́га) *критику́ема*
Прош/вр	*он стро́ил* (дом) *он критикова́л* (кни́гу)	(дом) *стро́ился* (кни́га) *была́ критику́ема*
Буд/вр	*он бу́дет стро́ить* (дом) *он бу́дет критикова́ть* (кни́гу)	(дом) *бу́дет стро́иться* (кни́га) *бу́дет критику́ема*
Сослаг. накл.	*он стро́ил бы* (дом) *он критикова́л бы* (кни́гу)	(дом) *стро́ился бы* (кни́га) *была́ бы критику́ема/критико́вана*
Дееприч. наст/вр	*стро́я* (дом) *критику́я*	— *бу́дучи критику́ем*
Прич. наст/вр	*стро́ящий* *критику́ющий*	*стро́ящийся* *критику́емый*
Прич. прош/вр	*стро́ивший* *критикова́вший*	*стро́ившийся* *критико́ванный* (нс/в)
Инфинитив	*стро́ить* *критикова́ть*	*стро́иться* *быть критико́ванным*

Между формами актива и пассива имеется, в пределах несовершенного вида, почти полный параллелизм. Следует, однако, подчеркнуть, что далеко не от всякого глагола могут быть образованы все теоретически возможные формы. На фоне столь характерной для русского литературного языка «дефектив-

ности» многочисленных глаголов в активе (отсутствие деепричастий от глаголов типа *писáть* или *бить*, отсутствие форм 1 лица ед/ч от глаголов типа *победúть*, *зáстить* и т. п.), «невозможность» (или непривычность) образования некоторых форм пассива не представляется грубым нарушением системы.

Преобладание аналитических форм именно у глаголов книжного языка объясняется историческим развитием русского литературного языка.

Формы страдательного причастия наст/вр на *-м* являются в русском литературном языке наследием церковнославянского. В языке древнерусской письменности формы на *-м* широко употреблялись в предикативной функции в сочетании с формами вспомогательного глагола *быти*, ср. *учимъ есмь*, *мучимъ буду*, *внаемъ былъ*, *вѣдомъ бѣахъ* и т. п.[1] Аналогичные формы встречаются ещё довольно часто в литературе XIX века, а спорадически попадаются и в наши дни в художественной литературе, ср. «Но нигдé, мóжет быть, *нé было расскáзываемо* стóлько дикóвин, как на вечерáх у пáсечника Рудóго Панькá» (Гоголь); «Это *нé было дéлаемо* г. Протопóповым...» (Л. Толстой); «Ты *обуревáем* стрáстью» (Тургенев, Рудин); «Он *был тревóжим* неудовлетворённым желáнием» (Федин, Первые радости). Причастия на *-м* в предикативном употреблении держатся в отстоявшихся формулах типа *Он любúм и уважáем всéми*.

Единственной областью, где сказуемостные (аналитические) формы на *-м* могут употребляться без оттенка архаичности, являются теоретические стили. Можно свободно написать *Кни́га была́ критику́ема (цити́руема, приводи́ма, издава́ема)*, хотя здесь возможны и аффиксальные формы: *Кни́га критикова́лась (цити́ровалась, приводи́лась, издава́лась)*. Все приведённые здесь глаголы относятся явно к книжной лексике. Чаще всего предикативные формы на *-м* употребляются в сочетании с полусвязочными или модальными глаголами (предикативами), ср. «Мои́ приме́ры *мóгут* и *должны́ быть критику́емы*» (Л. В. Щерба); «Не все фáкты *бывáют* одинáково *усвáиваемы* ученикáми»; «Звýки чужóго языкá *мóгут быть воспринимáемы* по-рáзному»; «Эти явлéния *мóгут быть* излагáемы в инóм смы́сле» и т. п.

От глаголов, относящихся к повседневно-бытовой лексике, формы на *-м* или вовсе не образуются, или избегаются. Можно только сказать *Дом стрóился (талáнтливым архитéктором)*, но нельзя сказать «Дом был строим», т. к. сама форма «строим» в языке отсутствует. Точно так же можно сказать *Пы́ль вытирáется тря́пкой*, но нельзя сказать «Пыль вытираема тряпкой».

---

[1] Судьбы этих форм в древнем языке прекрасно изложены в книге Т. П. Ломтева: Очерки по историческому синтаксису русского языка. М. 1956, §§ 82/86.

Всё сказанное с достаточной наглядностью иллюстрирует стилистическую «дистрибуцию» аффиксальных и аналитических форм пассива (ср. стр. 548 и сл.).

Известные затруднения представляет образование аффиксального пассива при подлежащем, обозначающем лицо (osobu). Пассивная форма на *-ся* не образуется, если эта форма совпадает с формой возвратного глагола на *-ся* с непассивным значением.

Форма *он мо́ется* образована от возвратного глагола *мы́ться* ‚umývať sa'. Поэтому от глагола *мыть* пассивная форма избегается: нельзя сказать «Ребёнок мо́ется ма́терью». Точно так же избегаются пассивные формы от глаголов типа *одева́ть*, *бить*, *хвали́ть*, т. к. формы на *-ся* имеют обычно непассивное значение: *он одева́ется* ‚oblieka sa' и т. п.[1]

Как видно, в русском языке спрягаемые формы пассива не образуются с той регулярностью, как в языках, располагающих однозначными морфологическими показателями пассива. В русском языке нет, строго говоря, точных соответствий пассивных форм типа лат. *puer lavatur* или нем. *der Junge wird gewaschen*.

Не образуются, как правило, и формы наст/вр пассива в 1-ом и 2-ом лицах (тип нем. *ich werde gewaschen*, *du wirst gewaschen*). В пределах форм нс/в нет также пассивного императива.

Акад. А. А. Шахматов очень тонко отметил, что пассивные формы возможны и при подлежащем, означающем одушевлённый предмет («лицо»), если они имеют своим «производителем» «неопределённый коллектив». Такие пассивные конструкции являются соответствиями активных оборотов с неопределённо-личным подлежащим, ср. *я обвиня́юсь в чём-либо* — (акт.) *меня́ обвиня́ют*, *я штрафу́юсь* — *меня́ штрафу́ют*, *я облича́юсь*, *вызыва́юсь*, *называ́юсь*.[2] Конструкции типа *ты обвиня́ешься мно́ю*, *я нака́зывался свои́ми роди́телями*, *я все́ми счита́юсь его́ дру́гом* теоретически вполне

---

[1] Многозначность формы на *-ся*, однако, не всегда является препятствием употребления такой формы в пассивном значении. Так, например, глагол *тащи́ться* обозначает ‚vliecť sa' (возвратный глагол с не-пассивным значением). Но Гоголь употребляет форму *тащи́лся* в пассивном значении: «Одино́ко в стороне́ тащи́лся *истомлёнными вола́ми* воз» (Сорочинская ярмарка). Здесь форма *тащи́лся* имеет значение ‚bol vlečený'.

[2] Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку, Учпедгиз 1952, 95/6.

возможны, но они не типичны для современного литературного языка. Многое зависит также от контекста.[1]

Особого внимания заслуживают формы пассивных причастий несовершенного вида. В грамматиках обычно приводятся только формы типа *чита́емый*. На самом деле русский язык располагает также аффиксальными пассивными формами причастий типа *стро́ящийся* и *стро́ившийся* (см. стр. 552 и 568).

Пассивное деепричастие от аффиксальных форм на *-ся* не образуется (формы *стро́ясь*, *стро́ившись* не имеют значение пассива). В отдельных случаях может быть, однако, образовано аналитическое деепричастие настоящего времени, ср. *бу́дучи люби́м все́ми*, *бу́дучи критику́ем*. Такие формы носят книжный характер и образуются только от «книжных» глаголов.

Пассивный инфинитив на *-ся* в русском языке представлен довольно отчётливо, ср. шутливое «Кара́сь в смета́не лю́бит *жа́риться*» (т. е. «быть жа́ренным»).

Пассивные образования совершенного вида

Глаголы совершенного вида образуют пассивные формы аналитически; пассивная форма с/в состоит из причастия прош/вр на *-н* или *-т* в сочетании с формой вспомогательного глагола *быть (Дом бу́дет постро́ен)*, а также с нулевой формой глагола *быть (Дом Ø постро́ен)*.

Аффиксальные формы пассива от глаголов с/в не образуются. В этом отношении русский язык отличается от словацкого или чешского, где свободно образуются пассивные формы перфективного презенса (со значением будущего времени): *Všetko sa pripraví* «всё будет приготовлено». По-русски нельзя сказать «всё приготовится».

Приведём формальный состав пассивной парадигмы совершенного вида в сопоставлении с формами актива:

---

[1] Фр. Копечный справедливо отмечает, что в тексте судебного приговора никто не будет считать глагол в предложении *обвиня́емый осужда́ется (obžalovaný se odsuzuje)* возвратным, ср. Passivum, reflexivní forma slovesná a reflexivní sloveso. Studie a práce linguistické I, Praha 1954, 225.

Совершенный вид

	актив	пассив
Презенс		(дом) *постро́ен*
Прош/вр	*он постро́ил* (дом)	(дом) *был постро́ен*
Буд/вр	*он постро́ит* (дом)	(дом) *бу́дет постро́ен*
Сослаг. наклон.	*он бы постро́ил* (дом)	(дом) *был бы постро́ен*
Инфинитив	*постро́ить* (дом)	(дом мо́жет) *быть постро́ен*
Деепричастие прош/вр	*постро́ив* (дом)	*бу́дучи постро́ен*
Причастие прош/вр	*постро́ивший* (дом)	*постро́енный*
Императив	*постро́й* (дом)	*будь постро́ен*

Сочетания типа *Дом постро́ен (был, бу́дет постро́ен)* обычно трактуются не в морфологии (как формы аналитического пассива), а в синтаксисе — как «присвязочные именные сказуемые». А. А. Потебня считал, что по степени грамматической слитности сочетания типа *он постро́ен* могут быть сравниваемы не с претеритальной формой типа *он стро́ил*, а с сочетаниями типа *он прав.*[1] Таким образом Потебня исключал сочетания типа *он постро́ен* из глагольной парадигмы. На той же точке зрения стоит проф. А. Б. Шапиро, считающий краткую форму причастия в сочетании *Он был уби́т* — «присвязочным словом».[2]

В первом томе Академической грамматики сочетания типа *Дом постро́ен, Дом был постро́ен* считаются описательными (сложными) формами страдательного залога (I 504); однако те же сочетания трактуются во втором томе в главе, посвящённой «Сказуемому, выраженному причастием» (II 482 сл.). О значении

[1] А. А. Потебня: Из записок по русской грамматике, М. 1958, 154.

[2] А. Б. Шапиро: О залогах в современном русском языке. Ученые записки Московского городского педагогического института. Кафедра русского языка. Вып. 1, том 5, Москва 1941, 60. — Глагол *быть*, выступающий в формах типа *дом был постро́ен*, не является связкой, а составной частью аналитической («описательной») глагольной формы, т. е. таким же вспомогательным глаголом, как, например, *som* в слвц. *písal som*.

этих форм сказано, что они обозначают «наличное состояние как результат осуществлённого действия», причём это значение «наличного состояния» может быть «отнесено к прошедшему и будущему времени»: *дом был постро́ен*, *дом бу́дет постро́ен* (I 37).

Нам кажется правильнее безоговорочно отнести приведённые типы сочетаний к морфологическим явлениям русского языка и считать их формами аналитического пассива. Именно так понимал дело С. О. Карцевский, считавший форму *По́ле вспа́хано* — «настоящим пассивом».[1]

Аналитические формы пассива следует отличать от присвязочных сочетаний кратких форм причастия, выпавших из глагольной парадигмы и ставших прилагательными. Отход от глагольной парадигмы сказывается ярче всего в утрате видового значения. Слово *пре́данный* ‚oddaný' в современном языке лишено значения совершенного вида. Как убедительно показал В. Крупа, фазисные глаголы (типа *стал*) не могут сочетаться с глаголами совершенного вида. Следовательно, если в языке встречается сочетание типа *стал пре́дан*, то это свидетельствует об утрате словом *пре́данный* глагольной категории (совершенного) вида, т. е. о его адъективизации, ср. «Он почти́ не отходи́л от Петра́ Степа́новича и, каза́лось, вдруг *стал* неограни́ченно ему́ *пре́дан*» (Достоевский, Бесы).[2] Сочетание глагола *стать* с пассивной формой невозможно: нельзя сказать «Дом стал постро́ен».

Грамматическое значение формы пассивного презенса совершенного вида

(Тип *Дом постро́ен*)

Прежде чем перейти к анализу грамматической семантики пассивных форм типа *постро́ен* в сочетаниях *Дом постро́ен*, необходимо преодолеть некоторые чисто терминологические затруднения. В литературе не раз отмечалось, что подобные формы имеют значение «перфекта»[3] и, поэтому, некоторые исследователи считают возможным называть сказуемостную форму *постро́ен* (в *Дом постро́ен*) — «перфектом». В дальнейшем будет показано,

[1] S. Kârcevski: Système du verbe russe, 1927, 120.

[2] Ср. В. Крупа: О некоторых формах страдательного залога совершенного вида (дипломная работа Братиславского университета, машинопись), стр. 10.

[3] А. А. Шахматов писал, что формы причастий на *-н* или *-т* «без соединения с вспомогательным глаголом употребляются для выражения перфекта» («Из трудов...», 1952, 97/8).

что «перфектное» значение отнюдь не является единственным грамматическим значением данной формы. Исходя из чисто формального критерия, форму *постро́ен* (т. е. причастие в сочетании с нулевой формой вспомогательного глагола) удобнее всего назвать пассивным презенсом совершенного вида.[1]

Пассивные формы с/в сочетают в себе два значения: они либо выражают «наличное состояние, вытекающее из действия в прошлом» (так называемое «перфектное« значение), либо обозначают неактуальный процесс-событие. В первом случае позволительно говорить о «статальном пассиве» (passivum staticum), во втором — о «процессуальном пассиве» (passivum actionis). В приводимых примерах разница в грамматическом значении обеих форм отчётливо сказывается в словацких эквивалентах:

Статальный пассив («перфектное» значение)	Процессуальнный пассив
Дом постро́ен из кирпича́.	*Дом постро́ен в про́шлом году́.*
Dom *je* postavený z tehál.	Dom *bol* postavený vlani.
	Dom *postavili* vlani.

Словацкий перевод (Dom *postavili*...) наглядно вскрывает процессуальное значение пассивной формы презенса.

Оба значения пассивного презенса с/в — статальное и процессуальное — должны быть сведены к одному общему (инвариантному) значению данной формы. Такое значение может быть установлено только путём раскрытия семантических оппозиций, функционирующих в системе всех пассивных форм индикатива.

Глагольная форма в предложении *Дом постро́ен* сама по себе не имеет никакого временного значения. Было бы ошибочно думать, что *постро́ен* в приведённом контексте выражает прошедшее время. В статальном употреблении *(Дом постро́ен из кирпича́)* на первый план выдвигается значение «наличного состояния» (т. е. отнесённость к моменту речи), а сам процесс-

---

[1] Фр. Копечный указывает на «внутреннее противоречие» этих форм. С одной стороны, они имеют форму презенса, с другой стороны, презенс совершенного вида не может выражать «настоящее время» (Passivum, reflexivní forma slovesná a reflexivní sloveso. Studie a práce lingvistické I, 1954, 231). Нам кажется, что здесь никакого противоречия нет, т. к. и в активе формы презенса (напр. *я постро́ю*) вовсе не обязательно выражают «настоящее время» (см. стр. 445).

событие, вызвавший данное состояние, лежит вне поля зрения говорящего. Если бы пассивный презенс с/в обладал только этим значением, то можно было бы говорить о русском «перфекте». Но пассивный презенс с/в может иметь и процессуальное значение *(Дом постро́ен в про́шлом году́)*. Форма *постро́ен* в этом предложении сама по себе не имеет никакого временно́го значения. Временна́я перспектива создаётся лишь дополнительно лексическими средствами — наличием в предложении обстоятельственных оборотов (наречий) времени, ср.:

На про́шлой неде́ле пу́щен но́вый цех.
За пе́рвую дека́ду вы́пущено свы́ше ты́сячи но́вых маши́н.
В теку́щем году́ откры́то не́сколько но́вых школ (из газет).

При переводе на словацкий язык во всех приведённых случаях появляются формы прошедшего времени *(bol daný* do prevádzky/*dali* do prevádzky; *vyrobili*; *otvorili)*. Та же форма пассивного презенса с/в, употребляемая в статальном значении, переводится на словацкий язык формой презенса:

Внима́ние всего́ мира *прико́вано* к Жене́вской конфере́нции (из газет). — Pozornosť celého sveta *je* upútaná...

Возможность (и даже необходимость) передачи одной и той же русской глагольной формы в одних случаях словацкой формой прошедшего времени, а в других — формой настоящего времени является пусть косвенным, но всё же красноречивым доказательством того, что данная форма лишена какого бы то ни было самостоятельного темпорального значения.

Общее грамматическое значение пассивной формы презенса с/в определяется оппозицией *(дом) постро́ен : (дом) был постро́ен.*

Форма пассива прош/вр типа *был постро́ен* содержит в своей семантике указание на разобщённость процесса-события, выраженного глагольной формой, с моментом речи. Это легко проверить: предложения, содержащие форму пассива прош/вр (типа *был постро́ен*), допускают вставку наречия «тогда», подчёркивающего отнесённость предикации к отрезку времени, разобщённому с моментом речи. Ср.:

Печа́ть осо́бо отмеча́ет, с каки́м удовлетворе́нием *бы́ли встре́чены* сове́тскими людьми́ результа́ты пе́реписи («тогда»!). В Еги́пте *бы́ли обнару́жены* бога́тые за́лежи ура́на (из газет). Ру́копись *была́ отпра́влена* в изда́тельство о́сенью сле́дующего го́да (Л. Леонов, Русский лес).

Форма пассива прош/вр с/в типа *был постр́бен* является сильным, маркированным членом оппозиции. Форма пассивного презенса с/в *(дом) постр́бен* является слабым, немаркированным членом оппозиции. Не выражая разобщённости процесса-события с моментом речи, она может обозначать и отнесённость данного процесса-события к моменту речи («перфектное значение»), и общую «неактуальную» временну́ю перспективу.

Подобное положение вещей наблюдается в словацком и чешском языках. Формы типа слвц. *je napísaný* (чеш. *je napsán*) сами по себе не имеют значения прошедшего времени. Пассивные формы этого типа, образованные от глаголов с/в, могут употребляться со значением исторического настоящего (т. е. «неактуального» процесса-события), ср.:

V létě básník posílá své verše nakladateli a již téhož roku *je* sbírka *vydána* — «издаётся».
Hikmet *je zapsán* nejdříve do vojenské námořní školy.
Po návratu do vlasti *je přivítán* vězením (из театральной программы).

В приведённых чешских примерах отчётливо сказывается «презенсовое» значение данных форм. В русском языке пассивный презенс с/в не употребляется для обозначения «неактуальных» событий, транспонированных в план настоящего исторического. Форма с/в заменяется там, где это возможно, формой пассивного презенса нс/в: *je vydán — издаётся*.

Пассивные формы прошедшего и будущего времени совершенного вида

(Тип *был постр́бен, бу́дет постр́бен*)

Выше говорилось о том, что в пассивном презенсе с/в (типа *Дом постр́бен*) следует различать значение статального пассива и значение процессуального пассива. Эти два значения сохраняются и за пассивными формами прошедшего и будущего времени с/в типа *(дом) был постр́бен, (дом) бу́дет постр́бен*.

Значение статального пассива, т. е. результата действия, имеется в таких случаях, как:

Когда́ мы вошли́ в ко́мнату, стол *был* уже́ *накры́т*.
Когда́ мы вернёмся, стол *бу́дет накры́т*.

В конструкциях, содержащих статально-пассивную форму, «производитель действия» не указывается.

Но наряду со статально-пассивным значением, формы типа

был постр́бен, *бу́дет постр́бен* могут иметь и процессуально-пассивное значение (passivum actionis),[1] ср.:

Нам *бы́ли вы́даны* блестя́щие све́жим воронёнием и ма́слом полуавтомати́ческие винто́вки (Вершигора, Люди с чистой совестью).
На́ша часть *была́ перебро́шена* в Н. (там же).
Вслед за чемода́ном *внесён был* ла́рчик из кра́сного де́рева (Гоголь).

Процессуально-пассивное значение имеют также формы будущего времени:

В са́мом ско́ром вре́мени подготови́тельные рабо́ты *бу́дут зако́нчены*.
Таки́м о́бразом *бу́дет создана́* материа́льная ба́за для проведе́ния в жизнь гига́нтского прое́кта.
Сле́дующее совеща́ние *бу́дет со́звано* в ноябре́ (из газет).

Возможность выражения процесса-события (в разных временны́х планах) свидетельствуют о том, что сочетания *был постр́бен*, *будет постр́бен* не являются «присвязочными формами причастий» (как иногда думают), а настоящими парадигматическими формами пассива.

Пассивные формы с/в, выражаемые в русском языке аналитически, противопоставлены пассивным формам нс/в с аффиксом *-ся* по признаку выраженности/невыраженности процессуально-пассивного значения. Формы типа *стр́бится*, *стр́бился*, *бу́дет стр́биться* обозначают всегда лишь passivum actionis, между тем как формы *(дом) постр́бен*, *был постр́бен*, *бу́дет постр́бен* в своей семантике не содержат указания на процессуально-пассивное значение. Поэтому эти формы могут выражать как процессуально-пассивное, так и статально-пассивное значение.

Наличный состав индикативных форм пассива может быть представлен в следующей таблице:

	Процессуально-пассивное значение выражено	Процессуально-пассивное значение не выражено
Презенс	(дом) *стр́бится*	(дом) *постр́бен*
Прош/вр	(дом) *стр́бился*	(дом) *был постр́бен*
Буд/вр	(дом) *бу́дет стр́биться*	(дом) *бу́дет постр́бен*

[1] Этот факт подчёркивается и В. Крупой в его цитированной работе (стр. 37 и сл.).

Как видно, общие (инвариантные) значения индикативных форм пассива не являются простой «суммой» их видовых и временных значений.

В современном русском языке (в печати, в теоретических работах) пассивные конструкции не только получили широкое распространение, но начали прямо вытеснять активные конструкции. Там, где по сути дела «производитель действия» может или должен остаться невыраженным, русский язык прибегает к пассиву. Именно эта возможность устранения «производителя действия» из поля зрения предложения и обусловливает распространение пассива за счёт актива. Надо раз навсегда отказаться от школьной «истины», будто пассивные обороты являются ничем иным, как «перевёрнутыми» активными оборотами. Пассивные обороты стилизируют действительность не так, как активные обороты. Поскольку пассив находит своё выражение в глагольных формах, мы вправе говорить не только о «пассивных конструкциях», но и о парадигматических пассивных формах глагола.

В современном языке почти больше не употребляются сочетания кратких форм причастия прошедшего времени бесприставочных глаголов несовершенного вида и вспомогательного глагола *быть*. В языке классиков XVIII и XIX века ещё встречаются такие сочетания, ср. «Имена им даваны новые, но нравы у них остались прежние» (Сумароков, Опекун), «Давались его пьесы ‚Тартюф' и ‚Мнимый больной'. Обе были очень хорошо ѝграны» (Гоголь). В современном языке здесь фигурировали бы формы совершенного вида «имена́ им *даны́*», «о́бе пье́сы бы́ли о́чень хорошо́ *сы́граны*». Такие сочетания, как *Письмо́ пи́сано карандашо́м* в литературном языке, однако, не являются редкостью. По своему значению форма несовершенного вида *пи́сан* мало чем отличается от формы совершенного вида *напи́сан*. Разница между предложениями *Письмо́ пи́сано/напи́сано карандашо́м* во всех отношениях полностью соответствует разнице, имеющейся в активных предложениях типа *Э́то письмо́ писа́л/написа́л мой брат*. Это явление называется «конкуренцией видов». Аналитические формы пассива, образованные при помощи причастия несовершенного вида, в современном литературном языке непродуктивны.[1]

Своеобразным морфологическим «курьёзом» является пассивная импе-

---

[1] В народном языке бытуют, однако, такие формы, как *ко́шено, идёно, ля́жено, бы́вано, спа́но, хо́жено* (ср. акад. С. П. Обнорский: Очерки по морфологии русского глагола, 1953, 157). Ср. также фразеологизмы, проникшие в литературный язык типа *К нему́ хо́жено-перехо́жено, е́зжено-пере́зжено*.

ративная форма *Будь про́клят!* — пассивный коррелят к активной форме *прокляни́*! Следует отметить, что такие пассивные императивные формы свободно употребляются в транспозиции, в условных предложениях типа «*Будь э́то ска́зано* други́м то́ном, я бы не оби́делся».

Сопоставление словацкого (чешского) пассива с русским

В словацком языке инвентарь форм, могущих выразить категорию пассива, богаче, чем в русском, но в предикативных конструкциях эти формы употребляются значительно реже, чем в русском. Под влиянием взглядов некоторых пуристов и стилистов пассив сознательно избегался. Ещё в недалёком прошлом школа вела борьбу с пассивом,[1] считавшимся «несловацким» грамматическим явлением; при общей ориентации словацкого литературного языка на народные говоры неоднократно указывалось, что именно говорам пассивные конструкции чужды, и что, следовательно, их не следует употреблять и в литературном языке. За последние годы пассивные конструкции стали широко проникать в язык газеты, ср.:

Vláda rozhodla, že v Turkmensku *bude postavený* nový kanál.
Kongres *bude otvorený* budúci pondelok и т. п.

Употребление пассивных форм в словацком литературном языке было теоретически обосновано профессором Э. Паулини. Борьбу с пассивом, «являющимся неотъемлемой частью современной литературной нормы», профессор Э. Паулини считает не только безнадёжной, но и вредной.[2] Профессор Э. Паулини различает в словацком языке «возвратный пассив» (тип *dom sa stavia*) и «собственно пассив» (тип *som chválený*). Там, где надо выразить «действие» (т. е. процессуальность), проф. Э. Паулини рекомендует «переводить» активную конструкцию типа *robotníci pália tehly* ‚рабочие обжигают кирпич' только в «возвратный пассив» *(tehly sa pália)*, а не в «собственно пассив» *(tehly sú pálené)*, т. к. форма *pálené* двусмысленна: она может обозначать «состояние» (‚кирпич обожжённый') и «действие» (‚кирпич обжигается').

В предложениях с неопределённо-личным подлежащим в словацком языке «конкурируют» два типа: активный *(Syr robia z mlieka)* и пассивный (*Syr sa robí z mlieka*). Наоборот, в чешском языке активные обороты типа *Sýr dělají z mlêka* носят, по наблюдению О. Парольковой, явно «просторечный» (lidový) характер и не могут употребляться, например, в научном изложении.[3]

[1] Ср. «Zásadne vyhýbať trpnému stavu (!) netreba, a len všade tam, kde *cítiť skôr dej ako stav*, prichodí dať prednosť činnému deju (!) pred trpným rodom». B. Letz: Gramatika slovenského jazyka, 1950, 330.

[2] E. Pauliny: Pasívum v spisovnej slovenčine, Slovo a tvar 3 (1949), 3, 124.

[3] O. Parolková: Zvratná pasivní forma. Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české I, Praha 1956, 91.

Словацкий пассив не знает в формальном отношении тех ограничений, которые так характерны для современного русского литературного языка. Если в русском языке «возвратный» пассив образуется преимущественно от глаголов несовершенного вида (*стро́ится, стро́ился, бу́дет стро́иться* и т. д.), а аналитический пассив — от глаголов совершенного вида (*дом постро́ен, был постро́ен* и т. п.), то в словацком языке как «возвратный», так и аналитический пассив образуются от глаголов обоих видов. Принципиально от каждой видовой формы можно образовать в словацком языке четыре серии пассивных форм:

	«Возвратный пассив»	«Собственно пассив» (аналитический)
Несоверш. вид	jedlo *sa pripravuje* jedlo *sa pripravovalo* jedlo *sa bude pripravovať* и т. д.	jedlo *je pripravované* jedlo *bolo pripravované* jedlo *bude pripravované* и т. д.
Соверш. вид	jedlo *sa pripraví* jedlo *sa pripravilo* и т. д.	jedlo *je pripravené* jedlo *bolo pripravené* jedlo *bude pripravené* и т. д.

Итак, словацкий пассив отличается от русского в следующих пунктах:

1. В словацком языке образуется «возвратный пассив» от глаголов совершенного вида (тип *jedlo sa pripraví*); в русском языке, в значении будущего времени, употребляются формы аналитического пассива с/в (тип *ку́шанье бу́дет пригото́влено*). Формы типа *Ве́щи уло́жатся* в русском языке возможны, но они редки и нетипичны.

2. В словацком языке широко употребляются аналитические формы пассива, образованные от причастий несовершенного вида приставочных глаголов (тип *jedlo je pripravované*); в русском языке конструкции типа *ку́шанье приготовля́емо* теоретически возможны, но малоупотребительны и нетипичны.

В соответствии с типичной для словацкого языка «стандартностью» формообразования, аналитические формы пассива несовершенного вида могут быть образованы почти от любого переходного глагола. Но далеко не все теоретически возможные формы фактически употребляются.

Значение пассивной процессуальности сохраняют прежде всего формы, образованные от вторичных приставочных глаголов несовершенного вида типа *je pripravovaný* ‚приготовляется, готовится', *je obnovovaný* ‚обновляется', *je navrhovaný* ‚предлагается, выдвигается', *je osvetľovaný* ‚освещается', *je vysvetľovaný* ‚объясняется'[1] и т. п. Значение процессуальности

[1] Сохранение значения несовершенного вида здесь обусловлено наличием суффикса *-ovaný*, подчёркивающего у приставочных глаголов их отнесённость к несовершенному виду.

сохраняется и в остальных формах этого типа, ср. *bol pripravovaný, bude pripravovaný*. Тип живой и в теоретических стилях продуктивный.

Аналитические формы пассива, образованные от бесприставочных глаголов несовершенного вида могут иметь два значения:

а) Значение процессуальности с сохранением значения несовершенного вида, напр. Jeho práca *je nesená* úsilím o poznanie ‚его труд проникнут стремлением...'[1] *Bol* vždy *vedený* snahou pomôcť ‚им всегда руководило стремление помочь'.

б) Статальное значение, напр. Kniha je *písaná* populárne ‚книга писана/написана популярно'. Здесь мы имеем дело с «конкуренцией видов», хорошо известной в активных конструкциях типа *Кто писáл/написáл э́то письмó*, слвц. Kto *písal/napísal tento list?*

Формальный состав пассива в чешском литературном языке мало в чём отличается от словацкого пассива. Единственным существенным различием является употребление в аналитических формах пассива кратких причастий (ср. чешское литературное *je vybudován -a -o*; *jsou vybudovány*). Кроме того, чешскому, как и русскому языку, неизвестно своеобразное согласование формы причастия с родительным счёта, в котором стоит подлежащее при числительных, ср. слвц. V jedálni bolo obslúžených mnoho tisíc stravníkov ‚в столóвой бы́ло *обслу́жено* (чеш. *bylo obslouženo*) мнóго ты́сяч столу́ющихся'; Pri výbuchu bolo zabitých šesť osôb ‚при взры́ве бы́ло *уби́то* (чеш. *bylo zabito*) шесть человéк'; Doteraz bolo uverejnených dvanásť zväzkov ‚до сих пор бы́ло *опублико́вано* (чеш. *bylo uveřejněno*) двена́дцать томóв'.

В чешской языковедческой традиции выделяется ещё один тип страдательного залога, так называемый «безличный» или «бессубъектный пассив» (neosobní, nepodmětové passivum). К этому типу относят конструкции:

а) *Mluvilo se* o tom (с косвенно-переходным глаголом);

б) Večer *se zpívalo;* Dnes *se nepracuje*; Tam *se* hodně *pije* (с непереходным глаголом действия[2] — dejové slovesá);

в) *Nechce se mi; spí se* (mně dobře) (с непереходным глаголом состояния — stavové slovesá).

Фр. Копечный подчёркивает, что «пассивный характер этих конструкций проявляется слабее всего» (цит. соч., 225), но всё же считает возможным отнести их именно к пассиву. Пассивность приведённых конструкций дана, согласно Фр. Копечному, прежде всего «устранением (подавлением) агента, т. е. активного элемента» (225, 233). В нашем понимании, единственным семантическим критерием пассива является направленность

---

[1] В русском переводе (‚проникнут') значение именно несовершенного вида, присущее слвц. форме *nesený*, к сожалению, стирается.

[2] Подчеркнём, что конструкции типа *zpívalo se, tam se hodně pije* образованы от глаголов *zpívat* и *pít* именно в их непереходном значении, в чём нетрудно убедиться, образовав соответствующие невозвратные формы: *Večer zpíváme*; *Hodně piji* (непереход.).

действия на субъект (S ← V); участие или неучастие «агента» (производителя действия) в самом действии представляется нам для определения пассива иррелевантным. Ведь «агент» устранён из поля зрения и в таких явно «активных» предложениях, как *Об э́том ничего́ не говори́ли* или, ещё радикальнее: *На́чало света́ть*. Отсутствие грамматически выраженного субъекта (подлежащего), умышленная «неназванность» субъекта в предложениях типа *mluvilo se, zpívalo se, pracuje se* исключает схему S ← V. В таком случае нам представляется более правомерным считать подобные конструкции не-пассивными. Предлагаем отнести их к возвратным формам (с не-пассивным залоговым значением).

В связи с общей проблематикой пассива нельзя не коснуться своеобразных словацких и чешских конструкций типа слвц. *Mám obed uvarený* или *Mám podojené*. Проф. Паулини вводит сочетания типа *mám uvarený -ú -é* прямо в глагольную парадигму, считая их формами «перфекта состояния» («stavové perfektum»).[1] Этот тип широко распространён в словацком разговорном языке и в литературе. В русском языке, где сфера глагола *име́ть* значительно ограничена по сравнению со сферой слвц. *mať*, этому своеобразному «перфекту состояния» соответствуют конструкции с «*у меня́* + причастие в среднем роде». Такие конструкции известны в древнем языке, они встречаются и в народных говорах, ср. «А только у *мужа* в год все *припасано*» (Домострой) ‚muž *má* všetko *prichystané*', «*У меня́* уже́ два пла́тья *сно́шено*» (среднерусские говоры).[2] В. Крупа обратил внимание на наличие подобных конструкций в литературном языке, ср. «Всё *бы́ло* у них *приду́мано* и *предусмо́трено*» (Гоголь) ‚všetko mali premyslené', «Это кре́сло *у меня́ уж ассигно́вано* для го́стя» (Гоголь) ‚toto kreslo už *mám rezervované* pre hosťa'. Оборот типа *У меня́ обе́д сва́рен*, точно соответствующий слвц. *Mám obed uvarený*, не противоречит норме современного литературного языка. Однако предпочтение отдаётся, по-видимому, другим, более идиоматическим оборотам, вроде *У меня́ обе́д гото́в*. Во всяком случае слвц. предложение *Mám kabát oblečený* нельзя передать русским оборотом «У меня́ пальто́ оде́то». С другой стороны, в русском языке имеются конструкции с «*у меня́* + *причастие*», не поддающиеся передачи на словацкий язык посредством «перфекта состояния», ср. «*У того́ ко́ли ска́зано* про челове́ка — подле́ц, так уж кро́ме подлеца́ он про него́ ничего́ и не ве́дает» (Дост.), «*У него́ уже решено́ было...*» (Дост.).[3] Эти конструкции почти не изучены, так что пока трудно обобщить более или менее случайные наблюдения.

Итак, языковые факты позволяют нам выделить в русском и в словацком (чешском) языке два залога: пассивный и непассивный (активный). Выделение «возвратно-среднего» (или «средне-возвратного» или просто «возвратного») залога мы счи-

---

[1] E. Pauliny: Slovenské časovanie, 1949, 55.
[2] Ср. В. И. Борковский, ВЯ 1953/3, 143.
[3] V. Krupa: цит. соч. 55/7.

таем необоснованным (см. ниже). Так как возвратные формы функционируют в наших языках в разных планах, необходимо будет остановиться на проблематике, связанной с функциями аффикса *-ся* (или возвратного местоимения *sa/se* и *si*) в наших языках.

Возвратный глагол или возвратная форма?

Не всякое глагольное образование на *-ся* может рассматриваться как грамматическая форма соответствующего невозвратного глагола. В большинстве случаев глаголы с аффиксом *-ся* имеют другое лексическое значение, чем соответствующие глаголы без этого аффикса. С полной наглядностью это проявляется у таких глаголов, как *учи́ться* в значении ‚učiť sa' (англ. *to learn*, нем. *lernen*, лат. *discere*) и *учи́ть* ‚učiť, vyučovať' (англ. *to teach*, нем. *lehren*, *unterrichten*, лат. *docere*). Было бы крайне странным толковать глагол *учи́ться* как форму глагола *учи́ть* со значением «учи́ть самого́ себя́». По своему значению глагол *учи́ться* является самостоятельной лексической единицей, лишь этимологически связанной с глаголом *учи́ть*.[1] Будучи бесспорно новым глаголом, слово *учи́ться* и приводится в словарях в качестве самостоятельного заглавного слова, а не в качестве грамматической формы слова *учи́ть*. То общее, что отличает любой невозвратный глагол от соответствующего возвратного, дано не каким-то «возвратным» значением аффикса *-ся* (якобы обозначающего, что действие, «исходящее» из субъекта, как бы «возвращается» к тому же субъекту). В грамматическом отношении «значение» аффикса *-ся* сводится к эксплицитному выражению непереходности, к снятию переходного значения, имеющегося в «соответствующем» невозвратном глаголе. Будучи глаголом с формально выраженным значением непереходности, глагол *учи́ться* никак не может быть истолкован как «учи́ть *самого́ себя́*». Утверждение, будто аффикс *-ся/-сь* имеет в глаголах этого типа значение «самого себя» и будто «производитель действия является вместе и прямым объектом дей-

[1] Такая же, чисто этимологическая связь существует, разумеется, и между немецкими глаголами *lehren* и *lernen*, а также между латинскими глаголами *docere* и *discere*, только здесь эта этимологическая связь затушёвана явлениями словообразовательного и фонетического порядка.

ствия» (Акад. грамм. I 419), не находит себе подтверждения в материале, т. к. непереходные глаголы (типа *учи́ться*) потому и являются непереходными, что не имеют при себе никакого прямого объекта, в том числе и такого, который будто бы «совпадает с производителем действия». Логические рассуждения, неизменно приводимые в грамматиках для «пояснения» значения возвратных образований, не только не помогают учащемуся разобраться в грамматической сути глагольной возвратности, но прямо стушёвывают объективно существующие грани между явлениями грамматического и лексического порядка.

Образования на *-ся* выступают в русском языке в двух функциях: в качестве лексически самостоятельных возвратных глаголов и в качестве возвратных форм невозвратных глаголов. Для отнесения возвратного образования к возвратным глаголам или к возвратным формам решающим является его семантика.

Лексическая самостоятельность возвратных глаголов наиболее выпукло выступает в тех случаях, где глагол на *-ся* по своему значению настолько отошёл от соответствующего глагола без *-ся*, что затруднительно свести их к единому семантическому знаменателю. В одном из своих значений глагол *собира́ться* выступает с оттенком волюнтативной модальности в значении снаряжаться, готовиться ‚chystať sa, hodlať', напр. *Он собира́ется поступи́ть в университе́т.* В семантической структуре глагола *собира́ть* сохранилось то значение, которое послужило связующим звеном между глаголом *собира́ть* ‚zbierať' и *собира́ться* ‚chystať sa, hodlať', ср. *собира́ть гриби́ — собира́ть ве́щи — собира́ть ве́щи в доро́гу — собира́ть кого-л. в путь — собира́ться в путь — собира́ться поступи́ть в университе́т.* Эти «переходы» значения лежат, однако, в историческом плане. В синхронном разрезе семантическая связь между значением глагола *собира́ть кого-л. в путь* и *собира́ться поступи́ть (уе́хать, написа́ть письмо́)* больше не ощущается. Можно утверждать, что глагол *собира́ться с инф.* семантически эмансипировался от глагола *собира́ть*.

В ряде случаев в синхронном плане вообще нельзя установить связующее звено между возвратным и исходным невозвратным глаголом: глагол *вози́ться* ‚babrať sa, pobiehať' семантически не имеет больше ничего общего с глаголом *вози́ть* ‚voziť'.

Но и в тех случаях, когда возвратный непереходный глагол сохраняет *связь* с лексическим значением соответствующего невозвратного глагола, наличие аффикса *-ся* придаёт ему весьма существенный дополнительный оттенок значения. Этим «дополнительным» оттенком значения является формально выраженная непереходность. Именно этот признак и отрывает зна-

чение глаголов типа *рáдоваться* от глаголов типа *рáдовать кого-л.* Такой семантический отрыв отчётливо сказывается во всех случаях, ср. *Наш сосéд стрóит дом* (переход.) — *Наш сосéд стрóится* ‚náš sused stavia' (непереход.).

Можно было бы возразить, что переходные или непереходные значения глагола ещё не являются достаточным критерием для расщепления глагола на две самостоятельных лексических единицы. Глагол *писáть* в переходном употреблении *(писáть урóк)* и в непереходном употреблении *(писáть в газéтах)* безусловно сохраняет единство своей семантической структуры и не распадается на два глагола *писáть* I и *писáть* II, ср. слвц. *stavať dom* и *stavať* (непереход.). Однако в случае *рáдовать* и *рáдоваться*, *стрóить* и *стрóиться*, *вернýть* и *вернýться* дело обстоит иначе. Непереходность глагола *писáть* в сочетании *писáть в газéтах* остаётся морфологически невыраженной (имплицитной), в то время как непереходность глаголов *рáдоваться*, *стрóиться*, *вернýться* выражена формально (эксплицитно). Морфологическим выразителем непереходности является аффикс *-ся*.

Итак, под термином «возвратные глаголы» мы подразумеваем категорию не грамматическую, а лексическую. В отношении категории залога возвратные глаголы типа *учúться*, *занимáться* или *собирáться* ничем не отличаются от близких по значению «активных» (т. е. «не-пассивных») глаголов, как *зубрúть* ‚bifľovať' или *хотéть* (в непереходном употреблении) ср. *Он учúлся (занимáлся, зубрúл) всю ночь; Он собирáется (хóчет) поступúть в университéт.*

От возвратных глаголов следует отличать возвратную форму невозвратных глаголов. Принципиальная разница между возвратным глаголом и возвратной формой была на чешском материале убедительно показана Фр. Копечным.[1]

ВОЗВРАТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Вся сложность проблематики, связанной со значением и функциями возвратных образований, обусловлена, в первую очередь, омонимичностью аффикса *-ся:* «одно и то же» возвратное

[1] Fr. Kopečný. Passivum, reflexivní forma slovesná a reflexivní sloveso, Studie a práce linguistické I (Havránkův sborník), 1954, 224/47.

образование может иметь в русском (и словацком, чешском) языке разные функции, и, следовательно, разные значения. Так возвратное образование *мóется* может быть возвратной формой глагола *мыть*, например, в сочетании *Окнó мóется мы́лом* ‚oblok sa umýva mydlom'. Залоговое значение этой формы — пассивное. То же возвратное образование *мóется* в сочетании *Ма́льчик мóется мы́лом* является, однако, формой возвратного глагола *мы́ться* с не-пассивным (активным) залоговым значением.

О возвратных формах мы вправе говорить лишь в том случае, если образование на *-ся* является формальным проявлением морфологической категории.

Можно различать два типа возвратных форм:

а) морфологические возвратные формы — служащие для формального выражения морфологической категории страдательного залога: *Дом стрóится, Окнó мóется;*

б) синтаксические возвратные формы — служащие для формального выражения синтаксической категории безличности: *Мне не спи́тся, не хóчется, не рабóтается;* залоговое значение этих форм — активное (не-пассивное).

Для определения значения и функции возвратного образования решающим является, как видно, синтаксический и семантический контекст. Сочетание *Окнó мóется* толкуется нами как выражение пассива (S ← V) потому, что подлежащим в данном предложении является существительное со значением не-лица. При переводе на язык с хорошо развитой парадигмой пассива здесь появляется форма страдательного залога, ср. нем. Das Fenster wird gewaschen. Сочетание *Ма́льчик мóется* воспринимается нами как выражение активного (не-пассивного) действия, т. е. как форма возвратного глагола *мы́ться*, т. к. в роли подлежащего здесь выступает существительное со значением лица; в немецком языке здесь появляется возвратный глагол: Der Junge wäscht sich. Ср. ещё: *Дом стрóится* (пассив) — *Наш сосéд стрóится* ‚náš sused stavia' (актив).[1]

Морфологические возвратные формы (пассивные формы) образуются только от *переходных* глаголов, ибо (в пределах личных

---

[1] Сказанное остаётся в силе при *метонимическом* употреблении в качестве подлежащего существительного со значением лица, ср. *Tolstoj sa u nás veľa číta*, где *Tolstoj* заменяет сочетание «произведения Толстого».

форм) категория страдательного залога представлена только у переходных глаголов.

Синтаксические (безличные) возвратные формы образуются только от *непереходных* глаголов,[1] ср. *Мне не спи́тся, не рабо́тается, Мне ду́мается, Как вам живётся там?*

С. О. Карцевский несколько переоценивал продуктивность безличных форм на *-ся*, утверждая, что «в русском языке практически (pour ainsi dire) нет глагола, переходного или непереходного, не могущего быть употреблённым в безличном обороте».[2] На самом деле безличные формы образуются только от непереходных глаголов, или, вернее, от непереходных значений. Форма *е́стся сы́тно*, приводимая С. О. Карцевским, образована от глагола *есть*, но не в его переходном значении *(есть что-л.)*, а в непереходном значении *(есть сы́тно)*. Кроме того, существуют большие группы глаголов, не знающих — в силу своей семантики или в силу своих стилистических признаков — безличных форм.[3]

Безличные формы могут употребляться или абсолютно *(Сего́дня что́-то не спи́тся)* или с дательным лица *(Мне сего́дня не спи́тся)*. Безличные формы иногда выражают определённые модальные оттенки. Так, например, предложение *Мне не спи́тся* вовсе не тождественно по значению с личным предложением *Я не сплю;* оно скорее соответствует слвц. *Nemôžem spávať.*

Образование возвратных форм

Возвратные формы образуются в русском языке посредством аффикса, выступающего в двух вариантах: *-ся* и *-сь*. Их распределение урегулировано: к глагольным формам, оканчивающимся на согласный, присоединяется, как правило, вариант *-ся;* неслоговой вариант *-сь* присоединяется, как правило, к формам, оканчивающимся на гласный:

[1] Подчеркнём, что далеко не все непереходные глаголы образуют безличные возвратные формы. Нельзя сказать «мне идётся», «мне та́щится» и т. п.

[2] S. Karcevski, цит. соч. 89.

[3] Безличные формы, по-видимому, легче образуются от глаголов конкретно-бытовой лексики, чем от глаголов отвлечённых и книжных. Если, с известной натяжкой, можно в шутливом тоне сказать *Мне здесь неду́рно существу́ется*, то сочетания типа «мне прису́тствуется», «мне выздора́вливается», «мне негоду́ется», «мне зави́дится» уже выходят за пределы «возможного». Разумеется, безличные формы не образуются в русском языке от глаголов, уже содержащих аффикс *-ся*; нельзя сказать *«мне у́чится»* в значении словацкого *dobre sa mi učí*.

	Форма оканчивается на согласный	Форма оканчивается на гласный
Инфинит.	учи́ть-*ся*	
Наст. вр.	ты у́чишь-*ся* он у́чит-*ся* мы у́чим-*ся* они́ у́чат-*ся*	я учу́-*сь* вы у́чите-*сь*
Императ.		учи́-*сь* учи́те-*сь*
Дееприч.		уча́-*сь*, учи́вши-*сь*
Прош. вр.	учи́л-*ся*	учи́ла-*сь* учи́ло-*сь* учи́ли-*сь*

Исключением из общего правила являются причастия: все без исключения формы причастий принимают, независимо от характера последнего звука, аффикс *-ся*, ср.:

уча́щий-*ся*	учи́вший-*ся*
уча́щая-*ся*	учи́вшая-*ся*
уча́щее-*ся*	учи́вшее-*ся*
уча́щие-*ся*	учи́вшие-*ся*
уча́щего-*ся*... и т. д.	учи́вшего-*ся* и т. д.

В народном языке неслоговый вариант *-сь* часто заменяется вариантом *-ся*, ср. в былинах:

Тут съезжа́л*ися* да собира́л*ися*
А все пья́ницы да все пропо́ицы. . .

Замена варианта *-сь* вариантом *-ся* (но не наоборот!) в художественной поэзии объясняется ритмико-метрическими соображениями, ср.:

В гранит *оде́лася* Нева,
Мосты́ пови́сли над вода́ми (Пушкин, Медный всадник).

В словацком и чешском языках возвратный показатель *sa/se* и *si* остаётся более или менее самостоятельным энклитическим «словом», ср. Žiak *sa učí* ľahko, ale *učí sa* málo. Здесь нет полного

слияния возвратного элемента с глаголом. Ср., однако, *Neboj sa, neboj!; Uč sa len, uč!*, где возвратный показатель не повторяется второй раз.

О категории возвратности

«Возвратность» не является глагольной категорией. Она связана с определённым рядом «возвратных» местоимений типа *свой, себя́, себе́, собо́й* и лишь посредственно отражается в значении возвратных глаголов. Надо помнить, что аффикс *-ся/-сь* восходит к энклитической форме винительного падежа возвратно-личного местоимения (праслав. **sę*), представленного современным словацким *sa*, чеш. *se*. Акад. Б. Гавранек показал, что это энклитическое местоимение «сохранило падежную функцию винительного падежа и своё значение вне возвратных глагольных образований вплоть до исторической эпохи и отчасти сохраняет их поныне».[1] Особенно чётко синтаксическая самостоятельность местоимений *sa/se* сказывается в таких конструкциях, как чеш. *Viděl se obuta* ‚он видел себя обутым' или слвц. *Videl som sa v zrkadle celého* ‚я видел себя в зеркале целиком'.[2]

Для наших наблюдений важно то, что в употреблении и в значениях возвратных местоимений (притяжательных и личных) между русским языком и словацким (чешским) имеются существенные расхождения. Разница в употреблении возвратных местоимений переносится и в сферу возвратных глаголов.

Русские возвратные местоимения *свой, себя́, себе́, собо́й* совпадают по своему значению с слвц. *svoj, seba, sebe, sebou* лишь в «собственно-возвратной» функции, т. е. если лицо, обозначаемое местоимением, тождественно с лицом, обозначаемым подлежащим предложения, напр. *Я купи́л э́то для себя́ — Kúpil som to pre seba* [ср. *Ты (он, она́) купи́л(а) э́то для себя́; Я (ты, он) недовблен собо́й; Я (ты, он) уважа́л свои́х учителе́й*]. В словацком и в чешском языках возвратные местоимения могут, однако, иметь такое «взаимно-возвратное» значение, для передачи которого в русском языке выработалось особое местоимение типа *друг дру́га, друг дру́гу, друг с дру́гом* и т. п. Ср. возвратно-личное местоимение *seba* в предложении Pozreli na *seba* ‚они́

[1] B. Havránek: Genera verbi I, 1928, 175.
[2] Там же, 140.

посмотре́ли друг на дру́га'; Domy boli *od seba* vzdialené niekoľko krokov ‚дома́ отстоя́ли друг от дру́га на не́сколько ме́тров'; Knihy ležali *na sebe* ‚кни́ги лежа́ли друг на дру́ге, (дословный перевод) и т. п. В словацком и чешском языках «взаимно-возвратное» значение может быть передано и притяжательно-возвратным местоимением *svoj*, ср. устойчивый оборот Vtedy sme ešte neboli *svoji* «тогда́ мы ещё не́ были жена́ты» (т. е. «не принадлежа́ли друг дру́гу»). «Взаимность» здесь может быть истолкована в таком смысле: «ты была моей, а я был твоим». Русскому языку такое «взаимно-возвратное» употребление возвратных местоимений чуждо. В словацком и чешском языках это «взаимно-возвратное» значение сохраняется и за энклитическими формами возвратных местоимений *sa*/*se* и *si*, ср. Ľúbili *sa* ‚они́ люби́ли друг дру́га'; Pomáhali *si* ‚они помога́ли друг дру́гу'.

Все эти и подобные расхождения между употреблением русских и словацких (чешских) возвратных местоимений должны быть учтены при разборе так называемых «значений» возвратных глаголов. При сопоставительном изучении категории возвратности специфика каждого из исследуемых языков раскрывается с полной наглядностью.[1]

Значения возвратных глаголов

Исследователи, исходящие из трихотомического деления русских залогов и признающие, кроме действительного и страдательного, ещё и «средне-возвратный» (или «возвратно-средний») залог, приводят обычно целый ряд оттенков значения, выражаемых «средне-возвратным» залогом. Такие оттенки признаются «залоговыми», т. е. грамматическими значениями (Акад. грамм. I 418). При дихотомическом делении категории залога на страдательный и действительный («не-страдательный») залог, глаголы типа *умыва́ться* или *ра́доваться* будут толковаться не как «залоговые формы» глаголов *умыва́ть* или *ра́довать*, а как самостоятельные возвратные глаголы: различные «значения» этих глаголов будут, следовательно, разбираться не в грамматичес-

[1] Ср. A. V. Isačenko: Poznámky k reflexívam v ruštine, slovenčine a češtine, Československá rusistika 1 (1956), 1, 64/73.

ком, а в лексическом плане. Речь идёт о семантических группах глаголов с выраженной непереходностью, причём семантические разновидности даны не столько многозначностью аффикса *-ся/-сь*, сколько лексическим значением индивидуальных глаголов, составляющих эти группы.

Относя возвратные глаголы к «средне-возвратному залогу», Академическая грамматика говорит об «общем значении» глаголов этого залога. Общим семантическим признаком всех этих глаголов является «значение сосредоточенности действия на самом производителе его» (там же). Но ведь значение «сосредоточенности действия на самом производителе», т. е. нераспространённость действия на объект, является общим значением не «средне-возвратного залога», а общим значением — непереходных глаголов. Напомним, что значение «сосредоточенности действия на самом производителе» в равной мере присуще возвратному глаголу *торопи́ться* и его синониму, невозвратному глаголу *спеши́ть* (ср. слвц. *ponáhľať sa* — чеш. *pospíchat*). Разницы в «общем значении» здесь нет. Глаголы *торопи́ться* и *спеши́ть* отличаются в формальном отношении тем, что в первом случае непереходность эксплицитна, т. е. формально выражена аффиксом *-ся*, а во втором случае непереходность имплицитна, т. е. формально остаётся невыраженной (см. стр. 357/58).

Возвратные глаголы образуют в наших языках ряд семантических групп. Различия между этими группами лишь отчасти сводятся к многозначности отношений, выражаемых возвратным аффиксом. Специфика и объём каждой из этих групп могут быть успешно раскрыты при сопоставительном исследовании возвратных глаголов.

1. «Собственно-возвратное» значение

(Тип *Ма́льчик мо́ется*)

О «собственно-возвратном значении» говорят в тех случаях, когда «производитель действия является вместе и прямым объектом действия», т. е. когда аффикс *-ся* является якобы «ясным выражением ‚возвращённости' действия на самого производителя», выступая таким образом в значении «себя» (Акад. грамм. I 418), например: *мы́ться*, *умы́ться*//*умыва́ться*, *оде́ться*//*одева́ться*, *причеса́ться*//*причёсываться*, *обу́ться*//*обува́ться*, *ма́заться*, *пу́дриться* и т. п. Обычно указывают, что действие данных глаголов распространяется лишь на внешность действующих лиц и что эти глаголы обозначают конкретные действия.

Эти глаголы не могут быть признаны «залоговыми формами»

соответствующих невозвратных глаголов *мыть*, *умы́ть//умыва́ть*, *оде́ть//одева́ть* и т. п. Конечно, с точки зрения истории языка, аффикс *-ся* в этих глаголах восходит к форме винительного падежа энклитического лично-возвратного местоимения **sę;* но в русском языке элемент *-ся* давно перестал быть выразителем члена предложения (прямого объекта; O_4). В современном русском языке аффикс *-ся* является лишь выразителем непереходности. Там, где надо выразить прямой объект, совпадающий с субъектом предложения (O_4 = S), русский язык прибегает к форме переходного глагола в сочетании с винительным падежом возвратно-личного местоимения *себя́*, ср. *Он ви́дит себя́ в зе́ркале.* Впервые на это обратил внимание ещё Н. П. Некрасов.[1] Д. Н. Овсяннико-Куликовский считал выражения *Он застрели́л себя́* и *Он застрели́лся* — синонимичными.[2] Эти выражения, несомненно, очень близки по своему «вещественному значению», но полной синонимичности между ними всё же нет. Акад. В. В. Виноградов показал, что между формой возвратного глагола на *-ся* и сочетанием с местоимением *себя́* имеется существенная разница, ср. *Он лиши́лся жи́зни* ‚zomrel, skonal' и *Он лиши́л себя́ жи́зни* ‚vzal si život'.[3]

«Собственно возвратное» значение глаголов на *-ся* является результатом логического, а не строго лингвистического анализа глаголов типа *умыва́ться*. Если правильно, что глагол *умыва́ться* является глаголом непереходным (а в этом никто не сомневается), то ex definitione следует, что этот глагол не имеет прямого дополнения O_4. Поэтому производитель действия не может быть (в грамматическом смысле) «вместе и прямым объектом действия». В предложении *Ма́льчик умывается* нет грамматического объекта. Характерно, что во многих языках с развитой категорией возвратности, глаголы, соответствующие русск. *умыва́ться* или *одева́ться*, выражаются невозвратными (непереходными) глаголами, ср. англ. *to wash* (а не «to wash *oneself*»), *to dress* (а не «to dress *oneself*») и т. п.

Если форма *Он умывается* не выражает синтаксического отношения O_4 = S, то элемент *-ся* никак не может быть истолкован

---

[1] Н. П. Некрасов: О значении форм русского глагола, СПб. 1865, 138 (примечание).

[2] Д. Н. Овсяннико-Куликовский: Синтаксис русского языка, 129.

[3] В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 631.

в смысле члена предложения. В функции члена предложения (O_4) может выступать только местоимение *себя́*. Следует отметить, что так называемое «собственно возвратное значение» возвратных глаголов этого типа полностью стушёвывается в таких сочетаниях, как *Она́ одева́ется у хорбшей портни́хи*. Форму возвратного глагола здесь никак нельзя истолковать в смысле «она́ одева́ет самоё себя́ у портни́хи».

В русском языке эта группа представлена немногочисленными глаголами. Её продуктивность крайне ограничена, ср. *гримирова́ться* ‚líčiť sa', *(на)вазили́ниться* ‚natrieť sa vazelínou', слвц. *nakrémovať sa*. В словацком языке возвратные глаголы в «собственно-возвратном» значении представлены гораздо шире. Словацкие возвратные глаголы *pokladať sa (sám seba)*, *počuť sa (sám seba)*, *vidieť sa (sám seba)* в современном русском языке уже не могут быть переданы возвратными глаголами типа «счита́ться», «слы́шаться» или «ви́деться», а только конструкциями типа *счита́ть себя́ (специали́стом)*, *слы́шать себя́*, *ви́деть себя́ (в зе́ркале)* и т. п. Глаголы же *счита́ться*, *слы́шаться*, *ви́деться* имеют совершенно иное значение, ср. *Он счита́ется специали́стом* (пассивная форма) ‚je pokladaný za odborníka', *Из сосе́дней ко́мнаты слы́шатся шаги́* ‚počuť kroky', *Они́ ча́сто ви́дятся* («взаимно-возвратное значение»).

В языке XIX века возвратные глаголы типа *вообража́ться* могли ещё иметь «собственно-возвратное значение», слвц. *pokladať sa*, *považovať sa*, ср.:

Вообража́ясь геро́ней
Свои́х возлю́бленных творцо́в,
Клари́сой, Юлией, Дельфи́ной,
Татья́на в тишине́ лесо́в
Одна́ с опа́сной кни́гой бро́дит...
(Пушкин, Евгений Онегин)

В современном языке вместо *вообража́ться* был бы употреблён глагол *вообража́ть себя́ (геро́ней)*.

2. «Взаимно-возвратное» значение (Тип *Они́ обнима́ются*)

В эту группу обыкновенно включаются глаголы, выражающие действия двух или нескольких лиц, из которых «каждое лицо является производителем действия, а вместе с тем объектом того

же действия со стороны другого производителя» (Акад. грамм. I 419). Аффикс *-ся* в данном случае якобы соответствует по значению местоимению *друг дру́га*, напр. *встреча́ться, обнима́ться, целова́ться.* Сторонники трихотомического деления русских залогов считают эти глаголы «возвратно-средними залоговыми формами» переходных глаголов *встреча́ть, обнима́ть, целова́ть.* Некоторые авторы включают в эту группу также глаголы типа *договори́ться*//*договáриваться, знакóмиться, познакóмиться (с кем-либо).* Акад. грамматика выделяет эти последние, как выражающие «совместное действие». Значение «взаимности» является и здесь результатом логического, а не лингвистического анализа. Это вытекает хотя бы из факта, что возвратный глагол сам по себе не всегда выражает «взаимное» значение с достаточной чёткостью и поэтому снабжается дополнительными словами *друг с дру́гом, между собо́й*, ср. *Ча́сто вида́лись они́ между собо́й* (Л. Толстой). «Взаимное» значение полностью исчезает, если в качестве субъекта выступает существительное или местоимение в единственном числе, ср. *я с ним поздорóвался, я с ним поруга́лся, я с ним поцелова́лся.*

Там, где следует эксплицитно выразить взаимность действия, русский язык прибегает к местоимению *друг дру́га*, ср. *Они́ люби́ли друг дру́га* (нельзя сказать: «Они люби́лись»!). В словацком языке и здесь «взаимное значение» (при наличии субъекта во множественном числе) свободно выражается возвратным глаголом, ср.:

Они́ люби́ли *друг дру́га.* — Ľúbili *sa.*
Они́ хорошó зна́ют *друг дру́га.* — Dobre *sa* poznajú.
Они́ ча́сто посеща́ют *друг дру́га.* — Často *sa* navštevujú и т. п.

Можно утверждать, что в русском языке возвратных глаголов с «взаимным значением» сравнительно очень мало. Обычно «взаимность» выражается лексически, т. е. посредством приставки (напр. *перекрика́ться* ‚volať na seba', *перебра́ниваться* ‚nadávať si', *переми́гиваться* ‚žmurkať na seba'), или же посредством словосложения, ср. *взаимопополня́ться* ‚vzájomne sa dopĺňovať', *взаимоуничтожа́ться* ‚vzájomne sa ničiť'.

В словацком и чешском языках бытуют многочисленные образования с возвратным показателем *si*, выражающим именно взаимные действия, ср. Pomáhajú *si* ‚они́ помога́ют друг дру́гу', Dôverujú *si* ‚они́ доверя́ют друг дру́гу', Povedali *si* pravdu ‚они́ сказа́ли друг дру́гу пра́вду', и т. п.

Образования типа *pomáhajú si*, *dôverujú si* следует, по-видимому, считать синтаксически расчленёнными предложениями, где форма *si* фактически имеет функцию косвенного дополнения O_3, выражая те же оттенки значения, которые нами были отмечены у неэнклитических возвратных местоимений типа слвц. *svoj*, *seba*, *sebe*[1] (см. стр. 380).

Ввиду семантической нечёткости понятия «взаимности», якобы выражаемого глаголами типа *целова́ться* (ср. *Де́вочка це́лыми часа́ми игра́ла с котёнком и целова́лась с ним*), в этот разряд могут быть включены многочисленные глаголы типа *ссо́риться с кем-либо*, *руга́ться с кем-либо*, *шепта́ться с кем-либо* и т. п. Не трудно показать, что для выделения данной группы решающим является не лингвистический а логический анализ. Многими авторами приводится, например, глагол *боро́ться* в составе глаголов «средне-возвратных» со значением «взаимного действия».[2] Глагол *боро́ться* является reflexivum tantum, т. к. в русском языке не существует невозвратного глагола «боро́ть» и, следовательно, возвратный глагол *боро́ться* никак не может быть истолкован в смысле «боро́ть друг дру́га».

3. Так называемое «общевозвратное» значение (Тип *Он ра́дуется*)

«Общевозвратное» значение, приписываемое в традиционном учении о залогах довольно большой группе глаголов, характеризуется в Акад. грамм. следующим образом: «В этих глаголах, суффикс *-ся* придаёт глаголу значение сосредоточенности, замкнутости действия в самом его производителе» (I 419), напр. *останови́ться*//*остана́вливаться*, *купа́ться*, *ра́доваться*, *весели́ться* и т. п. Напомним, что значение «сосредоточенности действия на самом производителе» приводится в Акад. грамм. в качестве «общего значения» всех глаголов «возвратно-среднего залога» (I 418). Мы знаем, что с лингвистической точки зрения единственным общим значением возвратных глаголов является их формально выраженная непереходность. То же следует сказать и о глаголах так называемого «общевозвратного значения». Трудно без натяжки усмотреть в глаголах типа *купа́ться* и *воз-*

[1] Ср. V. Lapárová: K otázke datívneho typu zvratných slovies, Československá rusistika 1 (1956), 621/27.

[2] Ср. А. Г. Руднев: Категория залога, Slavia 22 (1953), 2, 255.

вращáться оттенок значения «замкнутости действия в его производителе». Скорее уже такой оттенок «замкнутости в самом производителе» улавливается у таких глаголов, как *спать*, *дýмать* или *мечтáть*, но как раз эти глаголы не считаются «общевозвратными». Если возвратные глаголы *hnevať sa*, *vrátiť sa* выражают «замкнутость в производителе», то идентичное «общее значение» имеется и у их синонимов — невозвратных глаголов *zúriť*, *prísť nazad*. Но не следует вносить в язык то, чего в нём нет. Единственно реальным общим значением всех этих глаголов является значение непереходности.

Отсутствие отчётливой семантической характеристики этих глаголов освобождает нас от необходимости различать «общевозвратные» глаголы, обозначающие внешние, физические действия *(поднимáться, купáться)*, от глаголов, обозначающих внутренние состояния *(веселúться, рáдоваться)*.

Формальная «возвратность» таких глаголов, как *купáться* или *рáдоваться*, объясняется исторически, точно так же, как формальная «возвратность» глаголов reflexiva tantum типа *смея́ться*, *боя́ться*, *стреми́ться*. Естественно, что сочетание **kǫpati sę* первоначально обозначало *купáть себя́*. В современном языке аффикс *-ся* в глаголе *купáться* является лишь формальным показателем непереходности глагола, ср. нем. *baden*. Самостоятельной семантической нагрузки он не имеет.

В ряде случаев русские возвратные глаголы противостоят словацких невозвратным, напр. *простудúться — prechladnúť*, *ручáться — ručiť*. Нетрудно привести и обратные случаи, напр. *stať sa — стать (кем-чем)*. Именно отсутствием ярко выраженной семантической нагрузки объясняются в словацком языке такие колебания, как *začať/začať sa* ‚начаться', ср. *Prednáška (sa) začala*. В ряде случаев расхождения между русским и словацким объясняются наличием разных словообразовательных элементов. Непереходным (невозвратным) глаголам на *-ěti*, *-nǫti* иногда противостоят возвратные глаголы на *-iti* (ср. *потéть -éю* — слвц. *potiť sa*, слвц. *prechladnúť — простудúться* и т. п.). Но здесь речь идёт о более или менее случайных лексических расхождениях.

4. Так называемое «косвенно-возвратное» значение (Тип *Он запасáется дровáми*)

В эту группу обыкновенно включают глаголы на *-ся*, выражающие действия, совершаемые «производителем действия для самого себя, в своих интересах» (Акад. грамм. I 421), напр. *запа-*

са́ться (дрова́ми), *собира́ться (в доро́гу)*, *укла́дываться* ‚baliť'.

Даже с чисто логической точки зрения в глаголах как *собира́ться* ‚chystať sa' очень трудно усмотреть оттенок значения «для самого себя». Если же такой оттенок имеется в глаголе *запаса́ться* ‚zásobovať sa', то это связано с индивидуальным лексическим значением этого глагола, а не со «значением» аффикса *-ся*.

Здесь особенно наглядно сказывается влияние, старой греческой (исторически ориентированной) грамматики на традиционное учение о залогах русского языка. Сам термин «косвенно-возвратное значение» заимствован из греческой грамматики, где традиционно выделяют «косвенный» или «дативный» средний залог (medium). Это «косвенное» или «дативное» значение («для себя») уже в греческом языке улавливалось лишь с трудом, ср. εὑρίσκειν ‚находить' (актив) — εὑρίσκεσθαι, ‚находить для себя = приобретать' («косвенное значение среднего залога»). В русском языке в глаголах типа *собира́ться* или *укла́дываться* ‚baliť', нет, конечно, и намёка на такое «дативное» или «косвенное» значение.

5. Так называемое «активно-безобъектное» значение (Тип *Соба́ка куса́ется*)

В сопоставительном плане особого внимания заслуживает небольшая и малопродуктивная группа возвратных глаголов, обозначающих не конкретные действия, а скореее общую характеристику субъекта при помощи данного действия. Предложение *Э́та соба́ка куса́ется* обозначает, что данная собака злая, что её характерной чертой является «кусание» — ‚pes hryzie'. Словацкому языку такое употребление возвратных глаголов известно. Тем не менее словак, впервые встречающийся с формой типа *Соба́ка куса́ется*, неизбежно толкует её в смысле слвц. »Pes sa hryzie« (sám seba), т. е. как «собственно возвратное значение».

Примеры:

Коро́ва бода́ется — krava *kole*
Ло́шадь брыка́ется — kôň *kope*
Крапи́ва жжётся — žihľava *pŕhli*
Ёжик ко́лется — jež *pichá*
Он бо́льно дерётся — keď bije, bolí to[1]

Ср. также: «Прокля́тые гра́бли!... как же они́... бо́льно бью́тся» (Гоголь).

[1] Ср. *Bije sa* (= он дерётся) в значении «он драчу́н» (= je bitkár).

6. Так называемое «пассивно-качественное» значение (Тип *Посу́да бьётся*)

В ряде случаев возвратные образования служат якобы для характеристики субъекта, как подвергающегося или могущего подвергнуться данному действию, ср. *Посу́да бьётся* ‚riad sa (ľahko) rozbíja', *Игру́шки лома́ются* ‚hračky sa (ľahko) ničia', *Хлеб кро́шится* ‚chlieb sa drobí', *Боти́нки ста́птываются* ‚topánky sa zošľapávajú'. Такие образования выступают обычно в форме настоящего времени, причём очень часто с отрицанием: *Шкаф не откры́вается* ‚skriňa sa neotvára = nedá sa otvoriť'. Как видно, в словацком языке этот оттенок может иногда передаваться сочетанием инфинитива с безличной формой *dá sa/ nedá sa*.

Представляется, что в данном случае мы имеем дело не с особым значением возвратного глагола, а с пассивной формой соответствующего невозвратного переходного глагола действительного залога *бить (посу́ду)*, *ломáть (игру́шки)*, *крошúть (хлеб)*, *ста́птывать (боти́нки)*, *откры́вать (шкаф)* и т. п. В предложении *Посу́да бьётся* выражено залоговое отношение S ← V, т. е. направленность действия на субъект. Такое отношение и является характеристикой пассива. Оттенок «способности подвергаться действию» связан в данном случае не с аффиксом *-ся*, а с одним из значений пассива. Пассивная форма от глагола несовершенного вида легко приобретает значение «способности подвергаться данному действию», особенно если она стоит в настоящем времени (настоящее «узуальное»), ср. *Окно́ свобо́дно откры́вается* ‚oblok sa ľahko otvára = *dá sa* otvoriť'.

7. Так называемое «возвратно-пассивное» значение (Тип *Мне вспо́мнилась э́та ночь*)

В эту группу обыкновенно включают возвратные глаголы, обозначающие непроизвольные (mimovoľné) процессы (обычно психические), напр. *Мне вспо́мнилась э́та ночь*, *Ему́ предста́вилась стра́шная карти́на*. В словацком языке этот тип слабо развит.

На наш взгляд, речь здесь идёт о сравнительно немногочисленной лексической группе возвратных глаголов с не-пассивным значением. «Действие», выраженное глаголом, не может быть представлено как «направленное» на субъект предложения.

В данную группу входят не только такие глаголы, как *послы́шаться (Мне послы́шались шаги́)*, но и *уда́ться (О́пыт уда́лся по́лностью)*, *нра́виться (Э́та карти́на мне нра́вится)* и т. п. При этом безразлично, существуют ли невозвратные глаголы от той же основы *(вспо́мнить, слы́шать)*, или не существуют *(нра́виться)*.

8. «Предоставительное» значение (Тип *Я бре́юсь у парикма́хера)*

Особым типом возвратных глаголов, обычно не приводимых в русских грамматиках, но очень важных в сопоставительном плане, являются глаголы, которые мы предлагаем назвать «предоставительными». Субъект не является прямым производителем действия, а лишь подчиняется воздействию со стороны другого лица, «предоставляет» другому лицу (не обязательно названному в предложении) производить над собой действие, указанное глаголом. Логически здесь можно говорить о своеобразном активно-пассивном значении, ср. *Я бре́юсь* (акт.) — *Я бре́юсь у парикма́хера*, т. е. «я подчиняюсь воздействию на себя». В словацком языке «предоставительное» значение может быть выражено имплицитно формой возвратного глагола (holí sa u holiča), или же эксплицитно — *dáva sa* holiť u holiča. Толкование формы *Я бре́юсь* в смысле «собственно возвратном» *(Я бре́юсь сам)*, или же в смысле «предоставительном» зависит, как видно, от контекста.[1] Фр. Копечный считает подобные возвратные образования формами, «соседящими с пассивом».[2]

Следует отметить, что в русском языке отсутствуют «вспомогательные глаголы», соответствующие «предоставительным» и «побудительным» глаголам типа *nechať sa (oholiť)* или *dať sa (oholiť)* других языков, ср. нем. *sich rasieren lassen*, фр. *se faire faire la barbe, se laisser faire la barbe.*[3] На этом фоне возвратные

[1] M. Dokulil: Morfologické kategorie passiva ve spisovných jazycích severských v srovnání se spisovnou češtinou, sborník «Hrst studií a vzpomínek», Brno 1941, 82.

[2] Fr. Kopečný: Passivum, reflexivní forma slovesná a reflexivní sloveso, Studie a práce linguistické I, 229.

[3] В русском языке глагол *дава́ть/дать* только отчасти передаёт «предоставительные» и «побудительные» значения приведённых словацких (немецких, французских) вспомогательных глаголов, ср. *Он не́ дал мне договори́ть* ‚nenechal ma dohovoriť', нем. er ließ mich nicht zu Ende sprechen. Ср. также стр. 391.

образования типа *Он бре́ется у парикма́хера* приобретают особое значение.

Выделение возвратных глаголов с «предоставительным» значением важно не только для систематического изучения наших языков в теоретическом плане: оно может оказаться полезным и для переводчика. Сочетание *Они́ развели́сь* может быть переведено на словацкий язык как ‚rozviedli sa', или же как ‚*dali sa* rozviesť', ср. *Он взве́сился в апте́ке* ‚odvážil sa' или же ‚*dal sa* odvážiť'; *Он записа́лся на ку́рсы* ‚zapísal sa' или же ‚*dal sa* zapísať' и т. п.

Отсутствие в русском языке особых вспомогательных глаголов с «предоставительным» и «побудительным» значением позволяет использовать и другие формальные средства для выражения слвц. *dať (niečo urobiť)*. В частности, активная форма глагола с возвратным местоимением *себе* иногда может обозначать «побудительность», ср. *Он сшил себе́ костю́м (у хорбшего портно́го)* ‚*dal si* ušiť oblek', *Он умы́л себе́ го́лову (у парикма́хера)* ‚*dal si* umyť hlavu', *Она́ сде́лала себе́ пермане́нт* ‚*dala si* urobiť trvalú'.

В некоторых случаях побудительный оттенок в русском языке остаётся совсем не выраженным, ср. *Он прове́л телефо́н в кварти́ру* ‚*zaviedol si/dal si zaviesť* telefón', *Он откры́л в ба́нке теку́щий счёт* ‚*otvoril si/dal si otvoriť* bežný účet'. Точно так же оттенок побудительности остаётся невыраженным в словацком предложении типа *Moja sestra šije u dobrej krajčírky*.

У некоторых возвратных глаголов «предоставительное» значение лексикализировано: оно вскрывается лишь при переводе русского глагола на иностранный язык, ср. *соблазни́ться чем-л.* («поддаться соблазну») ‚*dať sa* zviesť niečím', *увле́чься чем-л.* ‚*dať sa* uniesť niečím, nadchnúť sa pre niečo'.

9. Значение «непроизвольного» действия (Тип *Он уда́рился коле́ном об стол*)

Значение непроизвольности действия (mimovoľnosti, чеш. bezděčnosti) выступает при сопоставлении таких предложений:

Проходя́ по тёмной ко́мнате, Он рассме́ялся и *уда́рил себя́* он *уда́рился* коле́ном об стол. ладо́нью по коле́ну.

Форма *уда́рился* выражает здесь непроизвольное действие («нечаянно, случайно ударился»). Форма *уда́рил себя́* обозначает действие, произведённое вполне намеренно субъектом предложения, причём объект действия здесь выражен формой винительного падежа *себя́*. В словацком языке, где сочетание *uderil sa*

может иметь оба значения *(уда́рился* и *уда́рил себя́)*, оттенок непроизвольности не может быть выражен глагольной формой.

Ср. ещё:

Он игра́л ножо́м и *пора́нился* (нечаянно).	Он *пора́нил себя́* ножо́м (преднамеренно).
Он упа́л с пя́того этажа́ и *уби́лся*.	Он *уби́л себя́* вы́стрелом из пистоле́та.

Грамматически соотношение форм *уда́рился* и *уда́рил себя́* может быть истолковано следующим образом: переходный глагол *уда́рить*, *пора́нить*, *уби́ть* выражает активное действие, исходящее из субъекта, между тем как непереходный глагол *(уда́риться, пора́ниться, уби́ться)* оставляет активное участие субъекта невыраженным. Такое отсутствие прямого указания на участие субъекта в действии может быть истолковано в смысле «непроизвольности» действия.

Возвратные глаголы, «образованные от непереходных глаголов»

Тип *стуча́ться*

До сих пор речь шла о возвратных глаголах, возникших посредством присоединения аффикса *-ся* к переходному глаголу: тип *умыва́ть кого-л.* — *умыва́ться*. Мы пытались показать, что эти глаголы не являются «залоговыми формами» соответствующих невозвратных глаголов, а самостоятельными лексическими единицами, возвратными глаголами. Обратимся теперь к возвратным глаголам, восходящим к непереходным глаголам без *-ся* или прямо соотнесённым с ними.

В предыдущем изложении не раз подчёркивалась роль аффикса *-ся* как формального показателя непереходности. Если у глагола типа *вари́ть* значение лексико-синтаксической категории переходности/непереходности не выражено (ср. *вари́ть суп* — переходное значение, но *там хорошо́ ва́рят* — непереходное значение), то у возвратных глаголов значение непереходности однозначно выражено аффиксом *-ся* (ср. *суп ва́рится*). Спрашивается, какую же функцию может выполнять аффикс *-ся*, если он присоединяется к такому глаголу, который вообще не имеет переходного значения? Чем отличаются такие глаголы, как *стуча́ть*

и *стуча́ться*, *звони́ть* и *звони́ться*, *боле́ть* и *боле́ться*, раз оба они — непереходные?

В литературе по этому поводу было высказано много противоречивых мнений. Акад. Л. А. Булаховский называл глаголы типа *стуча́ться*, *проси́ться*—«заинтересованно-длительно-усилительными».[1] Акад. А. А. Шахматов писал, что эти глаголы обозначают действия, проявляющиеся с такой интенсивностью, «которая или сосредоточивает особенное внимание на производителе признака, или даже характеризует его, служа его отличительной чертой». Глаголы типа *стуча́ться*, *звони́ться*, *проси́ться* он называл «кратно-пассивно-возвратным залогом».[2] Акад. В. В. Виноградов указывает, что у глаголов этого типа «подчёркивается замкнутость действия в сфере субъекта, его интересов». Автор здесь говорит об «интенсивно-побочно-возвратном значении».[3] Академическая грамматика пишет, что в глаголах типа *стуча́ться*, *звони́ться* «суффикс *-ся* подчёркивает сосредоточенность действия в самом производителе» (I 423). Но мы помним, что тот же самый признак приводился в Акад. грамматике в качестве «общего значения» «средне-возвратного залога» (I 418), а также в качестве отличительной семантической черты одной из разновидностей этого «залога» — глаголов с так называемым «общевозвратным» значением (I 419). Следовательно, «сосредоточенность действия в самом производителе» вряд ли может считаться отличительной семантической чертой глаголов типа *стуча́ться*. Трудно согласиться и с тем, что в глаголе типа *стуча́ться* «сосредоточенность действия в самом производителе» подчеркивается сильнее, чем в глаголе *стуча́ть*. О «динамическом» значении возвратных глаголов типа *tlouci se na dveře* говорит и Фр. Копечный, добавляя, что динамическое происхождение многих возвратных глаголов явствует и поныне.[4]

Об «интенсивном» или «динамическом значении» таких глаголов, как *стуча́ться* можно говорить разве только в историческом плане. Дело в том, что учение об «интенсивном» или «динамическом» значении некоторых возвратных глаголов перенесено на славянскую почву прямо из греческой грамматики. В греческом языке традиционно выделяются глаголы среднего

[1] Л. А. Булаховский: Курс русского литературного языка, Харьков 1937, 148.

[2] Ср. «Из трудов А. А. Шахматова...», 95.

[3] В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 635.

[4] Fr. Kopečný: цит. соч., 242.

залога с «динамическим» значением, напр. πολιτεύεσθαι «действовать как гражданин» («динамический средний залог») — πολιτεύειν «быть гражданином» (действ. залог). Следует, однако, отметить, что значение «динамичности», приписываемое некоторым формам среднего залога (или, вернее, некоторым глаголам с формой среднего залога), крайне условно и далеко не всегда улавливается.

В славянских языках уже трудно говорить об оттенках «интенсивности» или «динамичности» у таких глаголов, как *звони́ться*, *стуча́ться*, *проси́ться*. Семантический анализ показывает, что значение возвратных глаголов типа *стуча́ться* отнюдь не равняется значению глаголов типа *стуча́ть* плюс «интенсивность». Возвратные глаголы имеют, по сравнению с невозвратными, другое лексическое значение. Во-первых, возвратные и невозвратные глаголы сочетаются с разными предложными конструкциями, ср. *звони́ть в ко́локол, в звоно́к, по телефо́ну*, но: *звони́ться в дверь, звони́ться к знако́мым*. Во-вторых, глагол *звони́ть* обозначает, прежде всего, «производи́ть звон, ударяя в колокол» или «приводить в действие звонок» (Ушаков), а глагол *звони́ться* — «звонить в дверной звонок, чтобы открыли» (Ушаков). Как видно, в семантике возвратного глагола *звони́ться* нет и намёка на интенсивность или особую «динамичность» действия. Глаголы типа *звони́ться, стуча́ться, скрести́сь (в дверь)* имеют общее значение «добива́ться откры́тия две́ри, вну́ска», ср. *Он до́лго стуча́лся (звони́лся), но ему́ не откры́ли*. С синхронной точки зрения эти возвратные глаголы являются самостоятельными лексическими единицами; искать каких-либо грамматико-семантических связей между ними и глаголами типа *звони́ть, стуча́ть, проси́ть* представляется бесполезным.

К «интенсивным» возвратным глаголам акад. А. А. Шахматов относит также глагол *пла́каться*;[1] но ведь этот глагол не имеет значения «интенсивно плакать». Глагол *пла́каться* семантически далеко отошёл от глагола *пла́кать* и обозначает «высказывать жалобы, жаловаться». Большой русско-чешский словарь его переводит глаголами «stěžovat si, naříkat si», не имеющими ничего общего со значением «плакать».

---

[1] Указ. соч., 95.

www.ruslang.ru

Тип *белéться*

Вторым типом возвратных глаголов, образованных от непереходных глаголов, являются глаголы *белéть/белéться*, *зеленéть/зеленéться*, *краснéть/краснéться* и т. п. Аналогичные пары известны и в словацком языке: *zelenieť/zeleniť sa* и *zelenať sa*. Семантическую разницу между такими парами объективно нельзя установить. Поэтому вступает в свои права «языковое чутьё»; в пособии «Современный русский язык» (1952) говорится: «*Белéет* имеет значение ‚что-то белое видно вдали' и ‚становится белее'. *Белéется* выражает то же, что нечто белое видно вдали, но это белое видно как бы в тумане,[1] колеблется, теряется и вновь появляется». И ещё: «Форма без *-ся* выражает признак в более активном, более определённом виде, форма с *-ся* — в более пассивном, неопределённом виде» (343). Спрашивается, на основании каких объективных грамматических критериев измеряется степень «активности» или «пассивности» глагольного признака? По своей грамматической форме оба глагола — *белéть* и *белéться* — являются «не-пассивными» (т. е. активными); оба глагола — непереходные; оба глагола семантически совпадают в значении «виднеться вдали (о белом предмете)». Справка о том, что глагол *белéется* выражает менее отчётливое проявление признака (ср. «как бы в тумане»), не подтверждается языковыми фактами. Нетрудно показать, что и глагол *белéть* (без *-ся*) может обозначать «виднеться в тумане», ср. хотя бы у Лермонтова:

Белéет пáрус одинóкой
В *тумáне* мóря голубóм.

Акад. В. В. Виноградов прекрасно раскрыл семантическую структуру глаголов типа *белéть* и *белéться*. Невозвратные глаголы типа *белéть* обозначают по Ушакову: 1) «виднеться (о белых предметах)» и 2) «становиться белым». Это последнее «ингрессивное» значение у глаголов типа *белéться* отсутствует (Русский язык, 1947, 636). Как видно, в значении «виднеться (о белых предметах)» глаголы типа *белéть* и *белéться* являются синонимами. Именно так их толкует словарь Ушакова, ср. *белéться* —

[1] Разрядка моя, *А. И.*

«то же что *белéть* в 1 знач.» (I 119). Синонимами их считает и проф. О. С. Ахманова.[1]

Выражение возвратности посредством возвратно-личных местоимений

1. Конструкции с формой *себя́*

Если в стандартной конструкции типа S — V — O_4 надо выразить, что субъект (S) и прямой объект в винительном падеже (O_4) фактически совпадают (O_4 = S), то в русском языке употребляется не форма возвратного глагола на *-ся*, а невозвратная форма глагола, причём прямой объект обозначается формой винительного падежа возвратно-личного местоимения *себя́*, напр.: *посвяти́ть себя́ нау́ке* ‚venovať sa vede'. В русских грамматиках эти случаи, к сожалению, упоминаются только вскользь. Поскольку в словацком и чешском ортотонические формы *(seba, sebe)* свободно чередуются с энклитическими *(sa, se)* в зависимости от фразового ударения (ср. слвц. *Seba pokladá za najlepšieho — Pokladá sa za najlepšieho* ‚он себя считает самым лучшим'), русские конструкции типа *счита́ть себя́* должны быть рассмотрены как особый и, при этом, широко применяемый способ синтаксического выражения возвратности. Эти конструкции представляют не только известный интерес в сопоставительном плане: для словака или чеха очень важно знать, в каких случаях возвратные образования с формой *sa/se* соответствуют русским возвратным образованиям с аффиксом *-ся*, а в каких случаях следует прибегать к конструкциям с *себя́*.

Грамматико-семантический анализ возвратных глаголов типа *умыва́ться* показал, что как раз эти глаголы не выражают «собственно возвратного» отношения в грамматическом смысле этого слова (O_4 = S). Такое отношение передаётся в русском языке не морфологически, а синтаксически: по своей структуре

---

[1] О. С. Ахманова: Очерки по общей и русской лексикологии, Москва 1957, 229. — О. С. Ахманова говорит здесь о «своеобразных вариантах», возникших «вследствие утраты... семантического различия». Синонимами являются также глаголы *бунтова́ть/бунтова́ться*, *примча́ть/примча́ться*, *протрезве́ть/протрезви́ться* и др. (там же).

предложение *Я ви́жу себя́ в зе́ркале* ничем не отличается от конструкции *Я ви́жу тебя́ (бра́та) в зе́ркале.* Форма возвратноличного местоимения *себя́* здесь является синтаксически свободным выражением объекта (ср. стр. 383).

В отличие от русского, словацкий и чешский языки могут выразить отношение $O_4 = S$ посредством энклитической формы местоимения *sa/se*, ср. Vidí *sa* v zrkadle. Лишь в тех случаях, где возвратное образование может вызвать недоразумение, употребляется эксплицитная форма *sám seba*, напр. *Sám seba tresce* «наказывает себя» (форма *tresce sa* двусмысленна: «наказывает сам себя» и «наказывается другими»).

Весьма поучительно сравнить некоторые конструкции, включающие местоимение *себя́* с возвратными глаголами, образованными от той же основы:

бере́чь себя́ šetriť sa	*бере́чься* 1. (просту́ды, воро́в) chrániť sa, ‚varovať sa pred niečím niečoho; 2. dávať pozor: *берегúсь*!
ви́деть себя́ (в зе́ркале) vidieť sa (sám seba)	*ви́деться (с друзья́ми)* vidieť sa (navzájom), stretávať sa
вы́дать себя́ prezradiť sa, vyzradiť sa	*вы́даться* 1. (о но́се) vystúpiť; 2. (тала́нтами) vyniknúť; 3. (в отца́) ako z oka vypadnúť; 4. (о пого́де) nastať, byť
спра́шивать себя́ pýtať sa (sám seba)	*спра́шиваться* 1. (у кого-л.) pýtať sa, prosiť o povolenie: *Я ни у кого́ не спра́шивался;* 2. (безличн.) *спра́шивается* ‚vzniká otázka'.
счита́ть себя́ pokladať sám seba: Он счита́ет себя́ мои́м дру́гом.	*счита́ться* (пассив) byť pokladaný, platiť za: Он счита́ется мои́м дру́гом и т. п.

Синтаксические сочетания переходного глагола с формой *себя́* в современном языке вполне свободны, ср. *жале́ть себя́* ‚ľutovať sám seba', *наказа́ть себя́* ‚potrestať sám seba', *погуби́ть себя́* ‚zničiť sám seba' *презира́ть себя́* ‚opovrhovať sebou', *он не узнава́л себя́* ‚nemohol sám seba poznať' и мн. др.

Лишь в исключительно редких случаях конструкция с *себя́* в современном языке может быть признана вполне синонимичной с формой возвратного глагола, напр. *назва́ть себя́* и *назва́ться* в значении «назвать свою фамилию, predstaviť sa», *оправда́ть себя́* и *оправда́ться* (при неличном субъекте) ‚osvedčiť sa', ср. *Тео́рия оправда́ла себя́/оправда́лась*.

Некоторые конструкции с *себя́* в современном языке более или менее фразеологически связаны, ср.:

блюсти́ себя́ (устар.) ‚dbať na svoju bezúhonnosť (o panne)'
взять себя́ в ру́ки ‚vzchopiť sa'
держа́ть себя́ (с досто́инством) ‚správať sa'
вести́ себя́ (хорошо́, прили́чно) ‚správať sa'
чу́вствовать себя́ (прекра́сно) ‚cítiť sa'

Итак, словацкому *Ako sa cítite?* в русском языке соответствует *Как вы себя́ чу́вствуете?* (а не: «чу́вствуетесь»!).

В сочетаниях типа *вести́ себя́*, *держа́ть себя́* падежное значение местоимения значительно ослаблено.

2. Конструкции с формой *себе́*

Словацкий и чешский языки располагают двумя формами дательного падежа возвратно-личного местоимения: слвц. *sebe* (чеш. *sobě*) и *si*. В русском языке энклитическая форма *си* утрачена; её следы сохранились лишь в выражении *(отпра́виться) восвоя́си*, возникшем из *во свою́ си*, т. е. «каждый в своё место, домой». Таким образом формы *sebe/sobě* и *si* соответствуют русской форме дательного падежа *себе́*. Форма *себе́* выступает в целом ряде возвратных конструкций, которые в русских грамматиках (в разделе морфологии) обычно не рассматриваются, хотя они безусловно являются одним из проявлений категории возвратности.

Сочетания «глагольная форма плюс *себе́*» следует разбить на две группы.

1. В сочетании с глаголом, имеющим дативное управление, форма *себе́* выражает косвенный (дативный) объект (O_3), если этот объект совпадает с субъектом предложения (O_3 = S), напр. *позво́лить себе́ что-л.* ‚dovoliť si niečo', *найти́ себе ме́сто* ‚nájsť si miesto', *он не мог прости́ть себе́ э́той оши́бки* ‚nemohol si odpustiť' и т. п. Здесь употребление возвратного местоимения в дательном падеже обосновано синтаксически.

В ряде случаев сочетание глагола с формой *себе́* является лексикализированным, ср. *представи́ть себе́*, predstaviť si' (ср. фр. *se présenter*, нем. *sich vorstellen*, где формы *se* и *sich* имеют значение дательного падежа), *вообрази́ть себе́*, predstaviť, pomyslieť si' (фр. *s'imaginer*) и т. п.

2. В сочетании с глаголом, не имеющим дативного управления, слово *себе́* не может, естественно, выражать объект. Слово *себе́* выражает здесь эмоциональное участие в действии, подчёркивая, что действие совершается субъектом с удовольствием, в его интересах, без учёта каких-либо внешних обстоятельств, ср. *Он сиди́т себе́ до́ма и чита́ет рома́ны.* Оттенок выполнения действия при полном пренебрежении к внешним обстоятельствам с особой отчётливостью выступает в таких предложениях:

Челове́к на столе́ спит удиви́тельным сном... Его́ тро́гают, пря́мо к ко́же примётывают бе́лые плато́чки и полоте́нца, ре́жут, ко́лют игло́й, ...: он *спит себе́* (Коптяева).[1]

В качестве варианта в ряде случаев выступает сложная частица *знай себе́* (см. стр. 506).

В подобных конструкциях довольно чётко выступает одно из старых значений дательного падежа, хорошо сохранившееся в классических языках и обычно называемое «дательным удобства» (datív hovenia, dativus commodi). Форма *себе́* в этих случаях утратила своё косвенно-объектное значение, т. к. слово *себе́* в конструкциях типа *Он сиди́т себе́ до́ма* не может быть заменено дативной формой других местоимений *(мне, тебе́, нам)* или имён существительных. Поэтому слово *себе́* в подобных конструкциях следует считать приглагольной частицей.[2]

Конструкции с *себе́* характерны для народного языка: «Дед... подошёл к лисе́, а она́ не ворохнётся (ani sa nehne), лежи́т *себе́* как мёртвая» (Афанасьев I, 11).

В отличие от словацкого или чешского, возвратно-личное местоимение в дательном падеже в русском языке не может обозначать «взаимно-возвратное» отношение: *pomáhajú si* —, они́ помога́ют *друг дру́гу*' (см. выше стр. 385). Вообще следует отметить, что сфера употребления возвратного *si* в словацком и чеш-

[1] Пример заимствован у В. Лапаровой, Čs. rusistika 1 (1956) 626.

[2] Ср. Современный русский язык. Морфология. М. 1952, 429. — V. Lapárová: K otázke datívneho typu zvratných slovies, Čs. rusistika 1 (1956), 625.

ском гораздо шире, чем в русском языке. Случаи совпадения фразеологического употребления возвратного местоимения *себе́/si* сравнительно немногочисленны, ср. *представля́ть себе́/predstavovať si*. Гораздо чаще словацким (чешским) глаголам с *si* соответствуют русские глаголы без возвратного местоимения, ср.:

prosiť si (chleba)	*проси́ть (хле́ба)*
myslel som si, že ...	*я ду́мал, что ...*
vymyslel som si	*я приду́мал, вы́думал*
osvojil som si (názory)	*я усво́ил* (взгля́ды)
prezrel som si	*я просмотре́л*
vypočul som si	*я вы́слушал, прослу́шал* и т. п.

3. Конструкции с формой *собо́й/собо́ю*

Если глагол управляет творительным падежом («7. pádom»), то при совпадении косвенного объекта в творительном падеже с субъектом предложения (O_7 = S) ставится возвратно-личное местоимение *собо́й* или *собо́ю*, ср. *владе́ть чем-л.* — *владе́ть собо́й* ‚ovládať sa', *же́ртвовать чем-л.* — *же́ртвовать собо́й* и т. п. ‚obetovať sa' и т. п.

Любопытно, что соответствующая словацкая или чешская форма *sebou* выступает в более или менее экспрессивных сочетаниях, где надо подчеркнуть «собственно возвратное» значение глагола, ср. *hodiť sebou*, чеш. *mrsknout sebou, prásknout sebou* и т. п. Отметим, что глагол типа *hodit* допускает, как и соответствующий русский глагол *бро́сить*, двоякое управление: *hodit kámen* (винит.) и *hodit kamenem* (твор.). Поскольку в словацком и чешском языках форма *hodiť sa* недостаточно чётко выражает отношение O_4 = S, предпочтение отдаётся формам типа чеш. *hodit sebou*, в которых отношение O = S ясно выражено. Подобные конструкции в русском языке не встречаются.

Глаголы *лечь//ложи́ться, сесть//сади́ться, стать//станови́ться*

Эти глаголы составляют небольшую семантически замкнутую группу. Имея общее значение «принять то или иное (т. е. лежачее, сидячее, стоячее) положение», эти глаголы семантически соотнесены, с одной стороны, с глаголами *лежа́ть, сиде́ть* и *стоя́ть*, а, с другой стороны, с глаголами *положи́ть//класть, посади́ть//сажа́ть, поста́вить//ста́вить*.

В формальном отношении приведённые глаголы охарактеризованы наличием возвратного аффикса *-ся* в формах несовершенного вида *ложи́ться*, *сади́ться*, *станови́ться* и отсутствием этого аффикса в формах совершенного вида *лечь*, *сесть*, *стать*. Такое чередование возвратных и невозвратных форм в пределах одной парадигмы является в русском языке редчайшим исключением.[1]

С точки зрения своего происхождения разбираемые глаголы являются «медиальными каузативами» к непереходным глаголам **ležati*, **sědĕti*, **stojati*. Это медиальное залоговое значение особенно отчётливо выступает на фоне переходно-активного каузативного значения глаголов типа *положи́ть*, *посади́ть*, *поста́вить*, обозначающих «придать кому-чему то или иное положение». Глаголы *лечь//ложи́ться*, *сесть//сади́ться* и *стать//становйться* (куда-либо, на что-либо) тоже являются каузативами, но именно в значении среднего залога (medium), т. е. «придать//придавать себе то или иное положение». Ср. также медиальные образования в греческом языке типа ἵσταμαι ‚я становлюсь (куда-л.)'. Следует отметить, что глаголы *лечь*, *сесть* и *стать* охарактеризованы, с точки зрения общеславянского языка, наличием носового элемента *-n-*, инфигируемого в основе настоящего времени, ср. *ля́гу* < **le-n-gǫ* (корень **lĕg-ti*), *ся́ду* < **se-n-dǫ* (корень **sĕd-ti*), *ста́ну* < **sta-n-ǫ* (корень **sta-ti*).

Глаголы типа *лечь//ложи́ться* являются непереходными глаголами, но эта их непереходность формально выражена только у имперфективного члена *(ложи́ться)*. Непереходность перфективного члена *(лечь)* остаётся невыраженной.

В связи с разбираемыми здесь бесприставочными глаголами нельзя не отметить колебаний, наблюдающихся при образовании вторичных приставочных глаголов несовершенного вида. В ряде приставочных образований сохраняется чередование возвратных и невозвратных форм в пределах одной парадигмы, ср.:

сов.	несов.
отсе́сть ‚odsadnúť si'	*отса́живаться* (возвр.)
пересе́сть ‚presadnúť, prestúpiť'	*переса́живаться* (возвр.)

[1] Кроме приведённых трёх глаголов и их приставочных образований типа *присе́сть* (невозвр.) — *присса́живаться* (возвр.), нам не известны в русском языке чередования возвратных и невозвратных форм в пределах одной парадигмы. Глаголы *лопнуть* (невозвр.) и *лопаться* (возвр.) не могут быть признаны формами одного глагола, т. к. *лопнуть* выражает однократную совершаемость (ср. стр. 262). Интересно, что в словацком языке глагол, по значению соответствующий русскому *лопаться*, может быть передан как возвратным, так и невозвратным образованием, ср. *pukať/pukať sa*.

присéсть I ‚posadiť sa'	*присáживаться* (возвр.)
но: *присéсть* II ‚čupnúť si'	*приседáть*
осéсть ‚usadiť sa'	*оседáть*
залéчь ‚uložiť sa'	*залегáть*
налéчь ‚oprieť sa, pritlačiť'	*налегáть*
улéчься ‚ľahnúť si'	*укладывáться*

Приставочные глаголы несовершенного вида от основы *-стать* образуются стандартно по образцу *встать//вставáть*.

ГЛАГОЛЫ REFLEXIVA TANTUM

В славянских языках имеется немало глаголов, употребляющихся только с возвратным аффиксом *-ся*, тип *боя́ться*, слвц. *báť sa*. Поскольку такие глаголы не противопоставлены невозвратным глаголам, грамматическая функция и семантическое содержание элемента *-ся* не выделяется.[1] Такие глаголы можно назвать reflexiva tantum.

К глаголам reflexiva tantum относятся: *боро́ться* ‚bojovať', *наде́яться* ‚úfať sa', ‚dúfať', *нра́виться* ‚páčiť sa', *смея́ться* ‚smiať sa' и мн. др. В ряде случаев русским глаголам reflexiva tantum в словацком языке соответствуют невозвратные глаголы, ср. *наде́яться — dúfať*, *оста́ться — zostať*, *разда́ться — zaznieť* и мн. др. Наличие глаголов reflexiva tantum особенно красноречиво говорит о семантической хилости возвратного элемента в славянских языках, т. к. в данном случае элемент *-ся/sa* не привносит никакого «значения».

К глаголам reflexiva tantum относятся также глаголы типа *разбежáться//разбегáться*, *сбежáться//сбегáться*, *наéсться//наедáться*, а также совершаемостные образования типа *находи́ться*, о которых говорилось выше (стр. 246).

Присутствие возвратного аффикса у этих глаголов с точки зрения современного языка совершенно немотивировано. Оно в данном случае не может быть истолковано как выражение непереходности, т. к. глаголы типа *боя́ться* или *разбежáться* не противостоят переходным глаголам без *-ся*. Всё это лишний раз

---

[1] Отсюда возможность полного опущения возвратного показателя, ср. полушутливое слвц. разг. *Neboj ničl* (вместо *Neboj sa!*).

лодтверждает наш тезис, согласно которому вопрос так называемых «возвратных глаголов» и их «значений» преимущественно относится к области лексики.

Семантическая несамостоятельность аффикса *-ся* в составе возвратных глаголов вытекает, наконец, из того факта, что многочисленные приставочные глаголы образуются комплексно, т. е. посредством присоединения приставки и одновременного присоединения аффикса *-ся*, напр. *говори́ть — с-говори́ть-ся*. Этот приём отглагольного словообразования нельзя считать префиксально-суффиксальным, т. к. «суффикс» *-ся* в глаголе *сговори́ться* явно не имеет самостоятельного значения.[1] Скорее здесь можно говорить о «рамочной морфеме» («morphème brisé») типа *с- ... -ся*, т. е. об относительно едином, хотя и комплексном словообразовательном элементе, в котором первая часть имеет самостоятельную семантику, а вторая часть *(-ся)* самостоятельного лексического значения не имеет, ср. *с-бежа́ть-ся* и *раз-бежа́ть-ся*, *в-ду́мать-ся* и *за-ду́мать-ся* и т. п.

Интересно, что глаголы reflexiva tantum широко представлены в целом ряде совершаемостей, например в сатуративном типе *бе́гать — на-бе́гать-ся*, *кури́ть — на-кури́ть-ся*, *пла́кать — напла́кать-ся*. Приведём другие примеры:

эволютивная совершаемость *(раз- ... -ся)*: *говори́ть — раз-говори́ть-ся*, *пла́кать — рас-пла́кать-ся*;

взаимная совершаемость *(пере- ... -ся)*: *говори́ть — пере-гова́ривать-ся*;

результативная совершаемость:

достигательный оттенок *(до- ... -ся)*: *бе́гать — до-бе́гать-ся*, *шути́ть — до-шути́ть-ся*;

эксгаустативный оттенок *(вы- ... -ся)*: *бе́гать — вы́-бегать-ся*:

результативно-квалифицирующий оттенок *(из-...-ся)*: *лгать — изо-лга́ть-ся*; и т. п.

Присутствие аффикса *-ся* в совершаемостных образованиях может быть объяснено только исторически.

Подобные явления наблюдаются и в словацком (чешском) языке: многие совершаемости образуются посредством приставок с одновременным переводом глагола в возвратную форму, ср.

[1] Было бы ошибочным приписывать элементу *-ся* в глаголе *сговори́ться* значение «взаимности», т. к. это (или близкое) значение дано значением приставки *с-/со-*.

plakať — rozplakať sa (эволют.), *písať — upísať sa*, *behať — nabehať sa.*

В отличие от русского языка, некоторые типы совершаемостей представлены возвратными образованиями с дативным *si*, ср. *spievať — zaspievať si*, *lyžovať — zalyžovať si*, *sedieť — posedieť si*, *driemať — podriemať si* и т. п. (см. стр. 228, 237).

Академическая грамматика считает, что в глаголах типа *вы́спаться*, *нагуля́ться*, *набе́гаться*, *раскрича́ться* «значение исчерпанности, полноты действия обусловливается значениями присоединяемых к глаголу приставок», а значение «напряжённости действия или состояния [— напряжённость состояния?] создаётся суффиксом *-ся*» (I 426). Такое толкование нам представляется несколько субъективным, ибо на основании объективного семантического анализа трудно доказать в глаголах типа *нагуля́ться* или *вы́спаться* оттенок «напряжённости» действия и, тем более, «напряжённости состояния».

В словацком и чешском языках встречается особый «дативный» тип глаголов perfectiva tantum, не имеющий параллели в русском языке. Этот тип представлен очень немногочисленными глаголами типа *potrpieť si na niečo* ‚иметь слабость к чему-л.', *rozmyslieť si* ‚передумать', *všímať si//všimnúť si*, ‚заметить', *trúfať si//trúfnuť* ‚решаться/решиться' *si* и т. п.

ВЫВОДЫ

Категория залога является, вместе с категорией глагольного вида, одной из двух глагольных категорий, охватывающих все без исключения грамматические формы всех без исключения русских глаголов.

Категория залога выражает направленность/ненаправленность глагольного действия на подлежащее предложения. В русском языке имеется два залога: страдательный (пассив), выражающий направленность глагольного действия на подлежащее (тип *Дом стро́ится*; S ← V), и не-страдательный или действительный (актив), не выражающий направленности глагольного действия на подлежащее. Следовательно, активными являются такие формы как *он чита́ет кни́гу*, *он пи́шет в газе́тах*, *он учи́тельствует*, *он бежи́т*, *он сиди́т*, *он смеётся*, *вечере́ет* и т. д. Активными (не-пассивными) являются также возвратные глаголы типа *ма́льчик мо́ется*, *они́ обнима́ются*, *соба́ка куса́ется*, *э́то мне нра́вится*, *он расстро́ился* и т. д.

Отношение глагольного действия к прямому объекту ($V \rightarrow O_4$) не является залоговым отношением. Оно выражается не в морфологической, а в лексико-синтаксической категории переходности/непереходности. Формальным выразителем непереходности является аффикс *-ся*, ср. *кра́ска де́ржится*.

Пассив, как сравнительно молодая категория славянского глагола, не получил в наших языках единого морфологического оформления.

Страдательный залог выражается у глаголов нс/в аффиксом *-ся (Дом стро́ится, стро́ился)*, у глаголов с/в — аналитической (описательной) формой, состоящей из страдательного причастия прошедшего времени в краткой форме и формы вспомогательного глагола *быть* (в том числе и «нулевой»): *Дом (Ø) постро́ен. Дом был постро́ен.* Другие описательные формы пассива, в частности типы *Он люби́м, Письмо́ пи́сано* (от глаголов нс/в), для современного литературного языка не характерны и малопродуктивны.

Следует принципиально различать возвратные глаголы, являющиеся самостоятельными лексическими единицами с активным залоговым значением, и возвратные формы невозвратных глаголов.

Возвратные глаголы (типа *умыва́ться, купа́ться*) являются самостоятельными глаголами-лексемами, а не грамматическими формами глаголов *умыва́ть, купа́ть кого-л.*

Возвратные формы могут быть морфологическими или синтаксическими.

Морфологический или синтаксический характер возвратных форм выявляется из контекста.

Только морфологические возвратные формы имеют значение пассива; такие формы образуются от глаголов с переходным значением.

Синтаксические возвратные формы имеют залоговое значение актива (не-пассива); они образуются от глаголов с непереходным значением.

Можно различить следующие основные типы употребления аффикса *-ся*:

	Активное залоговое значение	Пассивное залоговое значение (S ← V)
1. Морфологические возвратные формы (от переходных значений)		*Дом стро́ится.* *Дверь открыва́ется сто́рожем.*
2. Синтаксические возвратные формы (от непереходных значений)	*Мне не спи́тся.* *Им тепе́рь ка́к-то не стро́ится.*	
3. Непереходные возвратные глаголы	*Наш сосе́д стро́ится* (‚stavia'). *Вдруг ви́жу — дверь сама́ собо́й открыва́ется.*	

В сопоставительном плане необходимо различать активное и пассивное значение словацких (чешских) образований с возвратным местоимением *sa (se)*, ср.:

Pokladá sa za môjho priateľa. / (акт.) *Он счита́ет себя́ мои́м дру́гом.*
\ (пасс.) *Он счита́ется мои́м дру́гом.*

У образований с возвратным местоимением *si* следует различать «собственно возвратное» и «взаимное» значение:

Nemohol si to odpustiť. — Он не мог прости́ть себе́ э́того.
Nemohli si to odpustiť. —Они́ не могли́ прости́ть э́того друг дру́гу.

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ГЛАГО́ЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЛИЦО

Семантика категории грамматического лица

Категория грамматического лица выражает отношение, устанавливаемое в предикации между содержанием высказывания и участниками речевого акта. В языках нашего типа грамматическая категория лица морфологизировалась именно в системе глагола, т. к. там она нашла своё морфологическое выражение, хотя и синкретически с категорией числа.

Посредством категории грамматического лица выражаются, прежде всего, два отношения: участие и неучастие в речевом акте.

В речевом акте (диалоге) всегда участвуют два лица: «автор» или «отправитель» («podávateľ») речевого акта и «адресат» или «получатель» («príjemca») речевого акта. Если субъект предложения идентичен с «автором» речевого акта, то имеем дело с так называемым 1 лицом ед/ч *(я пишу́)*. Если субъект предложения идентичен с «адресатом» речевого акта, то это соотношение выражается посредством 2 лица обоих чисел *(ты пи́шешь, вы пи́шете)*.

Как видно, категория грамматического лица обладает своеобразной семантикой. Посредством этой категории устанавливается лишь р е л я ц и я между реальным событием внеязыковой действительности (конкретный речевой акт) и содержанием высказывания. Такую семантику можно назвать р е л я ц и о н н о й. Конкретизацию она получает лишь в само́м речевом акте: местоимение «я» всякий раз обозначает то лицо, которое произносит слово «я».

Местоимение «ты» обозначает того участника диалога, к которому обращена речь говорящего.

Категория так называемого «третьего лица» связана с неучастием в речевом акте. Общая семантика той глагольной формы, которая традиционно называется 3 лицом, в сущности определяется чисто негативно: это та форма спряжения, которой обозначается грамматическое «лицо», не принимающее участия в речевом акте. Ввиду такой чисто негативной семантики, форма так называемого 3 лица может выступать и в «безличных» конструкциях (ср. *темне́ет, мне хо́чется)*;[1] она может употребляться при любом существительном — одушевлённом или неодушевлённом: *Ма́льчик пи́шет. — Перо́ хорошо́ пи́шет.*

По отношению к 1 и 2 лицу, так называемое 3 лицо является немаркированной категорией. В словацком языке немаркированность 3 лица проявляется и морфологически: в прошедшем времени, а также в сослагательном наклонении «третье лицо» охарактеризовано нулевым показателем:

písal *som*	písal by *som*
písal *si*	písal by *si*
písal Ø	písal by Ø

Семантика местоимений *мы, вы* аналогична семантике форм мн/ч существительных. Если форма мн/ч *дома́* обозначает ряд разных, но однородных предметов $(a_1 + a_2 + a_3)$, то *мы* — это говорящее лицо (a_1) плюс другие лица ($a_2 + a_3 \ldots$) Лишь в исключительных случаях форма 1 лица мн/ч обозначает нескольких авторов («отправителей») речевого акта: это имеет место, например, в хоровых декламациях или в других массовых проявлениях (ср. «Мы хоти́м ми́ра!»). В нормальных условиях диалога форма 1 лица мн/ч выражает, что грамматическим субъектом высказывания является неопределённое число лиц, причём только одним из них является и сам автор высказывания. Форма *Мы пи́шем* семантически раскрывается следующим образом: «я (т. е. автор речевого акта) утверждаю, что несколько лиц пишет, причём одним из этих лиц являюсь я сам». Эта се-

---

[1] Ср. R. Ruzicka: Struktur und Dialektik in der russischen Grammatik. Zeitschrift für Slawistik 4 (1959) 4, 548/9.

мантика глагольной формы теснейшим образом связана с семантикой соответствующего личного местоимения.

Древнерусский язык располагал особыми личными местоимениями двойственного числа, ср. *вѣ* «мы оба» (род., предл. *наю*, дат. твор. *нама*) и *ва* «вы оба» (род. *ваю*, дат. твор. *вама*). В современном языке развились своеобразные сочетания, обозначающие именно только два лица; такими сочетаниями являются: *мы с тобо́й* (т. е. «я и ты»), *мы с ва́ми* (т. е. «я и вы», ср. *Мы с ва́ми об э́том ещё поговори́м, Ива́н Ива́ныч!*), *мы с ним, мы с ней* (т. е. «я и он», «я и она»), а также *мы с бра́том* (т. е. «я и брат»).

В пределах 2 лица императива в русском языке следует различать две формы: форму призыва к «совместному действию», содержащую, кроме прямого призыва к собеседнику (собеседникам), ещё и эксплицитное указание на то, что говорящий сам намерен принять участие в данном действии (тип *напи́шем!*, *напи́шемте!*), и простую (немаркированную) форму императива, не содержащую в своей семантике такого дополнительного указания *(напиши́!, пиши́!, напиши́те!, пиши́те!)*.

Формы типа *напи́шем!*, *напи́шемте!* толкуются обычно с генетической точки зрения как формы первого лица мн/ч императива. По своей функции (по своему современному значению) эти формы, однако, имеют бесспорно значение второго лица (обоих чисел), ибо они служат для выражения обращения к собеседнику, а форма обращения к собеседнику связана именно с формой 2-го лица. Формами *напи́шем!*, *напи́шемте!* говорящий выражает именно призыв к собеседнику (собеседникам). Подробнее см. стр. 487.

Формальное выражение грамматического лица

Во многих языках, например, в латинском или словацком, грамматическое лицо выражается в глаголе посредством окончания. Латинская форма *ām*ō «я люблю» или слвц. *ľúbim* исчерпывающим образом охарактеризованы грамматически как формы (а) первого лица и (б) единственного числа. Категории грамматического лица и числа здесь выражены синкретически одним показателем *(-ō, -ím/-im)*. В других языках категория грамматического лица выражается посредством аналитических показателей, причём глагольная форма остаётся неизменяемой; ср. спряжение французского презенса индикатива в ед/ч: *je chante — tu chantes — il chante* (глагольная форма [šãt] остаётся в произно-

шении неизменённой), или спряжение английского презенса во мн/ч: *we love — you love — they love.* В некоторых языках, наконец, грамматическая категория лица выражается одновременно двумя показателями — местоимением и окончанием, ср. нем. *ich schreib-e — du schreib-st — er schreib-t.* Первый способ выражения грамматических категорий называется синтетическим, второй — аналитическим, а третий — аналитико-синтетическим.

В русском языке грамматическое лицо может быть выражено трояко:

1. В императиве лицо выражено синтетически: *пиши́!* Но категория грамматического числа здесь выражается агглютинативно: *пиши́-те!* (о чём ниже).

2. В формах прошедшего времени и сослагательного наклонения категория лица выражена аналитически: *я писа́л (бы)*, *ты писа́л (бы)*, *он писа́л (бы)* и т. п.

3. В презенсе категории лица и числа выражаются аналитико-синтетическими средствами:

я пиш|у́ ты пи́ш|ешь он пи́ш|ет

Между образованием личных глагольных форм в словацком или чешском, с одной стороны, и русским языком — с другой, наблюдается существенная разница. В словацком (чешском) языке правилом являются формы без местоимений типа *píšem*, *písal som*, а формы типа *ja píšem*, *ja som písal* допускаются в качестве стилистического варианта. В русском языке, напротив, правилом являются формы типа *я пишу́*, *я писа́л*, а формы *пишу́*, *писа́л* — мотивированными вариантами.

Сочетания типа *я пишу́*, *ты пи́шешь*, *я писа́л*, *ты писа́л* и т. д. являются в русском языке не свободными синтаксическими словосочетаниями, а аналитико-синтетическими формами глагола. Это значит, что элементы *я*, *ты*, *он* в сочетании с *пишу́*, *пи́шешь*, *пи́шет* выступают не в качестве местоимений, а в качество (избыточных) личных показателей глагольной формы, что и выражается в их неполной акцентовке.[1]

[1] Местоименный показатель *он* в формах типа *он пи́шет* произносится с меньшей интенсивностью, чем самостоятельное односложное слово *(стол)*, но не подвергается редукции, т. е. не переходит в [ən]. Следовательно, показатель *он* не сливается полностью с глагольной формой, сохраняя, таким образом, некоторую формальную самостоятельность.

Местоименные личные показатели могут при известных условиях пропускаться. При этом следует различать устную и письменную речь.

В устной речи местоименный показатель 1 и 2 лица ед/ч пропускается в непринуждённом диалоге: *Ненави́жу твою́ рабо́ту* (Эренбург); *Не зна́ю, когда́ он вернётся.* В вопросительных предложениях: *Мо́жете мне сказа́ть, где́ тут ближа́йшая остано́вка авто́буса? Зна́ешь, кого́ я сего́дня встре́тил?*

Местоименный показатель 2 лица ед/ч пропускается после частиц *вот* или *как*, особенно в «репликах-клише» типа *Вот ви́дишь, Как хо́чешь* и т. п.

В диалоге местоимения 1 и 2 лица могут свободно пропускаться, когда речевая ситуация не оставляет сомнения в том, кто́ является автором речевого акта и к кому обращена речь, ср.:

— *Бы́л* в го́роде? (Bol si v meste?)
— *Был.* (Bol som).
— *Возвраща́ете* мне кни́гу?
— *Возвраща́ю.*

В письменной речи местоименный показатель 1 лица (обоих чисел) пропускается:

а) В частных и деловых письмах, напр.: *Прошу́ Вас сообщи́ть...*; *Обраща́юсь к Вам с про́сьбой; Спешу́ отве́тить на Ваше письмо́; Счита́ем необходи́мым подчеркну́ть ...*; и т. п.

В эпистолярном стиле местоимение 1 лица (обоих чисел) часто пропускается в русском языке и в том случае, если сказуемое выражено не глагольной формой, ср. *Был бо́лен* (bol *som* chorý) *и поэ́тому до́лго не писа́л; О́чень ра́д* (*Som* veľmi rád), *что все здоро́вы;* ср. *На про́шлой неде́ле бы́ли* (boli *sme*) *в теа́тре.*

б) В повествовательных и теоретических стилях местоименный показатель 1 лица пропускается, когда рассказчик (автор) подчёркнуто «скромно» отходит, так сказать, на второй план, ср. *Перехо́дим к сле́дующему пу́нкту* (А. А. Шахматов).

Местоименный показатель всех лиц пропускается в русском языке (как и в ряде других языков) при наличии нескольких сказуемых, относящихся к одному подлежащему, причём, как правило, местоименный показатель стоит только при первом из них, напр.: *Я (ты, он) верну́лся домо́й, снял пальто́, вы́мыл*

ру́ки и сел за стол. В словацком языке в подобных случаях показатель 1-го и 2-го лица может повторяться, ср. Vrátil *som* sa domov, zhodil *som* kabát, umyl *som* si ruky a sadol *som* si k stolu.

В отличие от словацкого (и чешского) местоименный показатель третьего лица, как правило, употребляется в следующих случаях:

а) В анафорических предложениях типа Môj brat býva v Moskve; *pracuje* tam v továrni. — *Мой брат живёт в Москве́; он там рабо́тает на заво́де.* Kúpil som si nový slovník; *stojí* pätnásť korún. — *Я купи́л но́вый слова́рь; он сто́ит пятна́дцать крон.*

б) В анафорических ответах типа *Kde sú moje kľúče? — Ležia pod zrkadlom.* На вопрос *Где́ мои́ ключи́?* по-русски отвечают: *Они́ лежа́т под зе́ркалом.*[1]

в) В придаточных предложениях:

Dúfam, že *príde.*	Я наде́юсь, что *он (она́)* придёт.
Povedzte mi, kde *býva.*	Скажи́те, где *он (она́)* живёт.
Nerozumiem, čo *hovorí.*	Не понима́ю, что́ *он (она́)* говори́т[2].

В формах прошедшего времени и сослагательного наклонения элементы *я, ты, он* и т. д. являются единственным показателем грамматического лица, ср.:

я *ты* *он*	*писа́л*	*мы* *вы* *они́*	*писа́ли*	*я* *ты* *он*	*писа́л бы*

В словацком языке местоимения *ja, ty, on* в аналогичных формах являются избыточными, т. к. отнесённость формы

[1] Форма «Лежа́т под зе́ркалом» (без местоимения), конечно, возможна и в русском языке, но здесь она носит «эллиптический» характер. Словаку или чеху следует, во всяком случае, избегать такие формы.

[2] Это правило не является абсолютным. В небрежном диалоге анафорические личные показатели могут быть во всех случаях пропущены. Случаи пропуска этих показателей в придаточных предложениях встречаются у лучших авторов, особенно в первой половине XIX века, ср. «Через не́сколько мину́т яви́лся слепо́й, таща́ на спине́ мешо́к, кото́рый положи́л (в современном языке обязательно: «кото́рый он положи́л») в ло́дку» (Лермонтов, Тамань).

к одному из грамматических лиц однозначно определена формами вспомогательного глагола *byť*: písal *som*, písal *si*, písal (∅), písali *sme*, písali *ste*, písali (∅).[1] Следовательно, форма *písal* в словацком языке однозначно охарактеризована как форма 3 лица ед/ч, в то время как в русском языке соответствующая форма *писа́л* лишена однозначного личного показателя. Отсюда возможность употребления этой формы в значении всех трёх лиц, ср. *Писа́л на про́шлой неде́ле, но не получи́л отве́та* (písal *som*). — *Писа́л роди́телям?* (písal *si*?) — *Он сиде́л за столо́м и писа́л* (písal). Из форм прошедшего времени (где они обязательны) местоименные показатели были в русском языке перенесены в систему форм презенса.

Здесь не место решать сложный и весьма спорный вопрос о том, является ли местоимение *я* в предложении *Я пишу́ письмо́* таким же подлежащим предложения, как слово *ма́льчик* в предложении *Ма́льчик пи́шет письмо́*, и в чём заключается синтаксическая разница между предложениями *Я пишу́ письмо́* и *Пишу́ письмо́*. При разборе морфологии русского языка нельзя, однако, не подчеркнуть, что элементы *я*, *ты*, *он* ... и т. д. в сочетаниях *я пишу́*, *ты пи́шешь*, *он пи́шет* ... являются, в первую очередь, морфологическим фактом, который должен быть полностью учтён при изложении русского спряжения в сопоставлении с такими языками, как словацкий или чешский, где местоимения *ja*, *ty*, *on* ... при глагольных формах не могут быть признаны аналитическими показателями в том смысле, в каком мы трактуем эти элементы в русском языке.

---

[1] Фр. Копечный считает, что в синхронном плане чешские формы типа *chodil jsem* не являются «аналитическими» или «описательными» (как, например *budu psát*); элементы *(j)sem*, *(j)si*, *(j)sme* и т. д. здесь выполняют роль грамматических показателей прошедшего времени («praeteritální morfémy»). Таким образом формы типа *chodil (j)sem* следует толковать как формы синтетические, в которых *chodil* является основой, а *(j)sem* — «окончанием». Ср. Problém českého «příčestí minulého činného» v historii českého mluvnictví, Сборник в чест на акад. А. Теодоров-Балан, София 1955, 293 сл. — Ср. возражения акад. Фр. Травничека в Slovo a slovesnost 19 (1958), 1, 1/18 и ответ Фр. Копечного (там же 19, 4, 277/82).

Формы вежливости

При обращении (oslovení) в русском языке, как и в словацком, чешском, сербохорватском, французском и др. употребляется так называемая форма вежливости, обращение «на вы» (vykanie). В русском языке эта французская манера обращения к одному лицу во множественном числе появилась в XVIII веке и очень быстро вошла в обиход образованных кругов.[1]

Форма 2 лица ед/ч («на ты») употребляется в русском языке при обращении к близкому родственнику, к близкому другу или товарищу, к ребёнку, животному или олицетворённому предмету. Во всех остальных случаях взрослые обращаются друг к другу «на вы».[2]

В просторечии поныне бытует особая форма вежливости, относящаяся, однако, не к собеседнику, а к третьему лицу, присутствующему при разговоре, ср. *Пусть они́ тебе́ ска́жут, они́-то должны́ знать!* Эта форма вежливости не имеет ничего общего с словацким «onikaním». Приведённая фраза[3] приблизительно соответствует словацкому ‚Nech ti to ten pán povie, on to musí vedieť!'

---

[1] В словацком языке vykanie не сразу вытеснило так называемое «onikanie», появившееся под влиянием немецкого и венгерского языка, где форма вежливости связана с 3-им лицом мн/ч *(Sie, Önök)*. В сельских областях форма onikania продержалась довольно долго. Ср. J. Ružička: Plurál úcty v Kukučínovom diele, Slovenská reč 22 (1957), 86/102.

[2] История распространения и употребления форм вежливости представляет собою особую занимательную главу «социологии языка». Во второй половине XVIII в. в провинциальных помещичьих семьях дети обращались к своим родителям «на вы» (ср. «Недоросль» Фонвизина). В XIX в. такое обращение держится преимущественно в мещанских кругах (ср. у М. Горького). В настоящее время обращение «на вы» между супругами употребляется (в присутствии посторонних) в некоторых интеллигентских семьях.

У некоторых словаков (особенно в консервативных семьях) обращение детей к родителям «на вы» до сих пор считается признаком учтивости.

Обращение «на вы» распространилось не сразу. Любопытно, что при крепостном праве крестьяне обращались к «барину» «на ты». В рассказе Тургенева «Касьян с Красивой Мечи» герой обращается к рассказчику на «ты», но, смутившись, переходит на «вы»:

— Да вы там, всё равно́, до́ма ку́пите, когда́ захоти́те, — отвечал он мне, в первый раз употребляя слово «вы».

Всё это, разумеется, выходит далеко за рамки собственно грамматической проблематики.

[3] Записано автором в Саратове, в августе 1956 г.

Обобщённо-личное и неопределённо-личное употребление личных глагольных форм

Местоименные показатели *я*, *ты*, *он*, *они́* служат в русском языке в качестве показателя собственно личного значения глагольной формы. Формы типа *ты говори́шь*, *они́ говоря́т* являются в морфологическом и стилистическом отношении нейтральными формами.

Отсутствие местоименного показателя *ты*, *они́* может снять собственно личное значение глагольной формы и превратить её в форму обощённо- или неопределённо-личную. Ср.:

[Како́й ты стра́нный]:	[Со мной ча́сто быва́ет так]:
Иногда́ *ты* прихо́дишь,	Иногда́ *прихо́дишь*,
сиди́шь и не говори́шь ни	сиди́шь и не говори́шь ни
сло́ва. — ‚Niekedy *prídeš*,	сло́ва. — ‚Niekedy *človek*
sedíš a nehovoríš ani slova.‘	príde, sedí a nehovorí ani slova.

В первом случае имеется в виду определённое лицо (собеседник), во втором случае высказывание имеет обобщённый характер (všeobecný ráz), выражаемый в словацком языке обобщённым местоимением *človek*, нем. *man*, фр. *on*, англ. *one*.

В словацком языке форма 2 лица ед/ч типа *prídeš* — двусмысленна. Она может обозначать и «собственно личный», и обобщённо личный субъект, ср. To už tak býva, že v smutných a bezradných chvíľach príde *ti* na um matka, aby *ti* pomohla, ako dosiaľ vždy, a človeku je ešte smutnejšie, že i na starosť spôsobíš jej zármutok, ako neraz v mladi (J. Jesenský, Demokrati).

Обобщённо-личное значение формы 2 лица ед/ч без местоименного показателя *ты* в русском языке особенно наглядно выступает там, где глагольная форма употребляется параллельно с безличными предикативами типа *мо́жно*, *на́до*, *нельзя́*, имеющими именно обобщённое значение, ср. «Коммуни́стом стать мо́жно лишь тогда́, когда́ обогати́шь свою́ па́мять зна́нием всех бога́тств, кото́рые вы́работало челове́чество» (В. И. Ленин).

Собственно личная форма 3 лица мн. ч. типа *они́ говоря́т* отличается от формы *говоря́т* (без местоименного показателя *они́*) тем, что форма *говоря́т* имеет неопределённо-личное значение (neurčitý význam), ср.:

Неда́вно приезжа́ли това́рищи из министе́рства. Они́ говоря́т, что гото́вится но́вый зако́н о вы́сшей	Неда́вно приезжа́ли това́рищи из министе́рства. Говоря́т, что го́товится но́вый зако́н о вы́сшей

шко́ле. — ‚Boli tu súdruhovia z ministerstva. Vravia, že sa chystá nový vysokoškolský zákon.'

шко́ле. — ‚Boli tu súdruhovia z ministerstva. Vraví sa, že sa *vraj* chystá nový vysokoškolský zákon.'

Отсюда только один шаг к вводному слову, ср. *Там, говоря́т, мно́го наро́ду* ‚je tam *vraj* veľa ľudí'.

Возможность семантического использования противопоставления типа *ты прихо́дишь/прихо́дишь* и *они́ говоря́т/говоря́т* лишний раз подтверждает, что местоименные показатели в глагольных формах имеют в системе русского глагольного формообразования свою определённую функцию.

Стилистическая транспозиция личных форм

Во всех европейских литературных языках с развитой стилистической дифференциацией некоторые личные формы глагола могут употребляться не в «собственном смысле». Такое «переносное» употребление грамматических форм, их перемещение в несвойственный их прямому значению контекст, называется транспозицией.

Транспозиция является в первую очередь стилистическим приёмом.

Возьмём пример: Вместо обычного *В на́ших леса́х во́дятся медве́ди* (v našich lesoch žijú medvede) можно сказать *В на́ших леса́х во́дится медве́дь*. Здесь форма множественного числа заменяется формой единственного числа. Обыкновенно утверждают, что в подобных случаях форма единственного числа приобретает «собирательное значение» (Акад. грамм. I 114). На самом деле здесь имеется не новое значение грамматической формы, а стилистическая фигура (тропа) — «синекдо́ха» или pars pro toto. Именно так толкует эти факты проф. А. Н. Гвоздёв.[1]

Если врач обращается к больному со словами «Ну, как мы себя́ чувствуем?», то здесь не происходит семантический сдвиг у местоимения *мы*. Местоимение *мы* сохраняет своё значение «первого лица», но будучи применено в несвойственном ему контексте (при обращении) придаёт всему высказыванию (имеющему значение «Как вы себя чувствуете?») шутливо-оптимистический эмоциональный оттенок. Следует отметить, что подобные транспозиции характерны не только для русского языка; они встречаются во всех современных европейских языках.

[1] А. Н. Гвоздёв: Очерки по стилистике русского языка, 1955², 148 *сл.*

Во многих литературных языках широко распространён приём транспозиции 2 лица обоих чисел. Рассказчик, желая оживить своё повествование, как бы мобилизует фантазию слушателя или читателя, призывая его войти в положение героя, ср. «Вот, наконе́ц, *ты* прие́хал в незнако́мый го́род! *Выхо́дишь* из ваго́на и *тебя́* обступа́ет толпа́ пассажи́ров, встреча́ющих, носи́льщиков ...» Тот же стилистический эффект может быть достигнут употреблением 2-го лица мн/ч:

«Но, мо́жет быть, не все мои́ чита́тели зна́ют, что тако́е тя́га. Слу́шайте же, господа́.

За че́тверть часа́ до захожде́ния со́лнца, весно́й, *вы вхо́дите* в ро́щу, с ружьём, без соба́ки. *Вы отыскиваете* себе́ ме́сто...»(Тургенев, Ермолай и мельничиха).

Такие стилистические фигуры относятся к общеевропейскому арсеналу стилистических средств. Приведённые случаи транспозиции не относятся к тем или иным особенностям употребления глагольных форм, а к использованию разных значений личных местоимений.[1]

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЧИСЛО И ГРАММАТИЧЕСКИЙ РОД

Грамматическое число не является у личных глагольных форм самостоятельной категорией. Оно зависит от понятийного содержания «грамматического лица». Личная форма глагола согласуется в числе со своим подлежащим: *Ребёнок спит. — Де́ти спят.*

Безличные глаголы типа *вечере́ет, смерка́ется*, а также безличные конструкции типа *мне не хо́чется*, естественно, не имеют форм множественного числа.

Грамматический род является, прежде всего, именной категорией и по своему существу чужд глагольной системе. К. Горалек справедливо указывает на то, что внедрение категории рода в славянское спряжение является характерной чертой развития славянского глагола.[2] Категория рода проникает в славянское спряжение в связи с развитием и рас-

[1] Характерно, что транспозиция возможна и в неглагольных предложениях, например: «Вот, наконе́ц, *вы* до́ма!»

[2] Ср. K. Horálek в Сборнике ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов), М. 1958, 118.

пространением форм на *-л*. В русском (и словацком) языке категория рода в пределах спрягаемых форм (verbum finitum) ограничена формами прошедшего времени и сослагательного наклонения, причём только в единственном числе: *дéлал -а -о; дéлал бы, дéлала бы, дéлало бы*. В чешском литературном языке грамматический род различается также во множественном числе *(dělali -y -a)*. В польском и словинском категория рода внедрилась также в формы будущего времени, ср. польск. *będę czytał, czytała*, словин. *bodem delal,' bodęm delala*. По наблюдениям К. Горалека, категория рода проникает в славянских языках как раз в те спрягаемые формы, в которых сказывается аналитизм (там же).

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

ФИЗИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ЕГО ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ГРАММАТИКЕ

Физическое время, существующее в материальном мире, находит своеобразное выражение в любом глаголе. Всякий глагол, независимо от его употребления в той или иной временно́й форме, обозначает процесс, а процесс мыслится нами как нечто расположенное на временно́й оси. Временно́й фактор так или иначе заключён в самой грамматической семантике любого глагола, как части речи. Глагол — это прежде всего «темпоральная» часть речи. В этом смысле язык непосредственно отражает основные формы бытия: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и времени».[1]

Другое дело, что в ряде языков, в том числе в славянских, глагол способен морфологически выражать разные грамматические «времена» (лат. *tempora*, англ. *tenses*). Как будет показано ниже, грамматические «времена» (т. е. предикативные глагольные формы, так или иначе выражающие локализацию процесса на временно́й оси по отношению к моменту речи) не являются непосредственным «отражением» априорных или «естественных времён», таких как «настоящее», «прошедшее» или «будущее». Безусловно, глагольные формы могут быть использованы для выражения тех отношений, которые в нашем обиходе получили названия «прошлое», «настоящее» или «будущее», но этим их грамматическая семантика не только не исчерпывается, но и не определяется решающим образом.

В плане материального бытия происходит неукоснимый пере-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, 164.

ход «ещё не прошлого» — в «прошлое». Такой постоянный переход осуществляется в бесконечно кратком временном отрезке, разделяющим «не прошлое» от «прошлого». Этот бесконечно-краткий отрезок времени не имеет своего прямого коррелята в мире эмпирическом. Этим и объясняются те непреодолимые затруднения, на которые неизбежно наталкивается всякий языковед, пытающийся раскрыть грамматическую семантику форм «настоящего времени».

Если подойти к вопросу о «сегментации» времени не с точки зрения материалистической теории познания, а с точки зрения наивной эмпирии, то нетрудно заметить, что «настоящее» представляется нам как вполне реальное «время»; мы не сомневаемся в том, что в предложениях типа *Он рабо́тает на заво́де* или *Земля́ враща́ется вокру́г Со́лнца* мы выражаем «наличные» процессы, т. е. процессы, без колебаний относимые нами к «настоящему». Обычно указывается, что «настоящее время» обозначает такие процессы, которые либо происходят в момент речи, или протекание которых включает момент речи, или, наконец, процессы, высказывание о которых остаётся «действительным» в момент речи. Однако все эти формулы исходят из априорного убеждения, будто формы, называемые в грамматике формами презенса, служат именно для обозначения отнесённости действия к «настоящему времени». К тому же, отнесённость действия к моменту речи выражается в русском языке не только формами презенса, но и некоторыми другими формами: в предложении *Пти́цы улете́ли* выражена именно отнесённость результата действия к моменту речи (так называемое «перфектное значение»). В тех случаях, когда формы презенса обозначают действия, которые никак нельзя толковать как «синхронные» с моментом речи — например: *За́втра я е́ду в Пра́гу* — исследователи прибегают к понятию «транспозиции». Отсюда семантическая расплывчивость «временных» значений глагольных форм, устанавливаемых традиционной грамматикой.

Семантика временно́й отнесённости высказываний, а также временно́е значение носителей предикации — глагольных форм, устанавливается легче всего лексически. Те глагольные формы, которые в простых предложениях обычно могут сочетаться с наречиями и адвербиальными оборотами типа *вчера́, в про́шлом году́, ра́ньше* и т. п., имеют, очевидно, общее грамматическое

значение «прошедшего времени». Те глагольные формы, которые сочетаются с наречиями типа *за́втра, через год, ско́ро* и т. п., имеют, очевидно, значение «будущего времени».

Наречия типа *сейча́с, тепе́рь, в да́нный моме́нт* относят, казалось бы, всё высказывание к «настоящему». Но это не совсем так; такие наречия свободно сочетаются с самыми разнообразными временны́ми формами глагола: *Он тепе́рь пи́шет диссерта́цию; Он тепе́рь написа́л диссерта́цию (и бу́дет её защища́ть); Он тепе́рь бу́дет писа́ть диссерта́цию.* Основная семантика наречия *тепе́рь* остаётся неизменённой. Оказывается, что на основании чисто логических, внеязыковых критериев не так уж легко определить общее грамматическое значение «настоящего времени».

В этой связи следует обратить внимание и на само понятие «момент» речи, которым мы так часто пользуемся в грамматике. В повседневном обиходе «момент» — это кратчайший отрезок времени, миг, мгновение (ср. словарь Ушакова). Но разве нормальный речевой акт (сообщения) занимает именно «кратчайший отрезок времени»? По данным фонетистов гласный звук в нормальном потоке речи имеет длительность от 6 до 30 сотых секунды.[1] Обычно же речевой акт (сообщения), состоит не из одного только гласного звука. Трёхсложное слово занимает в нормальном произношении не менее полсекунды.[2] А полсекунды — это уже не «кратчайший отрезок времени».

Психологи определяют «момент» как такой промежуток времени, который больше не может быть воспринят изолированно нашими чувствами. Для человека таким далее неделимым отрезком времени («моментом») является $^1/_{18}$ секунды. Эта величина остаётся константной во всех областях чувственных (zmyslových) восприятий: 18 колебаний воздуха в секунду нами больше не различаются, а воспринимаются как однородный тон; 18 толчков в секунду, раздражающих поверхность нашей кожи, воспринимаются нами как равномерное давление; 18 сменяющихся картин в секунду нами уже не воспринимаются как отрывистые «скачки», а сливаются в единое плавное движение. На этом построена вся кинематография.[3]

Итак, в эмпирической области наших чувств кратчайшими отрезками времени, в которых мы уже не в состоянии различать начало и конец, является $^1/_{18}$ или 0,055 секунды. Конкретный «момент» речи, конечно, всегда превышает по своей длительности эмпирически установленный психологический момент. Поэтому, употребляя термин «момент речи»,

---

[1] B. Hála: Úvod do fonetiky, Praha 1948, 78.

[2] Otto von Essen: Allgemeine und angewandte Phonetik, Berlin 1953, 110.

[3] Ср. J. Uexküll und A. Kriszat: Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen, Berlin 1934, 31.

мы должны помнить о том, что мы употребляем лингвистический (а не психологический) термин. «Момент речи», как лингвистический факт, весьма растяжим: в романе, описывающем события в прошлом, этот «момент» речи длится ровно столько, сколько понадобилось времени для написания (или для прочтения) всего романа! И тем не менее, этот «момент речи», неизмеримый ни физически, ни психологически, остаётся в языке единственным ориентиром, единственной «точкой» на оси времени, по отношению к которому определяется временно́е значение глагольной формы. Эфемерная «точка», движущаяся на оси времени и разделяющая «прошлое» от «ещё не прошлого», в языке превращается в точный «прибор», при помощи которого говорящий «сегментирует» время. В этом лишний раз сказывается вся сложность диалектики языка.

Ошибочно думать, что грамматические «времена», т. е. определённые глагольные формы, традиционно называемые формами «настоящего», «прошедшего» или «будущего» времени, действительно выражают в своей общей грамматической семантике эти «естественные» или «эмпирические» времена. Значение временны́х форм в русском языке гораздо сложнее. Вот почему нас не должен интересовать вопрос: «Как выражается в языке ,,прошлое'', ,,настоящее'' или ,,будущее''»?. Грамматический анализ временны́х форм показывает, что «грамматических категорий», соответствующих «естественным» временам, в русском языке нет. Поэтому мы предлагаем исходить из вопроса: «Какие временны́е значения имеют те или иные предикативные формы индикатива?». Пытаясь вскрыть грамматическую семантику отдельных сказуемостных форм русского языка, мы будем исходить из системы временных форм. Общее инвариантное значение каждой из *пяти* временны́х форм будет определено не столько на основании их отнесённости к одному из эмпирических временны́х планов, а в первую очередь на основании их соотнесённости с другими временны́ми формами.

Для правильного понимания всего дальнейшего изложения необходимо будет отказаться от распространённого мнения, будто формы перфективного презенса (типа *бро́шу* или *hodím*) исконно и прочно связаны со «значением будущего времени». С морфологической точки зрения форма *бро́шу* только своим видом отличается от формы *броса́ю (hádžem)*. Обе формы являются формами презенса. Поэтому мы в дальнейшем не будем говорить о «формах настоящего-будущего» или о формах «простого будущего», а только о формах презенса совершенного и несовершенного вида.

Временно-видовая система более древних стадий развития славянских языков существенно отличалась от современной. Футуральное значение форм типа *бро́шу* или *hodím* является в наших языках, по словам Фр. Копечного, «результатом длительного развития, отнюдь не общего всем славянским языкам. Первой различительной чертой между формами презенса обоих видов, между типом *бро́шу* и *броса́ю*... следует считать то обстоятельство, что перфективный презент *бро́шу* не мог обозначать актуальное настоящее».[1]

Исконное положение вещей, т. е. отсутствие внутренней связи между формой презенса с/в и значением будущего времени, лучше всего сохранилось в южнославянских языках. В языках славянского севера (русский, польский) форма презенса с/в более прочно связана со значением будущего времени. Чешско-словацкая группа языков занимает в этом отношении промежуточное место.[2]

Нельзя забывать, что в русском языке спаянность перфективного презенса (типа *бро́шу*) со значением именно будущего вовсе не является абсолютной. Ссылка на то, что форма презенса с/в «чаще всего» обозначает будущее время, не вносит ясности, т. к. всё же в целом ряде (пусть довольно редких) случаев, эта же форма не обозначает будущее время, ср. *Быва́ло, бро́шу соба́ке мяч и гляжу́, как она́ с ним игра́ет; То покурю́ ме́сяц-два, то опя́ть бро́шу.* В этих случаях форма презенса с/в *бро́шу* не имеет значения будущего времени. Вот почему мы предпочитаем исходить не из «значений» временны́х глагольных форм, а из самих этих форм, как членов грамматических оппозиций.

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Образование и значение претеритальных форм

Формы прошедшего времени (претерита) в русском языке не имеют личных окончаний: этим они отличаются от всех остальных временны́х форм русского языка. В прошедшем времени грамматическое лицо выражается аналитически с помощью личных показателей *я, ты, он, она́* и т. п. (ср. *я писа́л, ты писа́л, он писа́л*). Другой, не менее важной, чертой форм прошедшего времени является различение грамматического рода в единственном числе *(я писа́л-Ø -а, перо́ писа́л-о)*. Мы знаем, что эти

[1] Fr. Kopečný: Základy české skladby, Praha 1958, 102. (В оригинале вместо *брошу* и *бросаю* приведены примеры *píšu* и *napíšu*).

[2] Fr. Kopečný: в Сборнике ответов на вопросы по языкознанию.

черты являются наследием именного (номинального) происхождения данных форм в русском языке, развившихся из сочетаний причастий с вспомогательным глаголом типа *писалъ есмь*. В современном языке формы прошедшего времени чётко противопоставляются по морфологическому признаку всем остальным временны́м формам.

Формальным показателем прошедшего времени является элемент *-л*. Этот элемент присоединяется к основе прошедшего времени, которая у большинства глаголов (в частности, у глаголов продуктивных классов) совпадает с основой инфинитива: *де́ла-(ть) — де́ла-л, владе́-(ть) — владе́-л, рисова́-(ть) — рисова́-л* и т. п. Показатель прош/вр сохраняется во всех без исключения формах женского и среднего рода, а также в формах мн/ч всех глаголов. Показатель *-л* отсутствует лишь в мужской форме прош/вр тех глаголов, у которых основа прошедшего времени не совпадает с основой инфинитива. У этих глаголов в форме мужского рода прош/вр появляется чистая основа прош/вр с «нулевым» показателем, ср. *тёр* (основа прош/вр и мужская форма) — инф. *тере́ть*, *сох* (основа прош/вр и мужская форма) — инф. *со́х-ну-ть* и т. п.

Мужская форма прош/вр образуется без показателя *-л* у следующих глаголов:

1. У глаголов IX класса; у этих глаголов основа инфинитива содержит элемент *-ну-*, а основа прош/вр образуется без *-ну-*, ср. инф. *мёрз-ну-ть* — прош/вр. *мёрз (мёрзла)*, *исчёз-ну-ть — исчёз (исчёзла)*. (См. также стр. 81—84)

2. У глаголов X класса, у которых основа инфинитива вообще с трудом выделяется: ср. инф. *нести́ — нёс (несла́)*; инф. *грести́ — грёб (гребла́)*, инф. *печь — пёк (пекла́)* и т. п. Если в исходе основы наст/вр глаголов этого класса имеется *-д* или *-т*, то эти согласные не появляются в формах прош/вр; у этих глаголов X класса имеется показатель *-л* в мужской форме: *вести́ (вед-у́) — вёл (вела́)*, *укра́сть (украд-у́) — укра́л (укра́ла)*, *подмести́ (подмет-у́) — подмёл (подмела́)*. (См. также стр. 89—92)

3. У глаголов группы *тере́ть (тру, трёт)*, с основой прош/вр типа *тёр (тёрла)*, инф. *умере́ть — у́мер (умерла́)*. (См. стр. 103)

4. У изолированных глаголов *ушиби́ть (за-, пере-)* и *ошиби́ться*, где основа инфинитива *(ушиби́-, ошиби́-)* чередуется с основой прош/вр *уши́б (уши́бла)*, *оши́бся (оши́блась)*.

В словацком и чешском языках формальным выразителем грамматического лица в формах прошедшего времени являются формы настоящего времени вспомогательного глагола 1 и 2 лица обоих чисел, ср. слвц. *robil som, robil si, robili sme, robili ste.* В 3 лице обоих чисел используется «значимое отсутствие» вспомогательного глагола: *robil* «он делал», *robili* «они делали». Вспомогательный глагол может отсутствовать в чешском разговорном языке и в 1 лице обоих чисел, ср. *já myslel, my mysleli.*

Форма прошедшего времени типа *я дѣлал* исторически восходит к форме общеславянского перфекта, который складывался из причастия на *-лъ* и спрягаемых форм глагола *быти*: *дѣлалъ есмь, еси, естъ* и т. п. Общеславянский (и древнерусский) перфект по своему значению отличался от остальных прошедших времён, в частности от имперфекта и аориста. После утраты этих последних в историческое время, славянские языки «северной группы» (восточнославянские, польский, чешский, словацкий) ввели в качестве «универсального» прошедшего времени (претерита) формы на *-l*. Грамматические значения старого имперфекта, аориста и перфекта перешли на форму единого претерита. Однако видовые различия позволили отчасти сохранить старые темпоральные оттенки значения. В современном языке значения претеритальных форм неотделимы от видовых значений. Поэтому многие исследователи прямо говорят о «видо-временны́х» формах глагола. Использование видовых значений в претеритальных формах должно быть учтено последовательно и систематично.

Общее грамматическое значение форм типа *он броса́л, он бро́сил* определяется их сочетаемостью с наречиями типа *вчера́*. Форма прош/вр относит процесс-событие к временно́му плану, предшествовавшему во времени «момент речи». При этом процесс, относимый к прошедшему времени, представляется как обозреваемый (или могущий быть обозреваемым) во всех своих фазисах. Форма прошедшего времени употребляется для передачи элементов опыта говорящего (или другого лица). Прошедшее время — это, в основном, та форма, в которой свидетель даёт свои показания, или очевидец излагает свои наблюдения.

С точки зрения своей общей грамматической семантики прошедшее время отчётливо противопоставлено всем остальным временны́м формам русского языка. Процессы, выраженные формами *он бу́дет броса́ть, он бро́сит, он броса́ет*, не представляются как предшествовавшие во времени моменту речи. Действия, обозначаемые формами типа *он бу́дет броса́ть* или *он бро́сит*, явно не составляют элементов опыта говорящего. Но и процесс, представляемый формой типа *он броса́ет*, не может быть обозреваем во всех фазисах своего протекания.

Следовательно, первая и основная оппозиция, проходящая

через всю систему временны́х форм русского языка, сводится к противопоставлению:

[прошедшее время (отнесённость в объективному прошлому выражена)] : [«непрошедшее время» (отнесённость в объективному прошлому не выражена)]

Прошедшее время является сильным, маркированным членом оппозиции. Общее значение «отнесённости к отрезку времени, предшествовавшему моменту речи», морфологически выражается элементом *-л*, при отсутствии личных окончаний и при наличии аналитических показателей лица *(я, ты, он)*.

Слабым, немаркированным членом оппозиции является «непрошедшее время» (с целым рядом конкретных оттенков). Семантика форм, относящихся к «непрошедшему времени», чисто отрицательная (отнесённость к «прошлому» не сигнализируется).

Значение форм прошедшего времени несовершенного вида (Тип *Он броса́л*)

Внутри прошедшего времени следует различать формы несовершенного вида *(он броса́л)* и формы совершенного вида *(он бро́сил)*.

Сохраняя общую грамматическую семантику претерита как такового, форма нс/в типа *он броса́л* дополнительно выражает, что процесс всецело относится к прошлому, что во временно́м плане он разобщён с моментом речи, что ни один из отрезков данного процесса не сливается с моментом речи. Временна́я перспектива, создаваемая формами прошедшего времени нс/в типа *он броса́л*, может быть лексически раскрыта путём таких наречий, как *тогда́*, *в то вре́мя*, ср.:

Наступа́л ве́чер, *шёл* дождь, с се́вера поры́висто *дул* ве́тер. Он *свиста́л* в пусты́х ларя́х и лавчо́нках, *бил* в заколо́ченные доска́ми о́кна гости́ницы, и во́лны реки́ от его́ уда́ров *пе́нились*, шу́мно *плеска́лись* на песо́к бе́рега (М. Горький).

Значение разобщённости процесса, выражаемого формой прош/вр нс/в, особенно наглядно сказывается в таких предложениях: «Эта карти́на мне о́чень нра́вилась». Относя данное предложение к плану, данному наречием «тогда», я локализую «действие» в прошлом, не сливающемся с настоящим.

Но относя то же предложение «Эта карти́на мне о́чень нра́вилась» к плану, данному наречием «раньше», я имплицитно утверждаю, что теперь мне эта картина больше не нравится. Здесь особенно ярко сказывается временна́я «цезура», лежащая между «процессом» *(нра́вилась)* и моментом речи.

Форма прош/вр нс/в типа *он броса́л* взяла на себя целый ряд функций, выполняемых в древнем языке формой имперфекта. Поэтому такое значение прошедшего времени иногда называется «имперфектным».

Всё сказанное всецело относится также к словацкому или чешскому языкам, ср. *Hádzal* kamene do vody; *Písal* list.

Форма типа *он броса́л* сохраняет, разумеется, свое основное значение несовершенного вида. Она обозначает процессы, не представляемые в качестве «целостных, сомкнутых событий». Поэтому она «живописна и изобразительна».[1] Она свойственна спокойному повествовательному тону и широко применяется во всякого рода повествовательных жанрах. Несколько упрощённо можно определить значение данной формы примерно так: она отвечает на вопрос «Что бы́ло (тогда́)?»

Общее значение претеритальной формы нс/в допускает целый ряд семантических оттенков, связанных с временно́й и видовой её семантикой. Такие специальные значения зависят от коммуникативного задания говорящего и вскрываются в контексте; немаловажную роль играет также индивидуальное значение глагола.

В предложении *(Когда́ я вошёл,) он сиде́л на дива́не и чита́л рома́н* формы нс/в *сиде́л* и *чита́л* обозначают единичные действия.

В предложении *Он броса́л ка́мни в во́ду*, процесс, выражаемый формой *броса́л*, воспринимается как повторяющийся, обычный, узуальный. Это дано наличием объекта *(ка́мни)* во множественном числе.

В другом контексте та же глагольная форма может обозначать «попытку совершить действие», ср. *Он всё броса́л кури́ть*, т. е. «пыта́лся бро́сить кури́ть».

Обратимся к узуальному значению, выражаемому формой прош/вр нс/в, как к наиболее интересному с точки зрения сопоставления наших языков.

---

[1] В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 558.

Значение узуальности в прошлом

Мы знаем, что общая семантика несовершенного вида допускает толкование действия как узуального (т. е. повторяющегося, привычного, постоянного) не только в презенсе, но и в прошедшем времени. В предложении *Лéтом мы купáемся в рéчке* форма *купáемся* может обозначать «имеем обыкновение купаться». Для выражения узуального действия в прошлом в словацком и чешском языках может быть также использована претеритальная форма нс/в, ср. *V lete sme sa kúpali*/*V létě jsme se koupali.*

Однако в словацком (чешском) языке значение узуального прошлого может быть выражено и претеритальной формой совершенного вида. Ср.:

Po matkinej smrti *každé ráno*, keď som sa v svojej postieľke *prebudila* (с/в) a nikoho v izbe nebolo..., volávala som z celej sily, aby ma do kuchyne počuli: ‚Anka, Maňka, poďte pňe [= prc] mňa!'... O chvíľu i *prišla*, ktorá ma počula, *vytiahla* ma z postele a *vyniesla* do kuchyne na lavicu (Šoltésová). — A keď po skončenej robote (otec) *vstal* od stolíka a *povedal:* ‚Ideme sa prejsť, dievčička moja!' — na to som *vždy* s radosťou *pristala* (Šoltésová).

Приведённый отрывок содержит детские воспоминания словацкой писательницы. Общий план повествования *(každé ráno, volávala)* не оставляет сомнения в том, что автор здесь имеет в виду типичные, узуальные события своего раннего детства. Поскольку совершенный вид обозначает «целостные, замкнутые события», то и здесь для передачи повторяющихся, привычных событий в прошлом употребляются формы с/в *(prebudila som sa, prišla).* В русском же языке узуальное действие в прошлом обычно не выражается претеритальной формой с/в; трудно сказать «По утрáм, когдá я *проснýлась*» (вм. *просыпáлась*) или «Всегдá, пóсле рабóты отéц *встал* и *сказáл*» (вм. всегдá ... *вставáл и говорúл*). В русском языке узуальное действие в прошлом выражается обычно глаголами несовершенного вида. Но при таком оформлении мысли утрачивается специфический оттенок «событийного» значения, выражаемого в словацком языке формой с/в. Поэтому говорящий (автор), желающий сохранить именно этот смысловой оттенок «событийности», должен в русском языке отказаться от претеритальной формы и прибегнуть

к временно́й «транспозиции». Цепь повторявшихся в прошлом событий может быть выражена в русском языке путём переноса повествовательного временно́го плана в плоскость настоящего исторического. Такая транспозиция достигается словом *быва́ло* или разными обстоятельственными выражениями *(всегда́, по утра́м, ино́й раз)*. В такой транспозиции можно сохранить общее значение с/в, правда, в форме перфективного презенса. Ср. отрывок из «Детства» Льва Толстого, где автор описывает свои воспоминания:

«*Быва́ло*, как до́сыта *набе́гаешься* (с/в) внизу́ по за́ле, на цы́почках *прокрадёшься* (с/в) наверх, в кла́ссную, смо́тришь — Карл Ива́ныч сиди́т себе́ оди́н на своём кре́сле... И так жа́лко *ста́нет* (с/в), что, *быва́ло*, *подойдёшь* (с/в) к нему́, *возьмёшь* за́ руку и *ска́жешь*: ‚Lieber Карл Ива́ныч!'. Он люби́л, когда́ я ему́ говори́л так; *всегда́ приласка́ет* (с/в), и ви́дно, что растро́ган».

Формы перфективного настоящего *(набе́гаешься, пройдёшь, возьмёшь, ска́жешь)*, транспонированные в общий план прошлого, как раз и выражают узуальные события в прошлом.

При переводе на русский язык следует иметь в виду эту существенную разницу между нашими языками. Узуальное действие в прошлом, выражаемое в словацком (чешском) языке претеритальными формами совершенного вида, может быть передано по-русски двояко:

Выражение узуальности в прошлом посредством претеритальной формы совершенного вида	
Matka sa vždy *postarala* (с/в) o to, aby deti mali čisté košieľky. Každú nedeľu otec si *obliekol* čierny kabát a *odobral sa* na prechádzku.	
Сохранение претеритальной формы за счёт видового значения совершенного вида	Сохранение видового значения совершенного вида за счёт претеритальной формы
Мать всегда́ *забо́тилась* (нс/в) о том, что́бы у ребяти́шек бы́ли чи́стые руба́шки. По воскресе́ньям оте́ц *надева́л* (нс/в) чёрный пиджа́к и *отправля́лся* (нс/в) на прогу́лку.	Мать всегда́ *позабо́тится* (с/в) о том, что́бы у ребяти́шек бы́ли чи́стые руба́шки. По воскресе́ниям оте́ц, *быва́ло*, *наде́нет* (с/в) чёрный пиджа́к и *отпра́вится* (с/в) на прогу́лку.

Претеритальные формы нс/в типа *забóтилась*, *надевáл* (левая колонка) являются в русском языке стилистически нейтральными, а формы перфективного презенса типа *позабóтится*, *надéнет* (правая колонка) — стилистически «квалифицированными». В словацком языке форма прош/вр с/в типа *každú nedeľu si obliekol* остаётся в стилистическом отношении нейтральной и широко применяется в устной речи и в литературе.

Значение форм прошедшего времени от глаголов многократной совершаемости (Тип *Он хáживал*)

Глаголы многократной совершаемости типа *я хáживал*, *я сúживал* являются в русском языке пережиточной, непродуктивной группой. Немногочисленные глаголы этой группы не образуют полной парадигмы. В русском языке не существует форм презенса, соответствующих словацким (чешским) формам типа *chodievam*/*chodívám* «я имею обыкновение ходить». Практически в русском языке встречаются только формы прошедшего времени типа *я хáживал*. (См. стр. 273—279).

Акад. В. В. Виноградов считал формы типа *я хáживал* особой временнóй формой, обозначающей «давнопрошедшее время» (Русский язык 1947, 545 и сл.). Эта же мысль повторяется в Академической грамматике: «Формы прошедшего времени от многократных глаголов имеют значение давнопрошедшего времени. Формы эти в современном литературном языке малоупотребительны, но имели широкое распространение в литературном языке XIX в.» (I 490).

Спрягаемые глагольные формы с временны́м значением образуются парадигматически, т. е. в принципе от всех глаголов. Грамматическое значение временны́х форм определяется рядом оппозиций внутри системы временны́х форм. Можно ли считать, что «давнопрошедшее», как особая «временна́я форма», образуется только от некоторых глаголов, причём именно от таких, которые не образуют ни императива, ни «настоящего», ни будущего?

Прежде чем ответить на заданный вопрос, необходимо выяснить значение самого термина «давнопрошедшее время».

В русских грамматиках по классическим и западноевропейским языкам термином «давнопрошедшее время» обозначается plusquamperfectum,

т. е. время по своему существу относительное (релятивное), выражающее действие, имевшее место в прошлом, но при этом предшествовавшее другому действию, мыслимому в плане прошлого, ср. нем. Ich las den Brief, den mir mein Freund *geschrieben hatte* (письмо было сперва написано, и только потом я мог его прочесть). Эту форму собственного плюсквамперфекта, обозначаемую словацким термином predminulý čas, удобнее всего назвать «предпрошедшим временем».

Как убедительно показал Г. Горак на большом материале, в словацком литературном языке предпрошедшее время представлено как самостоятельная грамматическая категория[1], ср. «Dedina černela sa, *bolo popŕchlo*» (Timrava). Из примеров, приведённых Г. Гораком, вытекает, что в подавляющем большинстве случаев предпрошедшее время образуется от глаголов с/в.

Русский язык не имеет специальных форм для передачи значения предпрошедшего времени. Такое значение остаётся невыраженным там, где в конструкции, содержащей две претеритальных формы, одна из этих форм обозначает действие, логически предшествовавшее другому, напр. *Он чита́л письмо́, кото́рое ему́ принесли́ нака́нуне* ‚čítal list, ktorý mu *boli doniesli* deň predtým'.[2]

От предпрошедшего времени, являющегося релятивной временно́й формой, следует отличать «давнопрошедшее время» в собственном смысле этого термина. Вместо двойной временно́й перспективы, характерной для предпрошедшего («действие в прошлом, предшествовавшее другому действию в прошлом»), давнопрошедшее выражает процессы, имевшие место в прошлом (по отношению к «моменту речи»), но в настоящее время (в «момент речи») больше не повторяющиеся[3]. Именно такое значение могут иметь формы типа *я ха́живал*:

Лет во́семь наза́д ко мне в дом *ха́живала* до́чернина подру́га (Лесков). Подразумевается: «а теперь она больше не ходит».

---

[1] G. Horák: K problému predminulého času v slovenčine. Slovenská reč 22 (1957), 342/52. — В работах других авторов предпрошедшее время либо вовсе не упоминается, либо относится к стилистическим средствам, ср. E. Pauliny: Slovesný čas v slovenčine. Sborník Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi, Praha 1948, 343/49. — J. Orlovský: Predminulý čas v slovenčine, Slovenská reč 13 (1947), 223/27. — J. Horecký: K otázke gramatických časov v spisovnej slovenčine, Slovenská reč 13 (1947) 261/68.

[2] Подобные случаи приводит Л. П. Расмусен в своей статье «О глагольных временах», Журнал Министерства Народного Просвещения 1891, июнь, 410 и сл. — Ср. также Н. С. Поспелов: О значении форм прошедшего времени на *-л* в современном русском литературном языке, Ученые записки МГУ 128 (1948), 124.

[3] Ср. R. Jakobson, Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb, Harvard 1957, 6.

Формы типа *ха́живал* обозначают, следовательно, многократные действия, узуальные в прошлом, но в момент речи больше не повторяющиеся. Иногда момент узуальности подчёркивается словом *быва́ло*:

Быва́ло, *пи́сывала* кро́вью / Она́ в альбо́мы не́жных дев (Пушкин, Евгений Онегин). Подразумевается: «Расторопная хозяйка, госпожа Ларина, давно позабыла о своих романтических грехах юности».

Отнесённость процессов выраженных формами *ха́живал*, *пи́сывала* к «давнему прошлому», вытекает в приведённых примерах не непосредственно из совершаемостного значения многократных глаголов (типа *ха́живать*), а из общего значения форм прошедшего времени несовершенного вида. Выше было показано, что любая форма прош/вр нс/в (напр. *он броса́л*) обозначает разобщённость данного процесса с моментом речи (стр. 426). Неудивительно, поэтому, что и формы типа *ха́живал*, являясь формами несовершенного вида, сохраняют эту общую грамматическую семантику всех форм прош/вр нс/в.

Так как обе формы — *ха́живал* и *броса́л* — объединены общей грамматической семантикой форм прош/вр нс/в, то разница между ними не сводится к разнице между «давнопрошедшим» и «прошедшим», а только к разнице между формой с эксплицитно выраженной многократностью (*ха́живал*) и формой, только имплицитно допускающей выражение многократности *(броса́л)*. В этом легко убедиться, проделав следующий опыт: если в приведённом выше предложении из Лескова форму *ха́живал* заменить формой *ходи́л*, то общее значение узуального действия в «далёком прошлом» ничуть не изменится:

Лет во́семь наза́д ко мне в дом ходи́ла до́чернина подру́га.

Представляется, что формы типа *ха́живал* приобретают значение «отнесённости к далёкому прошлому» лишь в «благоприятном» контексте *(лет во́семь наза́д; в мо́лодости он ха́живал; ра́ньше он ха́живал; быва́ло, он ха́живал)*. Сами по себе многократные формы такого значения не имеют. У писателей XIX века многократные формы часто употребляются без малейшего оттенка узуальности и, во всяком случае, без малейшего оттенка «давнопрошедшего». Ср. многократную форму в ответе Степана на вопрос Подколесина в «Женитьбе» Гоголя:

Подколесин: Ты, однáко же, *сказáл*, какóй на мне чин, и где я служý?
Степан: *Скáзывал.*
(Вместо *Скáзывал* здесь могло бы стоять и *Сказáл*, и *Говорúл.*)

Оттенок узуальности в отдалённом прошлом стирается также в отрицательных предложениях:

Я никогдá подóбных жéнщин *не вúдывал* (Лермонтов).
Он ещё никогдá *не бывáл* в Москвé.

Отметим, что в словацком (чешском) языке, где многократные глаголы образуются гораздо свободнее, чем в русском, как раз в аналогичных случаях стоит не многократный, а простой глагол нс/в: Nikdy som takéto ženy *nevidel;* Ešte nikdy *nebol* v Moskve. Нельзя сказать: «nevídaval», «nebýval» v Moskve.

В словацком и чешском языках претеритальные формы многократных глаголов обозначают обычно только узуальность действия в прошлом, ср. *chodieval som.* Оттенок «давнопрошедшего» здесь почти стёрт. Однако если многократный глагол обозначает не действия, а состояние, то претеритальная форма может иметь именно значение «давнопрошедшего», ср. Tam *stával* mlyn ‚там *когдá-то* стоя́ла мéльница (но теперь её там больше нет)'.[1]

Подводим итоги: русский язык не имеет особых грамматических (временны́х) форм для выражения предпрошедшего или давнепрошедшего времени других языков. Формы прош/вр многократных глаголов (нс/в) могут, при благоприятных контекстуальных условиях, обозначать узуальное действие в прошлом, не повторяющееся в момент речи. Вообще же формы типа *хáживал* сами по себе имеют то же общее значение форм прош/вр нс/в, что и все остальные формы этого типа *(ходúл).*

Словацкие формы предпрошедшего типа *bol som prišiel* передаются по-русски претеритальной формой (обычно совершенного вида): *я пришёл.*

Значение форм прошедшего времени совершенного вида (Тип *Он брóсил*)

Общее грамматическое значение форм прош/вр с/в типа *он брóсил* определяется двумя факторами: видовым значением формы и её местом в общей системе временных форм.

[1] Приношу благодарность Е. П. Кржижковой, сообщившей мне этот пример.

Форма типа *он бро́сил* обозначает прежде всего не процессы (в узком смысле этого термина), а события. Она отвечает не на вопрос «Что было (тогда)?», а на вопрос «Что случилось?». Эта семантическая черта связана с общим видовым значением формы с/в типа *он бро́сил*.

Сохраняя общее грамматическое значение формы прошедшего времени, форма типа *он бро́сил* (с/в) противопоставляется другой форме прош/вр типа *он броса́л* (нс/в). Сильным, маркированным членом в пределах форм прош/вр является, как мы уже говорили, форма нс/в типа *он броса́л*. В этой форме эксплицитно выражается разобщённость действия в прошлом с моментом речи. Форма с/в типа *он бро́сил* является слабым членом оппозиции. Она не имеет положительной семантики (кроме общей отнесённости к «прошлому»). В отличие от форм типа *броса́л*, форма *бро́сил* не выражает разобщённости действия с моментом речи. Следовательно, формы типа *он бро́сил* (с/в) могут выражать события, представляемые как неразобщённые с моментом речи (напр. в так называемом «перфектном» значении), но они могут выражать также и такие события, которые представляются как разобщённые с моментом действия (так называемое «аористическое» значение). Как и у всех форм, представляющих слабый, немаркированный член корреляции, диапазон частичных значений у форм типа *он бро́сил* гораздо шире, чем у форм *он броса́л* (сильный член корреляции).

Основными частичными значениями форм прош/вр с/в являются следующие:

1. Обозначение исторических событий (в прошлом). Формы прош/вр с/в употребляются для изображения чередующихся и сменяющихся событий, они являются основным приёмом развёртывания сюжета. Такое частичное значение данных форм обычно называется аористическим:

> «С конца́ 1811 го́да *началóсь* уси́ленное вооруже́ние и сосредото́чение сил За́падной Евро́пы, и в 1812 году́ си́лы э́ти... *дви́нулись* с За́пада на Восто́к... Двена́дцатого ию́ня си́лы За́падной Евро́пы *перешли́* грани́цы Росси́и, и *начала́сь* война́, то́ есть *соверши́лось* проти́вное челове́ческому ра́зуму и всей челове́ческой приро́де собы́тие» (Л. Толстой, Война и мир).

Значение сменяющихся, замкнутых в себе и самодовлеющих событий наши формы приобретают в контексте. Оптимальным

условием для «аористического» толкования форм прош/вр с/в является «цепь» событий, ср. в слвц. *Vrátil sa* domov, *navečeral sa* a *dal sa* do práce.

2. Обозначение событий, предшествующих другим событиям или процессам в прошлом: «Соба́ка помча́лась за ка́мнем, кото́рый ей *бро́сил* хозя́ин». Логический анализ соотношений употреблённых в данном предложении глаголов показывает, что *бро́сил* обозначает действие, предшествовавшее действию *побежа́ла*. В словацком переводе здесь появляется форма *(bol) hodil*. Такое частное значение формы типа *он бро́сил* дано исключительно лишь логическим контекстом и может быть названо «плюсквамперфектным».

3. Обозначение состояния, являющегося результатом совершившегося действия в прошлом. Такое частное значение форм прош/вр с/в принято называть «перфектным значением»: *Я уста́л* ‚unavil som sa = som ustatý', *Оте́ц ушёл* ‚otec odišiel — je preč'.

Перфектное значение форм прош/вр с/в представляет некоторый интерес в сопоставительном плане. Обратимся к анализу случаев «перфектного» употребления наших форм.

Перфектное значение форм прошедшего времени совершенного вида (Тип *Он бро́сил кури́ть*)

Формы прош/вр с/в могут, в определённых контекстах, выражать перфектное значение, т. е. обозначать состояние, являющееся результатом действия в прошлом, но существующее (ощущающееся) и поныне. По словам А. А. Потебни, перфект выражает «факт совершившийся и пребывающий доныне».[1]

Употребление форм прош/вр с/в в перфектном значении зависит от ряда условий.

1. Если аористическое значение форм прош/вр с/в особенно ярко выступает в предложениях, содержащих две или несколько форм прошедшего времени *(Он схвати́л ка́мень, размахну́лся и бро́сил его́ в во́ду)*, то перфектное значение особенно ярко выступает в предложениях, не содержащих другой претеритальной

[1] А. А. Потебня: Из записок по русской грамматике I/II, Харьков 1888, 258.

ной формы: *Он бро́сил кури́ть* (т. е. «он больше не ку́рит»), *Он бро́сил свою́ жену́.*

2. По наблюдениям акад. В. В. Виноградова перфектное значение «особенно ярко в том случае, если глагольные формы образованы от непереходных глаголов».[1] Переходные глаголы обычно воспринимаются в значении аористическом.

Г. Ф. Лебедева почему-то считает, что значение перфекта — «это значение прошедшего совершенного в диалогической речи».[2] Действительно, в диалогической речи упомянутые формы употребляются довольно часто в перфектном значении, но, как мы сейчас увидим, не могут быть признаны системно связанными именно с диалогической речью.

Перфектное значение весьма наглядно выступает в стилистических фигурах, в которых пейзаж описывается не статически, а «динамически»:

Перед на́ми широко́ *раски́нулась* краса́вица-Москва́.
Вы́ше челове́ческого ро́ста *поднялась́* над землёй пшени́ца.
Над реко́й *повы́с* мост.
У подно́жья горы́ *приюти́лась* небольша́я дереву́шка.

Этот литературный приём неизвестен в словацком (чешском) языке. Вместо прошедшего совершенного в словацком (чешском) языке в аналогичных случаях ставится презенс несовершенного вида, ср.:

Pred nami sa široko-ďaleko *rozprestiera* krásavica Moskva.
Vyše ako človek *sa vypína* nad zemou pšenica.
Nad riekou *sa klenie* most.
Pri úpätí hory *sa túli* malá dedinka.

Возможность (и, в данном случае, необходимость) передачи форм прошедшего времени — формами настоящего времени сявзана с тем, что перфектное значение сочетает в себе элементы прошлого (действия) с элементами настоящего (состояния, как результата этого действия).

Строго говоря, перфектное значение имеется во всех случаях, где действие, выраженное формой прош/вр с/в, может быть

---

[1] В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 566.

[2] Г. Ф. Лебедева: Употребление глагольных форм прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении в современном русском языке. Сборник Вопросы истории русского языка, Кафедра Русского языка Филологического факультета МГУ, М. 1959, 211.

логически воспринято как «оставившее след» в настоящем. В предложении *Пти́цы улете́ли* может иметься в виду именно состояние, наступившее после отлёта птиц — ‚vtáci sú *preč*'. Поскольку в данном случае между нашими языками нет сколько-нибудь существенных расхождений, мы не будем подробно останавливаться на этих случаях.

Особого внимания заслуживают те случаи, где претеритальная форма русского языка может быть передана в словацком языке либо неглагольным предложением, либо формой причастия в сочетании со связкой в настоящем времени:

Бельё вы́сохло — bielizeň vyschla/je už suchá.
Де́ньги исче́зли — peniaze zmizli/sú preč.
Река́ замёрзла — rieka je zamrznutá.
У меня́ распу́хла щека́ — mám tvár napuchnutú.

Особенно ярко перфектное значение выступает у глаголов IX класса (тип *вы́сохнуть*), к которому относятся почти только непереходные глаголы. Но и в кругу других (непереходных) глаголов не трудно найти подобные соответствия:

Он у́мер — zomrel/je mŕtvy.
Она́ загоре́ла — je opálená.
Я уста́л — som ustatý.

Итак, перфектное значение не имеет своей морфологической формы. Поскольку в форме прош/вр с/в типа *он встал* разобщённость события с моментом действия остаётся невыраженной, то эта форма может обозначать:

а) событие, относящееся к прошлому и ничем больше не связанное с моментом речи: *Он встал и подошёл к окну́;* или же

б) событие, имевшее место в прошлом, но своими последствиями связанное с моментом речи: *Оте́ц не спит — он встал.* Здесь перфектное значение отчётливо выражает слияние действия в прошлом с состоянием в момент речи, в полном соответствии с общей чисто негативной семантикой слабого члена корреляции *встава́л* : *встал.* По-словацки здесь может появиться глагольная форма или предикативное неглагольное выражение: Otec vstal/Otec *je* (už) *hore.*

Наиболее чётко перфектное значение непереходных глаголов выступает при абсолютном их употреблении: *Оте́ц ушёл* ‚otec je preč'. Стоит только прибавить к глаголу обстоятель-

ственное определение, как перфектное значение теряется: *Отéц ушёл на рабóту* ‚otec *odišiel* do práce'.

В исключительно редких случаях форма прош/вр с/в может быть как бы транспонирована в плоскость будущего:

Éсли не бýдет дождя́ — урожáй *погúб*.
Без твоéй пóмощи я *пропáл*.

Здесь перфектное значение форм *погúб*, *пропáл* предвосхищается (anticipuje sa).[1]

Довольно редким, но характерным случаем использования формы прош/вр с/в в перфектном значении является «сценический перфект», применяемый некоторыми авторами (в частности М. Горьким) в ремарках драматических произведений:

Глафира (припадáя к нему́): Гóре ты моё... Да — не хворáй ты! Не хворáй *(Оторвалáсь, убежáла)*. (М. Горький: Егор Булычов и другие).

Вместо обычной формы настоящего нс/в *отрывáется*, *убегáет* здесь использована форма прошедшего совершенного в перфектном значении.

В разговорном языке перфектное значение претеритальных форм с/в может быть транспонировано в плоскость «предвосхищенного (anticipovaného) результата действия», ср. *Ну, я пошёл* в значении ‚tak už idem!' (дословно: ‚tak už som odišiel'). Отсюда только один шаг к употреблению форм типа *Пошёл!* в побудительных предложениях. Ср. ещё: *Ну́, поéхали!* ‚tak poďme!', *Ну́, трóнулись! Ну, нáчали!* и т. п. И здесь нетрудно найти оттенок «предвосхищенного результата действия».[2]

«Конкуренция видов» в прошедшем времени

В целом ряде случаев можно употребить в одном и том же контексте претеритальные формы обоих видов, ср.:

---

[1] Подобные транспозиции глаголов со значением *погúбнуть*, *пропáсть* и т. п. встречаются и в других языках, ср. англ. If it does not rain, we *are* lost, фр. nous *sommes* perdus, нем. Wenn kein Regen kommt, *sind* wir verloren, слвц. Ak nepoprší, *sme stratení*.

[2] Эти случаи напоминают формы *Šel sem!* (в настоящее время уже устаревшие) чешского разговорного языка. В чешском языке эта форма связана ещё с обращением к собеседнику в 3 лице ед/ч, ср. устар. немецкое *Komm er her!*

Меня́ *предупреди́ли/предупрежда́ли*, что он не придёт. —
Upozornili/upozorňovali ma, že nepríde.

Такое, на первый взгляд, синонимическое употребление обоих видов, было названо чешским учёным В. Матезиусом «konkurence vidů».[1]

Возможность употребления обоих видов как будто полностью стирает специфическое значение каждой из «конкурирующих» форм:

Я вам *сказа́л/говори́л*, что уезжа́ю. —
Povedal/hovoril som vám, že odchádzam.
Сего́дня *сообщи́ли/сообща́ли* по ра́дио, что бу́дет дождь.
Он меня́ *попроси́л/проси́л* верну́ть ему́ кни́гу. —
Poprosil/prosil ma, aby som mu vrátil knihu.

Между приводимыми здесь формами обоих видов нет, конечно, полной синонимичности. Претеритальные формы с/в (тип *сказа́л*) стилизуют единичный акт как событие, а формы нс/в (тип *говори́л*) стилизуют тот же акт как процесс, актуализируя его, делая его более наглядным.[2]

Замена претеритальной формы с/в, обозначающей единичный акт в прошлом, формой несовершенного вида является распространённым стилистическим приёмом, повышающим наглядность повествования:

Вот ле́том *приезжа́ла* (нс/в) ба́рыня, так та *спра́шивала* (нс/в) о ста́ром смотри́теле и *ходи́ла* (нс/в) к нему́ на моги́лу (Пушкин, Станц. смотритель).
V lete tu bola akási pani, tá sa pýtala na starého poštmajstra a *navštívila* aj jeho hrob.

Если в приведённом выше примере заменить формы несовершенного вида — формами совершенного вида, то вместо эпически наглядного повествования получится сухой перечень разрозненных фактов, ср.:

Вот ле́том *прие́хала* ба́рыня, так та *спроси́ла* о ста́ром смотри́теле и *пошла́* к нему́ на моги́лу.

[1] V. Mathesius: O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném. Slovo a slovesnost 4 (1938), 15/19. Чешский англист употребляет существительное *konkurence*, очевидно, в значении англ. *concurrence* «совпадение, совместное действие, параллельное употребление», а не в значении «соревнование». Сохраняем термин «конкуренция видов», т. к. в чешской лингвистике он имеет свою традицию.

[2] V. Mathesius: Čeština a obecný jazykozpyt, Praha 1947, 196.

Возможность замены форм с/в — формами нс/в в словацком языке, по-видимому, у́же, чем в русском. Во всяком случае имперфективные глаголы перемещения типа *приезжа́ла, ходи́ла* не могут быть переданы в словацком языке соответствующими формами «prichádzala», «chodila». Это связано с тем, что в аналогичных случаях в словацком языке выступает глагол *byť* в качестве «заменителя» глаголов перемещения, ср. *Приходи́л брат и проси́л ему́ позвони́ть.* — Bol tu brata prosil ... (Ср. стр. 324).

«Конкуренция видов» наблюдается также в репликах, т. е. в ответах на вопросы, содержащих форму прош/вр с/в, ср.:

— Ты *сказа́л* сестре́, что мы её ждём?
— Нет, *не говори́л/не сказа́л.*
— Ты уже́ *прочёл* э́ту статью́?
— Нет, ещё *не чита́л*/ещё не *прочёл.*
— Кто *взял* мои́ но́жницы? Ты?
— Нет, я *не брал/не взял.*
— Почтальо́н уже́ *пришёл*?
— Нет, ещё не *приходи́л*/ещё не *пришёл.*

Ошибочно думать, что на вопрос, сформулированный в совершенном виде, можно ответить в несовершенном виде только в том случае, если этот ответ содержит отрицание[1]. Замена с/в в реплике формой нс/в может иметь место и в положительном ответе:

— Ты *сказа́л* сестре́, что мы её ждём?
— Да, *говори́л* (или: *сказа́л*).

Механизм «конкуренции видов» выступает с большой наглядностью в таких предложениях, как *Кто стро́ил э́тот дом?/Кто постро́ил э́тот дом?* Формы *стро́ил/постро́ил* в данных предложениях вовсе не синонимичны: форма нс/в *стро́ил* создаёт общую временну́ю перспективу разобщённости действия с моментом речи, в то время как у формы с/в *постро́ил* признак «разобщённости» остаётся невыраженным. Поэтому форма *постро́ил* может толковаться как «факт совершившийся и пребывающий доныне», т. е. как «перфект». Таково общее грамматическое значение обеих форм. Всякое их дальнейшее толкование,

[1] Некоторые авторы думают, что формой нс/в выражается «более категорическое» отрицание, чем формой с/в. Но вряд ли в форме *Я не говори́л* можно объективно найти «бо́льшую степень категоричности», чем в *Я не сказа́л.* Разница между этими формами во всяком случае не сводится к «степени категоричности» отрицания, как такового.

всякая их «семантизация» зависит от контекстов. Голландский славист А. ван Хольк весьма удачно парафразирует общее значение обеих форм, находящихся в «конкуренции». В предложении *Кто стро́ил э́тот дом?*, по словам А. ван Холька, «субъект просто участвует в действии», а в предложении *Кто постро́ил э́тот дом?* «субъект представлен как автор действия и как обладатель его результатов».[1]

Резюмируем: так называемая «конкуренция видов» не снимает общих положений о грамматических значениях претеритальных форм обоих видов. «Синонимичность» форм на поверку оказывается мнимой: каждая видовая форма сохраняет своё специфическое видо-временно́е значение.[2]

ФОРМЫ «НЕПРОШЕДШИХ» ВРЕМЕН

Образование и значение аналитических форм (Тип *Он бу́дет броса́ть*)

В пределах «непрошедших» видо-временны́х форм, аналитическая (описательная) форма типа *он бу́дет броса́ть* формально и семантически противопоставлена всем остальным «непрошедшим» формам, которые мы здесь будем называть формами презенса типа *он бро́сит* и *он броса́ет*.

С формальной точки зрения аналитическая форма типа *он бу́дет броса́ть* отчётливо выделяется на фоне «синтетических» форм типа *бро́сит* и *броса́ет*. Аналитическая форма *он бу́дет броса́ть* абсолютно парадигматична: она образуется от всех глаголов нс/в;[3] она состоит из формы вспомогательного глагола

---

[1] A. G. F. van Holk: On the Semantic Mechanism of the Russian Tenses, Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavicists, Moscow, September 1958, Mouton & Co, 's-Gravenhage 1958, 2.

[2] Некоторые авторы связывают вопрос употребления того или иного вида с так называемым «актуальным членением предложения», ср. K. Bareš: O konkurenci vidů v českém a ruském jazyce. Československá rusistika 1 (1956), 570. Такой подход к данному вопросу вызывает серьёзные возражения, от которых мы, однако, должны отказаться в рамках данного пособия.

[3] Если в русском языке нет формы, соответствующей слвц. *budem môcť*, то это объясняется отсутствием в литературном языке инфинитива «мочь» к презенсу *я могу́*.

бу́ду (бу́дешь ...) и формы имперфективного инфинитива. Подобные аналитические формы известны и в других языках, ср. слвц. *budem písať*, нем. *ich werde schreiben.*

Необходимо подчеркнуть, что элемент *буду*, входящий в состав аналитической формы типа *я буду броса́ть*, является именно вспомогательным глаголом, а не формой связки *быть* или формой «бытийного» глагола *быть*. Для русского языка характерно, что форма типа *он будет броса́ть* является единственной аналитической формой актива в индикативе. Форма *будет броса́ть* в русском языке не противопоставляется другим аналитическим формам, образованным при помощи форм прошедшего времени вспомогательного глагола *быть* (нет формы «он был броса́ть»), или при помощи «нулевой формы» вспомогательного глагола *быть* (нет формы «он Ø броса́ть»). Поэтому трудно согласиться с проф. Р. О. Якобсоном, считающим возможным системно «противопоставлять» форму типа *они́ бу́дут крича́ть* — сочетаниям типа *(а) они́ крича́ть*[1] (в таких конструкциях, как *Я к ним по-хоро́шему, а они́ крича́ть*). Автор, исключающий понятие будущего времени из системы русского глагола, называет форму типа *они́ бу́дут крича́ть* «перфективированным инцептивом» (там же). «Перфективированным» — потому, что, по мнению автора, форма *буду* является «перфективным презенсом» (там же). Серьёзные возражения вызывает семантическое толкование формы *они́ бу́дут крича́ть*, которую проф. Р. О. Якобсон переводит на английский язык парафразой: «they are expected to have started to cry», в дословном переводе на русский язык: «от них ожидается, что они начали кричать» (!). При всём желании трудно уловить именно такое значение в аналитической форме типа *они́ будут крича́ть*. «Перфективированной» форме *они́ будут крича́ть* противопоставлена, по словам автора, «форма» *(а) они́ крича́ть*, имеющая значение «неперфективированного инцептива». Эта «форма» — «просто констатирует акт начала (действия)» и семантически раскрывается так: «они вот-вот закричать» («they are about to cry»).

Приведённые положения проф. Р. О. Якобсона вызывают целый ряд возражений: во-первых, сочетания типа *(а) они́ крича́ть* не являются парадигматическими «формами» глагола, а синтаксическими инфинитивными конструкциями. Ни о какой «нулевой» форме вспомогательного глагола *быть* («они́ Ø крича́ть») здесь, конечно, не может быть и речи. Подобные конструкции возможны далеко не со всеми глаголами нс/в; нельзя, например, сказать «а они́ жела́ть», «а они смотре́ть», «а они торча́ть». Во-вторых, сочетания типа *они́ крича́ть* лежат в совершенно иной стилистической плоскости: глагольная форма *они́ бу́дут крича́ть* стилистически вполне нейтральна, в то время как сочетание *они́ крича́ть*

---

[1] R. Jakobson: Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb, Harvard 1957, 7.

стилистически «квалифицировано». К тому же эта фигура встречается только в определённых позициях: в конце предложения и после союза *а*. Таким образом системное «противопоставление» формы *они́ бу́дут крича́ть* и инфинитивной конструкции *они́ крича́ть* возможно лишь при полном игнорировании грамматической структуры и стилистической окраски сопоставляемых элементов.

В связи с анализом формального состава формы типа *я бу́ду броса́ть* нельзя не остановиться на вопросе о видовом значении формы *бу́ду*. Дело в том, что глагол *быть* («бытийный»), а также связка *быть* не имеют в русском языке аналитической формы буд/вр, ср. *Я бу́ду до́ма*; *Я бу́ду учи́телем*. Аналитическая форма буд/вр от глагола *быть* должна была бы звучать «я буду быть» (ср. нем. *ich werde sein*). Вопросом о видовом значении глагола *быть* занимался американский славист Джеймс Феррелл.[1] Автор приходит к следующим заключениям: 1. глагол *быть* может иметь значение обоих видов; 2. глагол *быть* выражает те же лексические оттенки (тот же «характер действия»), что и глаголы перемещения типа *идти́/ходи́ть;* 3. описательную форму типа *я буду броса́ть* следует считать «дополнительной временно́й формой (a supplementary tense form), стоящей вне основных временны́х оппозиций» (368). Не имея возможности остановиться на высказываниях американского слависта, мы всё же считаем необходимым подчеркнуть, что аналитическая форма типа *я бу́ду броса́ть* не стоит «вне временны́х опозиций», а входит на равных правах в систему русских видо-временны́х форм.

Отсутствием стилистически нейтральной связки 3 лица в настоящем времени, соответствующей слвц. *je*, объясняется употребление формы *бу́дет* в таких предложениях, как *Три́жды семь бу́дет два́дцать оди́н*; *фо́рма имени́тельного падежа́ мно́жественного числа́ от существи́тельного «дно» бу́дет «до́нья»*; *францу́зское «i» бу́дет у́же, закры́тее вся́кого ру́сского «и»* (Л. В. Щерба, Фонетика франц. яз., 33). Во всех приведённых случаях русскому *бу́дет* соответствует слвц. *je*. Форму *бу́дет* следует, таким образом, считать одним из заменителей связки 3 лица настоящего времени.[2]

Своеобразное эллиптическое употребление форм *budu*, *budeš*... и т. д. имеется в выражениях типа *Budeš čaj alebo kávu?* «Ты бу́дешь (пить) чай или ко́фе?»

Наряду с описательной формой типа *я бу́ду броса́ть*, некоторыми авторами приводится также сочетание типа *я ста́ну броса́ть* в качестве парадигматической формы, выражающей «приступ к действию».[3] Сочетания

---

[1] James Ferrell: On the Aspects of *byť* and on the Position of the Periphrastic Imperfective Future in Contemporary Literary Russian, Slavic Word 2 (1953), 362/76.

[2] Академическая грамматика считает форму *бу́дет* в подобных контекстах почему-то «разговорной» (I 487).

[3] В. В. Виноградов: Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии. Сборник Вопросы теории и истории языка, М. 1952, 112.

с глаголом *стану* не могут быть признаны вполне парадигматическими: сочетания с глаголом *ста́ну* не образуются, если субъектом действия не является человек или вообще живое существо. Нельзя сказать «План ста́нет выполня́ться» или «Пье́са ста́нет нра́виться». Это и не удивительно: глагол *ста́ну* (прош/вр *стал*) содержит оттенок модальности волеизъявления, а неодушевлённым предметам волеизъявление не свойственно. Модальный оттенок выступает при переводе сочетаний с *ста́ну* на словацкий язык: *Что ты ста́нешь де́лать*? ‚čo *ideš* robiť?' Особенно отчётливо этот модальный оттенок выступает в отрицательных предложениях типа *Не ста́ну с ним разгова́ривать* ‚*nejdem* sa s ním rozprávať', в то время как форма прош/вр *стал* имеет фазисное значение: *Он стал к нам ходить* ‚*začal* k nám chodiť'. Глагол *ста́ну* имеет к тому же свою (хотя и неполную) парадигму, ср. *Я бы не стал вас беспокоить*, что лучше всего можно передать словацкой конструкцией ‚ani by ma *nenapadlo* vás vyrušovať'. Ясно, что конструкции типа *я ста́ну броса́ть* не стоят на одном морфологическом уровне с видо-временно́й формой типа *я бу́ду броса́ть*.

Общее грамматическое значение аналитической формы типа *он будет броса́ть* определяется местом этой формы в системе «непрошедших» видо-временны́х форм. Напомним, что в рамках форм прошедшего времени форма нс/в типа *он броса́л* обозначает разобщённость процесса с моментом речи (см. выше стр. 426). Форма нс/в типа *он бу́дет броса́ть* также выражает разобщённость процесса с моментом речи, но только в плане «непрошедших» времён. Разобщённость «непрошедшего» действия с моментом речи и толкуется как «будущее время».

Формы презенса *он бро́сит* и *он броса́ет*, не выражают, как мы ещё увидим, разобщённости процесса с моментом речи. Таким образом, в рамках «непрошедших» видо-временны́х форм, аналитическая форма типа *он будет броса́ть* является сильным, маркированным членом оппозиции, а формы презенса (*он бро́сит* и *он броса́ет*) — слабым, немаркированным членом.

Значение «разобщённости» процесса с моментом речи, присущее аналитической форме типа *он будет броса́ть*, было отмечено ещэ С. О. Карцевским: «Описательное будущее отчётливо указывает на действие, развивающееся в плане будущего, всецело отделённого от плана настоящего; так *Она́ сейча́с бу́дет одева́ться к обе́ду* эксплицитно выражает, что данное лицо ещё не начало одеваться. Напротив, предложение *Она́ сейча́с оде́нется к обе́ду* может обозначать, что это лицо окончит свой туалет, начатый уже раньше». Эту же мысль парафразирует и акад. В. В. Виноградов: «Описательная форма будущего времени несовершенного вида ... обозначает течение действия

в плане будущего, отрешённом от настоящего (ср., например, *сейча́с бу́ду одева́ться*, т. е. ещё не начинал, и *я сейча́с оде́нусь*, т. е. буду одетым)»[1]. Значение разобщённости процесса с моментом речи является не каким-либо дополнительным «оттенком значения» аналитической формы, а основным семантическим признаком данной формы, которую можно, для удобства, традиционно называть «формой аналитического будущего».

Всё сказанное здесь о значении данной формы в русском языке всецело относится и к словацким формам типа *budem hádzať*.

Как и всякий другой сильный член морфологической оппозиции, аналитическая форма не имеет частных значений. Общее значение «нереализованного» (и поэтому «нереального») действия может быть использовано для выражения модального оттенка «ирреальности», ср. Напра́сно *вы бу́дете иска́ть* хоть в одно́м лице́ следо́в суетли́вости» (Л. Толстой). Здесь форма *вы бу́дете иска́ть* по своему значению близко подходит к значению формы *вы бы иска́ли*. О структурной близости между будущим временем и сослагательным наклонением говорит Л. Дюрович, ссылаясь на синонимичность таких выражений, как слвц. *nebude* od veci/*nebolo by* od veci, *nezaškodí*/*nezaškodilo by* и т. п.[2]

Модальный оттенок волеизъявления имеется и в таких предложениях, как *Бу́ду я с ним вози́ться!* в значении ‚*nebudem* sa predsa s ním babrať!'.

Грамматическое значение форм презенса

Выше было показано, что общим и единственным критерием, на основании которого в русском языке определяется грамматическое значение видо-временны́х форм индикатива, является то или иное выражение отнесённости процесса к моменту речи. У форм презенса отнесённость процесса к моменту речи выражается не прямолинейно, а опосредствованно.

Грамматический анализ общего значения форм презенса не даёт основания для утверждения, будто форма презенса нс/в обозначает «совершающееся, наличное действие» (Акад. грамм. I 484), а форма презенса с/в (форма «настоящего-будущего») употребляется в русском языке «прежде всего для выражения

[1] В. В. Виноградов: Русский язык 1947, 569.

[2] Ľ. Ďurovič: Modálnosť, Bratislava 1956, 57/8.

действия, которое осуществится в будущем» (486), а также для выражения «некоторых значений и оттенков настоящего и прошедшего времени» (487). Если одна и та же форма может выражать и «будущее», и «настоящее», и «прошедшее», то спрашивается: имеет ли данная форма вообще какое бы то ни было положительное «временно́е» значение и не является ли она своеобразной «атемпоральной» формой?

Как известно, К. С. Аксаков, этот тонкий и оригинальный исследователь русского глагола, пришёл к заключению, что «времена настоящее, будущее и прошедшее — понятия выводные и не имеют для себя своих форм в русском языке».[1] Вслед за ним Н. П. Некрасов в своей замечательной работе «О значении форм русского глагола» (1865) пришёл к выводу, что «ни одна глагольная форма в нашем языке времени не означает. Очевидно, что сама категория времени теряется».[2] Заключения, к которым пришли талантливейшие представители русской лингвистической мысли прошлого века, не так уж парадоксальны. Если понимать «категорию времени» как грамматическое выражение «естественных» (эмпирических) «времён» — настоящего, будущего и прошедшего — то, действительно, в русском языке не окажется глагольных форм, имеющих именно эти грамматические значения. Всё дело в том, что эмпирическое время и его «сегментация» в грамматике преломляются весьма своеобразно. Отнесённость к моменту речи, как к единственному константному ориентиру всей системы временны́х форм, в языке не проявляется прямолинейно. Только деление форм на «прошедшие» и «непрошедшие» соответствует реальной «сегментации» времени на «прошлое» и «ещё не прошлое». Но внутри этих групп глагольные формы, называемые «временны́ми», не являются выразителями весьма расплывчатых понятий «настоящего» или «будущего», а чёткими показателями «выраженной/невыраженной разобщённости» обозначаемого процесса с моментом речи. Вот почему, несмотря на многочисленные и постоянно повторяющиеся попытки, парадоксальный тезис Аксакова-Некрасова об «отсутствии в русском языке формальных выразителей времён» (в эмпирическом понимании) так и не был никем опровергнут.

Формы русского презенса (*он бро́сит* и *он броса́ет*) входят, вместе с аналитической формой *он бу́дет броса́ть*, в систему так называемых «непрошедших» видо-временны́х форм. Формы презенса противопоставлены формам аналитического будущего; являясь слабым членом оппозиции, они оставляют признак «разобщённости процесса с моментом речи» невыраженным. Эта отрицательная семантика форм презенса даёт возможность

[1] К. С. Аксаков: О русских глаголах (1855). Цитируется по В. В. Виноградову, Русский язык, 1947, 542.

[2] Ср. Н. П. Некрасов: Сочинения филологические, ч. I, 414.

представить действие либо как неразобщённое с моментом речи (т. е. как «актуальное»), либо как разобщённое с моментом речи (т. е. как «неактуальное»).

Значение «непрошедшей» временно́й формы, неразобщённой с моментом речевого акта, может быть истолковано только в том смысле, что процесс, выражаемый глагольной формой, совпадает с речевым актом, синхронен ему. Такое грамматическое значение презенса мы будем называть «актуальным».[1] Актуальный презенс является той формой, которой репортёр, комментирующий спортивное состязание по радио, сообщает своим слушателям о том, что происходит у него на глазах («мяч перехо́дит к Н. Н.», «судья́ даёт свисто́к» и т. п.). Актуальное настоящее можно было бы также назвать и «настоящим репортажа».

Как известно, в русском языке только презенс нс/в *(он броса́ет)* может служить выразителем актуального настоящего[2]. Но это не значит, что выражение актуального настоящего является общим (или «основным») грамматическим значением формы презенса нс/в. Мы знаем, что та же форма свободно употребляется и в значении неактуальном *(Он купа́ется по суббо́там)*, и даже в значении будущего *(За́втра он отправля́ется в Москву́)*. Общее грамматическое значение имперфективного презенса выступает лишь на фоне общего грамматического значения перфективного презенса *(он бро́сит)*.

Форма презенса с/в *(он бро́сит)* никогда не обозначает процесс, реально совпадающий с моментом речи. Если актуальное значение исключено из семантики этой формы, то выражение неактуальности и является общим семантическим признаком перфективного презенса.

Перфективный презенс *(он бро́сит)* является сильным, маркированным членом оппозиции внутри форм презенса. Ему про-

---

[1] Понятие актуальности/неактуальности понимается нами в том смысле, в котором оно употребляется Фр. Копечным, ср. Slovo a slovesnost 10 (1948), 3, 154/8, а также 11 (1949), 2, 64/8. Мы не разделяем взглядов французского слависта Марка Вэ (Marc Vey), применяющего эти понятия не только к формам презенса, но и ко всему глаголу (ср. Slovo a slovesnost 19 [1958], 3, 182/9).

[2] Е. Кржижкова убедительно показала, что вне форм презенса об актуальности/неактуальности действия говорить не приходится. Ср. K problematice aktuálního a neaktuálního užití časových a vidových forem v češtině a ruštině. Československá rusistika 3 (1958), 4, 185/200.

тивопоставлен имперфективный презенс *(он броса́ет)* — слабый, немаркированный член оппозиции. Общая грамматическая семантика этой формы чисто отрицательна — презенс нс/в не выражает неактуальности. Вот почему форма типа он *броса́ет* может быть использована и для выражения актуальности, и для выражения неактуальности. Схематически:

презенс с/в		презенс нс/в
он бро́сит	:	*он броса́ет*
[неактуальность выражена]		[неактуальность не выражена].

Резюмируем: формы презенса обоих видов обозначают процессы, у которых разобщённость с моментом речи (в плане «непрошедших» времён) не выражена. Поэтому формы презенса обоих видов могут обозначать процессы, реально протекающие и в момент речи. Форма перфективного презенса *я напишу́* не исключает возможности, что процесс «писания» уже выполняется в момент речи (см. ниже).

Формы презенса обоих видов могут обозначать неактуальные процессы.

Актуальные процессы (синхронные с моментом речи) могут быть в русском языке выражены только формой презенса несовершенного вида типа *он броса́ет* («настоящее репортажа»).

Употребление форм перфективного презенса (Тип *Он бро́сит*)

В школьных грамматиках, а также в специальной лингвистической литературе, формы типа *он бро́сит*, *он придёт*, *он даст* неизменно рассматриваются как «формы будущего простого» или как формы «настоящего-будущего». Поэтому всякое иное (нефутуральное) употребление этих форм толкуется как «транспозиция» («перенос»).

Акад. В. В. Виноградов считает случаи вроде «Он то *войдёт*, то *ви́йдет*» (неакт. наст.) переносом «форм будущего времени» в план настоящего (Русский язык 1947, 577). Сочетания типа «Он, бывало, *вста́нет*» (неакт. наст.) рассматриваются П. С. Кузнецовым как сочетания «формы будущего времени» с «частицей» *бывало*.[1] В учебнике «Современный русский язык»

[1] П. С. Кузнецов: К вопросу о praesens historicum в русском литературном языке. Доклады и сообщения Филолог. факультета МГУ, 1949, 31.

(1952) глагольная форма совершенного вида в предложении «*Придёт*, быва́ло, и говори́т» расценивается как «форма будущего времени» (304). В Акад. грамм. формы совершенного вида в предложении «*Придёт* к нему́, *ся́дет* и молчи́т» трактуются как «формы будущего времени» (I 488). Толкование форм типа *войдёт*, *придёт*, *ся́дет* как «форм будущего времени» связано, по-видимому, с глубоким убеждением, что такие формы неразрывно связаны со значением будущего времени. Их применение в значении неактуального настоящего (как, например, в приведённых выше примерах) приходится в таком случае особо комментировать как «распространение форм будущего времени и па настоящее время» (ср. акад. В. В. Виноградов, цит. соч., 575).

Если восстановить историческую перспективу и признать, что футуральное значение форм совершенного вида типа *войдёт*, *придёт*, *дам*, *куплю́* и т. п. является лишь частным случаем и признать, что эти формы являются генетически формами пре́зенса, то вопрос об употреблении таких форм в значении неактуального настоящего приобретает иную перспективу. В таком случае придётся уже говорить не о частных случаях «распространения форм будущего и на настоящее время», а о случаях сохранения исконного значения перфективного презенса. Поэтому несомненно правы те авторы, которые, применительно к русскому языку, пользуются термином «настоящее совершенного вида» или «перфективное настоящее».[1]

По-видимому, правильное освещение перфективного презенса не только в современном русском языке, но и в древнерусском может быть дано лишь при всестороннем учёте данных других славянских языков, в частности фактов чешского и словацкого, т. е. на фоне сопоставительного изучения славянских языков (ср. работы Бондарко, Маслова и Кржижковой).

В русском языке (а также в словацком или чешском) форма перфективного презенса типа *он бро́сит* обозначает эксплицитно неактуальное событие в общем плане «непрошедшего» времени. Такое общее значение толкуется чаще всего как отнесение события к «будущему»: *Он ско́ро бро́сит кури́ть*. Напомним, что в формах презенса (в отличие от форм аналитического будущего)

---

[1] Ю. С. Маслов: Глагольный вид в современном болгарском языке. Автореферат. Л. 1957, 12 и сл. — А. В. Бондарко: Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV—XVII вв. Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена 173 (1958), 55/77. Его же: Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках. Автореферат. Ленинград 1958. — Его же: Настоящее историческое (praesens historicum) глаголов несовершенного и совершенного видов в чешском языке. Slavia 27 (1958), 4, 556/84. — H. Křížková: K problematice aktuálního a neaktuálního užití časových a vidových forem v češtině a ruštině. Československá rusistika 3 (1958), 4, 185/200.

разобщённость процесса с моментом речи не выражена; поэтому данную форму можно употребить и в том случае, если процесс, завершение которого сигнализируется формой перфективного презенса, фактически уже протекает в момент речи: форма *я оде́нусь* не исключает, что в момент речи я уже «одеваюсь» (ср. стр. 444).

Кроме футурального, форма перфективного презенса может иметь в русском (а также в словацком и чешском) целый ряд других значений. Все эти значения даны общей грамматической семантикой данной формы и не могут быть игнорированы.

Во всех случаях речь идёт о выражении неактуальных событий. Поскольку в самой форме перфективного презенса нет никаких указаний на единичность или повторность процесса, ею обозначаемых, а также на отнесённость к одному из «эмпирических» времён (к «будущему» или «прошедшему»), то она может обозначать единичные или повторяющиеся события, лежащие в любом плане «неактуальности». Необходимо провести строгую грань между реальным грамматическим значением формы и её логическим истолкованием. В предложении *В 1848 году́ Маркс приезжа́ет в Пари́ж* имеется форма имперфективного презенса *приезжа́ет*, грамматическим значением которой является в данном случае неактуальность действия. Это значение традиционно (и вполне правомерно) толкуется как «настоящее историческое». Грамматическая характеристика данной формы исчерпывается этим констатированием. Указание на то, что в данном случае, — «собственно говоря» — имеется в виду действие, объективно относящиеся к прошлому («в 1848 году»!), не только ничего не прибавляет к грамматической характеристике данной формы презенса, но прямо вносит нежелательную путаницу. Возникает вопрос: какое же «временно́е» значение имеет здесь форма *приезжа́ет*? Обозначает ли эта форма «настоящее» или «прошедшее»?

В предложении:

> Как *поду́маешь* поро́ю, что Ду́ня, мо́жет быть, та́кже пропада́ет, так понево́ле *согреши́шь* да *пожела́ешь* ей моги́лы (Пушкин, Станц. смотритель),

формы перфективного презенса *поду́маешь*, *согреши́шь* и *пожела́ешь* обозначают повторяющиеся действия, реально относящиеся к плану прошлого: предложение взято из повествования старого смотрителя и относится к его воспоминаниям

(лежащим, разумеется, в прошлом). Но приведённые формы сами по себе не выражают отнесённости к прошлому. Это их «значение» логически вытекает из контекста. Узуальность (повторность) событий, обозначенных данными формами, также не выражена общей семантикой перфективного презенса. Она вытекает из слова *порóю* ‚chvíľami'. Если уж вводить в наш обиход традиционные категории «эмпирических» времён, то здесь следует говорить не о «прошедшем», а о «настоящем».

Общее значение «неактуальности» может конкретизироваться у форм перфективного презенса в следующих частных значениях: 1. настоящее узуальное (в том числе и «наглядно-примерное» настоящее); 2. настоящее потенциальное; 3. настоящее драматическое.

Подчеркнём, что те же частные значения могут быть выражены и формами имперфективного презенса (о чём ниже).

1. Перфективный презенс в значении «настоящего узуального»

О настоящем узуальном можно говорить в тех случаях, когда глагольная форма презенса обозначает процессы или события, представляемые как повторяющиеся, постоянные или привычные.

В предложениях, содержащих формы перфективного презенса, перспектива узуальности создаётся обыкновенно лексическими средствами, т. е. введением таких обстоятельственных слов и оборотов, как *порóй*, *инóй раз* и т. п.:

Тóлько Алексéй, когдá Тóне было лет пятнáдцать, *подзовёт* инóй раз её к дéдовой постéли, *вытащит* сундучóк, *распахнёт* и *крúкнет:* «Ага!»... (Кочетов, Журбины); ... вот и *сбрехнёт* инóй дóктор... (Л. Леонов) — ‚tak sa stáva, že niektorý lekár povie nejakú hlúposť'.

Формы перфективного презенса часто употребляются в узуальном значении для характеристики субъекта, типичные поступки которого представляются в виде «цепи событий», иллюстрирующих поведение субъекта. Такое употребление перфективного презенса было весьма удачно названо проф. Ю. С. Масловым — «наглядно-примерным».[1] В романе Угрюм-река В. Я. Шишкова этот приём применяется, так сказать, в оголённом виде («посмотрите»):

[1] Ср. Ю. С. Маслов: Глагольный вид в современном болгарском языке. Автореферат, Л. 1957, 14.

Но посмотри́те на его́ улы́бку, како́й он до́брый, э́тот Ибраги́м. *Ухмыльнётся, тряхнёт* плеча́ми, *уда́рит* ладо́нь в ладо́нь: алля-алля-гей! — да *как бро́сится* под му́зыку лезги́нку танцева́ть.

Другой пример:

Ме́дленно, постепе́нно раскаля́ется она́ [руда́], не сра́зу её куски́ *охва́тит* жа́ром, от одного́ к друго́му перехо́дит жар, пре́жде чем *забурли́т, заклоко́чет* вся ма́сса (Кочетов).

Ре́дко-ре́дко преподава́тель ру́сского языка́ *обрати́т* внима́ние на то, что... де́ти отправля́ются в экску́рсию. В лу́чшем слу́чае по́сле экску́рсии *даст* зада́ние написа́ть сочине́ние о ней (РЯШ 20 1959, 2, 4).

Перспектива узуального настоящего создаётся словами *быва́ет* и *быва́ло*:

Иногда́ *быва́ет*, что вме́сто стро́чки с оши́бками пра́вщик *вы́нет* сосе́днюю, пра́вильную, и на её ме́сто *всу́нет* но́вую (из русского перевода рассказов К. Чапка).[1]

Быва́ет, что *заду́мается* дед Матве́й (Кочетов).

В предложениях с *быва́ло* значение узуальности событий («транспонированных» в план прошлого) выражено эксплицитно:

Придёт, быва́ло, *ся́дет* и молчи́т.

Особый оттенок узуальности имеется в отрицательных предложениях. Ср. классический пример из «Страшной мести» Гоголя:

Чу́ден Днепр при ти́хой пого́де, когда́ во́льно и пла́вно мчит сквозь леса́ и го́ры по́лные во́ды свои́. *Ни вашелохнёт, ни прогреми́т.*

Характерно, что форма презенса с/в здесь образована от глаголов с совершаемостным значением *за-шелохну́ть* (начинат.), *про-грме́ть* (результ.). Поскольку совершаемостное значение не может быть сохранено в нс/в, узуальное действие здесь представлено формами совершенного вида. Ср. также: *Сиди́т и гла́зом не моргнёт* (однократ. совершаемость); *Молчи́т и не пи́кнет; Молчи́т и сло́ва не вы́молвит* и т. п.

Перфективный презенс употребляется для обозначения узуального настоящего в целом ряде более или менее «связанных» синтаксических и стилистических фигур:

---

[1] Е. Кржижкова показала, что русские сочетания *быва́ет* + презенс с/в закономерно передаются чешскими формами перфективного презенса. Оригинал звучит так: »Ale někdy sazeč místo chybného řádku vyndá sousední správný a vsune tam ten opravený«. Ср. Čsl. rusistika 3 (1958), 4, 193/4.

1. В союзных или бессоюзных условных предложениях с обобщённо-личным значением: *Кни́ги бы́стро раскупа́ются; (е́сли) у́тром не ку́пишь — к ве́черу всё разойдётся.*

2. В уступительных предложениях с обобщённо-личным значением: *Куда́ ни су́нешься — везде́ за́нято; С кем ни загово́ри́шь — все довбльны.*

3. При описании цепи событий, обычно с союзами *ли — ли, ли́бо — ли́бо, то — то*, ср. «Челове́к ли *пройдёт* вдалеке́, неви́ди́мый за дере́вьями, лиса́ ли *пробежи́т* в траве́, — лось то́чно узнаёт об э́том по то́нкому за́паху жилья́ и ме́ха» (Г. Николаева, Жатва); «... то за́яц *проско́чит*, то *пройдёт* рысь, то *перейду́т* доро́гу ло́си» (Соколов-Микитов).

4. В своеобразных конструкциях с *нет да и, нет-нет да и*, выражающих узуальное, но неожиданное действие, ср. *Идёт ме́дленно: нет-нет да и останови́тся* ‚ide pomaly; každú chvíľu sa ti zastaví'; «Пригни́тесь, това́рищ капита́н, к парапе́ту, — шёпотом сказа́л Конюко́в. — Тут нет-нет, да и *шибанёт*» (Симонов) ‚tu sa každú chvíľu môže stať, že vystrelí'.

5. В сочетании со словами *возьмёт да и ...*, обозначающими неожиданное узуальное действие: «К нему́ прихо́дят посети́тели; а он *возьмёт да и запрётся* и никого́ не пуска́ет» ‚a on sa ti zavrie...'

6. В конструкциях с редупликацией формы перфективного презенса: *Соба́ка пола́ет-пола́ет, да и замолчи́т* ‚pes si chvíľku pošteká a umĺkne'; *Сла́бым он стал: похо́дит-похо́дит по ко́мнате да и ся́дет* ‚chvíľku si pochodí po izbe a sadne'. Три последних типа относятся к разговорному языку.

Как видно, употребление форм перфективного презенса в значении узуального настоящего не является в русском языке каким-то редким исключением. При сопоставлении с словацким или чешским языками всё же оказывается, что в русском языке эта форма в данном значении употребляется значительно реже, чем на славянском западе.

В словацком или чешском языках форма перфективного презенса употребляется в значении узуального настоящего без каких-либо ограничений. В ряде случаев формы презенса с/в должны быть переданы в русском языке формами имперфективного презенса, ср.:

Keď *prídem* domov, *narúbam* dreva, *vyčistím* pec a *zakúrim*. — Когда́ я *прихожу́* домо́й, я *нарубаю* дров, *вычищаю* пе́чку и *затапливаю* (здесь возможны дублеты: *приду́, нарублю́, вы́чищу, затоплю́*).

Употребление форм именно перфективного (а не имперфективного) презенса связано в словацком и чешском языках в ряде случаев с пониженной видообразовательной активностью. Замечательно, что эти языки, так последовательно и прямолинейно использующие свои словообразовательные возможности,[1] в данном случае оставляют возможность образования форм вторичного несовершенного вида к глаголам типа *narúbať* или *zakúriť* неиспользованной.

В целом ряде случаев узуальное настоящее, выражаемое в русском языке формой презенса от приставочного глагола несовершенного вида (тип *я съедáю*), передаётся на словацком (чешском) языке только формой презенса приставочного глагола совершенного вида (тип *zjem*), ср.:

Утрóм я *выпивáю* чáшку кóфе и *съедáю* две бýлочки.	Ráno *vypijem* šálku kávy a *zjem* dva rožky.
Он всегдá *наедáется* дóсыта.	Vždy sa *naje* dosyta.
Корóва *надáивает* двáдцать лúтров в день.	Krava *nadojí* dvadsať litrov denne.

Одновидовые глаголы типа *vypiť*, *zjesť*, *najesť sa*, *nadojiť* и т. п. являются в словацком языке совершаемостными образованиями к глаголам нс/в *piť*, *jesť*, *dojiť* и т. п., между тем как в русском языке соответствующие приставочные глаголы представлены видовыми парами типа *вы́пить//выпивáть*, *съесть//съедáть*, *наéсться//наедáться*, *уплатúть//уплáчивать*, *надоúть//надáивать*, *наколóть//накáлывать*, *затопúть//затáпливать* и т. п. Употребление форм перфективного презенса в словацком (чешском) в значительной степени объясняется стремлением сохранить именно совершаемостное значение глагола (данное приставками), т. к. при переводе в нс/в этот оттенок неминуемо теряется, ср. Keď prídem domov, *čistím* pec a *kúrim*; Ráno *pijem* šálku kávy a *jem* dva rožky; Svoje dlžoby vždy *platím* načas и т. п. Было бы ошибочно думать, что глаголы *čistím* и *vyčistím*, *kúrim* и *zakúrim*, *pijem* и *vypijem* и т. д. обозначают «одно и то же». Словацкий язык стремится сохранить именно специфическое совершаемостное значение, которое может быть выражено только формами перфективного (а не формами имперфективного) презенса. Так, например, значение пердуративной совершаемости сохранено в предложении Netopiere *prespia* zimu v pivnici; в русском языке, где совершаемостный глагол *проспáть* не образует вторичных форм несовершенного вида, оттенок пердуративности утрачивается: «Летýчие мы́ши спят всю зúму в подвáле» (нельзя сказать — со значением узуальности — «проспят всю зиму»).

Узуальное настоящее, выражаемое презенсом с/в в словацком (чешском) языке, настолько обычно, что можно ограничиться случайными примерами из литературы:

---

[1] Ср. А. В. Исаченко: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. Slavia 27 (1958) 3, 350.

Noc tak rýchle *ubehne*, že človek sa ani nenazdá (Karvaš).
Často sa *stane*, že človek sa na chvíľku *zabudne* (Urban).
Otec si *ľahne* a fajčí (Šoltésová).

Особым случаем употребления узуального настоящего с/в являются формулировки всевозможных инструкций, правил или рецептов:

Mäso *osolíme* (с/в), *posypeme* rascou, *vložíme* do rajnice a trochu *podlejeme*. Rajnicu *pokryjeme* pokrievkou a dusíme. — Мя́со *со́лится* (нс/в), *посыпа́ется* тми́ном, *кладётся* в кастрю́лю и немно́го *подлива́ется*. Кастрю́ля *накрыва́ется* кры́шкой... (из поваренной книги).
Naplněnou mísu *přiklopíme* snímacím poklopem a Remosku *postavíme* (с/в) na třínožku (из инструкции по эксплуатации).

Различия между русским и словацким (чешским) языком в отношении употребления перфективного презенса в узуальном значении не являются принципиальными: оба языка допускают такое употребление. Однако в словацком и чешском языках форма презенса с/в употребляется в данном значении гораздо чаще. Отсюда многочисленные и типичные ошибки даже у лиц, хорошо владеющих русским языком. Постоянно приходится слышать в устах наших студентов такие формы: «Это с ним часто случи́тся» (вм. правильного *случа́ется*); «Вече́рний по́езд обыкнове́нно придёт с опозданием» (вм. правильного *прихо́дит*). Такие ошибки объясняются влиянием конструкций родного языка типа To sa často *stane*; Vlak obyčajne *príde*.

В русском языке XVIII века перфективный презенс в узуальном значении применялся гораздо свободнее, чем сегодня. В приведённых ниже примерах не все выделенные формы могут быть признаны корректными с точки зрения норм современного литературного языка. Ср. в записках М. Д. Данилова (1771 г.): «Вдова́, хотя́ и *уви́дит* таки́е ша́лости своего́ племя́нника, одна́ко бо́лее ничего́ не *ска́жет*». Из записок кн. Н. В. Долгорукой: «Ста́ла э́та земля́ оседа́ть и с ле́сом не́сколько са́жен опуска́ться в ре́ку, или в зали́в, где мы стои́м; и так ужа́сно лес *зашуми́т* под са́мое на́ше су́дно; и так нас к ве́рху *подыме́т*, и в тот ущёрб *ста́нет*. И так бы́ло о́чень до́лго». — «... а иногда́ *куплю́* осетра́. А когда́ пого́да *ста́нет* ве́тром су́дно шата́ть, тогда́ у меня́ *ста́нет* голова́ боле́ть и тошни́ться: тогда́ *вы́ведут* меня́ на верх на па́лубу, и *поло́жат* на ветру́... и *покро́ют* меня́ шу́бою... Как *пройдёт* пого́да, *отдохну́*; то́лько есть ничего́ не могла́: всё тошни́лось».

2. Перфективный презенс в значении настоящего «потенциального»

«Настоящим потенциальным» мы предлагаем назвать формы презенса, в которых выражается способность/неспособность или готовность/неготовность субъекта выполнить те или иные действия.

В русском языке это значение может быть выражено формами перфективного и имперфективного презенса. Нас будут интере-

совать в данном контексте только формы перфективного презенса:

Не скажу́ вам, где он сейча́с живёт. — Nepoviem vám (= *nemôžem* vám povedať), kde teraz býva.
Не *припо́мню* его́ фами́лии. — *Nemôžem* si spomenúť na jeho meno.

Настоящее потенциальное встречается в ряде более или менее фразеологизированных сочетаний: *К вам не дозвони́шься* ‚človek sa vás nedovolá', *Всего́ не переска́жешь* ‚všetko *sa nedá* vyrozprávať', *Ничего́ не подела́ешь* ‚nič *sa nedá* robiť'.

Значение потенциального настоящего отчётливо выступает в предложениях, содержащих глагол сатуративной совершаемости *(на... -ся)*:

Слу́шаю *не наслу́шаюсь* — *nemôžem sa* dosť *napočúvať*.
Напекла́ блино́в Ори́нушка, *не насмо́трится* на Ва́нюшку (Некрасов) — ... *nemôže* sa vynadívať.
Васи́лий Серге́евич ве́ртится о́коло неё, *не нагляди́тся* и ника́к *не нахва́лится* (Чехов).

Настоящее потенциальное, выраженное презенсом с/в, типично для всякого рода пословиц, поговорок, житейских мудростей и т. п., ср.:

Что напи́сано перо́м, того́ не *вы́рубишь* топоро́м (пословица).
Что пропа́ло, того́ не *вернёшь*.
Слеза́ми го́рю *не помо́жешь* (пословица).

Потенциальное значение имеют формы презенса с/в в известном Гимне молодёжи:

Пе́сню ми́ра запева́ет молодёжь:
Э́той пе́сни не *заду́шишь*, не *уйме́шь*.

Оттенок потенциальной готовности к данному действию выражается в таких случаях, как:

И всегда́ же он тако́е *ска́жет*, что сты́дно ста́нет.
Он всегда́ что́-нибудь да *вы́кинет* — ‚vždy niečo vyvedie, môže vyviesť'.
В Москве́ *прибавят* ве́чно втро́е: вот бу́дто жо́нится на Со́нюшке. — Пусто́е! (Грибоедов).[1]

[1] Акад. В. В. Виноградов говорит в подобных случаях о выражении «решительной, категорической готовности субъекта к действию» (Русский язык, 1947, 575).

Наконец, приведём случаи, отмеченные ещё А. Мушичем:[1]

Почему́ ты не придёшь? — ‚Prečo *neprídeš*? (Prečo by si *nemal prísť?*)' Почему́ ты с ним не *поговори́шь?*

Грань между модальным значением потенциального настоящего и «будущим» здесь почти полностью стирается.

В словацком и чешском языках потенциальное настоящее может быть выражено формой презенса с/в и в неотрицательных предложениях. В соответствующих русских конструкциях стоит, как правило, форма презенса несовершенного вида:

Sieň *pojme* sto ľudí. — Зал *вмеща́ет* (нс/в) до ста челове́к.
Vyfajčí tridsať cigariet denne. — Он *выку́ривает* (нс/в) три́дцать сигаре́т в день.
Človek *prekoná* aj iné prekážky. — Челове́к *преодолева́ет* и други́е препя́тствия.
Dobrý stenograf *napíše* až 150 slabík za minútu. — Хоро́ший стено́граф *пи́шет (запи́сывает)* до 150 слого́в в мину́ту.

При передаче презенса с/в формами презенса нс/в (*вмеща́ет* и т. д.) специфический оттенок «потенциальности» («может вместить») стирается.

Потенциальное значение перфективного презенса в словацком и чешском языках в ряде случаев тесно связано с определёнными совершаемостными значениями:

Ľahko *unesie* tento kufor. — Он легко́ *спра́вится* с э́тим чемода́ном (дословно: снесёт э́тот чемода́н).
Ubehne sto metrov za 11 sekúnd. — Он пробежи́т (= мо́жет пробежа́ть) сто ме́тров в 11 секу́нд.
Ten sa tam *narobí*! = Ну и прихо́дится же ему́ там порабо́тать!
Čo sa tam každý deň *nadriem.*[2]

Потенциальное значение связано у некоторых глаголов с их индивидуальным значением. Формально глаголы типа *dokážem* (niečo urobiť), чеш. *dovedu* (něco udělat), *zaobídem sa* (bez niečoho), *nestačím* (písať), *dá sa* (predpokladať) и т. п. относятся к совершенному виду. Презенс таких глаголов может иметь «футуральное» значение, но и значение потенциального настоящего, ср.:

1. *zaobídem* sa bez neho — ‚я без него́ обойду́сь' (футур.);
2. vždy sa *zaobídem* bez pomoci — ‚я всегда *обхожу́сь* без посторо́нней по́мощи' (потенц. настоящее; в словацком нет имперфективного глагола «zaobchádzať sa bez», соответствующего русскому *обходи́ться*).

Трудно объективно определить грамматическое значение вида таких глаголов. Глаголы *dokážem* (niečo urobiť), чеш. *dovedu* вполне синонимичны

[1] A. Mušić: Značenje perfektivnoga prezentu u negativnim pitanjima u hrvatskom ili srpskom jeziku. Južnosl. filolog 1 (1913—1914), 27.

[2] Приме́ры заимствованы у Фр. Копечного: Slovo a slovesnost 11 (1949), 2, 65; Základy české skladby, 1958, 107.

с глаголом нс/в *môžem* (niečo urobiť). На основании отсутствия противопоставления СВ//НСВ у этих модальных глаголов Л. Дюрович рассматривает их как глаголы несовершенного вида.[1]

Как видно, сфера применения форм перфективного презенса в значении настоящего потенциального в словацком и чешском языках шире, чем в русском.

3. Перфективный презенс в значении настоящего «драматического»

Форма имперфективного презенса, обозначающая процесс, имевший место в объективном прошлом, но в повествовании представляемый как протекающий как бы на глазах рассказчика, называется «настоящим историческим» («настоящим повествовательным», praesens historicum), например: *В 1848 году́ Маркс приезжа́ет* (нс/в) *в Пари́ж.*

Если сохранить общий план прошлого и выразить тот же процесс формой прошедшего времени, то действие будет представлено как «событие» и будет выражено претеритальной формой совершенного вида: *В 1848 году́ Маркс прие́хал* (с/в) *в Пари́ж.*

В отличие от этого настоящего исторического, «настоящее драматическое» обозначает «событие», относящееся к объективному прошлому, но выраженное в транспозиции формой перфективного презенса. Форма перфективного презенса в плане повествования «живее», «нагляднее», чем форма имперфективного презенса: она служит для драматизации повествования. Вот почему такую форму можно назвать «настоящим драматическим». «Настоящее драматическое» широко распространено в словацком и чешском языках:

Katka *odloží* (с/в) pero a sedí (нс/в) (Šoltésová).

«Mama, mama!» *zvolá* ono [dievčatko] a, podskakajúc, ťahá otca bližšie k rakvi (Šoltésová).

Dlho, predlho díva sa (нс/в) pán komisár Nemeckej Lupče na moju slávnu legitimáciu. Potom mi *navrhne* (с/в), že ma dá zatknúť (P. Karvaš).

В русском языке употребление перфективного презенса в значении настоящего драматического почти неизвестно. Е. Кржижкова показала, что здесь наши языки, несмотря на

[1] Ľ. Ďurovič: Modálnosť. Lexikálno-syntaktické vyjadrovanie modálnych a hodnotiacich vzťahov v slovenčine a ruštine. Bratislava 1956, 62, 128.

близость их общей структуры, серьёзно расходятся.[1] К подобному заключению приходит и молодой советский славист А. В. Бондарко.[2]

Исключением из общего правила является употребление в русском языке перфективного презенса в ярко экспрессивных конструкциях в сочетании с частицей *как* для обозначения внезапных, неожиданных действий:

Как взмо́лится золота́я ры́бка! Го́лосом мо́лвит челове́чьим (Пушкин).
Как вскочит мой Васи́лий Васи́льич! Сло́вно обожжённый (Тург.)
Он *ка-ак пры́гнет*, а бры́зги во все сто́роны *ка-ак полетя́т*! а он *ка-ак поплывёт* наразма́шку! (В. Катаев, Белеет па́рус одинокий).
Соба́ка-то, *как варычи́т*!/А ба́рыня — *как закричи́т*! (Маршак). ‚A v tom ti psisko naraz zavrčí...'

Сочетания с *как* произносятся с особой интонацией (ср. восклицательный знак!), причём частица *ка-ак* обычно произносится протяжно.

С проблематикой настоящего драматического связано и так называемое настоящее сценическое (praesens scenicum). Оно встречается в драматических произведениях, в ремарках автора, напр. *Sadne si. Utrie si pot. Zívne. Pobozká sestru.* Ремарки обозначают отдельные поступки действующих лиц; употребление форм совершенного вида здесь с точки зрения словацкого или чешского вполне правомерно. В современном русском языке в настоящем сценическом стоят исключительно только формы имперфективного презенса *(Сади́тся. Утира́ет пот. Зева́ет. Целу́ет сестру́)*, или же, если автор хочет во что бы то ни стало сохранить видовое значение, выражающее *единичный* поступок, «событие» — формы прошедшего времени совершенного вида, напр. *Зевну́л до слёз*; *Сел на дива́н* (Горький, Егор Булычов).

Интересно, что ещё в начале XVIII века в качестве настоящего сценического в ремарках могли употребляться и в русском языке формы перфективного презенса, ср. *ивы́дет и глаголе*; *Паки посмо́трит и глаголет*; *Кинется до опанчи*: *Ту бежит скоро и впадет в яму* (Интермедия).[3] Совер-

[1] H. Křížková: K problematice praesentu historického v ruštině a češtině. Sovětská jazykověda 5 (1955), 4, 241.

[2] А. В. Бондарко: Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках. Автореферат. Ленинград 1958, 6/8.

[3] Хрестоматия по русской литературе XVIII века. Составил А. В. Кокорев. М. 1952, 47/8.

шенно справедливо Е. И. Кржижкова (цит. соч. 253) отвергает предположение Т. П. Ломтева, допускавшего, что «такое употребление глагольных форм в XVII и XVIII веках является отражением иноязычного влияния».[1] Здесь мы имеем дело с внутренним развитием значений перфективного презенса. Такое мнение подтверждается и новейшими работами А. В. Бондарко.[2]

Напомним, что словацкий и чешский языки имеют и в пассиве возможность выражения драматического настоящего при помощи пассивных форм перфективного презенса:

Hikmet *je zapsán* (с/в) nejdříve do vojenské námořní školy. Pro účast na povstání námořníků *je* ze školy *vyloučen* (с/в) (из биографии Хикмета).

В русском языке в аналогичных случаях возможна только форма настоящего исторического, выраженного аффиксальной формой пассивного презенса нс/в на *-ся*:

Пе́рвая по́весть Го́голя *печа́тается* в Оте́чественных запи́сках за 1830 год (из биографии Н. В. Гоголя).

*

Из всего изложенного следует, что формы перфективного презенса употребляются в русском языке в многочисленных конструкциях, обозначающих неактуальное настоящее. Нет, следовательно, никаких оснований считать формы типа *он бро́сит* «формами простого будущего» или «формами настоящего-будущего», т. к. выражение предвосхищенного события является только одной из возможностей применения формы перфективного презенса в русском языке. Другое дело, что словацкий и чешский языки гораздо чаще, чем русский, прибегают к форме перфективного презенса для выражения нефутуральных действий.

Употребление форм имперфективного презенса (Тип *Он броса́ет*)

Форма имперфективного презенса (типа *он броса́ет*) является в наших языках единственной формой, способной обозначать процессы, протекающие в момент речи, т. е. выражать зна-

[1] Т. П. Ломтев: Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке. Ученые записки МГУ 128, 1948, 88.

[2] А. В. Бондарко: Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV—XVII вв. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, 173, 1958, 69.

чение «настоящего актуального» (или «настоящего репортажа»):

Смотри́: он *поднима́ет* ка́мень и *броса́ет* его́ в пруд.

Возможность такого употребления презенса нс/в вытекает из чисто отрицательной грамматической семантики этой формы («невыраженная неактуальность»).

Общее (инвариантное) значение «невыраженной неактуальности» открывает возможности и для другого употребления форм имперфективного презенса. Эта форма в наших языках является типичной формой неактуального действия. Неактуальное действие может приобретать, смотря по контексту, следующие оттенки:

1. Настоящее узуальное: *Он встаёт в шесть часо́в утра́* (такова его привычка).

2. Настоящее квалифицирующее: *Оте́ц рабо́тает на заво́де.* Деятельность субъекта здесь является качественно-описательным признаком, характерной чертой, квалифицирующей субъект с какой-то стороны.

3. Настоящее определения: *Паралле́ли пересека́ются в бесконе́чности.* Это крайний случай «неактуального» оттенка имперфективного презенса.

4. Настоящее потенциальное: *Он говори́т на трёх языка́х.* Здесь имеется в виду не конкретный процесс, а способность изъясняться на трёх языках. Настояще потенциальное по своему значению близко подходит к настоящему квалифицирующему.

5. Настоящее историческое: *В 1848 году́ Маркс приезжа́ет в Пари́ж.* Настоящее историческое является стилистическим приёмом повествования, известным во всех развитых литературных языках.

6. Настоящее предвосхищенного действия: *В ию́не я сда́ю экза́мены и уезжа́ю домо́й.* Эта форма не содержит никаких указаний на то, что предвосхищенное действие «должно быть осуществлено в ближайшем будущем», как утверждает Академическая грамматика (I 486).

Те же значения имеют формы имперфективного презенса в словацком и чешском языках.

Некоторые осложнения возникают у немногочисленных чешских и словацких глаголов, приставочных и бесприставочных, употребляющихся в значении настоящего квалифицирующего. Речь идёт о глаголах, которые

на первый взгляд воспринимаются как глаголы с/в, но по своему значению относятся скорее к несовершенному виду, ср.:

Potrpí si na dobré jedlo. — Он неравноду́шен к еде́; он лю́бит хорошо́ поку́шать.
Táto námietka *neobstojí*. — Это возраже́ние лишено́ основа́ния, не вы́держивает кри́тики.
Táto farba ti dobre *pristane*. — Этот цвет тебе́ идёт.
Šaty dobre *padnú*. — Пла́тье хорошо́ сиди́т.
Tento klobúk *ukáže* (nespis.). — Эта шля́па о́чень эффе́ктна.
Každá cesta do Prahy ho *príde* na 200 korún. — Ка́ждая пое́здка в Пра́гу обхо́дится ему́ в 200 крон.
To sa *nevyplatí*. — Это не опла́чивается, не сто́ит.

Некоторые из приведённых глаголов употребляются только в форме презенса *(šaty dobre padnú)*; у других глаголов форма прош/вр имеет безусловно значение совершенного вида *(neobstál, cesta ho prišla, nevyplatilo sa)*.[1] Тем не менее, вопрос вида приведённых здесь форм презенса остаётся невыясненным. Весьма вероятно, что в ряде случаев мы имеем дело с кальками с немецкого и венгерского языков,[2] причём в глаголах, скалькированных с языков, не знающих видовых значений, видовые отношения часто нарушаются.

*

Называя отдельные приводимые выше значения имперфективного и перфективного презенса «настоящим» (узуальным, квалифицирующим, историческим и т. п.), мы сознательно отдаём долг многовековой традиции, от которой ни один исследователь языка не может полностью освободиться. Да это, в сущности, и не желательно. Установившиеся термины с достаточной ясностью передают нужное содержание. Нельзя, однако, не подчеркнуть, что величайшей опасностью для всякого языковеда является своеобразный «номинализм». Из того, что форма типа *он броса́ет* традиционно называется «настоящим временем», нельзя ещё делать заключения, что эта форма действительно обозначает «настоящее время». В «настоящем определения»[3], например, очень трудно усмотреть какие бы то ни было семантические элементы, позволяющие нам характеризовать семантику этой формы именно как «настоящее» (prítomnosť).

[1] Příruční slovník jazyka českého приводит *obstáti* (dok.), *potrpěti si* (dok.).

[2] Ср. нем. Dieses Kleid steht dir gut zu Gesicht *(pristane)*. — Das Kleid fällt gut *(padne)*. — Венг. *Ez a kalap jól mutat ki.* (Tento klobúk dobre *ukáže*).

[3] Имеется в виду présent de définition типа «Прямáя *есть* кратчáйшее расстоя́ние мéжду двумя́ тóчками».

Мы пытались показать, что так называемая «категория времени» весьма своеобразно преломляется в грамматике и что видо-временны́е формы русского глагола (их ровным счётом пять!) могут быть названы «временны́ми» лишь постольку, поскольку в них грамматически выражено то или иное отношение к единственному грамматически релевантному ориентиру — к «моменту речи».

Кроме обследованных здесь пяти видо-временны́х форм, русский язык не знает никаких других финитных форм, имеющих «временно́е» значение. В частности следует подчеркнуть, что в русском языке нет никаких «особых случаев выражения категории времени»,[1] лежащих вне упомянутых пяти видо-временны́х форм индикатива. Формы типа *трах, а соба́ка его́ возьми́ да укуси́, а он ну пляса́ть*, которым в многих грамматиках приписывается именно «временно́е» значение (действия в прошлом), на поверку оказываются формами абсолютно атемпоральными, т. е. в своей семантике не содержащими никаких указаний на то или иное отношение к моменту речи (о чём ниже).

Видо-временны́е формы в сочетании со словами *быва́ло* и *быва́ет*

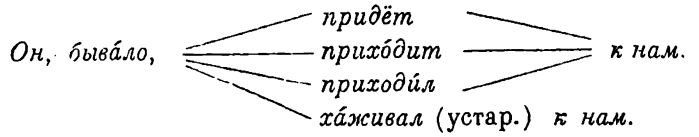
В нашем изложении нам неоднократно приходилось касаться конструкций, в состав которых входят слова *быва́ло* и *быва́ет* (ср. стр. 277, 429, 432). Необходимо подвести итоги наших наблюдений.

Слово *быва́ло* создаёт в русском языке общую перспективу узуального действия в прошлом. Соответствуя словацкому (чешскому) предложению *Stávalo sa*, слово *быва́ло* (в сочетании с видо-временны́ми формами), является грамматическим эквивалентом словацких или чешских глаголов многократной совершаемости в прошедшем времени типа *chodieval som, písaval som*. Таким образом, в конструкциях с *быва́ло* узуальность действия оказывается эксплицитно выраженной.

---

[1] Именно такие «особые случаи» выделяются в пособии Современный русский язык. Морфология. М. 1952, 302/5.

С грамматической точки зрения важно, что в конструкциях с *быва́ло* снимается (нейтрализируется) разница между формами презенса и формами прошедшего времени, т. к. слово *быва́ло* эксплицитно относит целое высказывание к плану прошлого:

Единственными формами, не сочетающимися со словом *быва́ло*, является претеритальная форма с/в (типа «Он, быва́ло, пришёл»), а также, разумеется, форма аналитического будущего.

Само слово *быва́ло* обыкновенно рассматривается как частица. Но во многих синтаксических конструкциях это слово приближается скорее к вводным словам. Тут многое зависит от того, стоит ли слово *быва́ло* непосредственно перед глагольной формой *(Он, быва́ло, придёт)*, или непосредственно после глагольной формы *(Он придёт быва́ло)*. Постановка слова *быва́ло* у многих авторов «в запятых» свидетельствует скорее о том, что это слово воспринимается как вводное, ср.:

А ма́тушка-то, *быва́ло, прикро́ет* си́ние глаза́ да *как заведёт* пе́сню на вели́кую высоту́ (Горький).

Следует отметить, что семантическая связь слова *быва́ло* со словом *быва́ет (быва́ет, что ...)* далеко не полностью утрачена. Во всяком случае нет никаких оснований считать сочетание видо-временны́х форм со словом *быва́ло* — «аналитическими формами» глагола.

Форма *быва́ет (быва́ет, что...)* создаёт общую перспективу узуального «настоящего»; в сочетании со словом *быва́ет* могут употребляться формы презенса о́боих видов:

Быва́ет, что *заду́мается* дед Матве́й гля́дя на Илью́ и Ага́шу (Кочетов). Иногда́ быва́ет, что вме́сто стро́чки с оши́бками пра́вщик *ви́нет* сосе́днюю, пра́вильную... (из русского перевода рассказов К. Чапка).

Для передачи эксплицитной узуальности (в плане прошлого или настоящего) в словацком и чешском языках применяются формы многократной совершаемости типа *chodievam, písavam*. Такие формы образуются не только от бесприставочных, но и от приставочных глаголов, ср. *vybiehať/vybehúvať, odkupujem/odkupúvať, prepisujem/prepisúvať*. Образование многократной

совершаемости в словацком или чешском не имеет, конечно, характера парадигматического формообразования. От многочисленных глаголов нс/в многократная совершаемость не образуется, ср. *tíchnuť*/Ø, *trpnuť*/Ø, *trúfať si*/Ø, *tučnieť*/Ø и мн. др.

В словацком (чешском) языке неактуальное действие может быть выражено тремя формами:

Keď ma bolí hlava, { vezmem si prášok. / beriem si prášok. / brávam prášok.

Грамматическая «синонимичность» приведённых форм презенса, однако, лишь мнимая. Каждая из приведённых форм по-своему квалифицирует неактуальное действие. Грамматические значения каждой из приведённых форм противостоят друг другу на основании следующих семантико-грамматических признаков:

Выраженная неактуальность (маркированный член) *vezmem, brávam*	Невыраженная неактуальность (немаркированный член) *beriem*
Выраженная кратность (маркированный член) *brávam*	Невыраженная кратность (немаркированный член) *beriem, vezmem*

Грамматическое значение каждой из приведённых форм презенса может быть выражено в терминах двух двучленных (бинарных) противопоставлений:

beriem (имперфективный презенс) не выражает ни актуальности, ни кратности. Поэтому имперфективный презент может употребляться в значении актуальном и неактуальном, в значении кратном и некратном.

vezmem (перфективный презенс) выражает неактуальность, но не выражает кратности. Поэтому данная форма не может служить для выражения актуального действия.

brávam (имперфективно-кратный презенс) выражает кратность и тем самым неактуальность действия. Поэтому данная форма не может служить для выражения актуального настоящего.

Все сказанное о словацких формах презенса всецело относится и к чешскому языку. Словацкий язык имеет, однако, ещё и (нелитературный) описательный оборот для обозначения обычного (неактуального) действия, состоящий из сочетания формы *zvyknem* с инфинитивом, напр.: Po obede *zvyknem čítať* noviny ‚после обеда я обычно читаю газету'. Форма *zvyknem* (дословно: ‚я имею обыкновение, я привык') является калькой либо с венгерского (ср. Délután olvasni *szoktam*), либо с немецкого (Nach dem Essen *pflege* ich eine Zeitung zu lesen). В литературном языке то же значение передаётся презенсом кратного глагола: Po obede *čítavam* noviny.

Итак, словацкий и чешский языки располагают особыми совершаемостными глаголами, могущими эксплицитно выражать узуальность (в плане прошлого и «настоящего»). Эти формы в ряде случаев соответствуют русским конструкциям с *быва́ло, быва́ет*.

Система русских видо-временны́х форм

Существующие в русском литературном языке видо-временны́е формы действительного залога обычно распределяются по двум координатам: с одной стороны, учитывается видовое значение форм, с другой стороны — их «временно́е значение». Получается следующая схема:

	нс/в	с/в
настоящее	*я броса́ю*	—
прошедшее	*я броса́л*	*я бро́сил*
будущее	*я буду броса́ть*	*я бро́шу*

Такую схему, фигурирующую во всех учебниках, следует признать крайне упрощённой. Выделение трёх временны́х значений, соответствующих трём «естественным» временам, основано на априорном убеждении, будто глагольные формы индикатива действительного залога фактически обозначают только «прошедшее», «настоящее» или «будущее», и ничего больше. Поэтому семантика формы типа *я бро́шу* безоговорочно отождествляется со значением будущего времени («будущее простое»), причём полностью игнорируется тот неоспоримый факт, что форма с/в типа *я бро́шу* может в определённых условиях иметь и нефутуральное значение (см. стр. 450). Ссылка на то, что форма типа *я бро́шу* «чаще» встречается именно в футуральном значении, не может быть признана достаточным доказательством того, что эта форма сама по себе имеет значение «будущего времени». В приведённой схеме далее не учитывается специфическая семантическая разница между формами нс/в типа *я броса́л, я буду броса́ть* (разобщённость процесса с моментом речи выражена) и формами с/в типа *я бро́сил я бро́шу* (разобщённость между процессом и моментом речи не

выражена). Следует подчеркнуть, что разница между этими формами не сводится без остатка к разнице в специфическом видовом значении данных форм.

В приведённой схеме бросается в глаза её асимметричность, сказывающаяся в «отсутствии» форм презенса совершенного вида. Эта асимметричность часто объясняется логически — «внутренним противоречием» между значением настоящего времени и значением совершенного вида. А. А. Потебня писал по этому поводу: «Я могу употребить настоящее время лишь в тех случаях, когда действие представляется настолько продолжительным, что, начавшись до минуты сознания, не прекращается и в течение самого акта речи и сознания: *дождь идёт* (т. е. теперь, когда я думаю об этом). Сказанным объясняется, почему появление видов и, в частности, глаголов кратчайшего действия, повлекло за собой потерю значения настоящего в этих глаголах».[1] Мы знаем, что ни общая видовая семантика, ни индивидуальная семантика отдельных глаголов не содержит указаний на длительность действия во времени, так что о «глаголах кратчайшего действия» говорить не приходится. К тому же, понятие «настоящего» (в лингвистическом смысле) не совпадает с отрезком времени, равным длительности самого акта речи.

Подобную аргументацию находим у А. М. Пешковского, исходившего, как известно, из отождествления видов с «линеарным» и «точечным» («пунктуальным») действием: «Предложенное понимание вполне объясняет, между прочим, и тот факт, что нам трудно мыслить совершенный вид в настоящем времени... Ведь настоящее время обозначает то, что происходит во время речи. А сама речь есть процесс, она тянется, и, следовательно, то, что происходит во время её, тоже легче представить себе тянущимся, чем нетянущимся. Напротив, то, что происходит до речи или будет происходить после неё, легко может быть представлено „линейно“ и „точечно“».[2] Такое логико-психологическое объяснение языковых явлений затушёвывает лингвистическую суть дела. Презенс — это не только то, что совершается в момент речи. Нельзя отождествлять грамматическое значение презенса со значением «актуального настоящего».

Были и другие попытки схематически распределить видо-временны́е формы славянского глагола. Исходя опять-таки из логического анализа

---

[1] А. А. Потебня: Из записок по русской грамматике IV, М.—Л. 1941, 137.

[2] А. М. Пешковский: Русский синтаксис в научном освещении, М. 1957, 110.

априорных «естественных» времён, проф. И. Польдауф предлагал положить в основу деления этих форм признак «включённости момента речи» и «невключённости момента речи».[1] Временно́е значение «настоящего времени» связывается в этой схеме со значением «включённости действия в момент речи», в то время как значения «прошедшего» и «будущего» — с общим признаком «невключённости действия в момент речи». Но мы знаем, что, например, форма *бро́сил* («прош/вр») в предложении *Он тепе́рь бро́сил кури́ть* несомненно «включает» и момент речи, поскольку указанное в предложении событие *(бро́сил)* «проявляется и в настоящее время». Де́йствие, обозначенное глаголом *допишу́* в предложении *Подожди́, я то́лько допишу́ письмо́*, несомненно «включает» в себя и момент речи, поскольку оно протекает именно в данный момент.

Итак: свести формальный состав видо-временны́х форм русского языка к логико-психологическим схемам представляется крайне затруднительным.

Стремлением сохранить в классификации глагольных форм словацкого языка единый критерий сказуемостных категорий (времени и наклонения) объясняется, очевидно, и схема, предложенная профессором Э. Паулини. Автор исходит из противопоставлений «реальное время»: «нереальное время» и «фактическое время» : «нефактическое время». Предлагаемая проф. Э. Паулини схема включает, однако, в качестве «временной формы» и форму сослагательного наклонения:

	реальное время[2]	нереальное время[3]
фактическое время	настоящее	прошедшее
нефактическое время	будущее	условное наклонение[4]

Приведённой схеме нельзя отказать в остроумии. Но и она не решает вопроса о соотношениях между видовыми и временными значениями индикативных форм.

Джеймс Феррелл исключает, как было показано выше (443), аналитическую форму типа *я буду броса́ть* из общей схемы русских видо-временны́х форм: к тому же он вводит в обиход понятия «немаркированного» и «ненастоящего» времени. Автор предлагает следующую схему:[5]

---

[1] I. Poldauf: Atemporálnost jako gramatická kategorie českého slovesa? Slovo a slovesnost 11 (1949), 121/32.

[2] В оригинале: *skutočný čas: nie skutočný čas.* Ср. E. Pauliny: Slovesný čas v slovenčine. Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi, 1948, 353.

[3] Там же, 345.

[4] Там же, 346.

[5] J. Ferrell: цит. соч., Slavic Word 2, 1953, 368.

время	вид	
	немаркированный	совершенный
немаркированное	*реша́ю*	*решу́*
не-настоящее	*реша́л*	*реши́л*
(будущее)	*(я буду решать)*	—

Мы не считаем обоснованным исключение форм типа *я буду реша́ть* из общей схемы русских видо-временны́х форм (см. стр. 442).

Анализ общих (инвариантных) значений форм индикатива показал, что эти формы в русском языке не являются прямолинейным обозначением так называемых «естественных» времён. Они выражают более сложные временны́е отношения, своеобразно локализирующие процесс, обозначаемый той или иной формой, на временно́й оси по отношению к моменту речи. Единственной семантической константой, определяющей семантику всех форм русского индикатива, является момент речи, понятие, толкуемое здесь в чисто лингвистическом (а не в логическом или психологическом) смысле.

Одной из наиболее распространённых ошибок лингвистического анализа является смешивание значение грамматической формы с тем фактом объективной действительности, который данной формой обозначается. Приведём предложения, в которых одна и та же ситуация выражается разными грамматическими формами:

Событие относится к объективному прошлому

В 1848 году́ Маркс прие́хал в Париж.

В 1848 году́ Маркс приезжа́ет в Париж.

События относится к будущему

За́втра я пое́ду в Пра́гу.

За́втра я е́ду в Пра́гу.

Узуальный процесс относится к объективному прошлому

Он, быва́ло, придёт и сиди́т.

Он, быва́ло, прихо́дит и сиди́т.

Он, быва́ло, приходи́л и сиде́л.

Необходимо раз и навсегда отказаться от мнения, будто в приведённых предложениях имеются «синонимичные» формы. Обозначая один и тот же факт объективной действительности (процесс, событие), каждая из приведённых глагольных форм сохраняет во всех случаях своё инвариантное грамматическое значение, данное не непосредственной отнесённостью глагольной формы к обозначаемой ею действительности, а местом в системе видо-временны́х форм русского языка.

Система видо-временны́х форм действительного залога может быть представлена для русского языка в виде цепи бинарных оппозиций (см. таблица 2 в приложении).

НАКЛОНЕНИЕ

НАКЛОНЕНИЕ И МОДАЛЬНОСТЬ

Вопросы глагольного наклонения (slovesný spôsob, modus verbi) теснейшим образом связаны с более широкой областью модальности. Л. Дюрович, посвятивший анализу модальности целую монографию, даёт такое определение: «Модальность есть грамматически (в том числе и лексико-синтаксически, а также интонационно) выражаемое отношение говорящего к реальности высказывания (его сказуемостного ядра или какой-нибудь его части)».[1] Поскольку в любом предложении выражено то или иное отношение говорящего к реальности (или к степени реальности) высказывания, то модальность является неотъемлемым имманентным компонентом всякого предложения. Вне модальности не может быть предикации. Модальность является, таким образом, одной из форм проявления предикации.

Поскольку в индоевропейских языках именно глагол является наиболее специализированной предикативной частью речи, то неудивительно, что в этих языках некоторые типы модальности выражаются глагольными формами, т. е. морфологически. Модальности, выражаемые особыми глагольными формами, называются наклонениями.[2]

Категория наклонения связана у глаголов с «личными», т. е. предикативными формами. Вне предикативных форм в русском языке нет наклонений. Поэтому форма инфинитива, иногда

---

[1] Ľ. Ďurovič: Modálnosť. Lexikálno-syntaktické vyjadrovanie modálnych a hodnotiacich vzťahov v slovenčine a ruštine, Bratislava 1956, 189.

[2] «В морфологии мы останавливаемся только на тех различиях, которые даны в самой грамматической форме» (А. А. Шахматов: Из трудов..., 1952, 199).

именуемая «неопределённым наклонением», на самом деле стоит вне системы глагольных наклонений.

В русском и словацком (чешском) языках следует различать три наклонения:

1. изъявительное наклонение, или индикатив (oznamovací spôsob, indikatív);
2. повелительное наклонение, или императив (rozkazovací spôsob, imperatív);
3. сослагательное[1] (или условно-желательное, или условное) наклонение, или конъюнктив (podmieňovací spôsob, konjunktív, kondicionál).

Модальностей, могущих быть выраженными лексическими или лексико-синтаксическими способами, или с помощью интонации, гораздо больше. Поскольку, однако, такие модальности не имеют своего морфологического выражения, они не могут быть включены в число глагольных наклонений русского языка.

СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНЫХ НАКЛОНЕНИЙ

В старых грамматиках глагольные наклонения иногда делятся на две группы: индикатив называется «прямым наклонением» и противопоставляется императиву и конъюнктиву, как наклонениям «косвенным» (nepriame spôsoby). Такое деление удобно сохранить.

К чему же сводится грамматическое значение глагольных наклонений? Обычно индикатив рассматривается как форма, посредством которой говорящий выражает «реальность действия».[2] В индикативе, по словам акад. В. В. Виноградова, «сообщение о действии представляется прямым отражением действительности».[3] С другой стороны, подчеркивается, что косвенные наклонения «совершенно определённо указывают на то, что действия в действительности нет, но что оно или

---

[1] Термин «сослагательное наклонение» встречается уже в работах акад. А. А. Шахматова (Из трудов..., 199).

[2] В. М. Никитевич: Некоторые модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке. Вопросы изучения русского языка. Алма-Ата 1955, 185.

[3] В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 587.

должно произойти, или могло бы произойти при известных условиях».[1] Если в большинстве работ индикативу приписывается самостоятельное, положительное значение («выражение реальности действия»), то в других работах индикатив рассматривается как категория, лишённая какого бы то ни было самостоятельного значения: употребляя индикатив, говорящий «лишь констатирует определённые факты, ... не выражая при этом своего отношения к ним».[2]

В ряде теоретических трудов индикатив рассматривается как «объективное» наклонение, а императив с конъюнктивом как наклонения «субъективные». Некоторые авторы склонны всю категорию наклонения в целом отнести к «субъективным категориям». Будучи формальным средством выражения отношения говорящего к реальности высказывания, категория наклонения является в то же время объективно существующей языковой категорией. С внеязыковой действительностью эта категория связана лишь посредственно, поскольку в ней проявляются объективно возможные отношения говорящего к реальности высказывания, причём термин «реальность» здесь ни в коем случае не следует смешивать с понятием «правдивости» высказывания. Ведь вся сущность лжи и заключается в том, что люди говорят о несуществующем «в индикативе».

Представляется, что семантическая разница между прямым и косвенными наклонениями не может быть определена на основании противопоставления двух положительных семантических величин («выражение реальности действия»: «выражение нереальности действия»). Разница между прямым и косвенными наклонениями не может быть раскрыта и на основании противопоставления «семантического нуля» — положительной семантической величине («нулевое наклонение»: «наклонение, выражающее нереальность действия»).[3]

Семантико-грамматическая оппозиция прямого и косвенных наклонений покоится на более сложном противопоставлении:

---

[1] Современный русский язык. Морфология. М. 1952, 285.

[2] Л. Р. Зиндер и Т. В. Сокольская: Современный немецкий язык. М. 1941, 123.

[3] Акад. В. В. Виноградов называет изъявительное наклонение «нулевой, негативной грамматической категорией» (ср. Русский язык, 1947, 587).

«сигнализация негативного признака»: «отсутствие сигнализации этого (негативного) признака». Косвенные наклонения (императив, конъюнктив) сигнализируют нереальность действия, между тем как в индикативе нет никаких эксплицитных указаний на нереальность или реальность действия. Поэтому-то индикатив и может выражать, наряду с действиями, представляемыми как реальные *(Отéц спит)*, действия, представляемые как возможные или невозможные, ср. *Шкаф не открывáется* ‚nedá sa otvoriť'; *Nepoviem* Vám, kde býva (т. е. «*не могу* вам сказать, где он живёт»). Из этого вытекает, что отрицание (негация) в русском языке не является особым наклонением. В силу своей чисто негативной семантики индикатив включает в себя и семантику отрицания (в русском языке). Использование форм индикатива для передачи модальных оттенков возможности/невозможности (т. е. по существу действий нереальных) объясняется широкими семантическими рамками слабого, немаркированного члена оппозиции «не сигнализирующего ни реальности, ни нереальности действия» и, значит, могущего выражать и то, и другое.

Однако дихотомическое деление наклонений на косвенные (императив и конъюнктив) и прямое (индикатив) недостаточно для полной характеристики системы наклонений в русском языке. Необходимо ввести ещё одну грамматико-семантическую координату. Совершенно очевидно, что индикатив и сослагательное наклонение объединены между собою общим признаком: примарной сферой их употребления являются повествовательные предложения (oznamovacie vety), ср. *Я пришёл — Я пришёл бы, éсли бы* ... С другой стороны, примарной сферой употребления императива является побудительное («призывное») предложение: *Придú сюдá!* Ясно, что конъюнктив и императив по-разному выражают нереальность (нереализованность) действия. У императива нереальность (нереализованность) действия связана с тем, что это действие как бы «задаётся» говорящим, возлагается на собеседника. Особая «призывная» (apelová) модальность императива предполагает ситуацию «обращения», т. е. наличие двух лиц (говорящего и собеседника), участвующих не только в речевом акте, но являющихся одновременно и участниками «императивной ситуации». Этими лицами являются, выражаясь грамматически, только 1 и 2 лицо («я»

и «ты», «я» и «вы»). То, что в грамматике называется «третьим лицом», исключено из семантики императивной формы. Введя, таким образом, в семантику наклонений вторую координату, мы можем представить систему русских наклонений в следующей схеме:

	Ограниченность функции рамками 1 и 2 лица выражена	Ограниченность функции рамками 1 и 2 лица не выражена
Нереальность (нереализованность) действия выражена	*(на)пиши́!* *(на)пиши́те!* *(на)пи́шем!*	*я бы (на)писа́л* *ты бы (на)писа́л* *он бы (на)писа́л*
Нереальность (нереализованность) действия не выражена	—	*я (на)пишу́* *ты (на)пи́шешь* *он (на)пи́шет*

Как видно, в индикативе и в конъюнктиве ограниченность функции кругом 1 и 2 лица не выражена: поэтому в этих наклонениях свободно образуются формы 3 лица (обоих чисел), а также «безличные» формы. Индикатив, будучи абсолютно немаркированной категорией, может выражать разные модальные оттенки, в том числе и модальность «призыва», ср. единичные случаи типа *Трóнулись!*, *Поéхали!*, разг. *Даёшь пятилéтку!* в значении «давай успешно закончим пятилетку!». Специфическое модальное значение форм индикатива может быть выражено интонационно; в морфологическом плане оно остаётся невыраженным.

Переходим к анализу каждого наклонения в отдельности.

Индикатив

Являясь немаркированным (но не «нулевым»!) членом обеих оппозиций, конституирующих систему наклонений в русском языке, индикатив не содержит никаких указаний на реальность или на нереальность действия. Это значит, что формы индикатива могут выражать как реальные, так и нереальные действия. В определённых контекстах формы индикатива могут заменять формы других наклонений.

Трудно сомневаться в том, что первичной функцией индикатива является выражение действия, представляемого говорящим как реальное: *Де́ти игра́ют*. Формы индикатива в повествовании, в описании, в определениях и т. п. имеют прежде всего именно такое значение. Поскольку в русском языке грамматическое время различается только в индикативе, то и возможные модальные оттенки индикатива трактуются обычно в разряде, посвящённом семантическому анализу временны́х форм. То, что иногда считают «модальными оттенками индикатива», на самом деле следует считать оттенками значений *временны́х* форм.

Многие авторы указывают на тесную связь между грамматическим временем и индикативом.[1] Иногда дело представляется так, будто формы изъявительного наклонения «непосредственно отражают осознанные людьми реальные действия, протекающие в пространстве и во времени», и будто «поэтому категория изъявительного наклонения имеет формы времени».[2] Здесь термины «отражать» и «реальный» применяются слишком упрощённо. Грамматические категории не являются механическим слепком объективной действительности. Если бы между общим значением индикатива и различением грамматических времён в пределах индикатива существовала причинная связь, то категория грамматического времени была бы во всех языках мира связана только с индикативом, т. к. можно предполагать, что во всех языках мира есть возможность представить содержание высказывания как реальное. На самом же деле категория грамматического времени в целом ряде языков представлена не только в индикативе, но и в косвенных наклонениях. В латинском языке временные формы последовательно проведены в конъюнктиве и в инфинитиве (сказуемостном), в греческом языке форма аориста хорошо засвидетельствована не только в индикативе, но и в оптативе и в конъюнктиве и т. п. Понятие грамматического времени не следует смешивать с понятием физического времени. К тому же индикатив вовсе не служит для «отражения реального действия», как иногда думают, а лишь для утверждения (или отрицания) данного отношения как реального — а это не одно и то же.

Исследовать возможные модальные оттенки значения отдельных временных форм в рамках семантического анализа индикатива было бы столь же необоснованным, как исследовать, скажем, значение родительного отделительного или особого «местного» значения предложного падежа на *-у/-ю* в рамках общего семантического анализа единственного числа. О модальных значениях отдельных временны́х форм (совершенного и несовершенного вида) говорилось в разделе, посвящённом временны́м формам. Мы знаем, что формы перфективного презенса могут обозначать возможность/невозможность действия, ср. «Сейча́с то́лько на лы́жах *пройдёшь*» (В. Ажаев), т. е. *‚dá sa* prejsť' и т. п. Формы перфективного презенса могут

---

[1] С. Д. Никифоров: Глагол, его категории и формы..., 1952, 142. — Н. С. Поспелов: Категория времени в строе русского глагола. Вопросы теории и истории языка, М. 1952, 297.

[2] С. Д. Никифоров, указ. соч., 142.

иметь оттенок призывной модальности: «И никудá ты *не пойдёшь!*» (запрет). Аналогичные случаи имеют место и в словацком языке.

Вопросу о связи между наклонением и временем была посвящена работа Г. Горака.[1] Автор определяет индикатив как наклонение, посредством которого «действие констатируется как достоверное (istý), действительное, реальное» (221), не замечая, что такое определение индикатива исключает возможность объяснения всех тех модальных оттенков, о которых сам автор говорит в данной работе. В словацком, как и в русском языке, формы перфективного презенса могут иметь побудительное значение, ср. *Pôjdeš do mesta, kúpiš noviny!* (приказание). Применение форм перфективного презенса с побудительным оттенком представлено в словацком и русском, но в несколько отличных друг от друга конструкциях: «*Vstaneš*, ty leňoch!» (Kukučín) ‚встáнешь или нет, лентя́й ты бдакий!', «*Čušíš*, ty belasník!» (Kukučín) ‚замолчи́шь или нет!'[1] Обращает на себя внимание возможность употребления форм презенса от однонаправленных глаголов перемещения в значении побуждения: *Ideš von!* «пошёл вон!» Следует отметить, что формы перфективного презенса в западнославянских языках издавна употреблялись в значении приказания или запрета. Так древнейшие чешские переводы «заповедей» (вторая половина XIV в.) содержат формы перфективного презенса:

Nebudeſs myety bohow ginych
Nezabyeſs
Nepokrades
Nepozadas wieci blyznyeho ſweho[2]

Формы перфективного презенса могут употребляться с модальным оттенком условности: *Poviem* niečo, zle je; *nepoviem* nič — ešte horšie «скажý что́-нибудь — плóхо, ничегó не скажý — ещё хýже». Модальный оттенок «вероятного предположения» имеет форма *bude*, ср. *Bude* tam dosť miesta, а также форма аналитического будущего: *Bude* tam asi *čakať* = ‚asi tam čaká'. Все эти факты, однако, относятся к семантике отдельных видо-временны́х форм, а не к семантике индикатива, как такового.

Императив

Термин «императив» употребляется нами здесь в строго морфологическом значении: императивом мы будем считать только ту морфологическую категорию, в которой побудитель-

---

[1] G. Horák: K využívaniu slovesného času a spôsobu v slovenčine, Studie ze slovanské jazykovědy (Trávníčkův sborník), Praha 1958, 221/32.

[2] Rukopisy NUK: XI B 3, XVII F 30.

ная модальность выражается особыми глагольными формами.[1] Императив предполагает диалогическую ситуацию «обращения». По своей функции императив, как глагольная форма обращения, близок к звательной форме (vokatív), являющейся именной формой обращения. Между императивом и звательной формой имеются и формальные параллели. Можно утверждать, что императив выступает в качестве сказуемого в призывном предложении, подлежащее которого либо представлено призывной (вокативной) формой существительного или местоимения (ср. *Ва́ня, верни́сь!*), либо подразумевается как призывная форма (ср. *Верни́ мне кни́гу!*).

Формой императива говорящий (А) призывает собеседника (В) выполнить действие, выраженное глаголом: *Дай кни́гу!* Важно при этом, что оба собеседника являются не только участниками речевого акта, но одновременно и единственными лицами, так или иначе затронутыми содержанием высказывания: А «возлагает» действие на В. В императиве исключается «третье лицо». Поэтому сочетания типа *Пусть он придёт, Пуска́й он даст* и т. п. не могут быть признаны формами императива. В этих сочетаниях говорящий А обращается к собеседнику В с призывом, относящимся к третьему лицу (С).

Сочетания этого типа являются в русском языке свободными синтаксическими конструкциями, в которых частицы *пусть (пуска́й)* сочетаются с формами индикатива. Если в русском языке такие конструкции ограничиваются кругом 3 лица, то в словацком языке аналогичные конструкции с союзом *nech* (чеш. *ať, nechť*) встречаются и у других грамматических лиц, ср. слвц. *Počkaj, nech dokončím; Ukáž, nech sa pozriem.* Принципиальная разница между императивом и сочетаниями с частицами *пусть* или *пуска́й* вскрывается при сопоставлении таких предложений, как: *Скажи́ ему́: «Отда́й деньги́!»* и *Скажи́ ему́, пусть он отда́ст де́ньги.*

Включение сочетаний с *пусть* или *пуска́й* в состав императивной парадигмы объясняется недостаточно чётким разграничением терминов «повелительное наклонение» (как одного из глагольных, морфологически выраженных наклонений) и «побудительная модальность». Ещё М. В. Ломоносов

[1] Акад. А. А. Шахматов считал, что «повелительное наклонение выражается другими частями речи при субъекте во 2-м лице единств.: 1) наречием, когда оно является в качестве главного члена односоставного предложения и произнесено не с вопросительной интонацией: *скоре́й, жи́во, нале́во кругом, сми́рно, вон, вон отсю́да*; 2) именем существит. в косвенных падежах: *за мной, ча́ю, воды́*; 3) междометиями: *но!, тпру!, брысь* (*брысь-те*), также заимствов.: *стоп!, марш!*» (Из трудов..., 1952, 101).

включал такие сочетания в парадигму русского императива.[1] Здесь, очевидно, сказалось влияние латинской грамматики, т. к. в латыни (архаической), наряду с формами императива 2-го лица, имеются также формы императива 3-го лица типа *ito* «пусть он пойдёт» или *sunto* «пусть они будут, да будут».

В составе императивных форм часто приводятся также сочетания типа *Да здра́вствует!* Эти сочетания являются окаменелыми восклицательными предложениями, заимствованными из церковнославянского. Частица *да* ‚aby' не встречается в русском языке в свободном употреблении. Глаголы, с которыми эта частица (восходящая к церковнославянскому союзу) может сочетаться — единичны, ср. *Да кре́пнет на́ша дру́жба!*, *Да сверши́тся!*, *Да бу́дет так!*, *Да продля́тся его́ го́ды!* Никак нельзя сказать «Да рабо́тает!» или «Да чита́ет!» Кроме того, нельзя не заметить, что сочетания типа *Да здра́вствует!* носят характер восклицательных предложений, характерных для риторических стилей языка, а не повелительных.

Случаи употребления инфинитива или формы прошедшего времени в значении побудительной модальности (ср. *Молча́ть!*, *Пошёл!*), конечно, не являются формами императива, как иногда думают.

Образование основных форм императива

Во многих индоевропейских языках форма императива 2 лица ед/ч совпадает с основой глагола, т. е. имеет «нулевое окончание», ср. слвц. *choď* (к *chod-ím*), чеш. *ber* (к *ber-u*), лат. *dic* «скажи» (к *dic-o*, *dic-ere*), *fer* «неси» (к *ferro*, *ferre*), нем. *komm* (к *ich komm-e*, *komm-en*) и т. п. Эта общая тенденция к сокращению императивной формы, сказывающаяся и в современных славянских языках, тем примечательнее, что в праславянском языке императив был охарактеризован особыми личными окончаниями.

Славянский императив типа стслав. *бери*, *берѣмъ*, *берѣте* не является прямым продолжением индоевропейского императива. Генетически славянские формы императива восходят к формам и.-е. желательного наклонения, оптатива. В древнерусском языке старое окончание *-и* ещё сохранялось во всех случаях (ср. *буди*, *дуни*), но в современном языке имеются формы с нулевым окончанием *будь*, *дунь*, ср. слвц. *nos* из *nosi* и т. п. Можно утверждать, что в пределах глагольных форм императив 2 лица ед/ч представляет собою «морфологический минимум». Утрата окончания 2 лица ед/ч императива повлекла за собой полную перестройку всей системы императива. В славянских языках в императиве появляются своеобразные агглютинативные приёмы (см. ниже).

---

[1] К «наклонению повелительному» Ломоносов относит, например, такие сочетания, как *пускáй покáзывает* (см. Полное собрание сочинений, том VII, 1952, 525).

В современном русском языке в форме императива 2 лица ед/ч преобладает нулевое окончание, но наряду с этим имеются и другие приёмы образования данной формы. Форма императива зависит от характера исхода основы и её акцентологических свойств. Следует различать следующие случаи:

1. Если основа настоящего времени оканчивается на *-j*, то форма императива (мы будем говорить здесь только о форме 2 лица ед/ч) совпадает с основой (нулевое окончание — Ø):

	инфинитив	наст/вр	основа наст/вр	императив
I класс	*чита́ть*	*чита́ю*	*чита́j-*	*чита́й!*
II класс	*владе́ть*	*владе́ю*	*владе́j-*	*владе́й!*
III класс	*рисова́ть*	*рису́ю*	*рису́j-*	*рису́й!*

В школьных грамматиках обычно говорится об «окончании *-й*». Мы знаем, что это не соответствует языковым фактам: формы типа *чита́й* не имеют никакого окончания, т. к. фонема *-j* здесь относится к основе наст/вр (см. стр. 27).

2. Если в графике основа наст/вр оканчивается на парный по твёрдости/мягкости согласный (т. е. на любой согласный, кроме *j*, *ч*, *щ*, *ж*, *ш*), то основа наст/вр, от которой образуется русский императив, представлена вариантом с мягким исходом, т. е. тем вариантом основы наст/вр, который в индикативе представлен в формах типа *верн-ёшь -ёт* (с мягким [ń]), *нóс-ишь -ит* (с мягким [ś]), а не в формах *верн-у́ -у́т* (с твёрдым [n]) (см. стр. 33). Форма императива зависит (а) от акцентологической характеристики основы наст/вр и (б) от исхода основы.

Здесь следует различать следующие случаи:

а) Если в 1 лице ед/ч презенса ударение падает на окончание, то в императиве появляется ударяемое окончание *-и́*:

	инфинитив	наст/вр	императив
IV класс	*верну́ть*	*верну́*	*верни́!*
V класс	*говори́ть*	*говорю́*	*говори́!*
VI класс	*написа́ть*	*напишу́*	*напиши́!*
	хохота́ть	*хохочу́*	*хохочи́!*
VII класс	*смотре́ть*	*смотрю́*	*смотри́!*
VIII класс	*держа́ть*	*держу́*	*держи́!*

б) Если в 1 лице ед/ч презенса ударение падает не на окон-

чание, то форма императива имеет нулевое окончание -Ø, причём последний согласный сохраняет свою мягкость (на письме -ь):

инфинитив	наст/вр		основа	императив
	1 лицо	2 лицо	наст/вр	
бро́сить	*я бро́шу*	*ты бро́сишь*	*брос-*	*брось!*
уда́рить	*я уда́рю*	*ты уда́ришь*	*удар'-*	*уда́рь!*
изба́вить	*я изба́влю*	*ты изба́вишь*	*избав'-*	*изба́вь!*
ки́нуть	*я ки́ну*	*ты ки́нешь*	*кин'-*	*кинь!*
лезть	*я ле́зу*	*ты ле́зешь*	*лез'-*	*лезь!*

У глаголов, основа наст/вр которых оканчивается на непарные по твёрдости/мягкости согласные *ж*, *ч*, *ш* или *щ*, не чередующиеся с другими согласными (напр. *я ма́ж-у — ты ма́ж-ешь; я спря́ч-у — ты спря́ч-ешь* и т. п.), этот последний согласный основы не может быть «смягчён». На письме, однако, появляется «орфографический показатель» императива -ь:

инфинитив	наст/вр	основа наст/вр	императив
ма́зать	*я ма́жу*	*маж-*	*мажь!*
спря́тать	*я спря́чу*	*спряч-*	*спрячь!*

в) Если основа наст/вр оканчивается на группу согласных, то форма императива получает окончание «безударное -и»:

инфинитив	наст/вр	основа наст/вр	императив
дёрнуть	*я дёрну*	*дёрн-*	*дёрни!*
по́мнить	*я по́мню*	*помн'-*	*по́мни!*

У некоторых глаголов имеются дублеты, например: *морщь/мо́рщи*, *проче́сть/проче́сти*, *испо́рть/испо́рти*. Формы с *-и* следует считать более корректными.

г) Форма императива от глаголов с/в с приставкой *вы́-* (всегда подударной!) оканчивается на безударное -и, независимо от качества последних согласных основы и их сочетаний:

вы́плюнуть	*я вы́плюну*	*вы́плюни!*	(но: *плюнь!*)
вы́бросить	*я вы́брошу*	*вы́броси!*	(но: *брось!*),

хотя здесь возможны колебания типа *вы́сунь/вы́суни*, *вы́ставь/вы́стави* и т. п.

Итак, для образования регулярных форм императива необходимо знать две формы презенса:

1. Форму второго лица ед/ч для установления консонантического исхода того варианта основы наст/вр, от которого

образуется форма императива (напр. *ходи́* от основы *ход'-*, а не от основы *хож-*, ср. *хож-у́*):

2. Форму первого лица ед/ч для установления места ударения (напр. *ходи́* с тем же ударением, что и *хожу́*, но с другим ударением, чем *хо́дишь -ит* и т. п.).

Отклонения[1] от общего правила образования форм немногочисленны:

1. Глаголы типа *дава́ть* (наст/вр *даю́* — *даёшь*, основа наст/вр *даj-*) образуют формы императива от расширенной основы *дава́j-*: ср. *дава́й, встава́й, узнава́й.*

2. Глаголы непродуктивной группы *бить* — *бью* образуют императивы типа *бей, вей, лей, пей, шей*, ср. слвц. *bi, pi, ši.*

3. Глаголы *боя́ться, стоя́ть, петь* образуют формы императива типа *бо́йся, суй, жуй, стой, пой*, хотя, согласно выше приведённому правилу и ввиду форм презенса с наконечным ударением *(боюсь, стою́, сую́, жую́, пою́)*, следовало бы ожидать формы «бои́сь», «стои́», «пои́», «суи́», «жуи́», «стои́», «пои́» и т. п.

4. Глаголы *заку́порить* ‚zazátkovať', *отку́порить* образуют, вопреки правилу (2б), императивы типа *заку́пори, отку́пори* (с безударным *-и*; вместо ожидаемого «заку́порь», «отку́порь»).

5. Глагол *сы́пать, сы́плю* и *кра́пать, кра́плю* образуют императивы *сыпь, крапь* (вместо ожидаемого «сы́пли», «кра́пли».)

6. Императив неправильных глаголов *есть* и *дать* звучит *ешь* (др-русск. *ѣжь*, стслав. *ѣждь*) и *дай* (др-русск. *дажь*, стслав. *даждь*).

7. Императив от глагола *е́хать, е́ду* образуется супплетивно от другой основы: *(по)езжа́й.*

8. У глаголов X класса форма императива образуется от твёрдого варианта основы наст/вр:

лечь	*я ля́г-у*	*(ты ля́ж-ешь)*	*ляг! (ля́гте!)*

Перед окончанием *-и́* задненёбный согласный смягчается:

печь	*я пек-у́*	*ты печ-ёшь*	*пеки́! (пеки́те!)*
помо́чь	*я помог-у́*	*ты помо́ж-ешь*	*помоги́! (помоги́те!)*

и т. п.

[1] Диалектные формы императива здесь не учитываются.

Агглютинативный характер императивных форм

В литературе неоднократно подчёркивался агглютинативный характер славянского императива. Приёмы агглютинации сказываются здесь прежде всего в том, что форма 2 лица мп/ч выражается не самостоятельным окончанием, присоединяемым непосредственно к основе, а присоединением показателя *-те* к форме 2 лица ед/ч. Таким образом императивная форма типа *напиш-и́-те* имеет, строго говоря, два окончания: *-и́* и *-те*.[1]

В императиве возвратных глаголов к готовому окончанию присоединяется ещё и аффикс *-ся*/*-сь*, ср. *запиши́-сь* — *запиши́-те-сь*. Так называемая форма 1 лица мн/ч императива принимает второе окончание *-те*, ср. *запи́ш-ем-те* (о функциях этой формы см. ниже). Ко всем формам императива может быть присоединена ещё частица *-ка*, т. ч. некоторые императивные формы могут иметь до четырёх агглютинативных «прилеп» или «аннексов», ср. *запи́ш-ем-те-сь-ка*, на письме: *запи́шемтесь-ка* ‚nože sa zapíšme!'

Способность императива принимать агглютинативные прилепы стоит в связи с общей тенденцией «призывных» форм к устранению флективных морфем.

Агглютинативный характер императивных форм сказывается в наших языках и в фонетическом плане. Относительная самостоятельность агглютинативной прилепы проявляется в отсутствии ассимиляций, имеющих место на стыке двух флективных морфем. Связь аффикса *-ся* с предшествующей глагольной формой в русском языке настолько тесна, что последний звук глагольной формы обычно сливается с согласным возвратного аффикса в один звук, ср. *обу́ться*, фонет. [абутца], где мягкое [ť] инфинитивного окончания и мягкое [ś] возвратного аффикса утрачивают свою мягкость и сливаются в одно долгое, твёрдое [тц]. В императиве такой ассимиляции нет: форма *забу́дься* звучит не [«забу́тца»], а [zabúť-śa], т. е. с сохранением мягкого [ť] и мягкого [ś].[2]

Аналогичные отклонения от обычных типов ассимиляции согласных имеют место в формах так называемого императива 1-го лица мн/ч в сло-

---

[1] Поясним сказанное наглядным примером: если бы формы презенса были образованы при помощи агглютинативных приёмов, то во множественном числе мы бы имели формы типа «вы пи́шешь-те», причём элемент *-ешь* выражал бы грамматическое (второе) лицо, а элемент *-те* — множественное число. В действительности элемент *-ешь* является, конечно, синкретическим показателем грамматического лица (второго) и грамматического числа (единственного).

[2] Ср. В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 595.

вацком и чешском языках. Шт. Пециар обратил внимание на то, что в словацком языке этимологическая звонкость/глухость шумных согласных, как правило, сохраняется перед флективными окончаниями, ср. твор. мн/ч *dubmi* (с [b]), но *chlapmi* (с [p]). В словацком, перед агглютивной прилепой -me, последний согласный глагольной формы ассимилируется звонкому -m как в позиции «сандхи», т. е. как на стыке двух слов, ср. *kúpme!* (произносится [kúbme] как [kúb‿mi]), *nosme!* (произносится [nozme] как [noz‿mi]) и т. п. В чешском языке, наоборот, глухость последней согласной сохраняется и перед прилепой, ср. *nosme!* (с [s]) и *vezme!* (с [s]). Всё это, по мнению Шт. Пециара, свидетельствует о морфологической самостоятельности агглютинативной прилепы -me.[1]

Наиболее ярко агглютинативный характер русского императива сказывается в том, что элемент *-те* (старое окончание 2 лица мн/ч) оторвался от парадигмы и стал в известном смысле «самостоятельным». Элемент *-те* может присоединяться к междометиям (!) с призывной функцией, если говорящий обращается к собеседнику на «вы» или если он обращается к нескольким собеседникам, ср. *Ве́ра Петро́вна, на́те ваш биле́т; Ребя́та, на́те я́блоки.* Здесь элемент *-те* присоединяется к междометию *на.* В просторечии элемент *-те* иногда присоединяется к междометию *мерси́* в значении «спасибо» (из фр. *merci*): форма *мерси́те*, вышедшая из употребления, одно время считалась «элегантной» в определённых кругах.

Подобные явления не чужды и словацкому языку. Междометие *kuš!* ‚молчать!' (первоначально обозначающее в языке охотников приказание собаке «ложи́сь!» или «лежи́ споко́йно!», из фр. *couches* «ложись») может принять, при обращении к нескольким собеседникам, показатель мн/ч императива *-te*, ср. *Kušte už raz s tým!*

В языке словацких школьников сохранилось латинское приветствие *servus*, до сих пор широко распространённое в Австрии и Венгрии. Дословно латинское слово *servus* обозначает «(покорный) слуга», но на фоне таких императивных приветствий, как *vitaj(te)*,[2] *maj(te) sa dobre* (ср. ещё чеш. *buď zdrár, buďte zdrávi*, русск. *здра́вствуй-те*), воспринимается как «императивная» форма или как междометие. При обращении к нескольким собеседникам к форме *servus* (имя существительное!) может быть присоединён показатель мн/ч императива *-te*: *servuste!*, ср. также *ahoj! — ahojte!* Как видно, показатель *-te* получил и в словацком языке характер агглютинативной прилепы.

[1] Št. Peciar: K výslovnosti a pravopisu spoluhláskových skupín *sj, zj, sl(ľ), zl(ľ), sm, zm, sn, zn, sň, zň, sr, zr, sv, zv* v dnešnej slovenčine. Slovenská reč 10 (1942/43), 200/201.

[2] Слово *vitaj!*, употребляемое в качестве приветствия, отделилось от парадигмы глагола *vítať* «приветствовать», что сказывается в краткости коренной гласной.

Образование формы императива 2 лица множественного числа

Как уже было сказано, форма 2 лица мн/ч императива не имеет в русском и словацком языках своего специфического окончания: она образуется путём присоединения элемента *-te/-te* к готовой форме императива 2 лица единственного числа: *напиш-и́* — *напиши́-те*, слвц. *napíš* — *napíš-te*. В чешском языке старые личные окончания императива отчасти сохранились: глаголы, имеющие в форме 2 лица ед/ч окончание *-i*, образуют форму 2 лица мн/ч (а также форму 1 лица мн/ч) при помощи окончаний *-ěte*, *-ěme (-ete*, *-eme)*, ср. *padn-i* — *padn-ěte* — *padn-ěm*, *vezm-i* — *vezm-ěte* — *vezm-ěm*.

Форма 2 лица мн/ч императива употребляется в тех же случаях, как и форма 2 лица мн/ч индикатива, т. е. при обращении к нескольким лицам *(Ребя́та, помоги́те!)*, или же при обращении к одному лицу в форме вежливости *(Ива́н Ива́нович, помоги́те!)*.

В некоторых случаях при обращении к нескольким лицам в русском языке появляется форма 2 лица единственного числа, напр. *Ну, ребя́та, держи́сь!* ‚drž te sa!', *Гра́ждане, расходи́сь!* ‚rozchod!'. Ср. ещё «*Стой, бра́тцы, стой!* — кричи́т Марты́шка. — *Погоди́те!*» (Крылов). Форма единственного числа употребляется также в военных и физкультурных командах: *Станови́сь!* ‚nástup!', *ровня́йсь!* ‚vyrovnať!'. Такого же происхождения и команда *пли!* ‚páľ!' (из *пали́!*). Форма единственного числа имеется в обороте *Спаса́йся, кто мо́жет!* Употребление форм императива ед/ч при обращении к нескольким лицам связано, по-видимому, с оттенком «собирательности» такого обращения: приведённые команды относятся не к каждому солдату или физкультурнику в отдельности, а к целому соединению, ср. *Ро́та, станови́сь (ровня́йсь, ложи́сь, пли)!*

Императив совместного действия (Образование и значение так называемых форм «императива 1 лица множественного числа»)

Современный русский язык утратил старую форму императива 1 лица мн/ч, ср. стслав. *берѣмъ*, *несѣмъ*, *двигнѣмъ*. Формы на *-ѣмъ* сохранились в чешском языке, ср. *vezm-i* — *vezm-ěm*.

В словацком языке форма императива 1 лица мн/ч образуется посредством присоединения агглютинативного элемента -me непосредственно к форме императива 2 лица ед/ч, ср. *píš — píšme, choď — choďme, pracuj — pracujme, pozri — pozrime.* Таким образом в словацком языке формы императива на -me принципиально отличаются от форм 1 лица мн/ч соответствующих презенсов, ср. *píšme — píšeme, choďme — chodíme, pracujme — pracujeme, pozrime — pozrieme.* В русском языке так называемая форма императива с/в 1 лица мн/ч по своему морфематическому составу во всех случаях совпадает с соответствующей формой индикатива, ср. *мы напи́шем — напи́шем!, мы пойдём — пойдём!, мы ку́пим — ку́пим!* и т. п. Единственным отличием императивной формы от формы презенса в русском языке является полная невозможность употребить при императивной форме местоименный показатель *мы*: ср. в презенсе *мы пойдём* или *пойдём* (без *мы*), но в императиве только *пойдём!* (показатель *мы* исключается).

В русском языке следует различать синтетические и аналитические формы императива 1 лица мн/ч.

Синтетические формы образуются от глаголов совершенного вида: *напи́шем!* (с/в), *пойдём!* (с/в), *ся́дем!* (с/в), *споём* (с/в) и т. п. Единственным исключением из этого правила является небольшая непродуктивная группа однонаправленных глаголов перемещения, образующих синтетическую форму императива 1 лица мн/ч: *идём!, е́дем!* (нс/в). Ср. стр. 495.

Аналитические формы образуются в русском языке от глаголов обоих видов.

У глаголов несовершенного вида аналитические формы являются единственным приёмом образования императива 1 лица мн/ч. В качестве вспомогательных слов (императивных показателей) выступают слова *дава́й (дава́йте)* и *бу́дем (бу́демте)*, сочетающиеся с инфинитивом нс/в, ср. *дава́й(те) писа́ть!* ‚píšme', *бу́дем(те) чита́ть!* ‚čítajme'. Кроме того, существует ещё «избыточная» форма типа *дава́й(те) бу́дем писа́ть* с тем же грамматическим значением.

У глаголов совершенного вида, наряду с синтетической

формой типа *напи́шем(те)!*, имеется ещё аналитический дублет типа *дава́й(те) напи́шем!* с тем же значением.[1]

Исследуемые нами формы традиционно рассматриваются как формы «первого лица множественного числа императива». В отношении формы типа *напи́шем!* такая трактовка может быть признана справедливой, т. к. в русском языке появляются окончания *-ем*, *-ём*, *-им*, формально тождественные с окончаниями 1 лица мн/ч презенса. Но в аналитических формах типа *дава́й писа́ть!*, *дава́й напи́шем!*, *дава́й бу́дем писа́ть!* императивным показателем является слово *дава́й*, т. е. по своему происхождению бесспорно форма второго лица ед/ч. Даже если слово *дава́й* в приведённых сочетаниях считать частицей, то и тогда основной функцией всего высказывания остаётся обращение к собеседнику, т. е. ко «второму» лицу. Можно ли тут ещё говорить об императивной форме именно «первого» лица множественного числа?

Мы знаем далее, что, наряду с формами *напи́шем*!, *дава́й писа́ть*!, *дава́й напи́шем*! и т. п., в русском языке существуют формы типа *напи́шемте!*, *дава́йте писа́ть!*, *дава́йте напи́шем!*, содержащие показатель второго лица *-те*. Можно ли и эти формы безоговорочно считать формами императива «первого» лица множественного числа?

Императивные формы типа *напиши́* и *напиши́те* могут, как известно, сочетаться в пределах одной конструкции с личными местоимениями второго лица *ты* и *вы*, ср. *напиши́ ты мне*, *напиши́те вы мне*. Личное местоимение 1 лица мн/ч *мы* ни при каких условиях не может сочетаться с императивной формой типа *напи́шем!*, потому что общая семантика местоимения *мы* и императивной формы *напи́шем* друг другу не соответствуют.

---

[1] Форму *дава́й* в составе аналитических императивных форм не следует отождествлять с глаголом *дава́ть* в значении ‚dávať'. Глагол *дава́ть* в русском языке может соответствовать слвц. глаголу *nechať*, нем. *lassen*, англ. *to let*, ср. *Он не дава́л мне договори́ть* ‚nenechal ma dohovoriť'. Глаголы с таким значением употребляются (или употреблялись) в ряде языков в описательных призывных оборотах, ср. нем. *laß(t) uns schreiben!* «дава́й(те) писа́ть», англ. *let us write!* ‚(na)píšme'. Словацкая частица *nech* (чеш. *nechť*) восходит к форме императива глагола *nechať*, ср. также укр. *хай*, *нехай* ‚nech' в сочетаниях типа *хай живе́!* ‚nech žije!' Отметим, что и русские частицы *пусть* и *пуска́й* ‚nech' являются окаменелыми формами императива глаголов *пусти́ть* и *пуска́ть*.

Форма *напи́шем* является формой императива, а мы знаем, что императив предполагает специфическую речевую ситуацию «обращения», в котором глагольная форма может касаться только лиц А и В, являющихся участниками речевого акта. Форма *напи́шем!* выражает призыв к совместному действию, т. е. к действию, в котором будет участвовать и сам говорящий. Этот призыв относится не просто к «нам», а именно к «тебе» (или к «вам»). Вот почему, строго говоря, императивная форма типа *напи́шем!*, как и всякая другая императивная форма, может иметь значение только второго лица. От формы *напиши́* разбираемая здесь форма *напи́шем* отличается лишь тем, что в действии, к которому А призывает собеседника В, примет участие и сам А. Мы будем называть такие формы — формами совместного действия; «совместность» действия выражена и грамматически в таких формах, как *дава́й* (2 лицо) *бу́дем* (1 лицо мн/ч) *писа́ть!* В литературе такие формы иногда называются «включительными» или «инклюзивными».[1]

Теперь станет вполне понятным, почему значение императива 2 лица совместного действия может быть представлено в русском языке формами *напи́шем* и *напи́шемте*: форма *напи́шем* является формой единственного числа, а форма *напи́шемте* — формой множественного числа 2 лица императива совместного действия. *Напи́шем* относится к *напиши́* также, как *напи́шемте* к *напиши́те*. Форма *напи́шем* употребляется при наличии одного собеседника («тебя»), форма *напи́шемте* — при наличии нескольких собеседников или же одного собеседника, к которому говорящий обращается в форме вежливости («на вы»); ср.:

Ва́ня, послу́шай, пойдём домо́й! (обращение «на ты»)
Ребя́та, послу́шайте, пойдёмте домо́й! (обращение «на вы»)
Ива́н Ива́нович, послу́шайте, пойдёмте домо́й!

Обе формы являются членами оппозиции. Форма на *-те* употребляется при обращении к нескольким собеседникам или к одному собеседнику «на вы». Форма без *-те* (слабый член оппозиции) оставляет число собеседников или оттенок вежли-

---

[1] Ср. R. Jakobson: Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb, Harvard, 1957, 6.

вости невыраженными. Поэтому возможны и такие предложения:

Ребя́та, пойдём домо́й!
Ива́н Ива́нович, пойдём домо́й![1]

Приведём для наглядности таблицу возможных синтетических и аналитических форм императива «совместного действия»:

	совершенный вид	несовершенный вид
Обращение «на вы» выражено (несколько собеседников; форма вежливости)	*напи́шемте!* *дава́йте напи́шем!*	*дава́йте писа́ть!* *бу́демте писа́ть!* *дава́йте бу́дем писа́ть!*
Обращение «на вы» не выражено (применяется обычно при наличии одного собеседника)	*напи́шем!* *дава́й напи́шем!*	*дава́й писа́ть!* *бу́дем писа́ть!* *дава́й бу́дем писа́ть!*

[1] В некоторых грамматиках дело представляется так, будто бы только форма на *-те* (тип *пойдёмте*) выражает «включение» говорящего в действие. В учебнике «Современный русский язык» (1952) только формы типа *прочтёмте, пойдёмте* считаются «инклюзивными»; эти формы противопоставляются «обычной» (?) форме 1 лица мн/ч типа *читаем*, которая, якобы, «собеседника не включает» (350/51). Но эта «обычная» форма *читаем* может быть только формой индикатива, т. к. от глагола нс/в *читать* императив совместного действия не образуется. Действительно, форма индикатива *читаем* не включает собеседника. Но ведь форма *пойдёмте* является «инклюзивной» не потому, что она включает собеседника, а только потому, что она в действие, к которому призывает говорящий собеседника, «включает» и самого этого говорящего. А в этом отношении нет никакой разницы между формами *пойдём* и *пойдёмте:* обе формы «включают» говорящего.

«Обычная» форма типа *чита́ем* может, конечно, быть транспонирована в побудительное предложение, но она и там остаётся индикативной, ср. *Ну, на́чали!; Ну, начина́ем!* ‚tak už začíname!' Чисто негативная семантика индикатива допускает такую транспозицию (ср. стр. 473). Форма *начина́ем* имеет здесь значение 1 лица мн/ч индикатива, а не значение императива совместного действия, в чём можно легко убедиться: к форме *начина́ем* может быть присоединён показатель 1 лица мн/ч — *мы* (ср. *Ну, мы начина́ем!*), что в императиве совместного действия невозможно.

В Академической грамматике указывается, что форма императива 1 лица мн/ч «произносится с особой, повелительной интонацией» (I 499). Это не совсем точно, т. к. грамматическая форма, отдельно взятая, не имеет и не может иметь никакой особой интонации. Интонация свойственна предложениям, а не формам. Но и побудительные предложения, содержащие императивную форму, не должны произноситься с какой-то «особой, повелительной» интонацией. Учитель, обращающийся к ученикам с призывом *Дава́йте чита́ть!* может произнести это предложение с той же интонацией, с какой диктор московского радиовещания произносит предложение *Говори́т Москва́*. Пока вопросы интонации не будут тщательно изучены, всякая ссылка на «особую» интонацию остаётся голословной и очень мало даёт для характеристики того или иного языкового явления.

В учебнике «Современный русский язык» (1952) аналитическим формам типа *дава́йте начнём* приписывается «просторечный характер», причём указывается, что они не могут «считаться нормой литературного языка» (289). Что касается форм типа *дава́й(те) писа́ть* и *бу́дем(те) писа́ть*, *дава́й напи́шем*, то они стилистически столь же нейтральны, как и всякие другие формы императива. Как и прочие формы императива, они бытуют преимущественно в диалоге. Поскольку аналитические формы *дава́й(те) писа́ть* или *бу́дем(те) писа́ть* являются в русском языке единственными парадигматическими формами императива совместного действия от глаголов нс/в, то они употребляются говорящими — в том числе и носителями литературной нормы — боз каких бы то ни было стилистических ограничений во всех случаях, где надо выразить форму императива совместного действия от глагола нс/в. Формы с/в типа *дава́й(те) напи́шем!* являются дублетами синтетических форм типа *напи́шем!*, но и они вполне нормальны в языке образованных людей, ср.:

Дава́йте посиди́м вме́сте (Чехов, Три сестры).

Ну, тогда́ *дава́йте начнём* проводи́ть подпи́ску (Попов, Сталь и шлак).

Эти формы, свойственные (как и всякие другие формы императива), прежде всего, диалогической речи, имеют оттенок непринуждённости, но о «нарушении» литературной нормы здесь говорить не приходится. Другое дело, что — в рамках литературного языка — формы типа *дава́й(те) бу́дем писа́ть!* носят определённую фамильярно-интимную стилистическую окраску.

Употребление при формах императива личных местоимений

При формах императива (кроме форм «совместного действия») могут стоять личные местоимения *ты* или *вы*, ср. *напиши́ ты мне, напиши́те вы мне.* Как вытекает из призывной функции императивных форм, эти местоимения являются одновременно выразителем «субъекта» действия, и формами обращения

(oslovenia).[1] Местоимения могут стоять как перед императивной формой, так и после неё. Оттенки значений, сообщаемые присутствием личных местоимений в императивных предложениях, очень мало изучены. Можно утверждать, что присутствие местоимения снимает оттенок категоричности приказания или запрета, ср.:

приказание:	*напиши́ (э́то сло́во)!*
запрет:	*не пиши́ (э́того сло́ва)!*
побуждение:	*ты напиши́ (домо́й)!*
предостережение:	*ты не пиши́ (об э́том)!*
совет:	*напиши́ ты (всю пра́вду)!*
	не пиши́ ты (об э́том)!

Побудительная форма (hortatív)

Императив выражает целую шкалу значений: от прямого приказания, побуждения к действию, через приглашение, предупреждение, совет, заклинание к просьбе.

Категорический характер приказания может быть смягчён присоединением к форме императива частицы *-ка*, напр. *напиши́-ка* ‚nože napíš', *скажи́-ка* ‚nože povedz', *да́йте-ка* ‚nože dajte', *пойдёмте-ка* ‚nože poďme'. В этих формах выражается «непринуждённость, простота обращения» (Акад. грамм. I 501). Частица *-ка* присоединяется только к положительным формам императива, примарно выражающим приказание.

Ввиду того, что частица *-ка* может присоединяться не только к формам императива, но и к формам презенса с/в, некоторые исследователи считают возможным выделять в русском языке особое «побудительное наклонение» (hortatív).[2]

Побудительная форма 1 лица ед/ч состоит из формы презенса с/в, к которой присоединяется частица *-ка*, ср. *Напишу́-ка (я) ему́ письмо́!* Побуждение, выражаемое данной формой, относится здесь к самому говорящему: A и B здесь совпадают. Такие предложения по своей структуре близки к так называемым делиберативным вопросам, т. е. к вопросам, которые говорящий

---

[1] S. Karcevski: Système du verbe russe, 1927, 137.
[2] R. Jakobson: Shifters..., 1957, 7.

задаёт сам себе (напр. *Не написа́ть ли мне ему́ письмо́? А что́, е́сли б я ему́ написа́л письмо́?*). В переводе на словацкий язык побудительные формы 1 лица ед/ч лучше всего передаются именно делиберативным вопросом: ‚Čo keby som mu napísal list?' или ‚Mal by som mu napísať list!'

Побудительная форма 1 лица ед/ч может быть выражена также аналитическими средствами»: сочетанием слова *дай* с формой презенса (но без местоименного показателя):

Вы́шел науга́д, ви́жу — у вас свет. *Да́й*, ду́маю, *зайду́* (В. Панова, Кружилиха). — ‚Čo keby som reku zašiel?'

Сочетание типа *дай зайду́* по форме и по значению приближается к собственному императиву, т. к. форма *дай* выражает здесь обращение, столь характерное для «императивной ситуации». В данном случае говорящий является одновременно и автором призыва (А), и адресатом этого призыва (В). Другие примеры:

Не вы́терпела про́тив тако́го собла́зну. *Да́й*, ду́маю, *пола́комлюсь* да *спляшу́* с молодёжью (Вс. Кочетов, Журбины). — ...*я* и поду́мал себе́: *да́й* у Фе́дьки сапо́г *попрошу́* (Л. Толстой, Три смерти).

В просторечии имеется частица *сём* или *сём-ка*, употребляющаяся в сочетании с формой 1-го лица ед/ч презенса с/в в значении побудительной формы:

Вдруг... о́так в го́лову придёт: *сём-ка попро́бую* э́то средство (Тургенев). ‚Čo keby som skúsil tento prostriedok!'
Сём-ка и *я́ понаве́даюсь* к ней (Некрасов).

Формы 1 лица ед/ч презенса с/в с частицей *-ка (напишу́-ка)*, с *дай (да́й напишу́)* и с *сём-ка (сём-ка напишу́)* несомненно отличаются от собственно императивных форм типа *напиши́*. Остальные императивные формы с частицей *-ка (напиши́-ка, напиши́те-ка, напи́шем-ка, дава́й-ка напи́шем* и т. п.) являются не парадигматическими формами, а сочетаниями глагольной формы с частицей, ср. слвц. ‚poďme napíš!'. На наш взгляд, нет достаточных оснований выделять эти сочетания в особое «побудительное наклонение» (hortatív). Достаточно указать, что в формах 1 лица ед/ч презенса особая «побудительная модальность» (модальность «смягчённого приказания») может быть выражена присоединением к форме императива частицы *-ка*.

Употребление видов в императиве

Глагольные виды употребляются в императиве в соответствии с их общими грамматическими значениями.

Совершенный вид обозначает целостное, сомкнутое событие. Естественно, что такое «событие» в императиве представляется как имеющее совершиться в перспективе будущего, т. е. как ещё нереальное действие, ср. *Принеси́ мне воды́!* — действие, к которому говорящий призывает, будет исполнено после момента речи. Здесь общее значение совершенного вида сочетается с общим значением императива, как действия «нереального». Поэтому прав Д. Н. Шмелев, отметивший, что применительно к единичным действиям формы императива с/в являются более «нейтральными».[1]

Если формой императива надо выразить призыв к повторным, узуальным действиям, то употребляется форма императива нс/в: *Пиши́те поча́ще!*, *Всегда́ говори́ пра́вду!*, *Отвеча́й, когда́ тебя́ спра́шивают.* Так как в этом значении форма нс/в не «конкурирует» с формой императива с/в, то она здесь является в модальном и экспрессивном отношениях вполне «нейтральной».

Однако в ряде случаев императив нс/в может иметь значение не «приказания», а вежливого приглашения к действию.

Учитель обращается к ученикам со словами: «*Войди́те* в класс, *разде́ньтесь* и *ся́дьте* на места́!» (с/в). Формы совершенного вида здесь отчётливо выражают строгое, категорическое приказание.

Гостеприимный хозяин дома обращается к милым гостям со словами: «*Входи́те, раздева́йтесь* и *сади́тесь!*» (нс/в). Здесь выражено не приказание, а вежливое приглашение.[2] Оттенок призыва к «немедленному выполнению действия» у этих форм нс/в отсутствует. Подобное употребление форм императива нс/в в русском языке приобретает особое значение в сопоставительном плане: ни в словацком, ни в чешском языке здесь нельзя употребить формы нс/в (типа «vchádzaj»). Оттенок вежливого приглашения в подобных случаях выражается в словацком или

[1] См. Д. Н. Шмелев: О значении вида в повелительном наклонении, РЯШ 20 (1959), 4, 14.

[2] И. В. Устинов: Материалы и методические указания к курсу «Современный русский язык», М. 1946, 86. — А. М. Финкель и Н. М. Баженов: Современный русский литературный язык. Киев 1951, 272.

чешском лексически: *Nech sa páči vojsť*, чеш. *Posaďte se, prosím*. Подобный оттенок вежливого приглашения имеется в таких предложениях, как *Закýривайте!* ‚zapáľte si, *prosím!*'

Если призыв содержит оттенок «условного приглашения», т. е. не конкретное, а только возможное действие, то в русском языке употребляется форма императива нс/в: *Заходи́те!* ‚Zastavte sa *niekedy* u nás'. При уточнении: *Зайди́те во вто́рник!*

Всё сказанное относится к императивным формам в не-отрицательных предложениях.

В сочетании с отрицанием общее грамматическое значение глагольных видов даёт несколько иные модальные оттенки (так называемый prohibitív).

Применительно к единичным действиям отрицательная форма императива нс/в типа *Не пиши́!* выражает запрет, относящийся к конкретному действию, или уже совершаемому в момент речи, или непосредственно предстоящему. Такое модальное значение императива нс/в объясняется общей способностью несовершенного вида выражать (в индикативе) «актуальные» действия.

Совершенный вид не может, как мы знаем, обозначать «актуальное» действие. Поэтому форма императива с/в типа *Не упади́!* ‚nepadni!' или *Не простуди́сь!* ‚nenachladni!' употребляется в тех случаях, когда говорящий хочет помешать осуществлению «угрожающего» (в будущем) действия, хочет предупредить (varovať) собеседника. Примеры: *Не забу́дь позвони́ть!*, *Не опозда́й к обе́ду!* ‚Nepríď neskoro k obedu!'

Значение предостережения (varovania) подчёркивается присоединением слова *смотри́* ‚daj/dávaj pozor, aby ...', напр.: *Смотри́ не простуди́сь!* ‚Dávaj pozor, aby si neprechladol', *Смотри́ не упади́!* ‚pozor, nepadni'.

Применительно к узуальным действиям форма императива нс/в употребляется без посторонних модальных оттенков: *Не простужа́йся!*[1], *Не опа́здывай к обе́ду!*, *Не забыва́й!*

[1] В словацком языке не всегда можно употребить форму нс/в императива. Нельзя, например, сказать «neprechládaj». Для передачи того оттенка, который в русском языке связан с отрицательной формой императива нс/в, в словацком языке могут быть использованы видовые различия глагола в сочетаниях *dať (si) pozor* и *dávať (si) pozor*: *Смотри́ не простуди́сь!* ‚*Daj* si pozor, aby si neprechladol!' — Смотри́ *не простужа́йся!* ‚*Dávaj* si pozor, aby si neprechladol!'

Та же форма нс/в ставится в предупредительном значении, если в будущем предвидятся повторные действия: *Не опáздывай на лéкции!*, *При перепрáвах не простужáйся!* Если предостережение относится к единичному случаю, то ставится форма с/в: *Не опоздáй на лéкцию!*, *(Смотрú) не простудúсь при перепрáве!*

Как видно, общее грамматическое значение глагольных видов своеобразно преломляется в сочетании с общей семантикой императива, выражающего «нереальное» действие.

В качестве одного из доказательств «соотносительности» видовых пар часто приводится и «чередование» видовых «форм» в положительной и отрицательной форме императива. На вопрос «Мóжно написáть?» в ответе будет или «Напиши́!» (с/в), или «Не пиши́!» (нс/в). Из этого делается заключение, что глаголы *написáть* и *писáть* являются формами одного глагола, т. е. чистовидовыми парами.[1] Если бы удалось доказать, что утвердительная форма императива (приказание) отличается от отрицательной формы императива (запрет) во всех случаях только своим видовым значением (напр. *открóй — не открывáй*), то нам бы пришлось отказаться от одного из наших основных положений: глагол типа *написáть* оказался бы не результативной совершаемостью к глаголу *писáть*, а чистовидовой формой с/в к глаголу *писáть*.

Более внимательное отношение к разбираемым фактам показывает, однако, другое. Призыв к немедленному исполнению действия, выраженный любым совершаемостным глаголом с/в, соответствует запрету, выраженному бесприставочным глаголом нс/в, ср. «Мóжно почитáть?» — «Почитáй!» — «Не читáй!»; «Мóжно попúсать?» — «Попиши́!» — «Не пиши́!»; «Мóжно прилéчь?» — «Приля́г!» — «Не ложúсь!» и т. п. Никто, конечно, не будет утверждать, что глаголы *почитáть* и *читáть*, *попúсать* и *писáть*, *прилéчь* и *ложúться* слéдует рассматривать как «соотносительные» видовые пары. Глаголы с/в являются здесь совершаемостными образованиями, причём совершенно безразлично, идёт ли речь о совершаемости ограничительной *(почитáть, попúсать)*, смягчительной *(прилéчь)* или результативной *(написáть)*. Следовательно, «чередование» форм типа *напиши́/не пиши́* в императиве само по себе ещё не является достаточным

[1] А. Н. Гвоздев: О соотношении форм совершенного и несовершенного видов, РЯШ 16 (1955), 2, 13-14.

доказательством видовой соотнесённости участвующих в данных конструкциях глаголов.

Запрет *(не пиши́)* не является отрицанием приказания, т. к. это приказание может принять форму обоих видов: *пиши́*! и *напиши́*! Запрет является в сущности приказанием к неисполнению действия, причём это приказание относится не только к конкретному единичному действию, а имеет более общее значение: *не пиши́*! (сейчас или вообще).

Характерно, что у глаголов перемещения призыв к «немедленному выполнению действия» выражается императивной формой однонаправленного глагола *(Иди́ сюда́! Неси́ свои́ ве́щи!)*, а призыв к невыполнению действия (запрет) выражается императивной формой неоднонаправленного глагола *(Не ходи́ сюда́! Не носи́ свои́х веще́й!)*. Ясно, что разница между *иди́* и *не ходи́*, между *неси́* и *не носи́* не может быть сведена к разнице в виде, т. к. оба глагола перемещения *(идти́/ходи́ть, нести́/носи́ть)* имеют значения несовершенного вида.

Дело здесь обстоит несколько сложнее: отрицательная форма императива (тип *не ходи́, не пиши́*) не является простым отрицанием формы положительной *(иди́, пиши́/напиши́)*. Ясно, что формы *иди́* и *не ходи́* не противопоставлены по тому же признаку, как индикативные формы *ты идёшь — ты не идёшь*. У глаголов, представленных видовыми парами *(откры́ть//открыва́ть)*, приказание может быть выражено формами *откро́й* и *открыва́й*, но запрет — только формой *не открыва́й*. У одновидовых глаголов приказание может быть выражено совершаемостной формой *(почита́й, попиши́, приля́г, напиши́)*, а запрет — только формами бесприставочных глаголов несовершенного вида *(не чита́й, не пиши́, не ложи́сь)*. Ни о каком «системном чередовании» видовых форм в положительном и отрицательном императиве не может быть и речи. Эти вопросы заслуживают более тщательного анализа в свете учения о совершаемостях и о характере глагольного действия.

Транспозиция императива

О транспозиции императива можно говорить во всех тех довольно многочисленных случаях, когда форма повелительного наклонения употребляется вне специфической ситуации обра-

www.ruslang.ru

щения, т. е. вне «диалога». Императив, как особое глагольное наклонение, ограниченное кругом двух непосредственных участников «диалога», может быть перенесён, «транспонирован» в такой контекст, где специфическая ситуация диалога («обращения») грамматически устранена. Следует различать случаи, когда устранён «собеседник», от случаев, когда грамматически устранены оба участника «диалога». Естественно, что подобная транспозиция императивной формы в несвойственный ей контекст влечёт за собой серьёзные сдвиги в модальном значении форм императива.

«Собеседник» (В) оказывается грамматически «устранённым» в императивных (идиоматически связанных) предложениях, содержащих пассивную глагольную форму типа *Будь ты про́клят!*, ср. слвц. *Buď vítaný!* Здесь уже нет призыва к выполнению действия, обозначенного глаголом, т. к. речь идёт, так сказать, о «пассивном действии» *(быть про́клятым)*, которое не может быть выполнено никаким «субъектом». Вот почему пассивный императив не является призывом или побуждением к действию: он выражает скорее пожелание говорящего. А так как пожелание не должно быть обязательно адресовано к собеседнику (в данном случае «пожелание» вообще не имеет «адресата»), то оно может относиться к любому грамматическому «лицу», ср. *Будь ты про́клят!*, *Будь я про́клят!*, *Будь мы про́кляты!* Внутренняя связь, существующая в императиве между глаголом и «вторым лицом» (собеседником), здесь оказывается утраченной. Форма императива 2 лица ед/ч *будь* сочетается с любым «лицом» *(я, мы, вы, они, он)*. В словацком языке подобные «пожелания» выражаются желательными предложениями: *nech som prekliaty!*, *nech sme prekliati!* (но во 2 лице: *buď prekliaty!*):

«Собеседник» (В) может быть грамматически устранён и в активных императивных предложениях. Сочетание двух обращений (именного и глагольного) типа *bože! chráň!* превращается в «заклинание» типа *božechráň*, русск. *упаси́ бог*, *бо́же сохрани́!*, *бо́же упаси́!*, *бо́же изба́ви!* Первоначальное императивное значение «просьбы» утрачивается ввиду устранения «лица», к которому эта «просьба» обращена: предложение приобретает сперва значение желательное (оптативное), а затем превращается в междометие или в модальное выражение, ср. *Е́сли ты, сохрани́ бо́же, заболе́ешь, то...* ‚ak nedajbože ochorieš'... .

О транспозиции императива следует говорить и в тех случаях, когда собеседник (В) не может *произвольно* выполнить действие, к которому

говорящий (А) его призывает, напр. *Провали́сь ты на ме́сте!* Подобного рода заклинания обращены, собственно говоря, не к собеседнику (В), а к каким-то «сверхъестественным» силам. Таким образом и здесь собеседник устраняется, т. к. он сам не может участвовать в действии, выраженном глаголом. Вот почему место «собеседника» может занять любое грамматическое лицо, ср. *Провали́сь я на ме́сте!* ‚nech sa na mieste prepadnem!', *Отсо́хни язы́к, е́сли я вру!* ‚nech mi jazyk odpadne, ak cigánim!' Как видно, императивная модальность в подобного рода заклинаниях превращается в модальность оптативную.

Полное разрушение императивной ситуации, т. е. полное грамматическое устранение о б о и х участников «диалога», имеется в следующих случаях:

До́брый до́ктор Айболи́т.
Он под де́ревом сиди́т.
Приходи́ к нему лечи́ться
и воро́на, и лиси́ца,
и жучо́к, и червячо́к,
и медве́дица.

(К. Чуковский)

Форма *приходи́* сохраняет здесь своё модальное значение призыва или побуждения, но это побуждение не исходит от «говорящего» и не обращено к какому-либо «собеседнику». «Призыв», связанный здесь с формой *приходи́*, представляется как данный или существующий вне волеизъявления говорящего и как бы «возлагаемый» (ukladaný) на лица, стоящие вне ситуации прямого обращения. В словацком языке приведённое место можно было бы перевести так: ‚nech k nemu príde vrana alebo líška...'

В других случаях императивная форма, стоящая в контексте, исключающем участие говорящего и собеседника, может выражать модальность долженствования (нем. Soll-Modalität). Примеры:

Все ушли́, а я *сиди́* до́ма.
Вам хорошо́, а я сы́па в университе́те *содержи́*, ма́лых в гимна́зии *воспи́тывай* (Л. Толстой).

В словацком языке подобные конструкции обычно передаются конструкциями с *aby:* ‚Všetci odišli, a *ja aby som sedel* doma! — ‚... *aby človek* stále platil'. Г. Горак, однако, приводит из прозы М. Кукучина императивные конструкции вполне аналогичные приведённым русским построениям: »Chlap si myslí, že je bohvie

čo a žena len rob a hrdluj na takých... takých — trúdov!« — »Potom biedna mať plač a sužuj sa...«[1].

Грамматическое устранение говорящего и собеседника особенно наглядно проявляется в императивных обобщённо-личных предложениях типа *Поди́, разбери́сь!* ‚nech sa človek v tom vyzná!'

Наиболее углублённый анализ русского императива был проведён почти сто лет тому назад Н. Некрасовым в его замечательной книге «О значении форм русского глагола» (СПб. 1865). Анализируя «объём и употребление в языке» форм императива, т. е. пытаясь определить наиболее общее грамматическое значение этих форм, проявляющееся в частных значениях, Н. Некрасов приходит к выводу, что императив в русском языке является «общей личной формой глагола». Императив не выражает «повеление» и не обозначает именно «второе лицо» (105). В императиве связь глагола с грамматическим лицом очень свободная: говорящий «распоряжается, так сказать, действием, приписывая его какому-либо известному лицу» (106). Если можно сказать *я сиди́, он сиди́, мы сиди́ до́ма* и т. п., то действительно, с формальной точки зрения форма *сиди́* может быть истолкована как «общая личная форма» (в отличие от таких личных форм, как *я сижу́, ты сиди́шь, он сиди́т*). Но всё же значение «повеления» является основной, примарной функцией императива. Здесь связь глагола с «лицом» (именно со вторым лицом) бесспорна. Эта связь утрачивается лишь в транспозиции, т. е. в случаях «переносного», вторичного употребления императивных форм, в которых действие «возлагается» (ukladá sa) субъекту.

Драматический императив

В русском языке, особенно же в повествовании, форма императива 2 лица ед/ч совершенного вида может употребляться в повествовательных предложениях в качестве драматизирующего стилистического приёма.

Целесообразно исходить из таких случаев, когда форма императива обозначает действия, независимые от человеческой воли:

И присни́сь мне в э́ту ночь *моя́* поко́йная ма́тушка.

«Действие», обозначаемое глаголом *присни́ться*, не зависит от человеческой воли и поэтому не может быть выполнено «по команде». Форма *присни́сь* здесь выражает неожиданность, немотивированность действия. В словацком языке такой модальный оттенок можно передать лексически: ‚A *zrovna* tejto noci sa mi snívalo s mojou nebohou matkou'. Оттенок неожидан-

[1] G. Horák: K využitiu slovesného času a spôsobu v slovenčine, Studie ze slovanské jazykovědy, Praha 1958, 230.

ности действия может быть передан в словацком (чешском) языке и другими средствами: если поставить глагол в отрицательной форме[1] и произнести предложение с восклицательно-вопросительной интонацией, то модальный оттенок неожиданности будет передан вполне адекватно: ‚A *nesnívalo sa* ti mi tejto noci s mojou nebohou matkou!?' Оттенок неожиданности, выражаемый формой *присни́сь*, сообщает повествованию известную драматичность; вот почему мы сочли возможным назвать разбираемые здесь формы «драматическим императивом».[2] Примеры:

Ба́рин твой приказа́л мне отнести́ к его́ Ду́не запи́сочку, *я́ и позабу́дь*, где Ду́ня-то живёт (Пушкин).
Оте́ц мой ему́ и *полюби́сь* (Тургенев).
И *покажи́сь* Про́хору: толпа́ всей ма́ссой с я́ростными кри́ками несётся к его́ до́му (Шишков, Угрюм-река).

У глаголов, обозначающих произвольные действия, драматический императив имеет значение внезапного, неожиданного и немотивированного действия («ни с того́, ни с сего́»), ср. *Я́ с ним шучу́, а о́н и удáрь меня́ по голове́* ‚Žartujeme spolu, a *neudrie* ma z ničoho nič po hlave!?'

Модальное значение неожиданности эксплицитно выражается в стереотипных конструкциях типа *возьми́ да укуси́ (возьми́ и укуси́; возьми́ да и укуси́)*, ср. *А соба́ка меня́ возьми́ да и укуси́*[3] ‚a pes *si zmyslí a pohryzne ma*'. Примеры:

Ка́к-то, когда́ настрое́ние бы́ло осо́бенно тяжёлым, безра́достным, *я возьми́ да и прочти́ э́ти пи́сьма* (Павленко, Голос в пути).

В традиционной грамматике эти формы рассматриваются как «особые формы, совпадающие с формами 2 лица ед/ч повелительного наклонения» (Акад. грамм. I 492). Акад. В. В. Виноградов

---

[1] Отрицание является средством выражения самых разнообразных модальных оттенков, ср. *Co nevravíte!* «что вы говорите!» Здесь нет логического отрицания. Данное предложение выражает удивление говорящего, вызванное неожиданностью сообщения, полученного им от собеседника.

[2] Ср. А. В. Исаченко: К вопросу об императиве в русском языке. РЯШ 18 (1957), 6, 12.

[3] Глагол *взять* обозначает здесь не ‚vziať', а «вздумать», ‚zmyslieť si', ср. *С чего́ ты взял?* ‚odkiaľ to máš? odkiaľ si si to vymyslel?' Сочетания с этим глаголом широко распространены и в индикативе, ср. *Я взял и верну́лся* (прош/вр) ‚zmyslel som si a vrátil som sa', *Он возьмёт и вернётся* (буд/вр) ‚zmyslí si a vráti sa; napadne ho a vráti sa'.

включает эти формы в раздел «Прошедшее время мгновенно-произвольного действия», считая их «особыми формами», в современном языке не имеющими «ничего общего с повелительным наклонением» (Русский язык, 1947, 553). Здесь сказывается наследие Н. Некрасова, считавшего формы типа *возьми́ да укуси́* «общей личной формой глагола» (см. стр. 498).

Утверждение, будто данные формы обозначают «прошедшее время», основано на недоразумении. Авторы, писавшие об этом своеобразном явлении русского глагола (Буслаев, Аксаков, Потебня, Шахматов, Булаховский и др.), правильно отмечали, что эти формы встречаются преимущественно в повествовании. Поскольку в эпическом повествовании широко используются формы прошедшего времени, формы типа *а он и верни́сь; соба́ка возьми́ да укуси́* были истолкованы как формы, имеющие общее значение «прошедшего времени». Однако общую семантику разбираемых форм нельзя отождествить со значением прошедшего времени. Формы драматического императива можно сравнить по их общей семантике с формами исторического настоящего. Историческое настоящее обозначает действия, совершившиеся в объективном прошлом, ср. *Все молча́ли; вдруг Ва́ня встаёт и говори́т.* Но историческое настоящее не «синонимично» с формами прошедшего времени. Форма презенса здесь употребляется в определённых целях: для оживления повествования, для придачи ему бо́льшей динамичности, драматичности. Такую же функцию имеют и формы драматического императива. Было бы ошибочным думать, что форма драматического императива в предложении *а он вдруг возьми́ да и пригласи́ меня́ к себе́ на ве́чер* (Тургенев) обозначает то же, что форма прошедшего времени в предложении: *а он вдруг пригласи́л меня́.* Если передавать сочетание *возьми́ да и пригласи́* в индикативе, то специфическому «драматическому» оттенку императива скорее соответствует форма настоящего исторического, т. е. форма презенса: *Я пришёл к нему́ записа́ться на курс, а он вдруг приглаша́ет меня́ к себе́ на ве́чер.* Отсюда следует, что форма драматического императива по своей общей семантике ближе всего подходит не к прошедшему времени, а к презенсу (настоящему историческому), хотя сама по себе форма императива, конечно, не имеет никакого временно́го значения.

Если передать предложение *Я к нему́ по-хорбшему, а он и*

накричи́ на меня́ средствами индикатива, то форму драматического императива *(накричи́)* можно было бы передать также сочетанием *а он как накричи́т на меня́*, т. е. опять-таки формой (перфективного) презенса. Важно при этом, что формы драматического императива образуются только от глаголов совершенного вида. Выше говорилось о том, что настоящее исто́рическое в русском языке выражается формами презенса несовершенного вида, ср. *вдруг вхо́дит оте́ц*. В словацком и чешском языках настоящее историческое может быть выражено также формой презенса совершенного вида, ср. Sedíme pri stole, vtom *vojde* otec (дословно: *войдёт*). Форма с/в *vojde* более «драматична», чем форма нс/в *vchádza*, т. к. обозначаемый ею акт представляется как свершившееся событие, а не как «эпически» протекающий процесс. По своей семантической нагрузке форма презенса с/в *(vojde)* ближе всего подходит к форме драматического императива с/в типа *а он накричи́ на меня́*. Но, разумеется, форму драматического императива ни в коем случае нельзя отождествлять с формой презенса с/в. И в контексте повествовательного предложения форма императива *(возьми́ да укуси́; а он и накричи́ на меня́)* сохраняет определённую модальную окраску, несвойственную формам презенса.

Как форма императива могла попасть в «индикативный» план повествовательных предложений?

Благоприятным условием для возникновения и развития драматического императива в русском языке было, очевидно, то обстоятельство, что в русском языке уже в историческое время была сильно ограничена возможность употребления глаголов с/в в функции настоящего исторического. Драматический императив мог отчасти заполнить этот ощутимый пробел. Характерно, что в чешском или словацком императив с/в не был транспонирован в плоскость повествовательного предложения, т. к. в этих языках презенс с/в (тип *vojde*, *zavolá*) свободно употребляется в значении исторического (драматического) настоящего.

Не исключено, что сочетание типа *а он и верни́сь* так или иначе восходит к эллиптическому сокращению предложения: *а он* [*подумал*]: *«верни́сь!»* Ещё Дельбрюк (Grundriß II, 374) объяснял конструкции типа «Издали уви́дит леща́, да и *хвать* его́ зуба́ми» из предложения «уви́дит... и ду́мает (говори́т себе́): *Хвати́* его́ зуба́ми!»[1]

Нельзя забывать, что глагол *взять*, появляющийся в стереотипном сочетании типа *возьми́ да и верни́сь*, имеет значение именно «вздумать».

---

[1] Приведено у Л. А. Булаховского, Исторический комментарий к литературному русскому языку, изд. 2-е, Киев 1939, 233.

Следует иметь в виду, что синтаксическая связь между местоимением и глаголом в драматическом императиве типа *а он верни́сь* совершенно иная, чем, например, в прошедшем времени: *Он верну́лся*. По меткому выражению Н. Некрасова, в предложениях типа *а он верни́сь* говорящий «распоряжается, так сказать, действием», т. ч. связь глагольной формы с грамматическим лицом является действительной связью только «как выражение желания, или — воли говорящего» (ук. соч., 106). Этим и объясняется, что форма императива, попав в повествовательный контекст, не «растворяется» в нём, не «превращается» в индикатив, а сохраняет некоторые признаки «косвенного наклонения» — ярко выраженную экспрессивность, т. е. остаётся модально инородным телом в плане индикатива. Вот почему мы считаем возможным рассматривать драматический императив как особый случай транспозиции императива,[1] а не как «особую форму» прошедшего времени.

Исходя из ложного убеждения, будто формы драматического императива обозначают «прошедшее время», некоторые исследователи склонны были видеть в этих формах остатки старого славянского аориста.[2] Однако возможность генетической связи между формами драматического императива и аориста исключается соображениями формального и семантического порядка. Так форма аориста от глагола *възѧти* звучит *възѧ* (а не *возьми́!*), от глагола *прити* — *приде* (а не *приди́!*). Аорист был в древнерусском языке стилистически и модально совершенно нейтральной временно́й формой. Драматический же императив в русском языке имеет сильную экспрессивную окраску. Аорист дольше всего сохранялся в книжном языке. Драматический императив является стилистическим приёмом, типичным для повествования, разговорной речи и просторечия.

---

[1] Трудно сомневаться в том, что формы «призывного» императива и формы, которые мы здесь предлагаем назвать формами «драматического императива», с генетической точки зрения тождественны. Представляется, что и с точки зрения языковой синхронии между этими формами нет полного разрыва. Акад. В. В. Виноградов, считающий формы *возьми́ (да) укуси́* не императивными, а «особыми» формами, указывает, что они лишь «отчасти омонимные с формой императива». Они «лишены повелительной интонации» (Русский язык, 553). Но ведь парадигматические формы, как таковые, вообще не имеют самостоятельной интонации (см. выше стр. 489). Интонация является конституирующим признаком предложения.

[2] А. А. Шахматов: Синтаксис русского языка, вып. I, 166. — А. И. Стендер-Петерсен: «О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском», Acta et commentationes Universitatis Tartuensis, Humaniora 18, 1930.

Транспозиция аналитических императивных форм типа *дава́й бежа́ть*

Форму типа *дава́й бежа́ть!* мы определили выше как форму аналитического императива совместного действия, образованную от глагола несовершенного вида. Если употребить данную форму в призывном предложении, то она будет соответствовать словацкой императивной форме ‚bežme!', ‚utekajme!'

Форма императива может быть транспонирована в индикативный контекст; этим самым она лишается призывной модальности, её применимость выходит за пределы 1 и 2 лица, ср. *Он испуга́лся и дава́й бежа́ть* ‚zľakol sa a v nohy', или ‚a poď ho bežať'; *Встре́тил меня́ и дава́й руга́ть* ‚Stretol ma a už aj ma hreší!', Ср. также:

> Тут он встал и *дава́й шага́ть*, и *дава́й!* Две но́чи шёл и весь день без о́тдыха (М. Горький, Мать).

Подобные сочетания обычно трактуются как соединение частицы *дава́й* с инфинитивом, причём частица *дава́й* здесь заменяет глагол прошедшего времени «начал бежа́ть», «стал бежа́ть», «при́нялся бежа́ть» и т. п.[1] Мы предлагаем рассматривать данную форму как форму аналитического императива совместного действия, приобретающую, при транспозиции в индикативный (повествовательный) план, значение драматического императива. Форма типа *дава́й бежа́ть* сама по себе не выражает никаких временны́х значений. Временно́е значение она приобретает только в контексте, причём таким контекстом может быть не только общий план прошедшего времени, но и общий план неактуального настоящего, ср. *Встреча́ет меня́ и дава́й руга́ть*. Форма *встреча́ет* выражает в данном случае настоящее историческое; в подобном контексте форма *дава́й руга́ть* воспринимается также как выражение настоящего исторического *(начина́ет руга́ить)*, а не как выражение «прошедшего времени».

Форма императива типа *дава́й бежа́ть*, *дава́й руга́ть* не утрачивает, при перенесении в индикативный план, своей «императивности», она не «растворяется» в своём индикативном окруже-

---

[1] Ср. Словарь современного руского языка III (Г—Е), М.—Л. 1954, стр. 524.

нии, а сохраняет отчётливо экспрессивное значение интенсивного действия (ср. пример из Горького!). Формы типа *дава́й бежа́ть* конкурируют с формами типа *и ну́ бежа́ть* или *и бежа́ть*, ср. *Он испуга́лся и (ну́) бежа́ть*. И эти формы сами по себе не имеют значения прошедшего времени. В словацком языке они могут быть иногда переданы конструкциями с частицами *poď ho (a poď ho bežať)* или *hybaj (Obrátil sa a hybaj do lesa)*. Естественно, что и в словацком языке частицы *poď* и *hybaj*, восходящие к императивным формам, сами по себе не обозначают отнесённости действия к прошлому.

Употребление императива в уступительных и условных предложениях

Формы императива 2 лица ед/ч появляются в уступительных предложениях типа:

Куда́ ни *приди́* — везде́ друзья́ (1).

То же уступительное значение может быть передано и другими средствами:

Куда́ бы ты ни пришёл — везде́ друзья́ (2).
Приди́ куда́ уго́дно — везде́ друзья́ (3).

Императив и здесь сохраняет свое основное «императивное» значение (выраженная нереализованность действия). Совершенно ясно, что предложение типа (1) генетически восходит к предложению (3), где отчётливо выступает оптативное модальное значение, ср. слвц. *Nech* príďeš kamkoľvek, všade sú priatelia.

Некоторые предложения этого типа превратились в фразеологизмы, ср. *Куда́ ни глянь — везде́ вода́ ‚ďaleko-široko* samá voda'.

Основное «призывное» значения императива проступает в уступительных предложениях с частицей *хоть* в значении ‚ak chceš'. Здесь, разумеется, утрачена «ситуация призыва», т. е. призыв обращён не к «собеседнику», а к «любому лицу». Отсюда известный сдвиг в модальном значении императивной формы. Обычно императивы в сочетании с частицей *хоть* встречаются в фразеологических оборотах, ср.:

Там наку́рено — хоть топо́р ве́шай,

дословно: ‚Je tam nafajčené, *ak chceš*, aj sekeru *zaves* (vo vzduchu)'.

Другие примеры фразеологического употребления императива в сочетании с частицей *хоть: Хоть уби́й не зна́ю* ‚aj keď ma zabiješ', *Темно́ хоть глаз вы́коли* ‚tma ako v rohu', *В хозя́йстве у него́ хоть шаро́м покати́* (дословно: Má to v hospodárstve [tak prázdno], že aj guľu by si mohol kotúľať), *Де́нег у него́ хоть отбавля́й* ‚peňazí má až-až' (дословно: »že by si mu mohol aj ubrať«).

Форма императива может стоять также в условных (podmienkových) предложениях. Императив 2 лица ед/ч свободно сочетается с любым грамматическим лицом (кроме 2 л. ед/ч), ср.:

Приди́ я во́время, ничего́ бы не случи́лось.
Скажи́ он хоть одно́ слове́чко, она́ бы верну́лась.
Будь я на его́ ме́сте, я бы э́того не допусти́л.

В таких гипотетических условных предложениях форма императива выступает с отчётливым модальным значением. Этот оттенок следует сохранять и в переводе на словацкий язык. Вместо бесцветного *keby* (som prišiel včas), следует при переводе употреблять конструкцию с *nech: Nech* prídem včas, nič by sa nebolo stalo. Ср. »V takých okolnostiach *nech* sa niečo stane, všetci sa vrhnú naňho« (M. Urban) — «...*случи́сь* что-либо...».

Генетически сложноподчинённые условные предложения этого типа восходят к двум самостоятельным предложениям, из которых первое является предложением восклицательным:

Приди́ (я) вовремя! Ничего́ бы не случи́лось.
Kiež by som prišiel včas! Nič by sa nebolo stalo.

Эти два предложения слились в одно целое, причём первая часть стала восприниматься как придаточное предложение, а вторая — как главное предложение. Для этого надо было только изменить интонацию.

Переход императивных форм в другие части речи

В целом ряде случаев формы императива оторвались от глагольной парадигмы, «окаменели» и превратились в разные несклоняемые (синсемантические) слова: междометия, модальные и вводные слова, частицы.

К междометиям относятся (императивные по происхождению)

слова типа *здра́вствуй(те)*, *проща́й(те)* ‚zbohom', *прости́*[1] ‚zbohom', *береги́сь!* ‚pozor!', *спаси́бо (из спаси́ бог!)* и т. п. Междометие *пожа́луйста* является также исконной императивной формой (из *пожа́луйте!* ‚ráčte'). В разряд междометий переходят также многие команды, ср. *станови́сь!* ‚nástup', *пли!* ‚pál' (из *пали́!*).

В письменном языке (в «теоретических стилях») широко распространены императивы типа *смотри́* ‚pozri' (чеш. *viz*), *сравни́* ‚porovnaj' (обычно в сокращённой форме *см.* и *ср.*). Эти «императивы» являются, разумеется, не «приказаниями» в собственном смысле этого слова, а условными графическими указаниями читателю; они, однако, могут появиться в тексте доклада, реферата или лекции.

К модальным словам императивного происхождения относятся *пожа́луй* ‚vari, asi' (от глагола *пожа́ловать* ‚ráčiť') и простореч. *поди́* ‚asi' (от глагола *пойти́*), ср. *Он поди́ уже́ пришёл* ‚asi už prišiel'.

К «градационным словам» (см. I 347) относятся *почти́* ‚skoro' (старый императив от глагола *поче́сть* — *почту́* ‚mať za to') и простореч. *почита́й* в том же значении; ср. *Он почти́ не спал* первоначально обозначало ‚maj za to, že nespal' — ‚skoro nespal'.

К частицам императивного происхождения относятся *пусть*, *пуска́й*, *дай (дай посмотрю́)*, *дава́й (дава́й бежа́ть)*, ср. слвц. *hybaj (domov)*, *a poď ho (do mesta)* и т. п.

Особого внимания заслуживает частица *знай (себе́)*, сочетающаяся с формами презенса или императива и выражающая безразличие субъекта действия ко всему, что выражено или подразумевается контекстом, ср.:

Всё сиди́т в халате, да тру́бку *зна́й* себе *поку́ривает* (Грибоедов). ‚Sedí si v župane a jednostaj si pobafkáva z fajky'.

У тебя́ ещё во рту куска́ не́ было и не спал-то ты две но́чи, а всё *зна́й покри́кивай* да шары́ *выпима́й* (Л. Толстой). ‚... a ty aby si stále len pokrikoval'.

Мы перед дру́гом но́с дерём, а жи́знь *зна́й* себе *прохо́дит* (Чехов). ‚... a život si len plynie'.

---

[1] Связь с глаголом *проща́ть//прости́ть* ‚odpustiť, prepáčiť' здесь полностью утрачена. По старому русскому обычаю люди при продолжительной разлуке просили друг у друга прощения за все огорчения, которые они причинили своему собеседнику.

А штука́рь Ефи́мка *знай* хохо́чет да пая́ривает (Шишков, Угрюм-река). ‚A figliar Jefimka len sa smeje a vyzváňa si'.

Оттенок «безразличия» ко всему окружающему подчёркивается употреблением слова *себе́*.

ПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОВА, СТОЯЩИЕ ВНЕ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

Сказуемостные междометия (звуковые жесты)

Резкие звуки или стремительные движения, воспринимаемые как единый и нераздельный акт, могут быть обозначены в наших языках посредством односложных или двусложных слов, стоящих вне глагольных категорий, напр. *Он поскользну́лся и бу́лтых в во́ду* ‚... a čľup do vody', слвц. Spadol do vlčej jamy a za ním čľup vlčisko (Kalinčiak).

Традиционная грамматика рассматривает подобные слова как «глагольные междометия». Это не совсем точно: слова типа *бултых, бац, хлоп, трах* не являются глагольными (отглагольными) словами, т. к. не имеют никаких специфически глагольных показателей (вид, залог). Эти слова могут выступать самостоятельно в качестве междометных слов-предложений (напр. *Разда́лся вы́стрел: бах!*), но они могут также быть транспонированы в структурную модель повествовательного предложения, где они выступают в качестве сказуемого. Поэтому предлагаем их называть «сказуемостными междометиями».

У многих сказуемостных междометий междометно-звукоподражательный характер очевиден. Звукоподражательное междометие сперва вклиняется как синтаксически «постороннее тело» в ткань повествовательного предложения, а затем постепенно ассимилируется. Этот процесс можно себе представить примерно так:

(1) *Чере́з час — трах! — получа́ется телегра́мма* (Ушаков).
слвц. *Rana zahrmela a — bác! Cap sa váľal grúňom* (Rázus).

(2) *Он подошёл и — трах!, уда́рил его́ по голове́.*
слвц. *Beží a naraz bác, spadol do blata* (Tvrdý).

(3) *Он подошёл и трах его́ по голове́.*
Priskočil a bác ho po hlave.

Сказуемостное междометие в предложении (3) может управлять винительным падежом (т. е. становится «переходным»: ср. *трах его́ по голове́*).

Но мы знаем, что способность управлять винительным падежом имеют и другие неглагольные слова, например предикативы, ср. *мне жаль его́*. На основании «переходности» сказуемостных междометий ещё нельзя судить о их «глагольном» характере.

Будучи по своему происхождению восклицательным предложением, транспонируемым в повествовательный контекст, сказуемостное междометие приближается к драматическому императиву типа *а он и верни́сь*. Однако между этими двумя типами первоначально восклицательных предложений имеется существенная разница: императивное предложение *(Верни́сь!)* предполагает специфическую «ситуацию обращения», т. е. наличие собеседника, между тем как междометие не предполагает собеседника, т. е. может существовать и в монологической речи. Императив относится к призывному плану языка, междометия — к экспрессивному плану.

Представим себе человека, наблюдающего за группой ребятишек, резвящихся у воды и играющих в пятнашки. Всякий раз, когда один из играющих шлёпается в воду, наш наблюдатель про себя «комментирует» это происшествие словом *Бултых!* Собеседник здесь является излишним: слово *Бултых!* в данных условиях не является «обращением», так как оно, строго говоря, не содержит никакого «сообщения». Оно является своеобразным «повторением», «эхом» звукового эффекта, производимого падающим телом при соприкосновении с поверхностью воды. Подобно этому энтузиаст бокса повторяет руками и туловищем движения боксёров в ринге. В обоих случаях мы имеем дело с «жестами», т. е. у болельщика жесты производятся руками и туловищем, а у нашего наблюдателя — речевыми органами. Вот почему сказуемостные междометия можно было бы также назвать «звуковыми жестами». Связь таких междометий, как *хлоп* ‚plesk', *топ* (dupnutie), *щелк* (lusk), *прыг* (skok), *толк* (sotenie, kopnutie), *хвать* ‚chňap' с физическими движениями мотивирована. Всё это, не имеет, разумеется, ничего общего с пресловутым «языком жестов» Н. Я. Марра. Но говоря о сказуемостных междометиях, следует иметь в виду их сродство с экспрессивными телодвижениями.[1]

Число сказуемостных междометий в наших языках довольно ограничено.

Сказуемостные междометия звукоподражательного происхождения: *бац* ‚bác, bum' (úder, výstrel), *бах* ‚bác', *бултых* ‚čľup, žblnk', *бух* ‚buch, bác' (výstrel), *стук* ‚ťuk, klop', *топ* ‚dup',

[1] Ср. A. V. Isačenko: Gesto ako znak, Národopisný sborník 8, Bratislava (1947) 3, 145/54.

трах ‚tresk', *хлоп* ‚plesk', *шварк* (šmarenie, hod), *шлёп* ‚plesk', *щёлк* ‚cvak' (lusknutie) и т. п.

У других сказуемостных междометий связь со звукоподражательными образованиями с точки зрения современного языка отсутствует, ср. *прыг* (hop)[1], *скок*, *хватъ* ‚chňap', *цап-цара́п* *шастъ* ‚šup' (prudký pohyb), *юрк* (luk do diery) и некоторые др.

Примеры: «Смотрю́ — пти́чка с куста́ на куст *прыг*, *прыг*» (Гайдар). — «Ко рву примчи́тся — ра́зом *скок!*» (Жуко́вский). — «Зайчик *скок-поскок*» (сказка). — «Мартышка, в зе́ркале уви́дя о́браз свой, тихо́хонько медве́дя *толк* ногой» (Крылов). — «Я *хватъ* за по́яс — пистоле́та нет» (Лермонтов). — «Рази́нул ко́гти дли́нных ла́п и вдруг бедня́жку *цап-цара́п*» (Пушкин). — «Вдруг и́з лесу *шастъ* на них медве́дь, рази́нув пасть» (Крылов). — «А мы́шка *юрк* в щель» (сказка).

Следует иметь в виду, что наряду со сказуемостными междометиями в наших языках существуют однокорневые глаголы типа *бу́хать — бу́хнуть*, *стуча́ть — сту́кнуть*, *шлёпать — шлёпнуть*, *хло́пать — хло́пнуть*, *пры́гать — пры́гнуть*, *толка́ть — толкну́ть*, слвц. *búchať — buchnúť* и т. п. Некоторые из них представлены только в одной форме, напр. *тра́хнуть* (нет *тра́хать*). Некоторые сказуемостные междометия не имеют глагольных параллелей, напр. *шастъ*. Возникает вопрос: являются ли приведённые глаголы вторичными образованиями к сказуемостным междометиям, или же, наоборот, сказуемостные междометия следует считать вторичными отглагольными образованиями?

По мнению С. О. Карцевского, звукоподражательные междометия типа *цап*, *трах*, *хлоп* являются первичными, а однокорневые глаголы типа *ца́пать*, *тра́хнуть*, *хло́пнуть* — вторичными образованиями.[2] Подчеркнём, что С. О. Карцевский приписывал словам типа *хлоп* (которые он считал «жестами, выражающими движение») — значение совершенного вида (там же, 240—241).

В большинстве пособий по русской грамматике слова типа *бац*, *трах*, *хлоп* или *прыг* толкуются как слова, «указывающие на однократное действие в прошлом» (Акад. грамм. I 491).

---

[1] Фр. Копечный весьма остроумно связывает слово *прыг* (междометие) с чешским *pryč* «прочь! вон!» (ср. Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов, София 1957, 373 и Slovo a slovesnost 20 (1959), 2, 129.

[2] S. Karcevski: Remarques sur la psychologie des aspects en russe, Mélanges Bally, 1939, 231/48.

В учебнике «Современный русский язык» (1952) говорится, что эти слова «выражают и определённое временно́е значение, а именно всегда относятся к прошлому» (302, разрядка моя, *А. И.*). В толковых словарях слова типа *бац* толкуются (в сказуемостном употреблении) как «бацнул» (Ушаков I 97). Акад. А. А. Шахматов видел в этих словах «мгновенный вид»,[1] а А. М. Пешковский — «ультрамгновенный вид».[2] На основании каких формальных, объективных критериев мы вправе приписывать сказуемостным междометиям значения определённого грамматического времени (прошедшего), определённого глагольного вида (совершенного) и определённой совершаемости (однократной)?

При семантическом анализе форм типа *трах* обычно исходят из таких предложений, как *Он подошёл к нему́ сза́ди и трах его́ по голове́*. Временно́е значение слова *трах* здесь всецело определяется контекстом, т. е. временны́м значением формы *он подошёл*. Видовое же значение (совершенного, «мгновенного» или «ультрамгновенного») вида устанавливается путём замены слова *трах* глагольной формой *тра́хнул*; отсюда делается заключение и о значении «однократности» данного слова. Но, во-первых, слова типа *трах* могут стоять в контексте презенса, а во-вторых, они могут быть «заменены» формами вроде *тра́хни (его́ по голове́)* или *как тра́хнет (его́ по голове́)*, т. е. формами драматического императива или перфективного презенса.

Сказуемостные междометия могут стоять в побудительных предложениях, ср. *Ты к нему подойди́ сза́ди и трах его́ по голове́!* (т. е. «удáрь», «трáхни»!), ср. слвц. Vyzleč sa a šup do postele! Сказуемостные междометия в таких контекстах не имеют значения «однократных действий в прошлом».

Сказуемостные междометия очень часто стоят в контексте настоящего исторического (т. е. «неактуального» презенса), ср. *Он подхо́дит к нему́ сза́ди и трах его́ по голове́*. На фоне формы *подхо́дит* междометие *трах* приобретает значение «ударяет», или, вернее, соответствует форме *как тра́хнет* (перф. презенс). Ср.:

Вот бли́же! *ска́чут*... и на двор
Евге́ний! «Ах!» — и ле́гче те́ни
Татья́на *прыг* в други́е се́ни,

---

[1] А. А. Шахматов: Синтаксис русского языка II, 57.

[2] А. М. Пешковский: Русский синтаксис в научном освещении, 200.

С крыльца́ на двор, и пря́мо в сад;
Лети́т, лети́т; взгляну́ть наза́д
Не *сме́ет*... (Евг. Онегин, гл. III)

Все глагольные формы этого отрывка являются формами презенса *(ска́чут, лети́т, не сме́ет)*. В этом контексте было бы странным толковать междометие *прыг* как выражение «однократного действия в прошлом» *(= пры́гнула)*. Другие примеры:

«Он хлоп, и *вда́вит*[1] му́ху в сте́ну» (Пушкин, Выстрел).
«Потом — на цы́почках *пройдёт* он в спа́льню, бесшу́мно *разде́нется* и — бултых в посте́ль» (Чехов).
«*Приближа́юсь* к боло́нке, *беру́* деликатно за ши́ворот и шварк её за око́шко» (Достоевский, Идиот).[2]

Совершенно очевидно, что в приведённых контекстах междометия *хлоп, бултых, шварк* имеют значение неактуального настоящего, а не «однократного действия в прошлом».

Междометия типа *бац, хлоп, трах* и т. п. являются, как уже было отмечено, «звуковыми жестами». Жест, заменяющий глагол, сам по себе не может выражать грамматических категорий, т. е. не может иметь значения времени или вида или совершаемости. Если к неполному предложению *Он сего́дня опя́ть*... присоединить многозначительный щелчок пальцем по воротничку, то всякому русскому человеку станет ясно, о чём идёт речь. Щелчок здесь «заменяет», «изображает» действие «питья». Предложение могло бы звучать так: *Он сего́дня опя́ть вы́пил*. Но если тот же щелчок присоединить к неполному предложению *Он большо́й люби́тель*..., то этот щелчок будет заменять форму инфинитива «выпить». Жест может быть заменён словом *тогб (Он сего́дня опя́ть тогб)*. Слово *тогб* может, как известно, быть заместителем любого сказуемого. Предположим, что слово *тогб* употребляется «в значении» — *вы́пил*. Разве можно считать, что слово *тогб* этим самым приобрело грамматическое значение прошедшего времени и совершенного вида? Разумеется, нельзя! В предложении *Он подошёл к нему́ сза́ди и трах его́ по голове́* «звуковой жест» *трах* только «заменяет» или «изображает» действие, не являясь глагольной формой. В слове типа *трах* специфически глагольные грамматические значения «вида» или «времени», или «наклонения», или «лица» ничем не выражены (в отличие от глагольной формы типа *тра́хнул*). Не будучи морфологически квалифицированным именно как «глагольная» форма,

---

[1] Форма перфективного презенса в данном случае употребляется в значении узуального действия; вот полный контекст: «Быва́ло, *уви́дит* му́ху и *кричи́т:* Ку́зька, пистоле́т!... Он хлоп, и *вда́вит* муху в сте́ну».

[2] Пример заимствован у акад. В. В. Виноградова, Русский язык, 1947, 555.

слово типа *трах* является всё же словом сказуемостным, приобретающим в контексте свои сказуемостные значения (в том числе и видо-временны́е) только на фоне и в противопоставлении с финитными глагольными формами.

Сказуемостные междометия остаются междометиями и в «индикативном» (повествовательном) контексте. Они не могут служить основой для приставочных образований. А. А. Потебня, считавший, что сказуемостные междометия всегда остаются без определения, без обстоятельства образа действия[1], ошибался: и в русском и в словацком языке обстоятельство образа действия свободно сочетается со сказуемостными междометиями, ср.:

Марты́шка, в зе́ркале уви́дя о́браз свой, /*Тихо́хонько* медве́дя *толк* ного́й (Крылов).
A on z *celej sily* bác ho po hlave.
A ja *tichúčko* šup do postele.

Итак, сказуемостные междометия типа *бац*, *хлоп*, *трах* следует считать тем, чем они являются на самом деле: не какими-то «особыми формами» прошедшего времени или «ультрамгновенного вида», а сказуемостными междометиями («звуковыми жестами»), не имеющими никаких специфически глагольных морфологических показателей и могущих, поэтому, смотря по контексту, заменять любую сказуемостную форму глагола. Сами по себе эти сказуемостные междометия абсолютно атемпоральны, и лишены каких бы ни было «видовых» значений.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Современная теория глагола требует принципиального разграничения понятий «модальность» и «глагольное наклонение». Глагольным наклонением можно считать только такую модальность, которая выражается в языке специальными грамматическими формами глагола.

В традиционной грамматике понятия модальности и наклонения часто смешиваются. Отдельные значения модальностей считаются наклонениями. Акад. А. А. Шахматов принципиально различал «морфологические наклонения» (т. е. наклонения в нашем понимании) и «синтаксические наклонения» (т. е. модальности). Так, например, в рамках «морфологи-

[1] А. А. Потебня: Из записок по русской грамматике IV, 188.

ческого» сослагательного наклонения Шахматов различал два «синтактических наклонения»: желательное (optatív: *Сидéл бы ты дóма* ‚mal by si sedieť doma') и условное (kondicionál: *éсли бы вы приéхали*). Кроме того, Шахматов выделял ряд «синтактических наклонений», выражаемых лексическими средствами, а именно: «недействительное» наклонение (irrealis: *Онá было заснýла; Он едвá было не удáрил меня́*), «предположительное наклонение» (hypotheticus: *Он бýдет дóма* ‚bude asi doma') и «потенциальное наклонение» (potentialis: *А он мог уйтú оттýда и не расплатúться*).[1] Акад. В. В. Виноградов различал «условно-желательное» и «сослагательное» наклонение, а также «эмбрион особого, волюнтативного наклонения» (тип *Вдруг приглянúсь мне дéвушка*).[2] Если отождествлять понятие наклонения с понятием модальности, то можно было бы привести ещё целый ряд других оттенков, например, «вопросительное наклонение» (interrogativus), «запретительное наклонение» (prohibitivus: *Не сомневáйся! Не ходú тудá!*), «отрицательное наклонение» (negativus: *Почтальóн ещé не приходúл*) и т. п. Все эти модальные оттенки могут быть выражены в русском языке разными средствами, но с морфологической точки зрения существенно лишь то, что эти оттенки не выражаются особыми глагольными формами.

В школьных грамматиках формы типа *Я бы пришёл* обычно называются формами условного наклонения. В словацкой и чешской языковой традиции прочно держатся термины podmieňovací spôsob или kondicionál. В русской научной литературе всё чаще употребляется термин «сослагательное наклонение» (konjunktív). Его применяет и Академическая грамматика. Преимуществом этого термина является его отвлечённость: он не «описывает» (ср. «условное» или «желательное» наклонение), а условно «называет» данную форму. Следует, однако, иметь в виду, что русский (или словацкий, чешский) конъюнктив не совпадают по своим функциям с конъюнктивом латинским или немецким.

Формой сослагательного наклонения считается сочетание частицы *бы* (или *б*)[3] с глагольной формой на *-л*. С точки зрения чисто формальной форму *я пришёл* в составе аналитического единства *я бы пришёл* можно признать претеритальной формой (формой прошедшего времени). С точки зрения грамматической семантики форма *пришёл* в составе аналитического единства *я бы пришёл*, конечно, не выражает прошедшего времени.

---

[1] «Из трудов А. А. Шахматова...», 1952, 102/105.

[2] В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 601/603.

[3] Вариант *бы* может стоять во всех случаях, вариант *б* может употребляться после слова, оканчивающегося на гласную, ср. *Я бы не сказáл, Я б не сказáл.*

Частица *бы (б)*, входящая в состав аналитической формы сослагательного наклонения, остаётся всегда безударной. Частица *бы* никогда не стоит на первом месте в предложении; обычно она ставится после первого ударяемого слова предложения, ср. *Он бы мне э́того не сказа́л.* К сожалению, порядок слов в русском языке, особенно же место безударных (энклитических) элементов, очень мало изучены, т. ч. пока трудно дать более подробные указания о месте частицы *бы* в предложении.

Тяготение безударной частицы *бы (б)* к первому полноударному слову в предложении приводит к слиянию этой частицы с некоторыми союзами и частицами, ср. *что́бы, е́сли бы, бу́дто бы, вро́де бы, ка́к бы.* Точно так же объясняются словацкие союзы и частицы типа *aby, že by, keby, akoby.*

С теоретической точки зрения относительная самостоятельность частицы *бы (б)* представляет серьёзные затруднения. Частица *бы (б)* свободно сочетается с формами инфинитива (напр. *Уйти́ бы отсю́да!* ‚mali by sme odísť'). В ряде случаев конструкции с формой сослагательного наклонения и инфинитивные конструкции по своему модальному значению настолько близки, что их можно признать почти синонимичными, ср. *Ты бы отдохну́л* (сослаг. накл.) — *Отдохну́ть бы тебе́* (инфинит.). Оба предложения обозначают ‚Mal by si si odpočinúť!'. Поскольку форма инфинитива в таких конструкциях употребляется в сказуемостной функции, возникает вопрос, не является ли и сочетание *отдохну́ть бы* вариантом «аналитической формы» сослагательного (или «желательного») наклонения. В зависимых предложениях с союзами типа *что́бы* возможны формы на *-л* и формы инфинитива, ср. *Я тре́бую, что́бы ты верну́л мне кни́гу — Я пришёл, что́бы верну́ть тебе́ кни́гу.* Частица *бы* может стоять и в неглагольных предложениях, напр. *Е́сли бы не он, я бы поги́б* ‚nebyť jeho, bol by som zahynul'. Безглагольными являются и такие желательные предложения, как *Чайку́ бы!* ‚Keby som tak mohol vypiť čaju!'. Наконец, частица *бы* выражает «косвенное наклонение» предикативов (ср. *Мо́жно бы и подожда́ть; Пора́ бы отдохну́ть*). В языке XIX века встречаются случаи присоединения частицы *бы* к неличным глагольным формам, ср. «Спит ум, может быть обре́тший бы внеза́пный родни́к вели́ких средств» (Гоголь). Всё это необыкновенно затрудняет решение вопроса о том, является ли частица *бы* самостоятельным модальным показателем всего предложения, или же составной частью аналитической формы *я пришёл бы.* Представляется, что этот вопрос увёл бы нас за пределы морфологии. Поэтому мы довольствуемся указанием наиболее типичных случаев применения сослагательного наклонения в русском языке в сопоставлении с словацким.

Сослагательное наклонение может употребляться в самостоятельных и в придаточных предложениях.

В самостоятельных предложениях форма сослагательного

наклонения выступает в своём общем грамматическом значении: она эксплицитно выражает нереальность (нереализованность) действия (см. стр. 474). Это общее грамматическое значение сослагательного наклонения по-разному конкретизируется в разных типах конструкций:

1. Сослагательное наклонение обозначает гипотетическое (возможное, предполагаемое) действие:

Я бы пришел, но мне не́когда.
Я с э́тим не спра́влюсь, а *ты́ бы спра́вился*.
Вам *бы он*, коне́чно, *сказа́л* всю пра́вду.

2. Сослагательное наклонение обозначает желание:

Ты *бы приле́г!* — ‚Mal by si si ľahnúť!'
Не *простуди́лся бы* он! — ‚Len aby neprechladol!'

Такие желательные предложения могут иметь «восклицательную» интонацию, особенно заметную в предложениях, вводимых междометием *о* или союзом *лишь бы: О е́сли бы ты знал!*, *Лишь бы он ничего́ не узна́л!* ‚Len aby sa o ničom nedozvedel!'

В разговорном языке сложились стереотипные формулы, выражающие вежливое пожелание: *Мне хоте́лось бы сказа́ть* (вм. *Мне хо́чется сказа́ть*); *Я попроси́л бы вас* (вм. *Я прошу́ вас*) и т. п. Ср. чеш. *Co byste si přál?* «Чего́ вам уго́дно?»

В придаточных предложениях форма сослагательного наклонения сохраняет своё общее значение выраженной нереальности (нереализованности) действия, обозначая разные типы гипотетических условий:

Е́сли бы он вы́учил уро́к, он не получи́л бы плохо́й отме́тки.

Анализ типов условных предложений, а также употребление различных союзов выходит за пределы морфологического разбора формы сослагательного наклонения.

В словацком языке условное наклонение различает две временны́х формы, которые, одновременно, выражают и две различных модальности.

Ирреальное[1] условное наклонение (kondicionál minulý) образуется с помощью вспомогательного глагола *bol by* или *bol by býval*, ср.:

Ani mojej tetkina komora *nebola by zhorela*, *keby bolo bývalo* nadostač vody (Timrava, Dve doby).

[1] Интересные наблюдения о соотношении модальных значений и видовых форм в условном наклонении имеются в статье G. Horák: K využívaniu slovesného času a spôsobu v slovenčine, Studie ze slovanské jazykovědy (Trávníčkův sborník), Praha 1958, 226/8.

Потенциальное условное наклонение выражается в словацком языке простым сослагательным наклонением (kondicionál prítomný), ср.:

Napísal by som mu, keby som mal jeho adresu.

При переводе с русского на словацкий (или чешский) необходимо иметь в виду, в каком именно модальном значении употребляется русская форма сослагательного наклонения, ср.:

Е́сли бы ты пришёл

(ирреальное условие)	(потенциальное условие)
(вчера́, то ты бы застáл меня́ дóма)	*(ка́к-нибудь с жено́й, ты бы нас бчень порáдовал)*
Keby si *bol* [*býval*] prišiel...	Keby si prišiel...

Выражение модальности отвергнутого действия посредством частицы *было*

Для выражения действия начатого, почти доведённого до конца, но не осуществившегося, русский язык располагает особыми формальными средствами, ср.:

Обло́мов *приподня́лся было* с кре́сла, но не попáл срáзу ногóй в ту́флю и сел опя́ть (И. Гончаров).

Сочетание *приподня́лся было* имеет модальное значение, которое можно, вместе с акад. Л. А. Булаховским, назвать модальностью «отвергнутого действия». Акад. А. А. Шахматов относит эту модальность к наклонениям, считая конструкции с частицей *было* «недействительным наклонением».[1]

Частица *было* не имеет полного ударения; она энклитически присоединяется к первому ударяемому слову предложения.

Модальность «отвергнутого действия» выражается преимущественно сказуемостными сочетаниями, состоящими из формы прош/вр совершенного вида и частицы *было*. Если бы этим ограничивалась сфера применения данной модальности, то можно было бы говорить об особом «наклонении отвергнутого действия». Но данная модальность очень часто выражается и в неличных (нефинитных) формах, в частности в формах причастия прош/вр с/в, ср.:

[1] Из трудов А. А. Шахматова..., 105.

Вспы́хнувшую было на восто́ке зарю́ то́тчас опя́ть заволокло́ ту́чами (Арсеньев, Дерсу Узала).
Прекрати́вшийся было дождь вдруг опя́ть поли́л (К. Симонов).

Частица *было* может сочетаться даже со сказуемостным инфинитивом:

Тут стару́ха кака́я-то, девчо́нки, ба́бы писк по́дняли, похвата́ли горшки́ и *бежа́ть было* на дере́вню (Л. Толстой, Два гусара). ‚A vtom akási starena, dievčence, baby spustili povyk, pochytali hrnce a *už chceli utekať* na dedinu'.

Из приведённых примеров вытека́ет, что мы здесь имеем дело с модальностью (а не с «наклонением»), которая может быть выражена частицей *было* в сочетании со сказуемостными и полусказуемостными (партиципиальными) формами.

Специфическое значение модальности «отвергнутого действия» может быть передано по-словацки либо формой плюсквамперфекта, либо частицами *skoro, už, len-len že ne-*, ср.:

Он *было засну́л*, но стук в дверь разбуди́л его́. — ‚Bol zaspal...; už bol skoro zaspal; len-len že nezaspal...'

Предложение с формой прош/вр + *было* предполагает обычно противительное отношение, выражаемое союзом *но: Он хоте́л было́ войти́, но переду́мал.* Конструкции с частицами *чу́ть было* ‚len-len že ne-', *едва́ было* обходятся и без противительного союза:

Он *чу́ть было* не уда́рил меня́.

Модальность отвергнутого действия может быть выражена действительными причастиями прош/вр несовершенного вида, ср. *Он хоте́л было встать, Он пыта́лся было возража́ть* ‚pokúšal sa protirečiť' (ale bez úspechu).

Сочетания форм прош/вр с *было* не входят в систему наклонений русского языка.

НЕЛИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Семантическая и морфологическая характеристика деепричастий

Русский язык располагает неспрягаемыми глагольными формами, основным назначением которых является выражение второстепенного действия при главном действии, выраженном личной глагольной формой или инфинитивом:

Отвеча́я на вопро́с, учени́к волнова́лся.
Отве́тив на вопро́с, учени́к сел.
Слу́шать, не перебива́я собесе́дника.
Сесть, скрести́в но́ги.

Соответствующая русскому деепричастию глагольная форма в словацком языке называется prechodník[1]. Словацкий prechodník, как и русское деепричастие, остаётся неизменяемой формой, ср. *hádžuc, hodiac.* Чешский přechodník, синтаксически соответствующий русскому деепричастию, различает, однако, род и грамматическое число, согласуясь со своим подлежащим, ср. *házeje* (м/р), *házejíc* (ж/р и ср/р), *házejíce* (мн/ч).

Деепричастие иногда рассматривается как «гибридная наречно-глагольная категория»,[2] совмещающая в себе «признаки глагола и наречия».[3] В качестве признаков, «сближающих» деепричастие с наречием, обычно приводятся: функционирование деепричастия в роли обстоятельства, его неизменяемость и его грамматическая связь («примыкание») в предложении со сказуемым.[4]

---

[1] Сам термин *prechodník* является калькой лат. *transgressivum.*

[2] В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 384.

[3] Академическая грамматика 1952, I 522. Здесь деепричастие даже как будто противопоставляется глаголу, ср. «Подобно глаголу оно [деепричастие] обладает категорией вида, возвратными и невозвратными формами и сохраняет глагольное управление» (там же).

[4] Ср. также А. Г. Руднев: Синтаксис осложненного предложения М. 1959, 71.

По мнению Акад. грамм., «близость деепричастия к наречию выражается также в том, что деепричастие имеет тенденцию в известных словосочетаниях усиливать в себе значение качественности и ослаблять и даже утрачивать значения вида, времени и способность глагольного управления» (I 522). Здесь имеются в виду формы типа *рабо́тать сидя́, мо́лча слу́шать* и т. п. Выпадение из парадигмы, переход определённой флективной формы в другую часть речи — явление, весьма распространённое во всех флективных языках. Но правомерно ли считать, что, например, творительный падеж, бесспорно «имеющий тенденцию» утрачивать значение падежа и переходить в разряд наречий (ср. *ра́но у́тром*; *сиде́ть верхо́м; вечера́ми*), «совмещает» в себе признаки существительного и наречия, являясь «гибридной номинально-наречной категорией?» Поэтому мы считаем, что деепричастие не является «гибридной категорией», не стоит «между двумя частями речи», а остаётся глагольной формой, частью глагольной парадигмы.

Деепричастие может определяться теми же типами слов, как и всякая другая глагольная форма. В частности, оно может определяться «определительным» наречием, ср.:

Мгнове́нно разостла́в све́жую ска́терть..., он пододви́нул ба́рхатные сту́лья и останови́лся перед Степа́ном Арка́дьичем (Л. Толстой, Анна Каренина).

Наречия, как известно, не могут сочетаться с «определительными» наречиями типа *мгнове́нно*.

Не выступая в предложении в функции сказуемого, деепричастие всё же сохраняет отчётливый признак второстепенной сказуемости[1], сохраняя семантико-синтаксическую связь с подлежащим. Именно поэтому деепричастие не образуется от безличных (бессубъектных) глаголов типа *светле́ет, темне́ет* и т. п. Всё это заставляет нас рассматривать деепричастие как полноценную парадигматическую форму глагола.

Деепричастие представляет собой во всех современных языках, в которых оно встречается, сравнительно молодую грамматическую категорию. Оно развивается в историческое время из причастий. Ни в древнегреческом, ни в готском, ни в старославянском не было морфологической категории деепричастий. Возникновение деепричастий связано, по-видимому, с дифференциацией мышления, с потребностью вместить два параллельных действия в одну синтаксическую схему.

Деепричастие образуется от основ как несовершенного, так и совершенного вида.

Следует различать, с морфологической точки зрения, следующие типы деепричастий:

I. Деепричастие наст/вр на -я (-а); оно образуется:
а) от глаголов нс/в: *чита́я, крича́;*

---

[1] Ср. А. А. Шахматов: Синтаксис русского языка, 1941, 45/46.

б) от глаголов с/в: *прочтя́*, *войдя́*;

II. Деепричастие наст/вр на **-учи (-ючи)**; в литературном языке встречаются лишь единичные формы: *бу́дучи* ‚súc', чеш. ‚jsa, jsouc, jsouce'.

III. Деепричастие прошедшего времени на **-в, -вши, -ши**; оно образуется:

а) от глаголов с/в: *прочита́в*, *прочита́вши*, *поги́бши;*

б) от простых (бесприставочных) глаголов нс/в: *чита́в*, *чита́вши.*

От приставочных глаголов нс/в (напр. *проч и́тывать*, *входи́ть*) деепричастия на *-в*, *-вши*, *-ши* не образуются.

С точки зрения использования глагольных основ и связанных с ними окончаний можно говорить о «деепричастиях настоящего времени» и о «деепричастиях прошедшего времени»; так поступают обычно школьные грамматики. Однако, с точки зрения грамматического значения этих форм, решающим фактором является в данном случае не столько та или иная исходная основа формы и её окончание, сколько видовое значение. Поэтому целесообразно будет ввести другую классификацию деепричастий:

1. Деепричастия несовершенного вида:
   А. на *-я (-а)* и *-учи (-ючи);*
   Б. на *-в*, *-вши;*
2. Деепричастия совершенного вида:
   А. на *-в*, *-вши*, *-ши;*
   Б. на *-а (-я).*

Деепричастия несовершенного вида на *-я (-а)* и *-учи (-ючи)*

I. Не будучи полнопредикативными («личными») формами глагола, деепричастия не могут выражать тех категорий, которые теснейшим образом связаны с предикацией; в частности, они не могут выражать видо-временны́е значения, выражаемые формами индикатива. Ориентиром временны́х значений индикатива служит момент речи. Ориентиром временны́х значений деепричастий служит главное действие, выраженное либо глаголом-сказуемым, либо инфинитивом.

По мнению акад. В. В. Виноградова, деепричастия нс/в на *-я (-а)*, напр. *работая*, «морфологически не выражают временны́х оттенков».[1] «Вневременность» этой формы «понимается как одновременность с главным действием».[2] Конечно, деепричастия не имеют «абсолютного» временно́го значения. Но им присуще «зависимое» или реляционное временно́е значение, указывающее на относительную локализацию во времени процесса или события, выраженного деепричастием, по отношению к главному процессу или событию, выраженному глаголом-сказуемым.

Деепричастия могут представлять второстепенное действие либо как совпадающее во времени с главным действием[3], либо могут оставлять значение временно́го совпадения обоих действий невыраженным.

Оппозиция «реляционного временно́го значения» представлена в русском языке двумя членами:

Сильным, маркированным членом оппозиции являются деепричастия несовершенного вида; они сигнализируют одновременность («синхронность») второстепенного действия с главным.

Слабым, немаркированным членом оппозиции являются деепричастия совершенного вида; они ничего не говорят об одновременности («синхронности») второстепенного действия с главным.

Одновременность второстепенного действия с главным, процессуальная параллельность обоих действий, выражается деепричастием нс/в на *-я (-а)* независимо от временно́го плана, к которому отнесено главное действие. Главное действие может относиться к «настоящему», к «прошлому» или к «будущему», оно может быть выражено «абсолютно» — формой инфинитива: общее значение одновременности (параллельности) побочного действия, выраженного деепричастием нс/в, не меняется, ср.:

Он *посеща́ет* вече́рние ку́рсы,
Он *посеща́л* вече́рние ку́рсы,
Он *бу́дет посеща́ть* вече́рние курсы,
Посеща́ть вече́рние ку́рсы,
} *рабо́тая* на заво́де.

[1] В. В. Виноградов: Русский язык, 1947, 385.

[2] Там же.

[3] Р. Ружичка уточняет понятие «одновременности» как «процессуальное сопутствование главному действию», см. Zeitschrift für Slawistik 4 (1959), 4, 546.

Деепричастные обороты могут, как известно, выступать в синтаксических функциях, близких к обстоятельствам времени, причины, образа действия или цели; в ряде случаев деепричастные обороты близки по своему значению к придаточным предложениям условным или уступительным:

Проща́ясь с му́жем, она́ распла́калась (временно́й оттенок: «когда́ она́ проща́лась с му́жем...»).

Не зна́я языка́, он не мог получи́ть ме́ста (причинный оттенок: «так как он не знал языка...»).

Орло́в бро́сил рабо́ту и руга́лся стра́шными руга́тельствами, *бе́гая* по ко́мнате или *валя́ясь* на посте́ли [М. Горький] (оттенок образа действия).

Одна́ко, *болта́я* с тобо́й, грибо́в не наберёшь [Пушкин] (оттенок условия: «если бу́дешь болта́ть...»).

Он винова́т в том, что, *сомнева́ясь* в че́стности своего́ сотру́дника́, дове́рил ему́ заво́д (оттенок уступительности: «хотя́ он сомнева́лся в че́стности своего́ сотру́дника...»).

Все приведённые оттенки значения, выраженные деепричастиями нс/в, обусловлены индивидуальным лексическим значением глаголов, участвующих в данных конструкциях, а также более широким контекстом. Во всех предложениях по-разному интерпретируется единое общее (инвариантное) значение деепричастия нс/в — значение одновременности («синхронности») или значение процессуального параллелизма побочного действия с главным.

II. Образование деепричастий. При образовании деепричастий следует учитывать возможные чередования последнего согласного («исхода») основы наст/вр.

У глаголов, не знающих чередований согласных в исходе основы наст/вр, окончание /-а/ присоединяется к последнему согласному основы. Если последним согласным основы наст/вр является звук *-j* или парный мягкий согласный, то на письме появляется графема *-я*:

основа наст/вр	деепричастие наст/вр
чита́j-	*чита́я* (čitaj-a)
владе́j-	*владе́я* (vlaďej-a)
рису́j-	*рису́я* (ŕisuj-a)
говор- (govoŕ-)	*говоря́* (govoŕ-a)
люб- (ľub'-)	*люб я́* (ľub'-a) и т. п.

У глаголов с чередованием согласных фонем в исходе основы наст/вр [тип А (а), приведённый на стр. 34], окончание /-а/ присоединяется к варианту с мягким последним согласным; на письме мягкость последнего согласного основы выражается графемой *-я*:

твёрдый вариант основы наст/вр		мягкий вариант основы наст/вр	
(ńes-):	*нес-у́ -у́т -у́щий*	(ńeś-):	*нес-ёт -ӣ*
(v́ed-):	*вед-у́ -у́т -у́щий*	(v́ed'-):	*вед-ёт -ӣ*
(gŕeb-):	*греб-у́ -у́т -у́щий*	(gŕeb̆-):	*греб-ёт -ӣ*

деепричастие наст/вр

неся́ (ńeś-a)
ведя́ (v́ed'-a)
гребя́ (gŕeb̆-a)

У глаголов, основа наст/вр которых оканчивается на *-ж -ч -ш -щ*, в качестве окончания деепричастия наст/вр появляется -а: *служа́, уча́, спеша́, ища́.*[1]

Формы деепричастия нс/в на *-я (-а)* образуются далеко не от всех глаголов. Это в известной степени нарушает пара-

---

[1] В Академической грамматике правило образования деепричастия наст/вр сформулировано так:

«Деепричастия на *-а (-я)* образуются от основы настоящего времени (3-го лица множественного числа) глаголов несовершенного вида» (I 523). Такая формулировка может серьёзно дезориентировать читателя, особенно нерусского. Если исходить из формы 3-го лица мн/ч, например *они́ нес-у́т*, то основой наст/вр окажется морфема *ńes-* с твёрдым [s!]. Поскольку в Акад. грамматике не указано, в каких случаях следует к основе наст/вр прибавить окончание *-а*, а в каких случаях — вариант *-я*, у читателя может возникнуть мысль, что деепричастие наст/вр от глагола *нести́* звучит по-русски «неса», тем более, что, например, в чешском языке мужская форма přechodníka нс/в звучит именно *nesa*. В данном случае следует, по методическим соображениям, отдать предпочтение такой формулировке грамматического правила, в которой учитывается графика. С точки зрения языковой системы, окончанием деепричастия наст/вр является, разумеется, фонема /-а/. Но так как у глаголов, имеющих твёрдый и мягкий вариант основы наст/вр (*ńes-/ńeś-*), форма деепричастия образуется именно от мягкого варианта, то на письме окончание деепричастия появляется в форме графемы *-я (неся́, живя́, плывя́)* во всех глаголах, кроме тех, основа которых оканчивается на *-ж -ч -ш -щ*.

дигматический характер данного формообразования в русском языке.

Формы деепричастия нс/в на *-я (-а)* свободно образуются только от следующих (продуктивных и непродуктивных) классов: *чита́я* (I), *владе́я* (II), *рису́я* (III), *говоря́* (V), *держа́* (VII), *горя́* (VIII) и *неся́*, *скребя́* (X, подгруппы А—Г)[1].

Глаголы IV класса (тип *кри́кнуть*) относятся по бо́льшей части к совершенному виду и, следовательно, не могут образовать деепричастия нс/в. Немногочисленные глаголы нс/в этого класса *(гнуть, льнуть, тону́ть, тяну́ть)* также не образуют форм деепричастия нс/в на *-я*. В случае надобности можно прибегнуть к близким синонимам, относящимся к тем глагольным классам, которые не знают ограничений в образовании деепричастий. Такие формы функционируют в языке в качестве «супплетивных» форм деепричастия. Так от глагола *гнуть* нет деепричастия «гня», но недостающую форму можно заменить формами *сгиба́я, нагиба́я, изгиба́я*; точно так же *тону́ть — утопа́я, тяну́ть — притя́гивая, подтя́гивая* и т. п.

Глаголы группы *дава́ть — даю́ — даёт* образуют деепричастие нс/в на *-я (-а)* не от основы наст/вр (ср. *даj-у*), а от особой основы типа *дава́j-* (импер. *дава́й*), ср. *дава́я, встава́я, узнава́я.*

Формы деепричастия нс/в на *-я (-а)* отсутствуют (или, по крайней мере, избегаются) в следующих случаях:

1. У глаголов IX класса (тип *со́хнуть*).

2. У глаголов X класса, подгруппа Д (тип *печь, бере́чь*).

3. У глаголов VI класса с чередованием согласного основы *с/ш (писа́ть — пишу́), з/ж (вяза́ть — вяжу́), д/ж (глода́ть — гложу́), г/ж (дви́гать — дви́жу).* Остальные глаголы VI класса свободно образуют деепричастие от основы наст/вр: *колеба́ть — коле́блю — коле́бля, пря́тать — пря́чу — пря́ча, роптать — ропщу́ — ропща́, маха́ть — машу́ — маша́* (редко), *иска́ть — ищу́ — ища́.*

4. Деепричастие нс/в на *-я (-а)* не образуется далее от всех глаголов, основа наст/вр которых не содержит гласного, ср. *слать (шл-ю), ждать (жд-у), жрать (жр-у), жать (жн-у), жать (жм-у), врать (вр-у), бить (бj-у), пить (пj-у), шить*

[1] Исключением является глагол *лезть*, не имеющий формы деепричастия на *-я*.

(шj-у) и т. п., далее *тере́ть (тр-у)*, *пере́ть (пр-у)*. В случае надобности парадигматический пробел может быть восполнен близким синонимом: *ждать — ожида́я*, *слать — посыла́я*, *жать — сжима́я*, *нажима́я*, *прижима́я*, *жать — пожина́я*, *пить — выпива́я*, *тере́ть — потира́я*, *растира́я*.

5. Деепричастие на *-я (-а)* не образуется также от следующих глаголов: *петь (пою́)*, *гнить (гнию́)*, *стыть (сты́ну)*, *е́хать (е́ду)*, *бежа́ть (бегу́)*, *хоте́ть (хочу́)*, *драть (деру́)*, *звать (зову́)*. Отметим некоторые установившиеся супплетивные формы: *петь — напева́я*, *стыть — остыва́я*, *хоте́ть — жела́я*, *звать — призыва́я*, *называ́я*.

6. Малоупотребительными являются формы деепричастия на *-я* от простых ненаправленных глаголов перемещения типа *ходя́*, *нося́*. Приставочные глаголы типа *приходи́ть*, *уходи́ть*, *уноси́ть*, однако, свободно образуют формы *приходя́*, *уходя́* *унося́* и т. п.

Причины неосуществления морфологических возможностей, данных системой, не вполне ясны. Деепричастные обороты начинают массово применяться в литературном языке лишь в начале XIX века. Для русского литературного языка характерной чертой является его традиционализм, его ориентация на классические литературные образцы прошлого. Совершенно прав акад. Л. А. Булаховский, считающий, что причину избегания многих форм деепричастий на *-я (-а)* следует искать «в подсказанной школьными влияниями осторожности при производстве многих форм, фактически не осуществлявшихся в практике предшествующего времени».[1]

В словацком языке, где литературная норма создавалась с гораздо меньшим учётом предшествующей литературной практики и где весь пафос создания нового литературного языка сводился к ориентации на живые народные говоры, обстановка была иная. Словацкий язык со свойственной ему последовательностью («стандартностью») использовал все имевшиеся в системе формо- и словообразовательные возможности. Не было никаких оснований вводить ограничения в образование соответствующих деепричастий на *-úc/-uc*, *-iac*. В случае надобности такое деепричастие образовывалось в соответствии с простыми правилами грамматики. Однако деепричастия, как формы, типичные, прежде всего, для книжных стилей, долгое время считались «несвойственными» словац-

[1] Л. А. Булаховский: Исторический комментарий к литературному русскому языку, Киев 1939², 170.

кому языку, т. к. в живых народных говорах этих форм почти не было. Ещё в середине нашего века некоторые словацкие пуристы недружелюбно относились к деепричастиям.[1]

Возвратная форма деепричастий нс/в на *-я (-а)* образуется в литературном языке при помощи аффикса *-сь*: *возвраща́ясь, пря́чась, верта́сь*. Вариант *-ся* лишь редко встречается в художественной прозе у отдельных авторов, ср. «... спаса́ясь от рук Лиды» (Горький).

III. Ударение. Место ударения деепричастий на *-я (-а)* обоих видов совпадает с местом ударения первого лица ед/ч презенса (или, если угодно, 2 лица ед/ч императива),[2] ср.:

глаголы с постоянным ударением	глаголы с подвижным ударением
чита́ю — чита́я	*смотрю́ (смо́трит) — смотря́*
владе́ю — владе́я	*люблю́ (лю́бит) — люб́я*
рису́ю — рису́я	*курю́ (ку́рит) — куря́*
лечу́ — летя́	*колочу́ (коло́тит) — колотя́*
говорю́ — говоря́	*ищу́ (и́щет) — ища́*
пла́чу — пла́ча	*держу́ (де́ржит) — держа́*
ве́рю — ве́ря и т. п.	*хохочу́ (хохо́чет) — хохоча́* и т. п.

Отклонения от общего акцентологического правила немногочисленны: глагол *гляде́ть (я гляжу́, ты гляди́шь)* образует форму деепричастия *гля́дя* (с вариантом *глядя́*).[3] Оттяжка уда-

[1] Так, например, Б. Летц в своей книге Gramatika slovenského jazyka (1950) считает, что prechodník »nie je v súlade so živou rečou« (333/3), т. е. с народными говорами.

В настоящее время деепричастие на *-úc/-uc, -iac* образуется почти от всех глаголов, в том числе и от таких, которые в русском языке не знают форм деепричастия, ср. *písať — píšuc, kázať — kážuc, lízať — lížuc; žrať — žerúc, tkať — tkajúc; trieť — trúc; biť — bijúc; piť — pijúc; šiť — šijúc; piecť — pečúc; tiecť — tečúc; môcť — (ne)môžuc; drať — derúc; zvať — zvúc; chcieť — chcejúc; hniť — hnijúc* и мн. др.

[2] В Акад. грамматике даётся другое «правило»: «Деепричастия на *-а (-я)* сохраняют (?) ударение 3-го лица множественного числа» (I 532). Не совсём понятно, почему здесь говорится о «сохранении» ударения 3-го лица мн/ч, так как между этой формой и формой деепричастия нет прямой связи, ни системной, ни генетической. Но и по существу трудно согласиться с приведённой формулировкой «правила», т. к. все глаголы с подвижным ударением в презенсе пришлось бы считать «исключениями», ср. *они́ смо́трят — смотря́, они́ ку́рят — куря́, они́ и́щут — ища́* и т. п.

[3] Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, М. 1954, 251.

рения на основу наблюдается у форм *стóя (у окнá)*, *сúдя (на кровáти)*, *лёжа (на диванé)*, ср. ударение в формах *стою́*, *сижу́*, *лежу́*.

IV. Формы на **-учи/-ючи**. Формы типа *крáдучись*, *игрáючи* (этимологически соответствующие древнечешским формам ж/р *nesoucí*, др.-русск. *крадучи* ж/р действительного причастия наст/вр) в литературном языке больше не являются парадигматическими формами деепричастия. Только форма *бýдучи* ‚súc', чеш. *jsa*, *jsouc -e* сохранилась в литературном языке в качестве единственно возможной формы деепричастия «настоящего времени» от глагола *быть*, ср. *Бýдучи твоúм дрýгом, я обязáн тебé сказáть...*

Формы на *-учи/-ючи* воспринимаются как элементы народной речи или как архаизмы. Некоторые из них сохранились в литературном языке в фразеологически связанных сочетаниях, напр.: *жить припевáючи* ‚žiť si bezstarostne', *идтú крáдучись* ‚ísť kradmo', *дéлать что-л. умéючи* ‚robiť niečo odborne' (ср. поговорку *Дóлго ли умéючи!* ‚pre odborníka je to maličkosť!'), *на тебя́ (на негó...) глядючи* ‚keď sa tak na teba pozriem... и т. п.

У приведённых форм на первый план выступают качественные оттенки значения, процессуальность утрачивается, так что формы на *-учи/-ючи* превращаются в наречия.

Деепричастия несовершенного вида на *-в*, *-вши*

Деепричастия нс/в типа *имéв*, *быв*, *знáвши*, *éхавши* являются в современном литературном языке очень редкой формой, постепенно вовсе выходящей из употребления. Но, по наблюдениям акад. Л. А. Булаховского, эти формы в первой половине XIX в. были ещё в полном ходу и представляли живую категорию книжной речи.[1]

Деепричастия этого типа образуются только от простых (бесприставочных) глаголов нс/в.

Деепричастия нс/в с окончаниями *-в* или *-вши* образуются от основы прошедшего времени: *имé-л* — *имé-в*.

Рассматриваемые деепричастные формы употребляются преимущественно лишь в таких предложениях, в которых глагол,

[1] Л. А. Булаховский: Русский литературный язык первой половины XIX века, М. 1954, 133.

обозначающий главное действие, стоит в прошедшем времени, ср.:

Но Ле́нский, не *име́в*, коне́чно,
Охо́ты у́зы бра́ка несть,
С Оне́гиным *жела́л* серде́чно
Знако́мство покоро́че *свесть*. (Пушкин)

Второстепенный «процесс», выраженный формой *име́в*, отнесён к тому же плану прошедшего времени, как и главный «процесс», выраженный формой *жела́л*. Форма *име́в* в данном случае воспринимается как выражение одновременности и может, в современном языке, быть заменена другой формой деепричастия нс/в — *не име́я*. Ещё примеры:

Как бу́дто Диоге́н с зажжённым фонарём,
Я по́ свету *броди́л*, *иска́вши* человека. (Давыдов)

«*Спосо́бствовав* вре́менному благосостоя́нию, ме́ра э́та на стра́шно до́лгое вре́мя *парализова́ла* стремле́ния демократи́ческие» (Достоевский).
«... не *пив* ча́ю, *пришёл* в во́семь часо́в утра́ в це́рковь...» (Л. Толстой).

Акад. Л. А. Булаховский приводит, однако, случаи употребления форм деепричастия нс/в на *-в* или *-вши* в предложениях, в которых главное действие не отнесено к плану прошлого:

Давно́, Полка́нушка, мне бо́льно самому́,
Что, *бы́вши* одного́ двора́ с тобо́й соба́ки,
Мы дня не *проживём* без дра́ки. (Крылов)[1]

Естественно, что деепричастие нс/в на *-в*, *-вши*, не имея (в данном синтаксическом применении) опоры в живой речевой практике, было почти полностью вытеснено другим деепричастием нс/в на *-я (-а)*. Владимиру Маяковскому, пытавшемуся было оживить форму на *-в*, *-вши*, не удалось остановить общего хода развития. Формы типа *ка́ркав*, *мути́в*, *носи́вши*, *трони́в*, и даже *совмеща́в* и *умира́в* (от приставочных глаголов нс/в!), встречающиеся в произведениях Маяковского (см. Акад. грамм. I 532), не привились.

В народных говорах бытуют формы на *-вши* и на *-мши*, употребляемые только в качестве сказуемого, ср.:

---

[1] Примеры заимствованы из указанного сочинения акад. Л. А. Булаховского.

Эта коро́ва теля́вши ‚táto krava je otelená'.
Ло́шади бы́ли лежа́вши ≅ ‚kone ležali'.
Я весь день не е́вши ‚celý deň som nejedol'.

Формы на *-вши* широко используются в дореволюционной прозе для передачи речи действующих лиц «городских, но говорящих на литературном языке (прислуги, мастеровых и т. д.)».[1]

По своему значению эти формы приближаются к перфекту.[2] Характерно, что перфектное значение могут иметь формы на *-вши* или *-лши* от глаголов несовершенного вида. Отметим, однако, что подобные формы чаще образуются от глаголов с/в: «Три яйца́ *поколо́вши*, в ку́зов *вы́ливши*». — «Окно́ бы́ло *заткну́вши*». — «Как я могу́ уе́хать, е́сли я *наня́вши* здесь на всё ле́то?».[3]

Сказуемостное употребление таких форм литературному языку совершенно чуждо.

Деепричастия совершенного вида на *-в*, *-вши*, *-ши*

I. Если деепричастия нс/в эксплицитно выражают «синхронность» побочного действия с главным, то деепричастия совершенного вида оставляют этот признак невыраженным. Семантика деепричастий с/в не содержит никаких указаний на временны́е соотношения побочного и главного действия.

О конкретных проявлениях этой общей (инвариантной) семантики деепричастий с/в будет речь в следующем разделе. Здесь мы остановимся на морфологических приёмах образования деепричастий с/в.

Деепричастия с/в на *-в*, *-вши* или *-ши* образуются, как правило, от основы прошедшего времени глаголов с/в.

Выбор окончания зависит от качества исхода основы прош/вр. Следует различать два случая:

а) Если основа прош/вр оканчивается на гласный, то деепричастие образуется с помощью окончания **-в** или **-вши**:

сде́ла-л	— *сде́ла-в*	*написа́-л*	— *написа́-в*
овладе́-л	— *овладе́-в*	*улете́-л*	— *улете́-в*
нарисова́-л	— *нарисова́-в*	*уби́-л*	— *уби́-в*

[1] П. С. Кузнецов: К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. Материалы и исследования по русской диалектологии, М./Л. 1949, 81.

[2] Там же, 64/5.

[3] Там же, 60/62.

верну́-л	— *верну́-в*	*откры́-л*	— *откры́-в*
отпусти́-л	— *отпусти́-в*	*сня-л*	— *сня-в* и т. п.

Во всех приведённых случаях допускается также вариант *-вши*.

б) Если основа прош/вр оканчивается на согласный, то деепричастие с/в образуется с помощью окончания **-ши**:

поги́б	— *поги́бши*	*привлёк*	— *привлёкши*
прони́к	— *прони́кши*	*привы́к*	— *привы́кши* и т. п.

Возвратная форма имеет два варианта: **-вшись** у глаголов группы (а), и **-шись** у глаголов группы (б), ср.:

отказа́ться — *отказа́вшись* (но: *отказа́в* или *отказа́вши*)
отдели́ться — *отдели́вшись* (но: *отдели́в* или *отдели́вши*)

обже́чься	— *обжёгшись*
прони́кнуться	— *прони́кшись* и т. п.

II. Колебания в образовании этого типа деепричастий наблюдаются у следующих глаголов:

1. У глаголов IX класса, форма прошедшего времени которых допускает дублеты типа *окре́п* и *окре́пнул*, *поме́рк* и *поме́ркнул*, *дости́г* и *дости́гнул* (см. стр. 84). В таких случаях допускаются параллельные формы типа *окре́пши* и *окре́пнув(ши)*, *дости́гши* и *дости́гнув(ши)*. Глагол *исче́знуть* (прош/вр *исче́з* и *исче́знул*) образует только форму *исче́знувши*.

2. У глаголов X класса общее правило остаётся в силе в таких случаях, как *спасти́* — *спас* — *спа́сши*, *влезть* — *влез* — *влёзши*, *привле́чь* — *привлёк* — *привлёкши* и т. п. Часть глаголов X класса с основой наст/вр на *-т* или *-д* образует формы деепричастия с/в от основы прошедшего времени, где согласные *т* или *д* не появляются, ср. *украсть* — *украд-у́* — *укра-л* — *укра́в*, *упасть* — *упаду́* — *упа-л* — *упа́в* (с вариантами *укра́вши*, *упа́вши*). Ср. также *сесть* — *ся́ду* — *сел* — *присе́в(ши)*. Но у глаголов *обрести́*, *приобрести́*, *изобрести́*, *цвести́*, *блюсти́*, *брести́*, *вести́*, *прясти́* сохраняются церковнославянские формы деепричастия с сохранением согласных *т* или *д* и без перехода *е* в *ё*, ср. *приобре́тши*, *изобре́тши*, *отцве́тши*, *приве́дши* и т. п. Такие формы воспринимаются в современном языке как архаизмы

и обычно заменяются параллельными формами типа *приобретя́, приведя́.*

3. В литературе XIX в. встречаются деепричастия от приставочных образований к глаголу *идти́* типа *прише́дши, воше́дши, отоше́дши* и т. п. Наряду с ними попадаются также архаические формы типа *воше́д, прише́д, отоше́д*, напр.:

Отоше́д не́сколько шагóв, он останови́лся (Пушкин).
Воше́д в кóмнату, я тóтчас узна́л карти́нки (Пушкин).

Все эти формы в современном языке неупотребительны; они заменяются формами типа *войдя́, придя́, отойдя́.*

4. У глаголов группы *тере́ть* деепричастия с/в образуются либо от основы прош/вр, либо от основы инфинитива:

вы́тер	— *вы́терши*	*вы́терть*	— *вы́терев*
стёр	— *стёрши*	*стере́ть*	— *стере́в* и т. п.

Формы типа *запере́в, вы́терев, оттере́в* и т. п. являются в современном языке более привычными.

Необходимо подчеркнуть, что данные формы деепричастий с/в относятся всецело к книжным стилям. Теоретически форма деепричастия с/в данного типа может быть образована от любого глагола, но на деле деепричастия на *-в, -вши* или *-ши* образуются далеко не от всех глаголов.

III. Окончания *-в* и *-вши*, присоединяющиеся к основе прош/вр на гласный, являются вариантами. Трудно указать осязаемую разницу между формами *прочита́в* и *прочита́вши*. Форма на *-в* несомненно преобладает в теоретических стилях, в языке газеты, ср.:

Отме́тив значе́ние перево́дной литерату́ры и *сказа́в* не́сколько слов о совреме́нном состоя́нии тео́рии перево́да, докла́дчик перешёл к ана́лизу... (из газе́т).

На десяти страницах романа «Анна Каренина» встречаются следующие деепричастия с/в на *-в*: *вспы́хнув, покрасне́в, взгляну́в* (5 раз), *уви́да́в, огляну́в, вспо́мнив*, но нет ни одной формы на *-вши*. Формы на *-вши*, по-видимому, используются в современном языке в стилистических целях: они придают речи оттенок непринуждённости или просторечия.

IV. Ударение. В Акад. грамм. даются два, несколько противоречивых правила: «деепричастия на *-в, -вши, -ши* со-

храняют (?) ударение неопределённой формы» (I 532) и «В деепричастиях на *-вши, -ши* ударение падает на тот же гласный, что и в форме прошедшего времени глаголов» (I 533). Остаётся неясным, на какую именно форму прошедшего времени (мужскую?, женскую?) ориентируется место ударения в деепричастиях.

В качестве общего правила можно утверждать, что ударение деепричастий с/в на *-в, -вши -ши* ориентируется на форму мужского рода прош/вр, ср. *забра́в* (м/р *забра́л*, ж/р *забрала́*), *привлёкши* (м/р *привлёк*, ж/р *привлекла́*) и т. п. Акцентологические «правила» относятся, однако, лишь к продуктивным и некоторым непродуктивным типам глаголов. У «иррегулярных» глаголов имеются некоторые отклонения:

а) Деепричастия от глаголов типа *приня́ть* не совпадают, по месту ударения, ни с одной из форм прошедшего времени, а ориентируются на инфинитив:

приня́ть — *приня́в* (но: *при́нял* — *приняла́*)
наня́ть — *наня́в* (но: *на́нял* — *наняла́*)
подня́ть — *подня́в* (но: *по́днял* — *подняла́*)
обня́ть — *обня́в* (но: *о́бнял* — *обняла́*) и т. п.

б) Место ударения деепричастий с/в ориентируется на инфинитив, а не на формы прошедшего времени, у приставочных образований от глагола *дать*:

отда́ть — *отда́в* (но: *о́тдал* — *отдала́*)
зада́ть — *зада́в* (но: *за́дал* — *задала́*)
созда́ть — *созда́в* (но: *со́здал* — *создала́*) и т. п.

в) Место ударения деепричастий от возвратных глаголов обычно совпадает с местом ударения тех же невозвратных глаголов, ср. *приня́в — приня́вшись*. В отдельных случаях, однако, имеются формы с ударяемым окончанием *-вши́сь*, ср.:

запершись — но: *за́перся* — *заперла́сь*
опершись — но: *опёрся* — *оперла́сь*

Формы типа *запершись*, *опершись* совпадают, по месту ударения, с формами *заперся́*, *оперся́*, приводимыми ещё в словаре

Ушакова, но почему-то исключёнными из литературной нормы в современных пособиях.

Деепричастия от глагола *обня́ться* представлено дублетами *обня́вшись/обнявши́сь* (ср. *обнялся́* у Ушакова).[1]

Деепричастия совершенного вида на *-я (-а)*

Морфологически деепричастия с/в на *-я (-а)* ничем не отличаются от соответствующих деепричастий нс/в на *-я (-а)*, ср. *придя́ — идя́*. Однако круг глаголов с/в, образующих деепричастия на *-я (-а)*, довольно узок: деепричастия с/в на *-я (-а)* образуются преимущественно от глаголов V продуктивного класса на *-ить* (ср. *возврати́сь*, *наклони́сь*, *облокоти́сь*, *нахму́рясь*, *прислони́сь*), а также в кругу глаголов перемещения *(придя́, уйдя́, отойдя́, войдя́, принеся́)*. В современном языке почти не образуются новые формы этого типа.[2]

Правда, в художественной литературе XIX в. этот тип деепричастий употребляется значительно чаще, чем в наши дни, ср.:

Хорошо́ оде́тый молодо́й челове́к, *уви́дя* его, подбежа́л к изво́зчику (Пушкин).

... но *возврати́сь*, нашёл он молодо́го челове́ка (Пушкин).

Едва́ *опра́вясь* от боле́зни, смотри́тель вы́просил у С*** почтме́йстера о́тпуск (Пушкин).

Максим Горький, чаще других современных писателей, пользуется деепричастиями с/в на *-я (-а)*, ср.: «*положа́* го́лову на шерстяну́ю грудь его́», «ходи́л, *наклоня́* го́лову», «*остановя́сь* у две́ри», «Ушла́ *не простя́сь* ни с кем», «*Остановя́сь*, подняла́ го́лову», «сиде́л, *развали́сь* в кре́сле» и т. п.

Но и у новейших авторов можно встретить новообразования, ср. «Ско́боле в сиде́л на решётчатой скамье́ в скве́рике у вокза́ла, *поворотя́сь* спино́й к вече́рнему со́лнцу» (Вс. Кочетов, Журбины).

---

[1] Словарь-справочник (1955) и Орфогр. словарь русск. яз. (1956) этой формы не приводят; в них приведена только форма причастия *обня́вший-(ся)*. Ср., однако, в известной песне: «На пере́днем Сте́нька Ра́зин/*Обня́вшись* сиди́т с княжно́й.»

[2] Акад. грамматика характеризует эти формы как «устаревшие» (I 527), с чем трудно согласиться: ведь они употребляются решительно всеми современными писателями без малейшего оттенка архаичности.

Все приведённые формы деепричастия могут быть заменены формами деепричастия с/в на *-в* или *-вшись: возвратя́сь/возврати́вшись, опра́вясь/опра́вившись, положа́/положи́в, остановя́сь/останови́вшись, поворотя́сь/поверну́вшись* и т. п.

Некоторые формы деепричастий с/в на *-я (-а)* или на *-в (-вшись)* вошли в фразеологические обороты: *бежа́ть сломя́ го́лову* ‚bežať ozlomkrky', *сиде́ть сложа́ ру́ки* ‚sedieť so založenými rukami', *рабо́тать спустя́ рукава́* ‚pracovať ledabolo', *положа́ ру́ку на́ сердце, гляде́ть нахму́ря бро́ви, уйти́ не спроси́сь* ‚odísť bez dovolenia', *бежа́ть вы́суня язы́к* ‚s vyplazeným jazykom', *согласи́ться скрепя́ се́рдце* ‚s ťažkým srdcom', *уйти́ не прости́вшись, (сиде́ть, отвеча́ть) опусти́в глаза́, наклоня́ го́лову* ‚so sklonenou hlavou' и т. п.

Частные значения деепричастий совершенного вида

Являясь слабым членом оппозиции «реляционного временно́го значения» с чисто негативной общей семантикой, деепричастия с/в имеют необыкновенно широкий диапазон частных значений.

Под общий негативный признак «невыраженной синхронности побочного действия с главным» подпадает не только частное значение преждевременности, но и частные значения «последующего действия», и даже частное значение совместного, сопутствующего или включённого в главное действие второстепенного действия. Две последних разновидности иногда трудно отличить друг от друга. Иными словами: не выражая эксплицитно синхронности, деепричастия с/в могут (в определённых условиях) имплицитно выражать также синхронность побочного действия. Всё это характерно для слабой, немаркированной категории и связано с общей диалектикой бинарных оппозиций.

В отличие от деепричастий нс/в (типа *рабо́тая, рабо́тав*), деепричастия с/в (типа *прочита́в, прочтя́*) представляют побочное действие не как процесс, а как событие. Это связано, разумеется, с общим значением совершенного вида.

Событие, выраженное формой деепричастия с/в, может быть локализовано в разных пунктах временно́й оси по отношению к событию или процессу, выраженному глаголом-сказуемым. Однако та или иная интерпретация частного значения деепричастия с/в обусловлена не самим грамматическим значениям

глагольной формы, а контекстуальными условиями. Здесь важную роль играют два фактора:

1. Постановка деепричастия перед глаголом-сказуемым (препозитивное употребление деепричастия) или после него (постпозитивное употребление);

2. Индивидуальное лексическое значение глаголов, выражающих главное и побочное действия.

Препозитивное употребление деепричастия с/в создаёт благоприятные условия для толкования данной формы в смысле преждевременности:

Око́нчив университе́т, он верну́лся на ро́дину.
Отдохну́в с неде́лю, он сно́ва при́нялся за рабо́ту.

Логический порядок событий *(око́нчил — верну́лся; отдохну́л — сно́ва при́нялся)* подчёркивается здесь порядком слов. Такое толкование поддерживается также лексическим значением глаголов *(око́нчил, сно́ва при́нялся)*. Если, в качестве эксперимента, поставить деепричастный оборот после главного предложения, то временно́е соотношение событий остается тем же самым:

Он верну́лся на ро́дину, око́нчив университе́т.
Он сно́ва при́нялся за рабо́ту, отдохну́в с неде́лю.

Постпозитивное употребление деепричастия с/в с частным значением преждевременности непривычно и нетипично, но теоретически вполне возможно. Практически же частное значение преждевременности обычно связано с препозитивным употреблением деепричастия с/в:

Войдя́ в кабине́т, Рябинин осмотре́лся (Л. Толстой).
Оде́вшись, Степа́н Арка́дьич пры́снул на себя́ духа́ми (Л. Толстой).
Око́нчив пи́сьма, Степа́н Арка́дьич придви́нул к себе́ бума́ги... (Л. Толстой).
Приподня́вшись на ло́кте, Ва́ря встрево́женно взгляну́ла на подру́гу (Л. Леонов).

Во всех приведённых случаях деепричастие с/в, употреблённое препозитивно, имеет частное значение именно преждевременности.

Постпозитивное употребление деепричастия с/в создаёт

благоприятные условия для толкования данной формы в смысле «не-преждевременности».[1]

Значение «не-преждевременности» второстепенного действия, выраженного деепричастием с/в, конкретизируется, по меткому определению акад. В. В. Виноградова, как «сплетённое с действием глагола-сказуемого, включённое в него как его составная часть или образующее вместе с ним один сложный акт» (Русский язык, 1947, 390).

Значение «сопутствующего признака» или «сопровождающего обстоятельства» с полной наглядностью вскрывается в тех случаях, где к постпозитивной форме деепричастия с/в можно прибавить «при этом», напр.:

Он сиде́л, *поджа́в* под себя́ но́ги.
Анна шла, *опусти́в* го́лову (Л. Толстой).

Вопрос о временно́м соотношении побочного и главного действия здесь оказывается бессмысленным: деепричастия с/в *(поджа́в, опусти́в)* здесь выражают состояние как результат действий-событий. Нельзя просто считать оба действия «синхронными» (в смысле «процессуальной синхронности»). Деепричастные обороты здесь выражают сопровождающие обстоятельства.

Значение «сплетения двух действий», «включение побочного действия в главное действие» можно установить в следующем примере:

Украи́нский наро́д *доби́лся*, наконе́ц, осуществле́ния свое́й вековой мечты́, *созда́в* своё национа́льное украи́нское госуда́рство (Труд от 11/XII 1953).

Логически «осуществление вековой мечты» и «создание национального государства» совпадают по времени. Но не «синхронность» обоих событий выражена деепричастием с/в *созда́в*. Создание национального государства является конкретным проявлением, материализацией «осуществления вековой мечты». О «синхронности» здесь говорить не приходится. Другой пример:

... она́ не оши́блась, *став* врачо́м (И. Котенко, Хорошие люди).[2]

Отметим, что значение «сопровождающего обстоятельства» может быть выражено и препозитивным деепричастием с/в, при

[1] См. R. Ruzicka: Struktur und Dialektik in der russischen Grammatik, Zeitschrift für Slawistik 4 (1959), 4, 546.

[2] Пример заимствован у Р. Ружички, цит. соч., 547.

условии, что лексическое значение участвующих в конструкции глаголов не допускает другого толкования. Такой пример приведён у акад. В. В. Виноградова (цит. соч., 391):

Су́хо *чмо́кнув*, ло́пнула то́нкая леса́.

Леса не «просто» лопнула, а издала при этом характерный звук.

Общее значение «не-преждевременности» постпозитивных деепричастий с/в имеется также в предложениях, в которых второстепенное действие логически может быть выполнено только после совершения главного:

Га́нна поспе́шно влете́ла в ха́ту, *захло́пнув* за собо́ю дверь (Гоголь).

С точки зрения логического порядка событий ясно, что сперва надо «влететь в хату» и только потом можно «захлопнуть за собой дверь». На основании именно такого логического анализа обычно и выделяется особое значение деепричастия с/в — значение «последующего действия» (následný dej). Значение «последующего действия», однако, ничем не выражено. Деепричастие с/в само по себе оставляет признак синхронности с главным действием невыраженным и толкуется как «сопровождающее обстоятельство». В данном случае речь идёт именно о таком «сопровождающем обстоятельстве», в чём нетрудно убедиться, вставив после деепричастия пояснительное наречие «при э́том»:

Он вы́бежал из ко́мнаты, *захло́пнув (при э́том)* за собо́й дверь.

На поверку оказывается, что так называемое «значение последующего действия» является результатом логического анализа содержания всего высказывания, а не результатом анализа грамматического значения формы деепричастия с/в. Раз деепричастие с/в эксплицитно не выражает «синхронности» побочного действия с главным, то оно может — при благоприятных лексических и «позиционных» условиях — обозначать и такие действия, которые в реальном плане осуществляются после главного действия.[1]

[1] Некоторые авторы усматривают известное противоречие между формой деепричастия „прошедшего времени" и частным значением «последующего действия». Подчеркнём, что в целом ряде европейских языков глагольные формы, соответствующие русскому деепричастию «прошедшего времени», употребляются именно в значении «последующего действия», ср. фр. Il sortit, *ayant fermé* la porte à clef «он вы́-

Остаётся сказать несколько слов о роли индивидуального значения глаголов для того или иного толкования деепричастных оборотов.

Акад. В. В. Виноградов указывает, что основным глаголом-сказуемым, к которому примыкает деепричастие со значением сопровождающего обстоятельства, «чаще всего бывают или глаголы состояния: *сидéть*, *лежáть*, *стоя́ть*, *ходи́ть* — или глаголы речи и чувства» (цит. соч., 390).

Стремясь доказать, что деепричастия с/в обозначают «одновременность» второстепенного действия с главным, как и деепричастия нс/в, словацкий языковед И. Ружичка подчёркивает, что такое значение «одновременности» выступает при условии, что речь идёт о «двух действиях, которые один и тот же производитель (agens) может совершать одновременно», напр.:

»Daj mi s tým pokoj!« *zvolala* náručivo, *začervenajúc* sa (Kuk.).[1]

Нельзя не согласиться: один и тот же «производитель действия» может одновременно и «воскликнуть», и «покраснеть». Но не находится ли автор здесь в плену логики? Форма *začervenajúc* «покраснев» здесь не выражает «процессуальную синхронность» двух действий, как в предложении с деепричастием нс/в: To všetko cíti, *robiac* brázdu za brázdou (Kuk.). Побочное «действие», выраженное формой *začervenajúc*, представляется не как «одновременное» (в темпоральном смысле), а как сопутствующее обстоятельство (sprievodná okolnosť). Именно это значение и подчёркивается в таких случаях, как I predčítal dosť dlhý čas, *vynechajúc pritom* meno Marcela (Jégé).

Если бы имелась в виду «синхронность» двух действий, то вместо наречия *pritom* следовало бы употребить наречие *vtom* «в то же время».

Лексическое значение глаголов, участвующих в конструкции, само по себе, не решает дела. Оно лишь создаёт условия для того или иного толкования общего грамматического значения данной глагольной формы.

В словацком литературном языке, как и в русском, следует принципиально различать два деепричастия: деепричастие нс/в (тип *skáčuc*) и деепричастие с/в (тип *skočiac*). Так же, как и в русском языке, деепричастие нс/в обозначает в словацком «процессуальную синхронность побочного действия с главным», и так же, как и в русском языке, деепричастие с/в оставляет это значение невыраженным. Все частичные значения деепричастия с/в («прежде временность, значение сопутствующего или последующего действия») сводятся, таким образом, к одному общему (инвариантному) значению с чисто отрицательным признаком.

Поскольку в русском литературном языке бытуют две формы деепричастия с/в *(прочита́в* и *прочтя́*, *уви́дев* и *уви́дя)*, то возникает вопрос о семантической их дифференциации. Р. О. Якобсон указывает, что,

---

шел, запере́в дверь на ключ" (т. е. сперва вышел, а потом запер), англ. He entered the room *having locked the door behind him* „он вошёл в ко́мнату, запере́в за собо́й дверь" (т. е. сперва вошёл, а потом запер). Данное употребление русского деепричастия с/в типа *закры́в* используется в качестве одного из многочисленных стилистических приёмов, общих целому ряду развитых литературных языков.

[1] Jozef Ružička: O používaní prechodníkov, Slovenská reč 21 (1956), 291.

в препозитивном употреблении, формы на *-я (-а)* выражают непосредственный «временно́й контакт» между действием, выраженным деепричастием с/в и глаголом-сказуемым, а формы на *-в* этого оттенка не имеют. Обе формы могут быть использованы в предложении:

Прочита́в/прочтя́ кни́гу, он заду́мался.

Но если не выражается непосредственный «временно́й контакт», то можно употребить только форму на *-в:*

Прочита́в кни́гу, он *впосле́дствии* ча́сто говорил о ней.[1]

Следует сказать, что предложения второго типа вообще редко встречаются, т. к. деепричастие во всех случаях выражает действие, мыслимое или представляемое как побочное по отношению к главному. При наличии временно́го разрыва между обоими действиями утрачивается семантическая связь между обоими глаголами и деепричастие, по-видимому, избегается.

Переход деепричастий в другие части речи

В стереотипных конструкциях, содержащих деепричастия, полупредикативная значимость деепричастий легко утрачивается: возникают новые синтаксические отношения. Это влечёт за собой адвербиализацию деепричастий.

Адвербиализированных деепричастий в русском языке очень немного. Можно привести: *рабо́тать сто́я (лёжа, си́дя)* ‚pracovať postojačky', *мо́лча подчиня́ться, соглаша́ться* ‚mlčky'. Некоторые из приведённых форм продолжают, однако, употребляться и в функции деепричастия, ср. *Он чита́л письмо́, сто́я у окна́ (лёжа на дива́не).*[2] Ср. «Неизъясни́мо хорошо́ плыть по Во́лге осе́нней но́чью, *си́дя на корме́ ба́ржи,* у руля́» (М. Горький).

В разряд наречий перешли также формы *не́хотя* ‚bez chuti, nerád' и *(рабо́тать) не спеша́* ‚pekne pomaly'. Наречиями можно считать также формы, встречающиеся только или преиму-

[1] R. Jakobson: Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb, Harvard 1957, 8.

[2] В грамматиках неизменно указывается, что наречия *сто́я* и *мо́лча* отличаются по месту ударения от соответствующих деепричастий *стоя́* и *молча́*. Нам неизвестны случаи употребления форм «стоя́» или «молча́». Акад. грамм. констатирует, что формы «стоя́» или «молча́» «вообще крайне редки в живой речи» (I 526). Вл. Грабе (Vl. Hrabě) считает «переход» деепричастий *гля́дя, лёжа, си́дя, мо́лча, су́дя* в наречия — фикцией (ср. кандидатскую диссертацию. O polovětné vazbě a vedlejší predikaci [1959] 150).

щественно в фразеологически связанных сочетаниях типа *бежáть вы́сунув язы́к, рабóтать спустя́ рукавá, жить припевáючи* и т. п. (см. стр. 534).

В разряд предлогов (и послелогов) перешли формы *благодаря́ кому-чему* ‚vďaka niečomu', *смотря́ по* ‚podľa niečoho', *несмотря́ на, невзира́я на* ‚nehľadiac na, napriek'. К предлогам можно также отнести сочетания *включа́я (сюда́)* и ‚včítane, inkluzívne', *не включа́я (и)* ‚počítajúc do toho i' и т. п. Предлогом является форма *су́дя по* ‚podľa' и *спустя́ (спустя́ не́сколько дней* ‚niekoľko dní potom'); форма *спустя́* употребляется также в функции послелога (postpozície) с винительным падежом: *неде́лю спустя́* ‚o týždeň'.

В разряд союзов перешли формы *невзира́я/несмотря́ на то что* ‚hoci', ср. *Он вы́шел на у́лицу, несмотря́ на то что был моро́з.*

Сочетания типа *со́бственно говоря́* ‚vlastne', *откровéнно говоря́* ‚úprimne povedané', *стро́го говоря́* ‚vlastne' употребляются в качестве вводных слов.

ПРИЧАСТИЯ

Грамматическая характеристика и состав причастий в русском языке

По своему морфологическому облику причастия сочетают в себе признаки глагола и признаки прилагательного. Из этого, однако, нельзя заключать, что причастия являются «гибридной» (смешанной) «глагольно-адъективной» формой.

Подобно прилагательным, причастия согласуются с существительным в роде, числе и падеже. Пассивные причастия к тому же образуют полные и краткие формы. Этим внешнее сходство с прилагательными исчерпывается. В отличие от прилагательных, причастия не образуют степеней сравнения[1]. От прилагательных могут быть образованы отвлечённые существительные

---

[1] Если к слову *откры́тый* можно образовать сравнительную степень *откры́тее*, то это значит, что исходной формой является не причастие, а прилагательное (адъективизированное причастие) *откры́тый*, ср. у Л. В. Щербы: «Французское »i« будет у́же, *откры́тее* русского *и*» (Фонетика французского языка, М. 1948, 33).

на *-ость/-есть*; от причастий подобные существительные не образуются, т. к. причастие остаётся элементом глагольной парадигмы и не может служить базой для словообразовательных приёмов.[1] Способность или неспособность служить базой для словообразовательных приёмов является надёжным критерием при разграничении прилагательных и причастий.

Формы причастия связаны с глагольной парадигмой не только общей основой, но и своим процессуальным (полупредикативным) значением, а также специфически глагольными категориями вида и залога. Всякое причастие имеет одно из видовых значений, всякое причастие выражает пассив или актив (не-пассив).

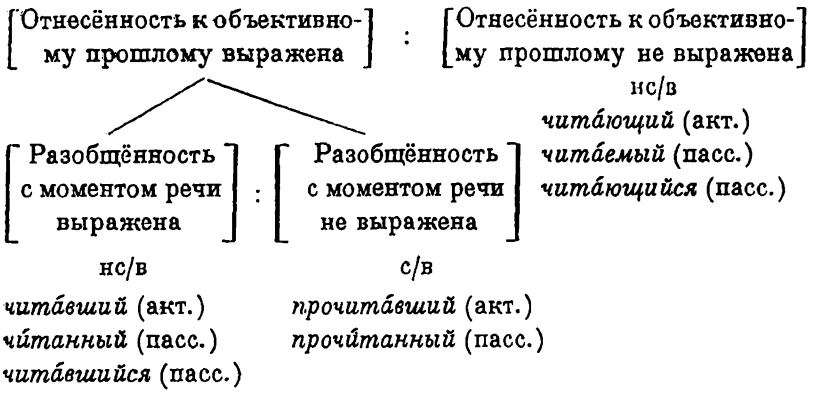
Спрягаемые формы (verbum finitum) являются в наших языках формами сказуемостными. По своей синтаксической функции причастия являются атрибутивными глагольными формами. Они определяют существительное либо прямо *(бегу́щая ло́шадь)*, либо в обособлении *(ло́шадь, бегу́щая по доро́ге)*. В современном языке именно обособлённое употребление причастий является преобладающей, основной функцией причастий в составе высказывания.

Выступая в качестве определения (атрибута), причастия одновременно выражают определённые предикативные отношения, которые можно назвать «полупредикативными». Субъектом действия, выраженного причастием, является то существительное, к которому причастие относится и с которым оно согласуется. В предложении *Ло́шадь, бегу́щая по доро́ге, споткну́лась* субъект предложения *(ло́шадь)* совпадает с «субъектом» причастия. Но в предложении *Ва́ня уви́дел ло́шадь, бегу́щую по доро́ге*, субъектом предложения является существительное *Ва́ня*, а «субъектом» действия, выраженного причастием *бегу́щую*, является существительное *ло́шадь*, т. е. прямое дополнение (predmet) данного предложения.

«Временны́е» отношения, выражаемые причастиями, могут быть сведены к тем же видо-временны́м значениям, на которых основана система видо-временны́х форм индикатива (см. стр. 469)

---

[1] Отвлечённые существительные типа *откры́тость* образованы не непосредственно от причастий типа *откры́тый*, а от прилагательных (адъективизированных причастий).

Так называемые причастия «настоящего времени» не выражают отнесённости именно к «настоящему», а являются слабым, немаркированным членом первой оппозиции: их семантика не содержит никаких положительных указаний на отнесённость действий, ими выражаемых, к объективному прошлому. О частных значениях причастий в том или ином контексте будет речь ниже. Считаем необходимым подчеркнуть, что применяемые нами традиционные термины «причастие настоящего времени» и «причастие прошедшего времени» являются условными обозначениями форм и ничего не говорят об общей грамматической семантике самих этих форм. К тому же многие причастия «прошедшего времени» образованы не от основы прош/вр, а от основы презенса, ср. *прóйденный — пройдý* (ср. прош/вр *прошёл*).

Причастия настоящего времени

Действительные причастия настоящего времени на *-ущий/-ющий* и *-ащий/-ящий*

I. Действительные причастия настоящего времени (в дальнейшем: дств/прич. наст/вр) образуются от основы настоящего времени глаголов нс/в. Морфологическим показателем является формообразующий суффикс *-ущий (-ющий)* или *-ащий (-ящий)*.

У глаголов I спряжения графический вариант *-ющий* появляется в том случае, если в исходе основы настоящего времени

(устанавливаемой из формы 3 лица ед/ч презенса), стоит фонема /-j/ или парный мягкий согласный:

они́ чита́j-ут — *чита́ющий*
они́ владе́j-ут — *владе́ющий*
они́ рису́j-ут — *рису́ющий*
они́ ко́л-ют /-ľ-/ — *ко́лющий* и т. п.

Вариант *-ущий* присоединяется к основе наст/вр с исходом на твёрдый согласный:

они́ нес-у́т — *несу́щий* *они́ тек-у́т* — *теку́щий*
они́ берег-у́т — *берегу́щий* *они́ тр-ут* — *тру́щий* и т. п.

Эти формы соответствуют словацким формам на *-úci*: *čítajúci*, *pracujúci*, *nesúci*.

У глаголов II спряжения суффикс *-ящий* присоединяется к основе с исходным на /-j/ или на мягкий парный согласный:

они́ стро́ят / stroj- / — *стро́ящий*
они́ говор-я́т / govoŕ- / — *говоря́щий*
они́ сидя́т / śiď- / — *сидя́щий* и т. п.

Если в исходе основы наст/вр стоит *ж*, *ч*, *ш* или *щ*, то появляется вариант *-ащий*:

они́ крич-а́т — *крича́щий* *они́ су́ш-ат* — *су́шащий*

Эти формы соответствуют словацким формам на *-iaci*: *hovoriaci*, *sediaci*, *sušiaci*.

Формы дств/прич. наст/вр склоняются по образцу прилагательных типа *свéжий* (ср. Грамм. строй I 248). Причастия этого типа не образуют кратких форм.[1]

Возвратная форма дств/прич. наст/вр образуется с помощью аффикса *-ся*, который присоединяется к формам всех родов и падежей: *находя́щийся*, *находя́щаяся*, *находя́щееся*, род. пад. *находя́щегося* и т. п. Вариант *-сь* в формах причастий не встречается. О значениях возвратных причастий см. ниже. (стр. 552 и 568).

II. Ударение. У глаголов с постоянным ударением в презенсе индикатива место ударения сохраняется и в формах дств/прич. наст/вр, ср.:

---

[1] Краткие формы типа *Он óчень зна́ющ* ‚veľa toho vie', *он всевéдущ*, *вездесу́щ* и т. п. образованы не непосредственно от причастий, а от адъективизированных причастий *зна́ющий* ‚ktorý veľa vie', чеш. ‚znalý', *всевéдущий*, *вездесу́щий*.

чита́ть: *чита́ют* — *чита́ющий*
владе́ть: *владе́ют* — *владе́ющий*
рисова́ть: *рису́ют* — *рису́ющий*
гнить: *гнию́т* — *гниющий*
петь: *пою́т* — *пою́щий*
говори́ть: *говоря́т* — *говоря́щий*
тра́тить: *тра́тят* — *тра́тящий*
по́ртить: *по́ртят* — *по́ртящий*
ве́рить: *ве́рят* — *ве́рящий*
лете́ть: *летя́т* — *летя́щий* и т. п.

У глаголов с подвижным ударением в индикативе наст/вр (обоих спряжений) место ударения в дств/прич. наст/вр, как правило, совпадает с местом ударения в 3 лице мн/ч презенса, ср.:

**писа́ть*: *пи́шут* — *пи́шущий*
**иска́ть*: *и́щут* — *и́щущий*
**дыша́ть*: *ды́шат* — *ды́шащий*
**плеса́ть*: *пля́шут* — *пля́шущий*
**клевета́ть*: *клеве́щут* — *клеве́щущий*
**хлопота́ть*: *хлопо́чут* — *хлопо́чущий*
**ропта́ть*: *ро́пщут* — *ро́пщущий*
**стлать*: *сте́лют* — *сте́лющий*
**коло́ть*: *ко́лют* — *ко́лющий*
**души́ть*: *ду́шат* — *ду́шащий*
**дыша́ть*: *ды́шат* — *ды́шащий*
**лечи́ть*: *ле́чат* — *ле́чащий*
**люби́ть*: *лю́бят* — *лю́бящий*
**руби́ть*: *ру́бят* — *ру́бящий*
**служи́ть*: *слу́жат* — *слу́жащий*
**суши́ть*: *су́шат* — *су́шащий*
**туши́ть*: *ту́шат* — *ту́шащий* и мн. др.

Это общее правило, однако, нарушается у многих глаголов V и VII классов, а также у некоторых других глаголов.

Любопытно, что двусложные глаголы V класса с подвижным ударением, содержащие в корне гласный *-о-*, а также глаголы с полногласием *-оро-*, *-оло-* обычно имеют ударение на *-я́щий*, тип:

**ходи́ть*: *хо́дят* — *ходя́щий*.

Точно так же: *нося́щий*, *возя́щий*, *водя́щий*, *бродя́щий*, *клоня́щий*,

прося́щий, ловя́щий, копя́щий, кормя́щий, кося́щий, топя́щий, точа́щий; боронящий, торопя́щий, хороня́щий и др. Сюда же следует отнести ряд глаголов V класса с другим гласным в корне:

дра́знят — дразня́щий у́чатся — уча́щийся и т. п.

У многочисленных глаголов V класса наблюдаются колебания. В ряде случаев современные пособия (Словарь-справочник, Орфографический словарь) рекомендуют один из вариантов, например *лю́бящий* (вариант *любя́щий*), *слу́жащий* (вариант *служа́щий*), *содержа́щий* (вариант *содержащий*). В других случаях рекомендуемые формы причастий в специальных справочниках не приводится.[1]

III. Грамматическое значение дств/прич. наст/вр определяется его местом в системе причастных форм. Причастия на *-ущий/-ащий* являются слабым, немаркированным членом корреляции: в них не выражен признак «отнесённости к объективному прошлому». Поэтому временно́е значение таких причастий может истолковываться как выражение «одновременности» побочного действия с главным, ср.:

Я ви́жу ма́льчика, *чита́ющего* кни́гу.
Я ви́дел (уви́дел) ма́льчика, *чита́ющего* книгу.

Однако форма дств/прич. наст/вр сама по себе не выражает «одновременности», ср.:

Я вы́писал журна́л, *выходя́щий* в Москве́.
Я вы́пишу (бу́ду выпи́сывать) журна́л, *выходя́щий* в Москве́.

Единственным «временны́м» признаком данной формы является во всех случаях отсутствие эксплицитно выраженной отнесённости к плану объективного прошлого.

IV. Некоторые дств/прич. наст/вр перешли в другие части речи. Причастия, употребляемые в качестве необособленных

---

[1] Так, например, в словаре-справочнике «Русское литературное ударение и произношение» (1955) не приведены формы *душащий, дышащий, рубящий, сушащий, тушащий, губящий, варящий* и десятки других, хотя место ударения в этих формах неустойчиво. — Богатый материал акцентологических дублетов приводится в книге Л. А. Булаховского: Русский литературный язык первой половины XIX века, М. 1954, 234/5.

определений *(знáющий человéк, блуждáющий огонёк)*, легко утрачивают значение процессуальности и этим самым отделяются от глагольной парадигмы, превращаясь в имена прилагательные, например: *бýдущий, волнýющий* ‚vzrušujúci', *выдающийся* ‚vynikajúci', *вызывáющий* ‚vyzývavý, provokačný', *исчéрпывающий* ‚vyčerpávajúci', *леденящий* ‚mrazivý', *недостающий* ‚chýbajúci', *обрабáтывающий* ‚obrábací', *отстающий* ‚zaostávajúci', *оттáлкивающий* ‚odpudzujúci', *подходящий* ‚vhodný, vyhovujúci', *потрясáющий* ‚ohromujúci, úžasný', *руководящий* ‚vedúci', *угрожáющий* ‚hrozivý', *ужасáющий* ‚strašný', *цветýщий* ‚kvitnúci', *чарýющий* ‚čarovný' и мн. др.

Адъективизированные причастия могут дальше субстантивироваться. Обычно субстантивированные формы обозначают лицо: *главнокомáндующий* ‚hlavný veliteľ', *завéдующий* ‚vedúci', *желáющий* ‚uchádzač', *исполняющий обязанности* ‚zástupca', *курящий* ‚fajčiar' (ср. *для курящих, для некурящих*), *начинáющий* ‚začiatočník', *невéрующий* ‚neveriaci', *слýжащий* ‚zamestnanec, úradník', *трудящиеся* ‚pracujúci', *управляющий* ‚správca', *учáщиеся* ‚žiaci (a žiačky)', *учáствующий* ‚účinkujúci'.

К зоологической терминологии относятся субстантивированные причастия *млекопитáющие* ‚cicavce' и *пресмыкáющиеся* ‚plazy'.

Субстантивированные прилагательные, восходящие к причастиям, имеются также в лингвистической терминологии: *подлежáщее* ‚podmet', *свистящие, шипящие* и т. п.

Некоторые причастия встречаются преимущественно или исключительно только в устойчивых сочетаниях, носящих иногда терминологический характер: *брéющий полёт* ‚prízemný let', *дéйствующее лицó* ‚(účinkujúca) osoba', *имýщие клáссы* ‚majetné triedy', *прáвящие клáссы* ‚vládnúce triedy', *животрепéщущий вопрóс* ‚aktuálna, naliehavá otázka', *металлообрабáтывающая промышленность, бóлеутоляющее срéдство, жáропонижáющее срéдство, пылеотсáсывающая устанóвка* и т. п.

Отдельные партиципиальные формы употребляются в современном языке в функции местоимений или близких к ним слов: так слово *настоящий* выступает не только в качестве прилагательного в значении ‚ozajstný', чеш. ‚skutečný' (напр. *настоящий человéк*), но и в качестве указательного местоимения в значении ‚tento' (напр. *в настоящее врéмя* — «сейчас», *в на-*

стоя́щей рабо́те «в этой работе»). Местоименное значение имеют также старые партиципиальные формы *сле́дующий* ‚nasledujúci, tento' (напр. *в сле́дующих слу́чаях*), *предыду́щий* ‚predchádzajúci', *предше́ствующий* и т. п.

Причастия на **-ущий/-ащий** не являются исконно русской формой: морфологический показатель *-щий* заимствован из церковнославянского языка (ср. стсл. *несѫштꙗ*, *творѧштꙗ* и т. п.). В древнерусском языке употреблялись формы причастий типа *неса* (м/р), *несучи* (ж/р) и *несуче* (мн/ч), ср. др.-чеш. přechodníky *nesa*, *nesúci*, *nesúce*. Старые вост.-слав. формы причастий сохранились в украинском языке, ср. *расту́чий* «растущий», *наступа́ючий* «наступающий» и т. п. Следы старых партиципиальных форм сохранились в русском языке в некоторых прилагательных на **-чий**, успевших полностью утратить морфологическую связь с глаголом и превратившихся в прилагательные: слово *горя́чий* больше не связано с глаголом *горе́ть* (ср. причастие *горя́щий*), точно так же, как и слвц. *horúci* больше не связано с *horieť*, а *vrúci* больше не является формой глагола *vrieť*. Древними причастиями являются следующие прилагательные: *стоя́чий*, *вися́чий*, *спя́чий*, *сидя́чий*, *лежа́чий*, *могу́чий*, *жгу́чий*, *вонючий* ‚smradľavý', *горю́чий* ‚horľavý' (ср. *горю́чее* ‚pohonná látka'), далее *дрему́чий лес* ‚prales' (собственно «дремлющий лес»), *лету́чая мышь* ‚netopier', *плаку́чая и́ва* ‚smútočná vŕba', *паду́чая (боле́знь)* ‚padúcnica', *трескучий моро́з* ‚treskúci mráz', *колю́чая про́волока* ‚pichľavý drôt' и др.

Страдательные причастия настоящего времени на *-мый* и на *-ущийся/-ащийся*

I. В современном русском языке следует различать две формы страдательного причастия настоящего времени (в дальнейшем: стр/прич. наст/вр):

а) причастия на *-мый (-емый, -имый, -омый)*, напр. *образу́емый* ‚tvorený';

б) причастия на *-ущийся/-ащийся*, напр. *образу́ющийся* ‚tvorený'.

Причастия типа (б) в традиционных грамматиках не приводятся.

Продуктивность образования причастий типа (а) сильно ограничена; этим серьёзно нарушается парадигматический характер данного приёма глагольного формообразования. Обратимся сперва к первому типу.

II. Причастия на **-мый** являются отчётливо книжной формой; их сферой применения в современном языке является прежде всего язык науки и публицистики.

Категория причастий на *-мый*, как таковая, заимствована из церковнославянского языка[1]; книжный характер этой категории проявляется, между прочим, и в том, что причастия на *-мый* образуются преимущественно от глаголов с абстрактным значением.

Глаголы II, IV, VI, VII и IX классов совсем не образуют причастий на *-мый;* не образуют таких причастий и глаголы, стоящие вне продуктивных и непродуктивных классов (кроме группы глаголов типа *дава́ть*). Но и в пределах I, III и V классов причастия на *-мый* образуются только от некоторых глаголов.

1. Наиболее свободно причастия на **-емый** образуются от вторичных приставочных глаголов нс/в; все эти глаголы относятся, как известно, к I продуктивному классу на **-ать/-ять**, ср. *возглавля́емый, возобновля́емый, воспринима́емый, восстанавля́емый, выдвига́емый, заменя́емый, избира́емый, издава́емый, излага́емый, изуча́емый, называ́емый, обозрева́емый, объединя́емый, осуществля́емый, повыша́емый, понижа́емый, познава́емый, предлага́емый, предполага́емый, распознава́емый, распространя́емый, свя́зываемый, создава́емый, сопоставля́емый, составля́емый, уничтожа́емый* и т. п.

Нетрудно заметить, что среди приведённых глаголов преобладают глаголы церковнославянского происхождения (ср. префиксы *из-, пред-, воз-, со-*).

От простых глаголов нс/в, входящих в I класс, формы причастия на *-емый* образуются сравнительно редко: *лиша́емый, чита́емый.* Характерно, что формы на *-емый* не образуются от глаголов I класса, относящихся к бытовой лексике и обозначающих конкретные действия; формы типа «теря́емый», «меня́емый», «ку́шаемый», «руга́емый», «подмета́емый», «стира́емый», «умыва́емый», «убира́емый» — теоретически вполне возможные — на практике не встречаются.

---

[1] В народном языке македонских славян, лёгшем в основу старославянского книжного языка, причастия на *-мъ* были, по-видимому, представлены очень немногочисленными формами типа *невидомъ, несъвѣдомъ, видимъ* и т. п. Формы на *-мъ* были введены в парадигму и получили широкое распространение в переводах с греческого языка, где они передавали греческие страдательные причастия наст/вр на *-ομος*.

Все приведённые глаголы имеют постоянное ударение, которое и сохраняется в стр/прич. наст/вр.

2. Относительно свободно причастия на **-емый** образуются от глаголов III класса на **-овать -ую -ует** *(-ировать, -изировать)*, относящихся к книжному языку, ср. *абстраги́руемый, анализи́руемый, ассимили́руемый, иссле́дуемый, критику́емый, образу́емый, организу́емый, проекти́руемый, пропаганди́руемый, толку́емый, тре́буемый, цити́руемый, характеризу́емый* и т. п.

Характерно, что и в этом классе причастия на *-емый* не образуются (или избегаются) у глаголов с конкретно-бытовым значением: формы типа «рису́емый», «бинту́емый» (к *бинтова́ть*), «фасу́емый» (к *фасова́ть*) — на практике не встречаются.

Ударение у этих глаголов остаётся во всех формах, образованных от основы наст/вр, на том же самом месте.

3. От глаголов V продуктивного класса на **-ить** формы причастия на **-имый** образуются сравнительно редко. И здесь преобладают приставочные глаголы, встречающиеся преимущественно в научной или публицистической прозе, ср. *приводи́мый* (в значении ‚citovaný'), *относи́мый (а́втором к нача́лу про́шлого ве́ка)*, *отводи́мый, вводи́мый, произноси́мый* и т. п. Из простых (бесприставочных) глаголов V класса очень немногие образуют в современном языке форму причастия на *-имый*. Можно привести наиболее распространённые причастия: *люби́мый* (редко)[1], *му́чимый, суди́мый, цени́мый* и некоторые другие.[2]

У глаголов с подвижным ударением место ударения причастия на *-имый* совпадает с местом ударения в 1 лице ед/ч наст/вр, ср.:

---

[1] Ср. «... я купи́л на семи́шник леденцо́в ячме́нного са́хара, *люби́мого* е́ю» (М. Горький, На людях). Значение «пассивной процессуальности», т. е. значение причастия (а не прилагательного) здесь поддерживается формой твор. падежа *е́ю*.

[2] Любопытно, что в языке XVI века употреблялись гораздо более многочисленные формы причастий на *-мый*, образованные от простых глаголов V класса, напр. *строимый, учимый, славимый, купимый* (с/в!), *держимый* и т. п. (Ср. С. Д. Никифоров: Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М. 1952, 289). В современном языке формы типа «учимый» или «держимый» абсолютно невозможны. В этом сказывается общая тенденция сохранить возможность образования причастий на *-мый* только у глаголов, относящихся к книжным стилям.

я люблю́ — *(ты лю́бишь)* — *люби́мый*
я привожу́ — *(ты приво́дишь)* — *приводи́мый* и т. п.

4. Из глаголов X класса только *вести́*, *влечь* и *нести́* образуют архаическую форму причастия на -омый: *веде́мый* ‚vedený', *влеко́мый* ‚vlečený, priťahovaný', *несо́мый* ‚nesený' (редко).[1]

5. Причастие на *-имый* от глагола *дви́гать* (*дви́гаю* и *дви́жу*, ср. стр. 49) образуется от основы *движ-*: *дви́жимый* ‚vedený', напр. *дви́жимый страда́нием.*

Глагол *дава́ть* имеет две основы настоящего времени: *дај-* (*даю́, даёт)* и *дава́j-* (импер. *дава́й*, дееприч. *дава́я*). Причастие на *-емый* образуется от основы *дава́j-*: *дава́емый;* точно так же *издава́емый, выдава́емый, узнава́емый, познава́емый* и т. п.

От глагола **гнать* *(гоню́, го́нит)* образуется стр/прич. наст/вр *гони́мый* (поэт.).

III. Страдательные причастия наст/вр в современном языке употребляются преимущественно в качестве необособленного или обособленного определения: *цити́руемая на́ми статья́ — статья́, цити́руемая на́ми.* Краткие формы этого причастия употребляются в составе пассивных форм: *Он все́ми уважа́ем, Она́ все́ми уважа́ема.* Такие конструкции носят, однако, несколько архаический характер (ср. стр. 360).

В сочетании с инфинитивом *быть* стоит либо краткая форма, либо творительный падеж: «... мои́ приме́ры мо́гут и должны́ *быть критику́емы*» (краткая форма) (Щерба); ср.:

Я вас люби́л так и́скренно, так не́жно,
Как дай вам бог *люби́мой быть* други́м (Пушкин).

В языке XIX века встречаются краткие формы м/р в дательном падеже в сочетании с инфинитивом быть: *быть люби́му.*

IV. В атрибутивном употреблении причастия на *-мый* легко утрачивают значение «пассивной процессуальности» и переходят в прилагательные; слово *люби́мый* в современном языке упо-

---

[1] В литературе XIX века ещё встречается формы *грызо́мый* (к *грызть*), *вово́мый* (к *ввать*), *пекомый* (к *печь*).

Архаические партиципиальные формы *весо́мый* ‚zváživateľný', *ве́домый* ‚povedomý', *иско́мый* ‚hľadaný, žiadaný', *едо́мый* ‚jedlý' оторвались от глагольной парадигмы и перешли в разряд имён прилагательных, ср. поговорку *До́ма и соло́ма едо́ма* ‚doma aj slama sa dá jesť (chutí)'.

требляется чаще в качестве прилагательного со значением ‚najmilší, obľúbený, milovaný', напр. *моя́ люби́мая кни́га, моё люби́мое заня́тие.* В разряд прилагательных перешли такие причастия, как *ви́димый* ‚viditeľný, zjavný', *заве́домый* ‚známy, notorický', *знако́мый* ‚známy', *мни́мый* ‚zdanlivý', *невреди́мый* ‚nedotknutý, zdravý', *необходи́мый* ‚nutný, potrebný', *терпи́мый* ‚znášanlivý', *уважа́емый (много-, глубоко-)* ‚vážený' и мн. др.

Многочисленные отглагольные прилагательные на *-мый* имеют общее значение «могущий испытать действие, обозначенное глагольной основой». Суффикс *-емый/-имый* в этих прилагательных соответствует словацкому суффиксу *-teľný.* Особенно часто такие прилагательные употребляются в отрицательной форме, ср.:

невозврати́мый ‚nenávratný',
недопусти́мый ‚neprípustný',
недосяга́емый ‚nedosiahnuteľný',
неизлечи́мый ‚nevyliečiteľný',
неотдели́мый ‚neoddeliteľný',
неповтори́мый ‚neopakovateľný',
несовмести́мый ‚nezlučiteľný',
невыноси́мый ‚neznesiteľný',
недоказу́емый ‚nedokázateľný',
незамени́мый ‚nenahraditeľný',
неопису́емый ‚neopísateľný',
необъясни́мый ‚nevysvetliteľný',
неразлучи́мый ‚nerozlučiteľný',
и мн. др.

Такое общее значение сохраняется в ряде терминов: *вòдонепроница́емый, звýконепроница́емый* ‚zvukotesný' и др.

Пассивные формы образуются, как известно, от переходных глаголов. Любопытно, однако, что форма пассивного причастия на *-мый* может быть образована и от непереходного глагола, ср. *кома́ндуемый* ‚pod velením' (к глаголу *кома́ндовать кем-чем!*). Причастия на *-мый* от непереходных глаголов существовали уже в старославянском языке: *неугаса́емъ* (*угасати* — непереходный глагол!). В современном русском языке таких прилагательных довольно много: *невменя́емый* ‚nepríčetný', *невысыха́емый* ‚nevyschýnajúci', *неподража́емый* ‚nenapodobniteľný', *несгора́емый* ‚ohňovzdorný' (ср. *несгора́емый шкаф* ‚ohňovzdorný trezor'), *неувяда́емый* ‚nehynúci', *неослабева́емый (интере́с)* ‚neslabnúci', *неиссяка́емый* ‚nevyčerpateľný', *непромока́емый* ‚nepremokavý', *нескончáемый* ‚nekonečný', *неумолка́емый* ‚neutíchajúci' и др.

От прилагательных типа *невменя́емый, вòдонепроница́емый* образуются существительные с отвлечённым значением на *-ость*,

ср. *невменя́емость* ‚nepríčetnosť' (юрид. термин), *во́донепроница́емость* ‚vodotesnosť'. В ряде случаев такие существительные образуются прямо от глагольной основы, минуя прилагательные, и даже причастия, ср. *заболева́емость* ‚výskyt chorôb, chorobnosť', *посеща́емость* ‚návštevnosť', *приспособля́емость* ‚prispôsobivosť', *сопротивля́емость* ‚odolnosť', *успева́емость* ‚prospech (žiaka)' и т. п. Соответствующих прилагательных или причастий типа «заболеваемый» или «успеваемый» в русском языке нет. Существительные *приспособля́емость*, *утомля́емость* соотнесены с возвратными глаголами *приспособля́ться*, *утомля́ться*.

В ряде случаев причастия на *-мый* субстантивируются, ср. *знако́мый*, *знако́мая* ‚známy, známa', *одержи́мый* ‚posadnutý', *подсуди́мый* ‚obžalovaný', *обвиня́емый* ‚obžalovaný', *ископа́емое* ‚nerast, skamenelina', *содержи́мое* ‚obsah' (nádoby, kufra); арифметические термины: *вычита́емое* ‚menšiteľ', *дели́мое* ‚delenec', *мно́жимое* ‚násobenec', *уменьша́емое* ‚menšenec'; грамматический термин: *сказу́емое* ‚prísudok'; зоологический термин: *насеко́мое*, скалькированное с греч. *ἔντομος* (дословно: «насекаемое»). ср. лат. *in-sectum* ‚hmyz'.

V. К страдательным (по своему грамматическому значению) причастиям наст/вр следует отнести также формы на *-ущийся/-ащийся*, образованные от пассивной формы переходных глаголов, ср. *счита́ть* ‚pokladať' — *счита́ться* ‚byť pokladaný' — *счита́ющийся* ‚pokladaný', напр. *Профе́ссор Н. Н., счита́ющийся лу́чшим специали́стом.* Формы на *-щийся* в литературном языке вполне продуктивны. Они иногда «конкурируют» с формами на *-мый*, ср. *подверга́емый/подверга́ющийся; докуме́нты, храни́мые/хранящиеся в архи́вах; ремни́, называ́емые/называ́ющиеся постро́мками; о́пыты, производи́мые/производя́щиеся в на́шей лаборато́рии; слова́, подверга́емые/подверга́ющиеся ана́лизу* и т. п. Особо следует подчеркнуть те случаи, где стр/прич. наст/вр на *-щийся* не имеет дублета на *-мый*, ср. *Дом, стро́ящийся уже не́сколько ме́сяцев* (нет «строимый»); *сло́во, пи́шущееся с большо́й бу́квы* (от *писа́ть* нет причастия на *-мый*); *рабо́ты, веду́щиеся в на́шем се́кторе* (форма «ведомые» здесь звучала бы странно) и т. п. Формы на *-щийся* обычно употребляются без указания действующего лица в творительном падеже.

VI. Словацкий и чешский языки не знают пассивных причастий наст/вр на *-mý*. Сохранившиеся в языке старые партиципиальные формы типа *známy* «известный, знакомый» или *povedomý* «сознательный» давно перешли в разряд прилагательных (ср. чеш. *vidomý*, *lakomý*, *pitomý*, *vědomý*).

Однако в словацком и чешском языках грамматическое значение пассивных причастий наст/вр может быть выражено вполне адекватно особой грамматической формой. Дело в том, что пассивные причастия на *-ný/-ený*, образованные от глаголов несовершенного вида, имеют то же значение, что и русские пассивные причастия на *-мый* или *-ущийся/-ащийся*. Особенно отчётливо общее значение «отсутствие эксплицитного выражения отнесённости к объективному прошлому» сказывается в причастиях вторичных приставочных глаголов нс/в, ср.:

Удóбства, *предоставля́емые*	Pohodlie, *poskytované*
совреме́нному пассажи́ру...	dnešnému cestujúcemu...
Реше́ние, *предлага́емое*	Riešenie, *navrhované*
не́которыми това́рищами...	niektorými súdruhmi...

В словацких грамматиках обычно говорится только об одном страдательном причастии.[1] С точки зрения окончаний, причастия типа *pripravený* и *pripravovaný*, действительно, совпадают. Но с точки зрения своего грамматического значения, эти причастия отличаются друг от друга так же, как в русском языке причастия *приготовленный* и *приготовля́емый*.

Подобное соотношение грамматических значений имеется у причастий *obnovený* (с/в) «обновлённый» и *obnovovaný* (нс/в) «обновля́емый», *rozšírený* (с/в) «распространённый» и *rozširovaný* (нс/в) «распространя́емый», *osvetlený* (с/в) «освещённый» и *osvetľovaný* (нс/в) «освеща́емый» и т. п.

Значение пассивных причастий настоящего времени могут иметь также страдательные причастия от простых глаголов нс/в, ср. *chválený* «хвали́мый», *nesený* «несо́мый», *vedený* «веду́мый, влеко́мый» (ср. *vedený snahou* «руководи́мый стремле́нием») и т. п.

Причастия прошедшего времени

Действительные причастия прошедшего времени на *-вший, -ший*

I. Действительные причастия прошедшего времени (в дальнейшем дств/прич. прош/вр) образуются от основы прошедшего времени глаголов обоих видов.

Если основа прош/вр глагола оканчивается на гласный, то в качестве морфологического показателя данной формы прибавляется суффикс *-вший (-вшая -вшее)*:

[1] Ср. E. Pauliny—J. Štolc—J. Ružička: Slovenská gramatika, Martin 1955, 257.

чита́-л	— *чита́-вший*	*пи-л*	— *пи́-вший*
владе́-л	— *владе́-вший*	*кры-л*	— *кры́-вший*
рисова́-л	— *рисова́-вший*	*колб-л*	— *колб-вший*
ходи́-л	— *ходи́-вший*	*ня́ня-л*	— *ня́ня-вший*

и т. п.

Если основа прош/вр глагола оканчивается на согласный, то в качестве морфологического показателя прибавляется суффикс *-ший (-шая -шее)*:

замёрз	— *замёрз-ший*	*потря́с*	— *потря́с-ший*
погиб	— *погиб-ший*	*у́мер*	— *уме́р-ший*
принёс	— *принёс-ший*	*вы́тер*	— *вы́тер-ший*
пога́с	— *пога́с-ший*	*ушиб*	— *ушиб-ший* и т. п.

У глаголов IX класса наблюдаются колебания типа *приберёгший/приберёгнувший, извёргший/извёргнувший, завя́дший/завя́нувший, пога́сший/пога́снувший, глохший/глохнувший, зя́бший/зя́бнувший, па́хший/па́хнувший, достигший/достигнувший*; форма дств/прич. прош/вр от глагола *исчезнуть* (прош/вр: *исчез*) будет *исчезнувший* (см. стр. 83).

У глаголов X класса, основа настоящего времени которых оканчивается на *-д* или на *-т*, эти звуки, как известно, выпадают в форме прошедшего времени, но в причастии на *-ший* они восстанавливаются:

я бред-у́	— (прош/вр: *брёл*)	—	*бре́д-ший*
я расцвет-у́	— (прош/вр: *расцвёл*)	—	*расцве́т-ший*
я приведу́	— (прош/вр: *привёл*)	—	*приве́д-ший* и т. п.

Гласный *-е-* в корне таких глаголов обычно переходит в *-ё-* в индикативе прош/вр, ср. *несу́ — нёс, веду́ — вёл, везу́ — вёз*. В причастиях на *-ший* гласный *-ё-* встречается сравнительно редко *(нёсший, вёзший)*. В большинстве случаев в причастии стоит под ударением гласный *-е́-* *(обре́тший — обрёл, приобре́тший — приобрёл, отцве́тший — отцвёл, бре́дший — брёл, ве́дший — вёл* и т. п.).[1]

Восстановление корневого согласного, а также отсутствие перехода *-е-* в *-ё-* свидетельствует о книжном (церковнославянском,

[1] Показания новейших грамматик несколько сбивчивы: Акад. грамматика даёт формы *обре́тший, бре́дший, приобре́тший, цве́тший, ве́дший* (I 565), в то время как учебник СРЯ (1952) приводит формы *цве́тший, ве́дший* (358/9). Словарь-справочник даёт только *цве́тший* (не *ѣ*) и *ве́дший*.

по своему происхождению) характере этих причастий. Церковнославянизмом является также форма *ше́дший* при русском *шёл* (из *šьdlъ).

Корневой согласный *-д-* не появляется в причастиях глаголов *пасть*, *красть* и *сесть* (и их приставочных образований), ср. *упа́вший (про-, на-, от-...)*, *укра́вший (на-, вы́-...)*, *се́вший (при-, за-...)*. Причастия этого типа образованы от основы прош/вр *упа́-*, *укра́-*, *се-*.

Архаическая форма *па́дший* имеет значение ‚mravne kleslý', ср. *па́дший челове́к*, *па́дшая же́нщина*.

Действительные причастия прош/вр могут выражать модальность отвергнутого действия посредством частицы *было* ср.:

Река́, *покры́вшаяся было* льдом, сно́ва разошла́сь (Салтыков-Щедрин, Губернские очерки).

Бери́дзе, *присе́вший было* во́зле стола́, подня́лся (Ажаев, Далеко от Москвы). (Ср. стр. 516).

II. Ударение. Глаголы с постоянным ударением в формах прошедшего времени сохраняют место ударения и в формах причастий на *-вший*, *-ший*:

чита́л — *чита́ла* — *чита́вший*
погиб — *погиба́* — *погиба́вший*
ходи́л — *ходи́ла* — *ходи́вший* и т. п.

У глаголов с подвижным ударением в формах прошедшего времени (тип *на́чал* — *начала́*) ударение в причастии падает, как правило, на слог, предшествующий элементу *-вший*/*-ший*, напр.:

на́чал — *начала́* — *нача́вший*
о́тдал — *отдала́* — *отда́вший*
о́тпер — *отперла́* — *отпёрший*
про́дал — *продала́* — *прода́вший*
принёс — *принесла́* — *принёсший*
у́мер — *умерла́* — *уме́рший* и т. п.

У некоторых форм место ударения колеблется: *заме́рший*/*за́мерший* (прош/вр: *за́мер* — *замерла́*).

Возвратные формы причастий на *-вший*/*-ший* образуются во всех случаях с помощью аффикса *-ся*: *боя́вшийся*, *боя́вшегося*, *боя́вшаяся*, *боя́вшимися* и т. п. (Ср. стр. 379).

III. Будучи по своему происхождению формами церковнославянского языка и принадлежа к книжным стилям литера-

турного русского языка, причастия на *-вший/-ший* прочно вошли в парадигматическую систему русского глагола. Более того: они были заимствованы чешским языком[1], а оттуда проникли и в современный словацкий литературный язык. [2]

Причастия на *-vší* привились, однако, на словацкой почве, являясь в настоящее время «органическим элементом грамматического строя современного словацкого языка».[3] Приведём несколько примеров из романа М. Урбана «Zhasnuté svetlá» (1957), а также из прессы:

Nejaká dáma oproti, *zachytivšia* pobľadom jeho výkon, v údive otvorila ústa.

Adam, *vrátivší* sa z redakcie...

Adam Hlavaj, *vystúpivší* z električky...

Chochol, *vrátivší* sa od telefónu...

...trma-vrma, *vyústivšia* v Mníchove...

Objednavší čiernu kávu[4], povedal im, čo videl vonku.

Odstránenie *vyskytnuvších sa* nedostatkov... (из газет).

Riešenie všetkých *vyskytnuvších sa* problémov... (из газет).[5]

Активное причастие на *-vší* выражает (как и соответствующие русские формы на *-вший/-ший*) процессуальность побочного действия (participium actionis).

Наряду с чисто книжной формой на *-vší* в словацком языке, в его разговорных стилях, существует ещё одна форма причастия, образованная от глаголов совершенного вида. Этой формой являются слвц. причастия на *-tý* и *-ný/-ený* от непереходных глаголов типа *zamrznutý*. Из разговорного народного языка эти формы переносятся и в словацкий литературный язык, где они приобрели право гражданства. В чешском литературном языке аналогичные формы отсутствуют.

Формы типа *zamrznutý* считаются в словацкой грамматике формами страдательного причастия прош/вр (príčastie minulé trpné).[6] Но непереходные

---

[1] Акад. Фр. Травничек указывает, что причастия на *-vší* «являются новшеством, возникшим под влиянием русского языка» (Historická mluvnice česká, 1935, 343), введённым в чешский литературный язык в начале XIX века Антонином Мареком (Mluvnice spisovné češtiny II, 1951, § 845, прим. 1).

[2] И. Ружичка подчёркивает, что причастия на *-vší* «не имеют никаких корней в народном языке. Это руссизм, попавший в словацкий литературный язык через посредничество чешского литературного языка». Činné príčastie minulé, Slovenská reč 22 (1957), 4, 223.

[3] Там же, 221.

[4] Такие конструкции И. Ружичка считает «неправильными» (nesprávne), т. к. в данном случае следует вместо причастия употреблять деепричастия (цит. соч. 215).

[5] Богатейший материал приведён в цитированной статье И. Ружички.

[6] Ср. J. Ružička, цит. соч., 221, а также Slovenská gramatika 1955, 257.

глаголы не могут образовать форм пассива: нельзя сказать «zamrznutý niekým». Следовательно, по своему грамматическому значению, причастия типа *zamrznutý* являются причастиями непассивными, т. е. «активными», хотя формально они характеризованы показателями *-t*, *-n*, типичными для пассивных причастий прош/вр.

Причастия данного типа образуются не от всех глаголов. Но зато они образуются и от многих возвратных глаголов, т. е. от глаголов, в которых непереходность формально выражена, ср. *najedený* «наевшийся» (от возвратного глагола *najesť sa*). Это особенно интересно с точки зрения русского языка, почти не знающего причастий на *-n* или *-m* от возвратных глаголов.[1]

Причастия типа *zamrznutý*, *najedený* отличаются, однако, по своему грамматическому значению от причастий на *-vší*. Если причастия на *-vší* выражают процессуальность, то причастия типа *zamrznutý*, *najedený* обозначают «качество, вытекающее из предшествующего действия в прошлом» (participium staticum). Русские причастия на *-вший/-ший* совмещают в себе оба значения, ср.:

spadnuvšia kniha (participium actionis)
spadnutá kniha (participium staticum) → *упáвшая книгá*

Поскольку формы дств/прич. прош/вр от глаголов совершенного вида грамматически выражают побочное действие, отнесённое к объективному прошлому, но не выражают признак разобщённости действия с моментом речи, то формы типа *упáвший* могут иметь те же значения, что и формы индикатива прош/вр с/в, т. е. значения, соответствующие «аористическому» (ср. *Книгá упáла нá пол* — процессуальность) и «перфектному» (*Книгá упáла* — она теперь лежит на полу — «перфектность»).

В словацком языке причастия на *-tý*, *-ný/-ený* от непереходных глаголов с/в употребляются в разных синтаксических функциях:

1. в качестве (а) необособленного и (б) обособленного определения (атрибута); 2. в качестве второго приглагольного сказуемого (doplnka); 3. в качестве сказуемого в сочетании с формами связок *byť* и *mať*. Например:

(1а) Zamrznutá rieka «замёрзшая река» (необособленное определение).

(1б) Rieka *zamrznutá* len pri brehoch «река, замёрзшая тóлько у берегóв» (обособленное определение).

My, pracujúce ženy, *zídené* v predvečer Medzinárodného dňa žien v Banskej

---

[1] Отклонением от общего правила можно считать такие формы как *влюблённый*, образованные от возвратного *влюбúться*. Форма *влюблённый* является, очевидно, калькой с итальянского *inamorato*. Князь В. И. Куракин, писавший в начале XVIII века, не знал ещё слова *влюблённый* и употреблял в русском контексте итальянское выражение: «В свою бытность был инаморат славною хорошеством одною читадинку (горожанку)... и так был inamorato, что не мог ни часу без нее быти». Ср. В. В. Виноградов: Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., Лейден 1949, 60.

Bystrici... (Pravda 9/III 1953). Форма *zídené* образована от глагола *zísť sa* «сойти́сь, собра́ться».

2. Stál *opretý* o stenu «он стоял прислони́вшись (дословно: оперши́сь) к стене́». Форма *opretý* в данном предложении образована от возвратного глагола *oprieť sa* «опереться, прислониться» и представляет собою форму активного (не-пассивного) причастия прош/вр. Она омонимична с пассивным причастием прош/вр *opretý*, образованного от переходного глагола *oprieť (niečo)*, ср. Palica, *opretá* o stenu «палка, прислонённая к стене».

Причастия на *-tý*, *-ný*, выступающие в словацком языке в функции второго сказуемого, соответствуют в русском языке обычно деепричастным оборотам:

Išiel *zhrbený*. — Он шёл, *сго́рбившись*.
Prišiel *rozradostnený*.— Он пришёл, *сия́я* от ра́дости.

3. Rieka *je zamrznutá*. — «Река́ замёрзла».

Mám prst *napuchnutý*. — «У меня́ па́лец опу́х».

Причастия на *-tý*, *-ný* особенно часто употребляются в разговорном языке в функции сказуемого со связками *byť* или *mať*, ср. *Otec je odcestovaný* «отец уе́хал», *Som vyspatý* «я вы́спался», *Tanier je prasknutý* «тарелка тре́снула». Форма прош/вр совершенного вида, появляющаяся в русских переводах, имеет «перфектное» значение. Такое же «перфектное» значение имеют словацкие формы на *-tý*, *-ný* в приведённых сочетаниях.

Лишь в редких случаях русские причастия на *-т* или *-н* могут выступать в функции активных причастий прош/вр. Имеем в виду предложения типа *Он был хорошо́ оде́т (побри́т, причёсан, умы́т)*, где причастия могут быть соотнесены с переходными глаголами («его́ оде́ли, побри́ли, причеса́ли, умы́ли»), но где в современном языке эти формы скорее соотнесены с возвратными (непереходными) глаголами («он хорошо́ оде́лся, побри́лся, причеса́лся, умы́лся»).

Как видно, в области причастий между нашими языками имеются серьёзные расхождения. Эти расхождения касаются, в первую очередь, употребления отдельных причастий. Несмотря на то, что морфологический состав причастий прош/вр в наших языках почти идентичен, синтаксическое использование причастий требует более подробного изучения.

IV. В чешском языке имеются особые действительные причастия прош/вр непереходных глаголов на *-lý*, напр. odběhlý, přiběhlý, zaběhlý, vyteklý, přiteklý, zamrzlý. Эти причастия выражают состояния, возникшие как

---

[1] J. Ružička, цит. соч., 221.

результат действия в прошлом[1] (participium staticum). В русском языке такое значение может быть передано дств/прич. прош/вр: *přiběhlý* «прибежáвший, приблýдший».

Формы на *-lý* известны и в словацком литературном языке; их приводит С. Цамбель,[2] они встречаются у хороших авторов. Форма типа *došlý* может быть передана русской формой «подошéдший» или «пришéдший». Однако в последнее время с этими формами ведётся со стороны некоторых словацких лингвистов сознательная борьба. Формы типа *odbehlý* рекомендуют заменить формами типа *odbehnutý*. Даже такие формы, как *vzniklý* «возникший», заменяются формой *vzniknutý*.[3]

В русском языке соответствующие формы на *-лый* оторвались от глагольной парадигмы и перешли в разряд прилагательных: *прúшлый* употребляется в значении «не здешний»; сюда относятся прилагательные типа *бывáлый, стоáлый, увáлый, постúлый, унúлый, дóшлый, прóшлый, протýхлый, опýхлый, васóхлый, сúплый, хрúплый* и т. п.

V. Случаи перехода дств/прич. прош/вр в разряд имён прилагательных немногочисленны; можно привести *бúвший* в значении ‚bývalý', *истéкший*[4] ‚uplynulý', *минýвший, наболéвший (вопрóс)* ‚boľavá, pálčivá otázka', *новоприбúвший* и некоторые другие.

Отдельные прилагательные данного типа могут употребляться также в значении существительных: *сумасшéдший* ‚blázon' (собственно: «сошéдший с умá»), *усóпший*[5] ‚nebožtík' и т. п., а также *происшéдшее* ‚to, čo sa stalo', *случúвшееся*, ср. *Он не хотéл говорúть о случúвшемся.*

---

[1] Ср. Fr. Kopečný: Problém českého příčestí minulého činného v historii českého mluvnictví. Сборник в чест на акад. А. Теодоров-Балан, София 1955, 295 и сл. — Он же: *Přišedší, zahynuvší — přišlý, zahynulý*. Сборник Славянская филология II, Москва 1958, 138 и сл.

[2] S. Czambel: Rukoväť spisovnej reči slovenskej, Turč. Sv. Martin, 1919[3], 88, 96. Цамбель приводит формы типа *pohorelý, ovdovelý*.

[3] Ср.: »...názvy vecí vzniknutých nejakou činnosťou«, J. Horecký: Slovotvorná sústava slovenčiny, Bratislava 1959, 106.

[4] Прилагательное *истéкший* фонетически отличается от причастия *истёкший* (к *истéчь*).

[5] Форма *усóпший* является церковнославянизмом, ср. ст.-слав. *усънѫти* из **u-sъp-nǫti*, к **sъp-ati*. Причастие от русского глагола *уснýть* звучит *уснýвший*.

Страдательные причастия прошедшего времени на *-нный, -енный/-ённый* и *-тый*

I. Страдательные причастия прошедшего времени (в дальнейшем стр/прич. прош/вр) образуются от глаголов обоих видов. Морфологическими показателями данной глагольной формы являются формообразующие суффиксы *-нный, -енный/-ённый* и *-тый.*

1. Элемент -нный появляется у тех глаголов, основа прошедшего времени которых оканчивается на *-а (-я)*, в частности:

в I классе: *сде́ла-л — сде́ла-нный; потеря́-л — поте́ря-нный*
в III классе: *нарисова́-л — нарисо́ва-нный*
в VI классе: *написа́-л — напи́са-нный*
в VII классе: *задержа́-л — заде́ржа-нный,*

а также у глаголов:

брать (беру́т) — *вы́бранный, за́бранный, со́бранный ...*
драть (деру́т) — *за́дранный, со́дранный ...*
звать (зову́т) — *вы́званный, на́званный ...*
врать (врут) — *на́вранный, пере́вранный ...*
ждать (ждут) — *(неожда́нный, долгожда́нный* — прилагательные*)*
жрать (жрут) — *со́жранный*
рвать (рвут) — *вы́рванный, со́рванный ...*
ткать (ткут) — *изо́тканный*
слать (шлют) — *вы́сланный, по́сланный ...*
стлать (сте́лют) — *разо́стланный, по́стланный ...*
соса́ть (сосу́т) — *вы́сосанный, обсо́санный ...*
дать (даду́т) — *да́нный, вы́данный, и́зданный, со́зданный*
и т. п.

Сюда же относится группа изолированных глаголов с основой прош/вр на *-я:*

ве́ять (ве́ют) — *наве́янный, разве́янный*
зате́ять (зате́ют) — *зате́янный*
се́ять (се́ют) — *посе́янный, рассе́янный* и т. п.

Если у глаголов с *-а-* в основе прош/вр в основе наст/вр появляется носовой элемент *н* или *м*, то форма причастия образуется на *-тый*, ср.:

нача́ть (начну́т) — на́чатый *жать (жмут) — (с)жа́тый*

2. Суффикс **-тый** появляется у следующих глаголов:

в IV классе: *заверну́-л* — *завёрну-тый*
натяну́-л — *натя́ну-тый*
замкн-у́л — *за́мкну-тый* и т. п.
в IX классе: *дости́гну-л* — *дости́гну-тый*.

Кроме того, элемент *-тый* характеризует стр/прич. прош/вр у всех глаголов, у которых окончание индикатива прош/вр присоединяется к основе прошедшего времени, оканчивающейся на гласные *и, ы, е, у, о*, а также на *а/я*, чередующееся с носовым *н/м* в настоящем времени (т. е. восходящее к носовому **ę*); например:

пи-л — *пи́-тый, вы́питый, пропи́тый ...*
би-л — *би́-тый, заби́тый, разби́тый ...*
бри-л — *бри́-тый, вы́бритый ...*
жи-л — *про́житый, пе́режитый ...*
кры-л — *кры́-тый, закры́тый, откры́тый ...*
ры-л — *ры́-тый, разры́тый, проры́тый ...*
(за)бы́-л — *забы́тый*
гре-л — *гре́-тый, нагре́тый, разогре́тый ...*
пе-л — *пропе́тый, отпе́тый, спе́тый ...*
де-л — *вде́тый, оде́тый, разде́тый ...*
ду-л — *наду́тый, разду́тый ...*
(об)у́-л — *обу́тый, разу́тый ...*
мя-л (мнут) — *мя́-тый, смя́тый, помя́тый ...*
жа-л (жмут) — *сжа́тый, прижа́тый ...*
жал (жнут) — *пожа́тый*
на́ча-л (начну́т) — *на́чатый*
при́ня-л (при́мут) — *при́ня-тый*
за́ня-л (займу́т) — *за́ня-тый ...*
взя-л (возьму́т) — *взя́тый*
изъя́-л (изы́мут) — *изъя́-тый*
про́кля-л (проклянут) — *про́кля-тый* и т. п.

Партиципиальное значение отчётливо выступает только у приставочных образований типа *разби́тый;* бесприставочные формы типа *би́тый, кры́тый, ду́тый* и т. п. отходят в разряд прилагательных.

Сюда же относятся глаголы с полногласием *-оло-* в основе прош/вр:

моло́-л — мо́ло-тый
коло́-л — ко́ло-тый
поло́-л — по́ло-тый,

а также глаголы типа *тере́ть, пере́ть, распростере́ть*, где суффикс *-тый* присоединяется непосредственно к основе прошедшего времени (оканчивающейся на *-р*):

растёр — растёртый
распростёр — распростёртый и т. п.

Особняком стоят формы причастия от глагола *пелена́ть* ‚povíjať', (со всеми своими приставочными образованиями): *спелёнатый (за-, пере-).*

Расхождения между русским и словацким языком немногочисленны. В ряде словацких форм появляется суффикс *-tý*, ср. *zasiaty — засе́янный, (od)státy — (на)сто́янный.* Некоторые глаголы образуют параллельные формы на *-ný* и на *-tý*, причём иногда они дифференцируются по значению: *vydaná* «выданная» — *vydatá* «замужняя».

3. Суффикс **-енный/-ённый** появляется у всех остальных глаголов, в частности у глаголов II спряжения.

Особенностью образования форм стр/прич. прош/вр от глаголов этого типа является то обстоятельство, что эти формы («прошедшего» времени) соотнесены с основой настоящего времени. В этом нетрудно убедиться: форма *про́йденный* образована не от основы прош/вр *(прошёл, прошла́)*, а от основы настоящего времени *(пройд-ёшь)*[1].

а) У глаголов II спряжения в форме причастия прош/вр наблюдаются те же чередования в исходе основы, как и в форме 1 лица ед/ч презенса. Поэтому в школе рекомендуется, по практическим соображениям, исходить при образовании данного причастия из формы первого лица ед/ч презенса:

V класс:

пове́ш-у (основа прош/вр *повеси-*) — *пове́шенный*

---

[1] Мы здесь не касаемся исторической стороны вопроса. С точки же зрения синхронии языка, формы стр/прич. прош/вр — по фонетической структуре основы — безусловно соотнесены с основой настоящего времени.

пони́ж-у (понизи-) — *пони́женный*
истра́ч-у (истрати-) — *истра́ченный* и т. п.

Глаголы на *-ди́ть* церковнославянского происхождения, не всегда образующие форму 1 лица ед/ч презенса, или имеющие в исходе основы этой формы согласный *-ж (осуди́ть — осужу́)*, образуют причастие с чередованием *д'/жд*: *возбуждённый, вознагражда́ённый, вы́свобожденный, вы́нужденный, загражда́ённый, обсуждённый, огражда́ённый, освобождённый, осуждённый, охлаждённый, повреждённый, побеждённый, принуждённый, присуждённый, убеждённый, утверждённый, утруждённый, учреждённый* и некоторые др.

VIII класс»

оби́ж-у (основа прош/вр *обиде-*) — *оби́женный*
заверч-у́ (основа прош/вр *заверте-*) — *заве́рченный*
просмотр-ю́ (основа прош/вр *просмотре-*) — *просмо́тренный*
засиж-у́ (основа прош/вр *засиде-*) — *заси́женный.*

б) У глаголов X класса (I спряжения) форма стр/прич. прош/вр образуется от варианта основы настоящего времени, имеющегося в «средних» личных формах (т. е. в форме 2 и 3 лица ед/ч и 1 и 2 лица мн/ч), ср.:

испеч-ёт (ср. *испеку́, испёк*) — *испеч-ённый*
сбереж-ёт (ср. *сберегу́, сберёг*) — *сбереж-ённый*
обстриж-ёт (ср. *обстригу́, обстри́г*) — *обстри́женный*
украд-ёт (ср. *украду́, укра́л*) — *укра́д-енный*
прочт-ёт (ср. *прочту́, прочёл*) — *прочтённый*
приобрет-ёт (ср. *приобрету́, приобрёл*) — *приобрет-ённый*
привед-ёт (ср. *приведу́, привёл*) — *приведённый.*

в) Из изолированных глаголов следует отметить глагол *ушиби́ть (про-, за-)* с причастием *уши́бленный* (презенс *ушибу́ -ёт*), а также глагол *есть* (ср. *они́ ед-я́т*) — *съе́д-енный (про-, вы́-).*

Для русского литературного языка характерно, что он, в отличие от словацкого или чешского, не использует прямолинейно всех формообразовательных возможностей. Эта общая

черта проявляется также в образовании стр/прич прош/вр В русском языке нет пассивных причастий прош/вр от глаголов *перелете́ть (го́ру)*, *класть (что-л. во что-л.)*, *переплы́ть (ре́ку)*, *толкну́ть (кого-л.)*, хотя в словацком языке формы типа *preletený*, *kladený*, *preplávaný*, *sotený* образуются совершенно свободно.

Варианты *-енный* и *-ённый* употребляются в зависимости от акцентологической структуры глаголов.

II. Ударение.

1. У причастий на *-ıный* место ударения зависит от места ударения в основе прошедшего времени (инфинитива).

Если в инфинитиве ударение падает не на *-ать/-ять*, то в причастии на *-ıный* сохраняется место ударения инфинитива:

обрабо́тать — обрабо́танный
заре́зать — заре́занный и т. п.

Если же в инфинитиве ударение падает на *-а́ть/-я́ть*, то в причастии оно оттягивается на один слог:

прочита́ть	— *проч́и́танный*	*разжева́ть*	— *разжёванный*
намота́ть	— *намо́танный*	*написа́ть*	— *напи́санный*
оправда́ть	— *опра́вданный*	*растопта́ть*	— *расто́птанный*
нарисова́ть	— *нарисо́ванный*	*задержа́ть*	— *заде́ржанный*
собра́ть	— *со́бранный*	*сорва́ть*	— *со́рванный*

и т. п.

2. У причастий на *-тый* место ударения совпадает, как правило, с местом ударения мужской формы прошедшего времени:

уби́л	— *уби́тый*	*при́нял*	— *при́нятый*
накры́л	— *накры́тый*	*за́нял*	— *за́нятый*
согре́л	— *согре́тый*	*про́клял*	— *про́клятый*
оде́л	— *оде́тый*	*про́жил*	— *про́житый* и т. п.

Оттяжка ударения имеет место:

а) у глаголов IV класса с ударением на *-ну́ть* в инфинитиве:

затяну́ть	— *затя́нутый*	*повернуть*	— *повёрнутый*
замкну́ть	— *за́мкнутый*	*заткну́ть*	— *за́ткнутый*

и т. п.

б) у глаголов с «полногласной» основой:

моло́л — мо́лотый *колол — ко́лотый* и т. п.

Прилагательные, образованные от таких причастий, имеют другое ударение:

причастие	прилагательное
ра́звитый (кем-л.)	*развито́й (ребёнок)*
за́нятый (де́лом)	*занято́й (челове́к)*
про́клятый (кем-л.)	*прокля́тый*

3. Причастия на *-енный* и *-ённый* образуются от глаголов V, VIII и X классов, а также от некоторых изолированных глаголов.

Вариант **-енный** (безударный) появляется у глаголов V класса:

а) с постоянным ударением не на окончании в презенсе:

истра́чу (истра́тит) — *истра́ченный*
вы́брошу (вы́бросит) — *вы́брошенный*
повы́шу (повы́сит) — *повы́шенный* и т. п.

б) с подвижным ударением в презенсе:

*запущу́ (*запу́стит)* — *запу́щенный*
*накормлю́ (*накорми́т)* — *накорми́ленный*
*смолочу́ (*смоло́тит)* — *смоло́ченный* и т. п.

Глаголы VIII класса:

оби́деть — *оби́женный* **рассмотре́ть* — *рассмо́тренный*
засиде́ть — *заси́женный* и т. п.

Вариант **-ённый** (ударяемый) появляется у глаголов V класса с постоянным ударением на окончании:

оскорби́ть — *оскорблённый* *запрети́ть* — *запрещённый*
осveти́ть — *освещённый* *освежи́ть* — *освежённый*
снабди́ть — *снабжённый* *употреби́ть* — *употреблённый*

и т. п.

Приведённые общие правила, однако, нарушаются в многочисленных случаях. Это связано с общей расшатанностью акцентологической системы русского глагола, с влиянием аналогии со стороны разных форм. Можно привести многочисленные формы причастий на *-енный* от глаголов с постоянным ударением на окончании:

исследи́ть -жу́ -ди́т — *иссле́женный*
обстри́чь -гу́ -жёт — *обстри́женный*

завинти́ть -чу́ -ти́т — *зави́нченный*
задолби́ть -блю́ -би́т — *задо́лбленный*
разгры́зть -зу́ -зёт — *разгры́зенный* и т. п.

Вариант *-енный* появляется у приставочных образований к глаголу *идти́*: *пройти́* — *прбйденный*, *найти́* — *на́йденный* и т. п., а также к глаголам *есть (съе́денный, разъ-, объ-)* и *ушиби́ть (уши́бленный, при-, за-)*.

Иногда форма причастия отличается от прилагательного по месту ударения:

причастие	прилагательное
уни́женный	*унижённый*[1]
прибли́женный	*приближённый*
приобретённый	*благоприобре́тенный* и т. п.

III. Страдательные причастия прош/вр образуется, как уже было отмечено, от глаголов обоих видов. Парадигматической можно считать, однако, только форму стр/прич. прош/вр от глаголов совершенного вида (тип *вы́данный, уби́тый*). Из глаголов нс/в только бесприставочные глаголы могут образовать стр/прич. прош/вр, ср.; *ва́ренный в молоке́ рис*; *мя́со, жа́ренное на ма́сле*; *солда́т, ра́ненный в но́гу*. От приставочных глаголов нс/в такие формы не образуются. В русском языке нет форм, соответствующих по своему образованию причастиям нс/в словацкого языка *vydávaný* или *vystavovaný*. Мы знаем, что в словацком языке эти формы имеют значение страдательных причастий настоящего времени (см. стр. 553). Некоторые следы страдательных причастий прош/вр несовершенного вида охранились в русском языке в прилагательных типа *разлива́нный* (к глаголу *разлива́ть* нс/в) в сочетании *мо́ре разлива́нное* «more, bohatstvo; bohatá hostina».

Бесприставочные образования типа *абони́рованный, дрессиро́ванный, иллюстри́рованный, модифици́рованный, квалифици́рованный* и т. п., образованные от двувидовых глаголов, имеют всегда значение совершенного вида.

Партиципиальные формы от глаголов несовершенного вида легко переходят в разряд прилагательных, что на письме выражается написанием через одно *-н-*: *варёный рис* (но: *ва-*

[1] Название знаменитого романа Достоевского звучит: «Униженные и оскорблённые».

ренный — причастие!), *жáреное мя́со*, *и́граные пласти́нки*, *кипячёная вода́*, *пу́ганая ворóна*, *ра́неный солдáт* и т. п. Такие прилагательные могут субстантивироваться: *ра́неный -ого*, *учёный -ого* ‚vedec' и т. п.

IV. Весьма многочисленные причастия на *-тый* и на *-нный (-ённый/-енный)* перешли в разряд прилагательных, а многие из них — субстантивировались; в качестве прилагательных употребляются: *предвзя́тый* ‚zaujatý', *закля́тый (враг)* ‚zaprisahaný', *откры́тый (слог)* ‚otvorený', *скры́тый*, *запу́танный (вопрóс)* ‚zamotaný', *врождённый (тала́нт)* и т. п. В класс существительных перешли такие слова, как *уполномóченный* ‚splnomocnenec', *возлю́бленный* ‚milovaný, milý', *новорождённый* ‚novorodeniatko', а также в среднем роде слова типа *прóжитое* ‚to, čo som prežil', *прóйденное (в кла́ссе)* ‚prebratá látka', *за́данное (на́ дом)* ‚uložená látka' и т. п. (ср. Граммат. строй I 303/11).

IV. Обычно утверждают, что страдательные причастия прош/вр образуются только от переходных глаголов (ср. Акад. грамм. I 512). В большинстве случаев это, конечно, так. Но нельзя не упомянуть тех случаев, где причастия на *-тый*, *-нный* и *-енный/-ённый* соотнесены с глаголами непереходными, в том числе и возвратными. Форма *распла́канный* (ср. у Гончарова: *весь распла́канный*) образована явно от возвратного и, следовательно, непереходного глагола *распла́каться*. Причастное значение таких форм отчётливо выступает там, где данная форма употребляется в качестве второго сказуемого (doplnka): *Он вошёл насу́пленный*[1] (к возвратному *насу́питься*), *Он сиде́л нахму́ренный*[2] (к *нахму́риться*), *Он ходи́л оби́женный*[3] (к *оби́деться*), *Он верну́лся просту́женный* (к *простуди́ться*) и т. п. Во всех приведённых случаях мы имеем дело с participium staticum. Следует, однако, отметить, что подобные причастия — пассивные по форме, но не-пассивные по значению — в русском языке образуются не так легко, как в словацком, ср. Vrátil sa *premrznutý* «он вернулся промёрзшим» (акт. причастие; ср. стр. 557). Вряд ли ещё можно говорить о причастиях в таких

---

[1] В Словаре русского языка (1958) форма *насу́пленный* соотнесена только с глаголом *насу́пить* (а не с *насу́питься*).

[2] В СРЯ форма *нахму́ренный* соотнесена только с *нахму́рить*.

[3] В СРЯ форма *оби́женный* соотнесена только с *оби́деть*.

случаях, как *убеждённый* (ср. *убеди́ться*), *настро́енный* (ср. *настро́иться*), *разочаро́ванный* (ср. *разочарова́ться*), раз от этих слов свободно образуются отвлечённые существительные типа *убеждённость*, *настро́енность*, *разочаро́ванность*. Значение participium staticum здесь утрачивается и появляется новое качественное значение, характерное для имён прилагательных.

Страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида на *-вшийся*, *-шийся*

Мы знаем, что в русском языке стр/прич. прош/вр несовершенного вида на *-нный*, *-тый* образуются только от бесприставочных глаголов типа *чита́ть* — *чи́танный* (см. стр. 567). Эти формы не образуются от приставочных глаголов несовершенного вида (тип *воспринима́ть*), а также от бесприставочных глаголов нс/в, соотнесённых с бесприставочными же глаголами с/в (тип *броса́ть*/*бро́сить*). Причастные формы типа «восприниманный» или «бросанный» или «решанный» в русском языке отсутствуют. Ср., однако, слвц. *oslobodzovaný*, *ponímaný*, *hádzaný* от глаголов нс/в (ср. стр. 566).

Значение причастий прош/вр от глаголов нс/в определяется их местом в общей видо-временно́й системе причастных форм. Они обозначают побочное действие, отнесённое к плану объективного прошлого, в котором эксплицитно выражена разобщённость с моментом действия (ср. стр. 542).

Пробел в морфологической системе русского литературного языка восполняется причастными формами с возвратным аффиксом на *-вшийся* или *-шийся*. Форма типа *стро́ившийся*, в предложении *Это дом, стро́ившийся в тече́ние не́скольких лет*, парадигматически образована от переходного глагола *стро́ить* и имеет значение причастия страдательного залога, слвц. *stavaný* (ktorý sa *staval* нс/в). Такие формы в современном языке образуются свободно, но в грамматиках они почему-то не приводятся. Примеры:

Эти слова́, *воспринима́вшиеся* как архаи́змы, избега́лись (Л. А. Булаховский).

Росси́я, *осознава́вшаяся* в то вре́мя как еди́нственная опо́ра славя́н... (из учебника истории).

Статьи́, *публикова́вшиеся* на страни́цах на́шего журна́ла...

Теперь... ука́жем на оди́н о́бщий недоста́ток всех выска́зываний,

дéлавшихся, в связи́ с имперфе́ктом соверше́нных глаго́лов в дре́вних славя́нских языках (Ю. С. Маслов, Вопросы славянского языкознания I, 1959, 78).

О́ный Пётр Сели́щев, че́стный екатери́нинский секундмаиор и друг Ради́щева, *подозрева́вшийся* в соа́вторстве с ним... (Л. Леонов, Русский лес).

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что формы типа *стрбившийся, сознава́вшийся, дéлавшийся* и т. п. являются полноценными парадигматическими формами страдательного причастия прош/вр от глаголов несовершенного вида (ср. стр. 359) и должны быть учтены при разборе данной категории в русском языке.

ИНФИНИТИВ

Инфинитив является наиболее обобщённой, наиболее отвлечённой глагольной формой с минимальной грамматической нагрузкой. О. С. Ахманова подчёркивает, что инфинитив глагола, хотя он и входит в состав глагольной парадигмы на равных правах со всеми другими формами, всегда выступает как наиболее «лексически свободная» форма, как наиболее «чистый» представитель лексического значения.[1] Надо, однако, помнить, что инфинитив соединяет в себе две основных функции: в словарном составе он выступает в качестве словарного «представителя» всей глагольной лексемы (подобно форме именительного падежа у существительных) и именно в этой своей функции он является обобщённым «представителем» лексического значения. Выступая в предложении в качестве носителя предикации, инфинитив (подобно именительному падежу существительных, выступающему в качестве подлежащего) утрачивает свою грамматическую обобщённость. По определению И. Польдауфа инфинитив выражает «действие, представленное безлично в виде абстракции».[2]

Инфинитив, как глагольная форма, лишён грамматических признаков сказуемостных форм: в нём не выражены ни грамматическое лицо, ни наклонение, ни время. Сам инфинитив не является особым «наклонением». Но именно ввиду этих своих

[1] О. С. Ахманова: Очерки по общей и русской лексикологии, М. 1957, 108.

[2] I. Poldauf: Děj v infinitivu, Slovo a slovesnost 20 (1959) 3, 201.

отрицательных грамматических свойств инфинитив может выступать в русском языке в качестве сказуемого, выражая при этом целый ряд модальных отношений, ср. повелительную модальность *(Молча́ть!, Не разгова́ривать!)*, делиберативную модальность *(Что мне де́лать!)*, и целую шкалу модальных значений (напр. *Быть бу́ре*). Весь этот комплекс вопросов относится, однако, к синтаксису и не может быть подробно рассмотрен в морфологическом плане.

Подавляющее большинство русских глаголов имеет в инфинитиве окончание **-ть**. Лишь в немногочисленных случаях появляются другие окончания: *-ти*, *-сти́*/*-сть* и *-чь*.

Окончание **-ти** имеется у глаголов X класса типа *нести́*, *трясти́*, где чётко выделяется основа *нес-*, *тряс-* (ср. *нес-у́т*, *тряс-у́т*). В глаголах типа *вести́ (вед-у́т)*, *грести́ (греб-у́т)*, *мести́ (мет-у́т)* выделяется окончание *-сти́* или *-сть* (ср. *красть — крад-у́т*), особенно на фоне форм прошедшего времени типа *вёл*, *грёб*, *мёл*, *крал*. Предполагать наличие альтернаций типа *д*/*с*, *б*/*с*, *т*/*с* не представляется обоснованным.

Некоторые глаголы, имеющие в литературном языке окончания *-сти́*, образуют в просторечии приставочные глаголы на *-сть*, ср. *принести́*/*принести́сь*, *увести́*/*увести́сь*. Формы типа *принести́сь* довольно часто встречаются у Пушкина.

Окончание **-чь** имеют немногочисленные глаголы X класса типа *помо́чь (помо́г-ут)*, *печь (пек-у́т)*. В чешском языке эти глаголы имеют инфинитивное окончание *-ci (pomoci, pе́ci)*. В словацком языке типичное окончание *-ť* было по аналогии перенесено и на эти глаголы: *pomôcť*, *piecť*. Строго говоря, об «окончании» *-чь* говорить не приходится, т. к. элемент *-чь* в инфинитиве не присоединяется к глагольной основе; инфинитивная форма типа *печь* скорее является вариантом («аллоформом») той морфемы, которая представлена в формах типа *пек-у́, печ-ёт, пёк, пек-ла́*.

Инфинитивная форма *идти́* является уступкой аналогии. Основа инфинитива не содержит элемента *-д-* (ср. *при-йти́*, *на-йти́* и т. п., др.-русск. инфинитив *ити*, чеш. *jíť*). В словацком языке форма *ísť* объясняется как результат аналогического воздействия со стороны форм типа *vie-sť*.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму тому 5

ГЛАГОЛ
КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Глагол как часть речи 7
Глагольные формы и отглагольные образования 11
Личные и неличные формы глагола 19

ПАРАДИГМАТИКА ГЛАГОЛА

Историческое обзор классификаций славянского глагола 21
Две основы русского глагола и состав глагольных форм 27
Чередование согласных внутри основы настоящего времени . . . 33
Типы ударения в пределах основы настоящего времени 36
Типы ударения в пределах основы прошедшего времени 37
Продуктивные и непродуктивные классы глаголов 40

Продуктивные классы

Глаголы I класса 45
Ударение 48
Отклонения от парадигмы 49
Глаголы II класса 50
Ударение 51
Глаголы III класса 52
Ударение 55
Вид 55
Глаголы IV класса 56
Ударение 57
Вид 58
Глаголы V класса 59
Ударение 60
Чередование согласных в основе 63

Непродуктивные классы

Глаголы VI класса (Тип *писáть — пишý — пúшет*) 67

Изолированные глаголы, примыкающие к VI классу 72
Глаголы VII класса (Тип *держа́ть — держу́ — де́ржит*) 77
Ударение 78
Глаголы VIII класса (Тип *горе́ть — горю́ — гори́т*) 79
Глаголы IX класса (Тип *мёрзнуть — мёрз — мёрзла*) 80
Глаголы X класса (Типы *нести́* и *печь*) 86

Непродуктивные группы глаголов

Глаголы на *-ава́ть -аю́ -аёт* (Тип *дава́ть*) 97
Глаголы на *-(н)я́ть*, соотнесённые с глаголами на *-нима́ть* (Тип *приня́ть/принима́ть*) 99
Группа глаголов типа *жать, нача́ть* 106
Глаголы с «полногласной» группой *-ере-* в инфинитиве (Тип *тере́ть*) . 107
Глаголы с «полногласной» группой *-оро-* и *-оло-* в инфинитиве (Тип *коло́ть*) 110
Группа глаголов типа *бить — бью* 111
Группа глаголов типа *крыть — кро́ю* 113

Изолированные глаголы

Глаголы с инфиксом *-в-* в основе настоящего времени 113
Односложные глаголы с *-j-* в основе настоящего времени 115
Глаголы с инфиксом *-н-* в основе настоящего времени 117
Глаголы с инфиксом *-д-* в основе настоящего времени 118
Отдельные «неправильные» глаголы 120

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Предикативные и собственно глагольные категории 127

СОБСТВЕННО ГЛАГОЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

Глагольный вид

Грамматическая сущность глагольного вида 130
Являются ли члены видовой корреляции грамматическими формами одного глагола, или же двумя самостоятельными глаголами? . . . 137
Вид бесприставочных (простых) глаголов 141
Двувидовые глаголы 143
Секундарная дифференциация видовых значений двувидовых глаголов 146
Глагольные приставки 148
Ложные приставки 151
Вид приставочных глаголов 152
Существуют ли чистовидовые («пустые») приставки? 155
Критика традиционных приёмов установления «видовых пар» 159
Экскурс о некоторых новейших работах по вопросу о приставках 163
Перфективация простых глаголов несовершенного вида 167

Одновидовость простых глаголов несовершенного вида 172
Имперфективация 176
Имперфективация посредством суффикса *-ыв-/-ив-* 181
Имперфективация посредством суффикса *-в-* 192
Имперфективация посредством суффикса *-ев-* 194
Бессуффиксная имперфективация 196
Противоречия между семантической и морфологической стороной имперфективации 201
Супплетивные видовые пары 202

Совершаемость глагольного действия
(Способ глагольного действия)

Постановка вопроса 209
Квалификаторы и модификаторы глагольного значения 222
Разряды совершаемостей
Начинательная совершаемость 224
Эволютивная совершаемость 233
Ограничительная совершаемость 234
Смягчительная совершаемость 238
Результативная совершаемость 242
Однократная совершаемость
Однократные глаголы на *-нуть* 251
Однократные глаголы на *-ануть/-януть* 265
Однократные глаголы с приставкой *с-/со-* 266
Однократные глаголы перемещения с приставкой *с-/со-* 270
Многократная совершаемость 273
Прерывисто-смягчительная совершаемость 279
Осложнённо-интенсивная совершаемость 283
Сопроводительная (комитативная) совершаемость 284
Взаимная совершаемость 285
Распределительная (дистрибутивная) совершаемость 286
Итоговые замечания о совершаемостях 294
Вопрос о связи видов с общим лексическим значением глаголов «Характер глагольного действия» 301
К вопросу об одновидовых глаголах 304
Является ли многофазисность (внутренняя расчленимость) особым «характером действия»? 306
Приставочные образования от однократных и соответствующих многофазисных глаголов 307

Глаголы перемещения

«Характер действия» глаголов перемещения 309
Состав глаголов перемещения в наших языках 312
Совершаемостные значения однонаправленных глаголов с приставкой *по-* (Тип *пойти́*) 319

Образование совершаемостей от ненаправленных глаголов перемещения 322
Особые случаи употребления ненаправленных глаголов (Тип *Я ходи́л в го́род*) 324
Словообразовательные и видообразовательные приёмы глаголов перемещения
А. Исходным глаголом видовой пары является однонаправленный глагол серии *нести́* 325
Б. Исходным глаголом видовой пары является ненаправленный глагол серии *носи́ть* (Тип *относи́ть//обна́шивать*) 333
Изолированные случаи видообразования в системе глаголов перемещения 336
Утрата корреляции характера действия парными глаголами типа *прийти́//приходи́ть* 337
Омонимичность совершаемостных и видовых образований в кругу глаголов перемещения 339

Залоги глагола и смежные вопросы

Предварительные замечания 345
Отношение «глагол — объект» (V — O) (Понятие переходности) . . 349
Отношение «субъект — глагол» (S — V) (Собственно залоговые отношения) 354
Формы страдательного залога
Пассивные образования несовершенного вида 358
Пассивные образования совершенного вида 362
Грамматическое значение формы пассивного презенса совершенного вида (Тип *Дом постро́ен*) 364
Пассивные формы прошедшего и будущего времени (Тип *был постро́ен, бу́дет постро́ен*) 367
Сопоставление словацкого (чешского) пассива с русским 370
Возвратный глагол или возвратная форма? 374
Возвратные формы глагола 376
Образование возвратных форм 378
О категории возвратности 380
Значения возвратных глаголов 381
1. «Собственно-возвратное» значение (Тип *Ма́льчик мо́ется*) . . . 382
2. «Взаимно-возвратное» значение (Тип *Они́ обнима́ются*) 384
3. Так называемое «общевозвратное» значение (Тип *Он ра́дуется*). 386
4. Так называемое «косвенно-возвратное» значение (Тип *Он запаса́ется дрова́ми*) 387
5. Так называемое «активно-безобъектное» значение (Тип *Соба́ка куса́ется*) 388
6. Так называемое «пассивно-качественное» значение (Тип *Посу́да бьётся*) 389
7. Так называемое «возвратно-пассивное» значение (Тип *Мне вспо́мнилась э́та ночь*) 389

8. «Предоставительное» значение (Тип *Я бре́юсь у парикма́хера*) 390
9. Значение «непроизвольного» действия (Тип *Он уда́рился коле́ном об стол*) 391
Возвратные глаголы, «образованные от непереходных глаголов» (Тип *стуча́ться*) 392
Тип *боле́ться* 395
Выражение возвратности посредством возвратно-личных местоимений
1. Конструкции с формой *себя́* 396
2. Конструкции с формой *себе́* 398
3. Конструкции с формой *собо́й/собо́ю* 400
Глаголы *лечь//ложи́ться, сесть//сади́ться, стать//станови́ться* 400
Глаголы reflexiva tantum 402
Выводы 404

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

Грамматическое лицо

Семантика категории грамматического лица 407
Формальное выражение грамматического лица 409
Формы вежливости 414
Обобщённо-личное и неопределённо-личное употребление личных глагольных форм 415
Стилистическая транспозиция личных форм 416
Грамматическое число и грамматический род 417

Грамматическое время

Физическое время и его преломление в грамматике 419
Формы прошедшего времени
Образование и значение претеритальных форм 423
Значение форм прошедшего времени несовершенного вида (Тип *Он броса́л*) 426
Значение узуальности в прошлом 428
Значение форм прошедшего времени от глаголов многократной совершаемости (Тип *Он ха́живал*) 430
Значение форм прошедшего времени совершенного вида (Тип *Он бро́сил*) 433
Перфектное значение форм прошедшего времени совершенного вида (Тип *Он бро́сил кури́ть*) 435
«Конкуренция видов» в прошедшем времени 438
Формы «непрошедших» времен
Образование и значение аналитических форм (Тип *Он бу́дет броса́ть*) . 441
Грамматическое значение форм презенса 445
Употребление форм перфективного презенса (Тип *Он бро́сит*) 448
1. Перфективный презенс в значении «настоящего узуального» . . 451
2. Перфективный презенс в значении «настоящего потенциального» . 455
3. Перфективный презенс в значении «настоящего драматического» 458

Употребление форм имперфективного презенса (Тип *Он броса́ет*). . . 460
Видо-временны́е формы в сочетании со словами *быва́ло* и *быва́ет* . . 464
Система русских видо-временны́х форм 466

Наклонение

Наклонение и модальность 470
Система глагольных наклонений 471
Индикатив 474
Императив 476
Образование основных форм императива 478
Агглютинативный характер императивных форм 482
Образование формы императива 2 лица множественного числа . 484
Императив совместного действия (Образование и значение так называемых форм «императива 1 лица множественного числа») 484
Употребление при формах императива личных местоимений . . 489
Побудительная форма (hortatív) 490
Употребление видов в императиве 492
Транспозиция императива 495
Драматический императив 498
Транспозиция аналитических императивных форм типа *дава́й бежа́ть* 503
Употребление императива в уступительных и условных предложениях 504
Переход императивных форм в другие части речи 505
Предикативные слова, стоящие вне глагольных категорий
Сказуемостные междометия (Звуковые жесты) 507
Сослагательное наклонение 512
Выражение модальности отвергнутого действия посредством частицы *было* 516

НЕЛИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Деепричастие

Семантическая и морфологическая характеристика деепричастий . . 518
Деепричастия несовершенного вида на *-я (-а)* и *-учи -ючи* . . . 520
Деепричастия несовершенного вида на *-в, -вши* 527
Деепричастия совершенного вида на *-в, -вши, -ши* 529
Деепричастия совершенного вида на *-я (-а)* 533
Частичные значения деепричастий совершенного вида 534
Переход деепричастий в другие части речи 539

Причастия

Грамматическая характеристика и состав причастий в русском языке 540

Причастия настоящего времени
Действительные причастия настоящего времени на *-ущий/-ющий* и *-ащий/-ящий* 542
Страдательные причастия настоящего времени на *-мый* и на *-ущийся/-ащийся*. 547
Причастия прошедшего времени
Действительные причастия прошедшего времени на *-вший*, *-ший* . 553
Страдательные причастия прошедшего времени на *-нный*, *-енный/-ённый* и *-тый* 560
Страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида на *-вшийся*, *-шийся* 568
Инфинитив 569

Таблица 1

СОВЕРШАЕМОСТИ

А. Исходным глаголом является многофазисный глагол с переходным и непереходным значением: *колоть* „picher"

			начинат.	огранич.	результат.	пердурат.	сатуратив.	финитив.	тотально-объектная	достигат.	кумулят.	эволютив.	однократн.	многократн.	прерывисто-смягчительн.	сопроводит.	взаимная	дистрибут.
Вид	несов.	*колóть*												*(кáлывать)*	*покáлывать*			
	сов.		*закóлоть*[1]	*покóлоть*[2]	*уколóть*				*исколóть*	*(докóлоться)*			*кольнýть*					*перекóлоть*

Б. Исходным глаголом является многофазисный глагол в непереходном значении: *кричáть* (*говорúть*).

Вид	несов.	*кричáть*												*(говóривать)*	*покрúкивать*	*приговáривать*	*переговáриваться*	
	сов.		*закричáть*	*покричáть*		*прокричáть (всю ночь)*	*накричáться*			*докричáться (до грипотú)*	*наговорúть*	*раскричáться*	*крúкнуть*					

В. Исходным глаголом является немногофазисный глагол с переходным и непереходным значением: *читáть*.

Вид	несов.	*читáть*												*чúтывать*	*почúтывать*			
	сов.		*(вычитáть)*	*почитáть*	*прочитáть (книгу)*	*прочитáть (всю ночь)*	*начитáться (всласть)*			*дочитáться (до слепотú)*	*начитáться (всяких книг)*	*(расчитáться)*						*перечитáть (все книги)*

Г. Исходным глаголом является немногофазисный непереходный глагол: *сидéть* или *обéдать*.

Вид	несов.	*сидéть*												*сúживать*	*посúживать*			
	сов.			*посидéть*			*насидéться*	*отобéдать*		*досидéться*		*рассидéться*						

Д. Исходным глаголом является приставочный глагол: *открúть*.

Вид	несов.			*смягчит.*														
	сов.	*открúть*		*приоткрúть*														*пооткрывáть*

Е. Исходным глаголом является ненаправленный глагол перемещения: *ходúть* (в разных значениях).

Вид	несов.	*ходúть*												*хáживать*	*похáживать*			
	сов.		*заходúть*[3]	*походúть*		*проходúть (всю ночь)*	*находúться (вдоволь)*	*отходúть (своё)*	*исходúть (все местá)*	*доходúться*		*расходúться*	*сходúть (на пóчту)*					

[1] В значении «начать колоть». [2] Напр. «покóлото и перестáло». [3] Напр. «Больной встал и заходúл».

UNIV. PROF. DR. ALEXANDER ISAČENKO

GRAMATICKÁ STAVBA RUŠTINY V POROVNANÍ SO SLOVENČINOU
MORFOLÓGIA II

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ С СЛОВАЦКИМ. МОРФОЛОГИЯ II

Graficky upravila dr. Zuzana Višnyiová
Korektor Eugen Vitkevič

Prvé vydanie. Vydalo Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied
v Bratislave 1960 ako svoju 609. publikáciu.
Strán 580. — DT 482-5.

Vytlačil Tisk, knižní výroba, n. p., závod Brno, provozovna 11.
AH 36,08, VH 36,58. Náklad 3150 výtlačkov.
K-06*01171.

63/VI-3
Cena viaz. Kčs 52,50
301-12